НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Крымское отделение

А. И. Айбабин

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО КРЫМА

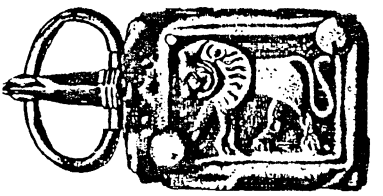
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Крымское отделение

А.И.Айбабин

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО КРЫМА

Alexander Aibabin

ETHNISCHE GESCHICHTE DER FRÜHBYZANTINISCHEN KRIM



Симферополь
«ДАР»
1999

ББК 63.3 (2Ук-4Крм)
А25

Выпущено по заказу Крымского отделения Института востоковедения им. А.Е.Крымского Национальной академии наук Украины.

Рекомендовано к изданию ученым советом Крымского отделения
Института востоковедения им. А.Е.Крымского НАН Украины

Рецензенты:

А.В.Гадло, д.и.н., проф., заведующий кафедрой этнографии и антропологии
Санкт-Петербургского государственного университета

И.П.Засецкая, д.и.н., ведущий научный сотрудник
Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа

С.А.Плетнева, д.и.н., проф., главный научный сотрудник
Института археологии РАН

А 25 **Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма.** –
Симферополь: ДАР, 1999. — 352 с.
В монографии освещается новая концепция истории Крыма III-IX вв., основанная на комплексном исследовании письменных и археологических источников. Предназначена для историков, археологов, студентов ВУЗов, краеведов и всех, интересующихся историей Византии, Хазарского каганата и Таврики.

Alexander Aibabin. Ethnische Geschichte der frühbyzantinischen Krim.
Simferopol, 1999. — 352 S.

ISBN 5-7707-3165-6

© А.И.Айбабин, 1999

© Крымское отделение
Института востоковедения
НАН Украины, 1999.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 4
Введение 6
Глава I. Население Крыма в позднеримский период 13
Глава II. Крым в эпоху Великого переселения народов 55
Глава III. От Юстина I до хазарской экспансии 91
Глава IV. Под властью Хазарского Каганата 171
Заключение 225
Резюме (перевод на немецкий язык Д.А.Шалыги) 231
Приложение. Хронология инвентаря
могильников Крыма 240-900 гг. 249
Таблицы 285
Библиография 321
Список сокращений 350

INHALT

Vorwort 4
Einleitung 6
1. Kapitel: Die krimische Bevölkerung in der spätrömischen Zeit 13
2. Kapitel: Die Krim in der Völkerwanderungszeit 55
3. Kapitel: Von Justinus I. bis zur chasarischen Invasion 91
4. Kapitel: Unter dem Chasarischen Kaganat 171
Schlussbemerkungen 225
Zusammenfassung 231
Anhang: Chronologie des Grabsinventars der krimischen Gräberfelder
zwischen 240 und 900 249
Tafeln 285
Literaturverzeichnis 321
Abkürzungen 350

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данной работе предпринята попытка осветить проблемы этнической истории Крыма с середины III по конец IX вв. Около 250-х годов Крым оказался в орбите миграционных процессов, инициированных германцами. С этого времени начинают происходить большие изменения в этническом составе его населения. В последней трети IX в., после изгнания из Крыма хазар, наступил новый этап в истории полуострова.

Византия оказывала большое воздействие на этнические процессы в Крыму, который играл ключевую роль в распространении ее влияния в Северном Причерноморье. Здесь сталкивались интересы империи и союзов племен, созданных в разные периоды в регионе готами, гуннами, аварами, древними булгарами и славянами. Через Крым Византия поддерживала связи с тюркскими каганатами, хазарским государством и Киевской Русью.

С позднего средневековья путешественники (Гийом Рубрук, Иософат Барбаро) и дипломаты (Мартин Броневский, Бусбек) чрезвычайно активно интересовались сложившейся в Крыму в средневековье этнической ситуацией. В трудах по истории Крыма XIX - первой трети XX вв. дан всесторонний анализ многочисленных свидетельств письменных источников о проникновении на полуостров в рассматриваемый период алан, готов, гуннов, булгар, хазар и других племен и народов. В исторической литературе того времени утвердилось мнение о готском этносе населения Юго-Западного Крыма. М.И.Ростовцев писал о доминировании сармат и алан на Боспоре и готов на Южном Берегу.

В публикациях 1930-х - начала 1990-х гг. высказывались весьма противоречивые мнения об этнических процессах на полуострове в позднеримский период и раннее средневековье. В советских работах во второй трети XX в. господствовало мнение об автохтонности населения раннесредневекового Крыма, основанное на приспособленной к археологическим реалиям теории Н.Я.Марра о стадиальности развития языков. В.И.Равдоникас утверждал, что готская народность сформировалась в результате последовательной смены киммерийской, тавро-скифской и сармато-аланской стадий. Несмотря на отказ в 1952 г. от теории Н.Я.Марра, многие исследователи активно отстаивали ведущую роль тавро-скифов в Юго-Западном Крыму после III в. Эта концепция изложена и в обобщающих монографиях А.Л.Якобсона о средневековом Крыме, и в "Археологии УССР". В последние годы проблемы этногенеза в средневековом Крыму бурно обсуждаются не только в научной литературе, но и в научно-популярной и даже в периодической печати.

В настоящее время назрела потребность обобщить результаты многолетних научных исследований и объективно выяснить истоки формирования сложной по своему генезису этнической общности, которая с рубежа IX-X вв. населяла Крым.

Об истории населения полуострова, о направлении и характере политических, культурных и экономических связей, религии, письменности, развитии ремесел и сельского хозяйства судят обычно по сообщениям позднеримских, византийских и арабских авторов, агиографическим и эпиграфическим памятникам, хазарским документам. Однако, содержащаяся в них информация отрывочна и не всегда достоверна. С первой четверти XIX в. в Крыму открыты и в различной степени исследованы свыше ста городов, укрепленных городищ, поселений, более шестидесяти некрополей интересующего нас периода и около двух десятков одновременных одиночных погребений в более ранних степных курганах. Во время раскопок найдены новые эпиграфические памятники, печати, монеты, стеклянные сосуды, амфорная тара, краснолаковая и лепная посуда, орудия труда, вооружение, детали одежды, украшения, амулеты, кресты и другие предметы. Для объективного познания происходивших в Крыму в рассматриваемый период этноформационных изменений необходим комплексный анализ письменных и археологических источников.

Данная монография написана в Крыму в Отделении института востоковедения Национальной Академии Наук Украины и в Париже в Центре по изучению истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс в 1994-1997 гг. по инициативе руководителей последнего. Пользуюсь случаем хочу выразить свою огромную признательность за поддежку и консультации руководителям и сотрудникам этого Центра члену французской Академии Жильберу Дагрону, профессорам Жан-Пьеру Содини, Сесиль Моррисон, Мари-Франс Озепи, Жан-Клоду Шене, Дени Фисселю и доктору Михаилу Казанскому. Я особенно благодарен новому директору Центра Константину Цукерману, с которым в процессе работы над книгой обсуждался текст каждой главы, за критические замечания и помощь в работе над текстами римских и византийских авторов, а также эпиграфических памятников. Я глубоко признателен прочитавшим данную рукопись профессорам С.А.Плетнёвой, А.В.Гадло и д.и.н. И.П.Засецкой, своим коллегам из института и с кафедры истории древнего мира и средних веков Симферопольского государственного университета А.Г.Герцену, В.А.Сидоренко и И.Н.Храпунову. Они помогли выявить и исправить в тексте многие ошибки. Также благодарю научного сотрудника института Д.А.Прохорова, который нарисовал для книги свыше сотни рисунков.

В заключении хочу отметить, что я хорошо осознаю обусловленную отрывочностью письменных и археологических источников дискуссионность некоторых сделанных в книге выводов.

ВВЕДЕНИЕ

I

Крымский полуостров (площадь 26000 кв. км.) расположен на северном берегу Черного моря (Понта). Северо-восточное побережье Крыма омывает Азовское море (Меотида). Его Северо-Западная часть переходит в Тарханкутский полуостров, а Восточная — в Керченский, отделенный одноименным проливом от Таманского. Расстояние от Перекопа на севере до мыса Сарыч на юге равно 195 км, а от мыса Тарханкут на западе до Керченского пролива — 325 км. Хорошо прогреваемые солнцем неглубокие Азовское море, Каркинитский (рис. 1,h) и Евпаторийский заливы с античной эпохи до 1950-х годов славились обилием промысловой рыбы: сельди, тюльки, хамсы (древние греки и византийцы называли ее анчоусом), бычка, ставриды, кефали, султанки, белуги, севрюги, осетра. У южного и юго-восточного побережья также ловятся камбала и малая колючая акула (катран). В прибрежных водах весьма многочисленны дельфины-бело-бочки. С древнейшего времени жители Крыма ловили черноморских крабов, устриц и мидий[1]. Клешни крабов в раннее средневековье использовали в качестве украшений.

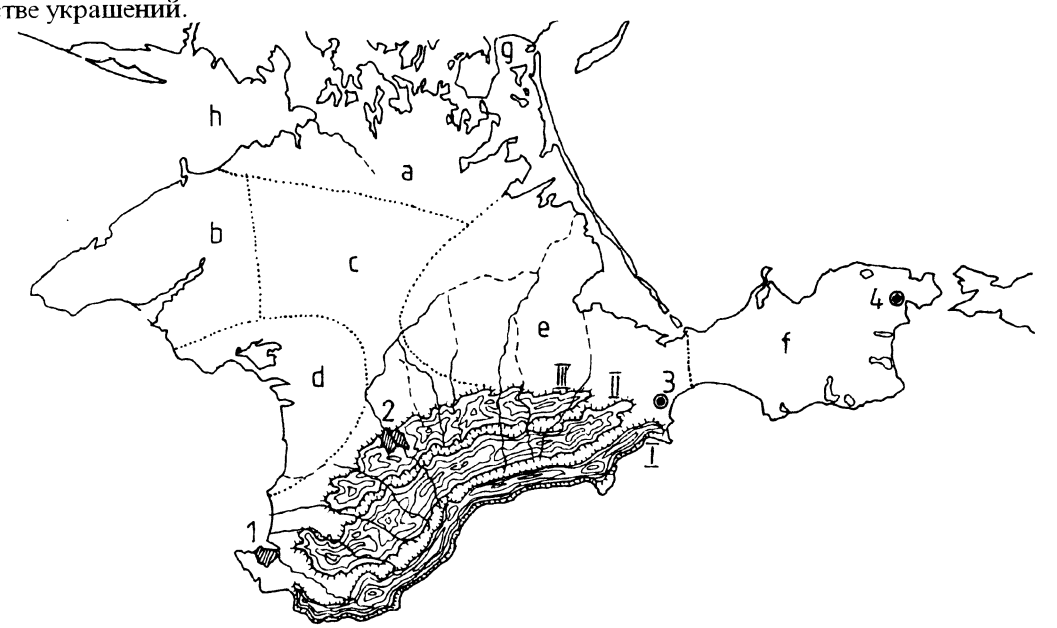


Рис. 1. Схема основных географических районов Крыма.
1 - Севастополь, *2* - Симферополь, *3* - Феодосия, *4* - Керчь; I - Первая (Главная) горная гряда, II - Вторая (Предгорная) гряда, III - Третья (Внешняя) гряда; a - Присивашская низменность, b - Тарханкутско-Евпаторийская холмистая возвышенность, c - Центрально-Крымская возвышенная равнина, d - Альминская равнина, e - Индольская низменность, f - Керченский полуостров, g - Сиваш, h - Каркинитский залив (по Львова, 1982, с. 6).

---

[1] Клюкин, Корженевский, Щепинский, 1990, с. 44-47.

Крым по рельефу делится на равнинный и горный регионы (рис. 1). Первый является частью северопричерноморской степи, с которой соединяется Перекопским перешейком. В равнинной части полуострова выделяется шесть геоботанических возвышенных, низменных и холмистых районов.

На Керченском полуострове (рис. 1,f) юго-западная равнинная часть и холмистая северо-восточная покрыты степной луговой и ковыльной растительностью. В окрестностях Керчи под слоями суглинка и серых глин и песков залегает железорудный пласт. Его выходы видны на береговых обрывах пролива[2]. На окраине города с античного времени добывался строительный известняк. В процессе добычи здесь были вырублены многокилометровые подземные галереи каменоломен.

На западе Керченский полуостров граничит с Индольской низменностью (рис. 1,e), поверхность которой на северо-востоке опускается к Азовскому морю. Для нее типичны солонцеватые луговые каштановые почвы, заросшие полынью и ковылями.

На севере от Перекопского перешейка до Арабатской стрелки простирается Присивашская низменность (рис. 1,a). На ее засоленных солончаковых и солонцовых почвах пустынная растительность (солянки, полынь, лебеда) не образует сплошного покрова. Ее северный чрезвычайно изрезанный берег омывает мелководная лагуна Азовского моря Сиваш (рис. 1,g) с мощным слоем ила на дне. В переводе с турецкого "сиваш" означает грязь, входящие в лагуну длинные полуострова разделены узкими заливами. Песчаные перемычки отделяют от Сиваша множество неглубоких озёр. Из-за высокой температуры воздуха засоленная вода в лагуне и озерах сильно прогревается и испаряется. Поэтому в их водах высокая концентрация солей — до 17‰[3]. В озерах с древнейших времен добывалась поваренная соль, развозившаяся по всему Северному Причерноморью.

На юге Присивашская низменность граничит с Центрально-Крымской возвышенной равниной (рис. 1,c). Здесь в конце XIX в. В.В.Докучаев открыл крымский чернозем. На юго-западе описанная выше равнина переходит в Альминскую (рис. 1,d) с темнокаштановыми и малогумусированными черноземными почвами. В травостое обеих равнин преобладают многолетние злаки — ковыль и типчак.

В западной части Крыма расположена Тарханкутско-Евпаторийская холмистая равнина (рис. 1,b). В основном она покрыта выходами пористых известняков. Лишь отдельные участки слегка прикрыты каменисто-щебнистым почвенным слоем. В изреженном травостое преобладают ковылок, типчак и различные кустарнички. Г.М.Левковская изучала палеогеографию античного городища Чайка близ Евпатории. По мнению ее и других, там в первые века н.э. росли хвойные и лиственные рощи[4].

В равнинном Крыму реки немногочисленны. Реки Кача (длина 69 км), Альма (длина 84 км) и Западный Булганак (длина 52 км) начинаются на северо-западных склонах гор, протекают по Альминской равнине (рис. 1,d) и впадают в Черное море. Самая протяженная река Салгир (длина 238 км) пересекает предгорья, Центрально-Крымскую равнину, Индольскую и Присивашскую низменности. Несколько мелких речек текут по Индольской низменности[5]. Летом они почти полностью пересыхают. Степные малогумуссированные черноземные и темно-каштановые почвы пригодны

---

[2] Рубцов, 1978, с. 87. Лебединский, 1974, с. 174, 175.

[3] Лебединский, 1974, с. 43-48.

[4] Львова, 1982, с. 6-13. Рубцов, 1978, с. 78. Дзенс-Литовская, 1950, Н125/7, с. 134, 139, 164-173. Левковская, 1970, с. 102-108.

[5] Львова, 1982, с. 12-13.

для земледелия. Его развитию в степи препятствовал жаркий сухой климат. С I тысячелетия до н.э. в крымской степи сезонно выпасали свой скот сменявшие друг друга племена кочевников. Они пригоняли стада ранней весной с появлением сочной молодой травы. Летом, когда трава под лучами солнца выгорала, кочевники отгоняли скот в полноводные речные поймы в степи Северного Причерноморья и Приазовья.

Крымские горы протянулись на 160 км вдоль Южного и Юго-Восточного берега от Гераклейского полуострова в окрестностях Севастополя до села Коктебель близ Феодосии (античная Феодосия). Они состоят из трех гряд: Первой (Главной) (рис. 1,I), Второй (Предгорной) (рис. 1,II) и Третьей (Внешней) (рис. 1,III). В Севастополе берег изрезан большими и глубокими бухтами, являвшимися удобными гаванями. Равнинный Гераклейский полуостров, отделенный от степи горами Третьей гряды, использовался в качестве аграрной хоры античного Херсонеса и византийского Херсона. Третья, самая низкая гряда (высота до 250 м над уровнем моря) протянулась от мыса Фиолент до Симферополя. На севере она граничит с Альминской и Центрально-Крымской равнинами. Вторая гряда выше (до 600-700 м над уровнем моря). Первая, самая высокая гряда (1200-1545 м над уровнем моря) примыкает к узкому Южному берегу. Местность между Третьей и Первой грядами пересечена плодородными черноземными долинами с речками Черная, Бельбек, Кача, Альма, Салгир, их притоками и множеством источников. Севернее Севастополя две первые реки создали в месте впадения в Черное море обширные плодородные поймы.

Горы Второй и Третьей гряд несимметричны. Они сложены из известняков. Южные склоны крутые, местами обрывистые, а северные — пологие. Склоны обеих гряд заняты лесостепным поясом. В его нижней части преобладают луговые степи с дерновидными злаками (в основном ковылями и типчаком). Выше растут низкорослые кустарниковые пушистый дуб, грабинник, кизил и боярышник. На высоте 300-350 м на склонах Второй гряды лесостепь сменяется дубовыми лесами из пушистого и скального дубов, ясеня, липы, рябины, граба, грабинника, кизила. В западной части встречаются вкрапления сосны и можжевельника[6]. В Третьей и Второй грядах имеются многочисленные полого наклоненные и ровные террасы с черноземной почвой. Они представляют собой удобные для земледелия возвышенные плато. По данным Л.В.Фирсова, размеры описанной территории равны 100х30 км, что составляет около 20% площади всего полуострова[7]. Выращивались мягкая пшеница, крупнозернистая рожь и ячмень[8]. Близ средневековых городищ, поселений и монастырей уцелели кусты одичавшего винограда. Остатки засохшего вина Е.В.Веймарн обнаружил на внутренней стороне стенок красноглиняных ойнохоевидных кувшинов VIII-IX вв. из Скалистого.

Первая гряда сложена мергелями, известняками, глинистыми сланцами и в меньшей степени — песчаниками и конгломератами. Наиболее высокая гора возвышается над Гурзуфом (Роман-Кош, 1545 м). У города Старый Крым гряда резко понижается и заканчивается. Отсюда в сторону моря расходятся цепочки коротких и низких останцевых гор и холмов Феодосийского мелкогорья. Высокие горные массивы Первой гряды круто опускаются в море. Сглаженные вершины представляют собой плоские плато. В Крыму их называют "яйлами". На северных склонах от отрогов Ай-Петри до города Старый Крым простираются буковые и грабовые леса. На высоте 400-600 м

---

[6] Рубцов, 1978, с. 58-69.

[7] Фирсов, 1979, с. 110.

[8] Якобсон, 1970, с. 149. Янушевич, 1976, с. 101.

деревья низкие, иногда корявые. На опушках растут и другие деревья и кустарники: яблоня, груша, черешня, клен, орех, боярышник, терн, ежевика, шиповник. На высоте 600-1000 м бук и граб высокие и стройные (18-20 м). В этих лесах встречаются и одиночные экземпляры ясеня, липы, клена Стевена, осины, реликтового хвойного тисса, кусты боярышника, кизила, шиповника. Выше 1000 м распространены низкорослые и корявые деревья. Яйлы заросли тучными сочными луговыми злаками. Издавна они использовались для отгонного скотоводства.

Южный берег вытянулся от мыса Сарыч до Судака. Это южный склон Первой гряды (ширина от 3 до 6 км) с узкой (ширина от 5 до 60 м) прибрежной песчано-галечниковой полосой. Внизу склон покрыт кустарниками и низкорослыми лесами из можжевельника и дуба. Выше простираются сосновые леса, а на отрогах яйл — буковые леса с включениями сосновых рощ[9]. Прибрежная часть склона пересечена поперечными к линии моря сланцевыми и известняковыми грядами и глубокими оврагами. Лишь небольшие участки местности годятся для земледелия. Пресноводные источники там малочисленны. Следует отметить, что современная поверхность Южного берега отличается от раннесредневековой. В результате землетрясений и продолжающихся и в наши дни оползневых процессов средневековую поверхность перекрыли мощные слои насыщенной щебнем земли, сместившиеся с верхних террас. Горные дороги и тропинки, проходящие через перевалы в Главной гряде, объединяют нагорье и южный берег в одну область — Горный Крым. Восточнее Алушты засушливый склон берега вплоть до Феодосии повсеместно изрезан грядами и оврагами.

Побережье от Судака до Феодосии географы называют Юго-Восточным берегом[10]. У Судака и еще в трех местах горные цепи разрезаны поперек короткими, но глубокими долинами маленьких речек и временных водотоков. В районе Судака береговая линия вдается в сушу широкой, сложной по конфигурации бухтой.

Берег от Алушты до Судака скудно покрыт степными злаками, неприхотливыми древовидным можжевельником, каменным дубом, кустами шиповника. Лишь на склонах бухты Новый Свет близ Судака сохранилась роща из реликтовой сосны.

Сочетание в Крыму степных и горных ландшафтов, органичная связь с евразийской степью на севере и морское окружение с трех сторон способствовали как притоку кочевого населения, так и воздействию со стороны цивилизаций и культур средиземноморского бассейна.

II

С рубежа I тысячелетия до н.э. горы, предгорья, побережье Тарханкутского полуострова и Восточный Крым заселяли племена, названные Геродотом таврами. В крымской степи с VII в. до н.э. кочевали господствовавшие в Северном Причерноморье ираноязычные скифы.

В сферу интересов древнегреческой цивилизации Крым попал в VII в. до н.э. В последние десятилетия VII - начале VI в. до н.э. на берегу Керченского пролива греческие колонисты основали эмпорий, вскоре разросшийся в город Пантикапей (Παντιχάπης - рыбный путь), в VI в. до н.э. на Восточном побережье — Феодосию, на Северо-Западном побережье — Керкинитиду (ее руины открыты в современной Евпатории), а в конце VI в. до н.э. в Юго-Западном Крыму на берегу одной из бухт — Херсонес. Греки довольно скоро колонизовали Керченский полуостров и территорию

[9] Рубцов, 1978, с. 27-28, 70-73.
[10] Клюкин, Корженевский, Щепинский, 1990, с. 3.

между Херсонесом и Керкинитидой, создав там множество маленьких городов и поселений. В 480 г. до н.э. греческие полисы на Керченском и Таманском полуостровах объединились в Боспорское государство со столицей в Пантикапее. Античные авторы называли Керченские полуостров и пролив тем же топонимом, что и само государство. Однако, в IV в. до н.э. Демосфен употребил данный топоним, рассказывая о порте города Пантикапея[11]. С I в. н.э. в сочинениях римских и византийских авторов (Плиния Секунда, Зосима, Стефана Византийского, Прокопия Кесарийского и других) город Пантикапей именовали Боспором.

В течение III в. до н.э. скифы переходят к оседлости и заселяют предгорья. Возникает скифское государство со столицей в Неаполе скифском (локализован на Петровских скалах в Симферополе). В процессе мирного освоения предгорий скифы во II в. до н.э. ассимилировали тавров. Более поздние бесспорно таврские памятники в горах не выявлены[12].

В I в. н.э. южная граница Боспорского царства проходила где-то за Феодосией. Возвышенности Третьей гряды от окрестностей Феодосии до плодородных низовий рек Черная, Бельбек, Кача и Альма занимало позднескифского государство. Тогда как Херсонесу принадлежал Гераклейский полуостров. На рубеже н.э. ираноязычные сарматы впервые появились в Крыму[13]. Со II в. н.э. сарматы стали играть видную роль на Боспоре[14]. В Юго-Западном Крыму они жили со скифами на одних городищах и хоронили на одних некрополях[15].

Между 63 и 66 гг. н.э. по просьбе херсонесцев римская администрация Нижней Мезии направила в Причерноморье войска под командованием Плавтия Сильвана. На Южном берегу римляне построили крепость Харакс (рис. 2,*22*), разместив в ней гарнизон[16]. Тогда же в политическую зависимость от империи попадает и Боспорское царство[17]. Со II в. н.э. расквартированный в Херсонесе римский гарнизон усилил контроль на побережье и в соседней части горного Крыма. Небольшие римские гарнизоны появились на берегу Балаклавской бухты и на скифском городище Альма-Кермен в Заветном (рис. 2,*б*) на левом берегу реки Альма[18]. Черепицы с клеймом входившего в Херсонесский гарнизон XI Клавдиева легиона найдены в римской крепости Харакс[19] на мысе Ай-Тодор (окрестности Ялты) и в верхнем слое городища Альма-Кермен[20].

В первой половине III в. н.э. территория полуострова была разделена между подвластными Риму Боспорским царством и Херсонесской республикой и независимым позднескифским царством. Южная граница Боспора проходила где-то за Феодосией. Плодородные земли в низовьях рек Черная, Бельбек, Кача и Альма, возвышенности Третьей гряды занимало позднескифское государство. Херсонесу принадлежал Гераклейский полуостров.

---

[11] Латышев, 1993, Т.2.1. Демосфен, с. 150.
[12] Колотухин, 1996, с. 86, 88.
[13] Симоненко, 1993, с. 116.
[14] Ростовцев, 1918, с. 138. Шелов, 1972, с. 250-255.
[15] Высотская, 1972, с. 184.
[16] Ростовцев, 1916, с. 11-13. Ростовцев, 1920, с. 149.
[17] Цветаева, 1979, с. 16.
[18] Высотская, 1972, с. 54-58. Зубарь, Савеля, Сарновский, 1997, с. 36-38.
[19] Ростовцев, 1911, с. 40.
[20] Высотская, 1972, с. 55, 56.

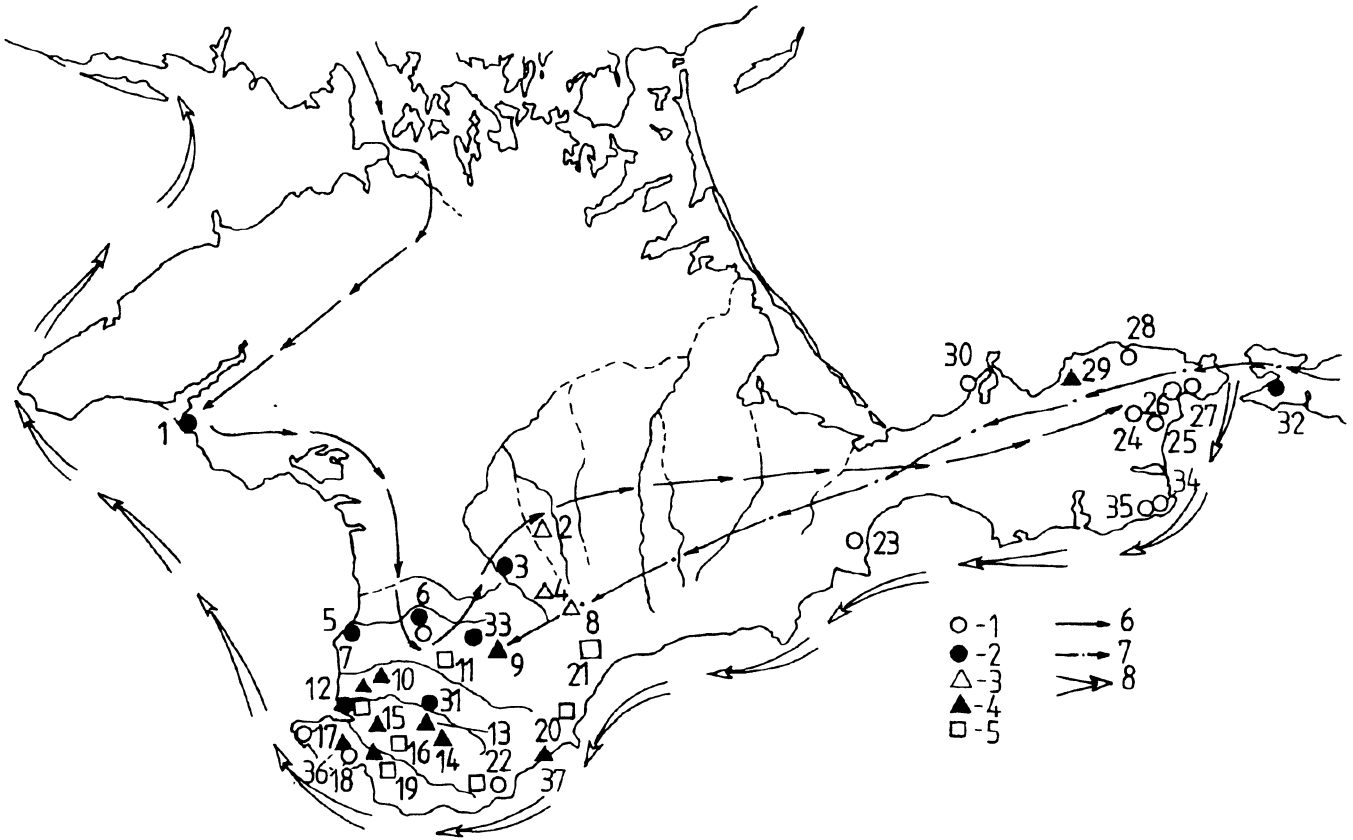


Рис. 2. Крым в позднеримское время.

1 - римские гарнизоны, городища, поселения и некрополи Боспорского царства; *2* - городища и некрополи поздних скифов и сармат; *3* - могильники и поселения алан, возникшие около середины III в.; *4* - некрополи с трупоположениями и поселения, возникшие в 256 г., *5* - могильники с кремацией и клады германцев; *6* - направление первого вторжения готов в Крым в 252-256 г.; *7* - направление первой миграции алан в Крым около середины III в.; *8* - поход германцев в 268 г.

1 - Южнодонузлавское городище. *2* Нейзац. *3* - Неаполь скифский. *4* - Дружное. *5* - Усть-Альма. *6* - Альма-Кермен (Заветное). *7* - Суворово. *8* - Перевальное. *9* - Озерное. *10* - Тенистое. *11* - клад монет у с.Долинное. *12* - Бельбек I-III. *13* - Красный Мак. *14* - Мангуп. *15* - Инкерман. *16* - Совхоз 10. *17* - Херсонес. *18* - Балаклава. *19* - Черная Речка. *20* - Партенит. *21* - Чатыр-Даг. *22* - Харакс. *23* - Феодосия. *24* - Илурат. *25* - Гиритака. *26* - Боспор. *27* - Мирмекий. *28* - Зенонов Херсонес. *29* - Заморское. *30* - Семеновка. *31* - Танковое. *32* - Фанагория. *33* - Скалистое III. *34* - Китей. *35* - Кыз-Аул. *36* - Килен-Балка. *37* - Гурзуф.

III

В 238 г. захватом причерноморского города Истрии готы и другие германские племена возобновили атаки на границы Римской империи[21]. Вызванные их вторжением в Северное Причерноморье миграционные процессы коренным образом изменили этнический состав населения полуострова. В конце IV - начале V вв. на полуострове проявляются результаты гуннского вторжения в Северное Причерноморье и Приазовье[22].

Стараясь распространить свое влияние на Горный Крым и вернуть захваченный гуннами Боспор, Юстиниан I активизировал политику империи в регионе. Он начал строить крепости на Южном берегу, а его приемники сооружали их на плато Второй гряды. В крепостях размещались гарнизоны из местных варваров. В конце VII в. почти весь Крым переходит под контроль хазар, захвативших Северное Причерноморье и Приазовье[23]. В 841 г. Византия восстановила свое правление в Горном Крыму, включив значительную часть его во вновь созданную фему Климатов и Херсона[24]. В последней четверти IX в. Византия вновь утвердилась на Боспоре.

Принимая во внимание перечисленные выше события, рассматриваемый в данной работе период этнической истории Крыма можно разделить на четыре этапа. Первый этап следует приурочить ко времени между началом миграционной активности варваров около середины III в. и вторжением гуннов. Второй этап завершился с приходом к власти в 527 г. в Византии Юстиниана I, а третий этап — в конце VII в. с захватом почти всего полуострова хазарами. Четвертый этап заканчивается в последней четверти IX в. с изгнанием хазар из Крыма.

Протекавшие на полуострове с середины III в. по конец IX в. этногенетические и этноформационные процессы запечатлены в погребальной обрядности, в деталях традиционного костюма, в оружии, бытовой утвари, типах жилищ и типе хозяйственной деятельности. Для характеристики изменения этнической ситуации в регионе на каждом историческом этапе необходимо создать свод датирующих вещей, происходящих из погребений, из слоев, раскопанных в городах, на городищах и поселениях, а также уточнить хронологию перечисленных памятников. Нужно выявить типы склепов и могил, которые в определенный хронологический период были характерны для разных регионов, и установить генезис всех типов погребальных сооружений. Картографирование датированных некрополей, городищ и поселений позволит обосновать дату и локализовать районы расселения тех или иных племен, получить определенное представление об их этногенезе, о пространственном размещении групп в определенных ландшафтных средах, об их демографии.

С выделенными историческими этапами согласована и структура работы. Ее основная часть разделена на четыре главы. В них освещаются перечисленные выше этапы. В приложении обоснована хронология инвентаря некрополей Крыма 240-900 гг.

---

[21] Wolfram, 1990, S. 61-65.

[22] Айбабин, 1990, с. 64-68.

[23] Артамонов, 1962, с. 196-197. Плетнева, 1976, с. 23. Чичуров, 1980, с.62-64,130-133,163-164.

[24] Constantine Porphyrogenitus, 42, p. 182-185. Nesbitt, Oikonomides, 1991, p. 182. Zuckerman, 1997, p. 220.

ГЛАВА I

НАСЕЛЕНИЕ КРЫМА В ПОЗДНЕРИМСКИЙ ПЕРИОД

Как уже отмечалось во введении, в 1950-х гг. в восточноевропейской исторической литературе утвердилось мнение об автохтонности населения Крыма в рассматриваемый период. Авторы некоторых книг и статей материалами из позднеантичных и раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма и картографированием априорно датированных археологических памятников пытались обосновать происхождение местного населения от тавроскифов[1] или от скифов, бежавших от готов из предгорий в горы и на Южный берег[2], из низовьев маленьких речушек Альма, Кача и Бельбек на 5-20 км вверх по их течению[3]. Этнонимы "тавры" и "тавроскифы" упомянуты в нескольких надписях I - второй половины II вв. н.э. с Боспора и Херсонеса[4], в географических сюжетах в сочинениях Прокопия, в составленном в VI в. "Перипле Понта Евксинского"[5], созданном между 815 и 842 г. "Житии Иоанна Готского"[6]. Однако, в Крыму не выявлена таврская археологическая культура того же периода[7]. Таврские могильники из каменных ящиков функционировали в VI-V вв. до н.э., а наиболее поздние таврские памятники относятся к IV-III вв. до н.э.[8] Таврам приписывали некоторые укрепления на Южном Берегу полуострова. Новые исследования не подтвердили их принадлежность таврам. Крепость Харакс оказалась римской[9], а укрепления на Аю-Даге, Кастеле и другие возникли в эпоху средневековья[10]. В последние века до н.э. тавры уже были ассимилированы скифами. Поэтому авторы той эпохи жителей крымских предгорий именовали тавроскифами[11]. Следуя утвердившейся традиции данный этноним употребляли и в более позднее время.

В автохтонистских этноисторических экскурсах отсутствует какой-либо сравнительный анализ конструкции погребальных сооружений античного и раннесредневекового периодов и обряда захоронения в них, не разработана типология находок и плохо аргументирована хронология. Найденные на крымских некрополях, городищах и поселениях вещи второй половины III-IV вв. относили ко II-III вв., а керамику IV-VI вв. — к III в. или к III-IV вв. Довольно часто история полуострова второй половины III-IV вв. воссоздается по раннесредневековым слоям, раскопанным на Боспоре и в Херсоне, по одновременным могильникам Суук-Су, Эски-Кермен, Чуфут-Кале и другим.

---

[1] Кропоткин, 1953. Якобсон, 1970, с. 193.
[2] Веймарн, 1958, с. 71-70. Веймарн, 1980, с. 26. Высотская, 1972, с. 188.
[3] Зубарь, 1994, с. 119-121, рис. 50, 51.
[4] Соломонік, 1962. Храпунов, 1995, с. 10.
[5] Скржинская, 1980, с. 115-124.
[6] Vasiliev, 1936, p. 91-92. Ševčenko, 1977, p. 115.
[7] Айбабин, Герцен, Храпунов, 1993, с. 213.
[8] Храпунов, 1993, с. 6, 7.
[9] Фирсов, 1975.
[10] Домбровский, 1974.
[11] Айбабин, Герцен, Храпунов, 1993, с. 213.

В приложении, в результате изучения типологии находок и их взаимовстречаемости в составе закрытых комплексов, захоронения I этапа разделены на три группы: 1 — около 240-300 гг., 2 — 300-350 гг., 3 — 350-400 гг. Вещи, типичные для комплексов первой группы, найдены на некрополях расположенных в устье реки Альма (рис. 2,*5*)[12] и на Третьей и Второй грядах Крымских гор: Бельбек II[13] и III (рис. 2,*12*)[14], Скалистое III (рис. 2,*33*)[15], Заветное (рис. 2,*6*)[16]. Инвентарь второй половины III-IV вв., типичный для трех групп, выявлен на могильниках и в слоях городов и поселений: на Керченском полуострове — Боспор (рис. 2,*26*)[17], Мирмекий (рис. 2,*27*)[18], Тиритака (рис. 2,*25*)[19], Илурат (рис. 2,*24*)[20], Семёновка (рис. 2,*30*)[21], Заморское (рис. 2,*29*)[22], на Третьей и Второй грядах — Дружное (рис. 2,*4*)[23], Перевальное (рис. 2,*8*)[24], Нейзац (рис. 2,*2*)[25], Озёрное (рис. 2,*9*)[26], Красный Мак (рис. 2,*13*)[27], Суворово (рис. 2,*7*)[28], Тенистое (рис. 2,*10*)[29]; в низовьях реки Бельбек — некрополь Бельбек I (рис. 2,*12*)[30], Танковое (рис. 2,*31*)[31]; реки Черная — на территории Совхоза 10 (рис. 2,*16*)[32], Инкерман (рис. 2,*15*)[33], Черноречeнский (рис. 2,*19*)[34]; на Гераклейском полуострове — Килен-Балка (рис. 2,*36*)[35], в окрестностях Балаклавы (рис. 2,*18*)[36]; на Первой гряде — Харакс (рис. 2,*22*)[37], Чатыр-Даг (рис. 2,*21*)[38] и обследованный мною и В.А.Сидоренко в 1994 г. в Партените разрушенный оползнем могильник с кремациями (рис. 2,*20*). На плато Мангуп (рис. 2,*14*) под оборонительной стеной, перекрывающей устье Лагерной балки, выявлен некрополь позднеримского периода. В одном из склепов, разрушенном при строительстве стены, лежала светлоглиняная амфора типа D[39] второй половины III - начала IV в.[40] Из Гурзуфа (рис. 2,*37*) из имений Артек и Суук-Су происходят В-образная

---

[12] Высотская, 1972, с. 84. Высотская, 1994, табл. 1,1-3; 22,2-4; 39,7.
[13] Гущина, 1974, с. 32.
[14] Гущина, 1974, с. 33, рис. IV,3,4; VI,7,8.
[15] Богданова, Гущина, 1967, рис. 46,3; 47; 49,11. Богданова, Гущина, Лобода, 1976.
[16] Богданова, 1989, с. 31, 38, 247, табл. III,10-12,15,30-34; IV,3-5,20-22; VIII,3-7; IX,17,18.
[17] Амброз, 1992, с. 8-14.
[18] Гайдукевич, 1959, с. 218. Айбабин, 1990, с. 17.
[19] Кобылина, 1941, рис. 116-118. Амброз, 1966, с. 51, 53, табл. IX,13. Gajdukevič, 1971, S.513. Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,2,4,5; 3,11,12.
[20] Кубланов, 1983, с. 95-129.
[21] Амброз, 1966, с. 53, 61. Айбабин, 1990, с. 66.
[22] Айбабин, 1990, с. 64, 67.
[23] Айбабин, 1994/1995а. Khrapounov, 1996.
[24] Пуздровский, 1994, с. 55-56.
[25] Айбабин, 1990, с. 64.
[26] Лобода, 1977.
[27] Лобода, 1992, рис. 3,2,3; 4,1-4.
[28] Белый, Неневоля, 1994, с. 253, 254. Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 1997.
[29] Кутайсов, 1983, с. 147, 148, рис. 4.
[30] Мосберг, 1946, с. 114, 115, рис. 3,3; 4,1. Гущина, 1974, с. 33.
[31] Вдовиченко, Колтухов, 1994.
[32] Стржелецкий, 1959, с. 139-145.
[33] Веймарн, 1963.
[34] Бабенчиков, 1963.
[35] Савеля, Савеля, 1994, с. 60, 61.
[36] Филиппенко, 1997.
[37] Блаватский, 1951.
[38] Мыц, 1987.
[39] Герцен, 1990, с. 111, 114. Шелов, 1978, с. 18, 19, рис. 7.
[40] Сазанов, 1993, с. 17.

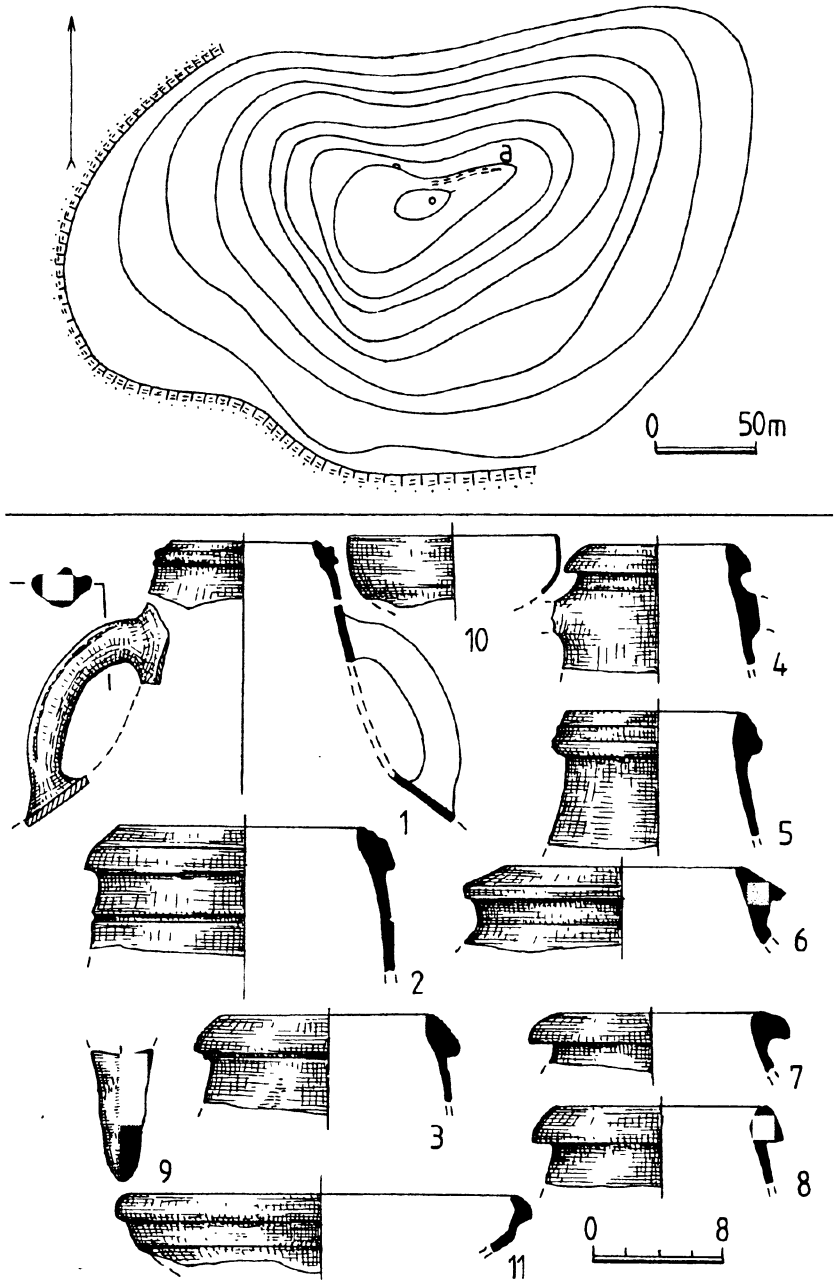


Рис. 3. Городище на горе Тас-Тепе (инструментальная съемка А.Е.Пуздровского) и керамика со склона горы (по Кутайсов, 1983, рис. 1,3).
а - участок зачищенной оборонительной стены, *1-9* - фрагменты амфор, *10,11* - фрагменты краснолаковых мисок.

пряжка[41] и двучленные подвязные фибулы варианта 16-2/I-3 IV в.[42] Возможно, их извлекли из уничтоженных захоронений.

Некрополи городов Боспора и Херсона существовали с момента основания последних греческими колонистами. На некоторых перечисленных выше могильниках начали хоронить в I в. до н.э. (Усть-Альма, Заветное) или во II в. н.э. (Бельбек I-III)[43], на других (Дружное, Перевальное, Нейзац) — в 240-е гг., а на третьих (Заморское, Озерное, Мангуп, Красный Мак, Суворово, Тенистое, Танковое, Инкерман, Черноречанский, Килен-Балка, Харакс, Чатыр-Даг, Партенит, видимо в имениях Артек и Суук-Су) — в начале второй половины III в. Могильник Скалистое III по шпорам[44], амфорам, краснолаковой керамике, пряжкам и фибулам[45], вероятно, необходимо датировать концом II - III вв. До полной публикации материалов из могильника на территории Совхоза 10 трудно судить о его ранней дате. В Тенистом упомянутый выше могильник расположен у подножия горы Тас-Тепе, на вершине которой находилось укрепленное убежище (рис. 3,*а*). По керамике из культурного слоя оно отнесено ко II-IV вв. Однако, самую раннюю керамику из слоя: краснолаковую чашу (рис. 3,*10*) и амфоры типа Зеест 72, 73 (рис. 3,*2,4,5,7,8*) следует датировать не II - первой половиной III вв.[46], а более поздним временем. Однотипные амфоры в Мирмекии[47] и на Кноссосе[48] содержались в слоях, образовавшихся во второй половине III в. Аналогичные чаши в Палестине встречены в слое второй половины IV в.[49] Скорее всего, убежище одновременно могильнику. По утверждению Д.Л.Талиса, неукрепленное поселение во второй половине III в. было основано на Бакле[50]. Однако, на городище не выявлены позднеримские материалы, а на связанных с ним некрополях начали хоронить позднее.

На могильниках, возникших в 240-е гг. или в 250-е гг. найдены погребения с трупоположениями и трупосожжениями.

Первые зафиксированы в погребальных сооружениях трех типов: 1 — в подбойных могилах, 2 — в грунтовых ямах, 3 — в склепах.

У могил 1 типа в одной или двух бортах входной ямы выкапывалась ниша-подбой с полуциркульным сводом для захоронения. Обычно подбой закрывали закладными плитами. Все они ориентированы по оси З-В или СЗ-ЮВ. Скелеты ориентированы черепами на З, СЗ или В, СВ. По конструкции их можно разделить на два варианта: 1 — с одним подбоем (рис. 4,*4*), 2 — с двумя подбоями (рис. 4,*5*). Они раскопаны на всех названных выше Боспорских некрополях, в Херсонесе, Инкермане, на Черной Речке, в Тенистом, Красном Маке, Озерном, Дружном и Перевальном. В Херсонесе входные ямы сверху закрыты плитами. В Заморском входные ямы могил первого варианта засыпаны камнями, а второго — землей. На остальных могильниках входные ямы заполнены землей. На Черной Речке, в Озерном и Красном Маке в подбоях прослежены остатки деревянных колод. В Красном Маке у некоторых скелетов кости правой руки согнуты в локтях, на других некрополях конечности скелетов вытянуты.

---

[41] Репников, 1906, с. 36, табл. X,7.
[42] Амброз, 1966, с. 64. Айбабин, 1990, с. 64.
[43] Высотская, 1987, табл. 2. Гущина, 1974, с. 45.
[44] Genalski, 1991, s. 59-64. Kazanski, 1994, p. 431.
[45] Богданова, Гущина, Лобода, 1976, рис. 8,46-49.
[46] Кутайсов, 1983, с. 145, 147.
[47] Гайдукевич, 1952, с. 170, 206, 207, рис. 65,122-124.
[48] Hayes, 1983, p. 155-156, fig. 25,91 - type 39; 26,93 - type 42.
[49] Johnson, 1988, p. 148, fig. 7-8,131.
[50] Талис, 1974, с. 103, 104.

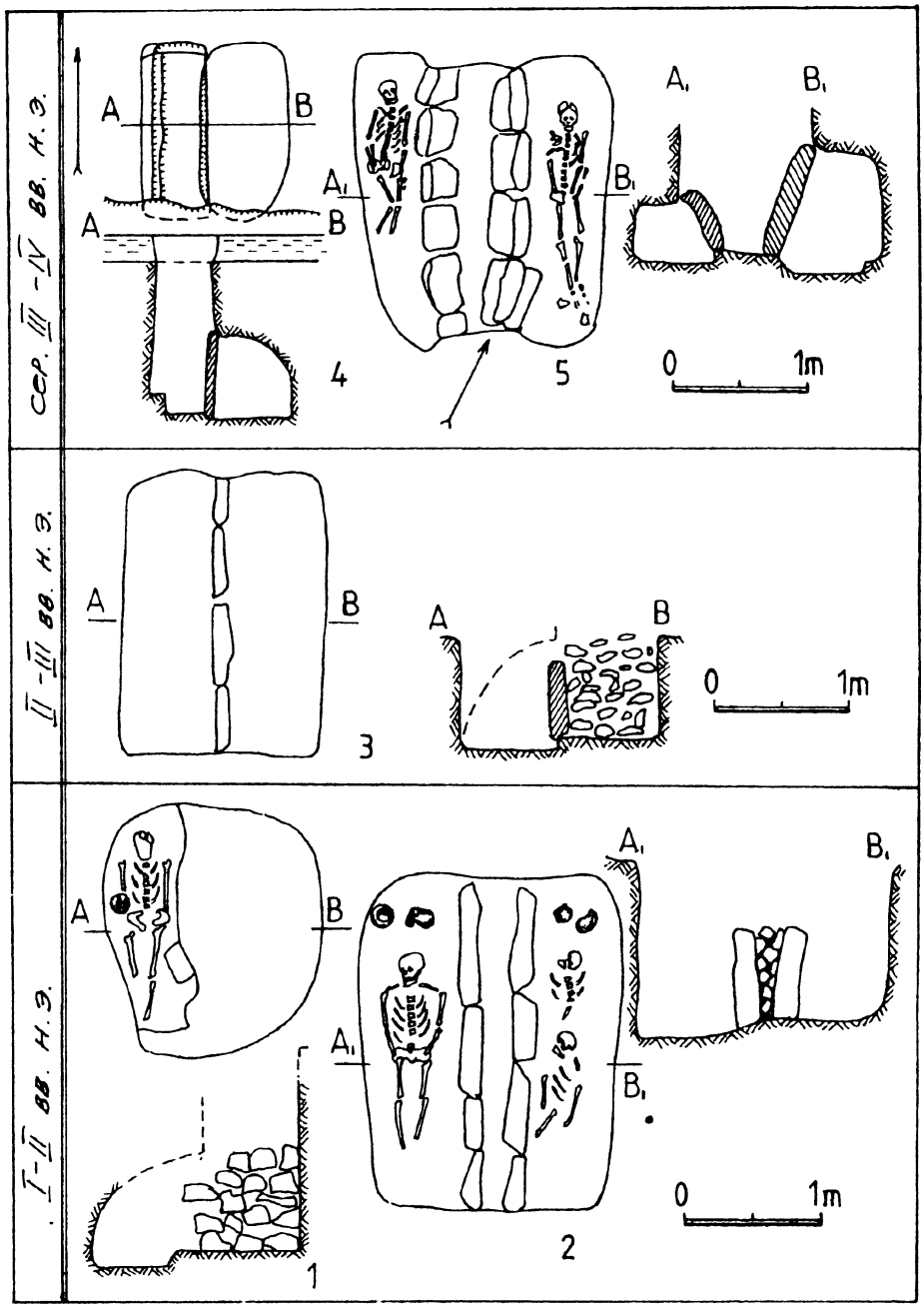


Рис.4. Планы и разрезы позднескифских, сарматских и аланских подбойных могил I-IV вв.
1 - Усть-Альма, могила 36 (по Высотская, 1994, рис. 23,6), *2* - Заветное, могила 206 (по Богданова, 1989, табл. II,13), *3* - Скалистое II (по Высотская, 1987, рис. 3,7), *4* - Инкерман, могила 25 (по Веймарн, 1963, рис. 22,в), *5* - Заморское, могила 13 (по Корпусова, 1973, рис. 2,2).

По пропорциям данные могилы отличаются от ранних IV - II до вв. н.э., которые выкапывались со значительно более широкими входными ямами и подбоями (до 1 м и более)[51]. Могилы, подобные описанным, распространились на Боспоре со II в., а в Юго-Западном Крыму — с I в. н.э. в результате миграции сармат[52]. У некоторых из них входные ямы были засыпаны камнями (рис. 4,*1-3*). В применявшемся в них погребальном ритуале прослеживаются сарматские черты: подсыпка из угля или мела, кошма, гробовины, скрещенные ноги, руки на тазе, восточная или северо-восточная ориентация скелетов[53]. Однако, многие из перечисленных признаков отсутствуют в могилах, появившихся в III в.

Немногочисленные грунтовые могилы можно разделить на три варианта: 1 — ямы с заплечиками, перекрытые досками или плитами (рис. 5,*4,7*), 2 — ямы с захоронениями, накрытыми плитами (рис. 5,*6*), 3 — ямы, засыпанные землей (рис. 5,*8*). Могилы 1 варианта зачищены в Инкермане, Заморском, 2 варианта — в Харакссе и Заморском, 3 варианта — в Заморском, Перевальном, Озерном и Дружном. В большинстве могил всех вариантов найдены гробовины. Скелеты лежали с вытянутыми конечностями черепами на СВ или СЗ. Однотипные погребальные сооружения использовали сарматы в Поволжье и Южном Приуралье с IV в. до н.э., а в Подонье, на Кубани и в Поднепровье со II в. до н.э.[54] На некрополях Танаиса, Керченского полуострова[55], в Заветном могилы 1 (рис. 5,*3*) и 3 (рис. 5,*2*) вариантов появились с I в. н.э.[56] Они раскопаны и в Скалистом III[57]. По погребальному обряду ранние могилы с заплечиками отличаются от распространившихся около середины III в. На некрополях, возникших в Горном Крыму около середины III в. нет типичных для позднескифского некрополя Заветное захоронений в ямах, закрытых тремя-пятью каменными вымостками, с прослойками земли между ними (рис. 5,*1*)[58].

На Черной Речке и в Инкермане найдены два захоронения в скорченном положении. Высказывалось мнение об их таврском этносе[59]. Однако такой способ погребения в первые века н.э. был типичен для сармат Северного Кавказа[60].

Склепы по конструкции делятся на три варианта: 1 — Т-образные в плане, состоящие из длинного дромоса - входной ямы, заложенного плитой более узкого входного коридора и погребальной камеры (рис. 6,*3,5*; 7,*2-4*), 2 — с таким же дромосом и входом, с прямоугольной в плане камерой с лежанками, вырубленными в боковых стенах (рис. 7,*1,5-7*), 3 — с коротким и широким дромосом со ступеньками и камерой такой же ширины (рис. 6,*4*).

---

[51] Высотская, 1987, с. 57.

[52] Цветаева, 1951, с. 73, 74. Гущина, 1967, с. 41, 43. Гущина, 1974, с. 33. Шелов, 1972, с. 234. Высотская, 1987, с. 57, 58. Богданова, Гущина, 1967, с. 139. Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 147, 151. Богданова, 1989, с. 22, 23.

[53] Богданова, 1982, с. 31-38. Высотская, 1987, табл. 5,6.

[54] Абрамова, 1959, с. 54, 55, 57, 68, 69. Абрамова, 1961, с. 102, 109, 110. Мошкова, 1963, с. 22. Смирнов, 1964, с. 81. Смирнов, 1975, с. 159.

[55] Шелов, 1961, с. 84, 85.

[56] Богданова, 1989, с. 21.

[57] Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 123.

[58] Мульд, 1996, с. 281.

[59] Бабенчиков, 1963, с. 122. Веймарн, 1963, с. 40.

[60] Богданова, 1982, с. 36. Смирнов, 1960, с. 250.

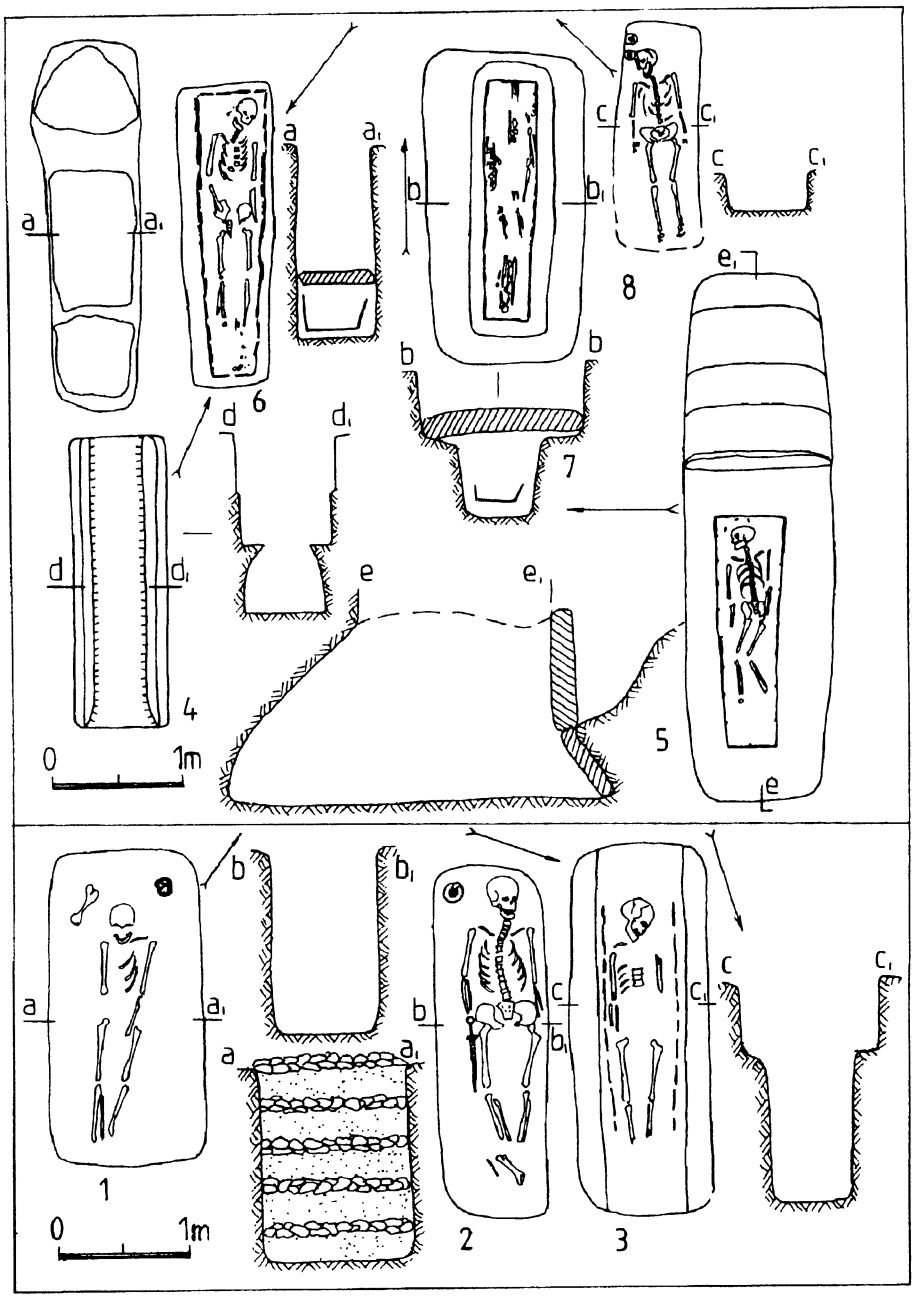


Рис. 5. Планы и разрезы грунтовых могил и склепа I-IV вв.
1-3 - Заветное: *1* - по Богданова, 1989, табл. II,4; *2* - могила 227 (по Гущина, 1967, рис. 1,4); *3* - могила 42 (по Гущина, 1967, рис. 1,3); *4* - Инкерман (по Веймарн, 1957, рис. 13); *5-7* - Заморское: 5 - склеп 4 (по Корпусова, 1973, рис. 2,1); *6* - могила 22 (по Корпусова, 1973, рис. 1,1); *7* - могила 21 (по Корпусова, 1973, рис. 1,2); *8* - Дружное, могила 38 (по Мульд, 1996, рис. 7,4).

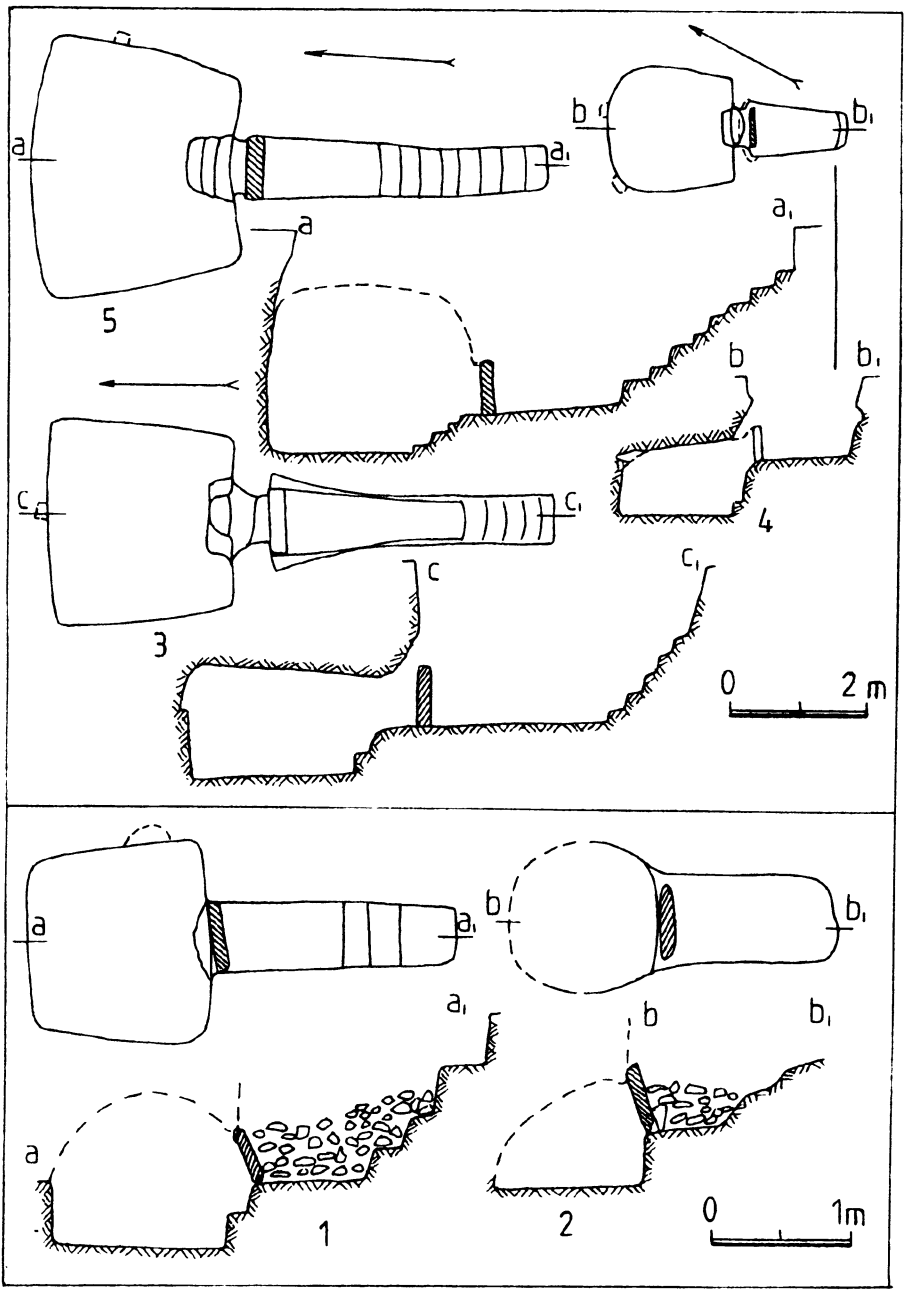


Рис. 6. Планы и разрезы позднескифских, сарматских и аланских склепов I-II (*1,2*) и IV - начала V (*3-5*) вв.

1 - Неаполь скифский (по Высотская, 1987, рис. 2,6); *2* - Усть-Альма, склеп 138 (по Высотская, 1994, рис. 22,1); *3-5* - Инкерман: *3* - склеп 25 (по Веймарн, 1963, рис. 27), *4* - склеп 10 (по Веймарн, 1963, рис. 25), *5* - склеп 31 (по Веймарн, 1963, рис. 28).

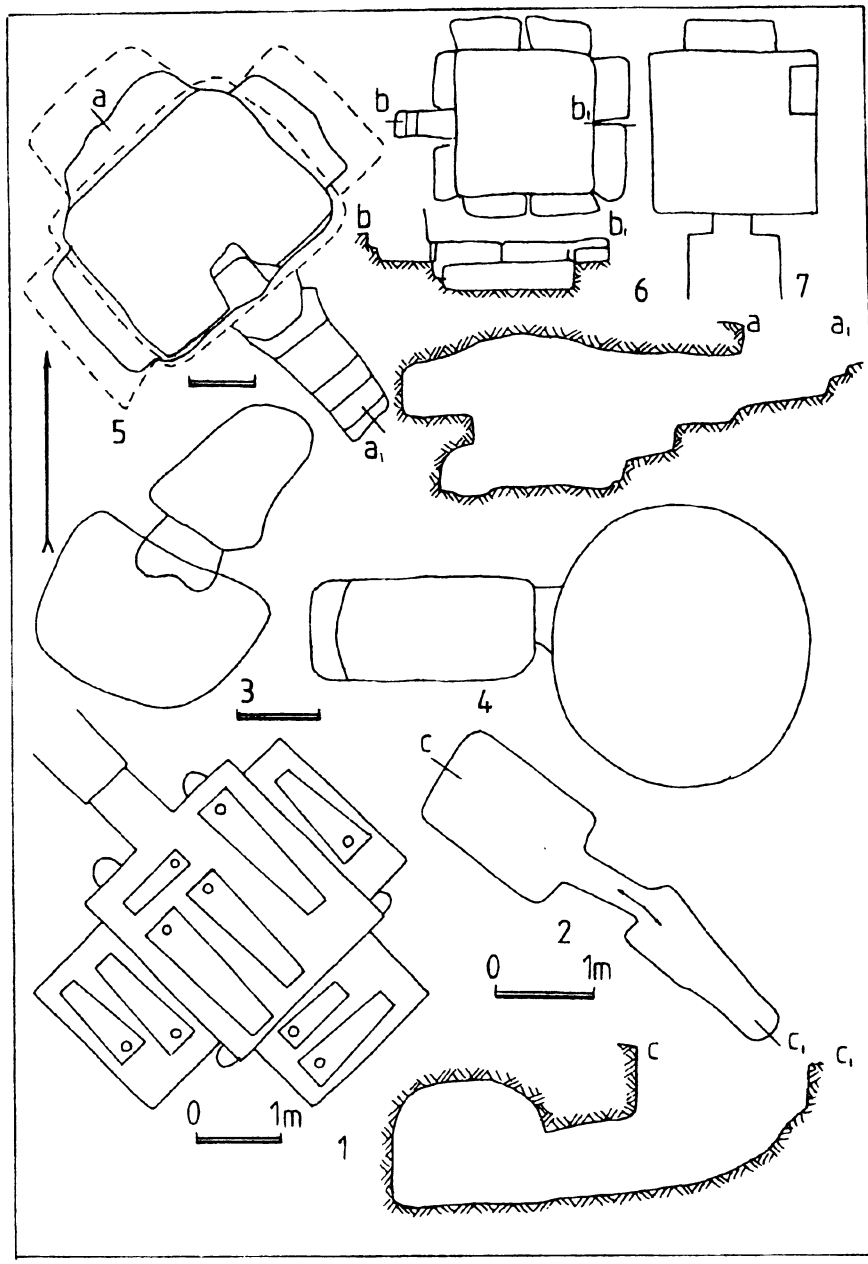


Рис. 7. Планы и разрезы склепов Боспора (*1*), Тиритаки (*2*) и Херсона (*3-7*) середины III-IV вв. *1* - склеп 179/1904 (по Шкорпил, 1907, рис. 21), *2* - склеп 1/1934 (по Кобылина, 1941, рис. 109), *3* - склеп 1501 (по Зубарь, 1977, рис. 2,I,1), *4* - склеп 1567 (по Зубарь, 1977, рис. 2,II,2), *5* - склеп 1603 (по Зубарь, Шевченко, Липавский, 1990, рис. 14,2), *6* - склеп 2686/1908 (по Абрамова, 1982, рис. 3,6), *7* - склеп 1093/1901 (по Абрамова, 1982, рис. 3,7).

Склепы I варианта обнаружены в Дружном, Перевальном, Нейзаце, Озерном, Тенистом, Красном Маке, Килен-Балке, Инкермане и на Черной Речке. На первых трех некрополях почти во всех камерах находилось от пяти до одиннадцати костяков, ориентированных черепами на В, СВ или З, СЗ. Тогда как в Озерном, Инкермане и на Черной Речке в склепе хоронили не более четырех человек. Умерших погребали в деревянных гробовинах головами на ЮВ. В Дружном, Перевальном, Нейзаце и на Черной Речке в дромосах и камерах найдены скелеты или отдельные кости лошадей. На всех перечисленных могильниках в камерах лежали древесные угольки и остатки пищи: кости овец, коров, куриные кости и яйца. На стенке камеры в Нейзаце были высечены тамгообразные знаки[61], а в Озерном на стене камеры сажей нарисовали тамги и фигурки лошадей[62]. Один из знаков похож на тамги царей Боспора, изображенные на монетах III-IV вв[63].

М.П.Абрамова в опубликованной в 1982 году статье, посвященной склепам и катакомбам юга Восточной Европы, предположила, что их нельзя рассматривать в качестве этнического признака. По ее словам, названные погребальные сооружения в Крыму, на Тамани и Северном Кавказе стали использовать с III-II вв. до н.э. в связи с возникновением у населения перечисленных регионов обычая хоронить членов семьи в одной могиле[64]. Однако, в статье М.П.Абрамовой отсутствует типологический анализ склепов и не выявлены признаки, присущие для склепов каждого из упомянутых районов в разные хронологические периоды. К ранним периодам III-I вв. до н.э. и I-III вв. н.э. необоснованно отнесены склепы IV-V вв. из Нейзаца, Херсонеса, Боспора и другие[65]. По конструкции склепы I варианта отличаются от известных в Крыму скифских склепов I - первой половины III вв.[66], которые выкопаны или вырублены без коридора между дромосом и камерой (рис. 6,*1,2*)[67]. Склепы II-III вв. с этим элементом, выявленные на некрополе Неаполя Скифского, очевидно, принадлежали сарматам[68]. Склепы с таким коридором по планировке близки катакомбам, известным в Центральном Предкавказье на могильниках Чегем и Нижний Джулат[69], в нижнем и среднем Прикубанье — со II в. до н.э.[70] близ Тимашевска и с первой половины I в. н.э. на "Золотом кладбище"[71], в Средней Азии в среднем течении реки Сыр-Дарья и в Фергане — с I в. н.э.[72] Как весьма аргументировано показала М.П.Абрамова в своих других статьях и книгах, с I в. н.э. данный элемент становится типичным для конструкции аланских катакомб Центрального Предкавказья[73]. С конца II - начала III в. однотипные погребальные сооружения распространяются на европейском и азиатском Боспо-

[61] Высотская, Махнёва, 1983, с. 73, рис. 4,1.
[62] Лобода, 1977, с. 239, 241, рис. 2,2-9.
[63] Соломоник, 1959, с. 164, 165, № 165.
[64] Абрамова, 1982, с. 17.
[65] Абрамова, 1982, рис. 3,6,7; 4,6-9; 6,7.
[66] Айбабин, 1987, с. 192.
[67] Высотская, 1987, рис. 2,2-7.
[68] Пуздровский, 1994, с. 118, рис. 3,4; 4,1,2.
[69] Кеферов, 1988, с. 72-75. Абрамова, 1993, рис. 2,2; 7,7-10,12,15,17,18. Абрамова, 1995, с.75. Khrapounov, 1996, p. 64.
[70] Каминский, 1990, с. 100, рис. 31,1.
[71] Гущина, Засецкая, 1994, с. 7.
[72] Берлизов, Каминский, 1993, с. 106-107, табл. VIII,32.
[73] Абрамова, 1970, с. 94. Абрамова, 1972, рис. 3,66; 4,25; 5,28,67; 8,7; 9,12; 10,10,15,26, 46,59. Абрамова, 1975, рис. 1,1; 2,1,6; 3,1; 4,1,6; 6,1,6,10; 7,1,9. Абрамова, 1987, рис. 30,2. Абрамова, 1993, рис. 40,2; 48,1,2,4,5.

ре[74], с середины III в. — в междуречье Дона и Сала и в низовье Дона[75], а с IV в. — в Верхнем Прикубанье и Прикаспийском Дагестане[76]. Описанные катакомбы и склепы из перечисленных выше регионов обычно связывают с аланами. В крымских склепах 1 варианта и в аналогичных по плану катакомбах из Предкавказья выявлены одинаковые элементы погребального обряда: остатки пищи, коллективные захоронения, обычай смещения костей первоначально погребенных к стене[77].

Склепы 2 варианта (рис. 7,*1,5-7*) в Херсонесе[78] и в Керчи[79] начали использовать в позднеримский период. Поскольку происходящие из них материалы в музеях, в основном, лишены паспортов, то трудно более точно определить время их появления в обоих городах. Видимо, погребальные сооружения данного типа возникли в Восточном Средиземноморье, где в подземных гробницах с лежанками хоронили со II в. до н.э.[80] В Риме с начала IV в. в однотипных склепах хоронили христиане[81].

Единственный склеп 3 варианта (рис. 5,*5*) раскопан в Заморском. В Усть-Альме зачищен однотипный склеп II в.[82], а в Танаисе — III в.[83] В таких склепах сарматы хоронили в последние века до н.э. в Центральном Предкавказье[84], а с середины III в. — в Северо-Западном Причерноморье на некрополях черняховской культуры[85]. В плане склепы 3 типа близки сарматским подкурганным катакомбам из Нижнего Поволжья, Приуралья и Прикубанья[86].

Для изучения этногенеза погребенных в описанных выше Т-образных склепах и могилах европейского Боспора и Юго-Западного Крыма важны извлеченные из них типичные для сармат и алан азиатского Боспора, Нижнего Подонья, Прикубанья и Центрального Предкавказья темноглиняные лепные сосуды с дуговидными или коническими налепами (табл. VII,*4*; XI,*2*), кувшины и горшки с темным лощением и нелощеные (табл. IX,*6*; XI,*1,3-5*; XVI,*1*)[87].

Скорее всего, появившиеся в Юго-Западном Крыму около середины III в. склепы Т-образной планировки принадлежали аланам. Видимо они, как и аланы Центрального Предкавказья[88], погребали также в подбойных и ямных могилах, раскопанных на тех же некрополях, что и названные склепы.

В Крыму в упомянутых погребальных сооружениях во второй половине III-IV в. умерших хоронили с вещами новых типов: овальными пряжками 1 варианта (табл.

---

[74] Кобылина, 1941, с. 77-79, рис. 109. Сорокина, 1957, с. 44-45. Абрамова, 1982, рис. 5,7.

[75] Безуглов, Захаров, 1988, с. 19-22, рис. 31,1. Безуглов, Копылов, 1989, с. 180-181, рис. 1,I,II,IV.

[76] Минаева, 1971, рис. 14,34. Котович, Котович, Магомедов, 1980, рис. 9. Гмыря, 1993, рис. 6,2; 19,2,5; 20,2,3; 25,2.

[77] Савенко, 1984, с. 63-69.

[78] Зубарь, 1982, с. 26-28, рис. 22.

[79] Шкорпил, 1907, рис. 19,22.

[80] Toll, 1946, p. 10, fig. II,5,8,17,19.

[81] Nardini, 1991, p. 14.

[82] Высотская, 1994, с. 54, рис. 22,3.

[83] Арсеньева, 1977, с. 89-92, табл. V,4.

[84] Абрамова, 1993, рис. 7,6.

[85] Магомедов, 1987, рис. 14,5.

[86] Синицын, 1959, с. 149, рис. 50,3. Шилов, 1975, рис. 4,3. Высотская, 1994, с. 54, 55.

[87] Абрамова, 1972, рис. 13,42. Абрамова, 1987, рис. 38,6; 41,9; 54,1,9,13; 55,3; 58,16. Абрамова, Магомедов, 1980, рис. 1,3; 7,11. Абрамова, 1989, с. 271, рис. 107,17. Мошкова, Максименко, 1974, с. 35, рис. XXV,5. Безуглов, Копылов, 1989, рис. 3,8,10. Гудименко, 1990, рис. 1,8. Айбабин, 1994/1995а, с. 96, 97. Khrapounov, 1996, fig. 2,4,7,9; 3,8,9.

[88] Абрамова, 1967, с. 153-154. Кузнецов, 1973, с. 64.

III,*9*), мечами (табл. XVII,*6*) и ножами, бубенчиками, декорированными вставками из шлифованного сердолика серьгами (табл. IV,*2,4*), браслетами (табл. IV,*1*) и украшениями сбруйных ремней, железными деталями узды (удилами, псалиями), популярными у германцев янтарными грибовидными бусами, амулетами в виде бронзовых топориков и железных ведёркообразных подвесок, черняховскими двучленными подвязными фибулами ранних вариантов и лощеной керамикой с биконическим туловом (табл. IX,*2*; XV,*6*; XVI,*6*; XVIII,*4*), привезенными из римских провинций и сделанными в Херсоне и на Боспоре амфорами (табл. X,*1-5; XII,3*), стеклянными (табл. IX,*3-5*; XII,*5*; XV,*3*) и краснолаковыми (табл. XII,*2,4,6*; XIII,*11,12*; XIV,*4-6*; XV,*1*; XVII,*1-5,7*) сосудами. Многочисленны и традиционные для Северного Причерноморья одночленные подвязные фибулы (табл. I,*1-7,9*). С начала IV в. появляются металлические пряжки с овальной рамкой 2 варианта с язычком со ступенчатым срезом у основания (табл. XII,*6*; XVI,*2*) и наконечники ремней с валиками (типа табл. XIII,*10*). Из Озерного из склепа второй половины IV в. происходит обычный для германцев умбон (табл. XVI,*9*)[89].

В настоящее время опубликованы 80 захоронений с трупосожжениями, изученные на некрополях возникших в середине III в. Они делятся на семь вариантов: 1 — урны с прахом стоят в каменных ящиках (рис. 8,*3*); 2 — урны с прахом стоят в ямах, перекрытых бутовыми камнями, 3 — урны с прахом стоят в ямах с бортами, выложенными камнями (рис. 8,*2*); 4 — урны с прахом установлены в маленьких засыпанных грунтом ямах; 5 — урны с прахом помещены в склеп или в подбойную могилу с трупоположениями; 6 — жженные кости компактно сложены в небольшую яму, засыпанную землей (рис. 8,*1,4*); 7 — жженные кости сложены в ямку, забросанную камнями.

	Черная Речка	Чатыр-Даг	Харакс
1 вариант	1	4	
2 вариант		3	6
3 вариант	4		
4 вариант	23		16
5 вариант	2		
6 вариант	4	4	12
7 вариант	1		

Кремация всегда совершалась на стороне. Почти все урны были закрыты глиняным сосудом или фрагментом керамики, иногда — плоским камешком. Во многих урнах и могилах лежали остатки костра, сопровождающие вещи, а в некоторых из них — кости животных. На Чатыр-Даге в одной из могил 1 варианта находились серп, согнутый меч (рис. 9,*7*) и два наконечника копий, в другой — топор, серп, умбон и наконечник копья (рис. 9,*1,2,5,6*), в Хараксе в одной из могил 6 варианта — топор и наконечник копья, в другой — серп, умбон и кинжал, в третьей — топор, в могиле 4 варианта — топор[90].

[89] Kokowski, 1993, fig. 4,e1. Kazanski, 1994, S. 439, fig. 14.

[90] Блаватский, 1951, с. 264, 268, рис. 10,3,4; 11,1,2. Мыц, 1987, рис. 5,7-9,11; 6,2-6.

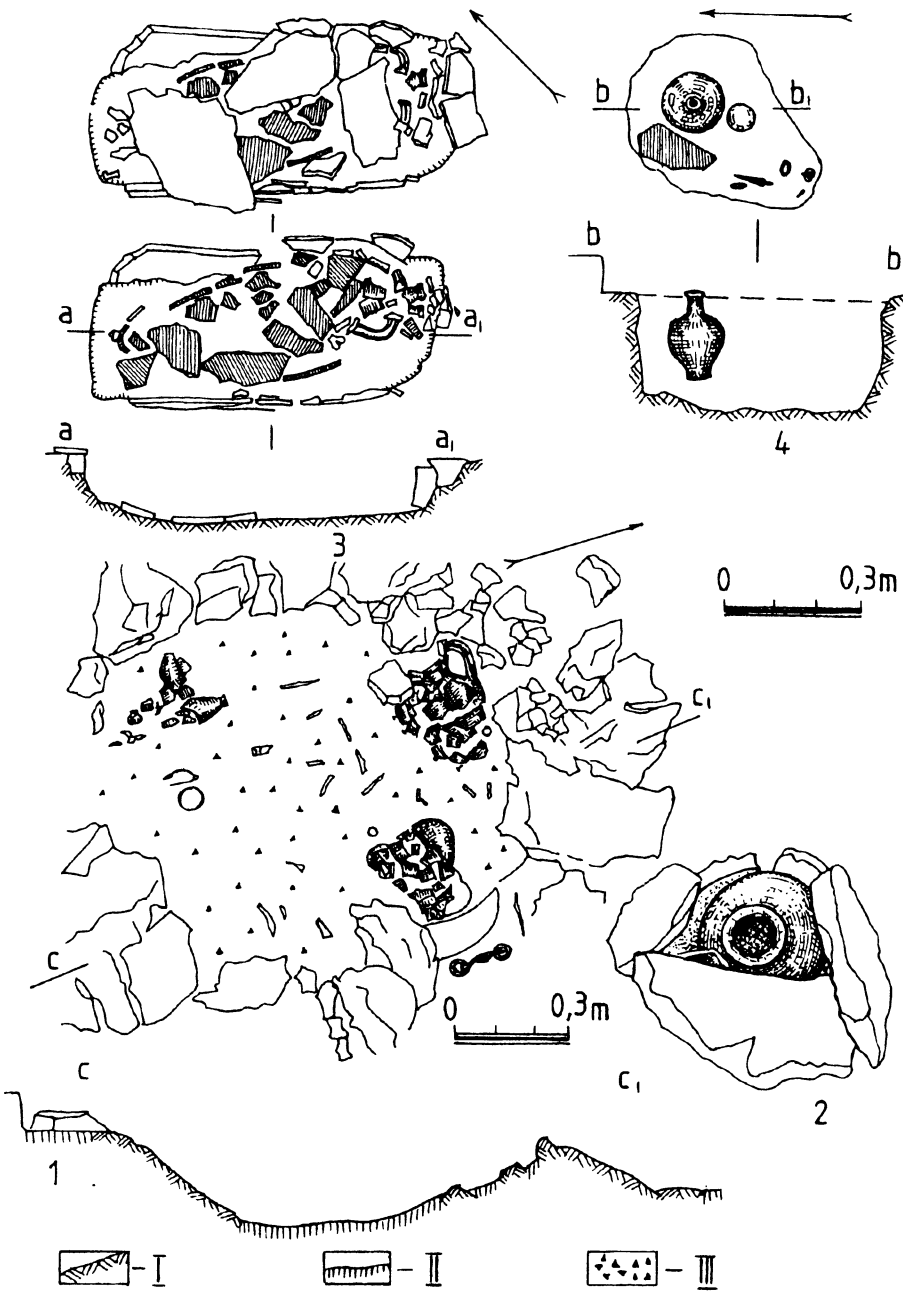


Рис. 8. Планы и разрезы германских захоронений с кремацией из Крыма.
I - надматериковая глина, II - материк, III - остатки сожжения.
1,4 - Харакс: *1* - могила 34 (по Орлов, 1987, рис. 2), *4* - могила 35 (по Орлов, 1987, рис. 5); *2* - Черная Речка, могила 21 (по Пиоро, 1990, рис. 17,3); *3* - Чатыр-Даг, могила 1 (по Мыц, 1987, рис. 4).

Три захоронения 6 варианта выявлены на могильнике Бельбек I, а одно 4 варианта — на некрополе Скалистое III[91]. По инвентарю они не датируются. Судя по стакану с синими каплями с могильника Бельбек I, последний функционировал до конца IV в.[92] До конца III в. хоронили и на некрополе Скалистое III. Кремация практиковалась в эллинистический и римский периоды в Херсонесе. К середине III в. жители города отказываются от нее. В более позднее время на его некрополе зафиксирован лишь один случай использования кремации[93]. В каменной гробнице 3/1891 стояла урна, в которой, судя по тексту отчета о раскопках, лежали брошь в виде цикады (табл. XXV,*9*) и фибулы (табл. XXV,*3*) второй половины V в.[94] Однако, известные там погребения с трупосожжением по конструкции и деталям обряда отличаются от горнокрымских. То есть кремация не могла распространиться в Юго-Западном Крыму после середины III в. из Херсонеса. Описанные захоронения 2-4, 6, 7 вариантов аналогичны одновременным германским черняховской культуры[95]. Похожи и многие детали обряда: наличие вещей, остатков пищи и костра, обычай закрывать урны черепками или сосудами, малочисленность оружия (оно встречено только в 4 из 73 могил этих вариантов) и отдельные категории инвентаря: фибулы, ведёркообразные подвески (рис. 9,*3,4*), керамика с биконическим туловом[96]. Близкие погребения известны и на территории пшеворской и вельбарской культур[97]. В Харакссе и на Чатыр-Даге в могилах много монет. Это локальная особенность обряда. Захоронения I варианта в плитовых ящиках в Юго-Западном Крыму немногочисленны. Погребения 1, 2 и 7 вариантов аналогичны германским сожжениям римского периода в Норвегии[98].

Признаки, присущие рассматриваемым крымским погребениям с кремацией всех вариантов, позволяют связать их с германцами.

Время возникновения на полуострове новых могильников согласуется с сообщениями письменных источников о вторжении в первой половине III в. в Северное Причерноморье разноименных племен германцев. По Иордану они вначале поселились у северных берегов Меотиды[99]. В его сообщении нет какой-либо информации о дате их появления или более конкретной локализации занятой ими территории. Вряд ли германцы сразу же отважились на вторжение на земли Боспорского царства (рис. 10). В первой половине III в. оно находилось под опекой Рима. Надпись Гайя Меммия свидетельствует о пребывании в Боспоре в этот период Кипрской когорты[100]. Надпись, высеченная после 214 г. на колонне из Преслава (Болгария) сообщает об участии солдата I Италийского легиона в какой-то Боспорской войне (in bello Bosporano)[101]. В Керчи (рис. 10,*5*), Мирмекии (рис. 10,*4*) на Тамани и в Танаисе (рис. 10,*25*) найдены терракотовые статуэтки орлов. Их римские легионеры ставили в святилища своих частей[102]. В 220-236 гг. римский архитектор Аврелий Антониан руководил реконст-

---

[91] Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 124. Гущина, 1974, с. 34, 45, 47, 48.
[92] Гущина, 1974, рис. II,5.
[93] Зубарь, 1982, с. 57, 58.
[94] Косцюшко-Валюжинич, 1891, с. 68. Айбабин, 1987, с. 188, рис. 2,64,66.
[95] Магомедов, 1987, с. 42, 46.
[96] Никитина, 1985, с. 82-88, табл. II, IIa, IIIa, XXII-XXIV.
[97] Кухаренко, 1980, с. 64, 74, 76. Никитина, 1974, с. 61-66, 81-90.
[98] Kazanski, 1991, p. 496-497.
[99] Иордан, О происхождении и деяниях гетов, с. 72.
[100] КБН, № 726.
[101] Овчаров, Овчаров, 1988, с. 122-129.
[102] Цветаева, 1979, с. 39-44, рис. 7,9-12.

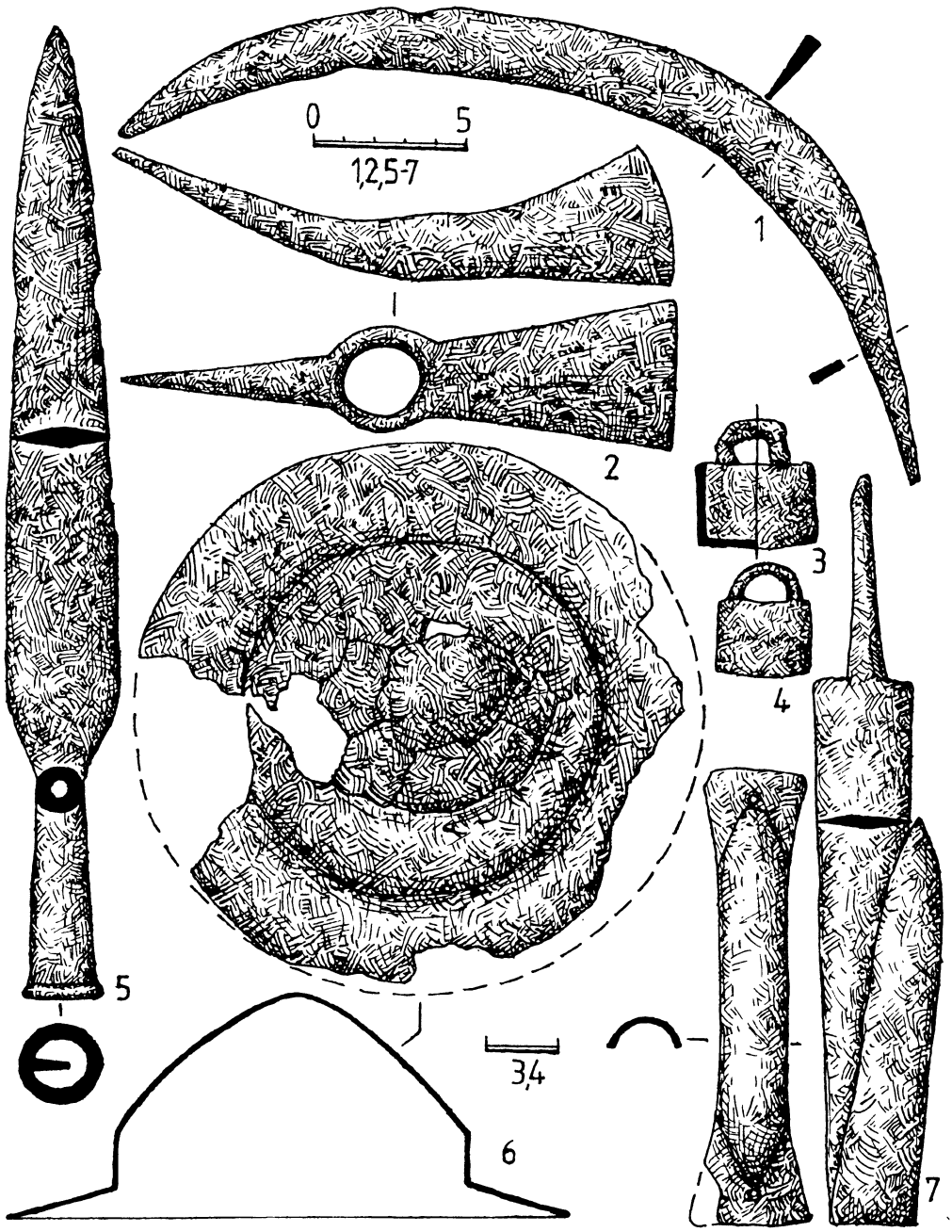


Рис. 9. Находки из захоронений с кремацией.
1,2,5-7 - Чатыр-Даг: *1,2,5,6* - могила 3 (по Мыц, 1987, рис. 6,2-6), *7* - могила 2 (по Мыц, 1987, рис. 5,11); *3,4* - Харакс, могила 28 (фонды ГИМ в Москве).

Рис. 10. Боспорское царство в III-IV вв.
1 - Семёновка, *2* - Ново-Отрадное, *3* - Зенонов Херсонес, *4* - Мирмекий, *5* - Боспор, *6* - Михайловка, *7* - Илурат, *8* - Тиритака, *9* - Нимфей, *10* - Акра, *11* - Китей, *12* - Кыз-Аул, *13* - Киммерик, *14* - Казека, *15* - Ахилий, *16* - Феодосия, *17* - Патрей, *18* - Корокондама, *19* - Гермонасса, *20* - Фанагория, *21* - Кепы, *22* - Тирамба, *23* - Горгиппия, *24* - Заморское, *25* - Танаис.

рукцией оборонительных сооружений Танаиса[103]. Надпись из Керчи 249 г. в честь римского всадника, хилиарха и наместника царской резиденции Аврелия Родона говорит о важной роли, которую римляне играли при боспорском дворе[104]. Впервые германцы рискнули нарушить границу империи лишь после того, как в 238 г. втянутый в борьбу за власть император Максимиан передислоцировал дунайские легионы в Италию[105]. Воспользовавшись ослаблением охраны границы, германцы напали на Истрию[106].

В Северном Приазовье германцы заняли земли алан, которые, как и сарматы, входили в ираноязычную группу индоевропейцев. Иосиф Флавий в рассказе о походе алан в 72 г. в Закавказье сообщал о них: "...племя аланов есть часть скифов, живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера"[107]. Географ II в. Птоломей помещал алан в Европейской Сарматии к западу от реки Танаис, рядом с населявшими берег Меотиды язигами и роксоланами[108]. Современник Птоломея Дионисий Периегет назвал алан среди племен, обитавших между Истром и Меотидой[109]. Лукиан Самосатский, в написанной во второй половине II в. новелле "Токсарис" (Τόξαρις) повествовал об аланах как о соседях азиатского Боспора[110]. Согласно приведенным письменным источникам, аланы с I в. н.э. кочевали между нижним течением Волги и Дона, а также в северном и восточном Приазовье, вплоть до среднего течения реки Кубань. В названном регионе открыты приписываемые аланам некрополи с курганами, насыпанными над катакомбами описанного выше типа с захоронениями с вещами I-II вв.[111] Во второй половине II в. аланские племена продвинулись в степи Крыма[112]. При царе Савромате II (173/174 - 210/211 гг.) аланы были ближайшими соседями Боспора. Об активных связях между Боспором и аланами свидетельствует надгробие 208 г. Ирака, занимавшего пост главного аланского переводчика в Гермонассе[113]. По предположению М.И.Ростовцева, мирное проникновение алан и сармат на Боспор привело в первой половине III в. к значительной иранизации этого государства. Многие жители, в том числе и правители, носили сарматскую и аланскую одежду и имели иранские имена. На рубеже II-III вв. количество иранских имен составило около 20%[114]. Некоторые найденные на Боспоре лепные сосуды подобны аланским, обнаруженным в низовьях Дона и Прикубанье[115]. Аланская община играла видную роль в Танаисе[116]. Анализ антропологических материалов показал, что они во II-III вв. не смешивались с жившими в городе другими этническими группами[117].

Вплоть до третьей четверти IV в. приазовские аланы были кочевниками. Их образ

---

[103] Цветаева, 1979, с. 19-20. КБН, № 1245-1252.
[104] КБН, № 58. Дьячков, 1993, с. 247.
[105] Jones, 1973, p. 21,22.
[106] Wolfram, 1990, p. 57.
[107] Иосиф Флавий, О войне иудейской, VII-7,4.
[108] Кулаковский, 1899, с. 14, 15. Bachrach, 1973, p. 10, 11.
[109] Ростовцев, 1925, с. 79, 80. Bachrach, 1973, p. 11.
[110] Ростовцев, 1925, с. 106-108.
[111] Ждановский, Марченко, 1988, с. 54-55. Кузнецов, 1992, с. 42-43. Каминский, Берлизов, 1993, с. 68-75.
[112] Симоненко, 1993, с. 117.
[113] КБН, № 1053.
[114] Rostovzeff, 1936, p. 90-130. Шелов, 1974, с. 90-93. Масленников, 1990, с. 110, рис. 7.
[115] Кругликова, 1954, с. 113. Кастанаян, 1981, с. 122, 123, 131-133.
[116] Даньшин, 1990, с. 52-53.
[117] Герасимова, 1971, с. 140.

жизни ярко описан Аммианом Марцеллином: "Аланы ... как номады перекочевывают на огромные пространства ... У них нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве ... живут в кибитках с изогнутыми покрышками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям ... Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их, наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми"[118].

С приходом германцев одни прибрежные приазовские аланы присоединились к ним. По данным письменных источников, аланы и сарматы с 242 г. принимали участие в набегах готов на приграничные дунайские провинции[119]. Аланы и сарматы расселились вместе с германцами в степях Северного Причерноморья в низовьях рек Днепр, Южный Буг, Днестр, Дунай[120]. В 240-250-е гг. там образовалось новое объединение племен варваров, названное М.И.Ростовцевым "гото-аланским царством"[121]. Некоторые аланские племена откочевали на территорию вглубь Крыма в места, не занятые сарматами и скифами во II - первой половине III в. У склонов третьей гряды Крымских гор во второй четверти III в. возникли могильники Нейзац (рис. 2,*2*), Дружное (рис. 2,*4*), Перевальное (рис. 2,*8*). Часть алан осталась в Приазовье, где согласно Аммиану Марцеллину обитали и во второй половине IV в.[122]

Аланы поселились у границ региона, оккупированного римлянами. Во второй половине II - первой половине III вв. н.э. в Херсонесе находились сформированные в Мезии и Фракии подразделения I Италийского и XI Клавдиева легионов, I Сугамбрской когорты и Мезийского флота и набранная в Испании I Бракаравгустанова вспомогательная когорта. Солдаты, моряки и ветераны жили в городе вместе с семьями, рабами, вольноотпущенниками, обслуживавшими армию ремесленниками и торговцами[123]. В портовой части города в цитадели раскопаны прямоугольное, с трех сторон окруженное портиками здание херсонесской вексилляции, термы, казармы и преторий (рис.11,*1*). На полу найдены фрагменты амфор, краснолаковой керамики и монеты последней четверти II - первой половины III в., кровельная черепица с клеймами XI Клавдиева легиона VEMI[124]. По подсчетам Е.А.Савостиной в первые века н.э. римские имена в городе составляли 20,6%[125]. Некоторые знатные херсониты-греки получали римское гражданство и имели греческое и латинское имена[126]. По мнению А.М.Ги-левич, значительное увеличение в III в. в Херсонесе монет из Западного Причерноморья связано с присутствием в городе относительно многочисленной общины выходцев из Подунавья[127]. Ее представителям принадлежали склепы с камерами, вырубленными с нишами для урн, близкие по конструкции римским колумбариям. С прибывшими из дунайских провинций попали в город найденные на некрополе изготовленные в Подунавье свинцовые оправы зеркал и шейные гривны[128]. Из частей XI Клавдиева легиона состояли гарнизоны крепостей, возведенных римлянами

---

[118] Ammianus Marcellinus, XXXI, 2,12-25.
[119] Кулаковский, 1899, с. 16. Bachrach, 1973, p. 15.
[120] Симоненко, 1993, с. 120-121.
[121] Ростовцев, 1993, с. 94.
[122] Ammianus Marcellinus, p. 230-231; XXII, 8,30.
[123] Соломоник, 1983, № 20, 31-34. Зубар, Сон, 1997, с. 121-125.
[124] Антонова, 1997, с. 10-17, рис. 3.
[125] Савостина, 1977, с. 139.
[126] Соломоник, 1987, с. 70.
[127] Гилевич, 1968, с. 39.
[128] Калашник, 1979, с. 118, 121, рис. 3. Зубарь, 1987, с. 81, 88, 89, 91, 92, 100.

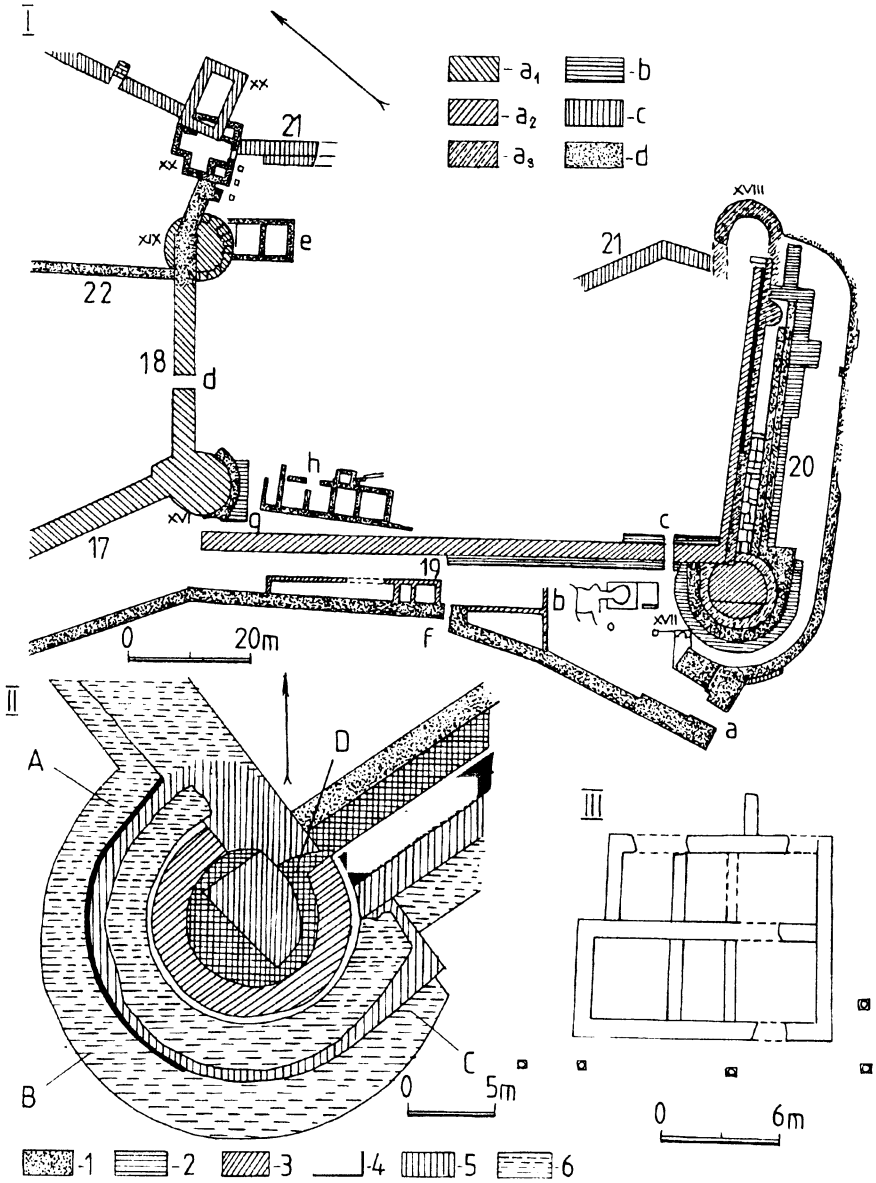


Рис. 11. I - План цитадели римского и ранневизантийского периодов в Юго-Восточной части Херсонеса. *17-21* - номера куртин, *XVI-XX* - номера башен, a_1-$_3$ - кладки античного времени и позднеримские кладки I-III вв., *b* - кладки конца IV-V вв., *c* - кладки VI в., *d* - кладки IX-X вв., *e* - помещения IX в., *h* - римские термы (план по Белов, 1948, рис. 8, хронология кладок по Антонова, 1996, с. 128).

II - Схематический план XVII башни. *1* - первый строительный период 20 куртины, *2* - первый строительный период башни, *3* - второй строительный период первых вв. н.э., *4* - третий строительный период V в., *5* - четвертый строительный период VI в., *6* - пятый строительный период IX-X вв. (по Стржелецкий, 1969, рис. 2).

III - Схематический план здания вексилляции III в., раскопки И.А.Антоновой 1989-1993 гг. (по Антонова, 1997, рис. 4).

еще в I в. н.э. в Харакс (Ай-Тодор)[129] и во II в. в верховьях реки Альма на плато Альма-Кермен[130]. В 40-е гг. III в. римляне, заботясь об укреплении Дунайской границы, изменили военную политику в Крыму. Они вывели свои гарнизоны из Горного Крыма[131] и, вероятно, с Боспора[132]. После ухода римлян сармато-скифские обитатели городища Альма-Кермен соорудили поверх римских построек свои[133]. Как явствует из надписи Марка Ратина Сатурнина, центуриона I Италийского легиона, командира херсонесской вексилляции в 250 г. в Херсоне сохранялся римский гарнизон[134]. Здесь же находились корабли Мезийского флота[135].

Новой ситуацией воспользовались германцы. В Анналах автора XII в. Зонары сообщается о части "скифов" (германцев), которые после грабежей в Италии, Македонии и Греции при Трибониане Галле и Волузиане (252-253 гг.) по суше достигли Боспора и переправившись через Меотиду разорили хору каких-то городов[136]. Он умалчивает о конечном пункте похода. Видимо, Зонара имел ввиду один из набегов на владения империи в Причерноморской Азии. Не исключено, что германцы направились и к важной боспорской крепости Танаису. Д.Б.Шелов, учитывая дату последней надписи из Танаиса (244 г.) и отсутствие в слое пожара монет, чеканенных с 247 г., отнес разгром города к 245-246 гг. По его мнению, набег на город совершили герулы, локализованные у Меотиды Иорданом[137]. Слой пожара выявлен на городище и на участках, раскопанных после выхода книги Д.Б.Шелова. Основываясь на находке в названном слое монеты Рискупорида V 250 г. А.И.Анисимов датировал пожар 251-254 гг. и приписал нападение на город боранам[138]. В письменных же источниках их упоминали только в связи набегами на Дунае и более поздними морскими рейдами на Питиунт[139]. Возможно, Танаис разграбило одно из германских племен, переправившееся через Меотиду в 252-253 гг. Одному из нападавших, видимо, принадлежал найденный на городище пшеворский умбон типа Конин (Konin/Zielinng D1-D1a), относимый к периоду C1 (180-260 гг.)[140]. Очевидно ослабленная поражением правящая династия согласилась на соправителя. В 253 г. на Боспоре с Рискупоридом правил Фарсанз[141]. Вскоре Рискупорид V восстановил единоличное правление. На его статере в 254 г. чеканят изображение венка победителя[142]. По Зосиму при Валериане (253-259 гг.) бораны, готы, карпы и уругонды нападали в Подунавье на владения империи. Тогда же бораны с помощью боспорцев переправились в Азию. Он писал: "...когда же по исчезновении царского рода во главе правления стали недостойные и презренные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах"[143]. По его словам, после первого рейда Валериан

---

[129] Блаватский, 1951, с. 282, 287-291.
[130] Высотская, 1972, с. 55-58.
[131] Ростовцев, 1900, с. 157. Ростовцев, 1907, с. 4. Высотская, 1972, с. 57-58.
[132] Цветаева, 1979, с. 20.
[133] Высотская, 1972, с. 60, 61.
[134] Зубарь, 1994, с. 126-127.
[135] Соломоник, 1973, с. 225-232, № 189.
[136] Zonaras Ioannes, Annales, S. 589-590, An. XII, 21.
[137] Шелов, 1972, с. 300-303. Jordanis, Getica, 28:117.
[138] Анисимов, 1989, с. 129, 130.
[139] Zosimus, New history, 1,31. Wolfram, 1990, p. 62-63.
[140] Kazanski, 1994, S. 438, fig. 2,5.
[141] Голенко, 1970, с. 93, прим. 38. Фролова, 1980, с. 65-67.
[142] Фролова, 1980, с. 70, табл. I,20,21.
[143] Zosimus, New history, 1,31.

отозвал начальника гарнизона Питиунта и отправился с ним под Антиохию. Полагают, что Валериан находился под Антиохией между 255 и 259 гг.[144] Результаты раскопок Т.И.Макаровой в 1964 г. в Керчи позволяют уточнить дату первого похода. Она зачистила слой большого пожара, уничтожившего производственный комплекс. На полу одного из его помещений собраны монеты Фарзанса 253-254 гг. (по определению В.К.Голенко)[145] или 254 г. (по определению Н.А.Фроловой)[146]. Однако, как отметила Т.И.Макарова, слой, образовавшийся в процессе того же пожара заполнял и яму № 3, входившую в этот производственный комплекс, а не перерезавшую помещение в поздний период, как полагал В.К.Голенко. Из нее извлекли монету Рискупорида V 254-256 гг.[147] Поскольку в слое нет более поздних монет 257 г., то можно приурочить пожар к 256 г. и согласиться с выводом Т.И.Макаровой о его связи с нападением германцев. В 256 г. вдвое сокращается эмиссия монет, а в 257 г. она и вовсе прекращается[148]. Скорее всего, после их нападения на город Боспор, напуганный Рискупорид V был вынужден предоставить боранам морские суда с боспорскими экипажами. Не сумев взять крепость Питиунт, они возвратились обратно на судах, захваченных в местной гавани. Через год германцы совершают повторный рейд, уже более успешный, на боспорских судах на римские крепости в Восточном Причерноморье[149]. Малые города и поселения европейского Боспора германцев не интересовали. Напомним, что в Семёновке (рис. 10,*1*) на полу усадьбы найдена краснолаковая керамика IV в.[150] Судя по находкам, жизнь не прерывалась на Мирмекии (рис. 10,*4*), в Тиритаке (рис. 10,*8*), Китее (рис. 10,*11*), Илурате (рис. 10,*7*), Зеноновом Херсонесе (рис. 10,*3*), продолжали хоронить в Кыз-Ауле (рис. 10,*12*). Обстановка на Боспоре стабилизировалась только к 261 г., когда возобновили денежную эмиссию[151].

По предположению Д.Б.Шелова, из рассказа Зосима явствует, что бораны пришли к городу Боспору добывать суда для плавания в Азию с запада, из крымских степей[152]. Как уже отмечалось выше, о рейде германцев к Боспору со стороны Керченского полуострова писал и Зонара. Григорий Тавматург в каноническом послании о последствиях второго морского рейда назвал его участников готами и боранами[153]. Впрочем у него дан искаженный или иной вариант второго этнонима "Βοράδοι"[154]. Возможно, до набега на Боспор в 256 г. бораны и готы прошли в Северо-Западный Крым, где останавливались на территории оставленного скифами еще в конце I - начале II в. н.э. Южно-Донузлавского укрепленного поселения. Там в верхнем слое найден умбон типа Хорула[155]. Аналогии ему известны в погребениях горизонта C-Ib 220/230 - 260/270 гг. (по К.Годловскому) в пшеворской культуре и Скандинавии[156].

---

144 Zosimus, New history, p. 141; I,31,32.
145 Голенко, 1970, с. 88.
146 Фролова, 1980, с. 66-67.
147 Голенко, 1970, с. 88. Макарова, 1991, с. 139-140.
148 Фролова, 1980, с. 69.
149 Zosimus, New history, I,32.
150 Айбабин, 1990, с. 66.
151 Фролова, 1980, с. 70.
152 Шелов, 1972, с. 302.
153 Wolfram, 1990, p. 62-63.
154 Gregoire le Thaumaturge, Epistola canonika, canon V, 1038.
155 Ščukin, 1993, p. 326, fig. 5,8.
156 Godlowsky, 1992, p. 12, 13, pl. II,21,44,46; XI,27; XVIII,29; XXII,26,29b. Kazanski, 1994, S. 437.

Рис. 12. План некрополя Харакс, раскопки В.Д.Блаватского 1932-1935 гг.
1-33 - номера могил, *I-V* - пункты скопления фрагментов керамики, вещей, костей и зубов животных (по Блаватский, 1951, рис. 7).

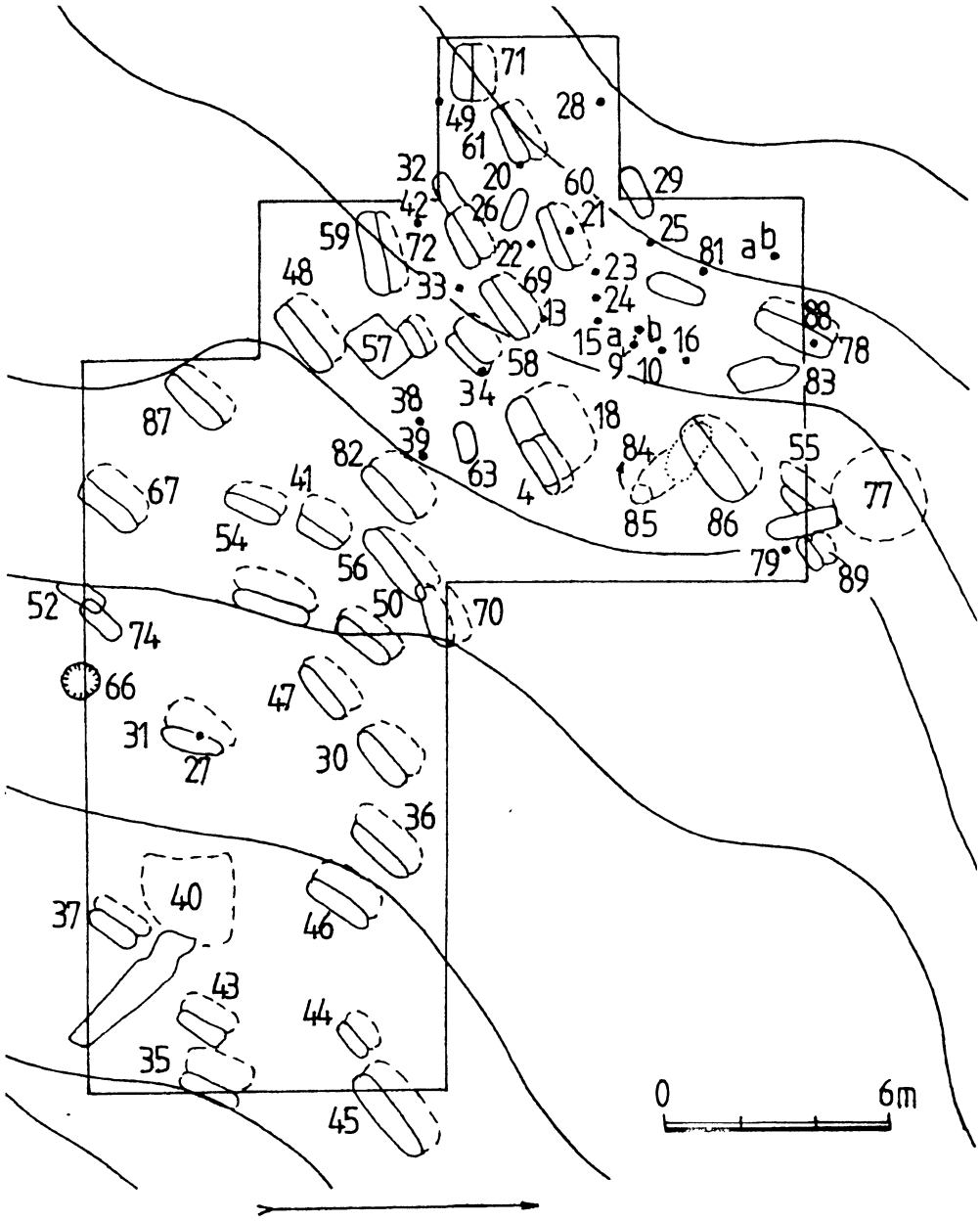


Рис. 13. План центрального участка биритуального могильника Черная Речка, раскопки В.П.Бабенчикова 1950 г. (по Бабенчиков, 1963, рис. 1).

Затем германцы продвинулись к Третьей гряде, разрушив позднескифские городища Усть-Альма, Алма-Кермен и Неаполь. В верхнем слое Неаполя обнаружены десятки скелетов и поврежденных черепов не погребенных людей, погибших во время нападения. Не менее живописная картина прослежена при раскопках верхнего горизонта на городище Алма-Кермен[157]. Данные укрепления являлись последним препятствием для проникновения германцев в оставленный римскими войсками Юго-Западный Крым. На время вторжения указывает клад, зарытый в землю в долине реки Кача у села Долинное, состоящий из серебряных римских монет антонианов и дакийской карпской фибулы[158]. Самая поздняя монета клада выпущена в 251 году[159]. Клад мог принадлежать участнику столкновений на Дунае. Бораны и готы между 252 и 256 гг. обосновались на Южном Берегу и на границе хоры Херсонеса. На склоне Чатыр-Дага (рис. 2,*21*), близ заброшенной римлянами крепости Харакс (рис. 2,*22*; 12) и на реке Черная (рис. 2,*19*; 13) появились некрополи с характерными для германцев кремациями. Одновременно на европейском Боспоре у села Заморское и в Юго-Западном Крыму у границ хоры Херсонеса в Килен-Балке (рис. 2,*36*) и близ Балаклавы (рис. 2,*18*), на Второй и Третьей грядах (могильники Суворово (рис. 2,*7*), Красный Мак (рис. 2,*13*), Озерное (рис. 2,*9*), на плато Мангуп (рис. 2,*14*) и на реке Черная (рис. 2,*15,19*) селятся аланы. Очевидно они были союзниками германцев. На реке Черная и те и другие даже жили вместе. В Тенистом (рис. 2,*10*) возникли аланское убежище и связанный с ним некрополь. Следует отметить, что в низовьях реки Бельбек и на склонах Второй гряды в долине реки Бодрак сохранилось прежнее сарматское население. Во второй половине III в. продолжали погребать на могильниках Бельбек I, II, III (рис. 2,*12*), Скалистое III (рис. 2,*33*).

Как установил В.А.Анохин, в правление Галлиена, который самостоятельно правил в 260-268 гг.[160], Херсонес прекратил чеканку собственной монеты и не получил подтверждения статуса свободного города. По его мнению, тогда же из города вывели римские войска[161]. Галлиен стремился накопить резервы[162], которые он использовал для отражения новой серии атак готов и их союзников на империю из Северо-Западного Причерноморья[163]. Выводу В.А.Анохина не противоречит надпись на алтаре с упоминанием моряка Мезийского флота Гая Валерия Валента[164]. Алтарь установили до 284 г., т.к. при Диоклетиане (284-305 гг.) после раздела провинции Нижняя Мезия[165] изменилось название римского флота в Западном Причерноморье[166].

В последний год правления Галлиена в 268 г. начался самый большой морской поход германцев[167]. Поздние авторы его исходным пунктом называли Меотиду. По словам Синкеллы, варвары на 500 судах вышли из Меотиды[168]. Зонара же писал о

---

[157] Высотская, 1972, с. 60, 61, 187. Высотская, 1979, с. 200-202. Ольховский, Храпунов, 1990, с. 111-112.

[158] Bichir, 1982, p. 36, fig. 9,4. Kazanski, 1991, p. 499-500.

[159] Hercen, 1995, p. 178-179.

[160] Histoire Auguste, Chastagnol, Introduction, p. XLIII,797.

[161] Анохин, 1977, с. 91, 92.

[162] Grant, 1968, p. 21-35. Luttwak, 1987, p. 150-151.

[163] Schwarcz, 1992, S. 51, 52. Wolfram, 1990, p. 65.

[164] Соломоник, 1973, с. 225-232, № 189.

[165] Jones, 1973, p. 54-55.

[166] Zahariade, 1988, p. 88-99.

[167] Wolfram, 1990, p. 65. Schwarcz, 1992, S. 52.

[168] Georgius Syncellus, Chronographia, An. XII,717.

переправе варваров из Азии через Меотиду[169]. Историк второй половины IV в. Аммиан Марцеллин сообщал, что скифы на 2000 кораблях прорвались через Боспор и напали на владения империи в Причерноморье[170]. По Зосиму готы, певки и герулы собрались в устье Тиры (Днестра) в 268 г., откуда вместе по суше и на 6000 кораблях вторглись в провинции в Западном Причерноморье[171]. В "Истории Августов" среди сосредоточившихся в устье Тиры "скифских" народов упомянуты певки, остроготы, гепиды, кельты, герулы и другие[172]. Они рассказывали о переходе "скифов" через "Эвксин" (Черное море) к Истру после гибели в 267 г.[173] правителя Пальмиры Одената[174]. В.Ф.Гайдукевич полагал, что германцы начали поход с захвата кораблей на Боспоре и разрушения крепости Илурат и других городов и поселений на Керченском полуострове[175]. Дату события он определял по статеру Рискупорида V 264 г. с пола помещения 27 и по амфорам III в. с полов построек из Илурата[176]. К сожалению, почти все амфорные комплексы из этих раскопок так и остались не изданными. Опубликованный же комплекс из помещения 1 состоит из светлоглиняных амфор типа Д (по Шелову) и с воронковидным горлом (Бётгер тип I)[177]. Как отмечалось выше, амфоры типа Д использовали и в IV в.[178] Амфоры с воронковидным горлом в Западном Причерноморье встречены в слоях второй половины IV - VI вв.[179], а в Тиритаке и Зеноновом Херсонесе — в слоях второй половины V - второй половины VI вв. То есть, помещение 1 сгорело не во второй половине III в. Как показал анализ керамики, слои разрушений, выявленные на других малых городах Боспора, образовались не во второй половине III - IV вв., а не ранее VI в.[180]

Приведенные выше сообщения историков позволяют попытаться восстановить события 268 г. Примеотидские германцы (по В.Ф.Гайдукевичу и В.Вольфраму герулы)[181], направляясь к сборному пункту в устье Тиры, прорвались на кораблях через пролив Боспор (Марцеллин). К Тире их флот проплыл вдоль Южного Берега Крыма и оставленного римлянами Херсонеса. Сухопутные же отряды германцев могли попасть к Тире только через Северопричерноморские степи. Римские и византийские авторы перечисляют все города империи, подвергшиеся нападению германцев в ходе данного рейда. Среди пострадавших городов не названы ни Боспор, ни Херсон. Перерезав морские коммуникации, германцы конечно же нанесли сильный урон экономике Боспора и Херсона. В первом из них до 275 г.[182], а во втором на более длительный срок[183] приостановили эмиссию денег. Из-за прекращения рыболовства во второй половине III в. в Мирмекии и Тиритаке ликвидировали крупные комплексы по

---

[169] Zonarae Ioannes, Annales, XII,26.
[170] Ammianus Marcellinus, 31, 5,15.
[171] Zosime, Histoire nouvelle, Tome I, livre I, LXII, p. 38-39.
[172] Schwarcz, 1992, S. 52. Histoire Auguste, Claudii, VI,2, p. 939.
[173] Isaac, 1992, p. 222.
[174] Histoire Auguste, Les deux Galliens, XIII,2,4,6, p. 823, 825; Les trente tyrans, XV,5, p.887.
[175] Gajdukevič, 1971, S. 472.
[176] Гайдукевич, 1958а, с. 54, 76, 77, 145.
[177] Гайдукевич, 1958а, с. 34, рис. 20,1; 21,1.
[178] Шелов, 1978, с. 19. Сазанов, 1993, с. 17.
[179] Böttger, 1982, S. 39-42, Taf. 18,222.
[180] Сазанов, 1989, с. 43, рис. 1,3, табл. 5.
[181] Gajdukevič, 1971, S. 472. Wolfram, 1990, p. 65.
[182] Фролова, 1980, с. 73.
[183] Анохин, 1977, с. 97.

переработке рыбы и перестроили одну из цистерн под жилище[184]. Опасаясь германцев, боспорцы зарывали денежные клады. В Керченском кладе антонинианов самые поздние монеты выпущены при Галлиене. Клад с поселения у с. Семёновки состоял из 96 боспорских статеров 242-267 гг.[185]

По сообщению Зосима, "Истории Августов" и Зонары[186], после прихода к власти в Риме Тацита в конце 275 г. "скифы" в 276 г. переправились через Меотиду и напали на провинции Понт, Каппадокию, Галатию и Киликию. Зосим и Зонара именовали "скифами" всех германцев, в том числе готов и боранов, участвовавших в первых походах через Боспор. В описании мученичества Святого Афеногена из Педахтои (Каппадокия), составленном в начале IV в. и дополненном в конце IV в. и в VI в., напавшие на Каппадокию варвары названы готами. Как предположил издатель текста П.Мараваль, в мученичестве идет речь о походе 276 гг.[187] Отражавшими нападение римскими войсками руководил император Тацит, получивший в результате успешных действий титул победителя готов[188]. После смерти Тацита летом 276 г. во время похода императором стал его брат Флориан. Он возглавил войска, изгонявшие германцев из Киликии[189]. Вскоре он узнал об узурпации власти Пробом. По словам Зосима, Флориану пришлось, не завершив победоносную борьбу против "боспорских скифов", отправиться с войсками к Тарсу[190]. Вероятно, разгром измотанных римлянами германцев завершил боспорский царь Тейран[191]. Его монеты регулярно чеканились в 574 и 575 гг. боспорской эры, соответственно в 277-278 гг.[192] Очевидно, именно в честь этого события в столице царства от имени более 80 магистратов боспорского двора был сооружен памятник, посвященный главным богам Боспора Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице. В надписи на его мраморной базе сообщается о победе царя Тиберия Юлия Тейрана над не названными врагами: "Α(γ)αθῆι τύχηι. Βασιλεύ|οντος || Βασιλέω[ς] | Τιβερίου Ἰουλίου Τειράνου φιλοχαίσαρος καὶ φι[λο]ρωμαίου, εὐσεβοῦς, θεοῖς ἐπουραν[ί]οις Διὶ Σωτῆρι καὶ Ἥρᾳ Σωτείρᾳ ὑπὲρ βασιλέως Τειράνου νείχης καὶ αἰωνί[ου] διαμονῆς καὶ Αἰλίας βασιλίσσης..." — "В добрый час. В царствование царя Тиберия Юлия Тейрана, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, поставили этот памятник богам небесным, Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице, за победу и долголетие царя Тейрана и царицы Элии..."[193].

Кратковременные вторжения германцев и их союзников в Европейскую часть Боспорского царства не привели к сколь либо заметному изменению этнического состава ее населения. После 276 г. рядовые боспорцы хоронили в погребальных сооружениях традиционных типов. Выложенные и перекрытые плитами земляные могилы

---

184 Гайдукевич, 1952, с. 208-211. Гайдукевич, 1958, с. 68-69.

185 Кругликова, 1966, с. 187-188.

186 Zosime, Histoire nouvelle, Tome I, livre I, LXIII, p. 54. Histoire Auguste, Vie de Tacite, XIII,1-3, p. 1051. Zonarae Ioannis, Annales, XII,28.

187 Maraval, 1990, p. 6, 13, 16, 17, 31, 35.

188 Schwarcz, 1992, S. 56, 57. Хайрединова, 1994/1995, с. 522-523.

189 Zosime, Histoire nouvelle, Tome I, livre I, LXIII, p. 54, 55. Histoire Auguste, Vie de Tacite, XIII,1-3; XIV,1-3, p. 1051. Zonarae Ioannis, Annales, XII,28. Malalas John, The chronickle, book 12, 301, p. 164-165.

190 Zosime, Histoire nouvelle, Tome I, livre I, LXIV, p. 55,57.

191 Gajdukevič, 1971, S. 474.

192 Фролова, 1991, с. 103.

193 Ростовцев, 1913, с. 29. КБН, № 36, с. 38-41.

характерны для греческого населения региона с эллинистического периода[194]. Подбойные могилы со II в. до н.э. использовали сарматы[195]. В склепах с лежанками с начала н.э. погребали представители всех этнических групп[196]. С конца II в. с проникавшими на Боспор аланами там распространились Т-образные в плане склепы[197].

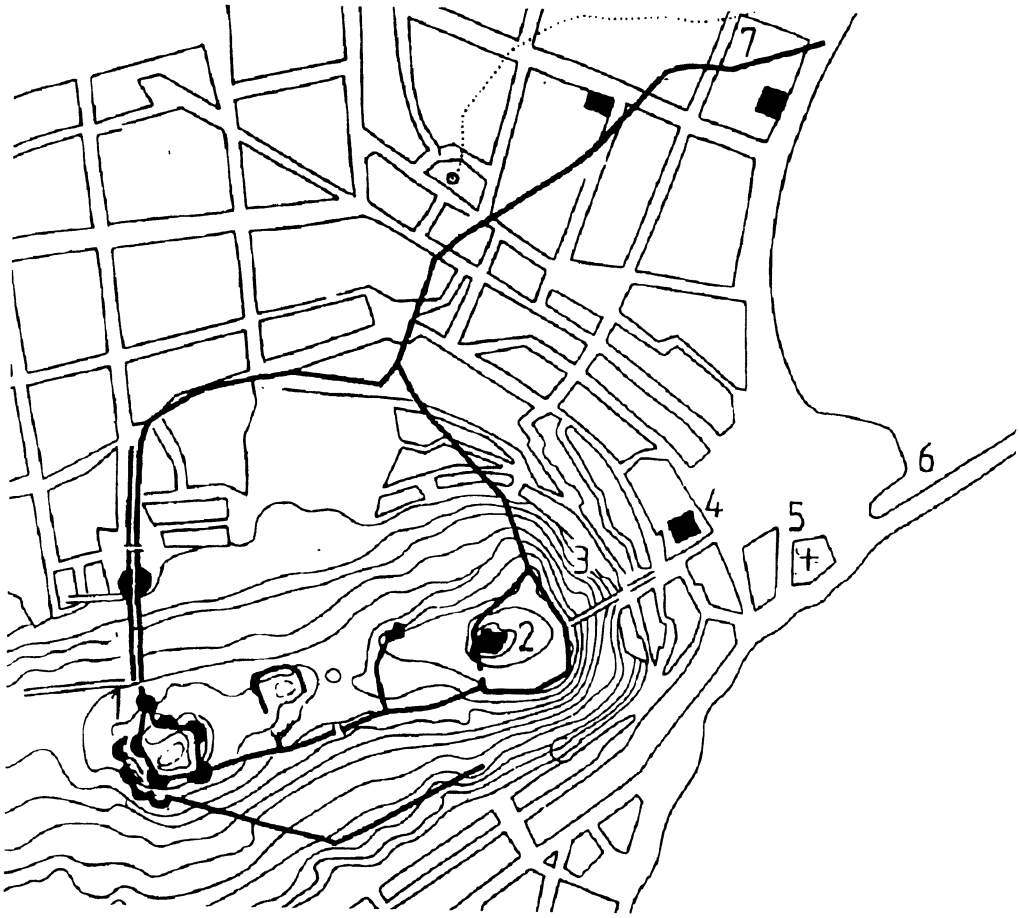


Рис. 14. План Пантикапея-Боспора, составленный П.Дюбрюксом, реконструированный В.П.Толстиковым и И.И.Кроленко (по Сазанов, 1985, рис. 1).
1 - Второе кресло горы Митридат, *2* - Центральное плато горы Митридат, античный акрополь, *3* - некрополь на склоне горы, *4* - раскоп 1990-1992 гг., *5* - центр города в римский и византийский периоды, церковь Иоанна Предтечи, *6* - порт, *7* - городская стена античного и римского времени.

---

[194] Гайдукевич, 1959, с. 207.
[195] Цветаева, 1951, с. 73, 74. Шелов, 1972, с. 234.
[196] Ростовцев, 1914, с. 509. Цветаева, 1951, с. 79.
[197] Гайдукевич, 1959, с. 217, 219, 225-237. Блаватский, 1941, с. 61-73. Кобылина, 1941, с. 77-79, рис. 109.

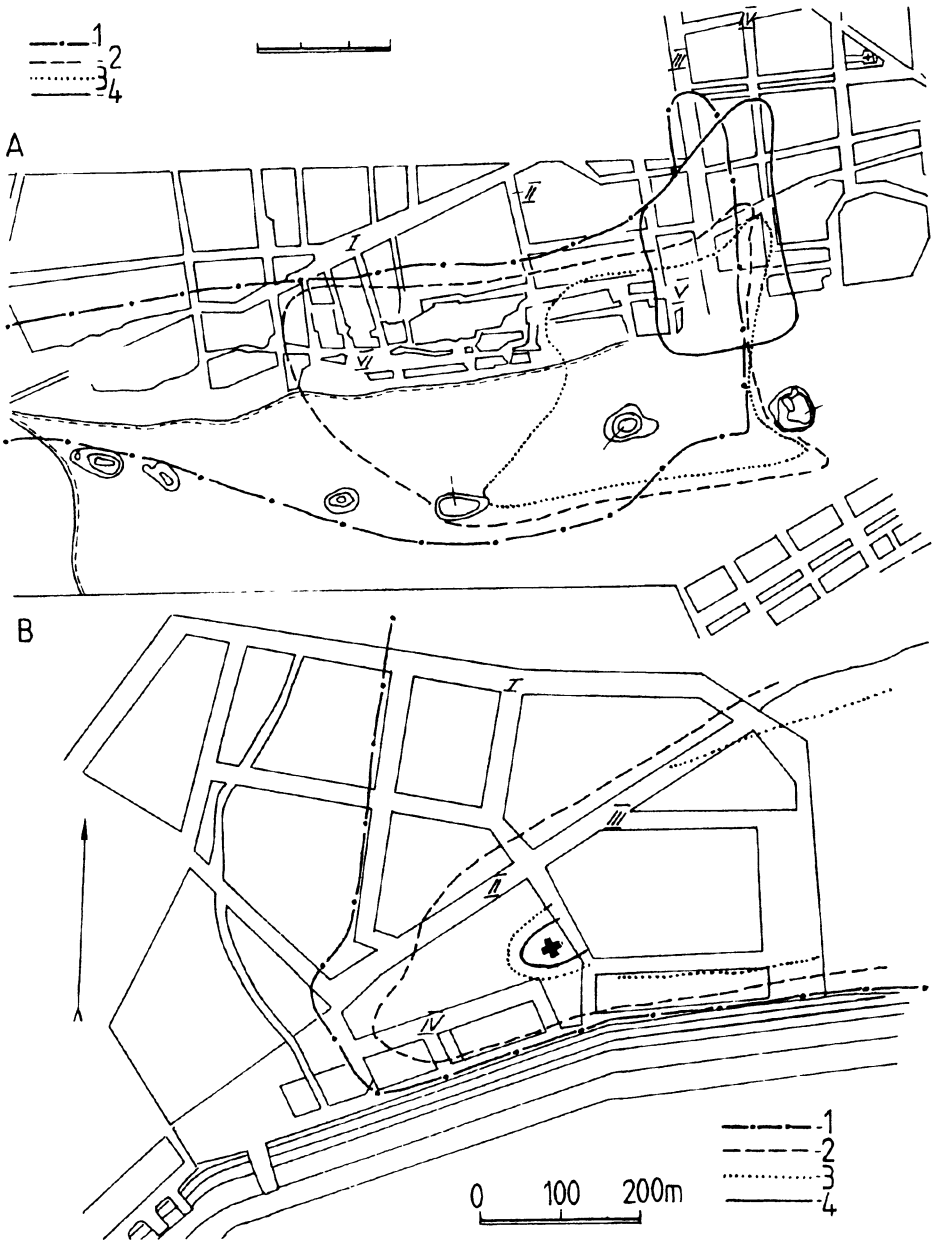


Рис. 15. Границы некрополя Пантикапея-Боспора I-VII вв.
А - на склоне г.Митридат: *I* - Феодосийская дорога, *II* - 2 Подгорная улица, *III* - Шлагбаумская улица, *IV* - Госпитальная улица, *V* - Эспланадная улица, *VI* - Предельная улица (по Цветаева, 1951, рис. 3). В - на Гнилище: *I* - Предельная улица, *II* - 1 Аджимушкайская, *III* - 2 Аджимушкайская, *IV* - Карантинная (по Цветаева, 1951, рис. 4).
1 - границы некрополя I-II вв., *2* - границы некрополя III-IV вв., *3* - границы некрополя IV-V вв., *4* - границы некрополя V-VII вв.

Многочисленные однотипные склепы открыты на городском некрополе Пантикапея-Боспора, расположенном на северном склоне г. Митридат (рис. 14). Он протянулся широкой полосой на несколько километров от современной Госпитальной улицы в западном направлении до вала (рис. 15,А)[198]. Богатые захоронения, раскопанные в Керчи в 1837, 1841, 1910 и 1918 гг., обычно приписывают Рискупориду III, а также другим представителям правящего рода[199]. По деталям обряда они близки аланским. Два из них совершены под курганными насыпями. Первое (1837 г.) зачищено в мраморном саркофаге. На черепе лежала золотая маска (рис. 16), возможно, исполненная по слепку, снятому с лица умершего, и венок. В саркофаге лежали золотые серьги и браслеты с гранатовыми вставками, двучленные подвязные фибулы варианта 15/III-3[200], железные меч и нож, сбруйные ремни с удилами и серебряными бляхами, обтянутыми золотой фольгой (рис. 17,*3*), серебряные и бронзовые сосуды. На двух бляхах изображены тамгообразные знаки. На одной стороне серебряного блюда выгравированы лавровый венок и монограмма Каракаллы Ἀντ[ωνεῖνος] β(ασιλέως) (его личное имя Марк Аврелий Антонин), а на другой — пуансоном исполнена надпись Ῥησχουπόρει βασιλέως (царя Рискупорида). Полагают, что блюдо подарил Рискупориду III император Каракалла[201]. В насыпи кургана 1841 г. обнаружен скелет коня. Захоронение человека находилось в старом античном склепе. Там, в деревянном обитом свинцом гробу, лежал скелет с золотым венком на черепе, а рядом — меч, кинжал, копье, нож, два оттиска с монет 222-227 гг. Рискупорида III и сбруйные ремни с обтянутыми золотой фольгой бляхами[202] (рис. 17,*1,2,4,5,7-9*, табл. IV,*3*). В 1920 г. Лувр в составе большой коллекции приобрел у богатой керченской семьи Мессаксуди золотую диадему, пряжки с овальной рамкой 2 варианта и типа Келлер А 1 и 2 вариантов (табл. XIII,*9*), наконечники ремней с валиком (табл. XIII,*10*), двучленные фибулы варианта 15/III-3 (табл. I,*10*), удила, детали от ножен меча и ремней сбруи, пиксиду. Судя по изданному М.И.Ростовцевым тексту отчета

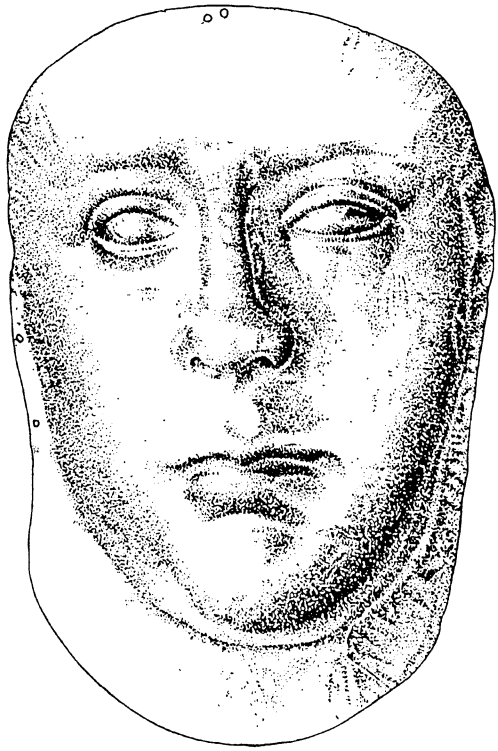


Рис. 16. Керчь. Золотая маска из погребения 1837 г. (Šarov, 1994, Abb. 7).

[198] Цветаева, 1951, рис. 3.
[199] Ашик, 1849, с. 72, рис. 209. Reinach, 1892, p. 40-41, 43. Шкорпил, 1910, с. 33, рис. 13. Rostovtzeff, 1923, p. 115-125. Rostowtzew, 1931, S. 221-224.
[200] Амброз, 1966, с. 54.
[201] Rostovtzeff, 1923, S. 119.
[202] Rostovtzeff, 1923, p. 117, 118.

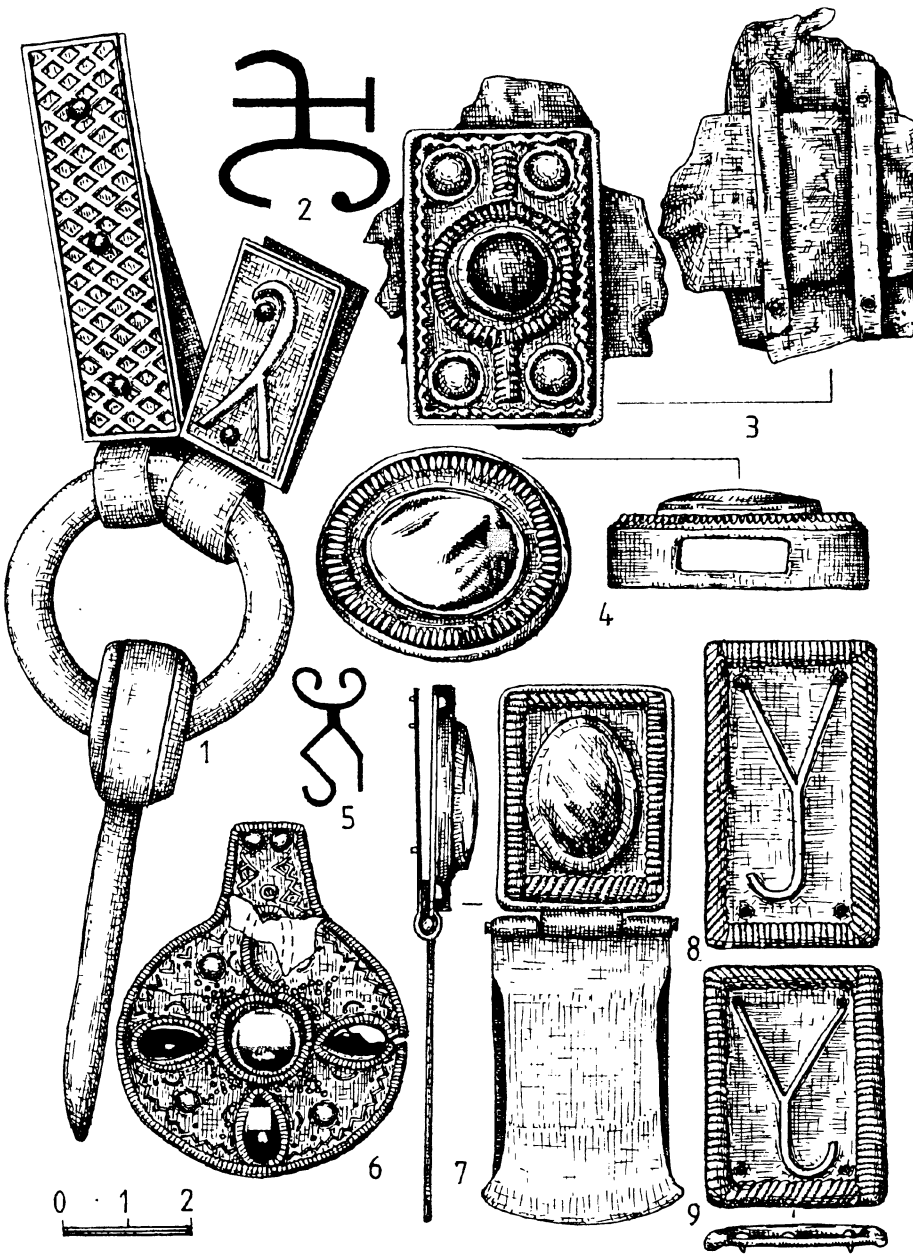


Рис 17. Вещи и тамги из захоронений Рискупоридов из Керчи.
1,2,4,5,7-9 - Аджимушкай 1841 г., *3* - погребение с золотой маской 1837 г., *6* - Керчь, коллекция А.Л.Бертье-Делагарда в Британском музее (*1* - по Ашик, 1849, рис. 209; *2,5* - по Šarov, 1994, Abb. 6,1,2; *3* - по Šarov, 1994, Taf. 14,15; *4,7-9* - по Šarov, 1994, Abb. 4A; *6* - по Germanen, Hunnen und Awaren, 1987, fig. 16k).

мадам Мессаксуди, перечисленные вещи в 1918 г. землекопы извлекли из раскопанной на ее усадьбе могилы, в которой они не обнаружили остатков гроба и скелетов[203]. А.К.Амброз по фибулам, деталям сбруи и пряжкам датировал все три комплекса не ранее второй половины III в.[204] В пользу такой даты могилы 1837 г. с золотой маской свидетельствует находившееся в ней ведро типа Хеммор второй половины или конца III в.[205] М.М.Казанский указал на наличие среди вещей, купленных у Мессаксуди и якобы происходящих из одной могилы 1918 г., овальной пряжки с длинным язычком 3 варианта[206]. Такие пряжки бытовали в Крыму с последней четверти IV в.[207] Другие пряжки и наконечники с валиком из этой могилы, в основном, изготовляли в первой половине IV в. (табл. XXVII,*38,56*)[208]. Если рассматриваемые вещи действительно найдены в одной могиле, то следует согласиться с предложением М.М.Казанского датировать данный комплекс последней третью IV в. (табл. XXVII,*38,56*)[209]. Серебряные сбруйные бляхи из могил 1837 и 1841 гг. (рис. 17,*1-5,7-9*; табл. IV,*3*) обтянуты золотой фольгой и декорированы тисненными витыми жгутами и гнездами со вставками из крупного шлифованного сердолика. Такими же вставками и подобным тисненным орнаментом украшены детали сбруи из Керчи, хранящиеся в Британском Музее в составе коллекции А.Л.Бертье-Делагарда (рис. 17,*6*)[210], из погребения второй половины III в. могильника Веселая Роща II в Ставрополье[211], из захоронений второй половины III - первой половины IV вв. из г. Азова[212] и из станицы Тимошевской (Северный Кавказ)[213], из Кишпека (Кабардино-Балкария)[214], пряжки из Херсонеса[215], из могилы последней четверти IV в. с усадьбы Мессаксуди[216] (табл. XIII,*9*), височные подвески, браслеты и пряжка из погребений второй половины III - первой половины IV в. из Приднепровья, Подонья и Прикубанья[217], из крымских погребений первой группы второй половины III в.[218]: Черная Речка могилы 3, 35 и 45, Дружное захоронение 2 в склепе 1 (табл. IV,*4*)[219] и могила 24 с монетой 251 г. (табл. IV,*1,2*)[220], Бельбек III могила 2[221]; второй половины IV в. — Черная Речка могила 2. Р.Ж.Бетрозов отнес могилу из Кишпека к гуннской эпохе — концу IV - V вв.[222] А.К.Амброз датировал

---

[203] Rostovtzeff, 1923, p. 99-109, fig. 1-7.
[204] Амброз, 1989, с. 25. Амброз, 1992, с. 8-10.
[205] Kazanski, 1995, p. 192.
[206] Beck, Kazanski, Vallet, 1988, fig. 1,1.
[207] Айбабин, 1990, с. 28, рис. 2,26; 22,8-11. Aibabine, 1996, p. 25, fig. 8,3.
[208] Айбабин, 1990, с. 27,28, рис. 2,10; 22,3. Aibabine, 1996, p. 21, fig. 5,5,6. Kazanski, 1995, p. 191.
[209] Beck, Kazanski, Vallet 1988, p. 70. Kazanski, 1995, p. 192.
[210] Germanen, Hunnen und Awaren, 1987, S. 112, № 16k.
[211] Романовская, 1986, с. 77, рис. 2,1.
[212] Белинский, Бойко, 1991, с. 87-90, рис. 22,1-4; 23,1-4; 26; 27.
[213] Амброз, 1989, с. 25, рис. 1,18.
[214] Бетрозов, 1987, с. 17, 18, рис. V,1,2; VIII,1-6.
[215] Амброз, 1992, табл. I,5.
[216] Rostovtzeff, 1923, pl. IV.
[217] Гущина, 1966, с. 74, рис. 1,6. Савовський, 1977, с. 65, 66, рис. 5,2. Безуглов, Захаров, 1989, с. 44, 55, рис. 2,1; 4,2.
[218] Айбабин, 1994/1995а, с. 94. Aibabine, 1996, p. 20, 21, fig. 2,13. Айбабин, 1996, с. 292, рис. 13.
[219] Айбабин, 1994/1995а, рис. 6,1,2.
[220] Храпунов, 1994/1995а, рис. 4,16; 5,4,5.
[221] Гущина, 1974, рис. 4,4.
[222] Бетрозов, 1987, с. 25.

данное погребение второй половиной III в.[223] По утверждению В.А.Кузнецова, найденные в нем детали сбруи сделаны в начале IV в. в Паннонии[224]. Время совершения захоронения в Кишпеке определяется по найденным там пряжкам типа Келлер А и римскому офицерскому шлему первой половины IV в.[225] По предположению А.К.Амброза, перечисленные детали сбруи и украшения представляют собой изделия единого ювелирного стиля. По цветовой гамме, использованию шлифованных сердоликовых вставок и технологии исполнения декора они близки деталям пояса, изготовлявшимся со второй половины III в. в провинциальных римских мастерских[226]. Так же декорированы офицерские шлем из Кишпека, шлем первой половины IV в. из Диерны (Нидерланды), шлем с выполненной пуансоном надписью с именем императора Лициния (308-325 гг.) из Беркасово (Воеводина в Югославии)[227]. По словам А.К.Амброза, данный стиль, возникнув в римских провинциях во второй половине III в., распространился в Крыму и на Северном Кавказе[228]. Важно подчеркнуть, что все упомянутые сбруйные наборы происходят из захоронений представителей правившей на Боспоре династии или с Северного Кавказа из могил аланской знати. На удилах с Боспора изображены родовые тамги (рис. 17,*1,2,8,9*). Видимо, такие наборы делали по заказам знати в боспорских мастерских по заимствованной от римлян технологии и в соответствии со всеми требованиями новой римской моды[229]. В новом стиле и, очевидно, не только на Боспоре изготовляли популярные в Юго-Западном Крыму женские украшения: бронзовые, серебряные и золотые серьги и браслеты (табл. IV,*1,2,4*).

Вышесказанное позволяет усомниться в традиционной идентификации погребенных в могилах с золотой маской и 1841 г. Захоронения в них совершены не ранее второй половины III в. Значит в них похоронены не Рискупорид III, умерший в 226/7 г., и живший тогда член его семьи, а, видимо, Рискупорид V и какой-то его родственник.

Опираясь на анализ ономастического материала боспорских надписей второй половины III - IV в., Д.И.Даньшин предположил, что после германских погромов часть алан из Танаиса (рис. 10,*25*) и греков из Горгиппии (рис. 10,*23*) переселилась в столицу царства и Феодосию[230].

На европейском Боспоре археологические материалы, связанные с германцами, нападавшими на Боспор в третей четверти III в., весьма малочисленны: характерная для вельбарской культуры декорированная кольцами двучленная подвязная фибула, черняховские подвязные фибулы, гребни и керамические сосуды второй половины III-IV вв.[231] Однако, условия находки некоторых из названных вещей в Керчи не известны, а другие германские изделия найдены на городищах, поселениях и некрополях местного греческого и сармато-аланского населения.

По данным ономастики эллинизированные евреи переселились в Пантикапей из

---

[223] Амброз, 1989, с. 25-26.
[224] Кузнецов, 1993, с. 92.
[225] Kazanski, 1995, p. 191,192.
[226] Martin, 1991, S. 55, Abb. 22,1.
[227] Klumbach, 1973, S. 27-37, Taf. 1-9,11-21.
[228] Амброз, 1989, с. 23-27. Амброз, 1992, с. 8-10.
[229] Айбабин, 1994/1995, с. 94, 95.
[230] Даньшин, 1990, с. 53-56.
[231] Амброз, 1966, с. 67, табл. 11,17. Симонович, 1975, с. 81,82, рис. 1,4,5-9,11-15. Казанский, 1997, с. 48,49.

Малой Азии и Фракии еще при Митридате VI Евпаторе (121-63 гг. до н.э.)[232]. В 1867 и 1912 г. в Керчи обнаружили два еврейских некрополя. По информации А.Е.Люценко, на кладбище рядом с Павловской батареей открыты грунтовые покрытые "диким" камнем безынвентарные могилы со скелетами, ориентированными черепами на восток. На обоих некрополях найдены надгробия с высеченными изображениями меноры и с греческими и двуязычной (на греческом и иврите) надписями. Они по палеографическим признакам датированы III-IV вв. и IV-V вв.[233] Ранним считают хранившееся в лапидарии в "Царском кургане" надгробие из Керчи с менорой и еврейской надписью. В ней Д.А.Хвольсон прочитал имя Шабтай[234]. Не типичный для евреев Палестины обычай устанавливать надгробия с религиозными эмблемами возник у говоривших на греческом и латыни евреев диаспоры под влиянием эллинской традиции[235]. По мнению Д.И.Даньшина, в III в. в городах Боспора меняется еврейская ономастическая традиция. Появляются новые, не встречавшиеся в надписях имена Σαμούηλ, Ἰσαάχιος, Амц, Менахим, Мирьям, Моисай, Авраам. Отмеченная новация позволяет предположить новую миграцию иудеев на Боспор[236].

После победы Тейрана над германцами на полуострове начался относительно спокойный период. В 276 г. правители Бопорского царства контролировали прежнюю территорию. В надписи в честь Тейрана упомянуты наместник Феодосии и начальник области аспургианов (азиатский Боспор)[237]. Его границы не изменились и в начале IV в. Это подтверждает надпись 306 г. наместника Феодосии Аврелия Валерия Сога[238].

К последней четверти III в. в Боспорском царстве государственным культом стал возникший в I в. н.э. культ Зевса Спасителя — Ζεὺς Σωτὴρ и Геры Спасительницы — Ἥρα Σώτειρα[239]. По словам М.И.Ростовцева, в надписи Тейрана значение Зевса и Геры, как главных богов царства, подчеркнуто посвящением им памятника всем двором, организованным под именем ἀριστοπυλεῖται в особую сакральную коллегию. Эпитет "θεοὶ ἐπουράνιοι — боги небесные" показывает, что это уже не греческий культ[240]. Его официальный статус подтверждает упоминание в той же надписи жреца[241]. Он от имени и по повелению государства совершал все религиозные акты.

В надписях зафиксировано сохранение важной роли в идеологической политике государства других официальных культов: до начала IV в. культа римских императоров[242], а до начала V в. культа царской династии Тибереев Юлиев[243].

Наиболее ранние сведения об иудейской общине и молельне в Пантикапее содержаться в пяти монумисиях 57 г. н.э. - первой половины II в.[244] Они являются юридическими актами об освобождении на волю рабов язычников под опеку иудейской об-

---

[232] Левинская, Тохтасьев, 1991, с. 118-128. Соломоник, 1997, с. 9,10.
[233] КБН, № 724, 735, 736, 743, 746, 777, 1225, с. 417, 424, 426, 428, 430, 443, 444, 718, 719. Даньшин, 1993, с.68.
[234] Хвольсон, 1884, с. 138.
[235] Хвольсон, 1884, с. 133, 137, 138, 144-148, 153-157. Даньшин, 1993, с. 69.
[236] Даньшин, 1993, с. 69.
[237] Gajdukevic, 1971, S. 474.
[238] КБН, № 64.
[239] КБН, № 76, с. 86.
[240] Ростовцев, 1913, с. 29, примечание 2. КБН, № 36, с. 39-41.
[241] КБН, № 36, с. 39,41.
[242] КБН, № 64. Блаватский, 1985, с. 192-194.
[243] КБН, № 36, 65-67.
[244] КБН, № 69-73. Даньшин, 1993, с. 63.

щины (συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων) при условии посещения молельни (προσευχή)[245]. По предположению Б.И.Надэля и И.А.Левинской, в монумисиях вольноотпущенников обязывали работать (προσχαρτερήσεως) при молельне[246]. По утверждению И.А.Левинской, эти вольноотпущенники становились примкнувшими к иудаизму чтущими бога (θεοσεβεῖς) квазипрозелитами, но не принимались в общину[247]. В III-IV вв. членов городской иудейской общины хоронили на описанных выше еврейских кладбищах. На происходящих с них надгробиях с менорами вырезаны еврейские (Исаак — Ἰσαάχιος, Самуил — Σαμούηλ, Симон, Шимон — Σείμων), греческие (Агафон — Ἀγάθων, Аристон — Ἀρίστων, Хрестиона — Χρηστίωνος), римское (Север — Σεβῆρος) имена[248]. Не исключено, что Самуил сын носителя римского имени Σεβῆρος и носитель греческого имени Ἀγάθων сын Ἀρίστωνος[249] были прозелитами.

На существование в г. Боспоре во второй половине III - начале IV в. культа Бога Высочайшего (θεὸν ὕφιστον) указывает надпись Аврелия Валерия Сога. В 306 г. он по обету в честь θεὸν ὕφιστον построил в столице царства молельню (προσευχή)[250]. Культ θεὸν ὕφιστον в I - первой половине III вв. широко распространился в Танаисе и Горгиппии. Фрагмент надписи I в. из Пантикапея, видимо, посвященной Богу Высочайшему, еще не опубликован[251]. Э.Шюрер писал о значительном влиянии иудаизма на этот культ[252]. По словам Е.Кюмона, он возник в еврейской среде[253]. И.А.Левинская и Д.И.Даньшин считают, что культ θεὸν ὕφιστον представляет собой эллинистический иудаизм, адептами которого были люди не еврейского происхождения, квазипрозелиты, не связанные с общиной иудеев[254]. М.И.Ростовцев, В.Ф.Гайдукевич и Т.Н.Книпович писали о синкретизме культа θεὸν ὕφιστον, объединившего черты иудейского Яхве и фракийского Сабазия или греческого Зевса. Как отмечали М.И.Ростовцев и другие, на фронтоне стел с упоминанием θεὸν ὕφιστον из Танаиса и Пирота (Болгария) изображен орел — символ Зевса-Сабазия[255]. По мнению В.Ф.Гайдукевича, синкретизм культа отразился и в надписи 41 г. н.э. из Горгиппии, посвященной Θεῶι ὑφίστωι παντοκράτορι εὐλογητῷ — Богу Высочайшему, Вседержателю благословленному. В ней сообщается о посвящении вольноотпущеницы в иудейскую молельню — προσευχή под опеку греческих богов Зевса, Геи и Гелиоса[256].

В описании мученичества святого Афеногена говорится о его путешествии (скорее всего на Боспор) для выкупа христиан, захваченных готами во время набега 276 гг. на Педахтою в Каппадокии[257]. Видимо, в последней четверти III в. с пленными христианами их религия проникает на Боспор. В Ново-Отрадном (рис. 10,*2*) в ямной могиле с

---

[245] Левинская, 1992а, с. 199.
[246] Надэль, 1948, с. 203-206. Левинская, 1992а, с. 199, 200.
[247] Левинская, 1992а, с. 199, 200. Левинская, 1992б, с. 130, 131, 141-143.
[248] КБН, № 724, 735, 736, 743, 746, 777, с. 417, 424, 426, 428, 430, 443, 444.
[249] КБН, № 735, 743.
[250] КБН, № 64.
[251] Даньшин, 1993, с. 64.
[252] Schürer, 1897, S. 218-225.
[253] Cumont, 1907, p. 77.
[254] Левинская, 1988, с. 18. Даньшин, 1993, с. 64.
[255] Ростовцев, 1914, с. 431-433. Гайдукевич, 1949, с. 433-434. Книпович, 1949, с. 110.
[256] Гайдукевич, 1949, с. 363, 433-434. КБН, № 1123, с. 656, 657.
[257] Maraval, 1990, p. 30-35, § 3,7,8.

использовавшейся до конца III в. подвязной фибулой варианта 15/I-5 найден христианский перстень с изображением креста и двух симметрично расположенных по его сторонам рыб[258]. На самом раннем христианском надгробии 304 г. из Керчи высечены крест и надпись: "Здесь покоится Эвтропий 601". Цифры означают год погребения по боспорской эре[259]. К 325 г. там образовалась христианская община. Боспорский епископ Кадм участвовал в Никейском соборе[260]. Созомен писал о гибели боспорского епископа во время землетрясения в 344 г. в Никомедии, которое произошло до начала собора[261]. Боспорские христиане названы в написанной во второй половине IV в. "Похвале святому мученику Фоке"[262].

В последней четверти III - IV вв. в столице Боспора агора так же, как и в I-II вв. находилась в районе порта, на месте бывших Предтеченской и Биржевой площадей (рис. 14,*5,6*)[263]. Результаты археологических раскопок свидетельствуют о некотором оживлении в рассматриваемый период городской экономики. Реконструируются жилые кварталы. При царе Радамсаде (308-319 гг. или до 322 г.) и во время его соправительства с Рескупоридом VI в 314-319 гг. или до 322 г.[264] строятся общественные здания[265]. В надписи, найденной на Таманском полуострове, вероятно, у станицы Запорожской, сообщается о постройке архитектором Евтихом в 335 г. при царе Рескупориде VI оборонительной стены или укрепления (τὸ τεῖχος)[266]. По данным В.Д.Блаватского, в последней четверти III в. на территории Пантикапея-Боспора возникли многочисленные зерновые хозяйства[267]. В них и в сельских поселениях выращивалось значительное количество товарного зерна. Боспор вывозил хлеб в Константинополь. К началу 360-х годов относится выступление ритора Фемистия[268], в котором он назвал Боспор и Херсон в числе главных поставщиков хлеба в столицу[269]. Восстанавливается морской торговый флот. Грузовой корабль реалистично изображен красной минеральной краской на стене склепа 1901 г., отнесенного М.И.Ростовцевым к IV в. Отчетливо видны наполненный ветром парус на носу корабля, высокая мачта посредине, сидящие на ней налаживающие парус моряки, лежащие на палубе два якоря, капитанская рубка на корме, двойной руль под ней и плывущая на привязи лодка[270].

Довольно часто в качестве источника по истории Боспора в конце III - первой половины IV в. и его взаимоотношений с Римом и Херсонесом привлекают тексты Херсонесских исторических хроник и легенд, добавленных Константином Багрянородным к трактату X в. "Об управлении империей". Полагают, что хроники созданы в V в. и повествуют о реальных событиях херсонесской и боспорской истории[271]. Столь

---

[258] Амброз, 1966, с. 51. Арсеньева, 1970, с. 106, 107, табл. 12,10,13.
[259] КБН, Addenda, № 3.
[260] Бенешевич, 1908, с. 295. Vasiliev, 1936, p. 10-13. Якобсон, 1958, с. 461.
[261] Hermiae Sozomeni, Historia ecclesiastica, IV, cap. XVI, 1155-1156.
[262] Латышев, 1899, с. 33.
[263] Сазанов, 1985, с. 175.
[264] Фролова, 1975, с. 50, 52, 55, 56. Фролова, 1984, с. 51. Анохин, 1986, с. 128.
[265] Блаватский, 1960, с. 179. Кругликова, 1966, с. 18, 34-36. Макарова, 1991, с. 130. КБН, № 64, 65, 66.
[266] КБН, № 1112.
[267] Блаватский, 1985, с. 246,247.
[268] Dagron, 1968, p. 25.
[269] Dagron, 1974, p. 531-532.
[270] Ростовцев, 1914, с. 412-416.
[271] Харматта, 1967, с. 205.

ранняя дата и достоверность хроник вызывает сомнение. В начале хроник сообщается о существовании близ Херсона при Диоклетиане (284-305 гг.) "соседних крепостей"[272]. Как показали археологические раскопки, по соседству с Херсоном крепости были сооружены не ранее второй половины VI в.[273] Они упомянуты в написанном в 770-780-х гг. "Бревиарии" Никифора[274], в рассказе о событиях конца VII в. в Collectanea Анастасия Библиотекаря[275]. Так же неправдоподобна информация о пребывании в Херсонесе при Диоклетиане и Константине (306-337 гг.) баллистариев[276]. Не подтверждается другими источниками информация о походе херсонесцев на Дунай[277] и о войнах Херсонеса с Боспором, якобы приведших к гибели Боспорского царства в первой половине IV в. Более того, надпись 335 г. с Таманского полуострова свидетельствует о существовании угрозы азиатской границе царства. В ней высказано пожелание победы для вновь укрепленного города: "Νείχη πόλε[ως]. Χαῖρ(ε). — Победа города. Здравствуй"[278].

Надписи[279] подтверждают сохранение на Боспоре в первой половине IV в. традиционной административной системы. Судя по списку из более чем 80 магистратов на памятнике в честь Тиберия Юлия Тейрана, многочисленную дворцовую бюрократию возглавляли наместник царства — ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας, хилиарх (командир тысячи) и начальник Аспургианов — χειλιάρχης καὶ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν, главный секретарь — ἀρχιγραμματεύς, начальник отряда — λοχαγός, градоначальник — πολειτάρχης, начальник отчетов — ὁ ἐπὶ τῶν λόγων, личный секретарь царя — ὁ ἐπὶ τῆς πινακίδος, секретарь — γραμματεὺς. Другие магистраты исполняли свои обязанности по месяцу[280]. Стратегически важным пограничным городом Феодосией управлял не градоначальник, а чиновник более высокого ранга — царства и Феодосии наместник — ὁ ἐπὶ | τῆς βασιλείας καὶ Θεοδοσία(ς)[281]. В надписи 307 г. из Гермонассы градоначальники главных городов европейской и азиатской частей царства Боспора и Фанагории (рис. 10,*20*) названы архонтами — ἄρχοντες, а не полейтархами[282]. В надписях рассматриваемого периода проявилось стремление местной знати показать свою связь с империей. На монетах Тейрана, Фофорса (285-308 гг.), Радамсада и Рескупорида VI (чеканились с 314 по 341/342 гг.) на одной стороне помещен портрет боспорского царя, а на другой — римского императора. В 638 г. боспорской эры (341/342 гг.) Боспор окончательно прекратил самостоятельную денежную эмиссию[283]. Правители Боспора в последние годы пребывания на престоле императора Констанция II (337-361 гг.) получили от него в дар три серебряных блюда. Как доказала И.П.Засецкая, они сделаны в мастерских Антиохии[284]. На двух блюдах видны латинские надписи: "D[omini] N[ostri] Constanti Augusti votis XX". Они свидетельствуют об изготовлении чаш в

---

272 Константин Багрянородный, с. 247.
273 Герцен, 1990, с. 137. Айбабин, 1991, с. 45.
274 Чичуров, 1980, с. 165.
275 Vasiliev, 1936, p. 78.
276 Zuckerman, 1991, p. 549-552.
277 Nadel, 1977, p. 97.
278 КБН, № 1112.
279 КБН, № 36, 64.
280 КБН, № 36. Блаватский, 1985, с. 246.
281 Гайдукевич, 1949, с. 343. КБН, № 36, 64.
282 КБН, № 1051.
283 Фролова, 1975, с. 50, 56. Фролова, 1984, с. 34, 45, 51.
284 Засецкая, 1993, с. 30-32, кат. № 5.38 181.

честь двадцатилетия цезарства Констанция II (в 343 г.)[285]. По предположению И.П.Засецкой, на третьем блюде изображен триумфальный въезд Констанция II в Рим, состоявшийся в 357 г. по случаю его провозглашения единоличным правителем империи[286]. Судя по сообщению Аммиана Марцеллина, Боспор стремился установить союзнические отношения и с приемником Констанция II. По его словам, в 362 г. к императору Юлиану прибыли послы боспорцев. Они предложили выплачивать империи ежегодно дань за разрешение спокойно жить в пределах границ своей страны[287].

В этническом составе населения Херсонеса во второй половине III - IV вв. произошли незначительные изменения. Во второй половине III в., после вывода из города римских войск, там прекратили кремировать умерших. В Херсонесе, как и в первые века н.э.[288], доминировала греческая община. Ее члены хоронили на расположенных за городскими стенами кладбищах (рис. 18) в могилах, вырубленных в скале, иногда обложенных по периметру и перекрытых плитами. На Западном некрополе в таких могилах лежали железная ведёрковидная подвеска второй половины III - IV вв. (могила 45) и краснолаковый одноручный кубок (могила 15)[289] IV в. (типа табл. XVIII,*3*)[290]. В некоторых однотипных могилах рядом со скелетами лежали урны с пережженными костями и пеплом. В могиле 17 в качестве урны использовали палестинскую амфору[291] IV-VI вв.[292] Наиболее многочисленны в данный период склепы с лежанками. Их приписывают грекам[293]. Однако, в некоторых склепах с лежанками выявлены черепа с типичной для сармат и алан искусственной деформацией[294]. В одном из таких склепов обнаружены шарнирные Т-образные фибулы типа Келлер 4 и 5 (табл. XVI,*4, 7*)[295]. Обычно Т-образные фибулы носили римские чиновники и солдаты[296]. То есть, склепы описанной конструкции использовали представители разных этнических групп. Появившиеся в городе со II в. н.э. сарматы погребали в подбойных могилах[297]. На участке у Загородного крестообразного храма, в могиле Г лежали овальная пряжка 1 варианта второй половины III - первой половины IV вв., стеклянный сосуд и янтарные грибовидные подвески[298]. С IV в. в Херсонесе сооружают Т-образные в плане аланские склепы[299]. Видимо, в город проникали аланы, обосновавшиеся на границах его хоры в начале второй половины III в. Надгробные позднеримские эпиграфические памятники, агиографические источники фиксируют в Херсонесе еврейскую общину[300].

---

[285] Мацулевич, 1926, с. 9, табл. II,3,4.
[286] Засецкая, 1993, с. 30, кат. № 5.
[287] Ammianus Marcellinus, 22, 7,10.
[288] Соломоник, 1979, с. 123.
[289] Зубарь, Шевченко, Липавский, 1990, с. 6,7,18, рис. 4, М15,1,2; 13, М45,4.
[290] Айбабин, 1996, с. 294, рис. 8,7.
[291] Зубарь, Шевченко, Липавский, 1990, с. 7, рис. 4, М17,5.
[292] Riley, 1979, p. 219-223, fig. 45, 46.
[293] Зубар, Магомедов, 1981, с. 76. Зубарь, 1987, с. 80.
[294] Кузнецов, 1992, с. 18, 70, прим. 19. Алексеев, 1967, с. 169. Назарова, Потехина, 1990, с. 17.
[295] Зубарь, Сорочан, 1986, с. 121, рис. 9,1,3. Keller, 1971, S. 38, 39, 41-45, Abb. 11,9-11.
[296] Vàgò, Bóna, 1976, S. 167.
[297] Зубарь, 1987, с. 82.
[298] Айбабин, 1990, с. 27, рис. 2,3; 22,1. Домбровский, 1993, рис. 27-20.
[299] Зубарь, 1982, рис. 15,2-3,6. Айбабин, 1987, с. 198.
[300] Соломоник, 1979, с. 19-23.

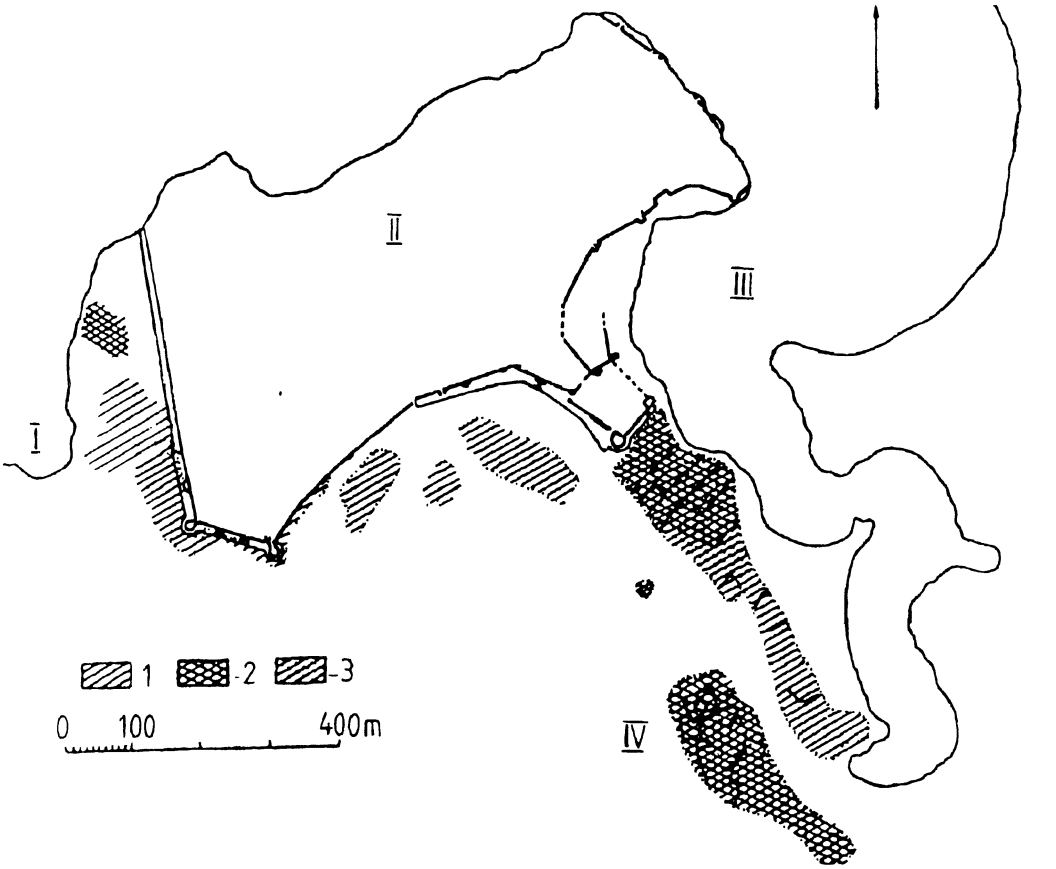


Рис. 18. Общий схематический план некрополя Херсона.
I - Песочная бухта, *II* - территория городища с античного периода до конца V в., *III* - Карантинная бухта, *IV* - Загородный крестообразный храм; *1* - участки некрополя первых веков н.э., *2* - участки некрополя первых веков н.э. и раннесредневекового времени, *3* - участок некрополя первых веков н.э. и средневекового периода (по Якобсон, 1959, рис. 131 с дополнениями автора).

По данным эпиграфики в период первой Тетрархии римские войска были вновь расквартированы в Херсонесе и оставались там и в первой четверти IV в. В нескольких надписях восстанавливаются названия вексилляции из подразделений нижнедунайских легионов: I Италийского и сформированного при первой тетрархии[301] II Геркулийского[302]. В цитадели на месте оставленного в середине III в. римского военного лагеря возводится новый комплекс, предназначенный для обеспечения жизнедеятельности военного формирования: здание вексилляции, казармы, термы, преторий

[301] Zahariade, 1983, p. 247-259. Цукерман, 1994/1995, с.554.
[302] Соломоник, 1983, № 12,53,60. Alföldy, 1984. S. 785-786. Sarnovski, 1988, s.152. Zuckerman, 1991, p. 551. Цукерман, 1994/1995, с. 553-558.

(рис.11,*III*). Судя по керамике, комплекс восстановили не раннее конца III в.[303] В надписи, датированной М.И.Ростовцевым периодом тетрархии Диоклетиана или Констанция I — концом III в., упомянуты военные сооружения [op]era militar(i). В ней же К.Цукерман прочитал титул v(iro) e(gregio) protecto[ro], соответствующий офицерскому чину протектора[304]. При Диоклетиане и Константине I чин протектора присваивали императорским гвардейцам и избранным центурионам. Они сопровождали Диоклетиана, возглавляли в легионах отдельные вексилляции, выполняли специальные поручения в пограничных районах империи. По словам А.Х.М.Джонса, в письменных источниках упомянуты протектор, служивший при Диоклетиане в XI Клавдиевом легионе, два офицера протектора, проводившие реквизицию продовольствия для экспедиционных войск в Египте, протектор из II Италийского легиона, убитый во время войны Константина и Максенция и другие[305]. Возможно, в конце III или в начале IV в. римский гарнизон в городе возглавлял протектор, который руководил и строительством лагеря вексилляции и оборонительных сооружений. Из Херсонеса происходят надписи легионеров в честь двух императоров конца III в.[306] Августов Диоклетиана и Максимиана (286-293 гг.)[307], по случаю провозглашения императором в 307 г. Максенция[308], в честь Максенция и соправителей[309], Лициния (308-324 гг.) и Константина[310]. Отсутствуют какие либо достоверные данные о пребывании в Херсонесе римских войск в период между последним годом правления Лициния и периодом совместного правления Валента, Валентиниана II и Грациана.

Об истории Херсонеса при Диоклетиане и Константине I повествуется в записанном в X в. тексте "Житий св. епископов херсонесских". Первоначальная херсонесская рукопись жития не сохранилась. В.В.Латышев издал содержащуюся в минее Михаила IV (1034-1041 гг.) пространную греческую версию, славянскую и грузинскую версии. По его предположению, на грузинский язык во второй половине XII в. перевели текст самой близкой к херсонесскому оригиналу версии. Согласно житию, в шестнадцатый год царствования Диоклетиана (в 299 г.) епископ Иерусалима Гермон направил проповедовать христианство в Херсон епископа Василия. Несмотря на то, что он крещением воскресил в присутствии двух евреев сына одного из первых (знатных) горожан (τῶν τῆς πόλεως πρώτων) и крестил самих родителей, язычники убили миссионера. Вскоре в город из Иерусалима с той же целью прибыли три епископа Евгений, Агафодор и Елпидий, погибшие от рук язычников и иудеев. Спустя некоторое время иерусалимский епископ послал в Херсон епископа Эферия, который, убедившись в трудности обращения херсонесцев, отбыл в Константинополь и обратился с жалобой к Константину I[311]. В недавно опубликованной Ф.Халкиным версии, Эферий возвращается из столицы с отрядом солдат[312]. Во всех версиях жития говорится о направлении в 325 году Константином I в Херсон отряда в 500 солдат, сопровождавшего посланного из Иерусалима епископа Капитона. Однако, при названных в житии импе-

---

[303] Антонова, 1997, с. 12-14, 17.
[304] Ростовцев, 1907, с. 13. Соломоник, 1983, № 2. Цукерман, 1994/1995, с. 553, 554.
[305] Jones, 1973, p. 53, 54, 636, 637.
[306] Соломоник, 1983, № 59.
[307] Соломоник, 1983, № 53.
[308] Соломоник, 1983, № 55.
[309] Соломоник, 1983, № 56.
[310] Соломоник, 1983, № 57.
[311] Латышев, 1906, с. 39-40. Латышев, 1913, с. 73-88. Шестаков, 1908, с. 17-19.
[312] Halkin, 1984, p. 253, 264. Цукерман, 1994/1995, с. 546,547.

раторах Иерусалимская церковь занимала весьма скромное место среди других христианских церквей и не могла претендовать на личное покровительство Константина. Да и епископ Гермон вступил на иерусалимский престол не на шестнадцатом, а на восемнадцатом году царствования Диоклетиана[313]. Хотя в феврале 313 г. в Милане на встрече Константина и Лициния в империи была провозглашена свобода религиозного вероисповедания, сам Константин еще много лет оставался язычником и не проводил политики насильственного насаждения христианства[314].

В Херсонесе ранние реальные свидетельства присутствия христиан малочисленны. К концу III - первой половине IV вв. относятся обнаруженные в могилах некрополя Херсонеса изображения христианских символов: фигурный сосуд из цветного стекла в форме рыбы[315] и глиняные светильники с двумя рыбами на щитке[316]. Христианскими Э.И.Соломоник считает нанесенные белой краской на красноглиняные одноручные кувшинчики надписи dipinti: Πεῖνε, εὐφραίωου — Пей, радуйся, Εὐτυχία — Счастье, Εἵλεος μοι ὁ θεός — (Да будет) милостив ко мне бог. Многие из кувшинчиков извлечены из склепов с большим количеством скелетов и могил с монетами и вещами III - начала IV вв.[317] Дата кувшинчиков определяется по аналогичным по форме сосудам с Афинской агоры из слоя последней четверти III в.[318] В рассматриваемый период христианство занимало весьма скромное место в религиозной жизни Херсонеса. О преобладании язычников сказано в житии. Судя по dipinti на других однотипных кувшинчиках, в городе был распространен популярный в империи синкретический культ Исиды и Зевса. В III в. египетскую Исиду отождествляли с Деметрой, Гекатой, Афродитой, Тюхе и другими греческими богинями, а Зевса воспринимали как единого бога Зевса-Сераписа[319]. Многие горожане отправляли домашние культы греческих и восточных богов[320]. Христианская община, видимо, образовалась в городе в последней четверти IV в. Первое достоверное упоминание херсонесской епархии имеется в документах II Вселенского собора 381 г.[321] Тогда же на городском некрополе начинают сооружать склепы с росписями, аналогичными живописи Римских раннехристианских катакомб IV в.[322] Во II Вселенском соборе участвовал Херсонесский епископ Еферий[323]. По предположению Le Quien, о нем и шла речь в житиях[324]. В нескольких синаксарях говорится о том, что после смерти епископа Эферия император Феодосий назначил епископом Херсонеса Капитона. В одном из синаксарей в коротком рассказе о чуде, совершенном епископом Капитоном, сообщается о его обращении к императору Феодосию I. Капитон нуждался в поддержке своего намерения заменить языческий Парфенон на храм св. Петра. По мнению, К.Цукермана, данные источники позволяют уточнить хронологию описанных в житиях событий. Эферий занял епископскую кафедру, очевидно, при Валенте, а Капитона назначил епископом Феодосий

---

[313] Франко, 1903, с. 153.
[314] Кулаковский, 1996, с. 98. Jones, 1973, p. 80-81. Zuckerman, 1991, p. 547-548.
[315] Сорокина, 1960, с. 232. Мещеряков, 1978, с. 125.
[316] Nock, 1972, p. 37, № 945; p. 42, № 1299-1300. Зубарь, 1991, с. 13, рис. 3.
[317] Соломоник, 1973а, с. 60, 62-64, 66-68, 71-74. Мещеряков, 1978, с. 126, 127.
[318] Robinson, 1959, p. 83, Pl. 26, M190, M191.
[319] Соломоник, 1973а, с. 68-71.
[320] Мещеряков, 1980, с. 10, 11.
[321] King, 1957, p. 639.
[322] Ростовцев, 1914, с. 484-507. Ferrura, 1991, fig. 1,27,35,47,52,78.
[323] King, 1957, p. 639. Zuckerman, 1991, p. 548.
[324] Le Quien, 1740, col. 1329.

I в середине 380-х - начале 390-х годов. Деяния Капитона соответствовали политике насильственной христианизации проводившейся Феодосием I[325].

При Константине и его приемниках сохранялась зависимость Херсонеса от империи. В 365 г. в городе скрывался племянник Юлиана Прокопий, готовивший заговор против Валента. Через некоторое время Прокопий, опасаясь, что горожане выдадут его преследователям, бежал на попутном корабле в Константинополь[326]. В 366 г. в город сослали Фронимия, замешанного в заговоре Прокопия[327].

При Валенте и соправителях в 370-375 гг. в империи узнали о вторжении в Меотидские степи воинственных гуннов[328]. Стремясь сохранить важную для империи крепость соправители направили в город, возможно из Фракии, отряд баллистариев. В надписи 369-375 гг. из Херсонеса в честь Валентиниана, Валента и Грациана названы командир отряда баллистариев и префект претория Востока Домиций Модест[329]. Ему подчинялись все фракийские провинции[330] и, очевидно, Херсонес. Баллистариями командовал трибун. Он же руководил реконструкцией городской оборонительной системы. В.В.Латышев опубликовал надпись, найденную близ 16-17 куртин в средневековом слое[331]. В ней сообщается:

"[Ὑπ]ὲ[ρ] τῶν δεσποτῶν ἡμῶν, τῶν ἐων(ίων)
Α[ὐ]γού[σ]τ(ω)ν, τῶν ἀνεικ[ή]-
των κὲ Φλ(αβίων) Θεοδ[ο-
σ]ίου κὲ Ἀρκασίου καὶ ἐ-
πεὶ τῆς πράξεως τοῦ π(ο)λ[λ]ὰ
καμόντος Φλ(αβίου) Βίτου τριβού(νου) καὶ
τῶν μηχανι(κῶν) οἰκ[ο]δομήθη τὸ τεῖχ[ος]
....έον[τος Ε]ὐθηρίου τοῦ μεγαλο-
[πρεπεστάτου ...?"

— За владык наших, вечных Августов, непобедимых Флавиев Феодосия и Аркадия и много потрудившегося при деле Флавия Вита трибуна и строителей построена стена..."[332]. Надпись высечена при Феодосии I и Аркадии, в 392 г. (до вступления на престол Гонория в 393 г.)[333]. По словам В.В.Латышева, начало надписи (ὑπὲρ τῶν δεσποτῶν ἡμῶν) свидетельствует о вхождении Херсонеса в состав империи и признании императоров своими владыками[334]. К.Цукерман обратил внимание на присутствие в надписи термина "механики", которые, будучи архитекторами и специалистами

---

325 Zuckerman, 1991, livre I, p. 548,549.
326 Zosime, Histoire nouvelle, Tome II, livre IV, 5, 2; p. 266.
327 Ammianus Marcellinus, XXVI, 10,8; p. 642-645.
328 Ammianus Marcellinus, XXXI, 2,12; 3,1. Thompson, 1948, p. 21-24.
329 Ростовцев, 1907, с. 13. Соломоник, 1983, № 3. Zuckerman, 1991, p. 550-551.
330 Jones, 1973, p. 1069; map II.
331 Косцюшко-Валюжинич, 1901, с. 40.
332 Латышев, 1901, с. 57.
333 Цукерман, 1994/1995, с. 550.
334 Латышев, 1901, с. 59.

по военным машинам, служили в легионе баллистариев. К.Цукерман предложил иное восстановление окончания надписи: "...επὶ Ἐ]ὐθηρίου τοῦ μεγαλ[πρεπεστάτου κόμητος? — при Евфирии..." По его мнению, Евфирий, видимо, был magister militum Фракии[335]. В процессе последних археолого-реставрационных работ на оборонительных объектах Херсонеса получены материалы, свидетельствующие об оживлении в IV в. фортификационного строительства в восточном портовом районе города[336]. Данные надписи в какой-то степени позволяют уточнить сведения упоминавшихся выше житий и городских хроник. Как мы видим, баллистариев разместили в городе не при Диоклетиане или Константине, а при Валенте и соправителях. Они являлись солдатами римской армии, а не городской милицией. Таковыми стали их потомки, которые наследовали службу в отряде. Новый статус баллистариев и получил отражение в тексте, направленном Константину Багрянородному.

Во второй половине IV в. в городе восстанавливается товарное производство зерна. В начале 360-х гг. Херсонес поставлял в Константинополь хлеб[337], который выращивался на сельских усадьбах Гераклейского полуострова. Аммиан Марцеллин в географическом экскурсе, приуроченном к 362 г., писал: "... его (Херсонеса) население спокойно и мирно занимается хлебопашеством и питается его продуктами"[338]. На северном берегу в квартале XVIII открыты два крупных винодельческих комплекса, созданных не ранее середины III в. Они функционировали около трех столетий. Вино изготовляли в специальных зданиях, где имелись давильные площадки и резервуары объемом не менее одного кубометра. Давильные площадки были разделены на три части, в каждой из которых можно было производить выжимку одновременно трех сортов винограда, не смешивая их один с другим. В комплексах производилось большое количество вина, предназначавшегося для продажи[339]. Видимо, в связи с увеличением переработки рыбы сооружаются новые рыбозасолочные цистерны[340]. На северном берегу в XIV квартале раскопана стеклоделательная мастерская. Дата создания мастерской определяется по происходящей из нее светлоглиняной амфоре типа Robinson M273 конца IV в.[341] В начале V в. перестраиваются кварталы в северо-восточном районе Херсонеса. Дата реконструкции определяется по керамическому комплексу из раскопанной там цистерны[342].

---

335 Цукерман, 1994/1995, с. 550.
336 Антонова, 1971. Антонова, 1976, с. 5, 6.
337 Dagron, 1974, p. 531-532.
338 Ammianus Marcellinus, XXII, 8,32, p. 230-233.
339 Белов, Стржелецкий, Якобсон, 1953, с. 171-204.
340 Кадеев, Рижов, 1975, с. 78. Романчук, 1977, с. 18-26.
341 Белов, 1969, с. 83, рис. 24. Robinson, 1959, pl. 29, M273.
342 Рыжов, 1986, с. 130, 138.

ГЛАВА II

КРЫМ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Эпоха Великого переселения народов началась с вторжения гуннов на Северный Кавказ в 370-375 гг.[1] Высказывались разные мнения об их происхождении и этносе. Многие считают гуннов прототюркскими соседями Китая, которые начали свою миграцию на Запад между 155 и 160 гг.[2] Другие отвергают эту концепцию этногенеза гуннов[3] и отрицают связь языка гуннов с тюркской группой[4]. В восточных степях не выявлена материальная культура ранних гуннов. По сообщению Аммиана Марцеллина, при императоре Валенте (364-378 гг.) гунны покорили алан-танаитов и готов Германариха[5]. По словам Евнапия[6], Зосима[7] и Павла Орозия[8], в 376 г. (на тринадцатом году правления Валента) они, победив готов, многих из них истребили, а часть готов и их союзников заставили уйти через Дунай в римские провинции[9]. В конце IV в. в степях Северного Причерноморья погибли некоторые поселения черняховской культуры[10], оказавшиеся на пути гуннов к Дунаю. На поселениях данной культуры Ранжевое, Каменка-Анчекрак, Александровка, Городок, Холмское, Фурмановка и других жизнь продолжалась и в первой половине V в.[11] В степях между низовьями Дона и Дуная обосновались гунны, совершавшие набеги на Дунайские провинции[12]. Аланы и германцы, оставшиеся в Причерноморье, влились в союз варваров, возглавляемый гуннами[13]. Германцы даже сохранили свое самоуправление[14].

Быт гуннов в период их вторжения в Европу описан Аммианом Марцеллином: "... у них никто не занимается хлебопашеством и не касается сохи. ... Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. ... Они никогда не прикрываются никакими строениями и питают к ним отвращение, как и к гробницам... Придя на изобильное травою место, они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по звериному, истребив весь корм для скота, они снова везут, так сказать свои города, расположен-

---

[1] Thompson, 1948, p. 21-24.
[2] Гумилев, 1960, с. 123,124,220. Артамонов, 1962, с. 41-44. Кляшторный, 1983, с. 175.
[3] Thompson, 1948, p. 46,198. Maenchen-Helfen, 1973, p. 358-375.
[4] Дерфер, 1986, с. 72-116.
[5] Ammianus Marcellinus, XXXI, 2,12; 3,1.
[6] Blokley, 1983, fr. 41,42.
[7] Zosime, Histoire nouvelle, Tome II, livre IV, XX,1-6, p. 280-281, 371-375.
[8] Orosius, libri VII, 33,10.
[9] Matthews, 1989, p. 318-322, 326-328. Heather, 1991, p. 122-128.
[10] Кравченко, 1971, с. 61,62. Рикман, 1975, с. 241. Сымонович, 1979, с. 111.
[11] Щукин, 1979, с. 21. Магомедов, 1987, с. 88-90. Kazanski, 1991a, p. 66, 68, 70, 72, 73.
[12] Maenchen-Helfen, 1973, p. 27.
[13] Thompson, 1948, p. 25-26.
[14] Iordanis, Getica, XXIV, 250.

ные на повозках... Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми..."[15]. С.А.Плетнева, опираясь на информацию Аммиана Марцеллина и археологические материалы, пришла к выводу о том, что гунны находились на первой примитивной стадии таборного кочевания. В поисках пастбищ они стремились завоевать новые степные пространства. У них не было долговременных становищ и родовых кладбищ[16]. Гунны оставили в степях погребения с кремированными останками и трупоположениями. В Новогригоровке (Запорожская область) найдены забросанные камнями ямы, в которые после кремирования ссыпали остатки погребального костра: угли, пережженные человеческие, лошадиные и овечьи кости, стрелы, меч, обкладки седла и сбруи, пряжки и фрагменты глиняных и стеклянных сосудов. Поверх камней лежали оставшиеся от тризны кости и обломки керамики[17]. Многие могилы с трупоположениями выкопаны в курганах ранних эпох. В Одесской области в урочище Кубей исследованы курганы с ориентированными на северо-восток захоронениями. В подбойных могилах на дне входной ямы лежали детали сбруи, череп и кости ног коня, а на дне подбоя — скелет человека с инвентарем[18]. В районе Мелитополя (Запорожская область) известны одновременные безкурганные захоронения[19]. Обычаи кремировать человека с конем или погребать со шкурой коня приписывают тюркам[20]. Многообразие погребального обряда свидетельствует о полиэтничности варваров, вошедших в гуннский союз. Как показал И.Вернер, в их материальной культуре выявляются восточно-кочевнические (обычай деформации черепов, сложные луки с костяными накладками, женские диадемы, шаманская символика), древнегерманские (ношение парных фибул) и сармато-аланские (традиция разбивать зеркала погребенных) компоненты[21].

Ермий Созомен в написанном в 444 г. труде рассказал о погоне за быком или ланью, в ходе которой гунны во время правления Валента вышли на берег озера (Меотиды), переправились через него и напали на готов. В его тексте Боспор не упомянут[22]. Согласно Зосиму, гунны переправились из Азии в Европу через занесенный илом из реки Танаис Киммерийский Боспор[23]. Иордан[24], Прокопий[25] и Агафий Миринейский[26] излагали свои версии легенды об охоте гуннов за быком или ланью, переправе через "устье Меотиды" (Керченский пролив) на его европейский берег. По мнению одних историков через Керченский полуостров мирно прошла незначительная часть направлявшихся на Запад гуннов[27]. По предположению других исследователей, продвигаясь к Дунаю гунны разорили и захватили город Боспор, уничтожили другие города и поселения в Восточном Крыму и поселения в окрестностях Херсона. Вскоре Боспор и некоторые соседние малые города начали возрождаться[28]. По словам

---

[15] Ammianus Marcellinus, XXXI, 2, 2-11.
[16] Плетнева, 1982, с. 14, 15-17, 20-23.
[17] Амброз, 1981, с. 19. Засецкая, 1994, с. 14-15.
[18] Субботин, Дзиговский, 1990, с. 17-20, рис. 2,71; 24,4.
[19] Михайлов, 1993, с. 109, 110.
[20] Амброз, 1981, с. 19. Засецкая, 1994, с. 17-22, 155.
[21] Werner, 1956, S. 90, 91.
[22] Hermiae Sozomeni, Historia ecclesiastica, cap. XXXVII, 1403-1404.
[23] Zosime, Histoire nouvelle, Tome II, livre IV, XX,3, p. 280-281.
[24] Iordanis, Getica, XXIV, 123-126.
[25] Procopius, History of the wars, Vol. V, book VIII, V,7-13.
[26] Agathias, The Histories, book 5, 11, 2-3.
[27] Кулаковский, 1914, с. 54,55. Vasiliev, 1936, p. 24-30.
[28] Штерн, 1897, с. 1-15. Якобсон, 1958, с. 459. Якобсон, 1964, с. 7. Gajdukevič, 1971, S. 497-519. Шелов, 1978, с. 82. Блаватский, 1985, с. 255. Засецкая, 1993, с. 38.

А.Л.Якобсона, гунны во второй половине V в. вытеснили готов с Боспора в горный Крым. Там же расселилась и часть гуннов. Херсонес остался в стороне от направленного на Боспор удара варваров. В V в. город превратился в опорный пункт Византии и главный экономический центр Юго-Западного Крыма, заселенного оседлыми земледельцами[29].

Абсолютную дату вторжения гуннов на полуостров, как правило, доказывают по археологическим материалам.

Во-первых, на малых боспорских городах с данным событием связывают слои разрушений и пожаров, датированные по опубликованным В.Ф.Гайдукевичем керамическим комплексам из отнесенного им к позднеримскому периоду слоя Тиритаки[30]. Многие амфоры и краснолаковые сосуды из слоев разрушений привезены из Западного Причерноморья, Малой Азии и Северной Африки. Там такие сосуды типичны для комплексов V-VII вв.[31] Очевидно, названные слои разрушений образовались не в 376 г., а не ранее конца VI в.

Во-вторых, о времени захвата гуннами Боспора судят по инвентарю склепов, раскопанных в Керчи на Госпитальной улице в 1896 и 1904 гг. (145, 154, 165 и из двух склепов, открытых 24 июня 1904 г.). На их хронологии основывалась и концепция о ведущей роли Боспора в последней четверти IV - начале VI вв. в европейском производстве металлических украшений, деталей одежды, поясных и сбруйных наборов. Э.Ф.Штерн писал о создании боспорскими мастерами на основе греко-сармато-аланских ювелирных традиций нового полихромного стиля[32]. Б.Салин высказал гипотезу о том, что двупластинчатые фибулы изобрели незадолго до гуннского вторжения в Северном Причерноморье, в основном, в Пантикапее. На запад их занесли бежавшие от гуннов готы[33]. Как полагал М.И.Ростовцев, полихромный стиль возник на Боспоре в аланской среде в III в. и заметно изменился в IV в. Оттуда полихромные золотые или обтянутые золотой фольгой и обильно инкрустированные красными гранатами женские украшения (диадемы, височные подвески, браслеты), поясные и обувные пряжки, наконечники ремней, мечи и кинжалы, детали конской сбруи широко распространились в Восточной и Западной Европе и в Северной Африке с бежавшими от гуннов аланами[34]. По утверждению Л.А.Мацулевича, боспорские аланские ювелиры не только изобрели полихромный стиль, но и новый женский гарнитур, состоявший из большой пряжки с орлиной головой и пальчатых фибул. В Юго-Западном Крыму и в других регионах вошедший в моду гарнитур изготовляли по боспорским образцам[35]. На выводы Л.А.Мацулевича десятки лет опирались авторы трудов по раннему средневековью[36]. Некоторые исследователи развивали тезис Б.Салина о переносе на Запад беглецами из Северного Причерноморья разных типов двупластинчатых фибул[37].

Хронология могильников Боспора и Юго-Западного Крыма сложилась в конце XIX - начале XX вв. и в 1920-е гг. Первые исследователи некрополя Керчи определяли

---

[29] Якобсон, 1959, с. 18-21. Якобсон, 1970, с. 193-194.
[30] Гайдукевич, 1952а, с. 105-127, 133, 134.
[31] Сазанов, Иващенко, 1989, с. 84-100. Сазанов, 1989, с. 41-58.
[32] Штерн, 1897, с. 14, 15.
[33] Salin, 1904, S. 356.
[34] Rostovtzeff, 1922, p. 124-218. Rostovtzeff, 1923, p. 145-161.
[35] Мацулевич, 1926, с. 41-51.
[36] Татиһ-Буриһ, 1958, с. 164-168. Rusu, 1959, S. 485-523. Якобсон, 1964, с. 14-15. Kühn, 1965, S. 92-100. Vinski, 1968. Bóna, 1976, p. 56-57. Засецкая, 1982, с. 25.
[37] Fettich, 1932. Werner, 1959, S. 431.

время совершения захоронений в раскопанных там склепах по найденным в них монетам II-V вв.[38] В Суук-Су раннесредневековые погребальные сооружения в результате оползней оказались перекрытыми слоем грунта с плитовыми могилами. Н.И.Репников по монетам распределил захоронения нижнего слоя на три периода: III в., IV в. и V-VII вв.[39] Ж. де Бай, издавший материалы из Суук-Су во Франции, отнес их V-VII вв.[40] Однако, специалисты, изучавшие в первые десятилетия XX в. типологию крымских пальчатых фибул и орлиноголовых пряжек, пришли к выводу об их изготовлении в VI-VII вв.[41] Это противоречило основанной на монетах хронологии некрополей Керчи и Суук-Су. Л.А.Мацулевич отмечал, что в Суук-Су монеты III-V вв. найдены с более поздними вещами. Он разделил материалы названных могильников на четыре группы и датировал маленькие двупластинчатые фибулы с инкрустацией первой половиной IV в., полихромные вещи с перегородчатой инкрустацией красными камнями — второй половиной IV - началом V вв., керченские пальчатые фибулы и орлиноголовые пряжки — концом IV-V вв., а одноименные предметы из Суук-Су — VI-VII вв.[42] В первом издании свода европейских пальчатых фибул Х.Кюн выделил керченские в самую раннюю группу V в.[43]

Ревизию предложенной Л.А.Мацулевичем хронологии Боспора и Суук-Су начали Т.М.Минаева и А.Алфелди. Они связали с гуннами происходящие из Керчи и других регионов полихромные вещи с инкрустацией и на этом основании период их использования ограничили последней четвертью IV - V вв.[44] или 376-456 гг.[45] Новую периодизацию находок из этих могильников аргументировал И.Вернер. Он доказывал, что керченские пальчатые фибулы сделаны по образцам из Подунавья. Дунайские пальчатые фибулы с ромбической ножкой И.Вернер отнес ко второй половине V в., керченские пальчатые фибулы — к VI в. или к его первой половине[46], а погребальные сооружения с орлиноголовыми пряжками, пальчатыми и большими двупластинчатыми фибулами из нижнего слоя могильника Суук-Су — ко второй половине VI - первой половине VII вв.[47] Веские доказательства в пользу такой даты нижнего слоя Суук-Су привел В.К.Пудовин[48]. И.Вернер отказался от теории распространения полихромного стиля беглецами из Северного Причерноморья. По его мнению, данный стиль возник с ростом богатства гуннской знати в начале V в. в Северном Причерноморье и на Дунае на основе боспорских, сармато-аланских, провинциально-римских и древнегерманских ювелирных традиций. Он считал одновременными могилы с полихромными изделиями в Керчи, в степи и на Дунае, а Боспор первой половины V в. назвал "центром гуннского господства"[49]. К подобному выводу пришла и И.П.Засецкая. Она пыталась обосновать однородность и одновременность (последняя четверть IV - первая половина V вв.) упомянутых погребений[50]. По предположению А.К.Амброза, новый полихромный стиль появился в первые десятилетия V в. на Дунае, откуда распро-

---

[38] Кулаковский, 1881, с. 20-22. Шкорпил, 1907, с. 1-2.
[39] Репников, 1906а, с. 109-110.
[40] Bayè, 1908, p. 22.
[41] Salin, 1904, S. 32,124,129. Götze, 1907, S. 33. Åberg, 1919, S. 73, 94, 118.
[42] Мацулевич, 1926, с. 41-51.
[43] Kühn, 1940, S. 94, 99, 100.
[44] Минаева, 1927, с. 112, 113, 123.
[45] Alföldi, 1932, S. 12, 36, 37.
[46] Werner, 1950, S. 161. Werner, 1961, S. 29-32.
[47] Werner, 1950, S. 164.
[48] Пудовин, 1961, с. 177-185.
[49] Werner, 1956, S. 86, 90, 91.
[50] Засецкая, 1968, с. 60-62. Засецкая, 1978, с. 54, 69. Засецкая, 1993, с. 38, 52.

странился на захваченные гуннами Боспор и другие территории. Комплексы с такими вещами он разделил на три группы. В первую группу первой половины V в. он включил и керченские склепы с вещами с инкрустацией, тогда как многие захоронения кочевников с одноименными изделиями из Поволжских и Причерноморских степей — во вторую и третью группы второй половины V - первой половины VII вв.[51] Я.Тейрал синхронизировал одни захоронения из рассматриваемых керченских склепов с этапом Д1 (около 375-410 гг. по дунайской хронологии), другие — с комплексами типа Унтерзибенбрунн, типичными для периода Д2 (примерно 410-440 гг.)[52]. А.К.Амброз, ссылаясь на аналогии из захоронений остготов и гепидов на Дунае и в Италии и исходя из стратиграфии захоронений в керченском склепе 152, выделил среди крымских находок фибулы, пряжки, характерные для первой и второй половин V в., а период бытования на Боспоре пальчатых фибул и орлиноголовых пряжек ограничил VI-VII вв. По его заключению, Боспор IV-V вв. не был столь крупным экономическим центром, который мог снабжать своими ювелирными изделиями население всей степи от Днестра до Киргизии, Кавказа, Центральной и Западной Европы, Северной Африки[53]. Под влиянием полемики с А.К.Амброзом в своей последней монографии И.П.Засецкая распределила комплексы с изделиями полихромного стиля на две группы: I (первая половина V в.) и II (вторая половина V в.)[54].

Для обоснования даты появления гуннов в Крыму и более полного освещения II этапа истории полуострова важны и недавно опубликованные комплексы с вещами первой и второй половины V в., первой половины VI в. из Херсонеса, степного и горного регионов Крыма[55] и синхронный инвентарь погребений, недавно изученных мною на некрополях Лучистое (рис. 19,*13*), Черная Речка (рис. 19,*6*) и Бакла (рис. 10,*13*).

В приложении, основываясь на анализе типологии вещей и их взаимовстречаемости в закрытых комплексах, захоронения II этапа разделены на три группы: 4 — 400-450 гг., 5 — 450-500 гг., 6 — 500-550 гг.

Керамические и стеклянные сосуды, характерные для поздних комплексов третьей группы и ранних четвертой группы, найдены в Нейзаце[56], Дружном[57] и Перевальном. Очевидно, эти могильники перестали использовать в конце IV - начале V вв. На некрополях Инкерман (рис. 19,*4*), Чатыр-Даг (рис. 19,*14*) и Харакс (рис. 19,*10*) самыми поздними являются находки, типичные для комплексов четвертой группы. На двух последних перестали хоронить приблизительно в середине V в. На исследованных участках на могильнике Заморское (рис. 19,*28*) самыми поздними являются серьги с многогранником первой половины V в. (типа табл. XXVII,*108*)[58], а на некрополе Красный Мак (рис. 19,*8*) — броши в форме цикады второй половины V-VI в. (табл. XXV,*8*; XXVII,*153*)[59] Вещи V - первой половины VI вв., показательные для комплексов

---

[51] Амброз, 1971, с. 102. Амброз, 1981, с. 21-22. Амброз, 1985, с. 300-302. Амброз, 1992, с. 48-50.
[52] Tejral, 1973, S. 21-29, 57-61. Tejral, 1987, S. 36. Tejral, 1988, S. 295.
[53] Амброз, 1992, с. 67-87.
[54] Засецкая, 1994, с. 130-131.
[55] Якобсон, 1979, с. 7-19. Айбабин, 1979. Айбабин, 1984. Айбабин, 1987. Айбабин, 1990. Айбабин, 1993. Романчук, Сазанов, 1991.
[56] Высотская, Махнева, 1983, рис. 6,1,8.
[57] Khrapounov, 1996, fig. 4,6.
[58] Айбабин, 1990, рис. 2,60.
[59] Айбабин, 1990, рис. 2,64; 10,7,13. Лобода, 1992, рис. 4,12,13.

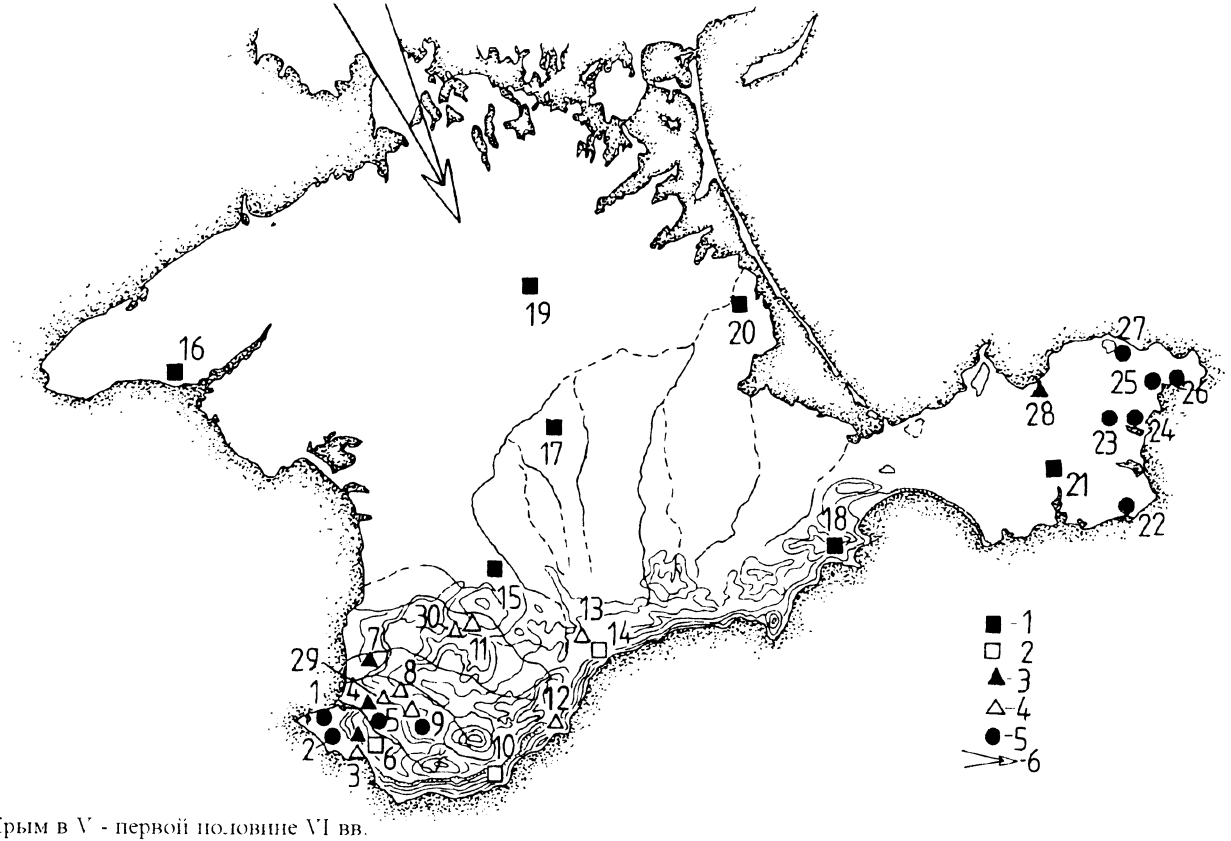


Рис. 19. Крым в V - первой половине VI вв.
1 - погребения кочевников V - первой половины VI вв., *2* - могильники германцев с кремацией второй половины III - первой половины V вв., *3* - некрополи алан, возникшие в 256 г., *4* - некрополи, возникшие на рубеже IV-V и в V вв., *5* - города, городища и поселения, *6* - направление вторжения гуннов на полуостров.
1 - Херсон, *2* - усадьбы на Гераклейском полуострове, *3* - Балаклава (Гавань Символ), *4* - Пикерман, *5* - Загайтанская Скала, *6* - Черная Речка, *7* - Тенистое, *8* - Красный Мак, *9* - Мангуп, *10* - Харакс, *11* - Бакла, *12* - Гурзуф, *13* - Лучистое, *14* - Чатыр-Даг, *15* - находка гуннского когтя на Неаполе Скифском, *16* - Беляус, *17* - Чикаренко, *18* - г.Коклюк близ Феодосии, *19* - совхоз им. Калинина, *20* - Изобильное, *21* - Марфовка, *22* - Китей, *23* - Илурат, *24* - Тиритака, *25* - Боспор, *26* - Мирмекий, *27* - Зенонов Херсонес, *28* - Заморское, *29* - Сахарная Головка, *30* - Скалистое.

четвертой, пятой и шестой групп, обнаружены на могильниках, в культурных слоях поселений: на Керченском полуострове — Боспор[60] (рис. 19,*25*), Тиритака (рис. 19,*24*), Мирмекий (рис. 19,*26*), Илурат (рис. 19,*23*), Китей (рис. 19,*22*), Зенонов Херсонес (мыс Зюк) (рис. 19,*27*)[61]; в низовьях рек Кача в Тенистом (рис. 19,*7*) и Черная (рис. 19,*6*), на Загайтанской Скале (рис. 19,*5*)[62], в окрестности Балаклавы (рис. 19,*3*), в Херсоне и на его хоре на Гераклейском полуострове (рис. 19,*1*)[63], на Второй и Первой грядах — на Мангупе и в верховье примыкающей к нему Каралезской долины (рис. 19,*9*)[64], Бакле (рис. 19,*11*; 20)[65], в Скалистом (рис. 19,*30*), Лучистом (рис. 19,*13*). Погребения второй половины V - первой половины VI в. изучены на одном из участков могильника Сахарная Головка (рис. 19,*29*). Следует отметить, что почти на всех перечисленных и других раннесредневековых некрополях раскопана не вся площадь. Погребальные сооружения с инвентарем V-VI вв. открыты в результате раскопок на новых участках на могильниках под Баклой (рис. 20,II,*1-3*) и на Черноречeнском (рис. 21), а также в результате работ А.Г.Герцена и В.А.Сидоренко на некрополе в балке Алмалык. О возникновении до середины VI в. одного из Гурзуфских некрополей свидетельствует происходящая из данного региона пряжка с прямоугольным щитком с кербшнитным декором первой половины VI в. (рис. 22,*1*)[66].

Инвентарь первой половины V в. выявлен в могилах с трупосожжениями, аналогичных более ранним, описанным в первой главе, тогда как материалы V - первой половины VI вв. — в погребальных сооружениях с трупоположениями.

Трупоположения зафиксированы в Т-образных в плане склепах 1 и 2 вариантов и в таких же, как во второй половине III-IV вв., плитовых и подбойных могилах. Плитовая могила (рис. 23,*5*) с парой двупластинчатых фибул (табл. XX,*9*) и монетой Аркадия (395-408 гг.) зачищена на некрополе Илурата[67]. В могилах с одним (рис. 23,*6*) или двумя подбоями (рис. 23,*7*) на полуострове хоронили в течение всего второго этапа[68]. В Т-образных в плане склепах 1 варианта на некрополе Черная речка, в Красном Маке и на могильниках, вновь возникших близ Скалистого, Лучистого (рис. 23,*2*) и Баклы (рис. 20,II,*1-3*), содержались материалы не ранее рубежа IV-V вв. Со второй половины V в. в Горном Крыму сооружают подобные в плане склепы с более коротким дромосом[69]. В склепах 2 варианта с лежанками в V - первой половине VI вв. погребали только в Херсонесе (рис. 23,*1*) и Керчи (рис. 23,*3*)[70]. Обряд захоронения в рассматриваемых могилах и склепах мало отличался от прослеженного в однотипных погребальных сооружениях предшествующего этапа. Как отмечалось в первой главе, склепы 1 варианта типичны для алан европейского и азиатского Боспора и переселявшихся в Юго-Западный Крым с 40-х гг. III в. из Северного Приазовья[71]. В однотипных склепах в конце IV-V вв. хоронили аланы в низовье реки Дон, в Прикубанье,

---

[60] Макарова, 1991, с. 130-136, 143.
[61] Масленников, 1992, с. 156-167, рис. 17,16-18,20-26.
[62] Савеля, 1994, с. 58-59.
[63] Яшаева, 1994, с. 79-80.
[64] Тиханова, 1953, с. 363, 365, 387. Герцен, 1990, с. 132-133.
[65] Рудаков, 1981, с. 66. Талис, 1982, с. 58-62.
[66] Götze, 1907, Taf. 8,1. Амброз, 1994/1995, с. 51.
[67] Хршановский, 1988, с. 21-25, рис. 5.
[68] Айбабин, 1987, с. 188-189.
[69] Айбабин, 1987, с. 190-191, рис. 9,2.
[70] Кулаковский, 1891, с. 20-21, табл. I. Якобсон, 1959, с. 250-258.
[71] Aibabine, 1996, p. 33, 34.

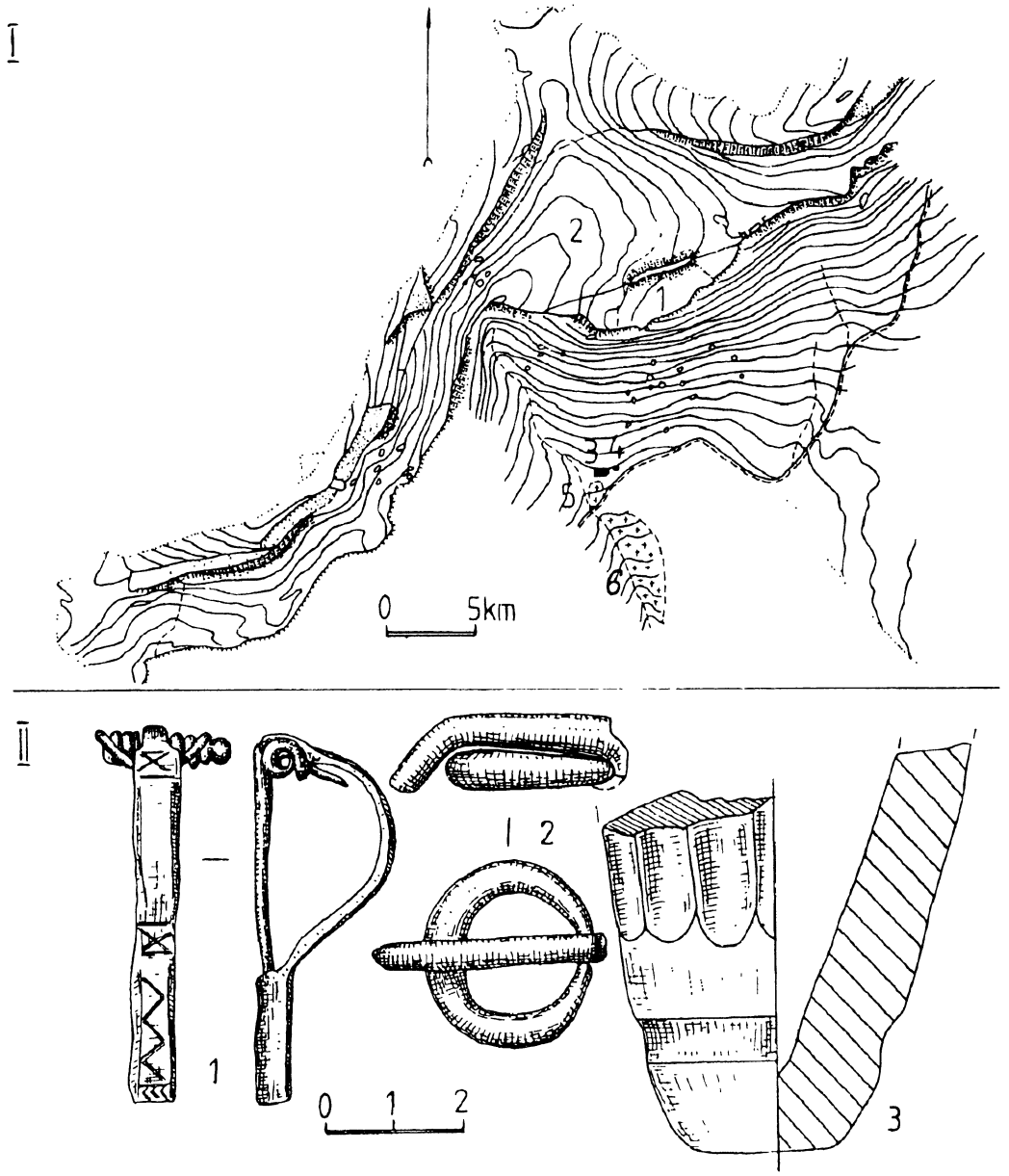


Рис. 20. I - Ситуационный план Баклинского городища. *1* - цитадель, *2* - посад, *3* - базилика близ подножия Баклы, *4* - склеп с греческой надписью, *5* - могильник VIII-XI вв., *6* - могильник V-IX вв. в Баклинском овраге.
II - Вещи из ранних склепов из могильника в овраге: *1,2* - склеп 6б, захоронение I, *3* - дерновый слой над склепом 7, *1* - подвязная фибула периода Д2-410-440 гг. (Tejral, 1988, S. 295, Abb. 16,3,4), *2* - пряжка с овальной рамкой 3 типа, *3* - стеклянный кубок со шлифованными углублениями V в. (Rau, 1974, Abb. 1).

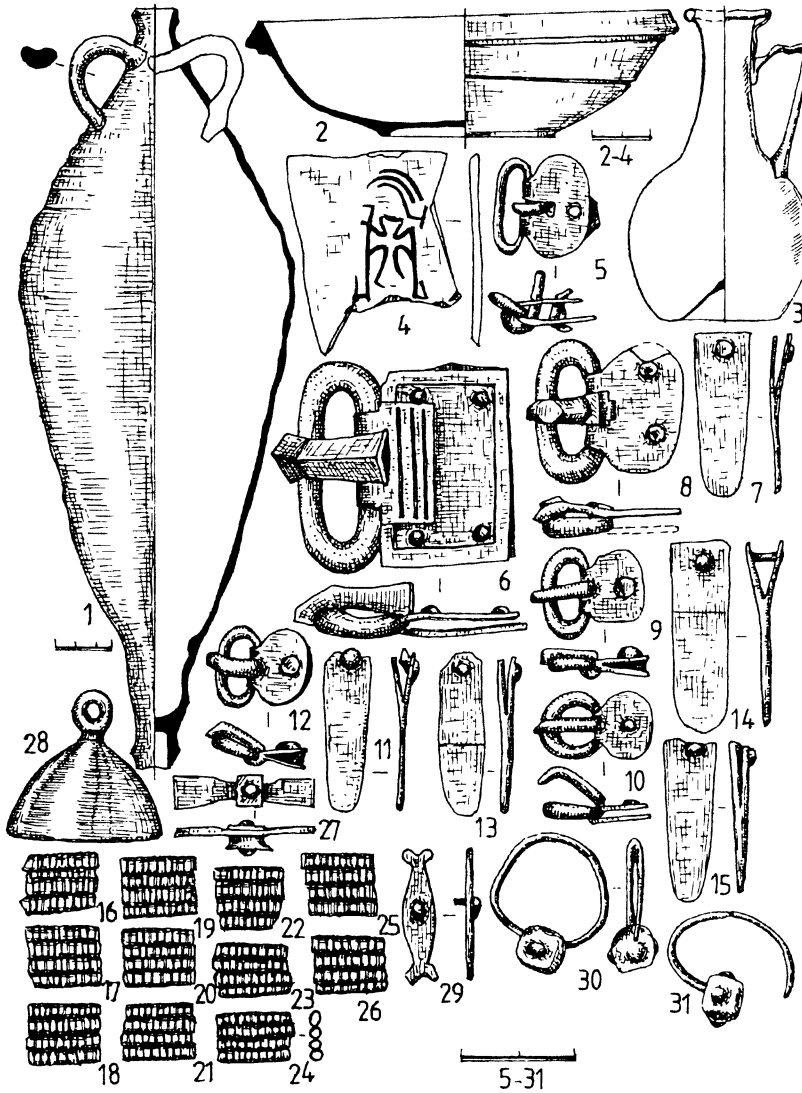


Рис. 21. Некрополь Черная Речка. Вещи V-VI вв.
1 - склеп 12/1989, амфора типа Bengazi LRA 10 (Riley, 1979, p. 229, 230; Abadi-Reynal, Sodini, 1992, p. 58, fig. 25,C329-333); *2,3,5,28* - могила 3/1988: *2* - краснолаковая миска LR-C формы 3-F (Hayes, 1972, p. 335, fig. 69,37), *3* - стеклянный кувшин, *5* - бронзовая трехчастная пряжка с проволочными язычком и овальным кольцом 2 варианта (Айбабин, 1990, с. 36, рис. 37,20), *28* - бронзовый колокольчик; *4,6-9,12-15,27,29* - склеп 5/1988: *4* - дно краснолаковой тарелки с крестом III группы (Hayes, 1972, p. 349, 367-368, fig. 79,f,i,k,n), *6* - трехчастная пряжка с литыми кольцом, трехгранным язычком и щитком 1-1 варианта (Айбабин, 1990, с. 36, рис. 37,5,8), *8* - однотипная пряжка варианта 1-2 (Айбабин, 1990, рис. 37,6), *7,11,13-15* - наконечники ремней 2 группы варианта 6-5 (Айбабин, 1990, с. 51, рис. 2,67; 47,14-16), *9,12* - трехчастные пряжки с проволочными язычком и овальным кольцом 2 варианта (Айбабин, 1990, с. 36, рис. 37,20), *27,29* - накладки на ремень; *10,16-26,30,31* - склеп 11/1989: *10* - пряжка с овальным кольцом 2 варианта (Айбабин, 1990, с. 27,28, рис. 2,10; 22,3,4), *16-26* - золотые пронизи, *30,31* - серьги.

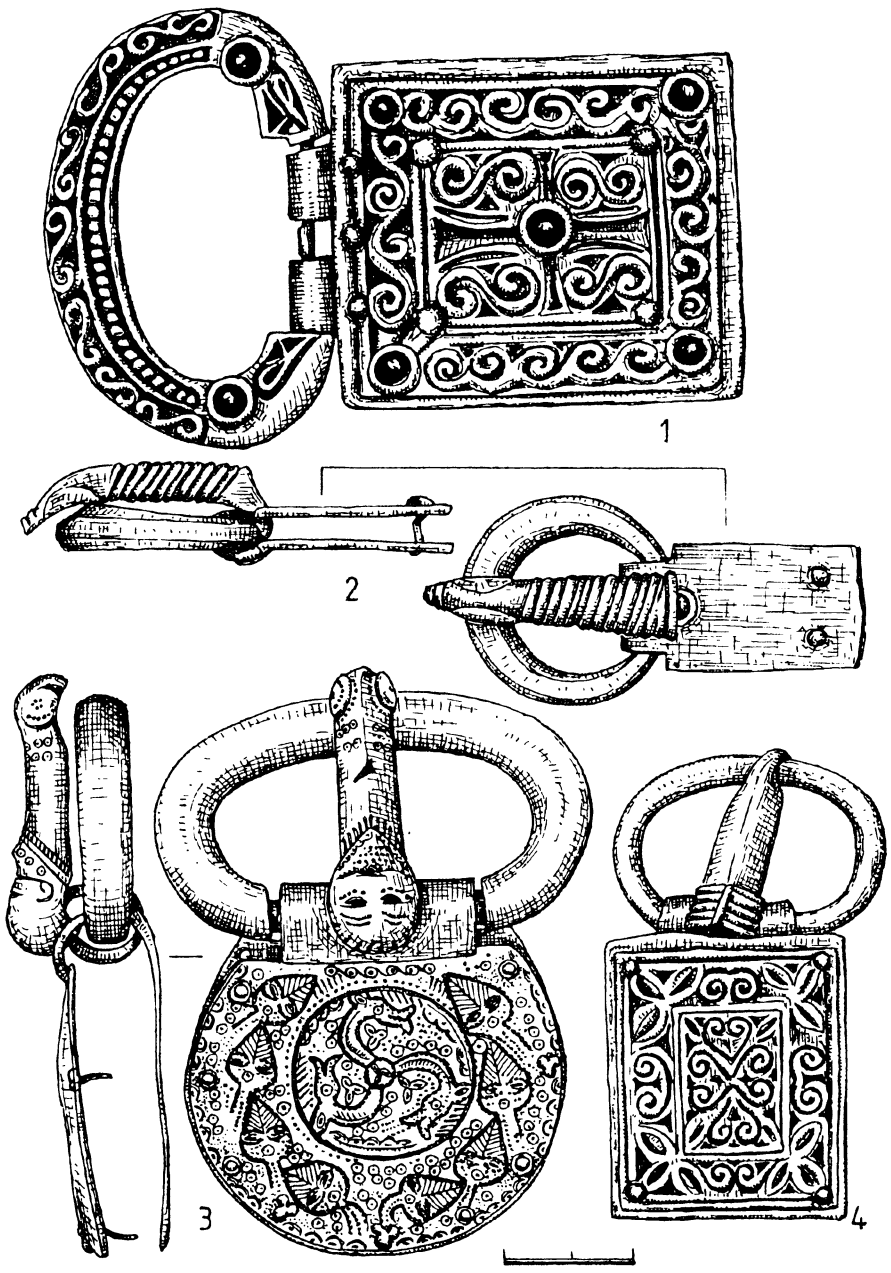


Рис. 22. Пряжки V - первой половины VI вв. из Юго-Западного Крыма.
1 - Гурзуф (по Germanen, Hunnen und Awaren, 1987, S. 103, Abb. I,7,а), *2* - Скалистое, подбойная могила 431 (по Айбабин, 1990, с. 29, рис. 23,4), *3* - фонды Ялтинского музея (по Айбабин, 1990, с. 29, рис. 23,6), *4* - Черная Речка, склеп 64, большая пряжка с прямоугольным щитком 2 варианта (по Айбабин, 1990, с. 30, рис. 2,71; 24,4).

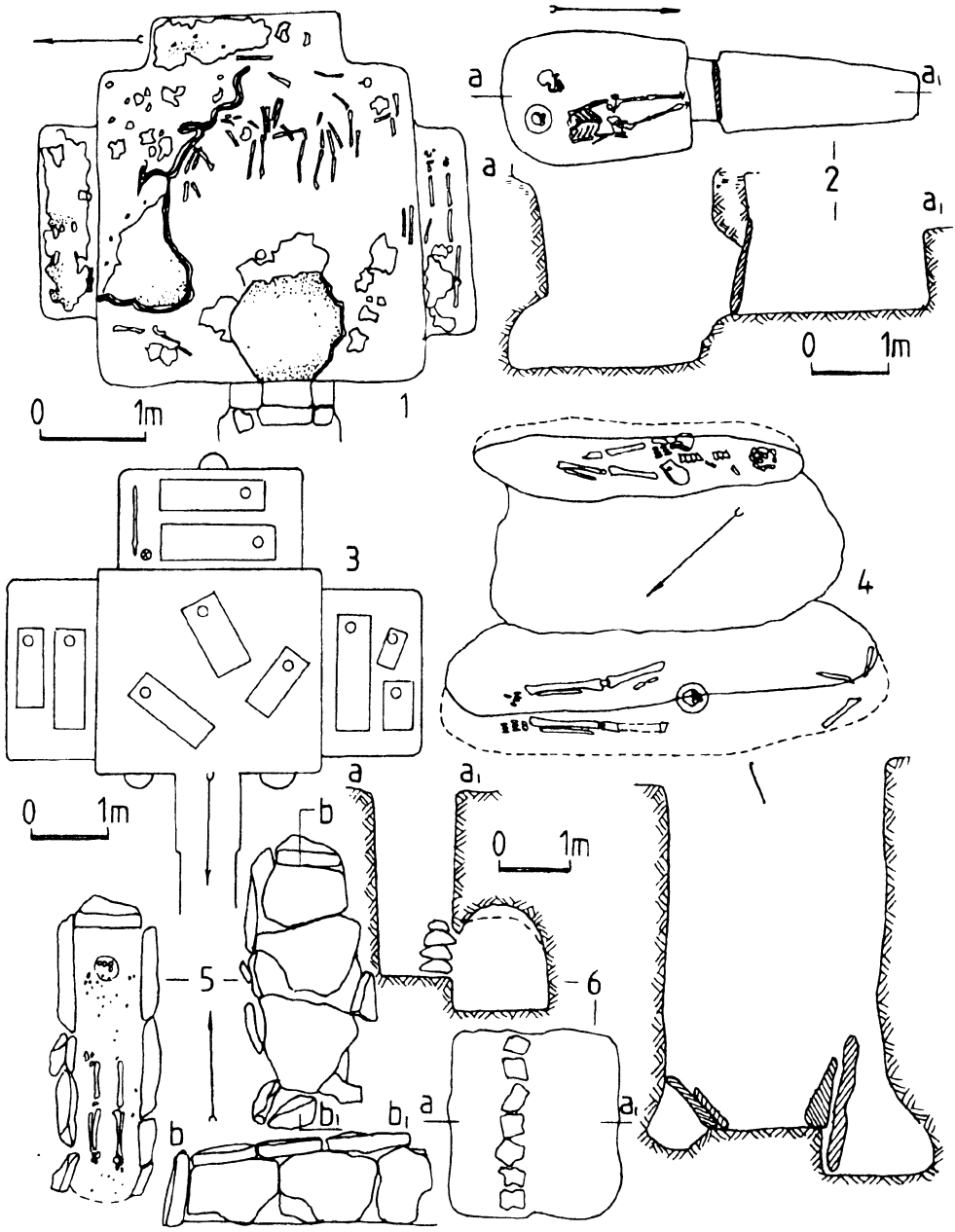


Рис. 23. Погребальные сооружения первой половины V в. из Крыма.
1 - Херсонес, склеп 1/1982 (по Зубарь, Сорочан, 1986, рис. 2), *2* - Лучистое, склеп 58, *3* - Керчь, склеп 165/1904 (по Шкорпил, 1907, рис. 19), *4* - Сахарная Головка, подбойная могила 12 (по Борисова, 1959, табл. I,12; III,12), *5* - Илурат, могила 69 (по Хршановский, 1988, рис. 5, с. 21), *6* - Скалистое, подбойная могила 431 (по Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 70).

Дагестане и Центральном Предкавказье[72].

Для ранних погребальных сооружений из Скалистого и Лучистого весомыми этнопоказательными признаками являются находившиеся в них темноглиняная лощеная и нелощеная керамика, некоторые металлические украшения, детали костюма и оружие.

Лепной кувшин с зооморфной ручкой из Скалистого из склепа 350 типологически родственен бытовавшим на Боспоре, в Подонье, Прикубанье и Предкавказье[73]. Лепной кувшин с широким цилиндрическим горлом и шаровидным туловом из Скалистого из склепа 101 характерен для одновременных захоронений в Прикаспийском Дагестане[74]. Лепные кружки-кувшины с высоким слегка расширенным кверху горлом и прикрепленной к венчику петлевидной ручкой из Лучистого из склепов 41, 54а и 77, из Скалистого из склепа 421 и подбойной могилы 431[75] близки лежавшим в склепе 1/1984 в Дружном (табл. XI,*1*), в склепах 1 и 2 IV в. в Озерном[76] и Заморском[77]. Кружки-кувшины с ручкой, прикрепленной ниже венчика, такие же, как из Скалистого из склепа 421 и из Лучистого из склепов 41, 52, 55, 75, входят в состав комплексов IV - первой половины V в. из Инкермана[78], Дружного (табл. XI,*4*), Нейзаца (табл. XIX,*4*) и с Боспора[79]. Лепные горшки со сферическим туловом из Лучистого из склепа 41 (рис. 24,*2*) и из Скалистого из подбойной могилы 496а[80] по форме подобны извлеченным из склепов Центрального Предкавказья[81], из Керчи из склепа 154[82], Заморского[83] и Тиритаки[84]. Лепные горшки с коническими выступами на тулове того же типа, что и из Лучистого из склепа 54а (рис. 24,*6*) встречены на Черной Речке в подбойной могиле 35 (табл. VII,*4*) второй половины III в. и на Боспоре в Тиритаке, Семёновке и Танаисе[85]. Лощеный кувшин из склепа 55 (рис. 24,*5*) типичен для аланских захоронений IV-V вв. из Дагестана[86]. Аналогии лощенным кувшинам со сливом на горле с декором в виде рельефных валиков из Лучистого из склепов 54а (рис. 24,*3*), 55, 58 и 100 известны лишь в аланских захоронениях, раскопанных И.Н.Храпуновым в Дружном и Нейзаце. Лощеный кувшин с биконическим туловом из Лучистого из склепа 52 (рис. 24,*1*) по форме близок найденным в могилах первой половины V в. в Танаисе[87] и на Черноморском побережье Северного Кавказа в Сопино[88]. Лощеный коричневоглиняный кувшин из Лучистого из склепа 88 (рис. 24,*4*) по форме аналогичен сосуду из Заморского[89]. Лощеная кружка-кувшин с широким отогнутым наружу горлом из коричневой глины (рис. 24,*7*) из Лучистого из склепа 88 по форме генетически связана с

---

[72] Кузнецов, 1973, с. 64. Абрамова, 1975, рис. 7,22,26. Котович, Котович, Магомедов, 1980, рис. 9. Безуглов, 1990, рис. 1,1. Безуглов, 1993, рис. 1,14. Гмыря, 1993, рис. 12,1,2.

[73] Кастанаян, 1981, с. 74-81, рис. 16,2,6, табл. XXIII,1. Веймарн, Айбабин, 1993, с. 192, рис. 53,2.

[74] Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 4,14. Гмыря, 1993, рис. 11,3,4; 33,3,4.

[75] Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 74,9.

[76] Лобода, 1977, рис. 3,2; 5,15,16; 6,1,6,10.

[77] Корпусова, 1973, рис. 6,8.

[78] Веймарн, 1963, рис. 4,9.

[79] Кастанаян, 1981, табл. XXVIII,5-7,9.

[80] Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 92,21.

[81] Абрамова, 1987, рис. 24,26; 54,13. Абрамова, 1993, рис. 56,21.

[82] Засецкая, 1993, с. 79, табл. 51,259.

[83] Корпусова, 1973, рис. 6,5.

[84] Гайдукевич, 1952а, с. 114, рис. 139,4.

[85] Кастанаян, 1981, с. 59, 60, табл. XI,6.

[86] Гмыря, 1993, с. 231, рис. 6,24; 33,5.

[87] Безуглов, 1993, с. 121, рис. 1,13.

[88] Анфимов, 1980, с. 99, рис. 4,3.

[89] Корпусова, 1973, рис. 6,9.

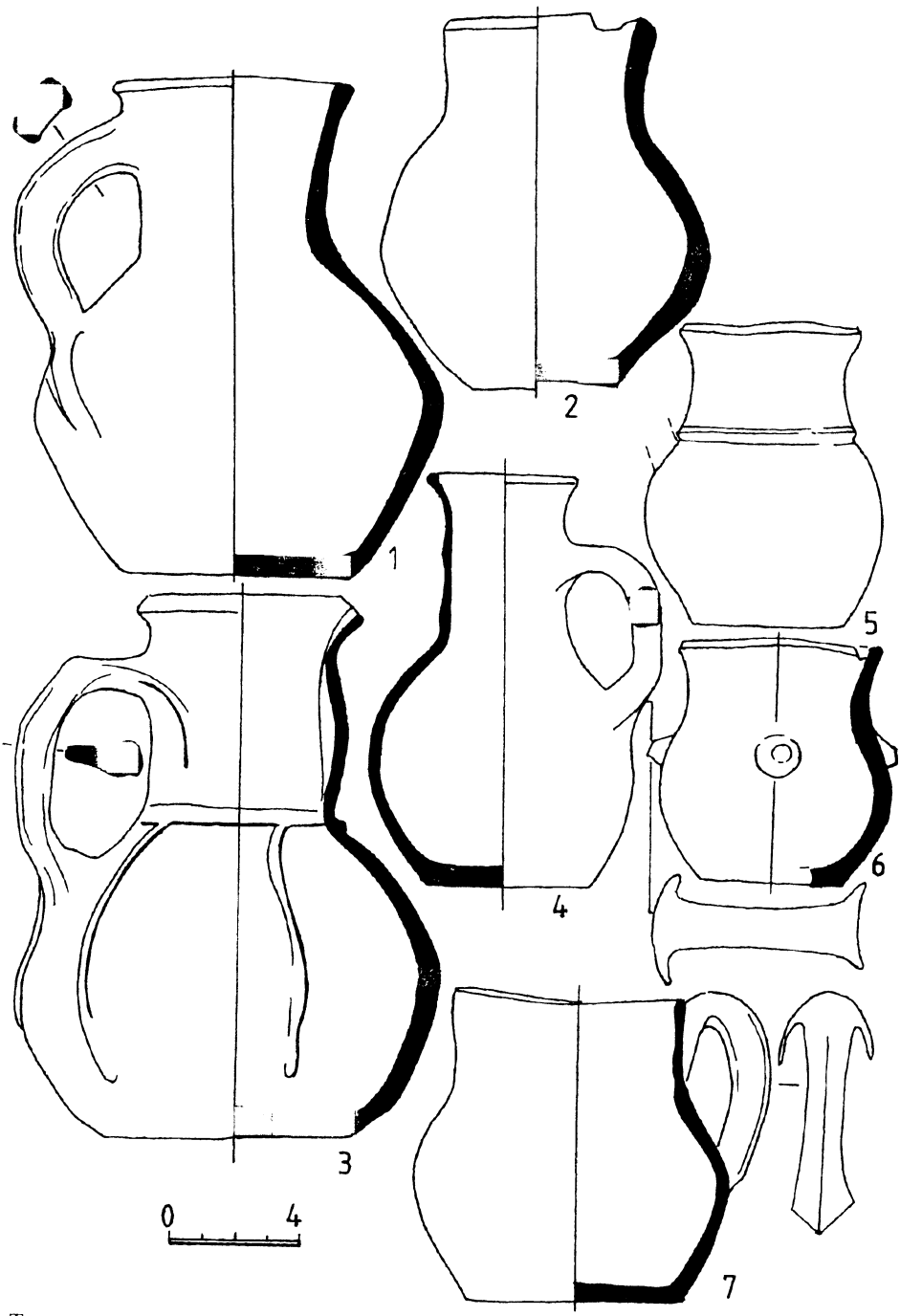


Рис. 24. Темноглиняная лепная керамика на ранних склепов из Лучистого.
1 - склеп 52, *2* - склеп 41, *3,5* - склеп 55, *4,7* - склеп 88, *6* - склеп 54а.

сосудами с боспорского поселения Семёновка[90] и из аланских некрополей II - первой половины III вв. из Центрального Предкавказья[91].

В Лучистом в разрушенной оползнем могиле 82 найдены золотые вещи, скорее всего, украшавшие матерчатую налобную повязку (рис. 25,*1-10*). Вместе лежали: 46 пронизок-трубочек (рис. 25,*6*), две височные подвески с янтарными вставками (рис. 25,*9*), бляха с гранатовой вставкой (рис. 25,*10*), штампованные из тонкого листа нашивные бляшки — набор сигмовидных из 106 рядовых (рис. 25,*3*), 4 концевых (рис. 25,*2*), 45 круглых (рис. 25,*4*), 34 треугольных (рис. 25,*7*), 13 ромбовидных (рис. 25,*5*), 12 подвесок-лунниц (рис. 25,*8*), 30 цилиндрических коралловых бусин (рис. 25,*13*) и одна из желтоватого стекла (рис. 25,*13*). In situ сигмовидные тонкие бляшки располагались по дуге в две полосы и ограничивались такой же формы пластинчатыми. Вдоль верхнего края этих полос находились треугольные бляшки, а вдоль нижнего — пара височных подвесок и подвески-лунницы. Одна из височных подвесок лежала нижней частью щитка вверх, другая — обратной стороной щитка вверх. Остальные предметы находились без определенного порядка. На костном тлене собраны 20 золотых круглых бляшек и перстень с напаянной жуковиной в виде трех круглых гнезд с плоскими гранатовыми вставками (рис. 25,*11*). Из этой могилы, вероятно, происходят обнаруженные близ нее краснолаковая миска с горизонтально отогнутым бортиком (рис. 25,*14*) и серебряная двучленная прогнутая подвязная фибула варианта 16-2/I-3 (рис. 25,*15*). Для обоснования даты могилы важны височные подвески (рис. 25,*9*) и извлеченная из ее засыпи чаша из прозрачного желтоватого стекла с широким горизонтальным бортиком с накладным волнистым рельефным валиком с вдавлениями первой половины V в.[92] (рис. 25,*12*; табл. XXVII,*129*). Время бытования височных подвесок определяется по аналогиям из захоронений первой половины V в. № 9 в склепе 154/1904 в Керчи[93] и погребения из Эрана (Нижняя Нормандия)[94]. Изображенная на рисунке реконструкция повязки в развернутом виде (рис. 25,*1*) сделана Э.А.Хайрединовой. Ширина повязки 6,5-7 см, а длина не менее 41 см. В средней части ленты были нашиты две полосы из плотно прилегавших друг к другу 53 тонких сигмовидных бляшек, ограниченных пластинчатыми. В центре повязки между полосами располагалась круглая бляха с гранатовой вставкой. Над верхним краем полос из сигмовидных бляшек были нашиты треугольные бляшки, а под нижним — подвески-лунницы, чередующиеся с пронизками-трубочками, ромбовидными бляшками и коралловыми бусами. Подвески-лунницы, вероятно, пришивали по самому краю ленты, поэтому они свисали на лоб. Эту полосу длиной в 20 см ограничивали височные подвески, укрепленные за нижний край повязки. Довольно определенно можно судить только о месте расположения на налобной повязке зафиксированных in situ подвесок-лунниц, сигмовидных и треугольных бляшек. Другие бляшки на рисунке помещены предположительно. Круглыми бляшками, собранными среди костного тлена, могли быть расшиты края рукавов платья, либо его пояс. В области кочевания аланских племен в составе клада в пещере на восточном берегу озера Батырь на Восточном побережье Каспия (юго-западный Казахстан) найдена налобная повязка (длина 46 см, ширина 3 см) из льняного холста, покрытого красной шелковой тканью с нашитыми

---

[90] Кругликова, 1966, рис. 32,6.
[91] Абрамова, 1993, рис. 63,13.
[92] Sternini, 1995, p. 248, fig. 6,33,34.
[93] Засецкая, 1993, с. 77, табл. 50,243.
[94] Pilet, 1995, p. 333, fig. 3.

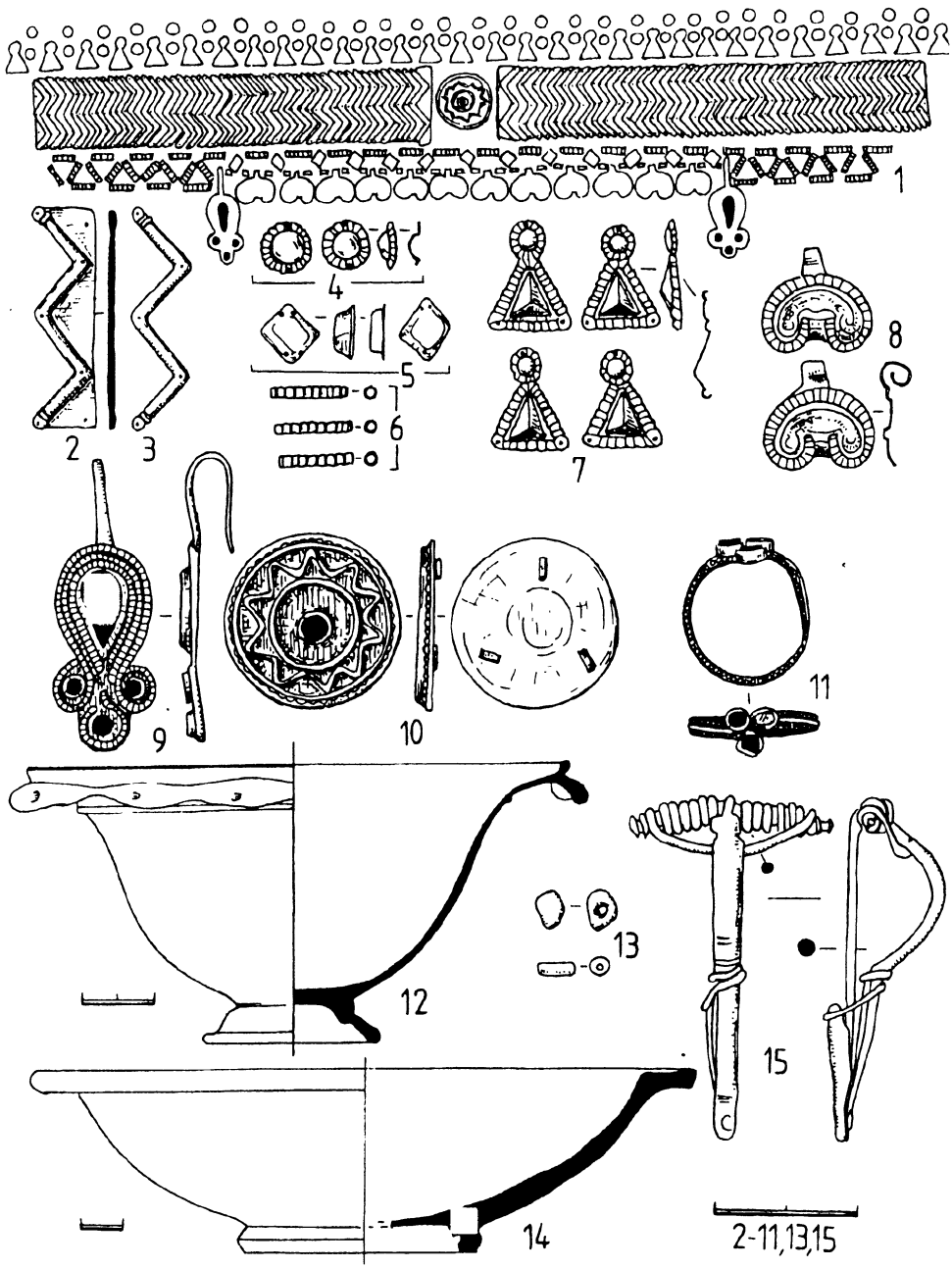


Рис. 25. Лучистое. Находки из могилы 82а.
1 - реконструкция налобной повязки (по Э.А.Хайрединовой), *2-8* - золотые нашивки, *9* - золотые височные подвески с янтарными вставками, *10* - золотая бляха с гранатовой вставкой, *11* - золотой перстень с гранатовыми вставками, *12* - стеклянная чаша, *13* - бусы, *14* - краснолаковая миска, *15* - серебряная двучленная прогнутая подвязная фибула варианта 16-2/1-3.

в два ряда круглыми бляшками из золотой фольги[95]. В Танаисе в первой половине V в. подвески-лунницы, пронизки-трубочки и ромбовидные бляшки, видимо, использовали для обшивки горловины платья. На некрополе Танаиса в могиле 295 они лежали в верхней части грудной клетки погребенной[96]. Пронизи и нашивки, подобные описанным из Лучистого, обнаружены в Керчи в 1904 г. в тайнике под порогом входа в камеру склепа 145, в погребении 4 в склепе 165 и в склепах 167-169 и 175, в двух склепах, открытых 24 июня 1904 г.[97] Одинарные трубчатые пронизи в Херсонесе извлечены из римского приставного склепа 1013[98]. В Лувре и Музее Метрополитен в Нью-Йорке хранятся наборы из сигмовидных, круглых и треугольных бляшек из Керчи[99]. В коллекции И.Диргардта имеются подвески-лунницы, пронизки-трубочки и ромбовидные бляшки, якобы из Гурзуфа, и круглые, треугольные бляшки и пронизи-трубочки, вероятно из Тамани[100]. Многие элементы декора повязки из Лучистого, в основном, традиционны для алано-сарматского мира. Такие же круглые бляшки из золотой фольги происходят из женского погребения I - начала II вв. н.э. из кургана "Большой" из Прикубанья[101], из погребений второй половины I - II вв. н.э. из курганов 20 и 37 "Золотого кладбища" в Прикубанье[102], из разрушенной детской могилы 105 некрополя Танаиса[103]. Одинарные рубчатые пронизи извлечены из могил второй половины I - II вв. н.э. из курганов 1, 20, 35, 42 и 43 "Золотого кладбища"[104]. Треугольные бляшки нашли в захоронении первой половины V в. у станицы Синявка близ Танаиса[105]. Наборы круглых, сигмовидных и треугольных нашивок обнаружены в гуннском Подунавье в могилах в Регёй[106], Унтерзибенбрунне[107] и Нижней Нормандии в Эране[108].

Аналогии поясным наконечникам с фигурным нижним концом из Лучистого из склепа 88 (табл. XXIV,*13,14*) найдены в аланских погребениях в Дагестане[109] и Поднестровье[110].

Короткие мечи и кинжал с вырезами у рукояти из Лучистого из склепов 55 и 88 (рис. 26,*2*), из Скалистого из подбойной могилы 426[111] подобны распространившимся у алан с III в. на Северном Кавказе[112], с начала IV в. в степях Подонья, Прикубанья и Поволжья[113], второй половины IV в. у алан и германцев в Восточном и Юго-Западном Крыму (табл. XVII,*6*) (Инкерман, Килен-Балка, Дружное, Озерное, Суворово, Ай-Тодор, Чатыр-Даг)[114] и на территории черняховской культуры[115]. На Черноморском

---

[95] Скалон, 1960, с. 120-123, 126, рис.4,3; 6.
[96] Гречанова, 1988, с. 61-62, рис. 1Б,4-6; 2.
[97] Засецкая, 1993, с. 42, 83, 87, табл. 12,23; 25,95а,96в,г,д; 53,287; 57,319,323а.
[98] Белов, 1927, с. 117, рис. 11.
[99] Rostovtceff, 1923, p. 114-116, fig. 8-10.
[100] Damm, 1988, S. 133-134, 168-172, Abb. 93,171-175.
[101] Гущина, Засецкая, 1989, с. 107-108, 126, 137, табл. X,83ж.
[102] Гущина, Засецкая, 1994, с. 61, 68, табл. 33,310/5; 45,406.
[103] Шелов, 1961, с. 39-40, табл. XXXVII,2.
[104] Гущина, Засецкая, 1994, с. 48, 61, 67, 70, 74, табл. 12,112; 33,311; 45,396; 48,442; 52,504.
[105] Каменецкий, Кропоткин, 1962, с. 236-237, рис. 2,2,4.
[106] Bóna, 1991, S. 19, 270, Taf. 15.
[107] Kubitschek, 1911, s. 46, 64, Fig. 12b,c,d,e. Kazanski, 1996, fig. 5. Friesinger, Vacha, 1988, S. 54.
[108] Kazanski, 1990, p. 54-56.
[109] Гмыря, 1993, рис. 35,19.
[110] Субботин, Дзиговский, 1990, рис. 6,2; 7,4.
[111] Веймарн, Айбабин, 1993, с. 180, рис. 75,26.
[112] Хазанов, 1971, с. 17, табл. XII,5-7. Абрамова, 1993, с. 162, рис. 65,15-17.
[113] Soupault, 1996, с. 76.
[114] Блаватский, 1951, с. 268. Корпусова, 1973, рис. 4,16. Веймарн, 1963, рис. 8,10. Лобода, 1973,

побережье Кавказа такие кинжалы носили и в первой половине VI в.[116] Мечи с прямым перекрестием из Скалистого из подбойной могилы 438 (рис. 26,*4*) и из Керчи из погребения 7 в склепе 179/1904 и кинжал из склепов 24.6.1904 (рис. 26,*5*) типологически родственны сармато-аланским, отнесенным А.С.Скрипкиным к 6 типу[117]. Мечи и кинжалы этого типа известны у ранних сармат с IV в. до н.э. по I в. н.э. Такие мечи встречены и в сарматских и аланских погребениях II-IV вв. в Поволжье, Прикубанье и на Северо-Восточном Кавказе[118]. Мечи с бронзовым ромбовидным перекрестием из Лучистого из склепа 88 (рис. 26,*1,3,7*) близки сармато-аланским, выделенным А.С.Скрипкиным в 7 тип[119]. В Керчи в склепе 181/1902 с мечем 7 типа лежали броши в форме цикад (табл. XXV,*2*; XXVII,*154*), изготовлявшиеся с середины V в.[120] Мечи 7 типа появились в I в. н.э. у сармат и алан в Средней Азии и Нижнем Поволжье[121]. По длине перекрестия описанные мечи отличаются от кинжала из Керчи из склепов 24.6.1904 (рис. 26,*6*)[122], от мечей первой половины V в. из Новогригоровки из кургана IX[123], из Паннонии[124] и из могилы 500 из Дюрсо (близ Новороссийска) второй половины V - начала VI вв.[125] У последних ромбовидное перекрестие сильно выступает за края клинка.

Железные листовидные наконечники копий и дротиков с валиком по оси, однотипные наконечникам дротика из склепа 52 (рис. 26,*9*) и копий из склепа 100 из Лучистого, бытовали в III в. до н.э. - III в. н.э. у сармат и алан в Центральном Предкавказье и Прикубанье[126]. С аланами они распространились и на территории черняховской культуры[127].

Как свидетельствуют приведенные факты, ранние склепы четвертой группы в Лучистом, Скалистом и под Баклой принадлежали аланам.

Погребения кочевников интересующего нас периода на полуострове весьма малочисленны: в Восточном Крыму — в Марфовке (рис. 19,*21*) и близ Феодосии (рис. 19,*18*) (одно у подножия горы Коклюк, а точное местонахождение двух других не известно); в степи — в Изобильном (рис. 19,*20*), в совхозе им. Калинина (рис. 19,*19*), в поселке Чикаренко (рис. 19,*17*) и на некрополе античного городища Беляус (рис. 19,*16*)[128]. Многие из них разрушили во время современных строительных или сельскохозяйственных работ. Могилы со склона горы Коклюк и из совхоза Калинина по пряжке и полихромным накладкам на сбруйные ремни[129] синхронны комплексам пер-

рис. 6,13; 7,12. Khrapounov, 1996, fig. 5,5. Храпунов, Мульд, 1997, рис. 150,6,7. Зайцев, 1997, рис. 62; 63.

[115] Магомедов, Левада, 1996, с. 305-306.

[116] Дмитриев, 1982, с. 104, 106, рис. 10,25.

[117] Шкорпил, 1907, с. 56. Сокольский, 1954, с. 164, табл. VIII,4. Сорокина, 1971, рис. 5,1. Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 79,12. Засецкая, 1993, с. 64, табл. 30,147а.

[118] Хазанов, 1971, с. 19-21, табл. IX,6,7; X,7; XI,3; XIII,3. Скрипкин, 1990, с. 62, 127-130, рис. 21,21,24,26,28; 22,1,2,8,9.

[119] Скрипкин, 1990, с. 62, рис. 22,3,6,7.

[120] Шкорпил, 1904, с. 107, рис. 25. Сокольский, 1954, с. 158, 159, табл. VIII,1. Айбабин, 1990, с. 26, 27, рис. 1,64; 10,13.

[121] Скрипкин, 1990, с. 130-132.

[122] Засецкая, 1993, с. 64, табл. 30,146.

[123] Засецкая, 1994, с. 30-31, табл. 3,1.

[124] Ковриг, 1982, с. 6, рис. 8. Tomka, 1986, Abb. 14.

[125] Дмитриев, 1979, с. 228, рис. 10,1.

[126] Хазанов, 1971, с. 46, табл. XXIV,8. Абрамова, 1993, с. 73-74, рис. 24; 25.

[127] Магомедов, Левада, 1996, с. 308, рис. 6,7,8.

[128] Айбабин, 1993, с. 206, рис. 1,4-8. Дашевская, 1995.

[129] Высотская, Черепанова, 1966, с. 189-195, рис. 2,9,11; 3,2-7,10,12-14.

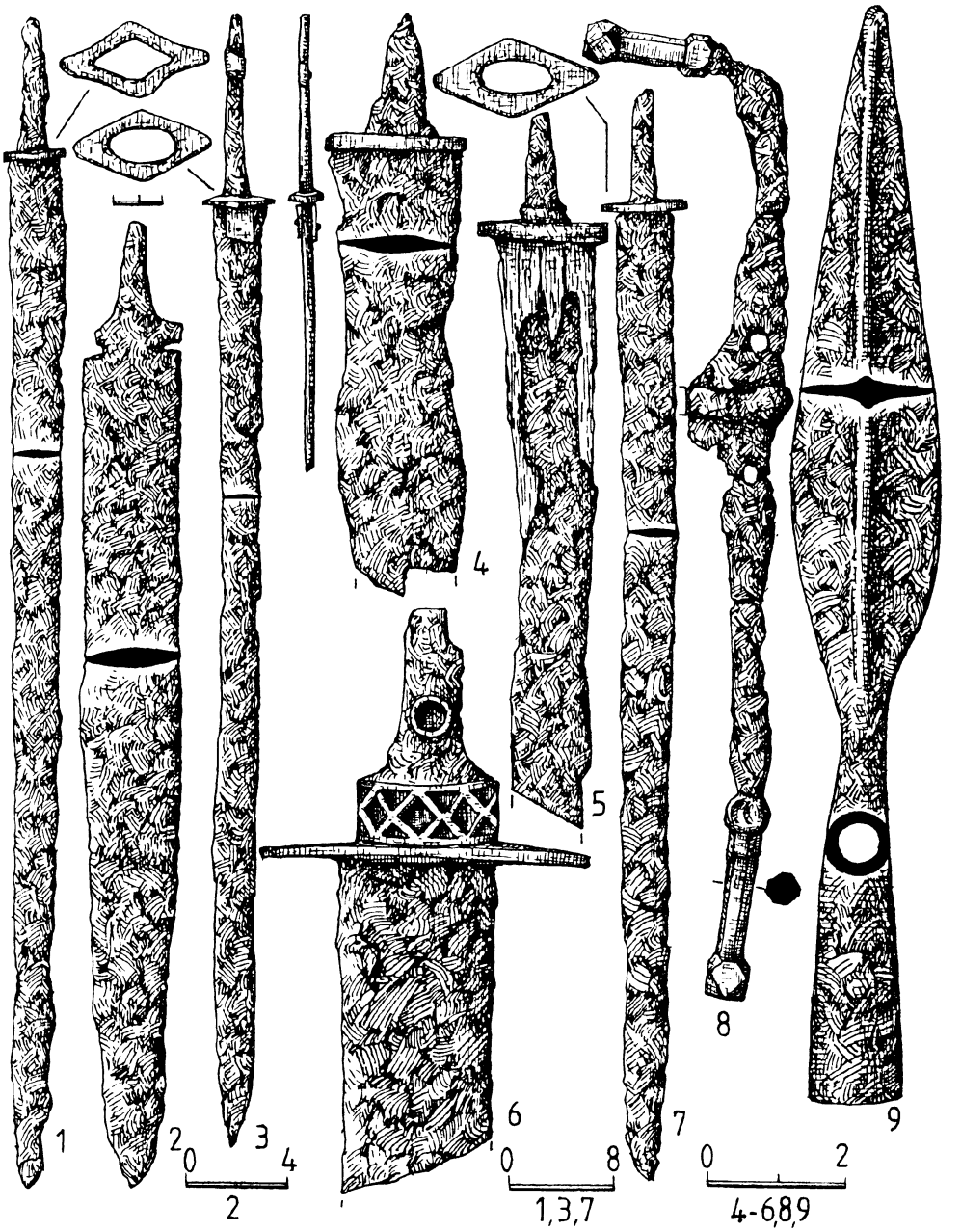


Рис. 26. Оружие и удила.
1-3,7-9 - Лучистое (*1-3,7,8* - склеп 88, *9* - склеп 52), *4* - Скалистое, подбойная могила 438 (по Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 79,12), *5,6* - Керчь, склеп 26.06.1904 (по Засецкая, 1993, с. 64, кат. № 146, 147а).

вой половины V в. из Керчи из захоронений на лежанках в склепах 154/1904, 165/1904 и из тайника в склепе 145/1904[130]; первое погребение из Беляуса по большой пряжке с овальной рамкой (рис. 27,*2*)[131] — комплексам периода D2 из Подунавья[132]. Вторая могила из Беляуса по пряжкам с овальной рамкой варианта 5а (рис. 28,*6,8*), аналогичным найденной в Лучистом в склепе 88 (табл. XXII,*6*; XXVII,*143*), датируется первой половиной V в.[133] Время совершения захоронения в Изобильном определяется по бронзовой пряжке, типичной для второй половины V в.[134] Могилу из Чикаренко по полихромным пряжками (рис. 29,*5,6*) и амфоре с веретенообразным туловом и ножкой 2 варианта (рис. 29,*1*; табл. XXVII,*145*) и захоронение из Марфовки по золотым пряжкам с широкой пластинчатой рамкой следует отнести к концу V в.[135] Только в трех из них зафиксирован погребальный обряд. На некрополе античного городища Беляус одного из кочевников похоронили в накрытой плитами яме, выкопанной в полу античного склепа (рис. 27). Под плитами перекрытия находились остатки чучела коня: череп, ребро и кости ног с копытами. Скелет мальчика лежал в вытянутой позе, ориентированный монголоидным черепом на север. У черепа найдена золотая серьга (рис. 27,*8*), на тазу — большая серебряная пряжка (рис. 27,*2*), у колен — золотая обкладка статуэтки лошади (рис. 27,*14*), у ступней — удила и полихромные детали сбруйных ремней (рис. 27,*10,11*)[136]. Второго кочевника погребли во дворе разрушенной усадьбы II в. до н.э. в хозяйственной яме. Под плитами перекрытия лежал монголоидным черепом на северо-восток скелет мальчика 6-9 лет. В его ногах на камне находились трубчатая кость лошади и собачья челюсть, а между голенями — позвонки лошадиного хвоста. У черепа обнаружены стеклянный стакан (рис. 28,*1*) и золотая серьга (рис. 28,*11*), на тазу — две пряжки (рис. 28,*5,6*), у левой голени — костяная пряжка (рис. 28,*7*), в ногах — две пряжки (рис. 28,*3,8*) и удила (рис. 28,*9*)[137]. В Изобильном в насыпи кургана зачищен скелет подростка, ориентированный черепом на восток. На костях лежали бусы, бронзовые зеркало, медальон и две пряжки, шесть трапециевидных пластин из золотой фольги с отверстиями, кости животных[138]. В совхозе им. Калинина из курганной насыпи извлекли фрагменты черепа и костей человека и конские зубы. Судя по перечисленным деталям обряда захоронения, крымские могилы аналогичны описанным выше подкурганным захоронениям со шкурой коня из северопричерноморских степей. Их приписывают тюркам, входившим в гуннский союз[139]. Другой вариант погребального обряда выявлен в Марфовке, где кочевника похоронили под курганной насыпью в античной плитовой гробнице. Скелет ориентирован черепом на запад[140].

Опираясь на уточненную хронологию упомянутых захоронений кочевников и боспорских городов и поселений, можно предположить, что гунны появились на полуострове уже после своего утверждения в Северном Причерноморье — на рубеже IV-V вв. В то время они совершали набеги не только на Дунае, но и в Закавказье. По свиде-

---

[130] Айбабин, 1990, с. 58, рис. 2,41,55,57; 47,25-27,30.
[131] Дашевская, 1969, с. 55, рис. 2,3; 3,3.
[132] Tejral, 1997, S. 338, 339, Abb. 17,17,18,20.
[133] Дашевская, 1995, рис. 3,3,6.
[134] Шаламон, Баркоци, 1982, рис. 10,13. Bömhe, 1988, p. 60, fig. 5,5. Айбабин, 1993, с. 208, рис. 4,2.
[135] Айбабин, 1993, с. 208-209, рис. 2,5,6; 5,1,4-6.
[136] Дашевская, 1969, с. 52-60, рис. 1-5.
[137] Дашевская, 1995, с. 56-61.
[138] Айбабин, 1993, с. 209.
[139] Амброз, 1981, с. 21-22. Айбабин, 1983, с. 209-210.
[140] Айбабин, 1983, с. 209.

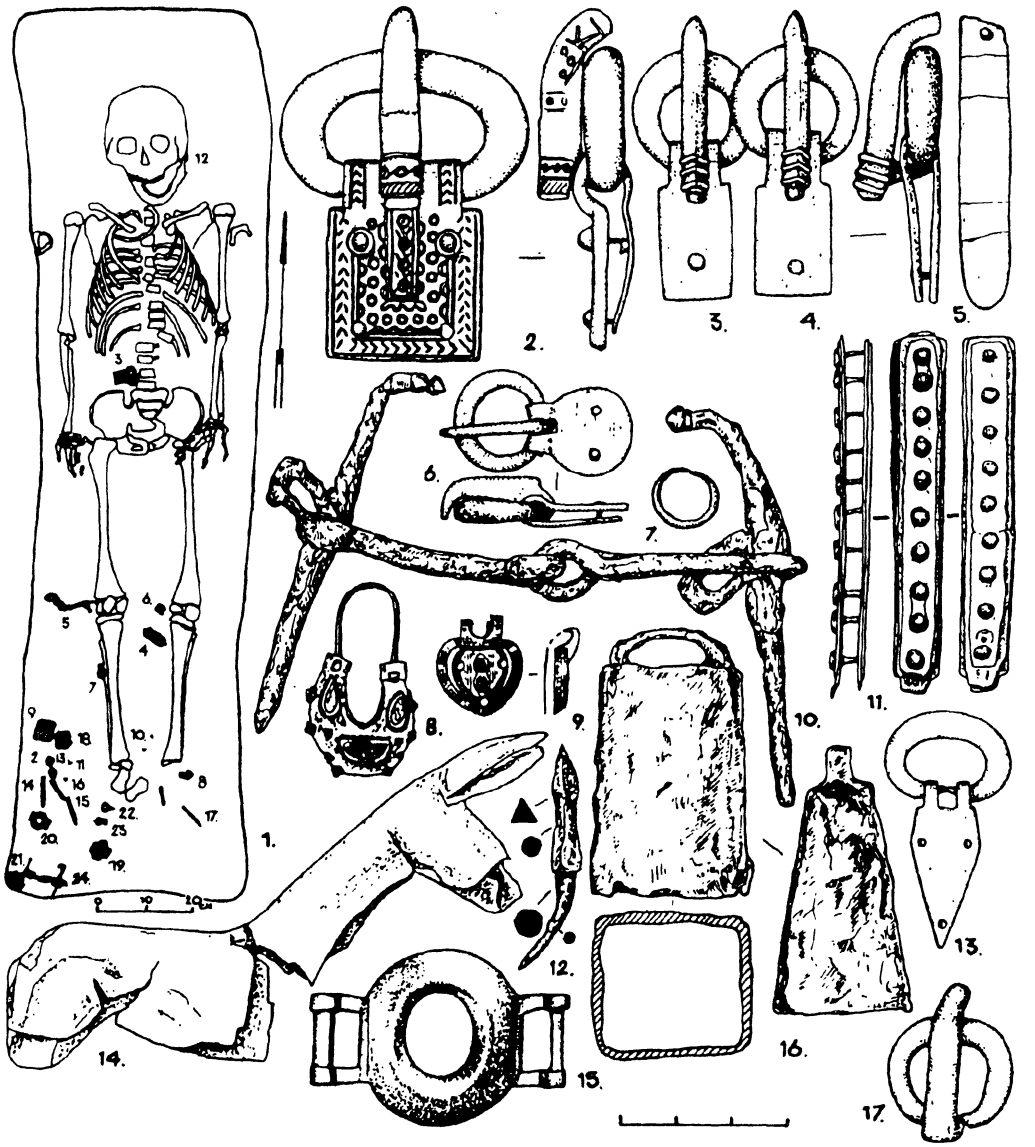


Рис. 27. Беляус, гуннское захоронение, открытое в 1967 г. (по Ajbabin, 1995, fig. 6).
1 - план захоронения мальчика, *2* - большая серебряная пряжка с овальным щитком с резным, инкрустированным серебром декором (Айбабин, 1990, с. 28,29, рис. 2,45; 23,9), *3,4* - серебряные пряжки с овальной рамкой 4 варианта (Айбабин, 1990, с. 28, рис. 2,47), *5* - серебряный поясной наконечник варианта II-1 (Айбабин, 1990, с. 50, рис. 2,46; 47,7), *6* - серебряная пряжка с овальной рамкой 2 варианта (Айбабин, 1990, с. 27,28, рис. 2,10), *7* - бронзовое кольцо, *8* - золотая серьга, *9* - серебряный щиток пряжки, *10* - железные удила, *11* - серебряные плакированные золотом наконечники поясных ремней варианта II-1 (Айбабин, 1990, с. 50, рис. 47,32), *12* - железный наконечник стрелы, *13* - серебряная пряжка, *14* - золотая обкладка статуэтки лошади, *15* - серебряная соединительная сбруйная бляха, *16* - железный колокольчик с бронзовой прослойкой, *17* - серебряная пряжка с овальной рамкой 3 варианта (Айбабин, 1990, с. 28, рис. 2,26).

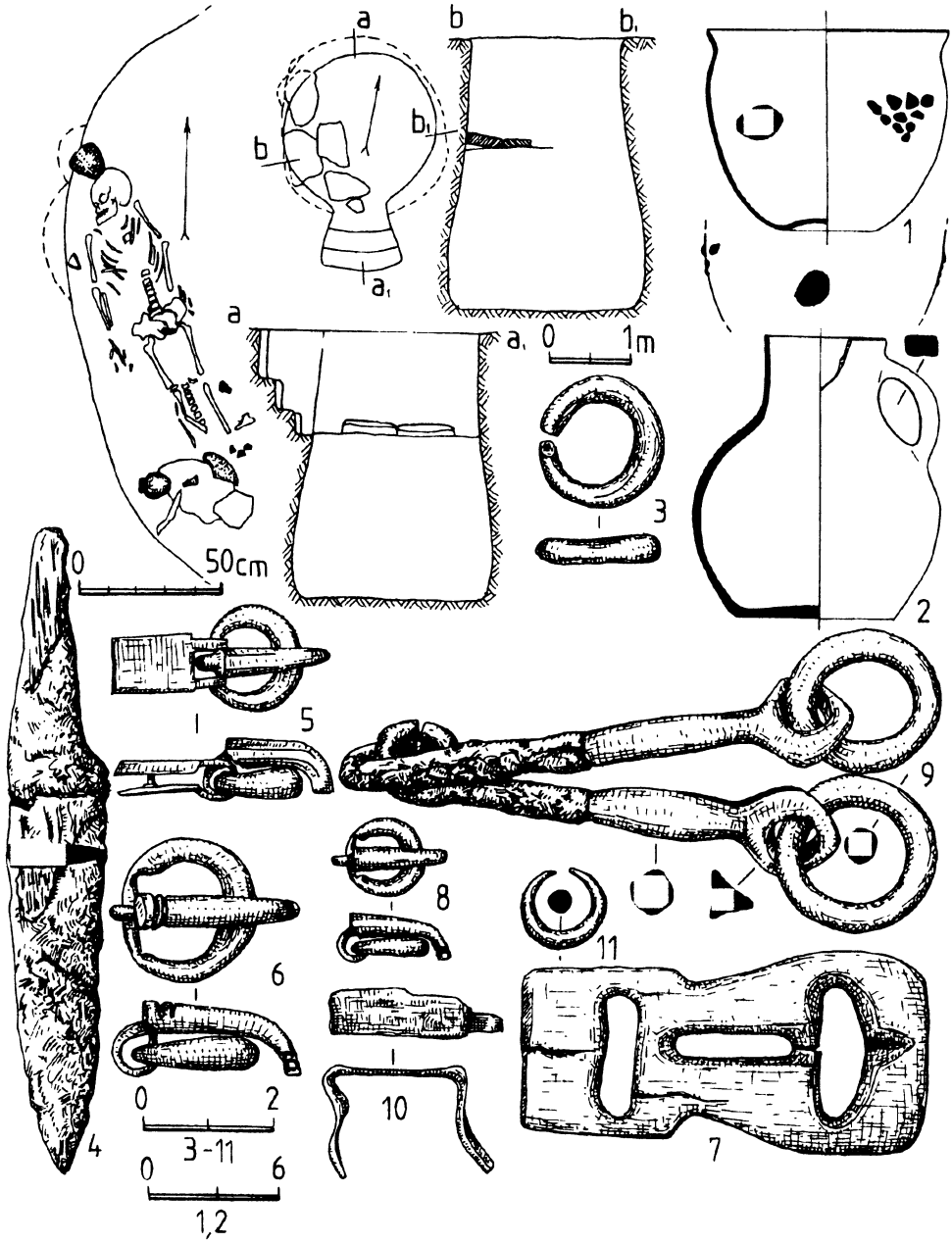


Рис. 28. Беляус, гуннское захоронение, открытое в 1991 г. (по Дашевская, 1995, рис. 1-3).
a-b - план захоронения мальчика, *1* - стеклянный стакан с синими каплями типа Сорокина I-Е (Сорокина, 1971, с. 89, рис. 1,6), *2* - глиняный лепной кувшин, *3* - бронзовая рамка пряжки, *4* - железный нож, *5* - серебряная пряжка с овальной рамкой 3 варианта, *6,8* - бронзовая (6) и серебряная (8) пряжки с круглой рамкой варианта 5а, *7* - пряжка из кости, *9* - удила из железа и бронзы, *10* - бронзовая скрепка, *11* - золотая серьга.

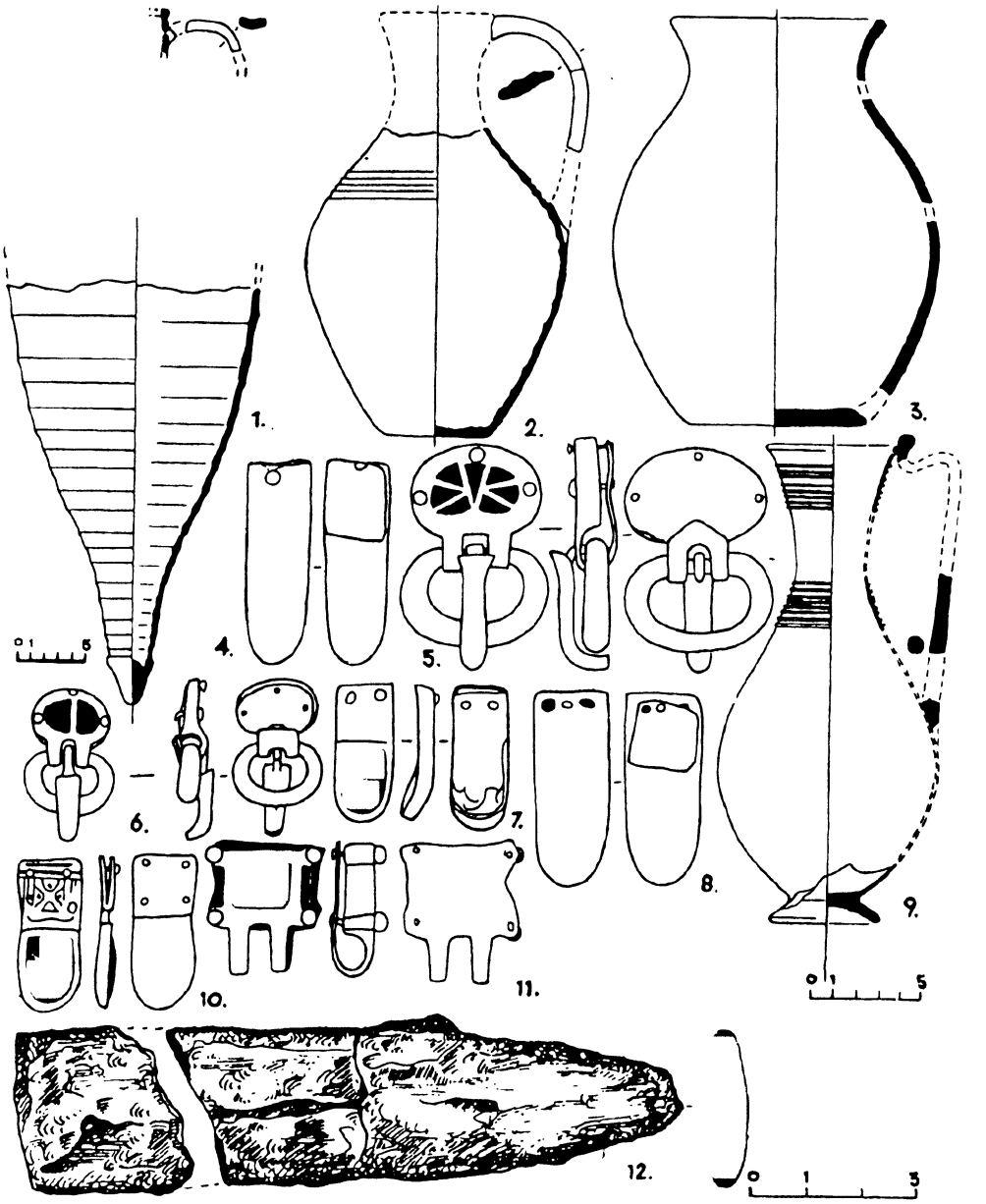


Рис. 29. Инвентарь из могилы кочевника, разрушенной близ Чикаренко (по Ajbabin, 1995, fig.5). *1* - амфора типа Зеест 95 с ножкой 2 варианта, *2* - краснолаковый кувшин, *3* - лепной сероглиняный горшок, *4,8* - золотые наконечники ремней варианта II-1, *5,6* - золотые пряжки, инкрустированные альмандинами, с круглой рамкой 6 варианта (Айбабин, 1990, с. 28, рис. 2,43), *7,10* - золотые наконечники ремней, инкрустированные альмандинами, варианта II-3 (Айбабин, 1990, с. 50,51, рис. 47,13), *9* - фрагменты стеклянного кувшина, *10* - золотой, инкрустированный альмандином щиток пряжки, *12* - обломки железного кинжала.

тельству Филосторгия, гунны в самом конце IV в. переправились через реку Танаис и пройдя Армению и Месопотамию напали на византийские провинции Каппадокию и Галлатию[141]. Приск Панийский (умер около 475 г.) сообщал о переправе через Меотиду направлявшихся в Мидию гуннов[142]. Очевидно, тогда же они вторглись и в Крым. Как показывает картографирование упомянутых памятников (рис. 19,*15-21*), гунны захватили крымские степи и западную часть европейского Боспора, разрушив Феодосию. Они использовали данный регион для сезонного выпаса скота[143]. Контролировавшаяся гуннами территории простиралась до возвышенностей Третьей гряды в Центральном Крыму. Обломок гуннского котла найден в дерновом слое, перекрывающем руины Неаполя Скифского[144].

После смерти в 453 г. Аттилы и разгрома гуннов в битве на реке Недао в Паннонии в 454 г. их союз распался[145]. По сообщению Иордана, многие входившие в него племена вернулись в Причерноморье, туда, где ранее жили готы[146]. Кочевавшие там в V в. гуннские племена Приск называл акатцирами[147]. По словам Прокопия, степи между Херсоном и Боспором во второй половине V в. занимали гунны[148]. Иордан помещал в степи около Херсона гуннское племя альтциагиров[149]. С одним из этносов следует связать захоронения из Чикаренко (рис. 19,*17*), Марфовки (рис. 19,*21*) и Изобильного (рис. 19,*20*). В первом из них нашли византийские краснолаковый кувшин (рис. 29,*2*), амфору (рис. 29,*1*) и изготовленные в Подунавье или Западной Европе стеклянный кувшин (рис. 29,*9*), золотые детали поясного набора, инкрустированные альмандинами (рис.29,*4-11*)[150]. Подобный набор извлечен из гробницы Хилдерика I[151].

А.А.Васильев, опираясь на текст письма патриарха Иоанна Златоуста, полагал, что к 400 г. Боспор уже захватили готы[152]. До ссылки Иоанна в 404 г. в Армению в город Кукуз он рукоположил готам епископа Унилу. В письме диаконисе Олимпиаде, написанном в 404 г., Иоанн Златоуст писал: "...достойный удивления епископ Унила, которого я недавно поставил и послал в Готию, совершивши много великих дел, умер. И прибыл Мадурий с письмами правителя (короля, князя) готов (Τοῦ ῥηγὸς τῶν Γότθων), в которых последний просил послать к ним епископа. И вот, так как против грозящей катастрофы я не вижу никакого другого средства, чтобы поправить дело, кроме промедления и отсрочки (им ведь невозможно теперь плыть ни в Боспор, ни вообще в те страны), то ты постарайся пока задержать их по причине зимы"[153]. По мнению многих, в этом фрагменте речь идет о крымских или Боспорских готах[154]. Однако, в нем нет конкретной информации о местонахождении резиденции епископа Унилы и ῥὴξ τῶν Γότθων — короля или князя готов. В письме наряду с Боспором на-

[141] Thompson, 1948, p. 28. Blockley, 1992, p. 47.
[142] Blockley, 1983, Priscus, fr. 11,595-615. Артамонов, 1962, с. 53-54.
[143] Ajbabin, 1995a, p. 160.
[144] Ачкинази, 1987, рис. 1.
[145] Thompson, 1948, p. 152-153. Maenchen-Helfen, 1973, p. 144-147.
[146] Iordanis, Getica, L, 259-266.
[147] Blockley, 1983, Priscus, fr. 11,550-551. Blockley, 1992, p. 73. Артамонов, 1962, с. 57. Maenchen-Helfen, 1973, p. 427-438.
[148] Procopius, History of the wars, Vol. I, book I, XII,9. Vol. V, book VIII, V,26.
[149] Iordanis, Getica, V,37.
[150] Айбабин, 1993, с. 207, 209.
[151] Kazanski, Périn, 1988, p. 13, 36.
[152] Vasiliev, 1936, p. 23.
[153] Joanns Chrysostomi, LII, col. 618. Vasiliev, 1936, p. 33.
[154] Васильевский, 1909, с. 370. Кулаковский, 1914, с. 52. Бертье-Делагард, 1920, с. 40. Vasiliev, 1936, p. 33-36.

званы "те", то есть какие-то припонтийские "страны". По предположению В.Томашека, упоминание в письме ῥὴξ готов дает основание считать Унилу епископом Дунайских готов[155].

Утверждению А.А.Васильева о захвате готами Боспора противоречат и надписи V в., найденные в Керчи в 1888 г., в Тамани в 1868 г. и на Таманском полуострове. Их тексты свидетельствуют о том, что Боспорское царство в V в. сохранилось как самостоятельное государство, которым управляла прежняя династия[156]. Надпись из Керчи с упоминанием царя Диптуна В.В.Латышев первоначально приурочил ко времени Юстиниана I[157]. Однако, как справедливо отметил Ю.А.Кулаковский, Юстиниан I вряд ли позволил бы реставрировать на Боспоре власть местной династии. Ю.А.Кулаковский отнес надпись к концу V в.[158] В последующей статье В.В.Латышев привел новые аргументы в пользу пересмотра датировки надписи. Он полагал, что ее шрифт характерен для памятников II - первой половины IV вв., но отличается от шрифта другой надписи с Боспора с упоминанием Юстиниана. Поскольку Диптун был христианином, то надпись с большей вероятностью можно датировать V в.[159] После осмотра надписи А.И.Болтунова предложила свое чтение даты: "αγι, ἔτ(ους)θ[.χ]" = 699 г. боспорской эры = 402 г. н.э. Тот же вывод сделал и В.Д.Блаватский[160]. По словам Ю.Г.Виноградова, уцелевшее в последней строчке слово АГІ указывает на использование в этом документе двойной системы летоисчисления по македонскому календарю: индиктионам и локальной эре. От цифры года по боспорской эре сохранилась Θ=9, поврежден О=70 и пропало [Ψ]=700. С учетом упомянутого в надписи месяца Οἰκ-[τοβρίου]-октябрь, воссоздается дата 779 г. б.э. = 483 г. Корректуры Ю.Г.Виноградова позволяют несколько иначе восстановить опубликованный В.В.Латышевым текст надписи: "В добрый час. При царе Тиберии Юлии Диптуне благочестивом, друге цезаря и друге римлян, восстала башня сия при епархе Исгудии и комите Спадине, заведующем пинакидой, протокомесе Саваге, и при попечителе работы... месяца Горпиея 20, Октября, 6 индикта, а как ведет счет Боспор, в году 779"[161]. Текст говорит о том, что Диптун возводил себя к правившей на Боспоре с I в. н.э. династии Тибериев-Юлиев и считал себя союзником римлян. Подражая христианским правителям Византии, он поставил на первое место в своем титуле эпитет εὐσεβής — благочестивый. При его дворе, помимо традиционной должности заведующего пинакидой — личного секретаря царя, появились новые заимствованные из Византии должности ἐπάρχο(υ) = ὁ ἔπαρχος — епарх, κόμ(ης) — комес. Чин комеса ввел в Римской империи Константин. При нем же стали употреблять в христианском смысле эпитет благочестивый[162]. По вполне убедительному предположению Ю.Г.Виноградова, в администрации Диптуна епарх Исгудий, видимо, был царским наместником над европейской частью Боспора, комит Спадин занимал должности личного секретаря царя и командовал войском в европейской части, а "πρώτου ἐπὶ κόμητας", то есть primus inter pares - первый среди комитов Саваг, вероятно, коман-

---

[155] Tomaschek, 1881, S. 10.
[156] Виноградов, 1998, с. 234-246.
[157] Latyscev, II, 1890, add. s. 292, № 49. КБН, № 67, с. 74, 75.
[158] Кулаковский, 1891, с. 25-27.
[159] Латышев, 1894, с. 660-662.
[160] КБН, № 67, с. 75. Блаватский, 1985, с. 255.
[161] Виноградов, 1998, с. 238, 342.
[162] Латышев, 1896, с. 13. Латышев, 1909, с. 126. Jones, 1973, p. 526.

довал войском в азиатской части[163]. Очевидно, Диптун укреплял оборону города опасаясь гуннов, обитавших в соседних степях. Скорее всего, династия Тибериев-Юлиев правила на Боспоре до вступления на престол в 518 г. в Константинополе Юстина I[164].

Города и поселения восточной части европейского Боспора и сама столица не пострадали ни во время гуннского вторжения на полуостров, ни после захвата ими крымской степи и примыкавшего к Феодосии региона. Общепринятое мнение о запустении после 376 г. городских кварталов Боспора на горе Митридат[165] опровергают материалы из раскопанного там верхнего слоя. В нем содержалась керамика V-VI вв.[166] В обнаруженных в данном слое плитовых могилах самыми ранними были пряжки, кувшины, фибулы и поясной набор VII в.[167] На изданном Г.А.Цветаевой плане городского некрополя к IV в. отнесены склепы с инвентарем V - первой половины VI вв.[168] На плане некрополя видно, что его восточная граница не изменялась с I по VI в. (рис. 15,А,*1-4*)[169]. В результате раскопок, проводившихся в примыкающей к горе Митридат приморской части города, слои V-VI вв. выявлены у церкви Иоанна Предтечи (рис. 14,*5*)[170]. В 1990-1993 гг. неподалеку от нее открыты узкая улица и квартал усадьб, возведенный в первой половине V в. на месте разобранных позднеантичных домов.

Захват гуннами небольшой части европейского Боспора не оказал заметного отрицательного воздействия на экономику царства. Земледелие продолжало оставаться основой экономики уцелевших городков и поселений (Зенонов Херсонес, Генеральское и другие). Их население занималось также виноградарством и рыболовством[171]. Судя по тексту надписи 486 г., знатный боспорец комит Саваг сын Аристона владел большими рыбопромысловыми угодьями[172]. Происходящие из слоев и погребений V - первой половины VI вв. многочисленные привозные подвязные и двупластинчатые фибулы, амфоры, краснолаковые и стеклянные сосуды из Подунавья, Южного Причерноморья и Средиземноморья говорят о сохранении в данный период активной торговли с названными регионами империи.

Жители Боспора воспринимали все новшества, возникшие в Подунавье и в других провинциях. В первой половине V в. греческая и аланская знать Боспора переняла у соседних гуннов возникшую на Дунае моду на золотые украшенные вставками из граната изделия нового полихромного стиля. По дунайским образцам такие изделия изготовляли и в боспорских мастерских[173]. Тогда же боспорские женщины стали носить такие же, как и дунайские, гладкие двупластинчатые фибулы (табл. XX,*9*; XXIII,*2,3,6,9*; XXVII,*98,99,104,110*), серьги с многогранником и широкие пояса с большими пряжками (табл. XXIII,*11*; XXVII,*136*), с середины V в. — пряжки и двупластинчатые фибулы с кербшнитным декором или его имитацией (типа табл. XXVII,*147*), броши в форме цикады (табл. XXV,*2*), с начала VI в. — ранние пальчатые

---

163 Виноградов, 1998, с. 236, 242, 243.
164 Procopius, History of the wars, Vol. I, book I, XII,8.
165 Блаватский, 1962, с. 48, 49, 51, 64, 68-77, 84.
166 Сазанов, 1989, табл. 5.
167 Айбабин, 1990, с. 15, 69, рис. 2,93,129,156,157,159.
168 Цветаева, 1951, рис. 3.
169 Амброз, 1992, с. 53.
170 Макарова, 1991, с. 130-136, 143.
171 Масленников, 1992, с. 167-169.
172 Виноградов, 1998, с. 238, 240.
173 Амброз, 1992, с. 72. Засецкая, 1993, с. 34.

фибулы с резными концентрическими ромбами на ножках (типа табл. XXVIII,*2*)[174].

Судя по некрополям, в рассматриваемое время этнический состав населения европейского Боспора почти не изменился. На стене керченского склепа 491 г. и на эпиграфических памятниках встречены греческие (Евсевий) и аланские (Фаиспарта, Спадин) имена[175]. Аланскими именами называли и греков, например Саваг сын Аристона. Рядовые боспорцы и знать использовали прежний обряд захоронения. Описанные в приложении склепы 145, 154, 165 и открытые 24 июня 1904 г., видимо, соорудили в начале V в. для представителей правящего рода. На головах некоторых погребенных были одеты золотые венки, аналогичные найденным в ранних могилах членов того же рода (с золотой маской, на усадьбе Месаксуди и 1841 г.). В камерах лежали блюда, подаренные еще Констанцием II, конская сбруя, седло, умбоны от римских щитов и мечи[176].

Надписи V в. свидетельствует о превращении христианства в господствующую на Боспоре религию. В Керчи найдено надгробие 438 г. дьякона Евсевия[177]. Христиане хоронили на старом некрополе на склоне горы Митридат в таких же, как и в предшествующий период, склепах с лежанками. На территории могильника обнаружены христианские надгробия, отнесенные к V в.[178] На стенах однотипного склепа 491 г. написаны тексты молитв[179]. Из окрестностей античной Акры (рис. 10,*10*) происходит нательный амулет с двумя филактериями на серебряной и золотой пластинах[180]. С новой идеологией уживался обычай погребать покойников с украшениями и сосудами. Ту же картину мы наблюдаем на территории Византии (Афины, Самос), в Италии (Чивидале) даже на церковных кладбищах VII в. Епископ Боспора Евдоксий участвовал в Константинопольском соборе в 448 г. и в Эфесском в 449 г.[181]

Реагируя на инициированную гуннами активизацию варваров на границах империи, ее правители стремились укрепить армию. В нее начали набирать варваров. Грациан (375-383) сформировал из алан гвардейский отряд. Феодосий I (379-395) регламентировал отношения с готами, получившими в 393 г. разрешение селиться в империи[182], и пополнил армию задунайскими варварами[183]. Как сказал в Панегирике Феодосию, произнесенном в 391 г., Покат: "Гот, гунн, алан стали в ряды войск"[184]. Многие варварские племена получили статус федератов империи. Королю живших в северной Фракии федератов визиготов Алариху присвоили титул magister militum per Illyricum[185]. Очевидно, та же политика проводилась и в Юго-Западном Крыму.

Находки из региона фиксируют существование в период правления в Западной части империи Гонория (395-423), а в Восточной Феодосия II (408-423) контактов населения Юго-Западного Крыма с варварами Северо-Западного Причерноморья, Северной, Западной и Центральной Европы. Клад, найденный на склоне мыса Ай-

---

[174] Айбабин, 1990, с. 70. Масленников, 1992, рис. 17,17,18.
[175] Кулаковский, 1891, с. 6, 22, 23.
[176] Kazanski, 1991, fig. 11, 12. Засецкая, 1993, кат. 21,38,42,43-68,72,130-146,149-152,161-172, 181,206,209,215,216,221,229,288,293,294.
[177] Латышев, 1896, №86.
[178] Кулаковский, 1891, с. 29, рис. на с. 30.
[179] Кулаковский, 1891, с. 25-27.
[180] Виноградов, 1998, с. 240, 241.
[181] Le Quien, 1740, p. 1328.
[182] Кулаковский, 1899, с. 26. Orosius, libri VII, 34,5.
[183] Zosime, Histoire nouvelle, II, partie 2, livre IV, XXX, XXXIV.
[184] Кулаковский, 1899, с. 26. Panegyrici Latini, Pocati. Paneg. 32. Cameron, 1993, p. 138.
[185] Philostorgius, Historia Ecclesiastica XII,2. Zosime, Histoire nouvelle, II, partie 2, livre V,V. Кулаковский, 1899, с. 28. Jones, 1973, p. 156, 157, 159-160, 185, 199-202, 1099, ref. N 46.

Тодор, близ могильника Харакс содержал восточноримские и германские монеты, имитирующие западноримские. Самая поздняя монета чеканена в 395-408 гг. в Константинополе. По определению В.А.Сидоренко, клад сформировался в Центральной Европе в регионе с типичным "варварским" монетным обращением[186]. Хранящаяся в Ялтинском музее большая серебряная пряжка с прекрасным гравированным зооморфным декором (рис. 22,*3*) подобна изготовлявшимся в западных римских провинциях в первой половине V в. по заказам германских вождей[187]. Из ранних погребальных сооружений в Лучистом, у подножия Баклы и в Скалистом происходят характерные для дунайских германцев подвязные (рис. 20,*1*; табл. XX,*6*; XXIV,*11*) и двупластинчатые фибулы (табл. XX,*1-5,7*); псалии (рис. 26,*8*), аналогичные гуннским из Венгрии[188]; типичные для Северной и Центральной Европы, Северо-Западного Причерноморья стеклянные кубки с сотовидным орнаментом (рис. 20,*3*)[189].

По сообщению Прокопия, после смерти правителя гуннов его сын Утигур со своим племенем решил вернуться в Приазовье. Недалеко от Меотиды на перешейке (Керченском полуострове) дорогу им преградили готы. Встретившись, противники заключили соглашение о союзе и вместе переправились на восточный берег Меотиды. Он относит данное событие ко времени, когда вандалы уже утвердились в Ливии (429 г.), а визиготы поселились в Испании[190]. Многие считали, что описанное событие произошло после распада державы Аттилы в 454 г.[191] По мнению А.А.Васильева и А.Л.Якобсона, готы, заключив союз с утигурами, разделились на две части. Одни переселились на Черноморское побережье южнее Тамани, а другие отошли в Горный Крым[192]. В некоторых рукописях "Войны с готами" готы названы "тетракситами", а в других — "трапезитами". По словам А.А.Васильева, второй этноним более точен и правилен. Он связывает этноним готы-трапезиты с топонимом реально существующей близ Алушты, упомянутой еще у Страбона, Столовой горы Τραπεζοῦς - Трапезус - Чатыр-Даг[193]. Иордан в перечне прибрежных городов восточнее Мирмекия помещает Трапезунт. Е.Ч.Скржинская в комментариях к переводу "Гетики" на русский язык предположила, что Трапезунт основали восточнее полуострова на побережье Северного Кавказа крымские готы - союзники утигуров, перенесших из Таврики название своего поселения на склоне горы Трапезус[194]. В пользу гипотезы об уходе части готов из Крыма говорят и данные археологии. Как показано в приложении, могильники с кремацией южнобережных готов на склоне Чатыр-Дага и на мысу Ай-Тодор (Харакс) были оставлены примерно в середине V в. Однако, из региона ушла только часть готов. На поселении, связанном с Черноречепским некрополем, жизнь не прекращалась. Да и Прокопий писал о готах, издавна живущих в высокогорном прибрежном районе полуострова[195]. В "Книгах о войнах" он охарактеризовал всех готов: "По ту сторону Меотийского болота ... живут с древних времен так называемые готы-тетракситы;

---

[186] Сидоренко, 1987, с. 133-135.
[187] Айбабин, 1990, с. 29, рис. 23,6. Кухаренко, 1982, с. 240, рис. 2,1.
[188] Bóna, 1991, Abb. 70.
[189] Кропоткин, 1970, с. 110, рис. 72,2,18. Rau, 1974, S. 375, Abb. 1. Веймарн, Айбабин, 1993, с. 193, рис. 76,33.
[190] Courtois, 1955, p. 155. Cameron, 1996, p. 37. Procopius, History of the wars, Vol. V, book VIII, V,15-22.
[191] Кулаковский, 1914, с. 55. Vasiliev, 1936, p. 39. Артамонов, 1962, с. 86-87.
[192] Vasiliev, 1936, p. 39, 40, 68. Якобсон, 1964, с. 9.
[193] Vasiliev, 1936, p. 64-69.
[194] Iordanis, Getica, V,32. Иордан, Getica, с. 198-199.
[195] Procopius, De Aedificiis, III, VII,13.

готы-визиготы, вандалы осели далеко от них, так же как и другие готские племена; ... с соизволения императора они (готы) поселились во Фракии. С одной стороны, они сражались вместе с римлянами, являясь их союзниками и получая от императора ... ежегодное жалование и нося звание федератов... С другой стороны, часть этих же готов вела с римлянами и войны ... до тех пор пока не ушла в Италию под начальством Теодориха"[196]. Готов горного Крыма Прокопий считал союзниками, подданными Теодориха, то есть остроготами, которые по его словам: "не последовали за Теодорихом в Италию, а добровольно остались здесь"[197]. Остроготы Теодориха вторглись в Италию в 488 г.[198]

Как мы видим, по Прокопию в V в. Горный Крым населяли одни готы. Анонимный автор "Перипла Понта Евксинского", составленного в начале VI в., знал об издавна живших на полуострове аланах. Он писал: "Теперь же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардабда, то есть семибожный"[199]. Вряд ли в перипле идет речь о городе VI в. Там нет археологических материалов раннесредневекового времени. Скорее всего, автор пояснил, как крымские варвары-аланы называли известный с античного времени пункт на побережье.

Аланы, после захвата гуннами крымских степей, ушли со склонов Третьей гряды вглубь гор, оставив могильники в Нейзаце, Дружном и Перевальном. В самом начале V в. на склонах заселенных аланами и германцами Второй гряды — в Скалистом (рис. 19,*30*), у подножия Баклы (рис. 19,*11*) и Мангупа (рис. 19,*9*), и Первой гряды — в Лучистом (рис. 19,*13*) возникли новые некрополи с типичными для алан склепами и подбойными могилами. Еще одно аланское племя обосновалось в низовьях реки Черная на склоне высоты Сахарная Головка (рис. 19,*29*) около середины V в. Аланы осели в регионе, занятом родственными племенами и германцами.

Аланы были вынуждены освоить в горах новый тип пастушеско-земледельческой экономики и существенно изменить образ жизни. Из-за сравнительно небольших размеров горных пастбищ они, перейдя к отгонному скотоводству, значительно уменьшили поголовье животных в стадах и изменили их состав. Весной, летом и в теплые осенние месяцы стада выводили на горные пастбища, а остальное время их содержали возле поселений. В Лучистом рядом с могильником обнаружены большие, огражденные каменными заборами загоны для скота. Извлеченные из склепов остеологические материалы говорят о развитии птицеводства и овцеводства, о выращивании крупного рогатого скота. О сохранении коневодства свидетельствуют найденные в склепах на реке Черная захоронения лошадей, а также наличие во многих аланских погребениях железных удил (рис. 26,*8*). Аланы освоили земледелие и виноградарство. Произведенная продукция перерабатывалась на вновь возникших поселениях. На одном из них на Загайтанской Скале найдены две пары жерновов диаметром 2 м[200].

В V в. в ставших оседлыми аланских общинах способные носить оружие мужчины были воинами. В Лучистом и Скалистом во многих мужских аланских захоронениях данного периода находились мечи (рис. 26,*1-4,7*), наконечники копий, дротиков (рис. 26,*9*) и стрел[201].

По словам Прокопия, восточнопричерноморские готы приняли христианство еще

---

[196] Procopius, History of the wars, Vol. V, book VIII, V,5-6,11-14.
[197] Procopius, De Aedificiis, III, VII,13.
[198] Wolfram, 1990, S. 293-296. Barnwell, 1992, p. 134-135.
[199] Скржинская, 1980, с. 115, 120, 124.
[200] Савеля, 1994, с. 59.
[201] Веймарн, Айбабин, 1993, с. 180, 181.

до ухода из Крыма. Однако, он не знал были ли они арианами как другие народы[202]. Вероятно, христианство распространилось в Юго-Западном Крыму из Херсонеса. С середины V в. жившие на Черной Речке германцы уже не кремируют умерших. После принятия христианства они переняли у алан более приемлемый для новой религии погребальный обряд и хоронят на тех же, что и аланы, некрополях. В регионе самыми ранними вещами с христианской символикой являются привозные краснолаковые миски (рис. 21,*4*) и германская пряжка с кербшнитным декором первой половины VI в. (рис. 22,*1*)[203].

С начала V в. в Юго-Западном Крыму наряду с аланской керамикой (рис. 24), распространяются изготовленные в Херсоне (табл. XXII,*1*), в Средиземноморье и Причерноморье разнотипные амфоры (табл. XXI,*1-6*), стеклянные (рис. 25,*12*; табл. XXI,*7*; XXII,*3,7*; XXIV,*1*) и краснолаковые сосуды (рис. 25,*14*; табл. XXII,*2,4*; XXIV,*4-7*), серьги с многогранниками (табл. XXIV,*12*), дунайские малые двупластинчатые фибулы (табл. XX,*1-5,7*) и пряжки с массивной овальной рамкой и длинной иглой с изображением звериной головы на конце (рис. 22,*2*; табл. XXII,*6*; XXIII,*10*). Со второй половины V в. местные готы и аланы носили броши в виде цикад (табл. XXV,*8*; XXVII,*153*), дунайские двупластинчатые фибулы с имитацией кербшнитного орнамента (табл. XXV,*3,4*; XXVII,*150,151*) и ранневизантийские поясные наборы с узкими наконечниками с щелью для ремня, пропиленной в верхней части (рис. 21,*7,11,13-15*; табл. XXV,*6,7,11*; XXVII,*149,162*)[204]. С начала VI в. они восприняли моду на широкие пояса с большими пряжками с декором, исполненным штампом или гравировкой (рис. 22,*4*; табл. XXVII,*3,4*). Эта мода возникла среди германцев в V в. в римских провинциях[205].

Как уже отмечалось выше, археологические материалы указывают на наличие связей между обеими частями Поздней Римской империи и аланами и германцами Юго-Западного Крыма. Правящие круги Восточной Римской Империи использовали Херсонес для проведения своей политики в этом регионе. Во фрагменте найденной в городе надписи говорится о подтверждении при императоре Гонории предоставленного прежде Феодосием права приплывать в город[206]. Гонорий не мог единолично принять декрет, относящийся к городам Восточной части империи. Однако имя ее правителя на камне не сохранилось.

В V в. в Херсоне значительно увеличилась количество христиан. Епископы были весьма влиятельны. По ходатайству епископа Херсона Асклепиада императоры Гонорий и Феодосий II в сентябре 419 г. издали постановление об освобождении от наказания провинившихся херсонцев, передавших варварам секреты кораблестроения[207]. На рубеже IV-V вв. на городском некрополе возникают христианские участки. На них христиане предпочитали хоронить в склепах с лежанками. Стены некоторых из них расписаны фресками. На одной из фресок изображена монограмма Христа. В склепах лежали монеты конца IV - начала V вв. Склеп с фресками с усадьбы Н.И.Тура превратили в часовню-мемориий, вырубив в нем апсиду с алтарем (рис. 30,В)[208]. По предположению А.Л.Якобсона, не ранее второй половины V в. в юго-восточной и

[202] Procopius, History of the wars, Vol. V, book VIII, IV,7-12.
[203] Ajbabin, 1994, p. 110-111. Айбабин, 1990, с. 30, рис. 25,1.
[204] Айбабин, 1990, с. 59, 60, 63, 70.
[205] Амброз, 1968, с. 10-23.
[206] Сидоренко, 1987, с. 138.
[207] Codex Theodosiani, libri XVI, IX,40,24.
[208] Ростовцев, 1914, с. 454, 472-480, табл. CV,3. Якобсон, 1959, с. 194, 253-254, рис. 97.

северо-восточной частях города возвели базилики с триконхиальной апсидой № 7 (рис. 30,С) и раскопанную рядом с Уваровской базиликой (рис. 31,III). По композиции расположения апсид они близки базиликам, известным на Ближнем Востоке с V в.[209] Из других базилик происходят мраморные детали их убранства: скульптура "Доброго пастыря", куски плит с изображением рыб, винограда, деревьев[210]. В конце столетия на одном из христианских участков некрополя соорудили часовню[211]. На территории города найдены фрагменты керамики с христианскими надписями конца IV - начала V в.[212], формы для оттиска изображений святых Лупы и Фоки — V-VI вв.[213] Среди городских христиан были и монофиситы. Лев I (474-491 гг.) выслал в Херсон в начале 460-х гг. возглавившего восстание против решений Халкидонского собора в Александрии монофиситского патриарха Тимофея, прозванного Элуром (Котом)[214]. По сообщению Захария Ретора, многие горожане придерживались веры Тимофея Элура и с восторгом приветствовали его[215].

Христианской базиликой V в. считают храм с пятигранной апсидой, выявленный на северном берегу в XIX квартале под базиликой 1935 г. (рис. 32)[216]. Дату его постройки обосновали по монете Феодосия II (408-450 гг.) из субструкции мозаичного пола[217]. Как сообщил мне В.А.Сидоренко, данная монета определена не верно. Такие монеты чеканились при Феодосии I в 383-392 гг.[218] После разрушения нижнего храма образовался слой штукатурки с фресками мощностью до 0,7 м. Самые поздние монеты из слоя выпущены при Льве I (457-474 гг.)[219]. На многих фрагментах штукатурки из слоя имеются надписи-граффити на греческом и иврите.

На фрагменте № 269 поверх граффити на греческом процарапана шестистрочная надпись на иврите, реконструированная Э.Эшель. Другая часть того же граффити сохранилась на фрагменте штукатурки № 267. После восстановления надписи Э.Эшель прочла в ней:

1 "...] тот, кто выбрал Иерусалим (т. е. Бог[
2 ...благословит] Ананию из Боспора[
3 ...]Аминь, Аминь Sela[.

Фраза "тот, кто выбрал Иерусалим" восходит к библейскому тексту (Захария, 3:2)[220]. В греческих граффити прочитаны еврейские имена Енох и Иуда[221]. Судя по граффити, нижний храм принадлежал городской грекоязычной иудейской общине-синагоге. Его украшала плита с семисвечником, вторично использованная в кладке византийской базилики, возведенной поверх нижнего храма[222].

---

209 Якобсон, 1959, с. 188, 190, 194, 195, рис. 58,1; 91; 98. Домбровский, 1986, с. 541.
210 Колесникова, 1974, с. 58-59, рис. 3. Голофаст, 1991, № 6-9.
211 Домбровский, 1993, с. 305-306, 316-317.
212 Беляев, 1968, с. 140.
213 Голофаст, 1991, с. 30, 32, № 16,17.
214 Jones, 1973, p. 221.
215 Hamilton, Brooks, 1899, p. 79-80.
216 Белов, 1938, с. 82, 89. Якобсон, 1959, с. 180, рис. 90. Домбровский, 1955. Жеребцов, 1963, с. 206-210.
217 Гилевич, 1959, с. 204, № 7984.
218 Hill, Carson, Kent, 1972, p. 364, № 2565.
219 Белова-Кудь, 1938, с. 147, № 44.
220 Оверман, Макленнан, Золотарёв, 1997, с. 58, 59.
221 Соломоник, 1979, с. 123.
222 Жеребцов, 1963, с. 209. Соломоник, 1979, с. 123, рис. 2.

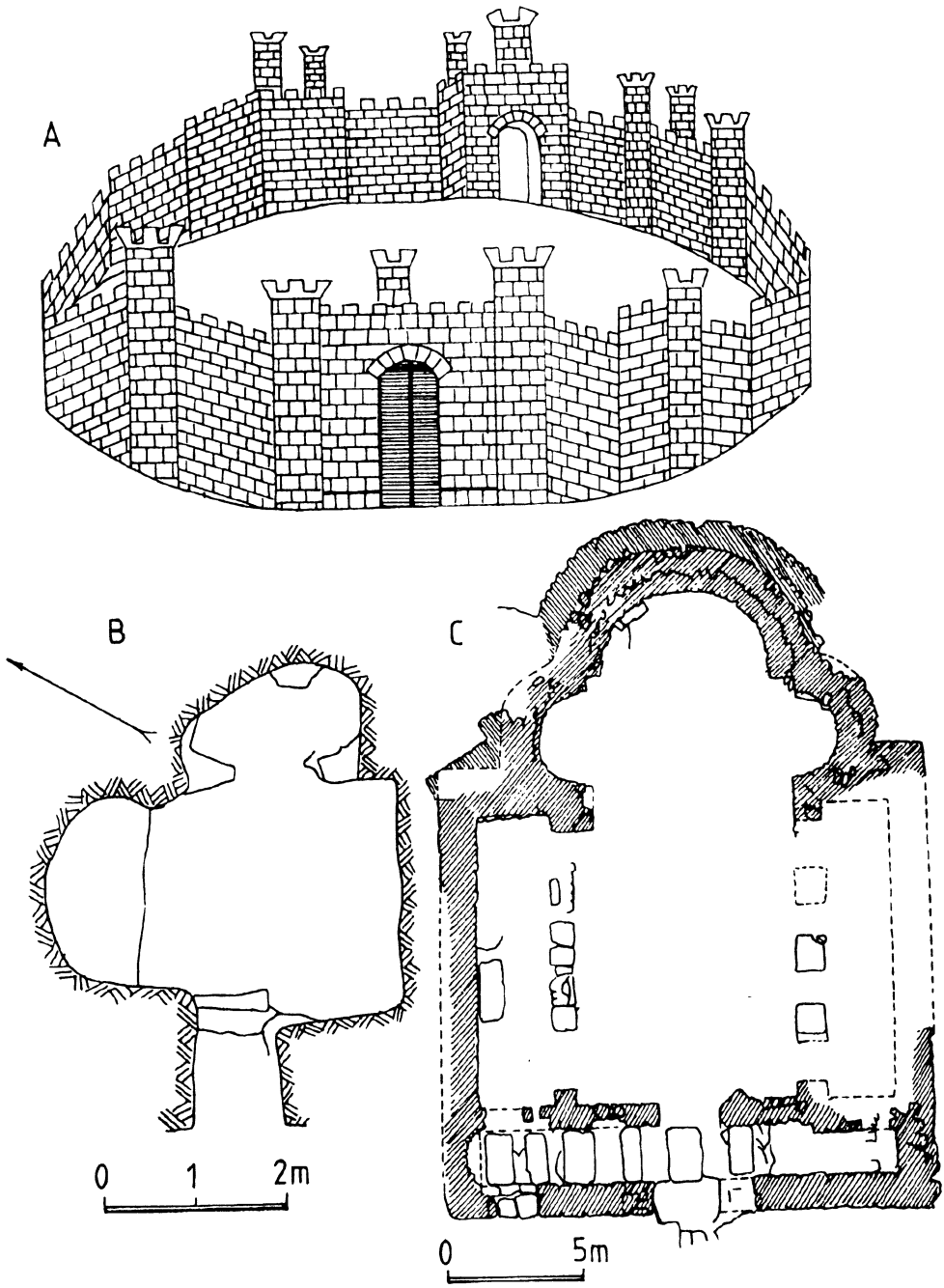


Рис. 30. Херсон. *A, B* - склеп, открытый в 1894 г. на земле П.И.Тура: *A* - фреска на стене склепа (по Бертье-Делагард, 1907, рис. 29), *B* - план склепа (по Якобсон, 1959, рис. 97); *C* - базилика с триконхиальной апсидой № 7 (по Якобсон, 1959, рис. 91).

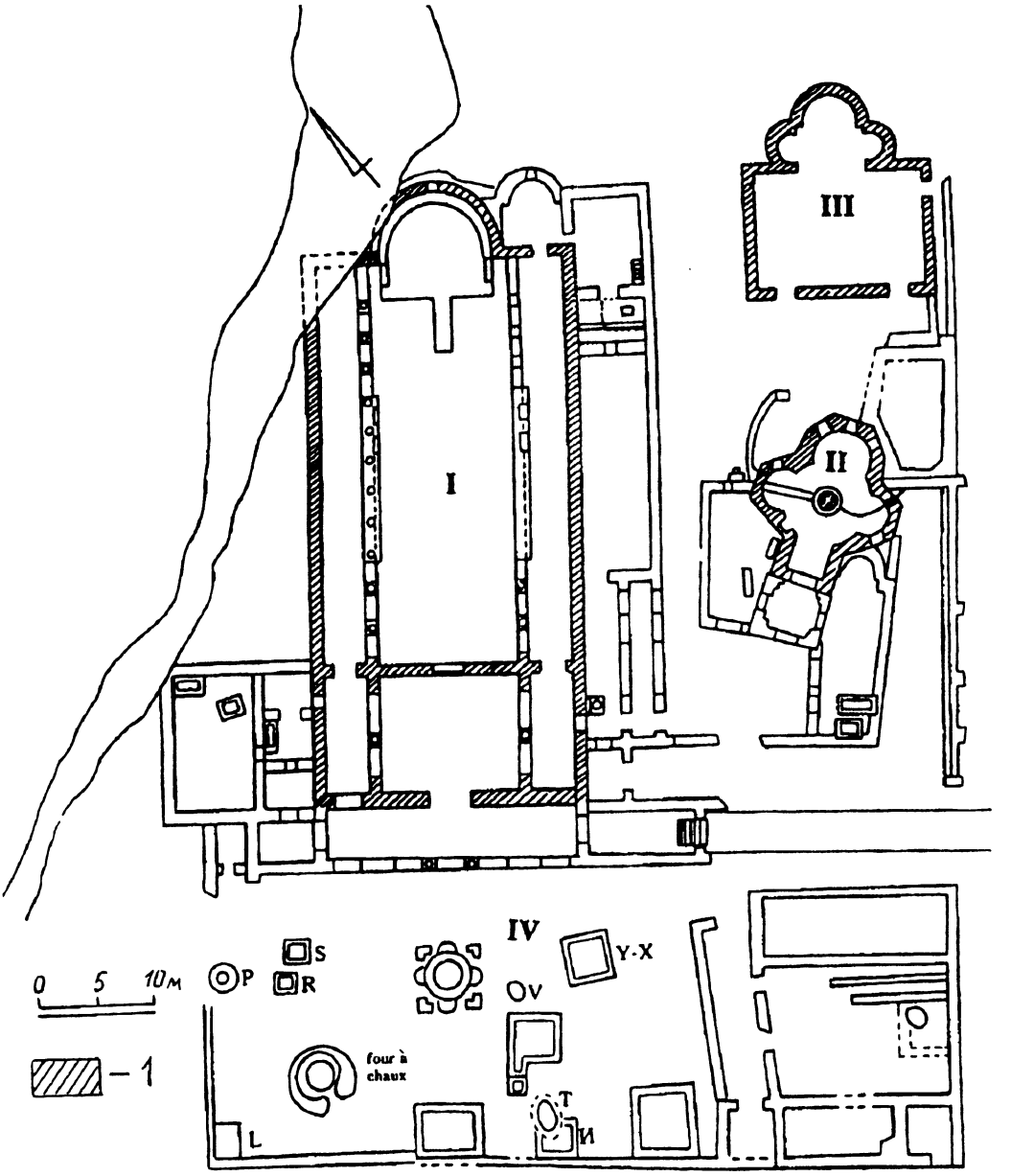


Рис. 31. Херсон. Комплекс Уваровской базилики (по Завадская, 1997, рис. 1).
I - базилика; II - крещальня; III - храм А; IV - атриум с фиалом; 1 - ранний этап существования комплекса.

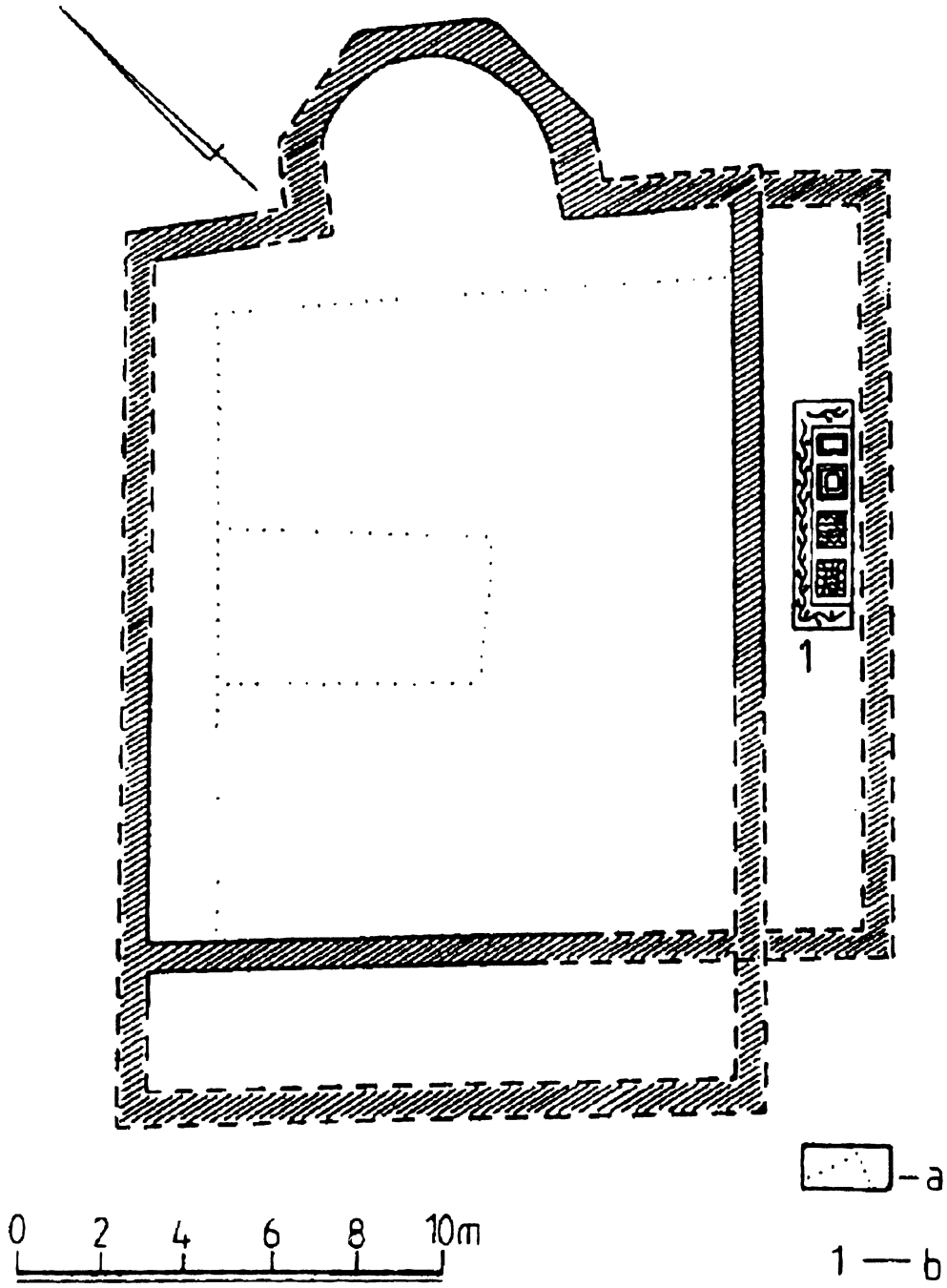


Рис. 32. Херсон. План синагоги V в. под базиликой 1935 г. (по Завадская, 1996, рис. 3).
a - граница пола из цемянки; b - мозаика в боковом помещении.

По словам А.И.Романчук, данный храм в соответствии с требованиями санитарии могли построить не ранее середины VII в. - только после засыпки расположенной в соседнем XV квартале цистерны №74[223]. В ее заполнении найдена монета с несохранившимся именем императора, чеканенная либо при Ираклии (610-641 гг.), либо при Константе II (641-668 гг.)[224]. Однако, названная цистерна находится на значительном удалении от молельни. В других районах города небольшие христианские храмы сооружались близ действовавших рыбозасолочных цистерн[225]. Находившиеся неподалеку от молельни рыбозасолочные цистерны ликвидировали на рубеже VI-VII вв., спустя длительное время после разборки храма. В засыпи одной из них найдены фрагменты штукатурки с фресками и гипсовые детали его убранства[226]. Время функционирования иудейского храма следует определять по упомянутым выше монетам Феодосия I 383-392 гг., Льва I 457-474 гг. Его соорудили в конце IV в., а разобрали в конце V в. Следует отметить, что граффити с упоминанием еврея Анания из Боспора свидетельствует о сохранении там в V в. иудейской общины.

После захвата гуннами Боспора, правители которого были союзниками империи, возросло значение Херсона — ее единственной крепости на полуострове. При императоре Зиноне (474-491 гг.) управление городом было передано византийской администрации. Информация о ней содержится в происходящей из Херсонеса надписи, отнесенной А.Л.Бертье-Делагардом и В.В.Латышевым к 488 г.: "Самодержавец Кесарь Зинон, благочестивый, победитель, трофееносный, величайший, присночтимый. Их благочестие, возревновав как во всех городах, так и в сем его городе, даровало выдачу денег, именно собираемые из мытницы здешнего викариата преданных баллистариев. На (эти) суммы стены во спасение этого самого города и благодарствуя, поставили мы сию надпись в вечное воспоминание их царствования. Возобновлена же башня сия трудом светлейшего комита Диогена, лета 512, индикта 11-го"[227]. Как справедливо отметил В.В.Латышев, термин βικαράτος означает = βικάριος - vicarius. Викарием со времени Диоклетиана называли начальников диоцезов, подчиненных префекту претория[228]. Херсон же во времена Зинона не был диоцезом. По мнению В.В.Латышева, викарий управлял баллистариями[229]. По словам К.Цукермана, согласно имперскому табелю о рангах викарий являлся заместителем для специальных поручений командующего войсками провинции magister militum. В табеле о рангах 413 г. эта должность приравнивалась должности dux'a. То есть командовать гарнизоном Херсона назначили викария magister'a militum Фракии[230]. Подразделение баллистариев разместили в городе еще при Валенте и соправителях. В Херсоне, видимо, имелось и дунайское подразделение. Косвенно об этом можно судить по найденной в портовом районе форме для оттиска изображения святого Лупы[231]. По мнению К.Цукермана, названный святой был популярен в основном среди солдат дунайских легионов. Викариату подчинялся и πραχτεῖον - таможня = мытница, собиравшая торговые пошлины и сборы[232]. Викариатом и практием управлял представитель импер-

[223] Романчук, 1985, с. 125.
[224] Белова, 1953, с. 269, № 109.
[225] Романчук, 1976, с. 14-16.
[226] Завадская, 1996, с. 101-102.
[227] Бертье-Делагард, 1893, с. 47-60. Латышев, 1896, № 7, с. 10-15.
[228] Латышев, 1896, с. 13. Jones, 1973, p. 47-48, 130, 450, 643, 675.
[229] Латышев, 1896, с. 13, 14.
[230] Цукерман, 1994/1995, с. 559-560.
[231] Голофаст, 1991, с. 32, 17.
[232] Шестаков, 1908, с. 96.

ской администрации комес Диоген. Очевидно он являлся главным военным и гражданским начальником в городе[233].

Диогену правительство Зинона поручило ремонт городских укреплений. Для его финансирования ему разрешили использовать средства, собранные практием. Археологические и предреставрационные исследования позволили выявить произведенную в период правления Зинона реконструкцию важных узлов Херсонской оборонительной системы. В портовом районе перестроили самую мощную башню XVII, куртину 20 и примыкающие к ней с востока башни XVII/1 и XVIII (рис. 11,I,II)[234]. На западной окраине в начале VI в. была увеличена городская территория. Тогда же на новом участке соорудили ограду[235]. На стене склепа, открытого в 1894 г. на земле Н.И.Тура, сохранился рисунок крепости, исполненный красной краской. Многие считают его схематическим изображением крепости Херсона (рис. 30,А). По словам М.И.Ростовцева, по стилистическим признакам фресок, украшавших другие стены склепа, его росписи датируются не позднее V в.[236] На рисунке видны сложенные правильными рядами из квадровых блоков стены с прямыми рядами, немного возвышающиеся над ними башни с зубцами и двое ворот, перекрытых арками. На передних воротах мелкими черточками показаны, видимо, железные полосы. Очевидно, крепость изображена со стороны порта. Поэтому портовые ворота помещены на переднем плане, а главные ворота — на заднем плане[237].

Наличие в городе таможни свидетельствует о том, что он входил в Византийскую торговую систему. Захарий Ретор рассказывал о контактах ссыльного Тимофея Элура со сторонниками в Томи и городах Сирии и Египта[238]. Возможно, они осуществлялись с помощью попутных торговых кораблей. Извлеченные из исследованных в Херсонесе слоев многочисленные амфоры и краснолаковые сосуды, привезенные из разных провинций Византии, говорят о ведении городом в V в. и позднее значительной торговли с портами Черноморско-Средиземноморского бассейна[239]. Торговые сделки обеспечивались привозной монетой. В раскопах обнаружили 3500 иногородних монет[240]. При Зиноне город возобновил эмиссию собственных монет. Они имели вид византийских. Однако на них не указывалось место чеканки. В городе существовал собственный денежный счет. Основной единицей медных монет был пентануммий, 1/8 часть фоллиса[241].

Помимо торговли активно развивались и другие отрасли экономики Херсона. В V в. сооружают новые кварталы и водопровод в его портовом районе[242] и перестраивают усадьбы на городской хоре на Гераклейском полуострове[243]. Как показал А.Л.Якобсон, базилики, оборонительные стены, дома строили местные артели[244]. Большой объем строительства повлек за собой увеличение производства необходимых материалов: камня, кровельной черепицы, кирпичей. Интенсифицировались тра-

---

[233] Якобсон, 1959, с. 22.
[234] Стржелецкий, 1969, с. 7-29. Антонова, 1976, с. 5-9.
[235] Суров, 1961, с. 84-92. Антонова, 1963, с. 60-67. Антонова, 1976, с. 7.
[236] Ростовцев, 1914, с. 474-479.
[237] Бертье-Делагард, 1907, с. 160, 161, рис. 21. Скубетов, 1916, с. 184-186.
[238] Hamilton, Brooks, 1899, p. 81-100.
[239] Романчук, 1991, с. 47.
[240] Гилевич, 1968, с. 56.
[241] Анохин, 1977, с. 107.
[242] Романчук, 1972, с. 50. Романчук, 1980, с. 76.
[243] Яшаева, 1994, с. 79.
[244] Якобсон, 1959, с. 186.

дицонные для города гончарное ремесло, рыболовство и переработка рыбы. Вместо засыпанных рыбозасолочных цистерн в других местах создают не менее 9 новых цистерн. В некоторых из них перерабатывалось до 50 ц рыбы[245]. На северном берегу в XIV квартале до начала VI в. продолжала работать стеклоделательная мастерская[246], а в XVIII квартале в первой половине VI в. производили вино в винодельческих комплексах[247]. В упоминавшемся выше постановлении Гонория и Феодосия II идет речь о городских кораблестроителях.

В V в. Херсон стал главным естественным торговым партнером Юго-Западного Крыма. Экономический потенциал названного региона возрос в результате перехода осевшего там населения к земледелию и пастушескому скотоводству. В Херсоне совершался обмен привезенных изделий и сделанных городскими ремесленниками на сельскохозяйственную продукцию[248]. Вероятно, такие новые отрасли хозяйства как огородничество, виноградарство, виноделие распространились в горах с сельской хоры Херсона. На ее границе в низовьях Черной Речки на Загайтанской Скале аланы и готы создали крупное аграрно-торговое поселение[249].

[245] Романчук, 1977, с. 18-26. Романчук, 1980, с. 73-74.
[246] Белов, 1969, с. 80.
[247] Белов, Стржелецкий, 1953, с. 171-204.
[248] Якобсон, 1959, с. 20, 31, 32.
[249] Савеля, 1994, с. 58, 59.

ГЛАВА III

ОТ ЮСТИНА I ДО ХАЗАРСКОЙ ЭКСПАНСИИ

В VI-VII вв. большое влияние на этнические процессы в Крыму оказала политика Византии. Она, так же как когда-то Римская империя, стремилась закрепиться в двух стратегически важных регионах полуострова — на Боспоре и в Юго-Западном Крыму. Юстиниан I (527-565 гг.), Юстин II (565-578 гг.) и Маврикий (582-602 гг.) предприняли энергичные усилия по защите владений Империи на полуострове. По мнению А.А.Васильева, для защиты Крыма от кочевников Юстиниан I создал систему укреплений, которая представляла собой хорошо оборудованный limes Tauricus, "напоминающий, конечно в миниатюре, прежний limes Romanus на дунайской границе"[1]. Одни историки приняли его вывод[2], тогда как другие исследователи высказали сомнение в существовании на полуострове в VI в. системы византийских крепостей[3]. Оживленно дискутируется и хронология многих крепостей и базилик, отнесенных А.А.Васильевым и А.Л.Якобсоном к эпохе Юстиниана[4].

Выполненный в приложении анализ вещей из состава закрытых комплексов III этапа, найденных на некрополях и на территории городов, крепостей и поселений, позволяет обосновать их дату и получить объективное представление о византийской политике на полуострове в VI-VII вв. Комплексы III этапа делятся на три хронологические группы: 7 — 550-600 гг., 8 — 600-650 гг., 9 — 650-700 гг.

Находки, типичные для комплексов седьмой-девятой групп, выявлены в Боспоре (рис. 33,*34*), Илурате (рис. 33,*36*), Тиритаке[5] (рис. 33,*35*), Зеноновом Херсонесе[6] (рис. 33,*37*), Херсоне (рис. 33,*1*), на Загайтанской скале[7] (рис. 33,*2*), в крепостях Горзубиты[8] (рис. 33,*12*) и Алустон[9] (рис. 33,*17*), на могильниках Сахарная Головка (рис. 33,*3*), Черная Речка (рис. 33,4), в окрестностях Балаклавы[10] (рис. 33,*5*), Артек (рис. 33,*13*), Гугуш (рис. 33,*14*), Суук-Су (рис. 33,*15*), Симеиз (рис. 33,*8*), Кекенеиз (рис. 33,*7*), Ореанда (раскопки В.А.Сидоренко, рис. 33,*10*), Терновка (рис. 33,*6*), Баштановка (рис. 33,*22*) и Скалистое (рис. 33,*27*), на городищах Чуфут-Кале[11] (рис. 33,*43*), Мангуп (рис. 33,*24*), Эски-Кермен (рис. 33,*19*), Бакла (рис. 33,*26*) и на связанных с ними и соседних могильниках, на плато Тепе-Кермен[12] (рис. 33,*25*), в Лучистом (рис. 33,*18*).

---

[1] Vasiliev, 1936, p. 73.
[2] Репников, 1941, с. 125. Тиханова, 1953, с. 320, 324. Якобсон, 1964, с. 11.
[3] Соломоник, Домбровский, 1968, с. 31.
[4] Талис, 1974, с. 91-113. Романчук, Белова, 1987. Айбабин, 1990, с. 68. Ajbabin, 1995a, p. 162-163. Герцен, Могаричев, 1992, с. 182-191.
[5] Гайдукевич, 1952а, с. 67-72. Якобсон, 1958, с. 471-472.
[6] Масленников, 1992, с. 166-167.
[7] Савеля, 1994, с. 58-59.
[8] Якобсон, 1970, с. 23-24.
[9] Адаксина, 1994, с. 81-83.
[10] Филиппенко, 1997, с. 85, 87.
[11] Герцен, Могаричев, 1992, с. 191.
[12] Талис, 1974, с. 100, рис. 4,3.

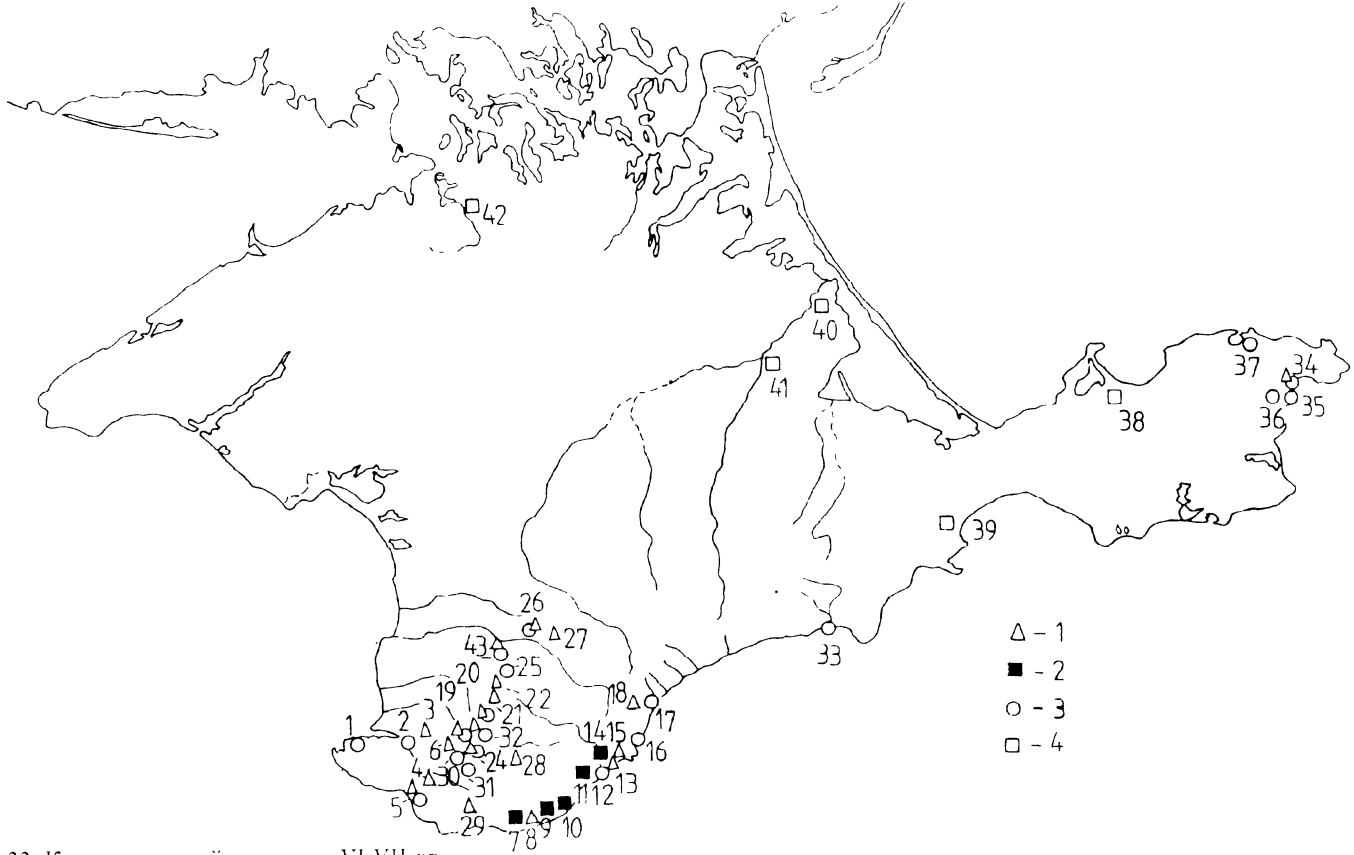


Рис. 33. Крым во второй половине VI-VII вв.
1 - некрополи алан и готов со склепами и подбойными могилами. *2* - плитовые могильники алан и готов. *3* - города, крепости и поселения. *4* - погребения кочевников.
1 - Херсон. *2* - Загайтанская Скала. *3* - Сахарная головка. *4* - Черная Речка. *5* - Балаклава (гавань Символов). *6* - Терновка. *7* - Кикенеиз. *8* - Симеиз. *9* - Кореиз. *10* - Ореанда. *11* - Бал-Гота. *12* - Горзубиты. *13* - Артек. *14* - Гутуш. *15* - Суук-Су. *16* - Партенит. *17* - Алустон. *18* - Лучистое. *19* - Эски-Кермен. *20* - Большое Садовое. *21* - Малое Садовое. *22* - Баштановка. *23* - Фыцки. *24* - Мангуп. *25* - Тепе-Кермен. *26* - Бакла. *27* - Скалистое. *28* - Аромат. *29* - Узень-Баш. *30* - Чилтер. *31* - Шулдан. *32* - Чилтер-Коба. *33* - Судак. *34* - Боспор. *35* - Тиритака. *36* - Илурат. *37* - Зенонов Херсонес. *38* - Наташино. *39* - Айвазовское. *40* - Изобильное. *41* - Богачевка. *42* - Рисовое. *43* - Чуфут-Кале.

ле и поселении в Малом Садовом[13] (рис. 33,*21*) и в Кореизе (рис. 33,*9*), у подножия пещерных монастырей Шулдан (рис. 33,*31*), Чилтер-Коба[14] (рис. 33,*32*) и Чилтеры (Мармара)[15] (рис. 33,*30*), а для девятой группы — в Судаке[16] (рис. 33,*33*), в Партените[17] (рис. 33,*16*), на могильниках в Узень-Баше (рис. 33,*29*), Аромате (рис. 33,*28*), Большом Садовом (рис. 33,*20*), в Фыцках (рис. 33,*23*), Бал-Готе (рис. 33,*11*)[18]. Поскольку только некрополь на склоне Эски-Кермена исследован достаточно полно, то хронологические рамки многих могильников определены весьма условно. В рассматриваемый период в Балаклавской бухте (рис. 33,*5*) находился небольшой порт или стоянка для каботажных судов. Локализуемая в ней гавань Символов упомянута в "Перипле Понта Евксинского" второй половины VI в.[19] По рассказам Феофана и Никифора в этой гавани останавливался в 705 г. Юстиниан II[20].

Во второй половине VI - VII вв. на Боспоре и в Юго-Западном Крыму зафиксирован только обряд трупоположения. На многих некрополях зачищены погребальные сооружения тех же типов, что и известные во второй половине V - первой половине VI вв.: могилы с одним или двумя подбоями и Т-образные в плане склепы. Во второй половине VI - VII вв. многие склепы в Боспоре, Херсоне, на склоне Сахарной Головки и Эски-Кермена, в Лучистом, Скалистом, у подножия Баклы использовали на протяжении одного-полутора веков. В камерах хоронили до десяти-двадцати умерших. Видимо, такие склепы являлись родовыми усыпальницами, которые использовали для погребения представителей нескольких поколений одной семьи[21].

На Южном Берегу вещи, типичные для комплексов седьмой-девятой групп, обнаружены в грунтовых могилах двух вариантов: 1 — ямные с костяками, покрытыми досками, 2 — ямные с заплечиками, перекрытыми плитами. Могилы 1 варианта в Суук-Су датируются второй половиной VI - первой половиной VII вв. Н.И.Репникову удалось проследить конструкцию лишь нижней части ям[22]. В ранней могиле 2 варианта в Бал-Готе находилась византийская пряжка второй половины VII в. Скорее всего, эти могилы генетически связаны с однотипными грунтовыми могилами первого этапа[23].

На Эски-Кермене с первой половины VII вв. в скале вырубали могилы с антропоморфным углублением на дне. Умерших хоронили на спине головами на северо-запад или запад, со слегка согнутыми в локтях руками, со сложенными в области живота кистями и вытянутыми ногами[24].

На городских некрополях Херсона и Боспора и на южнокрымских в Суук-Су, на Бал-Готе и в урочище Гугуш раскопаны могилы, накрытые плитами, выпиленными из известняка или из необработанного сланца. Борта ям выложены такими же плитами. В Боспоре в плитовых могилах лежали орлиноголовые боспорские пряжки, фибулы типа Керчь и выделенные Г.Кюном в тип Аквилея, а Ф.Бирбрауером — в тип Удине-Планис, бытовавшие со второй половины VI в. (типа табл. XXVIII,*11*), а также леки-

---

[13] Омелькова, 1990.
[14] Даниленко, 1993, с. 102-103.
[15] Воронин, Даниленко, 1992, с. 179.
[16] Баранов, Майко, 1995, с. 73.
[17] Паршина, 1991, с. 69, 74.
[18] Айбабин, 1990, с. 64, 65.
[19] Скржинская, 1980, с. 115, 121.
[20] Чичуров, 1980, с. 63, 163.
[21] Айбабин, 1987, с. 192.
[22] Репников, 1906, с. 30.
[23] Айбабин, 1987, с. 189. Айбабин, 1993а, с. 129.
[24] Айбабин, 1993а, с. 128.

фообразный кувшин (типа табл. XXIX,*18*) и детали поясных наборов VII в. (табл. XXXI,*65*). В Южном Крыму в ранних плитовых могилах находились византийские пряжки второй половины VII в. В Византии подобные могилы обычны для христианских некрополей[25].

Следует отметить, что в Юго-Западном Крыму, в отличие от Херсона и Боспора, в склепы и могилы обычно ставили лепную посуду и гончарные кувшины местного производства и гораздо реже византийские амфоры, краснолаковые и стеклянные сосуды.

Византийские историки сообщают об активизации политики Византии в Крыму при императоре Юстиниане I. Как сообщал Прокопий в книге "Война с персами": "Жители Боспора издревле жили независимо, но недавно они отдали себя под власть василевса Юстина"[26] (518-527 гг.). Очевидно, боспорцы обратились к императору в связи с угрозой захвата царства гуннами. В трактате "О постройках" Прокопий писал о городе Боспоре в период начала правления Юстиниана I: "...с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян"[27]. Быть может, в первые годы правления Юстина гунны все-таки овладели Боспором и отстранили от власти династию Тиберием-Юлиев. В 522 г. Юстин послал на Боспор патриция Проба с большой суммой денег для заключения с гуннами симмахии и направления их в Иберию для войны с персами[28]. "Σύμμαχοι"-союзниками Прокопий называл нанимаемые на военную службу отряды соседних варваров[29]. Его миссия закончилась неудачей. У гуннов он встретил христианских проповедников во главе с армянином Кардостом, которые крестили многих гуннов и создали священное писание на гуннском языке. Проб доложил об их деятельности императору и распорядился доставить 30 мулов с продовольствием и церковной утварью. Кардоста сменил армянский епископ Макар. Он завел у гуннов посевы и построил кирпичную церковь[30]. По предположению М.И.Артамонова, Кардост проповедовал у соседних с Боспором гуннов с 515 по 529 гг.[31]

Из сочинений Малалы, Феофана, Псевдо-Дионисия Тельмахрского, Иоанна Никиусского и Михаила Сирийца известно, что гунны не смирились с потерей Боспора. В первый же год царствования Юстиниана I (527-565 гг.) правитель живших близ Боспора гуннов Горд (Γορδᾶς у Феофана) или Грод (Γρώδ у Малалы), крестился в Константинополе. Его восприемником был император[32]. Возможно, крещение Горда было подготовлено Кардостом[33]. Этот акт означал переход племен Горда под контроль империи. Согласно Феофану, Юстиниан щедро одарил Горда и отправил обратно вместе с арифмом ромейских стратиотов под командой трибуна Далмация (Δαλμάτιον) охранять границы государства и город Боспор и собирать с гуннов дань быками[34]. В хронике Иоанна Малалы сообщается о размещении в городе "...многочисленных ромейских или итальянских войск, известных как испанцы" во

---

[25] Gajdukevič, 1971, S. 501, Abb. 148. Айбабин, 1990, с. 69. Айбабин, 1993а, с. 128, 130.
[26] Procopius, History of the wars, Vol. I, book I, XII,8,9. Procopius, De Aedificii, III, VII,12-13.
[27] Procopius, De Aedificii, III, VII,12-13.
[28] Procopius, History of the wars, Vol. I, book I, XII,6,7.
[29] Obolensky, 1964, p. 57.
[30] Hamilton, Brooks, 1899, p. 329-330.
[31] Артамонов, 1962, с. 92-93, прим. 76.
[32] Charles, 1916, p. 141, 66. Кулаковский, 1891, с. 26-27. Gajdukevič, 1971, S. 513. Латышев, 1894, с. 659-660. Чичуров, 1980, с. 51, 79, 80. John Malalas, The chronicle, fr. 432, p. 250, 251.
[33] Артамонов, 1962, с. 94.
[34] Чичуров, 1980, с. 51.

главе с трибуном[35]. Вполне очевидно, что во фрагменте идет речь о расквартированных в Южной Италии подразделениях, сформированных из испанцев. Вернувшись на родину, Горд переплавил гуннских идолов, сделанных из серебра и электрона, и обменял их на милиарисии в Боспоре. Не пожелавшие принять христианство гунны по наущению жрецов убили Горда и передали власть его брату Муагерию (Μουαγέρην у Феофана) или Мугелю (Μοῦγελ у Малалы). Правда, согласно Иоанну Никиусскому, Муагерий крестился вскоре после Горда[36]. Гунны захватили Боспор и уничтожили византийский гарнизон. По информации Прокопия, тогда же соседние варвары (вероятно, гунны Муагерия) разрушили византийские города на Таманском полуострове Кепы и Фанагорию[37]. По словам Феофана, император послал на Боспор морем отряд скифов под командой комита устьев Евксинского Понта апоипата Иоанна "...и одновременно отправил в поход против них (гуннов) по суше от Одиссополя Годилу и стратига Бадурия (Βαδούριον)"[38] (Βαδουάριον у Малалы). Бадурий был стратилатом Фракии. Иоанн Малала писал о войсках готов, а Иоанн Никиусский — о войсках скифов и готов[39]. Несомненно, этноним скифы является архаическим заимствованием у классических авторов. Гунны, узнав о приближении византийцев, бежали из города, которым овладели войска ромеев. Как сказано Феофаном: "В Босфоре наступил мир, и ромеи владели им безбоязненно"[40]. Феофан и Малала отнесли описанные события к 527/528 гг.[41], а Псевдо-Дионисий — к 533/534 гг.[42] В хрониках Феофана и Малалы рассказ об окончательном изгнании гуннов с Боспора предшествует описанию участия Годилы и Бадурия в боях с гуннами (у Малалы) или булгарами (у Феофана) во Фракии в 538/539 гг.[43] В те годы Бадурия уже назначили стратилатом Скифии[44]. Согласно Марцеллину Комиту и Прокопию вторжения булгар (у Марцеллина) или гуннов (у Прокопия) начались во Фракию в 530 г.[45] Вероятно, тогда Бадурий и Годила и были отозваны во Фракию.

Как полагали И.Маркварт и А.В.Гадло, Горд и Муагерий были вождями утигуров[46]. По мнению Ф.Алтхейма, в борьбе за Боспор участвовали крымские гунны[47]. Д.Моравчик считал, что на этот город напали оногуры района Меотиды[48]. По предположению же М.И.Артамонова, в описанных выше событиях участвовали восточноприазовские гунны-болгары или оногуры или утигуры[49].

Для определения этникона гуннов Горда и Муагерия обратимся к свидетельствам письменных источников. Равенский аноним конца VII в., ссылаясь на Либания (314-393 гг.), назвал родиной оногоров (patria Onogoria) местность близ Меотидского болота[50]. По Приску родственные племена оногуров, сабиров и урогов обитали у вос-

---

[35] John Malalas, The chronicle, fr. 431, p. 250.
[36] Charles, 1916, p. 141, 67.
[37] Procopius, History of the wars, Vol. V, book VIII, V,28.
[38] Чичуров, 1980, с. 51.
[39] John Malalas, The chronicle, fr. 432, p. 250. Charles, 1916, p. 141.
[40] Чичуров, 1980, с. 51.
[41] Чичуров, 1980, с. 50, 51. John Malalas, The chronicle, fr. 431-433, p. 250, 251.
[42] Chronikon anonymum Pseudo-Dionysianum, p. 845.
[43] John Malalas, The chronicle, fr. 437, 438, p. 254. Чичуров, 1980, с. 51.
[44] Чичуров, 1980, с. 51.
[45] Marcellini Comitis, Cronikon, an. 530. Procopius, History of the wars, Vol. V, book VII, XIV,2.
[46] Marqvart, 1911, S. 21. Гадло, 1979, с. 81.
[47] Altheim, 1959-1960, Bd. II, S. 20.
[48] Moravcsik, 1970, p. 41.
[49] Артамонов, 1962, с. 90-91.
[50] Ravennatis anonymi cosmographia, IV, 2.

точных пределов Римской империи. Спасаясь от сабиров одни из них бежали на земли авар, а сарагуры оказались на Нижнем Дунае рядом с припонтийскими гуннами акацирами[51].

О происхождении булгар можно судить по их этнониму. По мнению П.Голдена, первая часть слова восходит к тюркскому "булга" — смешивать, а вторая — к их изначальному имени "угры"[52]. М.И.Артамонов называл булгар отюреченными уграми. На Кавказ они переселились с гуннами из Заволжья[53]. Михаил Сириец (1166-1199 гг.) в главе о правлении Маврикия писал о миграции булгар к берегам реки Танаис (Дон) из внутренних областей Скифии[54]. В географическом фрагменте Иордана булгары локализованы выше Понта, там же где и гуннские племена альциагиров и савиров и хунугуров. Конкретно обозначено только место обитания альциагиров — степи близ Херсона[55]. По рассказу Прокопия, в том же регионе земли к востоку от Меотиды (Азовского Моря) занимали гунны-утигуры, а к западу жили гунны-кутригуры[56]. Другой историк VI в. Агафий в перечне гуннских племен, которые до вторжения в Причерноморье обитали севернее реки Танаис, упоминал гуннские племена утигуров и котригуров[57]. По его словам, гунны оногуры в древности соседствовали с колхами[58]. В завершенной в 569 г. хронике Захария Ритора[59] среди народов, населявших предкавказские степи, названы оногуры, кутригуры, булгары, хазары, авары, сабиры, сарагуры[60]. В приведенных свидетельствах оногуры на начальном этапе движения гуннов на запад локализованы в Приазовье (Либаний?), а во второй половине V в. (Приск) и в первой половине VI в. где-то в Причерноморье (Иордан) или в Северокавказских степях (Агафий, Захарий).

Авторы-современники борьбы за Боспор знали о кочевавших в Крыму гуннах (Прокопий) или гуннах-альциагирах (Иордан) и об утигурах и кутригурах степей Северного Причерноморья и Приазовья (Прокопий). Образ жизни в VI в. вернувшихся к Понту после распада гуннского союза кочевников описан Иорданом: "Альциагиры, которые летом кочуют по степям, на обширных пространствах в зависимости от [того, куда] повлечет [их] корм для скота, зимой, возвращаясь к Понтийскому морю, [живут] возле Херсоны, куда алчный купец возит добро из Азии"[61]. Из фрагмента следует, что альциагиры выпасали скот к западу от Меотиды в припонтийской степи, принадлежавшей по Прокопию кутригурам. Видимо, оба автора по-разному называли одних и тех же кочевников. Вряд ли на Боспор и византийские города на Тамани напали восточноприазовские утигуры. По свидетельству Прокопия и Агафия, современник Юстиниана василевс утигуров Сандил (Σανδίλ у Прокопия) или Сандилх (Σάνδιλχος у Агафия) был в 550-х гг. союзником-ἔνσπονδοι империи и за деньги византийцев совершал набеги на кутригуров[62]. Скорее всего, гуннами Горда были аль-

[51] Blockley, 1983, fr. 11,550-551; 40,1,2. Blockley, 1992, p. 73.
[52] Golden, 1980, p. 42-46.
[53] Артамонов, 1962, с. 98.
[54] Michel le Syrien, Chronique, p. 363-364.
[55] Iordanis, Getica, V,37. Иордан, Getica, с. 109.
[56] Procopius, History of the wars, Vol. V, book VIII, IV,7-8, V,1-5. Vasiliev, 1936, p. 58-59.
[57] Agathias, The Histories, book 5, 11,2-3.
[58] Agathias, The Histories, book 3, 6.
[59] Brooks, 1899, p. 6.
[60] Hamilton, Brooks, 1899, p. 328.
[61] Iordanis, Romana et Getica, V,37.
[62] Procopius, History of the wars, Vol. V, book VIII, XVIII. Agathias, The Histories, Vol. I, p. 178, 179, 12; Vol. II, book 5,12. Кулаковский, 1896, с. 7.

циагиры-кутригуры.

Сравнив фрагмент об альциагирах из Иордана с цитировавшимся выше отрывком Аммиана Марцеллина о быте гуннов второй половины IV в. можно убедиться в том, что и в первой половине VI в. гунны находились все на той же первой стадии примитивного кочевания. Кутригуры ранней весной пасли скот в крымской степи, где благодаря весенним дождям вырастала густая сочная трава. С наступлением летней жары пересыхали немногие речушки и выгорала трава. Поэтому кутригуры перемещались на новые пастбища в многоводные низовья Днепра и Буга. Поздней осенью они возвращались на свои зимники в Крым. Зимники утигуров с фрагментами амфор VI-VII вв. выявлены у восточного берега Азовского моря[63]. Этот район удобен и своей близостью к Боспору, где кочевники продавали меха[64] и другие товары[65]. В названных регионах найдены немногочисленные погребения кочевников. Они совершены в перекрытых деревом ямах, выкопанных в насыпях уже имевшихся курганов. Скелеты ориентированы черепами на северо-восток или северо-запад. В двух из них, Большой Токмак (рис. 34,*3*) и Малая Терновка (рис. 34,*4*), найдены пряжки второй половины VI - начала VII вв.[66] типа Суцидава (типа табл. XXVIII,*9*)[67], а в раскопанном В.А.Колотухиным в 1990 г. близ Изобильного (рис. 34,*14*; 35) — одновременные детали поясного и портупейного наборов (рис. 35,*1-5,7-20*)[68], палаш и амфора типа LR 1а VI - первой половины VII вв. (рис. 35,*21*)[69]. По погребальному обряду они близки рассмотренным во второй главе могилам конца V в. из Изобильного (рис. 19,*20*), Мелитополя (Запорожская область)[70] и Марфовки (рис. 19,*21*). Перечисленные однотипные погребения, вероятно, принадлежали племенам, кочевавшим в Припонтийской степи с середины V в.

Судя по сообщениям Прокопия и данным эпиграфики, при Юстиниане территория, когда-то принадлежавшая Боспорскому царству, была включена в состав империи. Как отмечалось выше, материалы археологических раскопок свидетельствуют о сохранении в Юстиниановское время прежних планировки и границ города Боспора. Он стал важной византийской крепостью, контролирующей Боспорский пролив и переправу на Северный Кавказ. Из новеллы, изданной в 575 г. на первую пасху после провозглашения Тиберия соправителем Юстина II, следует, что боспориты при Юстиниане исполняли морскую повинность[71]. Они были обязаны поставлять империи суда, оснастку и морское снаряжение. Юстиниан, застав стены города Боспора разрушенными, "...особенно укрепил стенами Боспор"[72]. Т.И.Макарова раскрыла в при морской части города фундаменты южной стены крепости и остатки базилики (купель и колодец), видимо, построенной при Юстиниане I[73]. Значительные строительные работы велись и в юго-восточной части Тиритаки. Там на месте разрушенного рыбозасолочного комплекса построили базилику с колоннами из проконесского

---

[63] Плетнева, 1967, с. 13-19.
[64] Кулаковский, 1896, с. 10.
[65] John Malalas, The chronicle, fr. 432, p. 250.
[66] Айбабин, 1990, с. 48, рис. 2,95; 46,16,19-21.
[67] Амброз, 1981, рис. 6,14. Этнокультурная карта..., 1985, с. 103, рис. 18,14.
[68] Айбабин, 1990, рис. 2,102,103,104; 50,9,10-12.
[69] Riley, 1979, p. 216, fig. 91,346,347.
[70] Михайлов, 1993, с. 109, 110.
[71] Corpus juris civilis, nov. CLXIII, cap. II, p. 751. Vasiliev, 1936, p. 74. Якобсон, 1959, с. 31.
[72] Procopius, De Aedificiis, III, VII,10,12-13.
[73] Макарова, 1991, с. 143, 144.

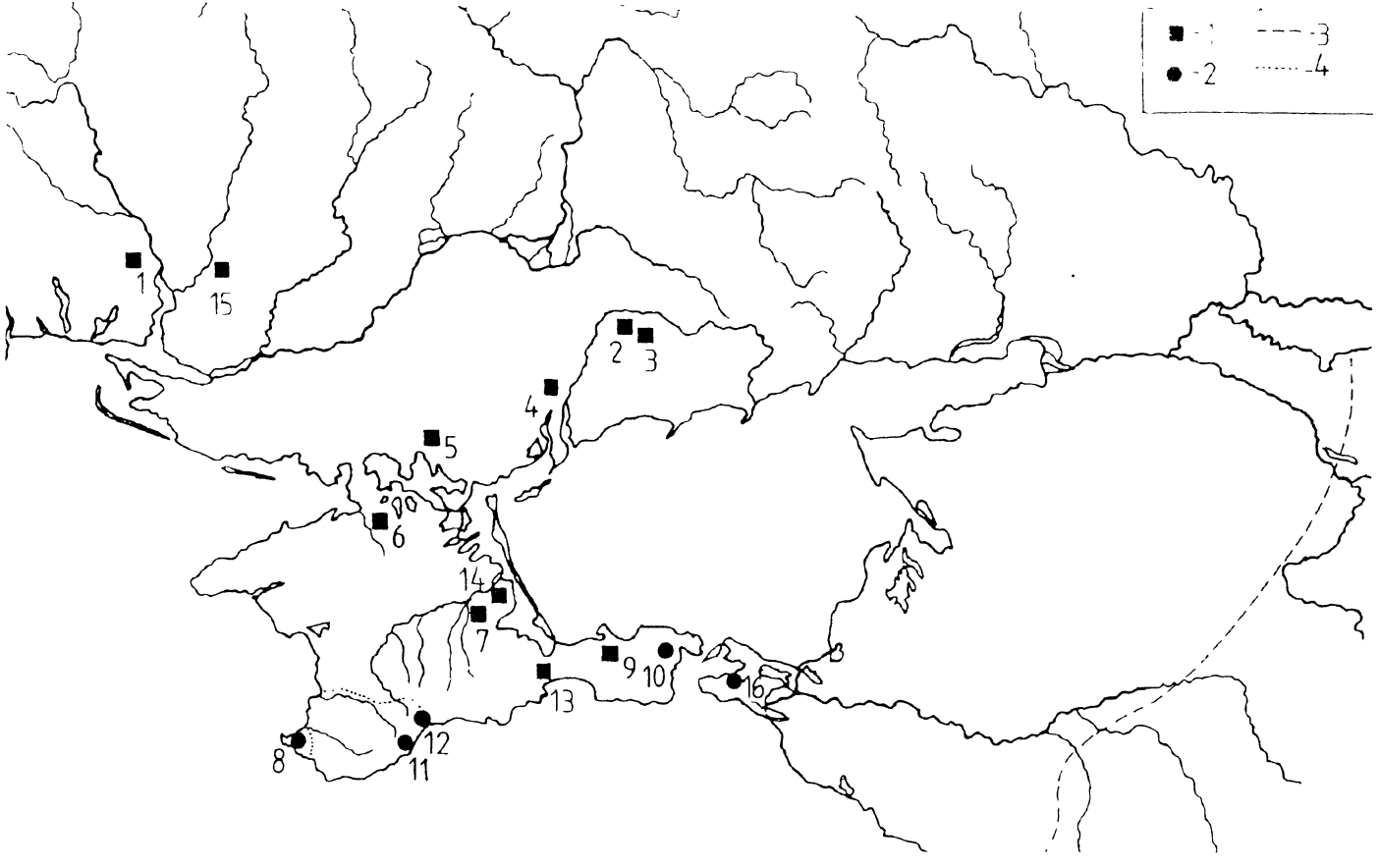


Рис. 34. Булгары в степях Северного Причерноморья во второй половине VI - третьей четверти VII вв. Условные обозначения: *1* - погребения булгар, *2* - города и крепости, *3* - граница Великой Болгарии, *4* - граница области Дори.
1 - Ковалевка, *2* - Аккермань, *3* - Большой Токмак, *4* - Малая Терновка, *5* - Сивашевка, *6* - Рисовое, *7* - Богачевка, *8* - Херсонес, *9* - Наташино, *10* - Керчь, *11* - Горзубиты, *12* - Алустон, *13* - Айвазовское, *14* - Изобильное, *15* - Христофоровка, *16* - Фанагория.

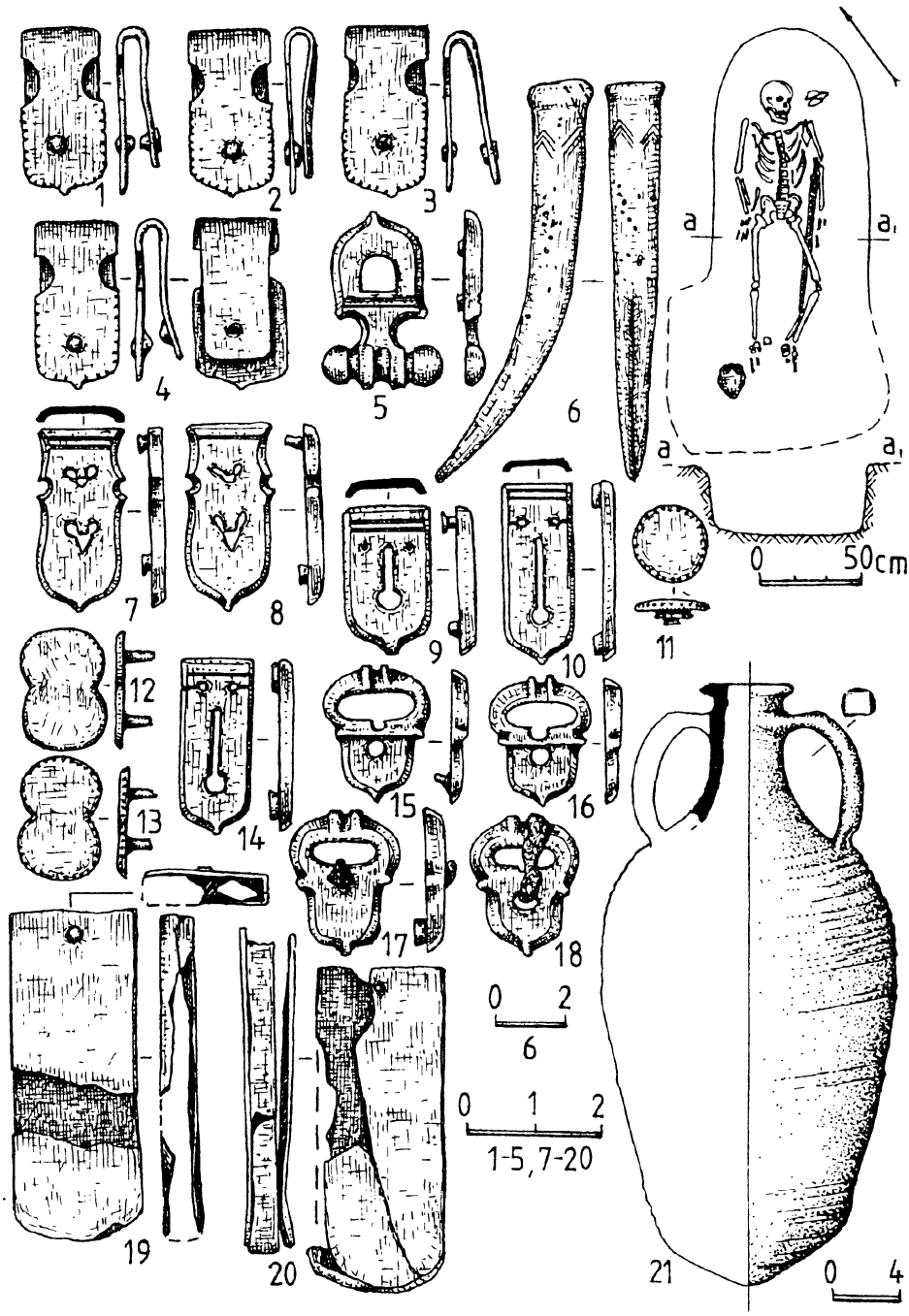


Рис. 35. Изобильное, план и вещи из могилы 4 в кургане 1. Раскопки В.А.Колотухина в 1990 г. *1-5, 7-20* - бронзовые детали поясного и портупейного наборов; *6* - изделие из рога; 21 - красноглиняная амфора типа LR 1a.

мрамора с импостной ионической и коринфской капителями[74]. Тогда же на азиатском берегу пролива византийцы возвели новую крепость. В 1960-1980-е гг. ее раскопали близ поселка Ильич у основания косы Чушка. Э.Я.Николаева отождествила крепость с Трапезусом Иордана[75]. На фрагменте строительной надписи с Таманского полуострова, отнесенной В.В.Латышевым к 533 г., он прочитал имя и часть титула императора Юстиниана, а в 9-11 строках — "...трудом Ангулата ...трибуна (πράττ]οντος Ἀνγουλά[του τοῦ...]άτου τριβού[νου καὶ ἐργο?]λάβου)", в 8 и 9 строках — титул "комита этого города (...χόμητο?]ς ταύτης τῆς πό[λεως ,...])". По мнению В.В.Латышева, комит являлся представителем императорской власти на Боспоре[76]. Однако, Д.Фиссель отметив, что в византийской городской администрации отсутствовала должность комита города, предложил иное восстановление: "...[του πατρὸ]ς ταύτης τῆς πό[λεως ,...] отца этого города". По предположению Д.Фисселя трибун Ангулат был исаврийцем[77]. Вероятно, император назначил его управлять городом после возвращения на Дунай комита Евксинского Понта апоипата Иоанна.

Прибывшие в 527/528 гг. с византийскими полками из Подунавья готы, как и все солдаты, были христианами. Видимо, они поселились в Боспоре с семьями. Очевидно, тогда и привезли в город остроготские и гепидские пальчатые фибулы, большие пряжки с прямоугольным (рис. 36,*2;* табл. XXVI,1) и орлиноголовым щитком (рис. 36,*1,3*)[78]. На щитках двух пряжек изображены христианские кресты. В первой половине VI в. городские мастера стали копировать дунайские пальчатые фибулы с концентрическими ромбами на ножке (типа табл. XXV,*10,13*), во второй половине VI в. — пальчатые фибулы типов Керчь (рис. 37,*4*) и Удине-Планис 2 варианта (рис. 38,*6*) и серийно изготовлять боспорские орлиноголовые пряжки (рис. 38,*5*; табл. XXVIII,*10*)[79].

Находки в раскрытых на городском некрополе на склоне холма Митридат погребальных сооружениях позволяют судить об изменениях в женском костюме. В плитовой могиле 1/1905 на скелете женщины на шейных позвонках лежали пятнадцать золотых треугольных подвесок (рис. 37,*2*), бусины из янтаря и сердолика, а на тазовых костях — орлиноголовая пряжка, близкая остроготским (рис. 37,*1*)[80]. В другой плитовой могиле, раскопанной в 1977 г., на скелете женщины на височных костях нашли по идентичной остроготским[81] золотой серьге с витым кольцом и инкрустированным гранатами многогранником (рис. 38,*2*), на верхних ребрах — лежавшие головками вниз две серебряные боспорские фибулы типа Удине-Планис 2 варианта и низку бус, на локтевых костях — по серебряному браслету, в области таза — серебряную боспорскую орлиноголовую пряжку. Костюм с широким поясом, довольно часто дополненный парой пальчатых фибул на плечах, остроготские женщины носили на Среднем Дунае в V в., а после образования в 488 г. остроготского королевства — на территории Италии и Далмации до прихода лангобардов в 568 г.[82] В этих регионах

---

[74] Гайдукевич, 1952а, с. 67-72, рис. 79-81.
[75] Николаева, 1981, с. 88-92. Николаева, 1984. Николаева, 1991, с. 50.
[76] Латышев, 1894, с. 567-569.
[77] Feissel, 1987, p. 219-220.
[78] Martin, 1897, fig. 77. Götze, 1907, Taf. VIII,2. Gajdukevič, 1971, Abb. 158. Aibabin, 1993, p. 164. Айбабин, 1990, рис. 16,1,3; 24,3; 26,2,4; 29,2,4.
[79] Айбабин, 1990, с. 20, 21, 70-71, рис. 14,10,12; 15,3; 35,3.
[80] Айбабин, 1990, с. 69, рис. 35,3. Vinski, 1968, Abb. 5.
[81] Bierbrauer, 1975, Tav. LXXVIII,6,7, S. 112, Anm. 77.
[82] Vinski, 1968, S. 321, Abb. 5. Vinski, 1978, S. 34, 36-39, Tav. VIII, XII. Bierbrauer, 1975, S. 13, 25-39, 71-80, 89-91. Bierbrauer, 1994, S. 134-152, fig. 31.

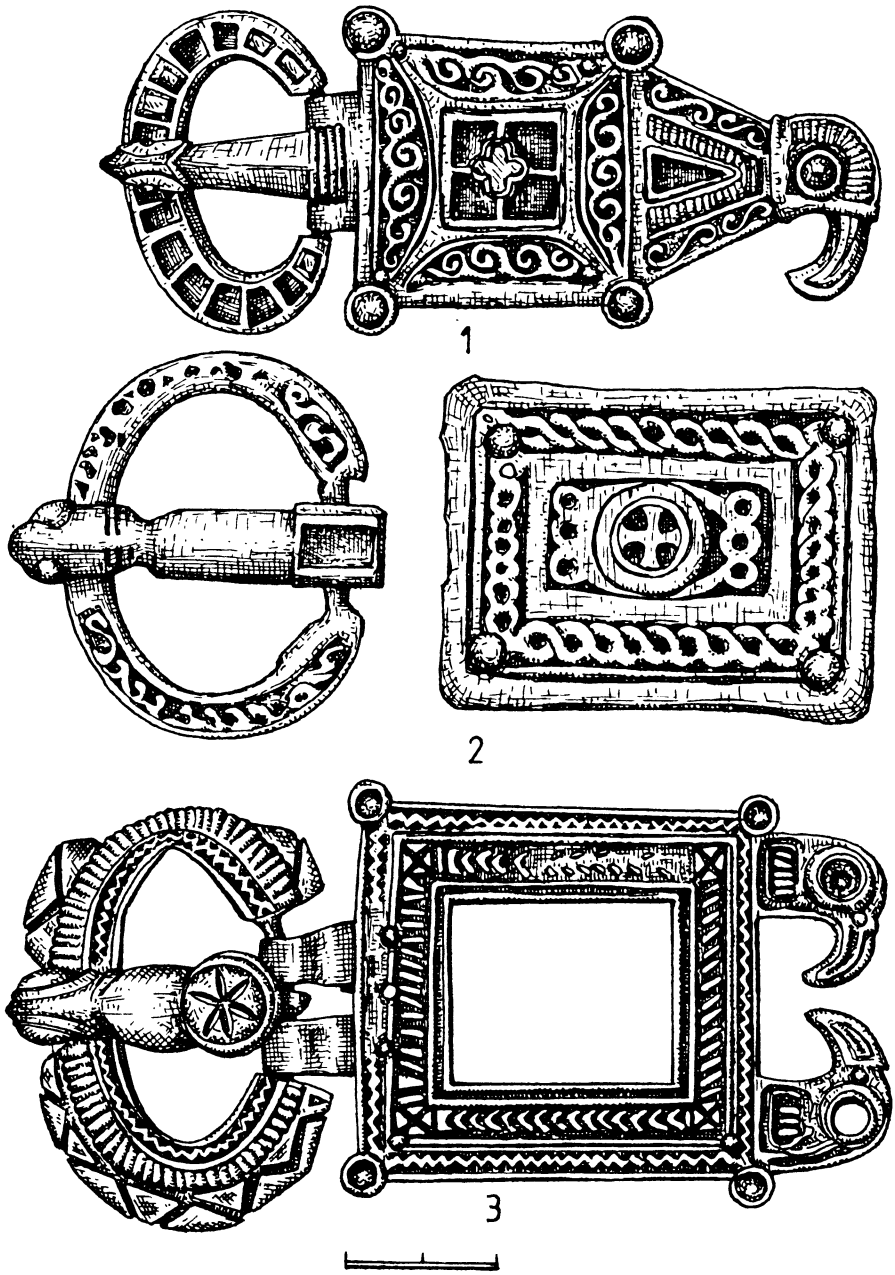


Рис. 36. Привозные германские пряжки из Керчи.
1 - по Götze, 1907, Taf. VIII,2; *2* - по Martin, 1897, fig. 77; *3* - склеп 163/1904, фонды Эрмитажа № 1820/385, по Айбабин, 1990, рис. 26,4.

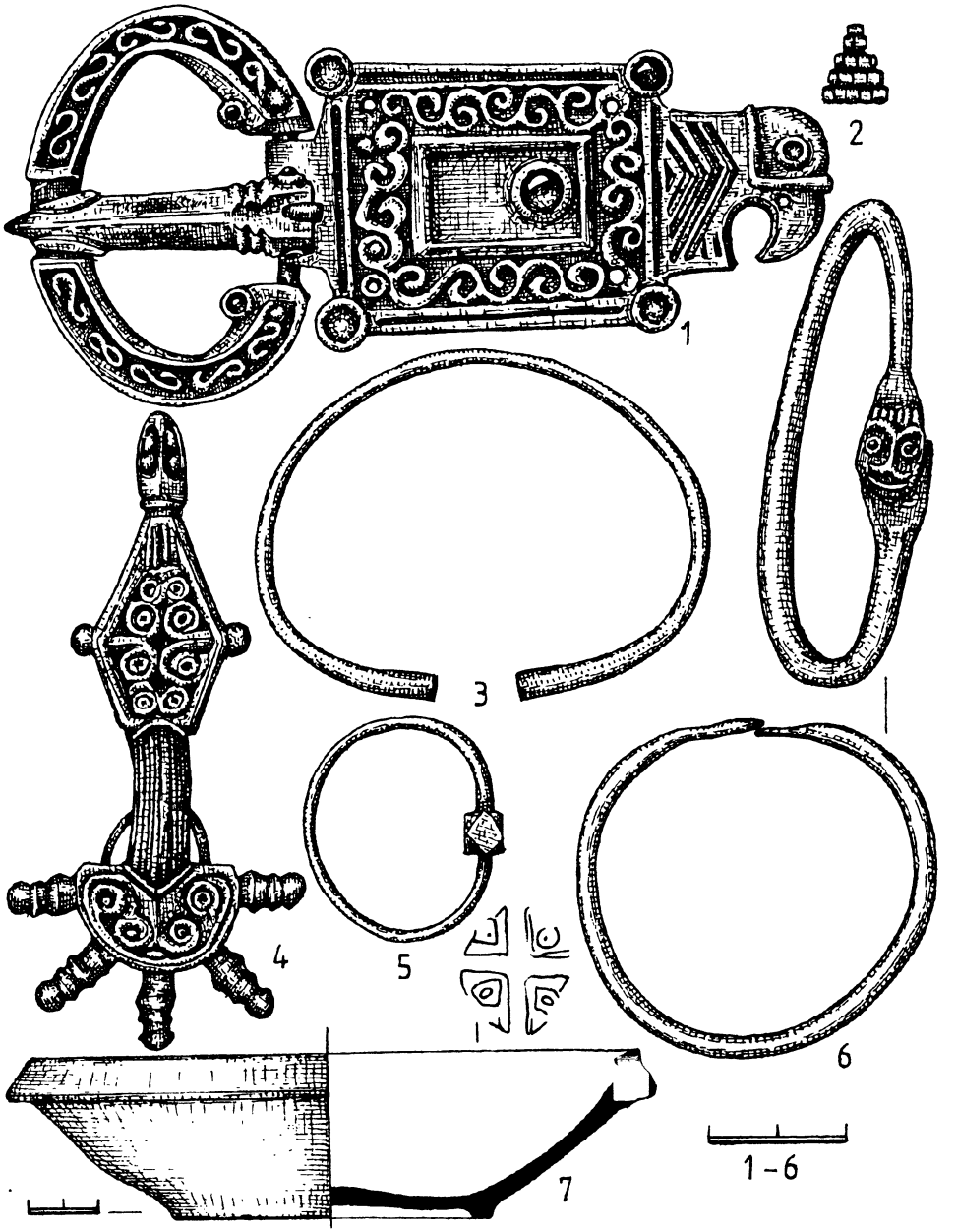


Рис. 37. Украшения и детали германского женского костюма и краснолаковая миска LR-C формы 3F из Керчи.
1,2 - плитовая могила 1/1905; *3-5,7* - земляная могила 19/1904, женское захоронение в северном подбое; *6* - склеп 163/1904, женское захоронение напротив левой лежанки.
1 - по Aibabin, 1993, fig. 1,1; *2* - инв. № ГЭ 1820/876; *3* - инв. № ГЭ 1820/123; *4* - по Kazanski, 1996, fig. 11,7; *5* - инв. № ГЭ 1820/125; *6* - инв. № ГЭ 1820/384; *7* - по Айбабин, 1990, рис. 5,11.

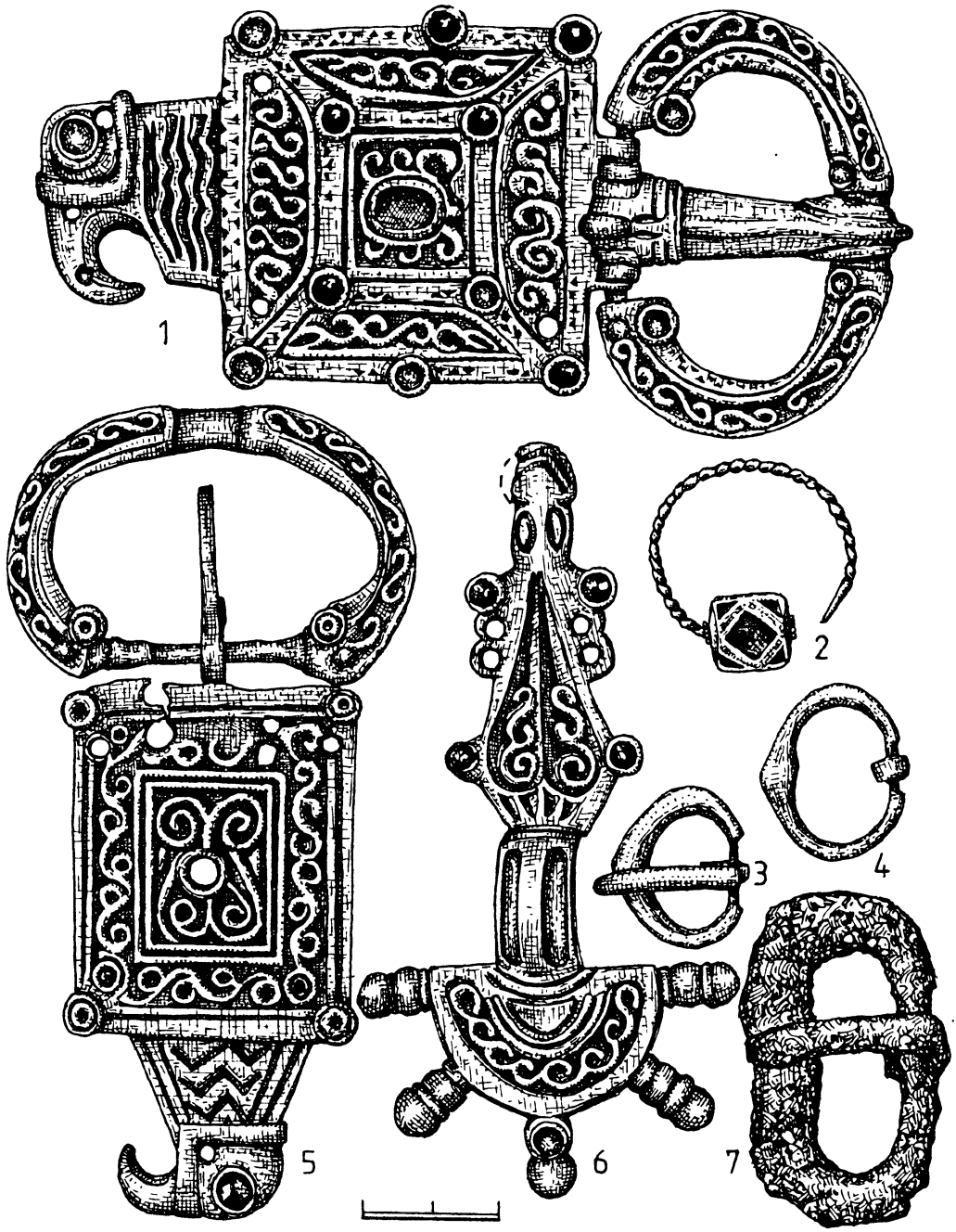


Рис. 38. Находки из Керчи.
1,3,4,7 - из слоя земли на полу склепа 152/1904; *5,6* - верхнее захоронение в склепе 152/1904; *2* - плитовая могила, открытая в 1977 г.

остроготы-христиане, а также визиготы-христиане в Испании хоронили в плитовых и грунтовых могилах[83]. Видимо, в описанных боспорских плитовых могилах погребены обосновавшиеся в городе христиане германцы. Преобладали же на городском некрополе обычные для боспорских христиан алан и греков склепы и подбойные могилы, такие, как сооруженный во второй четверти VI в. склеп 78/1907. В нем до середины VII в. похоронили четырнадцать представителей нескольких поколений одной семьи. На четырех женских скелетах найдены по две фибулы: двухпластинчатые варианта 21/IIAA (табл. XXVI,*5*; XXVII,*159*), гепидские, типа Керчь и типа Удине-Планис 2 варианта[84]. Склепы 152/1904 и 163/1904 использовали дважды. Камера склепа 152 была наполовину заполнена землей, перемешанной с костями и пятью черепами. Из земли извлекли железные трехлопастные наконечники стрел и В-образную пряжку (рис. 38,*7*), серебряную орлиноголовую пряжку (рис. 38,*1*), бронзовые браслет, канделябр с лампой[85] и две пряжки с треугольной рамкой 1 варианта (рис. 38,*3,4*). Последние в Византии обнаружены в слоях VI-VII или VII вв.[86] В Крыму пряжки с треугольной рамкой 1 варианта встречены в закрытых комплексах второй половины VI-VII вв. (табл. XXX,*2*)[87] Орлиноголовая пряжка того же типа, что и обнаруженные на Дунае в гепидских могилах первой половины VI в.[88] Канделябр и лампа аналогичны изготовлявшимся в Византии в VI в.[89] Судя по вещам, соорудившая склеп семья хоронила в нем во второй четверти и второй половине VI в. После разграбления склепа, поверх слоя земли, видимо в конце VI - начале VII вв., погребли женщину с боспорскими орлиноголовыми серебряной и бронзовой пряжками (рис. 38,*5*) на поясе и с парой серебряных пальчатых фибул типа Удине-Планис 2 варианта (рис. 38,*6*) на плечах. В склепе 163[90], поверх образовавшегося в результате разграбления слоя, напротив левой лежанки захоронили женщину с боспорской бронзовой орлиноголовой пряжкой на поясе и бронзовым браслетом на левой руке, а напротив входа в камеру — женщину с браслетом с изображением львиных голов на концах (рис. 37,*6*) на левой руке и с остроготской пряжкой с двумя птичьими головками на тыльной части щитка (рис. 36,*3*) на поясе. Эту пряжку Ф.Бирбрауэр причислил к типу Краньбург (Крань). По его мнению, остроготы носили данные пряжки до вторжения лангобардов[91]. В Боспоре привозные пряжки могли бытовать и позже. Вероятно, захоронения в верхнем слое в склепе 163 датируются второй половиной VI в.

Как следует из вышесказанного, во второй половине VI в. в Боспоре германцы погребали и в склепах, заброшенных аланами и греками. В могиле 19/1904[92] в южном подбое у черепа мужского скелета стояла краснолаковая миска типа LR-C формы 3-F с костью барана на дне, а в северном подбое на женском скелете найдены: на височных костях — по бронзовой серьге с многогранником (рис. 37,*5*), на костях рук — по серебряному браслету (рис. 37,*3*), на левой плечевой кости и тазовых костях — по се-

---

[83] Kiss, 1996, Abb. 5,207,210; 6; 9,209,214. Cavada, 1994, p. 224, 228, Tab. III,132,138. Molinero, 1948, Lam. VI; X-XII. Ripoll, 1991, fig. 12.

[84] Айбабин, 1990, с. 61, 62; рис. 2,70,73-75,88,89,125; 15,2; 16,4. Kazanski, 1996a, fig. 8,1,2,8,13; 9,10,11,14,15.

[85] Шкорпил, 1907, с. 39-41, рис. 15,а,б. Мацулевич, 1926, с. 44.

[86] Chavane, 1975, p. 162, pl. 46,465. Walbaum, 1983, p. 121, pl. 44,710.

[87] Айбабин, 1990, с. 40, 41, рис. 2,82; 38,2,3.

[88] Rusu, 1959, S. 487-490, Abb. 2-5. Амброз, 1968, с. 16.

[89] Ross, 1952, fig. 5. Kuzmanov, 1992, S. 227, Taf. 49,38; 143,1.

[90] Шкорпил, 1907, с. 46.

[91] Bierbrauer, 1975, S. 143-145, 147-158.

[92] Шкорпил, 1907, с. 7-8.

ребряной позолоченной фибуле типа Керчь (рис. 37,*4*), у правой кисти — краснолаковая миска типа LR-C формы 3-F со штампованным крестом (рис. 37,*7*). Однотипные миски на Хиосе и в Киликии содержались в слоях VI в. и в квартале Сарачаны в слое конца VI в.[93] В данной могиле в одном из подбоев выявлена присущая для алан деталь обряда — остатки пищи, тогда как в другом подбое — украшения и детали остроготского женского костюма. Скорее всего, в могиле похоронены члены двуэтничной алано-остроготской семьи.

Из многих центров Причерноморья и Средиземноморья на Боспор ввозились разнотипные амфоры, краснолаковые и стеклянные сосуды. Наряду с торговлей, металлообработкой и судостроением в Боспоре сохранилась традиционная отрасль экономики — промышленная переработка рыбы[94].

Политика Византии в Юго-Западном Крыму хорошо описана Прокопием. По его словам, по повелению Юстиниана I на Южном Берегу построили укрепления в Алустоне и Горзубитах[95]. Возможно, они предназначались для защиты судоходства[96]. В Гурзуфе на выступающей в море скале Дженевез Кая (рис. 39,а) выявлены фундаменты гарнизонной казармы VI-VII вв.[97] В Алуште в 200 м от моря на вершине холма раскопаны остатки крепости. Ее куртины возведены из больших бутовых камней с ровной лицевой поверхностью, положенных в горизонтальные ряды на известняковом растворе. Толщина стен достигала 2,8 м, а высота — до 10,5 м. К внутренней стороне восточной куртины примыкало здание казармы из двух помещений. Из нижнего слоя извлекли фрагменты амфор Якобсон тип 9 и 10, Hayes тип 9 и LR 1а, 2 и MR 4 по Бенгази и краснолаковых мисок LR-C формы 3-CH[98].

По Прокопию готы жили в стране Дори, находящейся "...на этом побережье..." (κατὰ τὴν παραλίαν), то есть на том же берегу Понта, что Херсон, Боспор и Горзубиты[99]. В трех параграфах он охарактеризовал страну готов: "15. Сама область Дори лежит на возвышенности. Почва эта не камениста и не суха, а очень хороша и приносит прекрасные плоды. 16. В этой стране император нигде ни города, ни крепости не построил, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше всего любили они жить всегда на равнине. 17. Так как казалось, что их местность легко доступна, оградив эти проходы (τὰς εἰσόδους περιβαλών) длинными стенами (τειχίσμασι μακροῖς), он избавил готов от беспокойств о вторжении врагов"[100]. Э.И.Соломоник аргументировано интерпретировала содержащиеся в отрывке географические термины: Ἐν υφηλῷ перевела как "возвышенность" (при описании высоких гор или обрывистых скал Прокопий использовал другие термины); ἐν πεδίῳ означает "равнина", а τὰς εἰσόδους — "проходы в горах", каковыми в Горном Крыму являются балки, ущелья и перевалы[101].

---

[93] Hayes, 1972, p. 338, fig. 69,25, form 3F. Hayes, 1992, p. 97, 98, fig. 35,22-1. Williams, 1989, p. 46-49, fig. 23,278. Ballance, Boardman, Corbett, Hood, 1989, p. 90, 91, fig. 27,57.
[94] Макарова, 1991, с. 140.
[95] Procopius, De Aedificiis, III, VII,11.
[96] Амброз, 1994/1995, с. 64.
[97] Домбровский, 1974, с. 9-13, рис. 4,6.
[98] Якобсон, 1970, с. 23-24. Riley, 1979, p. 186, 187, 216-219, Fig. 90,323; 91,337,346. Мыц, 1992, с. 172-174, рис. на с. 175-176. Hayes, 1972, p. 333, 335-337, fig. 67,7; 68,15,16,28. Hayes, 1992, p. 66, fig. 23,13. Адаксина, 1994, с. 81-83.
[99] Procopius, De Aedificiis, III, VII,13. Фирсов, 1979, с. 106, 107. Сидоренко, 1991, с. 108, 109.
[100] Procopius, De Aedificiis, III, VII,15-17.
[101] Соломоник, Домбровский, 1968, с. 16-19.

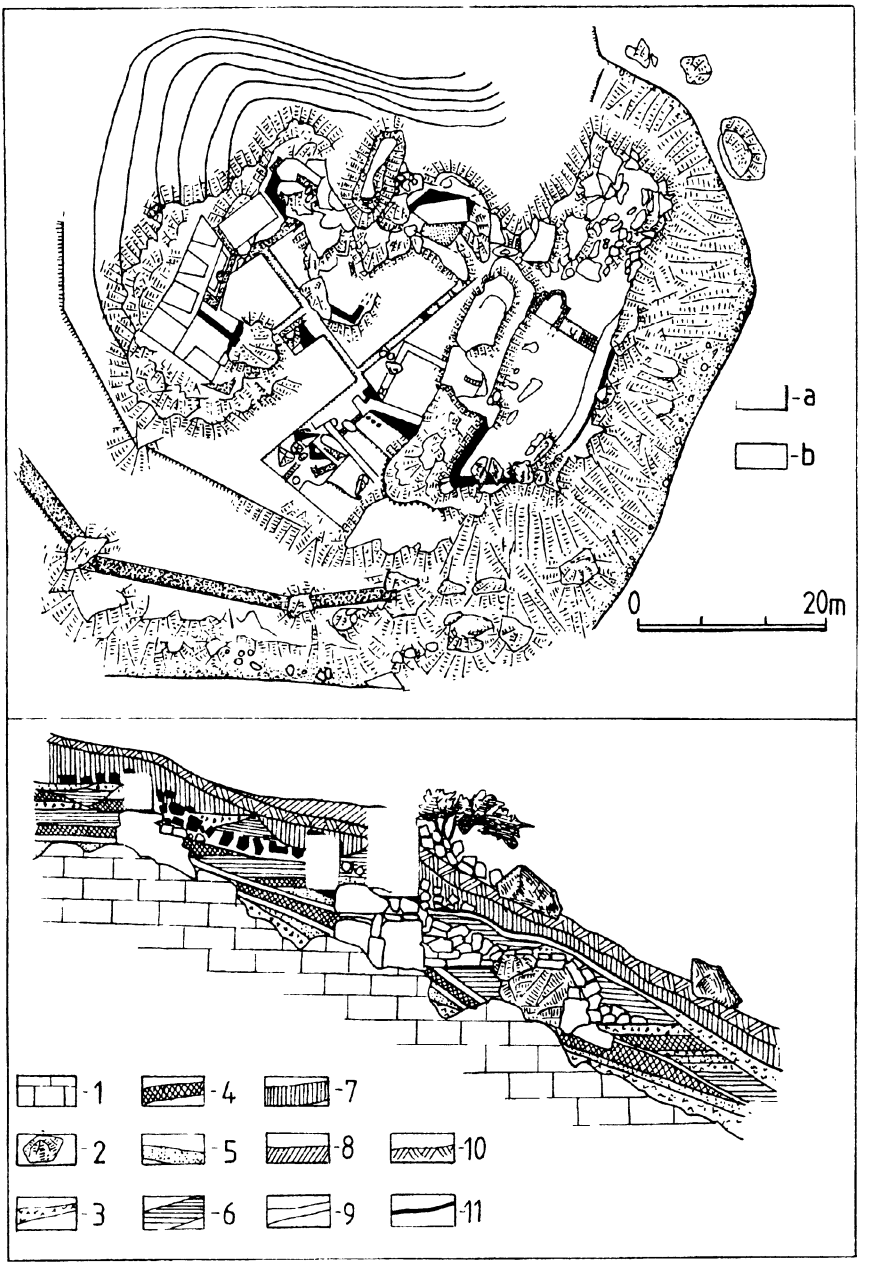


Рис. 39. План раскопок и схема стратиграфии культурных отложений на территории Гурзуфской крепости (по Домбровский, 1974, рис. 4,5).
a - строительные остатки VI-VIII вв., *b* - оборонительные стены XIV-XV вв., *1* - коренной известняк, *2* - отдельные скальные глыбы, *3* - делювий, *4* - энеолитические отложения (середины III тысячелетия до н.э.), *5* - таврский культурный слой (VII-VI вв. до н.э.), *6* - наслоения VI-XIV вв. н.э., *7* - слои генуэзского и татарско-турецкого периода, *8* - современные отложения, *9* - "стерильные" прослойки грунта, *10* - растительный покров, *11* - "дневные" поверхности.

В трудах по истории средневекового Крыма высказаны разные версии локализации на полуострове как области Дори, так и защищавших ее длинных стен. Область Дори помещали на Южном Берегу[102], там же и в горах от Чатыр-Дага до Магупа и Эски-Кермена[103], в горах Юго-Западного Крыма[104], в долине реки Черной[105]. С длинными стенами отождествляли остатки каменных стен на перевалах Первой (Главной) гряды[106], или укрепленные "пещерные города" Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Качи-Кальон, Бакла и другие[107], или стену, открытую в ущелье под Мангупом[108]. Л.В.Фирсов привел веские доводы против локализации области Дори только на Южном Берегу. Следуя тексту § 16, участок берега между крепостями Алустон и Горзубиты нельзя включать в Дори. Ведь в ней император не строил крепостей. Отличается от описания в §§ 16-17 и узкая полоска (2,5-3 км) побережья от Гурзуфа до Фороса. Его круто наклоненный и пересеченный оврагами склон с несколькими маленькими речушками и щебенистыми почвами вряд ли являлся плодородной равниной, пригодной для интенсивного земледелия и пропитания семей трех тысяч воинов. По Прокопию, такое количество готов могло выступить в поход по призыву императора[109]. Л.В.Фирсов обследовал находящиеся на перевалах Главной гряды фундаменты стен. Рядом с ними найдена только керамика IX-X вв. и более поздняя. Сами стены обращены лицевым панцирем к Южному Берегу и защищали нагорье от нападения со стороны побережья[110].

Как показано выше, как на Южном Берегу — близ Гурзуфа, в Ореанде и Симеизе, так и в Горном Крыму — от Лучистого до Херсона, выявлены однотипные могильники. В рассматриваемый период на этих некрополях преимущественно хоронили в склепах, ямных и подбойных могилах той же конструкции, что и описанные в первой и второй главах более ранние аланские. Во второй половине VI в. в Скалистом[111] и Суук-Су[112] (рис. 40,*5*) в некоторых склепах женщины похоронены с парой золотых височных колец с многогранником (рис. 40,*4*) или бронзовых сережек на висках, с ожерельем из золотых треугольных подвесок (рис. 40,*3*) и одной или двумя низками из янтарных (рис. 37,*2*) и разноцветные стеклянных бус на шее, парой серебряных двухпластинчатых фибул I подварианта (рис. 40,*6*; табл. XXIX,*2*) на плечах, пристегнутых головками вниз, двумя серебряными или бронзовыми браслетами (рис. 40,*1*) на руках и с широкими кожаными поясами, застегнутыми серебряными орлиноголовыми пряжками южнокрымского типа I варианта (рис. 40,*7*; табл. XXIX,*1*).

---

[102] Кеппен, 1837, с. 61. Tomaschek, 1881, S. 15-17. Соломоник, Домбровский, 1968, с. 44.
[103] Vasiliev, 1936, p. 72, 73. Васильевский, 1909, с. 371-372. Тиханова, 1953, с. 320-324. Якобсон, 1964, с. 11. Амброз, 1994/1995, с. 64-65.
[104] Репников, 1932, с. 138.
[105] Сидоренко, 1991, с. 117.
[106] Кеппен, 1837, с. 61. Tomaschek, 1881, S. 15-17. Кропоткин, 1958, с. 199. Соломоник, Домбровский, 1968, с. 33-44. Веймарн, 1980, с. 20-25.
[107] Vasiliev, 1936, p. 72,73. Тиханова, 1953, с. 320-324. Якобсон, 1964, с. 11.
[108] Сидоренко, 1991, с. 114-115.
[109] Procopius, De Aedificiis, III, VII,14.
[110] Фирсов, 1979, с. 106-113.
[111] Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 71,2; 72,22-24; 73,1,2.
[112] Репников, 1906, с. 12, 13, 15-17, рис. 5,6.

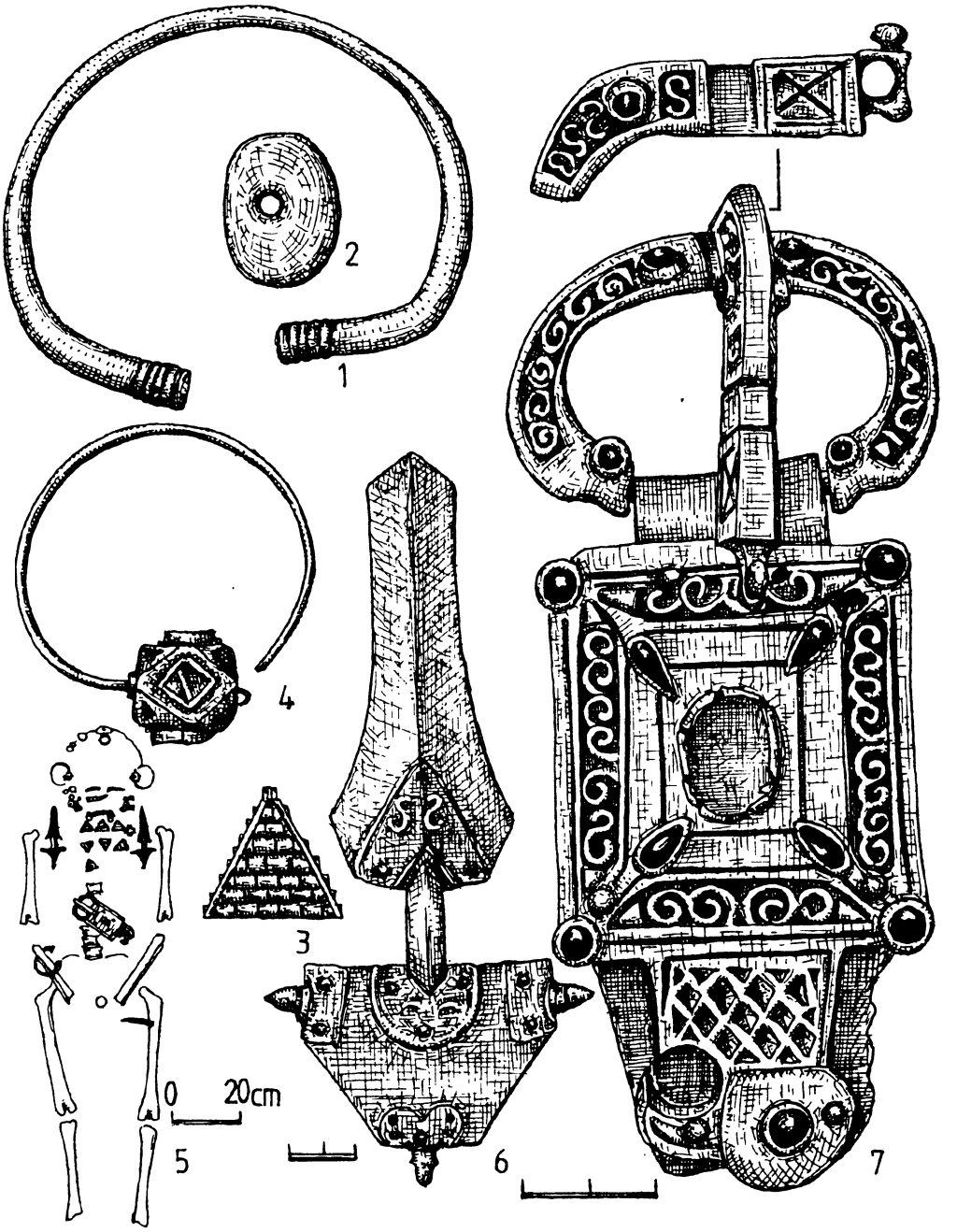


Рис. 40. Суук-Су: *5* - склеп 56, план женского захоронения 5; *1-4,6,7* - найденные в захоронении украшения и детали германского костюма.
1 - инв. № ГЭ 1917/55; *2* - по Репников, 1906, табл III,23; *3* - по Репников, 1906, табл. V,3; *4* - по Репников, 1906, табл. V,4; *5* - по Репников, 1906, рис. 6; *7* - инв. № ГЭ 1917/75.

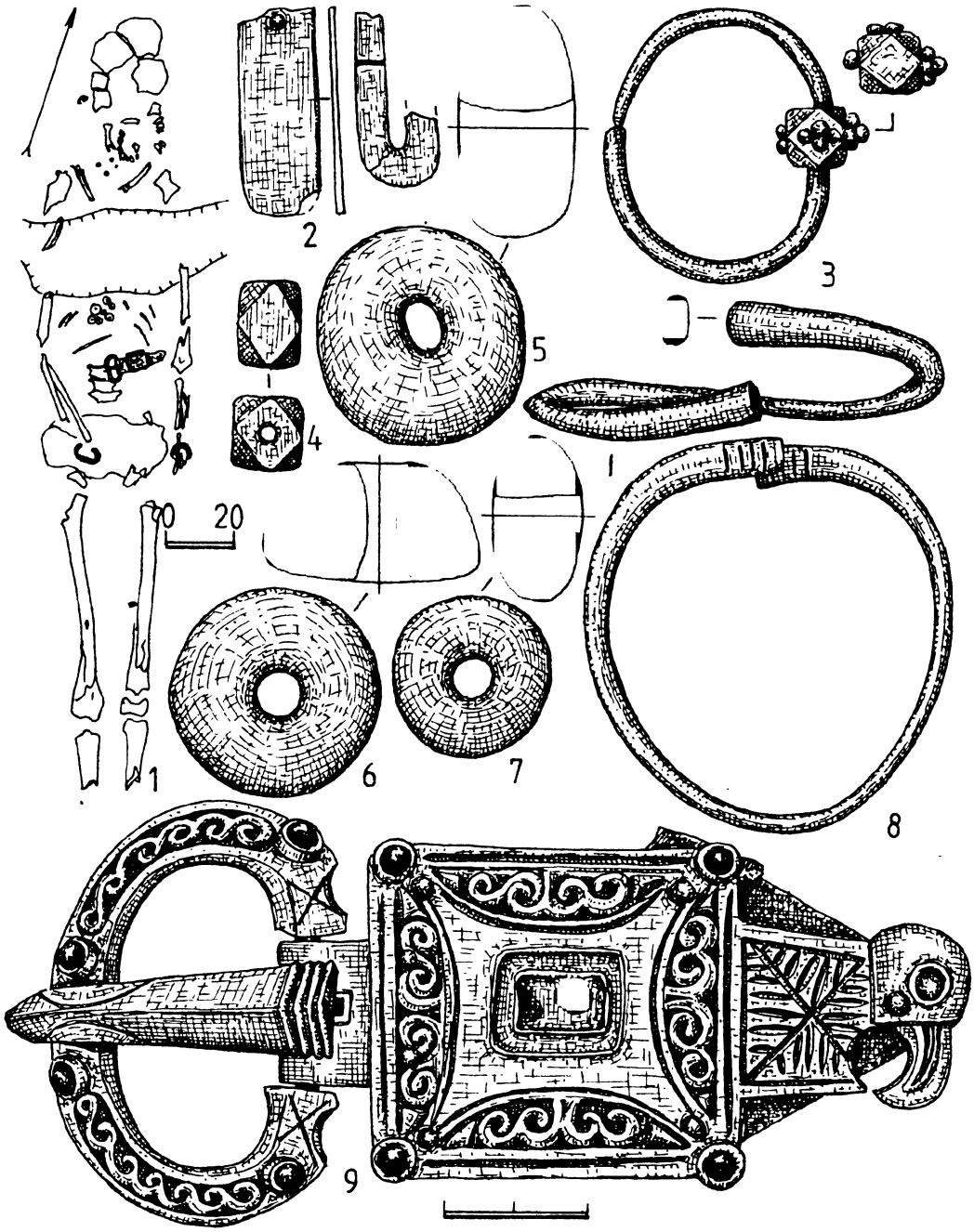


Рис. 41. Лучистое. Склеп 74: *1* - план женского захоронения 2; *2,4-9* - находки из захоронения (*2* - наконечник ремня, *4-7* - бусы, *8* - браслет, *9* - орлиноголовая пряжка I варианта); *3* - серьга из склепа 102, погребения 9.
2 - бронза, *3,8,9* - серебро, *4* - синее стекло, *5* - янтарь, *6* - известняк, *7* - халцедон.

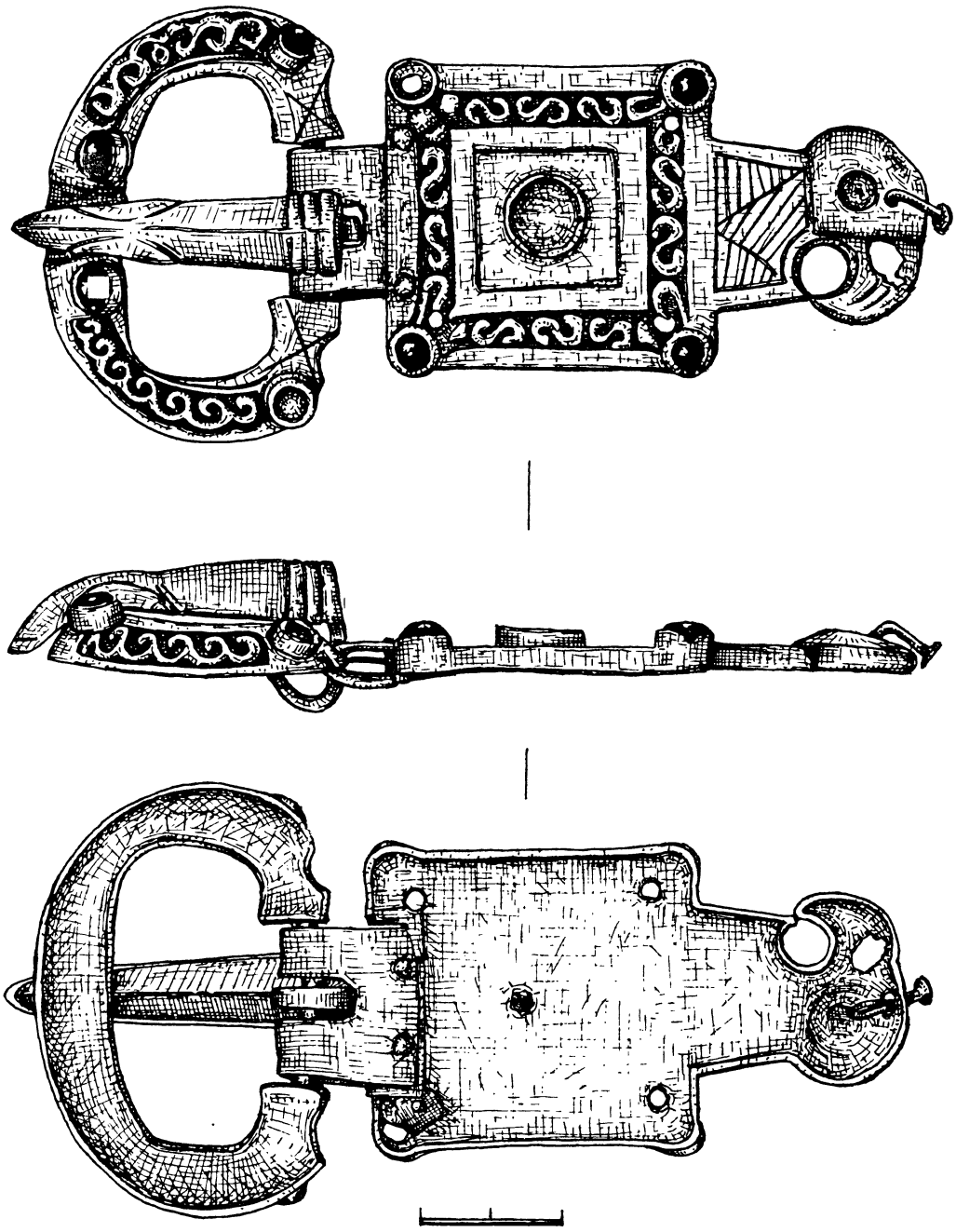


Рис. 42. Лучистое, склеп 102, погребение 9. Орлиноголовая пряжка I варианта.

В Лучистом с однотипными пряжками в склепах 42 (захоронение 2)[113], 74 (захоронение 2) (рис. 41,*1,9*), 100 и 102 (рис. 42) найдены серебряные серьги (рис. 41,*3*), низки бус из янтаря (рис. 41,*5*), халцедона (рис. 41,*7*) и стекла (рис. 41,*4*) и серебряные браслеты. Подобные костюмы, но с орлиноголовыми пряжками II варианта (табл. XXIX,*4*), носили и в первой четверти VII в. Украшения и детали рассматриваемых костюмов выявлены в Суук-Су в склепе 77[114] и в Лучистом в склепе 42 в захоронении 1[115]. Во второй половине VI в. пояса также застегивали большими пряжками с прямоугольным щитком. Например, в Лучистом в склепе 77 на скелете женщины (рис. 43,*1*) у височных костей находились по серебряной позолоченной серьге (рис. 43,*5*), на плечевых костях — лежавшие головками вниз две серебряные позолоченные фибулы типа Удине-Планис 2 варианта (рис. 43,*3*), в области шеи и на ребрах — низки бус (рис. 43,*6*), на запястьях — по серебряному браслету, выше крестца — серебряная пряжка с прямоугольным щитком со штампованным крестом варианта 5-2 (рис. 43,*2*; табл. XXVIII,*12*)[116]. Иногда гарнитур дополняли ожерельем из золотых трапециевидных подвесок. Описанные гарнитуры украшений костюма и его детали по составу вещей и способу ношения фибул близки этнографическому женскому костюму остроготов и визиготов. Мужчин хоронили в повседневной одежде, зачастую с византийскими воинскими поясами со свисающими узкими ремнями (рис. 44), к которым подвешивали железные ножи и кисеты с кресалом и кремнями. В некоторых кисетах лежали монеты, а в Суук-Су и рыболовные крючки. В Лучистом в нескольких захоронениях лежали пряжки и наконечники обувных ремней.

Как мы видим, названные Прокопием готами жители Горного Крыма в типичных для алан погребальных сооружениях нередко хоронили женщин в германских костюмах, а мужчин — с популярными у служивших в византийской армии варваров геральдическими поясными наборами. В антропологическом материале выделяются признаки готского этноса. По данным Г.Ф.Дебеца, в антропологических материалах с Эски-Кермена имеется примесь европейской долихокранной расы[117]. Несомненно, данные могильники оставлены одним и тем же населением — аланами и готами. Очевидно, территория от Алустона (рис. 33,*17*) и Лучистого (рис. 33,*18*) до устья реки Черной (рис. 33,*4*) и Балаклавы (рис. 33,*5*) и называлась страной Дори. Плодородные земли в бассейнах рек Черная, Бельбек, Кача, Альма, протекающих сквозь невысокие горы и плато Второй и Третьей горных гряд, и сами плато близки описанным Прокопием.

В упомянутом регионе расположены "пещерные города" с крепостями, построенные по А.А.Васильеву и другим в эпоху Юстиниана I. На многих из них в последние десятилетия проводились археологические раскопки, позволившие уточнить их хронологию и назначение. На Чуфут-Кале (рис. 33,*43*) на плато за западной позднесредневековой стеной в одном из раскопов зачищен угол дома и найдены мелкие фрагменты амфор VI-IX вв. На северо-западный край плато можно подняться по двум расселинам. Они перекрыты оборонительными стенами, возведенными на крутом склоне ниже кромки плато. У стен скапливается культурный слой, смываемый с плато.

---

[113] Айбабин, 1994/1995, с. 137-138, рис. 25,9,10; 26; 27.
[114] Репников, 1906, с. 23, рис. 10,38; VIII,4; XI,5. Айбабин, 1990, с. 19, 33, рис. 2,80,90.
[115] Айбабин, 1994/1995, с. 137, 138, рис. 19; 20-24.
[116] Айбабин, Хайрединова, 1996, с. 86, 87, рис. 1; 4,1,2; 5.
[117] Дебец, 1948, с. 215-218.

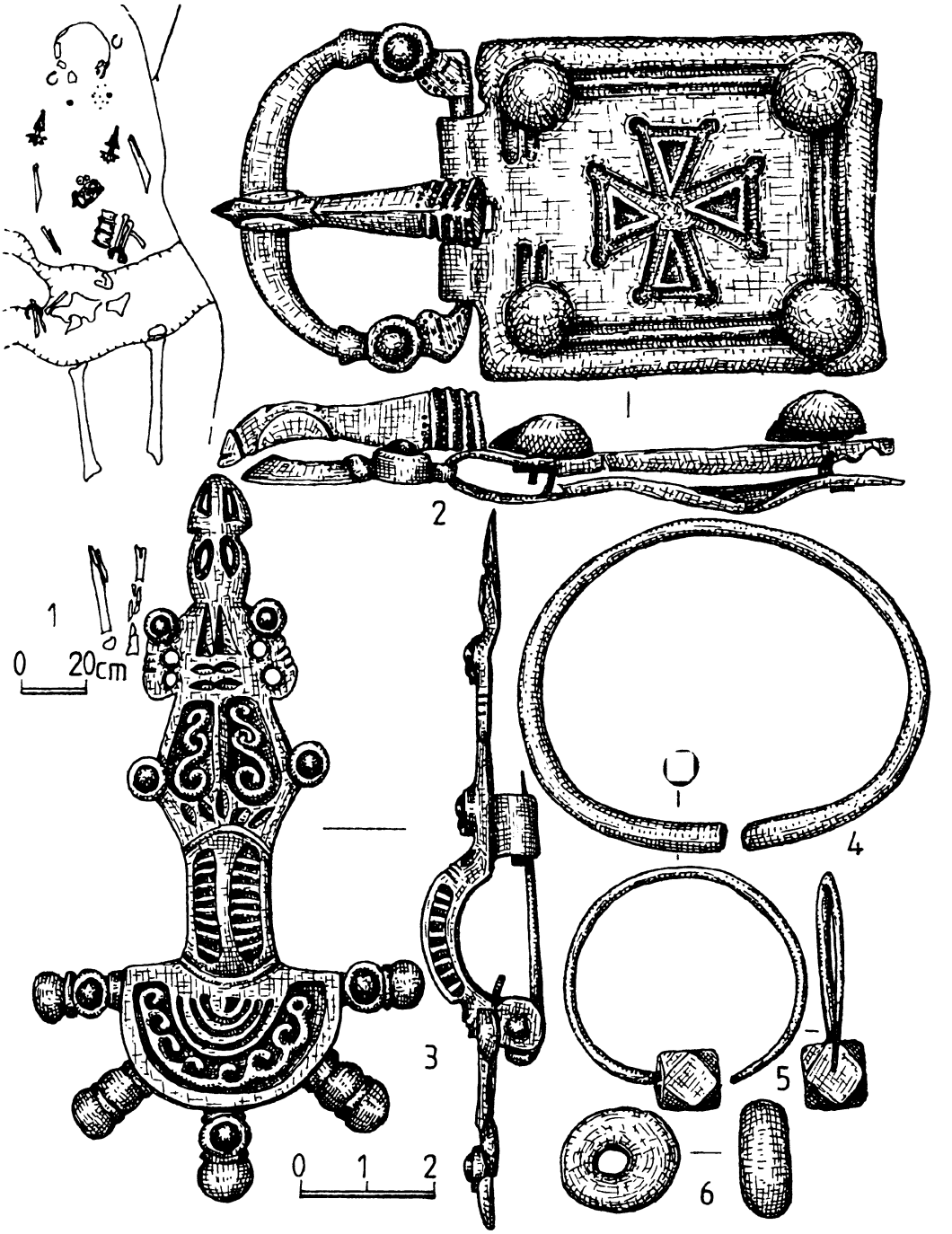


Рис. 43. Лучистое, склеп 77.
1 - план женского захоронения 1; *2-6* - украшения и детали германского костюма из захоронения.

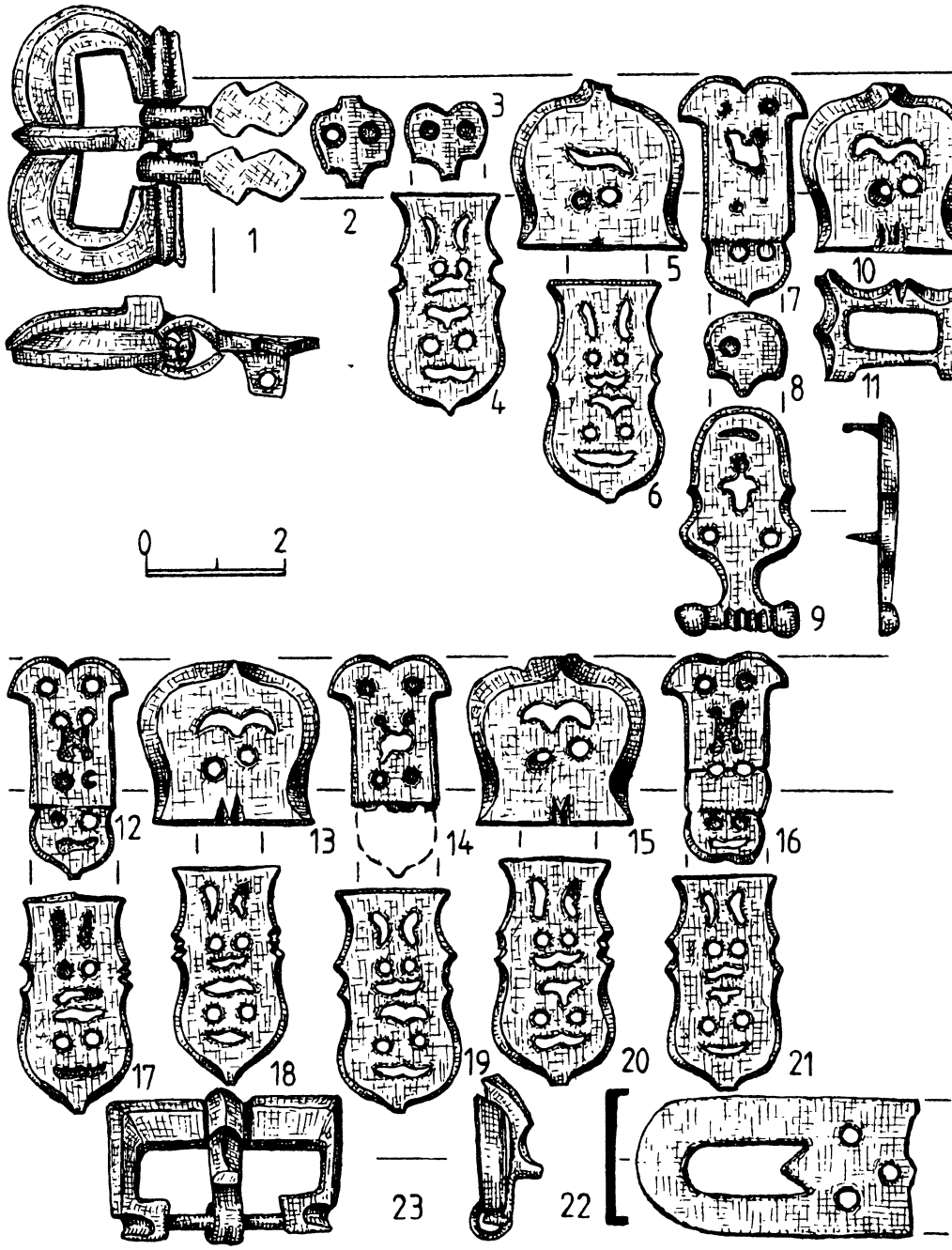


Рис. 44. Детали геральдического поясного набора второй половины VI в. из склепа 74, захоронения 1 могильника Лучистое.

В образовавшейся сразу же после возникновения стен нижней надскальной части слоя обнаружены мелкие обломки одновременной керамики[118]. Ниже по склону находится принадлежавший жителям плато могильник. На его территории самый ранний склеп с золотым субэратным подражанием монеты с изображением Юстиниана I 527-565 гг.[119] перекрывала подбойная могила с большой пряжкой с прямоугольным щитком III варианта (типа табл. XXVIII,*26*) и двухпластинчатыми фибулами варианта IIв-3 первой половины VII в. (типа табл. XXVIII,*24*). Вероятно, поселение на плато и некрополь на склоне возникли не раньше конца VI в. Скорее всего, тогда же соорудили его первые оборонительные стены[120].

На плато Эски-Кермен (рис. 33,*19*; 45) в нижнем слое, накопившемся у оборонительной стены, содержались фрагменты амфор второй половины VI-VII вв. На городском некрополе из склепа 337 извлечена подвязная широкопластинчатая фибула серии 16-4/III, а из подбойной могилы 315 — боспорская орлиноголовая пряжка и пара двухпластинчатых фибул варианта IIв-3 (табл. XXVIII,*24*) первой половины VII вв. На центральном и восточном участках некрополя зачищены погребальные сооружения, поврежденные в процессе вырубки склепов и могил первой половины VII в. Стало быть, могильник возник в последней четверти VI в. В тот же период началось строительство крепости на плато[121]. Время основания городища на плато Тепе-Кермен (рис. 33,*25*) определяется по немногим фрагментам амфор второй половины VI-VII вв.[122]

На плато Мангуп в 1913 г. в центральном нефе базилики обнаружен обломок плиты из известняка с уцелевшими двумя с половиной строками греческой надписи. Ее издал В.В.Латышев: "[Ἰ]ουστινιαν[οῦ... Αὐτοκράτο[ρος... Σεβα]στοῦ" — "Юстиниана... императора... Августа". По словам А.А.Васильева, надпись свидетельствует о постройке базилики при Юстиниане I[123]. Условия находки надписи не позволяют согласиться с А.А.Васильевым. Ведь этот обломок использовали вторично для перекрытия поздней плитовой могилы. Скорее всего, плиту привезли на плато вместе со строительными материалами. А.Г.Герцен исследовал на плато усадьбы, в засыпи которых находились фрагменты амфор, краснолаковых и стеклянных сосудов V-VII вв., и крепостные стены (рис. 46). По его утверждению, византийцы начали строительство укреплений на плато только во второй половине VI в.[124] Датировка городища Кыз-Кермен установлена в результате новых раскопок А.В.Белого. Там раскрыты усадьбы и оборонительная стена, построенные во второй половине VIII в.[125]

По предположению Д.Л.Талиса, на плато Бакла (рис. 33,*26*) первую стену цитадели (рис. 20,I,1) возвели в V в., а в VII в. разрушили. До ее строительства был ликвидирован и засыпан ранний винодельческий комплекс. За время существования названных сооружений двух строительных периодов образовался слой зеленого цвета. Даты создания и уничтожения винодельни и стены Д.Л.Талис определял по керамике из него[126]. А.В.Сазанов отнес этот слой только ко времени функционирования стены

---

[118] Веймарн, 1968, рис. 21,3,5-7. Герцен, Могаричев, 1992, с. 184-185.
[119] Кропоткин, 1958, с. 210.
[120] Айбабин, 1990, с. 64, 68.
[121] Айбабин, 1991, с. 45.
[122] Талис, 1976, рис. 4,3,4.
[123] Латышев, 1918, с. 18-19. Vasiliev, 1936, p. 71.
[124] Герцен, 1990, с. 133.
[125] Белый, 1993, с. 49, 57.
[126] Талис, 1974, с. 112. Талис, 1982, с. 57-62.

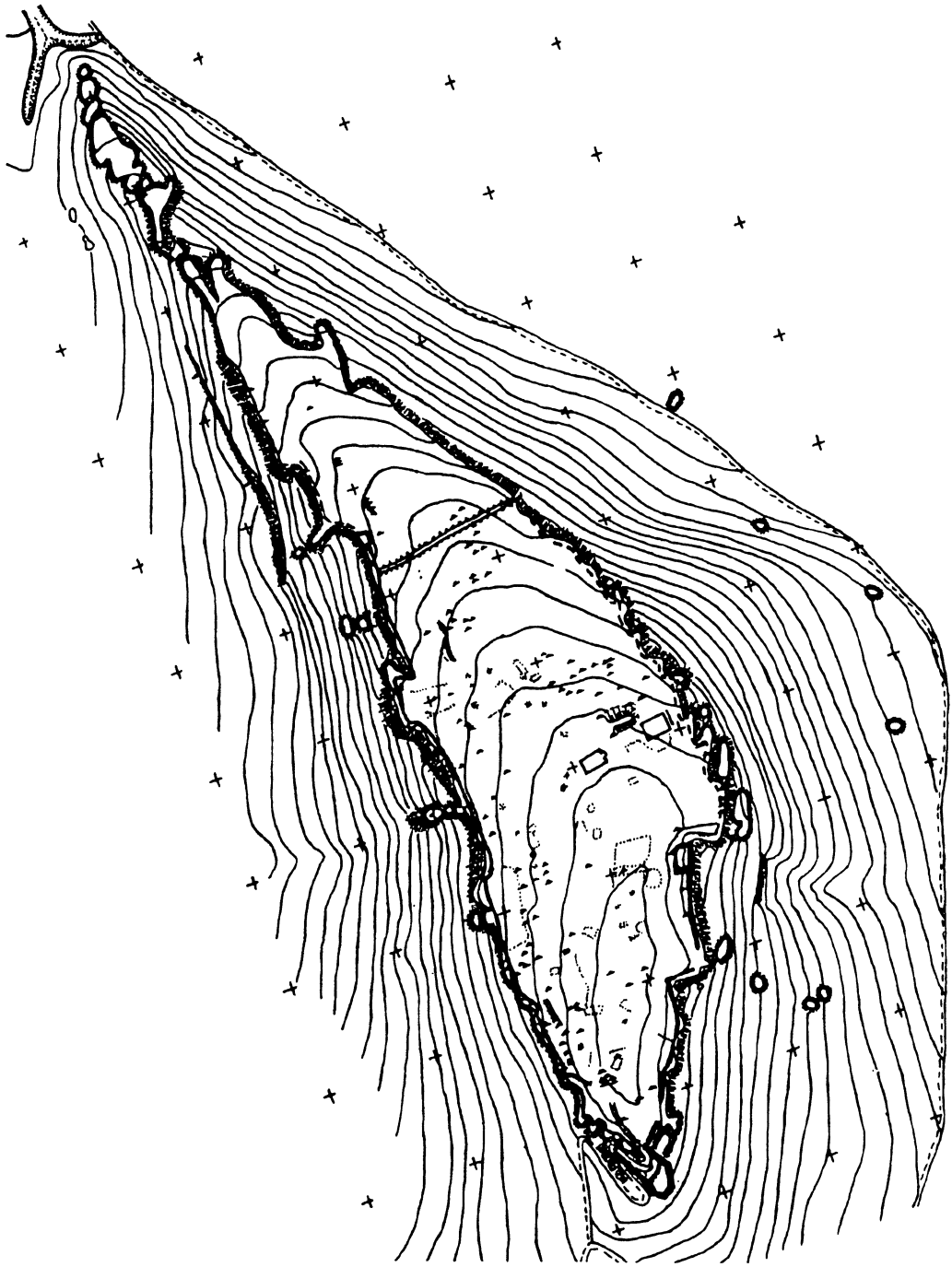


Рис. 45. Крепость на плато Эски-Кермен.

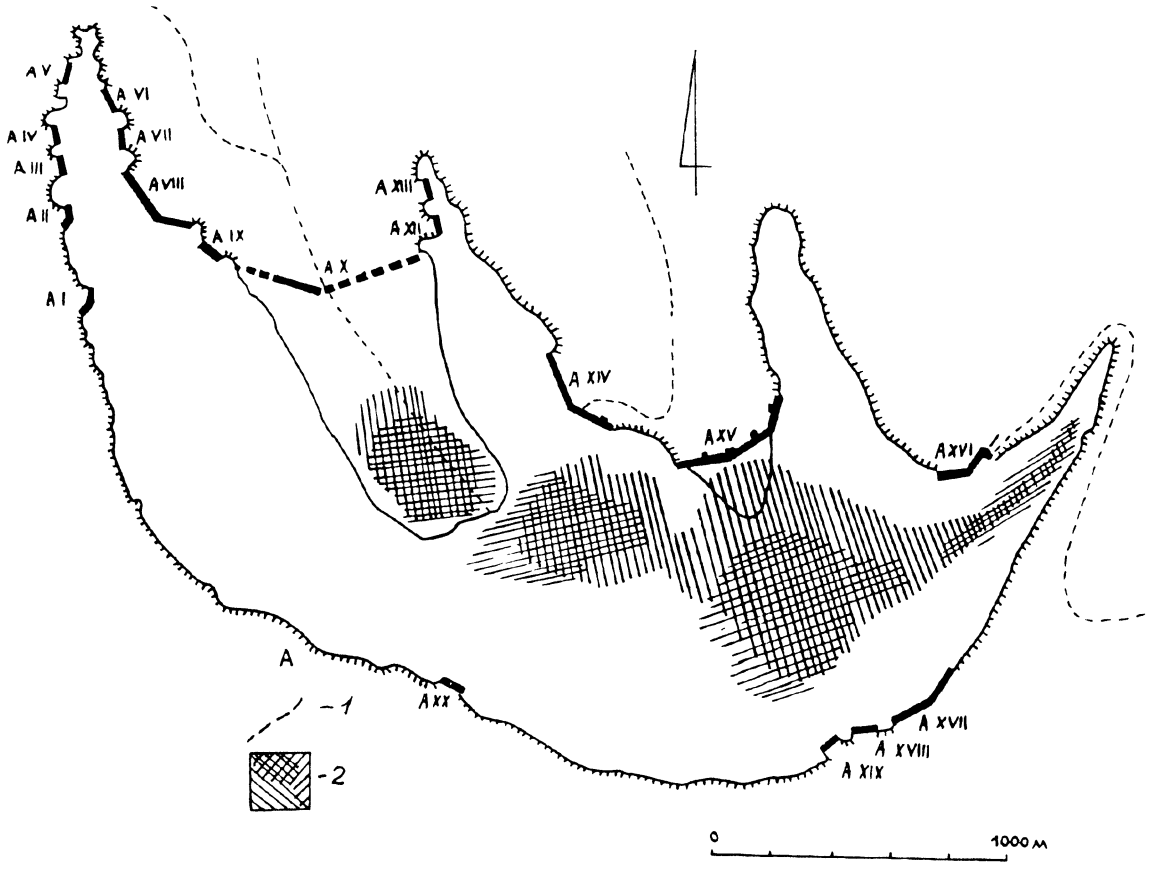


Рис. 46. Мангуп-Кале. Оборонительные сооружения и обжитая территория на плато в VI-VIII вв. *А* - оборонительные стены. *1* - дороги. *2* - обжитая территория (по Герцен. 1990. рис. 26).

между второй четвертью и началом четвертой четверти VI в. По его мнению, в 576 г. стену уже разрушили[127]. Следует обратить внимание на то, что слой возник еще до постройки стены одновременно с винодельней. Поскольку Д.Л.Талис не разделял его стратиграфически, то здесь неприемлем использованный А.В.Сазановым метод обоснования хронологии только стены по сочетанию циклов одновременного бытования керамики. Из слоя извлекли как изготовлявшиеся с конца IV в. фрагменты краснолаковых чашек (рис. 47,*19*), мисок LR-C формы 2 и формы ARSW 62B (рис. 47,*5*) V-VI вв.[128], миску LR-C формы 3-F (рис. 47,*1*) из слоев VI в. на Хиосе и в Киликии и из слоя конца VI в. в Сарачане[129], донья и фрагменты стенок красноглиняных амфор с воронковидным горлом и с острым выступом на дне (рис. 47,*14,16*) типа Якобсон 10 или Sarachane 9, или LR 2 по Бенгази, найденных в Ятрусе в слоях C и D V - начала VII вв.[130] и в других центрах в слоях VI-VII вв.[131], фрагменты краснолаковых мисок LR 93 B (рис. 47,*3,4*), известных в слоях второй и третьей четверти VI в. в Карфагене и второй половины VI-VII вв. в Марселе и Херсонесе[132], обломки стенок светлоглиняных амфор с красными дипинти (рис. 47,*17,18*) типа Якобсон 9 или LR 1 по Бенгази, обнаруженных в слоях VI-VII вв. в Средиземноморье[133], и доньев одновременных коричневоглиняных амфор типа Якобсон 7 (рис. 47,*13,15*)[134], так и кипрскую краснолаковую миску (рис. 47,*2*)[135] и двуручные красноглиняные кувшины с росписью ангобом[136] второй половины VIII в., красноглиняные ойнохои VII-IX вв.[137] В одну из типологических групп А.В.Сазанов включил амфоры, отличающиеся одна от другой по форме и размерам горла, ручек и тулова (рис. 47,*6-12*)[138]. Одни из них (рис. 47,*11,12*) аналогичны амфорам типа Баранов 2, обнаруженным в Подунавье, Подонье, в Скалистом в склепе середины VII в. и в Тау-Кипчаке в яме 5 с амфорами как второй половины VII в., так и появившимися в VIII в.[139] Другие амфоры являются вариантами амфор LR-1 VI-VII вв. (рис. 47,*8,9*)[140] и LR-13 (рис. 47,*6,7,10*), извлеченных из слоев VII-VIII вв.[141] Циклы бытования сосудов V-VI вв. и второй половины VII-VIII вв. не совпадают. Рассмотренная керамика свидетельствует о накоплении слоя в период

---

[127] Сазанов, 1993а, с. 45-46.

[128] Hayes, 1972. p. 108-109, 327-329, fig. 18, form 62B; 66. Талис, 1982, с. 63, рис. 5,5. Айбабин, 1990, с. 16, 17, рис. 2; 30; 5,7. Воронов, Юшин, 1973, с. 176, 191, рис. 6,5. Романчук, Сазанов, 1991, с. 12, 13, 36, № 155.

[129] Талис, 1982, рис. 3,7. Hayes, 1972, p. 338, fig. 69,40, form 3F. Hayes, 1992, p. 97, 98, fig. 35,22-1. Williams, 1989, p. 46-49, fig. 23,278. Ballance, Boardman, Corbett, Hood, 1989, p. 90, 91, fig. 27,57.

[130] Талис, 1982, рис. 1,17-19; 4,4. Böttder, 1982, S. 33, Taf. 17,220,221; 18,227,228,537,538.

[131] Якобсон, 1979, с. 14-16, рис. 2,7; 3,2. Riley, 1979, p. 217-219, fig. 43,44; 91,349-350. Hayes, 1992, p. 66.

[132] Талис, 1982, рис. 5,8,18. Романчук, 1975, рис. 5,8. Hayes, 1972, p. 147-148, fig. 27,19. Bonifay, 1983, fig. 24,89,90; 26,124,140. Fulford, 1984, p. 68, 69, fig. 18,50-3,50-8. Сазанов, 1993а, с. 43.

[133] Талис, 1982, рис. 8,2,3. Якобсон, 1979, с. 13, 14, рис. 2,6. Riley, 1979, p. 212-215, fig. 41, 42. Riley, 1982, p. 116, fig. 3,1. Peacock, 1984, p. 119, fig. 34,1,2.

[134] Талис, 1982, рис. 4,1-5. Якобсон, 1979, с.12, рис. 2,3. Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 16.

[135] Талис, 1982, рис. 3,4. Sodini, Villenuve, 1992, p. 207-208, fig. 10,10.

[136] Талис, 1982, рис. 7,2,6,7. Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,154; 4,8.

[137] Талис, 1982, рис. 7,3,4,5,8. Böttder, 1982, S. 14-17, Taf. 8-10. Веймарн, Айбабин, 1993, с. 191, 192.

[138] Сазанов, 1993а, с. 40, 41.

[139] Артамонов, 1935, рис. 35,71-74. Талис, 1982, рис. 2,2; 3,6. Баранов, 1990, с. 29, рис. 9,4-7. Айбабин, Веймарн, 1983, с. 213-217, рис. 1,4-6,13,19; 2,13. Bjelajac, 1996, p. 74, fig. XXV,141,143.

[140] Талис, 1982, рис. 2,4,5. Abadi-Reynal, Sodini, 1992, p. 55, fig. CC259, CC260. Johnson, 1988, fig. 7-50,735.

[141] Riley, 1979, p. 2231, 232, fig. 94,374,375. Peacock, Williams, 1986, p. 208, 209, fig. 125. Arthur, 1989, p. 87, fig. 7,8.

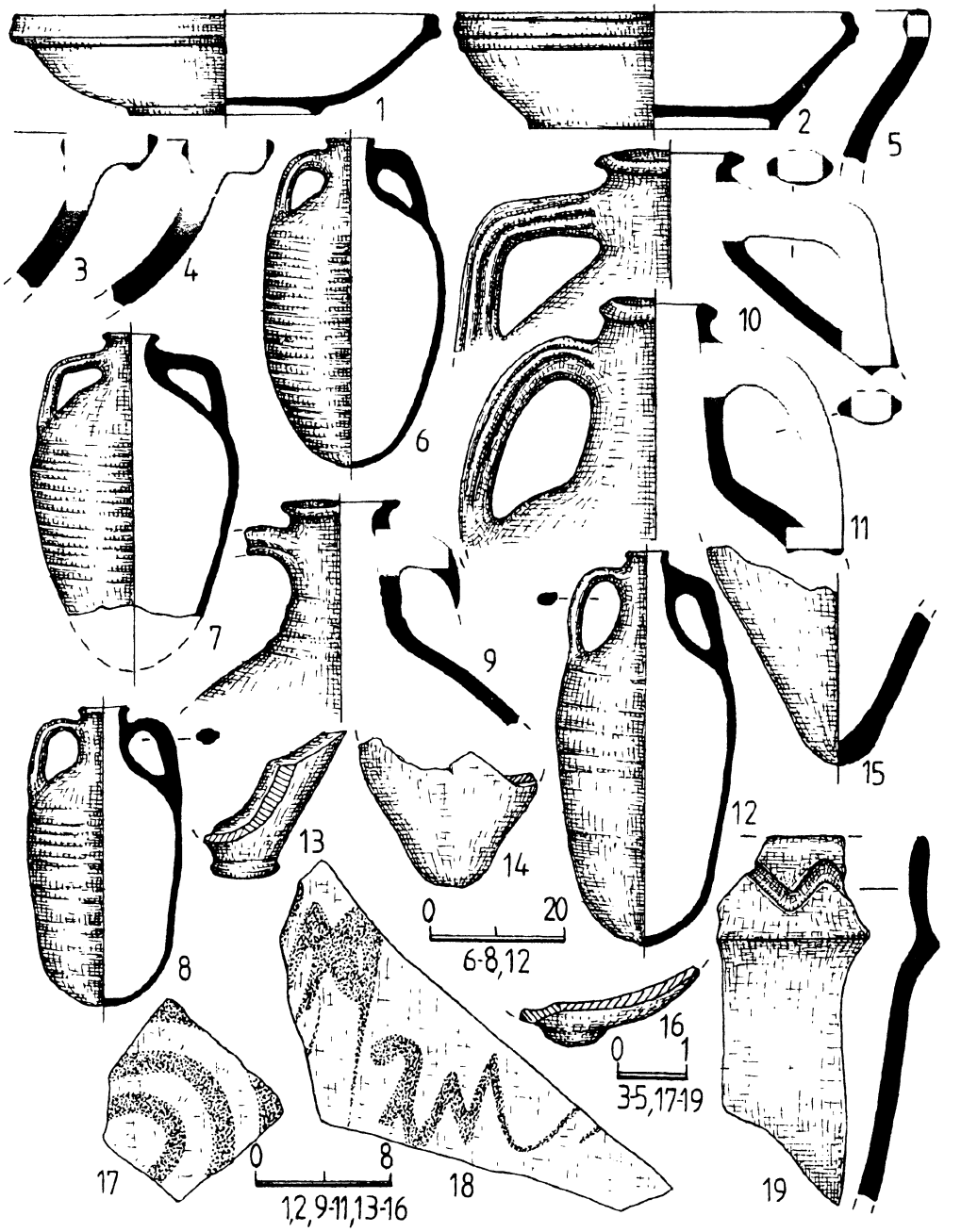


Рис. 47. Бакла. Керамика из раскопок цитадели из зеленого слоя (по Талис, 1982).
1 - миска LR-C формы 3-F; *2* - кипрская краснолаковая миска; *3,4* - фрагменты мисок LR 93B; *5* - миска LR 62B; *6,11* - амфоры типа Баранов 2; *12* - амфора типа Баранов 6; *13,15* - донья амфор типа Якобсон 7; *14,16* - фрагменты амфор Якобсон 10 или LR 2; *17,18* - фрагменты амфор Якобсон 9 или LR 1; *19* - венчик краснолаковой чашки.

с V по начало VIII вв. Поскольку в слое нет керамики типичной лишь для V и VIII вв., то его хронологические рамки можно сузить до VI - начала VIII вв. По керамике невозможно определить точное время постройки первой стены цитадели. Если винодельню создали в первой половине VI в., то перекрывшие ее стены вряд ли соорудили ранее конца того же века. Разрушили первую цитадель в начале VIII в.

Судя по археологическим материалам, найденным в названных крепостях, они основаны не при Юстиниане, а в конце VI в. или позднее. Данный факт согласуется со словами Прокопия о том, что в стране Дори "...император нигде ни города, ни крепости не построил"[142].

Необходимо иметь в виду, что Прокопий пропагандировал только созидательную деятельность императора. Писателя, скорее всего, даже не интересовали поселения или крепости, основанные местными варварами. В написанной несколько раньше, чем сочинения Прокопия (при Анастасии в 491-518 гг.), Латинской грамматике Присциана в двух упражнениях упомянут городок у Понта Дори. В обоих грамматических примерах автор учебника не конкретизирует местонахождение городка и поразному его характеризует. В одном случае он назван "Dory ...nomen oppidi Ponticі", в другом — "hoc Dory ...nomina civitatium"[143]. Совершенно очевидно, что оба примера заимствованы из какого-то исторического или географического трактата, речь шла об oppidum или civitas Дори, находившемся в понтийском регионе. Созвучность имен оппидума и области служит достаточным основанием для локализации данного городка в пределах последней. В более поздних источниках в повествованиях о событиях начала и второй половины VIII в. сообщается о крепости Дори-Дорас, лежащей в готской земле[144]. Суммируя информацию письменных источников можно предположить, что оппидум Дори возник в готской области до конца V в., а в постюстиниановское время, но до начала VII в., в нем построили крепость. Специалисты по крымскому средневековью помещали городок и крепость и на Эски-Кермене, и на Мангупе, и в Инкермане[145]. Однако, на Эски-Кермене и в Инкерманской крепости Каламите нет следов какой-либо жизнедеятельности в V - третьей четверти VI в., тогда как в Инкермане на склоне Загайтанской Скалы не нашли укрепления конца VI-VIII вв.[146] Да и вряд ли Инкерман, расположенный на границе хоры Хесона и области Дори, соответствует описанию крепости Дорас, данному Никифором: "...лежащей в готской земле", то есть — не на границе[147]. Лишь на труднодоступном плато Мангуп выявлены как усадьбы одновременные Дори Присциана, так и фортификационные объекты второй половины VI-VIII вв. (рис. 46). Очевидно, там и находился оппидум Дори.

В трактате "О постройках" Прокопий (Procopius) считал обитателей гор готов энспондами (ἔνσπονδοι) — союзниками ромеев, которые по желанию императора участвовали во всех походах его войск[148]. Энспонды были только у ромеев. Отношения с крымскими готами-энспондами не ограничивались только военной сферой и имели длительный постоянный характер[149]. В другом сочинении "История войн" Прокопий

---

[142] Procopius, De Aedificiis, III, 7,16.
[143] Prisciani Grammatici, Libri XVIII, VI,1, S. 195; VII,1, S. 283.
[144] Vasiliev, 1936, p. 91-92. Чичуров, 1980, с. 31, 32, 124, 155, 163.
[145] Репников, 1932, с. 134. Vasiliev, 1936, p. 80. Тиханова, 1953, с. 320-325. Якобсон, 1964, с. 11. Герцен, 1990, с. 135-137. Сидоренко, 1991, с. 117.
[146] Айбабин, 1991, с. 45.
[147] Чичуров, 1980, с. 163.
[148] Procopius, De Aedificiis, Libri VI, III,7,13. Obolensky, 1964, p. 57.
[149] Procopius, De Aedificiis, Libri VI, III,7,13. Иванов, 1987, с. 28-31.

именовал жителей региона между Херсоном и Боспором κατήκοοι — подвластными[150]. Обычно этот термин он использовал рассказывая о населении присоединенных к империи регионов[151]. По Прокопию, в области Дори византийцы строили оборонительные стены, предназначавшиеся для предотвращения проникновения врагов через нее. Ими закрывали проходы через τὰς εἰσόδους — балки и ущелья[152]. Остатки одной из таких стен, перегораживающей 150 метровую балку Каралез (Сторожевая), раскопал В.А.Сидоренко в 1984 г. у подножия Мангупа (рис. 48,*1*). Длина стены 150 м, толщина 2,3-2,4 м. Она сохранилась на высоту 2,5 м. Ее вплотную пристроили к вертикальным известняковым обрывам, возвышающихся над долиной плато. В местах примыкания стены в скале вырублены смотровые площадки с комплексом небольших пещерных помещений. Стена сложена из двух рядов подогнанных друг к другу известняковых блоков. В центральной части имелись ворота. Пространство между внешним и внутренним рядами блоков заполнено залитыми раствором из извести необработанными камнями. Ее венчали зубцы. По фрагментам керамики, извлеченной из накопившегося у стены слоя, В.А.Сидоренко датировал ее временем правления Юстиниана I. Стена перекрыла русло ливневых потоков и разрушилась под напором нанесенного селями натечного грунта в VII в. По мнению автора раскопок, плита с надписью с именем Юстиниана I с Мангупа сделана из того же известняка, что и блоки стены и была завезена на плато после разборки ее упавших участков[153].

Согласно Прокопию, благосостояние жителей Дори основывалось на военной службе империи и земледелии. Он писал о них: "Прибывая до 3000, и в военном деле они превосходны, и в земледелии, где сами трудятся, искусны, и наиболее гостеприимны из встречающихся людей"[154]. Об их вооружении можно судить по коротким двухлезвийным мечам и однолезвийным палашам из захоронений первой половины VI в. в Скалистом. По мнению М.А.Тихановой, в данном параграфе шла речь лишь о численности военного отряда, который жители Дори должны были сформировать для участия в любой из войн империи[155]. По расчету Л.В.Фирсова, в середине VI в. население области не превышало 60000 человек[156]. Вряд ли, эта цифра слишком завышена. На многочисленность жителей Дори указывают уже известные там некрополи данного периода. В Лучистом, Суук-Су, Артеке, Ореанде, Кореизе, Симеизе, в балке Каралез под Мангупом, в Терновке, на высоте Сахарная Головка, на Черной Речке, близ Балаклавы и в других местах некрополи устраивались на склонах. Рядом с могильниками в Гурзуфской котловине и некоторыми другими обнаружены связанные с ними сельские поселения[157]. В цитируемом параграфе Прокопий охарактеризовал жителей как земледельцев, возделывающих землю своими руками без применения рабского труда[158]. Как правильно отметил А.К.Амброз, в материалах некрополей отсутствуют признаки большой имущественной и социальной дифференциации. Союзнические отношения с Византией стимулировали сохранение в сельских общинах Дори военной демократии[159].

---

[150] Procopius, History of the wars, Vol. V, book VIII, V, 26; 27; 28.
[151] Иванов, 1987, с. 29, 30.
[152] Procopius, De Aedificiis, III, VII,17.
[153] Сидоренко, 1991, с. 114-115.
[154] Procopius, De Aedificiis, III, VII,14. Сидоренко, 1991, с. 111.
[155] Тиханова, 1953, с. 324.
[156] Фирсов, 1979, с. 109.
[157] Якобсон, 1954, с. 111, 120, рис. 48,2-4; 50.
[158] Домбровский, 1974, с. 15, 16.
[159] Амброз, 1994/1995, с. 59.

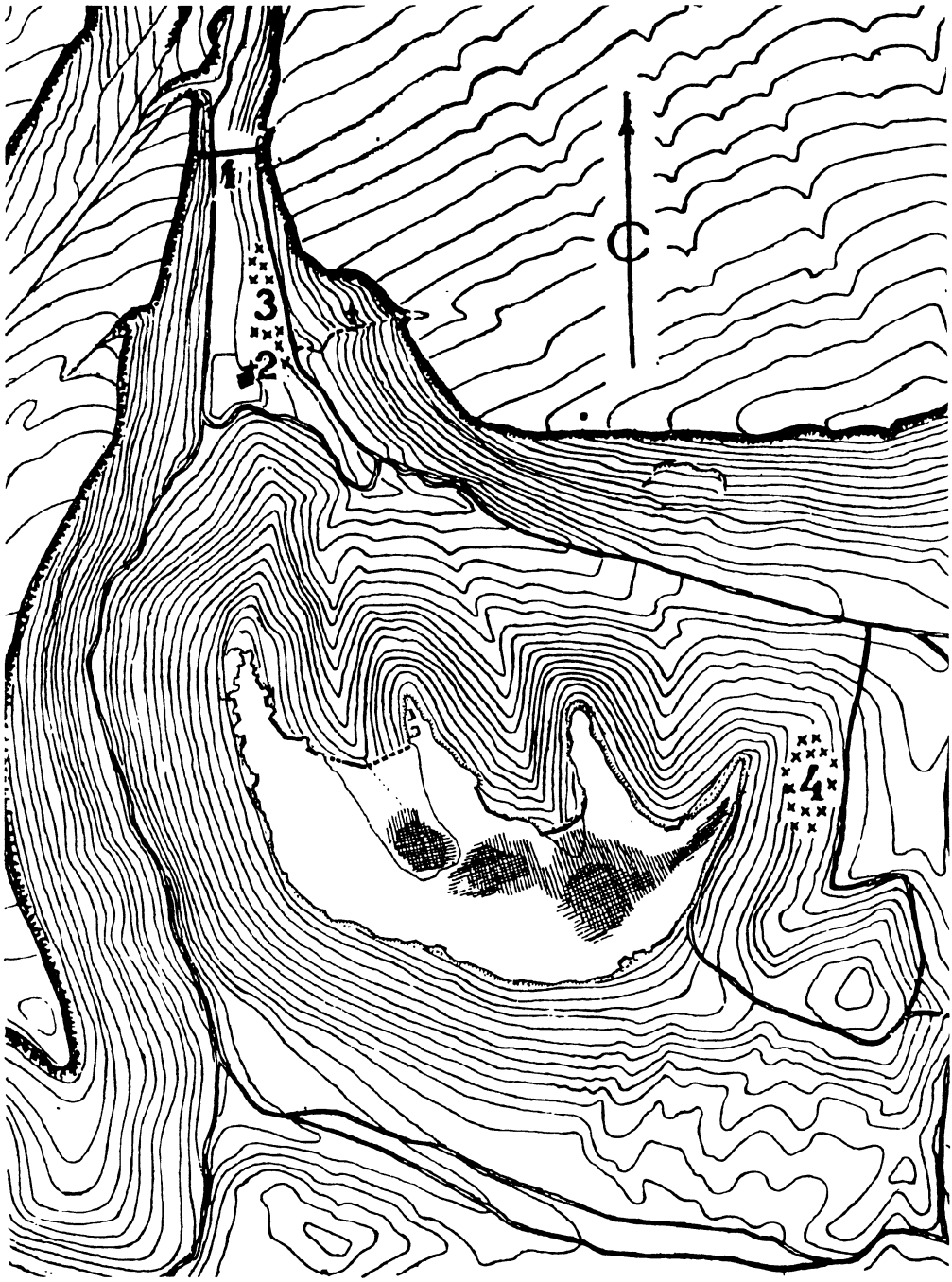


Рис. 48. Округа плато Мангуп.
1 - оборонительная стена в балке Каралез, *2* - раннесредневековая базилика, *3* - могильник второй половины VI-X вв., *4* - могильник V-X вв. в балке Алмалык (по Сидоренко, 1991, рис. 1).

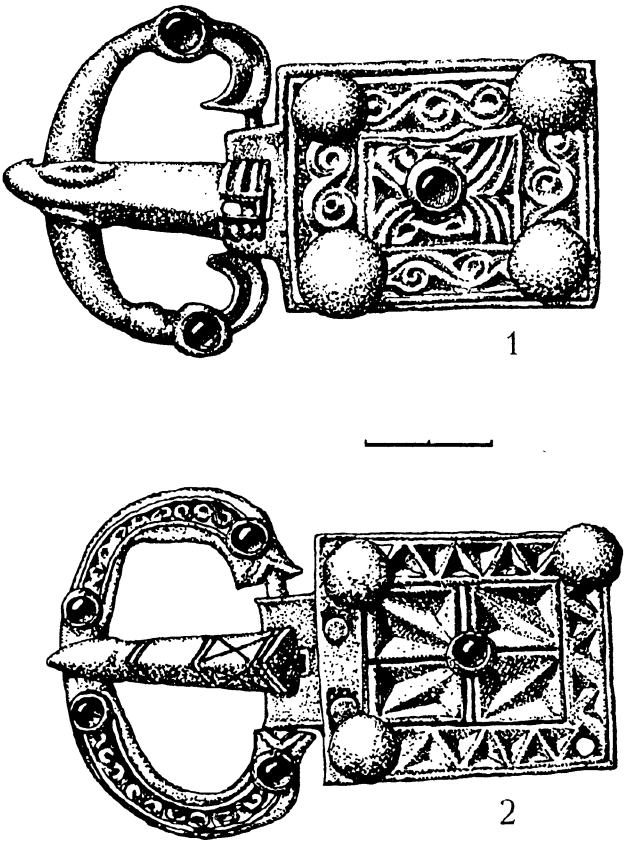


Рис. 49. Большие пряжки с прямоугольным щитком из Скалистого.
1 - вариант 3, склеп 683 (по Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 110,1); *2* - вариант 1-3, склеп 138 (по Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 9,1).

В позднеюстинианов ский период поселившиеся в Дори германские ювелиры создали мастерские, удовлетворявшие спрос на популярные у населения пряжки и украшения. Они в совершенстве владели сложной технологией отливки крупных серебряных предметов, делали проволоку, применяли пайку, чеканку, тиснение, покрытие поверхности толстым слоем позолоты, декорировали резцом, пуансоном, псевдосканью, зернью, изготовляли тонкую золотую фольгу, украшали изделия вставками из альмандина или цветного стекла. Их продукцию не назовешь шедеврами ювелирного искусства. В мастерских серийно изготовлялись на продажу грубые серебряные массивные орлиноголовые пряжки I варианта (рис. 40,*7*; 41,*9*; 42; табл. XXIX,*1*), пряжки с прямоугольным щитком с геометрическим декором варианта 1-3 (рис. 49,*2*; табл. XXVIII,*13*) и большие двухпластинчатые фибулы (рис. 40,*6*; табл. XXIX,*2*), браслеты (рис. 40,*1*; 41,*8*; 43,*4*) и бронзовые детали поясных наборов (рис. 44; табл. XXXI,*1-25*). Довольно изящны лишь золотые височные подвески с кольцом из гладкой проволоки с многогранной бусиной с напаянными треугольниками из зерни и с ромбовидными и

треугольными гнездами со вставками из граната или из красного и голубого стекла (рис. 40,*4*)[160]. В Юго-Западном Крыму пока не найдены какие-либо материальные свидетельства, подтверждающие существование здесь в VI в. ювелирного производства. Однако, местные ранние двухпластинчатые фибулы и большие пряжки сильно отличаются от одноименных вещей из других регионов и только по форме отдельных частей и некоторым элементам декора похожи на остроготские и гепидские прототипы. Одна из орлиноголовых пряжек I варианта из Лучистого из склепа 102 (рис. 42) по размерам и декору щитка аналогична остроготской из Книна[161]. Другие пряжки этого варианта (рис. 40,*7*; 41,*9*) подобны гепидским пропорциями почти квадратного щитка, орнаментом из крупных завитков, прямоугольной формой выступа с орлиной головкой, ее декором и формой сильно изогнутого клюва[162]. У однотипных пряжек с более длинной соединительной пластиной орлиноголовый выступ украшен резными ромбами[163]. Вероятнее всего, происходящие с территории Дори большие пряжки и фибулы сделаны там же. Для изготовления описанного женского гарнитура требовалось много золота и гораздо большее количество серебра. Возможно, в мастерских переплавляли военные трофеи, монеты, поступавшие в качестве платежей за союзническую службу, и вышедшие из моды ювелирные изделия. Вряд ли у жителей Дори накопились значительные богатства. Необходимо учитывать то, что немалая их часть закапывалась в землю.

При содействии администрации Юстиниана в Юго-Западном Крыму начали возведение базилик. Полагают, что в VI в. соорудили базилику на Мангупе[164]. Одновременной считают и крещальню, пристроенную к базилике. На вымостке крещальни лежали обломки фриза из местного известняка. На одном обломке вырезана унциальным письмом надпись якобы V-VI вв., изданная М.А.Тихановой: "Ο ΘΣΤΙ ΠΡΟΣΒΕΙΑ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΙΩΑΝΝΟΥ ΣΩΣΟΝ ΤΟΝ ΔΟΓΛΟΝ ΣΟΥ ΠΑΠΑΝ ΓΡΙΓΩΡΙΝ ΑΝΑΓΝΟΣ ΤΗΝ ΑΜΑΡΤΟΛΟΝ ΑΜΗΝ — О, Боже, [услышь] просьбу святого Иоанна и спаси его, отца Григория, чтеца грешника. Аминь"[165]. По мнению В.П.Яйленко, крещальню выстроили в честь святого Иоанна Крестителя. Он предложил иное чтение надписи: "ὅ ἐστι πρεσβεῖα τοῦ ἁγίου | Ἰωάννου. Σῶσον τὸν δοῦλον | σοῦ πάπαν Γριγ(ό)ριν, ἀναγν(ώ)ς | την ἁμαρτολόν. Ἀμήν — Эта [крещальня] — честные дары святого Иоанна. Спаси раба твоего попа Григория, грешного чтеца. Аминь". Поскольку надпись была утеряна вскоре после ее находки, то В.П.Яйленко пользовался воспроизведением надписи в статье М.А.Тихановой[166]. Термин πάπαν в сочетании с ἀναγν(ώ)ς позволяет судить о дате надписи и крещальни. В документах Халкедонского собора 451 г., в хронике автора VI в. Иоанна Малалы и в более поздних сочинениях попом (παπᾶς) называли священников[167]. И только с XI в. слово "поп" стали применять по отношению к церковному чтецу, как, например, в новелле Исаака Комнина (1057-1059 гг.): "...λιτὸν παπᾶν ἤτοι ἀναγνώστνη", что означает "простой поп то есть

[160] Айбабин, 1990, с. 30, 33, 34, рис. 24,5,6; 29,1,2; 1; 31,2. Aibabin, 1993, p. 165-167, fig. 2,2.
[161] Vinski, 1968, Abb. 5.
[162] Амброз, 1968, с. 17.
[163] Айбабин, 1990, с. 34, рис. 29,1; 30,1; 31,2.
[164] Тиханова, 1953, с. 320-324. Якобсон, 1959, с. 196-197.
[165] Тиханова, 1953, с. 386.
[166] Яйленко, 1987, с. 163.
[167] Ioannis Malalae, Chronographia, Liber XIV, 361,8; 362,5. Sophocles, 1887, p. 839.

чтец"[168]. Если же надпись на фризе вырезали не ранее XI в., то и постройку крещальни нельзя датировать VI в.

Археологические материалы позволяют отнести к позднеюстиниановскому периоду и другие храмы. Большая трехнефная базилика раскрыта в верховье балки Каралез на территории раннесредневекового поселения (рис. 48,*2*)[169]. Ее возвели тогда же, когда и оборонительную стену. Храм разрушился под воздействием тех же селевых потоков, что и стена. Вскоре базилику вновь восстановили. По мнению А.Л.Якобсона, монументальные здания в Юго-Западном Крыму строили артели каменщиков из Херсонеса[170]. Церкви в VI в. сооружали и сельские общины. Маленький одноапсидный храмик, функционировавший с VI в., раскопан на поселении близ крепости Горзубиты[171].

При Юстиниане I Херсон являлся и отдаленным византийским провинциальным городом, и крупнейшим форпостом империи в Юго-Западном Крыму. Город, вероятно, управлялся викарием — начальником византийского гарнизона, которого со времени правления Зинона назначали из Константинополя. На херсонских монетах периода Юстиниана I помещалась надпись πόλις Χερσῶνος. Она свидетельствует о функционировании в Херсоне, так же как и в других городах империи, полисной администрации[172], подчинявшейся викарию. Император обязал горожан выполнять морскую повинность[173].

По словам Прокопия, Юстиниан I восстановил разрушенные стены Херсона[174]. Достоверность его сообщения подтвердили археологические раскопки. Были реконструированы ключевые узлы городской оборонительной системы. По мнению И.А.Антоновой, в портовом районе в V-VI в. построили вновь куртины XXV и XXVI и башню XXII на их стыке (рис. 11,*I,c*). Необходимую для данных работ известь гасили в известковой яме, выкопанной рядом с куртинами. На ее дне найдена монета Юстиниана I. Стены башни поставлены на слой глины, специально насыпанный на песчаный грунт[175]. В глинистом слое внутри башни содержались фрагменты светлоглиняных амфор типа Якобсон 1 и коричневоглиняных с сужением корпуса типа Якобсон 7, известные в Херсонесе с VI в.[176] Судя по керамике, извлеченной из нивелировочной засыпи в районе юго-восточного участка обороны, строительные работы здесь проводились во второй четверти VI в.[177] Приведенные факты свидетельствуют о сооружении нового оборонительного комплекса при Юстиниане I. Так же датируется четвертая перестройка главной городской башни XVII (рис. 11,*II,5*). В забутовке 4 строительного периода находились фрагменты светлоглиняных амфор типа Якобсон 1 и монета Юстиниана I[178]. Одновременно отремонтировали куртину 20, примыкающие к ней башни XVII/1 и XVIII[179]. На западном участке, присоединенном к городу в

---

[168] Jus Graecu-Romanum, Pars III, Novellae Constitutiones, p. 322. Sophocles, 1887, p. 839.
[169] Сидоренко, 1991, с. 114-115.
[170] Якобсон, 1959, с. 197.
[171] Якобсон, 1954, с. 111, 112, рис. 50.
[172] Соколова, 1983, с. 112, 113.
[173] Corpus juris civilis, Vol. III, nov. CLXIII, cap. II, p. 751. Vasiliev, 1936, p. 74.
[174] Procopius, De Aedificiis, III, VII,10.
[175] Антонова, 1971, с. 103, 104. Антонова, 1996, с. 116, 118.
[176] Антонова, 1971, с. 104. Антонова и др., 1971, с. 82, 84, рис. 1-3. Якобсон, 1979, с. 9, 12, рис. 1,1 Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 16-20.
[177] Голофаст, 1996, с. 77-78.
[178] Стржелецкий, 1969, с. 21, 23, рис. 2.
[179] Антонова, 1976, с. 5-7.

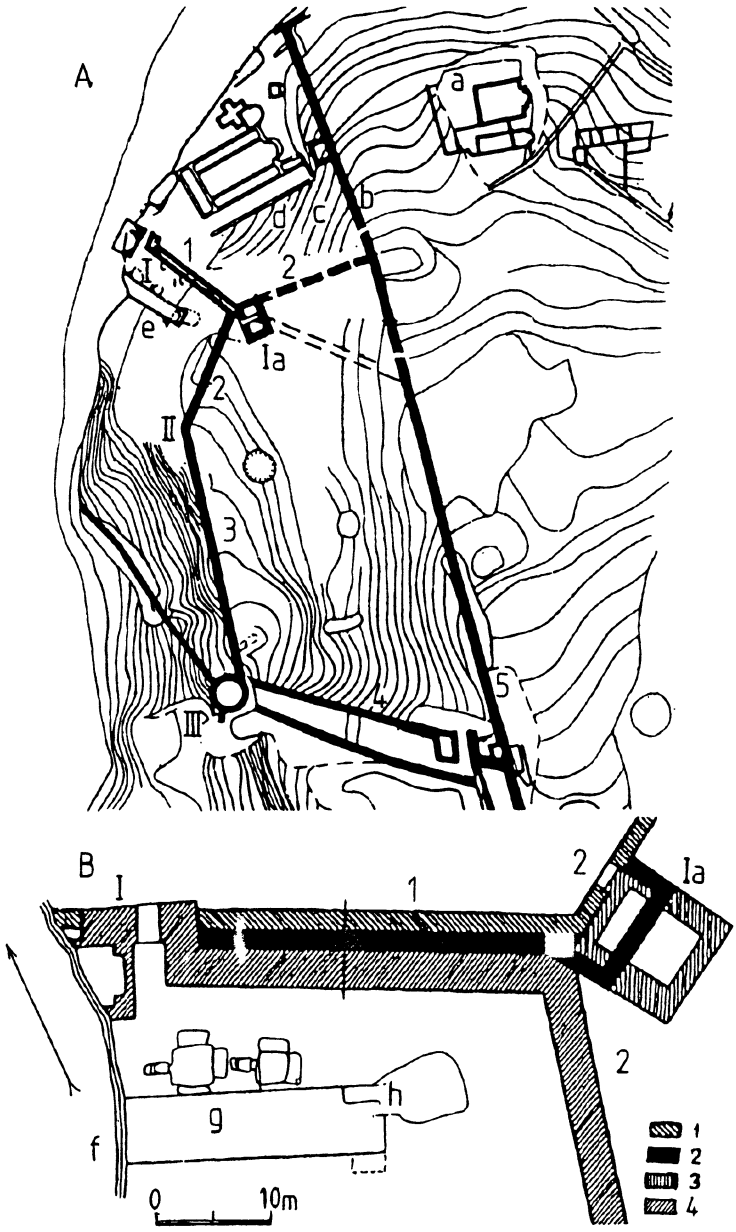


Рис. 50. Западный участок обороны Херсонеса.
1-5 - номера куртин; *I-III* - номера башен; *A* - Западный район Херсонеса: *a* - базилика на холме, *b* - фундамент античной оборонительной стены, *c* - участок, присоединенный к городу в конце V в., *d* - Западная базилика; *B* - оборонительный I комплекс куртины: *f* - ров, *g* - позднеантичные склепы, *h* - склеп VII в.;
1 - первый строительный период конца V-VI вв., *2* - второй строительный период VI-IX вв., *3* - второй строительный период башни Ia, *4* - третий строительный период IX-X вв. (по Антонова И.А. Отчет о раскопках у XIV башни и рва у 1-й куртины оборонительных стен Херсонеса в 1968 г. // Науч. архив Национального заповедника Херсонес Таврический, Д.1970, рис. 45; 50).

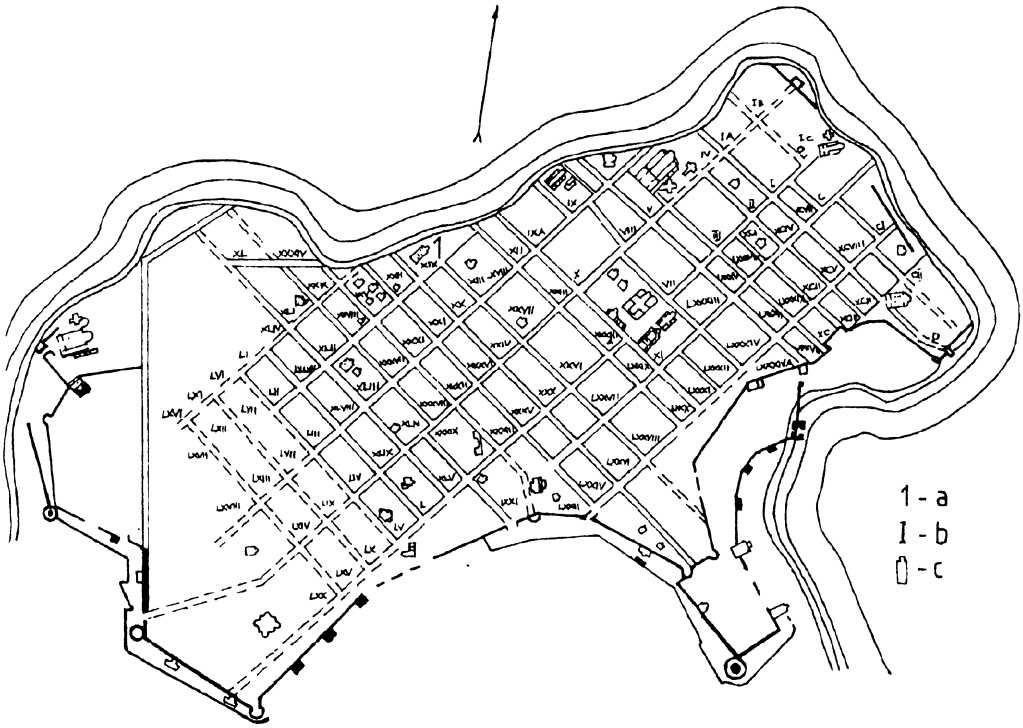


Рис. 51. Раннесредневековый Херсон.
a - комплекс "базилики 1935 г.", *b* - номера кварталов, *c* - базилики и храмы.

начале VI в. (рис. 50,*A*), был создан новый оборонительный узел (рис. 50,*B*). Первоначально, в начале VI в., его оградили стеной (рис. 50,*B,1*), к которой пристроили хозяйственное помещение. Одновременно соорудили рыбозасолочную цистерну 33. Через некоторое время возвели прямоугольную башню Ia (рис. 50,*B,2*) и удвоили толщину куртины 1, а напротив них в материковой скале стали вырубать широкий и глубокий ров (рис. 50,*B,f*). Его строители, наткнувшись на своем пути на несколько больших позднеримских склепов (рис. 50,*B,g*), оставили ров незавершенным. Из накопившегося у куртины 1 слоя и из нижней части засыпи рва извлекли монеты Юстиниана I и краснолаковые североафриканские миски со штампованными крестами и птицами[180].

Поскольку в Херсоне строители IX-XIV вв. уничтожили многие раннесредневековые дома, то сейчас весьма сложно реконструировать топографию города VI в. Судя по выявленным во всех его районах остаткам жилых и хозяйственных помещений,

[180] Белов, 1953, с. 244-245. Антонова, 1963, с. 63. Антонова, Рижов, 1972, с. 263, 264. Антонова, 1990, с. 21.

производственных объектов этого времени[181] Херсон VI в. унаследовал от античности планировку прямоугольными кварталами с прямыми улицами (рис. 51) с канализацией и водопроводом из глиняных труб. Его главная улица длиной около 1 км и шириной 6-7 м пересекала город с юго-запада на северо-восток[182]. Археологические раскопки зафиксировали крупные строительные работы, производившиеся в годы правления Юстиниана I на всей территории города. По мнению А.Л.Якобсона, юстиниановский город отличался от позднеантичного во-первых более плотной застройкой, а во-вторых доминированием возведенных в тот период базилик[183]. Как писал А.Л.Якобсон: "Базилики занимали видные места в городе — в центре, на его агоре, у входа город; они протянулись цепью вдоль берега, замыкая улицы"[184]. С 1950-х гг. ведется реставрация городских базилик и храмов. В процессе новых раскопок и предреставрационного изучения их фундаментов, стен и полов установлено, что большинство базилик и два крестообразных храма построили не в VI в., а позднее[185]. Лишь несколько крупных базилик возвели в интересующий нас период. Одна из них — Западная базилика (№ 13) — вместе с часовней, крестообразным зданием и часовней-усыпальницей входила в единый культовый комплекс (рис. 52). Он занял большую часть присоединенной к городу территории. Вероятно, именно в связи с началом строительства базилики, ограду участка укрепили вторым поясом и засыпали цистерну[186]. Постройку базилики и реконструкцию стены можно датировать по упомянутым выше монетам Юстиниана I и керамике не ранее второй четверти VI в. Базилика трехнефная с большим залом с двумя колоннадами из девяти колонн, полукруглой внутри и пятигранная снаружи апсидой, нартексом и, видимо, открытым нартексом. К ее южной стороне примыкает галерея с апсидой. Пол среднего нефа вымощен мраморными плитами, а полы боковых нефов покрыты мозаикой. Вероятно, у базилики было стропильное перекрытие с черепичной кровлей. Вперевязь с восточной частью северной стены здания возведена прямоугольная крещальня с широкой апсидой, к которой пристроен крестообразный мавзолей с усыпальницей. Вблизи расположена одноапсидная часовня. По архитектурным особенностям А.Л.Якобсон синхронизировал мавзолей и часовню с базиликой[187]. Однако при постройке крестообразного мавзолея был заложен наружный вход крещальни[188]. Скорее всего, крестообразный храм соорудили в значительно более позднее время. Не исключено, что с культовым комплексом как-то связан склеп, высеченный в незавершенном рву у первой куртины (рис. 50,В,*h*). Его закрывала закладная плита с крестом с раздвоенными концами и надписью "χ(υρι)ην, τι χιετυν ποησει τὸν δοῦλο[ν] τὸν τ(οῦ) ϑε(οῦ) Γότου — Да упокоишь здесь, Господи, раба божьего Гота". По форме креста и палеографическим особенностям В.П.Яйленко отнес надпись к VI-VII вв.[189] А.Л.Якобсон синхронизировал с Западной базиликой близкие ей по декоративному убранству и композиции базилики, открытые в XIX в. на северном берегу (Северная базилика № 22), в центре города (базилика № 28) и в юго-западной части (нижняя базилика № 15)[190]. Возможно,

---

[181] Якобсон, 1959, с. 283-294. Романчук, Белова, 1987, с. 53-60. Романчук, Сазанов, 1991, с. 8.
[182] Якобсон, 1964, с. 19.
[183] Якобсон, 1959, с. 131, 285.
[184] Якобсон, 1959, с. 131.
[185] Романчук, 1985, с. 125-127. Домбровский, 1993, с. 312-317.
[186] Суров, 1961, с. 65-77, 86. Антонова, 1963, с. 61, 63.
[187] Якобсон, 1959, с. 160-165.
[188] Косцюшко-Валюжинич, 1902, с. 64.
[189] Голофаст и др., 1991, с. 30, № 15. Яйленко, 1987, с. 168.
[190] Якобсон, 1959, с. 165-175.

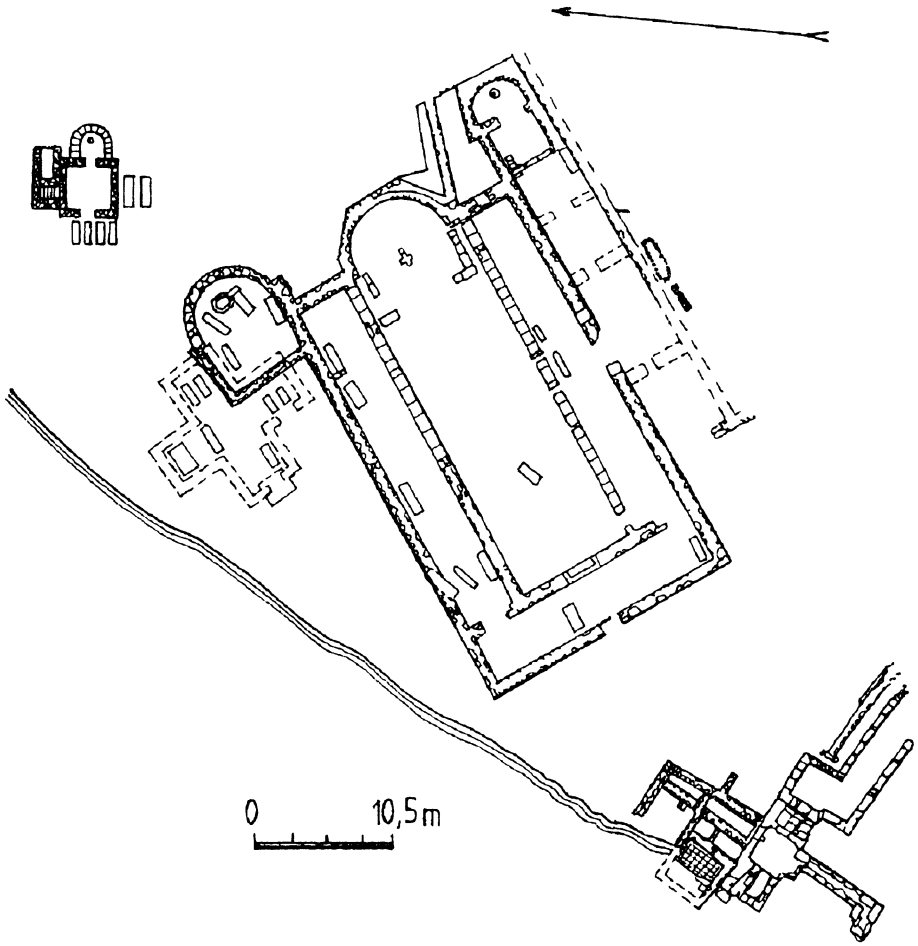


Рис. 52. Комплекс Западной базилики (по Завадская, 1998, рис. 3).

тогда же возвели и так называемую базилику на холме Б (№ 14), абсолютно бездоказательно отнесенную С.А.Беляевым к последней четверти IV в.[191] В его публикациях нет рисунков и описания стратиграфии и керамики из раскопанных слоев. Он только в одном абзаце упомянул о краснолаковой керамике из земли, насыпанной при сооружении восточной стены базилики. Его определение "большие толстостенные краснолаковые блюда"[192] подходит к формам Антиохия 910-2А или ARSW 62B, находившихся в употреблении в Причерноморье (в том числе и Херсонесе) и Средиземноморье в конце IV - третьей четверти VI в.[193]

[191] Беляев, 1979, с. 114-126. Беляев, 1987, с. 142-152.
[192] Беляев, 1979, с. 126.
[193] Романчук, Сазанов, 1991, с. 12, 13, 35, 36.

А.Л.Якобсон привел веские аргументы в пользу происхождения из Малой Азии композиции базилик Херсона, а из Константинополя — их декоративного оформления. Судя по технике кладки зданий они возводились местными артелями каменщиков[194].

Однако, вопреки процитированному утверждению А.Л.Якобсона, при Юстиниане в разных районах города возвели только несколько базилик. Из-за своей малочисленности они не могли определять архитектурного облика юстинианского Херсона. Тогда только начался растянувшийся более чем на столетие процесс создания нового раннесредневекового города.

Кроме базилик во всех районах строились жилые дома. На Северном берегу свидетельства такой деятельности в позднеюстинианский период выявлены в кварталах XV-XVII и XXV. В квартале XXV после нивелировки одного из участков в рыбозасолочную цистерну на слой рыбы сбросили землю, содержавшую фрагменты амфор типа Зеест 95/2, типа Якобсон 10 или LR 2 по Бенгази, монеты Зенона, Анастасия и Юстиниана I[195]. В квартале XV в засыпи цистерны Б и разрушенных позднеримских домов самыми поздними были монеты Юстиниана I[196]. В квартале XVII в заполнении цистерны В находились монеты первой половины VI в., фрагменты краснолаковых мисок со штампованными крестами, амфор типов Якобсон 1, 2 и 10 (LR 2 по Бенгази), бытовавших в Херсонесе со второй четверти VI в.[197] В первой половине VI в. в квартале XVIII ликвидировали два винодельческих комплекса. Один из них приспособили под кладовую. На дне его резервуаров и давильной площадки установили пифосы. В одной из ям, сделанной в цементном полу давильной площадки, лежала амфора типа Якобсон I[198]. В процессе новой нивелировки квартала кладовую с пифосами засыпали слоем земли, из которого извлекли амфоры типа Yassi Ada I[199] и Sarachane 5 (Баранов 3). Д.Хэйс считает амфоры 5 типа из слоя VI-VII вв. из Сарачан вариантом формы LR 1 и относит их к V-VII вв.[200] На поселении Тау-Кипчак такая амфора входила в состав комплекса конца VII - начала VIII в.[201] Амфоры с корабля, открытого близ Язи Ада, датируются по монетам Ираклия первой третью VII в.[202] Скорее всего, подвал засыпали в VII в. Г.Д.Белов, а вслед за ним и другие, утверждали, что перечисленные кварталы вокруг базилик 1932 г. и 1935 г. перепланировали один раз в связи с их строительством в VI в.[203] Основываясь на стратиграфии участка с винодельнями, можно говорить о двух крупных перепланировках квартала XVIII — при Юстиниане I и около середины VII в. Как показано выше, в соседних кварталах XV-XVII и XXV по той же причине в VI в. засыпали три цистерны, а цистерну Е с монетами Маврикия и, вероятно, Ираклия[204] — около середины VII в. В северо-восточной части городища при новой застройке квартала II в одну из цистерн сбросили слой мусора с фрагментами краснолаковой керамики и амфор первой половины VI в.[205] Одновременные

---

194 Якобсон, 1959, с. 183, 188.
195 Белов, 1941, с. 222, 223, рис. 36.
196 Белов, Стржелецкий, 1953, с. 79-84.
197 Белов, Якобсон, 1953, с. 118, рис. 10. Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 19,20,24,25,38-40.
198 Белов, Стржелецкий, Якобсон, 1953, с. 203, 204, рис. 51,а.
199 Белов, Стржелецкий, Якобсон, 1953, с. 204, рис. 51,б. Bass, 1982, p. 155-157.
200 Белов, Стржелецкий, Якобсон, 1953, с.176, рис. 20. Hayes, 1992, p. 63, 64, fig. 47, № 30,156-157.
201 Баранов, 1990, с. 29, рис. 9,1.
202 Fagerlie, 1982, p. 154. Alfen, 1996, p. 199, 211.
203 Белов, 1953а, с. 25-26.
204 Белова, 1953, с. 269, №№ 109, 139.
205 Рыжов, 1986, с. 130.

слои обнаружены в нескольких помещениях в портовом районе[206] и над руинами античного театра[207].

Сам факт осуществления в городе столь значительных строительных работ свидетельствует о процветании городской экономики. Хотя строители VI в. обычно использовали камень из разобранных ранних домов, новостройки конечно же нуждались и в дополнительном количестве камня, в кровельной черепице, кирпичах, оконном стекле. Очевидно, все эти материалы производились в городе и его окрестностях. Рядом с крупными объектами (башнями, куртинами, базиликами) сооружались известеобжигательные печи и устраивались ямы для гашения извести.

Имеются сведения и о других отраслях экономики. Херсон, так же как и Боспор, поставлял в империю суда и корабельную оснастку[208]. По предположению Л.А.Голофаст, на Северном берегу в районе XXV и XXVIII кварталов находились стеклоделательные мастерские[209]. Для новых больших хранилищ сельскохозяйственной продукции, таких как раскопанное в квартале XVIII, изготовляли пифосы. Ликвидация в перепланированных кварталах нескольких рыбозасолочных цистерн вряд ли привела к сокращению рыбопереработки. В VI в. в городе продолжали засолку рыбы не только в цистернах, созданных в более раннее время, но и строили новые (например, в районе античного театра). По подсчетам А.И.Романчук, в городе в VI в. одновременно функционировали 10-11 цистерн, вмещавших приблизительно 9900 ц рыбы. Рыбу в цистерны загружали дважды в год, в осеннюю и весеннюю путины. Скорее всего, такое количество рыбы производили не только для собственного потребления, но и на вывоз[210]. При обработке рыбы потреблялось большое количество соли, которую, наверное, добывали в окрестных соляных озерах, существовавших до XIX в.[211] На территории городской хоры на Гераклейском полуострове раскопаны усадьбы индивидуальных землевладельцев[212]. Они выращивали зерно, виноград, овощи.

В первой половине VI в. в Херсоне местные мастера копировали привезенные из Средиземноморья трехчастные литые пряжки с овальным кольцом с щитком, с трехгранным язычком и щитком 1 (типа табл. XXVII,*164,165,169*) и 3 (типа табл. XXVII,*160*) вариантов. С середины VII в. в городе появились большие пряжки с прямоугольным щитком 5 варианта с вытисненным в его центре крестом (рис. 53,*1*; табл. XXVIII,*8*). По форме и конструкции язычка и щитка они близки германским (табл. XXVI,*2*; XXVIII,*1,3,4*). Однако, они декорированы византийскими крестами. Подобные пряжки встречены только в Херсоне и Горном Крыму. Скорее всего, они сделаны в херсонских мастерских[213].

В экономике юстиниановского Херсона большую роль играла торговля с другими регионами империи, с соседями и кочевниками. Для украшения новых базилик в город привозили цветную смальту для мозаик, изготовленные в императорских мастерских Проконнесса мраморные капители, колонны, плиты, алтарные преграды и другие детали[214]. Из Причерноморских и Средиземноморских городов импортировались

---

[206] Романчук, Сазанов, 1991, с. 8.
[207] Домбровский, Паршина, 1960, с. 37.
[208] Corpus juris civilis, nov. CLXIII, cap. II, p. 751.
[209] Голофаст, 1998, с. 324.
[210] Романчук, 1976, с. 16-18.
[211] Зенкович, 1958, с. 63.
[212] Яшаева, 1994, с. 79-80.
[213] Айбабин, 1990, с. 36, 71, рис. 2,68; 28,1; 37,5,7-9,11-13. Kazanski, 1994, p. 162-164.
[214] Якобсон, 1959, с. 132, 152.

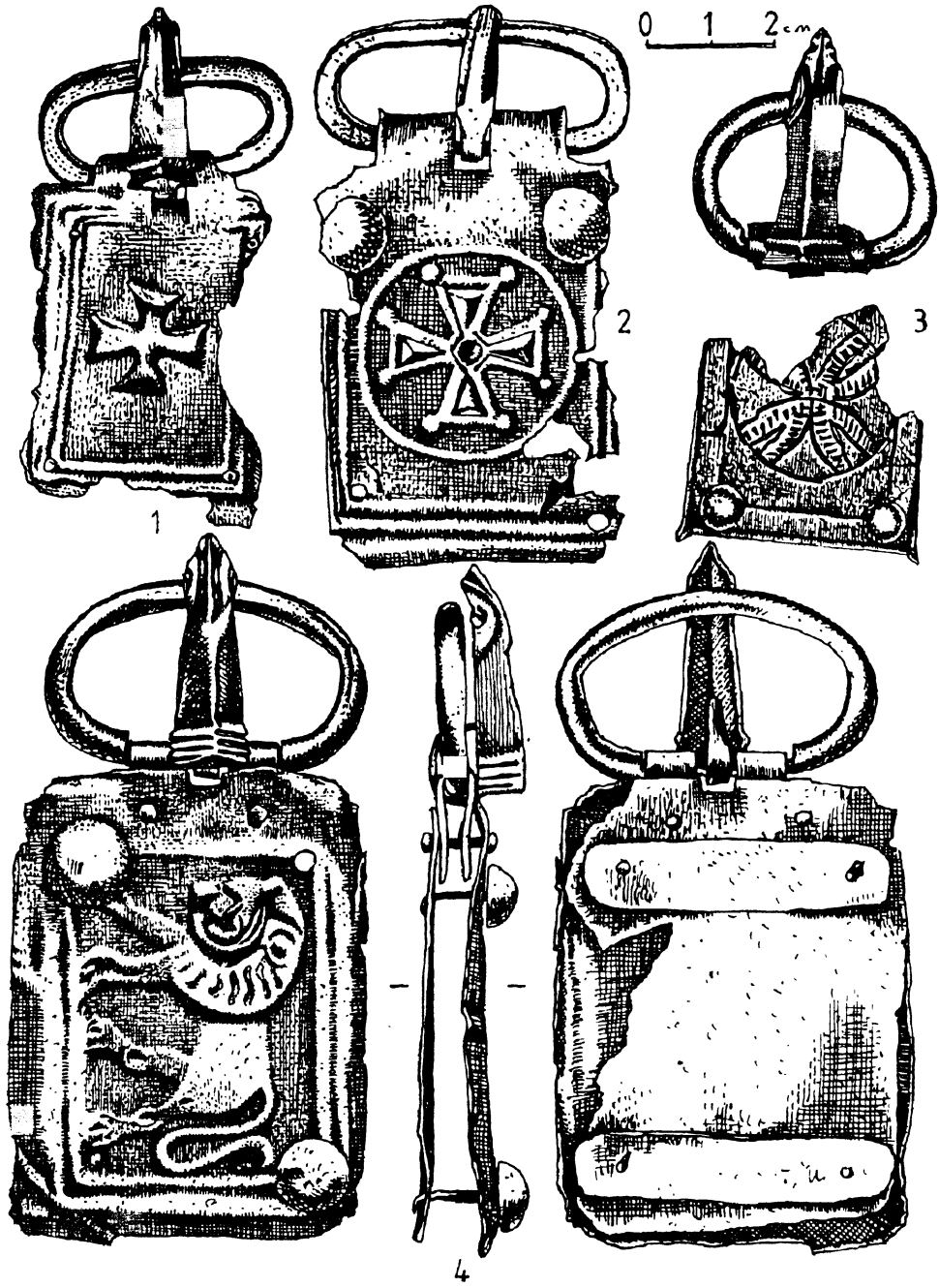


Рис. 53. Большие пряжки с прямоугольным щитком из Крыма.
1 - вариант 5-1, Херсонес, склеп 62; *2* - вариант 5-2, Скалистое, подбойная могила 433; *3* - вариант 2, Херсонес; *4* - вариант 6, Лучистое, склеп 10, захоронение 14.

краснолаковые сосуды, амфоры, стеклянные изделия, пряжки, а из Подунавья, Остроготского королевства в Италии и Боспора — фибулы, пряжки и украшения[215]. Херсон был крупным транзитным портом на самом коротком морском пути из Византии, пролегавшем из Синопы в Крым и далее вдоль южного и восточного берега или по суше в степь. О плавании византийцев по этому пути писал Менандр[216]. По сообщению Иордана, в Херсон доставляли свои товары и купцы из Азии[217]. Уже со второй половины V в. Херсон был главным экономическим партнером для жителей Дори, которые снабжали его недостающей сельскохозяйственной продукцией. Через Херсон же на территорию Дори поступали необходимые товары (в том числе керамика, стеклянные сосуды, пряжки, раковины каури и другие украшения, декоративные мраморы) из Византии, Северной Италии, Подунавья и других мест. В торговых сделках с жителями Дори наряду с византийскими монетами использовали и выпущенные в городе. На могильниках алан и готов в Суук-Су и Скалистом найдены херсоно-византийские монеты Юстиниана I[218].

В правление преемника Юстиниана I Юстина II (565-578) Херсон стал резиденцией дуки — командира всех византийских войск в Крыму. Такое предположение можно сделать основываясь на вновь изданном Э.И.Соломоник фрагменте надписи, найденной у южной оборонительной стены:

"Κατεσκευά[σθη τὸ τίχος (или ὁ πύργος) .....]
ἐπὶ τῶν εὐ[σεβεστᾶτων ἡμῶν δεσποτῶν Ἰουστίνου .....]
[κα]ὶ Σοφίας [.....]
καὶ ἐπὶ τῆς [πράξεως.....]
δουκὸς [Χερσῶνος.....τοῦ]
λαμπρ[οτάτου.....]
Θεαγ[ένους ?.....]"

или в переводе "Была построена стена (или башня)... при (благочестивейших наших владыках Юстине) и Софии... и при (деятельности)... дука (Херсона)... светлейшего Феагена"[219]. Надпись фиксирует появление в городе dux'a[220]. Еще Юстиниан I предоставил дукам в приграничных регионах новые полномочия. Например, в Египте дука командовал местными войсками и возглавлял гражданскую администрацию[221]. В Херсоне же такое совмещение полномочий практиковалось уже со времени Зинона. Дука Феаген, как и его предшественник комес Диоген, руководил строительством новой куртины или башни. Херсон оставался главным византийским городом на полуострове и в более позднее время. В опубликованной В.В.Латышевым надписи из Тамани сообщается о восстановлении стратилатом и дукой Херсона ("...στρατηλάτου καὶ δουκὸς Χερσῶνος") Евпатерием в 590 г. "кесарского здания" на Боспоре[222].

При Юстине II продолжилось строительство на Северном берегу. В квартале XXII (рис. 51) в третьей четверти VI в. в результате перепланировки засыпали колодцы З и Л[223].

---

215 Айбабин, 1990, с. 71. Романчук, Сазанов, 1991, с. 47.
216 Blockley, 1985, fr. 19,1, p. 171, 173, 275.
217 Iordanis, Romana et Getika, V,37.
218 Кропоткин, 1962, с. 33. Соколова, 1968, с. 262. Веймарн, Айбабин, 1993, с. 167.
219 Соломоник, 1986, с. 213, 214.
220 Цукерман, 1994/1995, с. 560.
221 Jones, 1973, p. 282, 283, 567.
222 Латышев, 1894, с. 671, 672.
223 Голофаст, 1998, с. 79-81.

Осуществленная Юстином II реорганизация командования византийскими войсками на полуострове и забота об усилении обороны Херсона были продиктованы изменением обстановки в Причерноморской степи. В 558 г. с командиром византийских войск в Лазике вступил в переговоры каган только что появившихся в Азово-Каспийских степях авар Баян. Они бежали из Северного Казахстана от тюрков. В том же году посольство авар прибыло в Константинополь[224]. По словам Феофилакта Симокаты, писавшего между 628-638 гг., они являлись частью огор (Ὀγώρ) и назывались Уар и Хунни (Οὐὰρ καὶ Χουννί), а в новых местах сами себе присвоили имя "авары"[225]. Авары требовали от Византии предоставления земли для поселения. В 559 году они, видимо, заключили союз с кутригурами и перекочевали в степи Причерноморья. Вместе с ними авары нападали на утигуров и антов. В 567 г. авары закрепились в Паннонии[226]. В 568 г. войска кутригуров подчинялись аварам. Каган последних на встрече с византийским посольством хвалился победой над кутригурами[227]. По свидетельству Менандра, вслед за аварами в Константинополь прислал посольство каган тюрков Сильзибул (Σιλζίβουλος)[228]. Д.Моравчик отождествил его с каганом Западного тюркского каганата Истеми = Ištämi или Che-tie-mi в китайских источниках[229]. Послы предостерегали византийцев от сотрудничества с аварами. В 563 г. в Константинополь прибыло посольство гермихионов (Ἑρμηχιόνων), обитавших поблизости от океана[230]. Д.Моравчик считал их теми же тюрками, которых по словам Феофана Византийца персы называли кермихионами (Κερμιχίωνες), живущими к востоку от Танаиса[231]. В 563-567 гг. тюрки в союзе с Ираном разгромили государство эфталитов и захватили Согд[232]. В начале четвертого года правления Юстина II (в конце 568 - начале 569 г.) каган тюрков Сильзибул (Истеми) направил в Константинополь посольство во главе с согдийцем Маниахом. Его принял император. Византийцы заключили с тюрками договор о союзе и послали с ответной миссией в ставку кагана комита востока Зимарха, который после длительного путешествия провел переговоры с Сильзибулом[233]. Поскольку Византия не откликнулась на предложения Сильзибула разгромить Иран, в 571 г. тюрки заключили мир с шахом[234]. Вскоре они захватили степи между Меотидой и Кавказскими горами, подчинив утигуров и алан[235]. Из рассказа Менандра о встрече посла Византии с Турксанфом в 576 г. следует, что утигуры (Οὐτιγούρων) уже были подданными тюрков. Наместником новых земель назначили сына Сильзибула Турксанфа = Τούρξανθος (Тянь-хань-хана в китайских источниках)[236].

---

[224] Blockley, 1985, fr. 4,2; 5,1, p. 45, 47, 49. Кулаковский, 1996, т. II, с. 192. Артамонов, 1962, с. 105-111. Чичуров, 1980, с. 52.
[225] Theophylacti Simocattae, Historiarum, p. 283, 284. The History of Theophilact Simocatta, book VII, 7,4-13; 8,2, p. 188-190.
[226] Blockley, 1985, fr. 2,1; 5,3-4; 12,5, p. 43, 51, 53, 137. Кулаковский, 1896, с. 11. Кулаковский, 1996, т. II, с. 192, 193.
[227] Blockley, 1985, fr. 12,5; 12,6, p. 137, 139.
[228] Blockley, 1985, fr. 4,2; 10,1, p. 45-47, 111-112, 262.
[229] Moravcsik, 1958, S. 275, 276.
[230] Чичуров, 1980, с. 53, 86, 87.
[231] Theophanes Byzantius, Vol. I, p. 446,21. Moravcsik, 1958, S. 158, 159.
[232] Артамонов, 1962, с. 134-135.
[233] Blockley, 1985, fr. 10,1-5.
[234] Nöldeke, 1879, S. 158, 159.
[235] Гадло, 1979, с. 96.
[236] Blockley, 1985, fr. 19,1, p. 171-177. Гумилев, 1967, с. 106. Gajdukevic, 1971, S. 518.

В декабре 574 г. тяжело больной Юстин II провозгласил кесарем и наследником престола Тиберия[237]. В первый год своего соправительства в ознаменование пасхи 575 г. он объявил об отмене одного годового налога-канона, распределив льготу на четыре года. Согласно этому эдикту жителям Херсона и Боспора на тех же условиях сократили морскую повинность[238].

В 576 г. Тиберий, стремясь получить помощь тюрков в возобновившейся с 573 г. войне с Персией, направил к ним новое посольство во главе с Валентином. Посольство на кораблях направилось через Синопу в Херсон и далее морем в Апатуру (в район Фанагории, где находилось святилище Афродиты Апатуры) и через ...ἔτι τε καὶ διὰ Φούλων пересекло (прибрежные) пески и горы Таврики, там где они поворачивают на юг. Через равнину, покрытую заросшими камышом болотами, посольство прибыло в регион, находившийся под властью вождя местного племени, женщины по имени Аккага (Ἀκκάγα), которую назначил хан утигуров Анагей (Ἀναγαίου, ὃς ἐκράτει τοῦ φύλου τῶν Οὐτιγούρων)[239]. Важное для нас место в тексте Менандра с описанием пути посольства вызвало сомнения у издателей. После топонима Апатура (Ἀπατούρας) написано: ... ἔτι τε καὶ διὰ φύλων (через племена). Один из издателей текста, отметив отсутствие здесь названия племен, не исправлял это место[240]. Другой же заменил слово φύλων на топоним Φούλων, заимствовав его из подписи в Нотициях VII Вселенского собора 787 г.[241] Вопрос о локализации города или поселения Фуллы дискутируется многие десятилетия[242]. Отмечу лишь, что согласно тексту сразу после φύλων или Φούλων посольство пересекло крымские (Ταυρικῆς) горы там, где они поворачивают на юг, то есть в районе г. Старый Крым. Однако там нет поселений того времени. Очевидно, в отрывке идет речь о переходе через территорию какого-то племени. Покрытую поросшими камышами равнину можно отождествить с Присивашьем. Данная часть пути посольства восстанавливается следующим образом: у Апатуры по какой-то причине корабли повернули и поплыли вновь вдоль берега Восточного Крыма. Там посольство высадилось на песчаный берег, пересекло горы и через Перекоп прибыло в Западное Приазовье на территорию племени, входившего в утигурский союз. Напомню, что Прокопий и Иордан называли кочевников Западного Приазовья альтциагирами и кутригурами. Судя по рассматриваемому фрагменту, каган тюрков подчинил племена, населявшие названый регион, хану утигуров Анагею. Пройдя трудными дорогами, Валентин достиг ставки Турксанфа и после переговоров был отправлен к брату последнего Тарду (Τάρδου). В то время, когда Валентин там находился, Турксанф приказал Анагею осадить город Боспор, начав тем самым военные действия против византийских владений в Таврике. Вскоре после прибытия на помощь утигурам тюркских войск Бохана (Βώχανος) город Боспор был ими взят[243].

Тюрки сожгли и разрушили городские кварталы на холме Митридат и в приморской части. Образовавшийся в результате пожаров слой зафиксирован на участках,

---

[237] Кулаковский, 1996, т. II, с. 305, 306.
[238] Corpus juris civilis, nov. CLXIII, cap. II, p. 751. Vasiliev, 1936, p. 74.
[239] Blockley, 1985, fr. 19,1, p. 170-172.
[240] Dexippi etc., p. 398, 399.
[241] Blockley, 1985, fr. 19,1, p. 172-173, 275, 276.
[242] Кулаковский, 1898, с. 173-202. Васильевский, 1912, с. 386, 425. Бертье-Делагард, 1920, с.75-127. Vasiliev, 1936, p.74. Кропоткин, 1958, с.199-202. Якобсон, 1959а, с. 108-113. Blockley, 1985, p. 275.
[243] Blockley, 1985, fr. 19,1,2, p. 178, 179.

исследованных Т.И.Макаровой у церкви Иоанна Предтечи. В раскрытой Т.И.Макаровой крещальне в засыпи могилы, отнесенной к первому строительному периоду, под слоем пожара обнаружены фрагменты амфор типа LR-I и Зеест 99[244]. В центре города на всех трех раскопанных мною в 1990-1992 гг. в Кооперативном переулке усадьбах (рис. 54,*I-III*) прослежены два слоя пожара (рис. 54,*14,a,b*). Под слоем нижнего пожара А залегал развал камней, глины и кровельной черепицы, под которым на полу построек найдены фрагменты африканской краснолаковой керамики LR-70 (рис. 55,*16*)[245], 73-А (рис. 55,*5*)[246], LR-C формы 2-А (рис. 55,*1*)[247] и LR-C формы 8[248], изготовлявшейся с V в., и фрагменты амфор типов Зеест 95 с веретенообразным туловом или LR-10 (рис. 55,*2*)[249], 99 (рис. 55,*13*)[250], 100[251], 103 или Якобсон 7 (рис. 55,*8, 10,11,15*)[252], Якобсон типа 9 или LR-I[253], бытовавшие длительный период в VI-VII вв., и фрагменты краснолаковых блюд формы ARSW 62B (рис. 55,*6*)[254], LR-C формы 3F (рис. 55,*9*)[255], кипрской LR-D формы 2 (рис. 55,*4*)[256] и амфор типа Зеест 96/97[257], характерные для VI в., и фрагменты блюда формы LR 107 (рис. 55,*16*), типичной в Карфагене для слоя 575-650 гг.[258], в Палестине для слоя около 600 г.[259] и в Антиохии для слоя VII в.[260], а также горло амфоры типа Баранов 1 (рис. 55,*14*). Из слоя D, образовавшегося поверх слоя этого пожара (рис. 54,*12*), наряду с фрагментами амфор типа Sarachane 10 (рис. 55,*30*), найденных в слоях VII-VIII вв.[261] и типов Зеест 99 (рис. 55,*36*), 103 или Якобсон 7 (рис. 55,*21,25,32*) и Якобсон 5 или Баранов 6 (рис. 55,*30*)[262], фрагментами краснолаковых кипрского блюда I в.до н.э. - середины II в.н.э. формы ESB 60 (рис. 55,*28*)[263] и блюд формы ARSW 62B (рис. 55,*38*; 56,*4*) извлекли полуфоллис Константа II, чеканенный по определению В.А.Сидоренко между 654-659-ми гг.[264], фрагменты краснолаковых мисок формы LR-C формы 3H (рис. 56,*6*), известной в Средиземноморье с первой трети VI в.[265], кипрской миски, подобной форме LR-86A (рис. 56,*5*), обычной в Северной Африке с начала VI в.[266], блюда формы El Mahrine I.18.1-5 (рис. 55,*35*), встреченной в Северной Африке в слоях второй половины V -

---

244 Макарова, 1991, с. 133. Зеест, 1961, с. 120, табл. XXXIX,99. Riley, 1979, p. 212-215, 217-219, fig. 44; 91,337-347.
245 Hayes, 1972, p. 119, fig. 20, form 70,1.
246 Hayes, 1972, p. 121, 123, fig. 21, form 73A.
247 Hayes, 1972, p. 327, 329, fig. 66,1.
248 Hayes, 1972, p. 342, fig. 70, form 8,2.
249 Зеест, 1960, табл. XXXVIII,20. Riley, 1979, fig. 48.
250 Зеест, 1960, табл. XXIX,99а,б.
251 Зеест, 1960, табл. XXIX,100а.
252 Зеест, 1960, табл. XL,103. Якобсон, 1979, с. 12, рис. 3,1.
253 Якобсон, 1979, с. 13, 14, рис. 2,6; 3,8,9. Riley, 1979, fig. 41; 91,337,346,347.
254 Hayes, 1972, p. 108-109, fig. 18,14.
255 Hayes, 1972, p. 335, 338, fig. 69,23. Harper, 1995, p. 22, 23, fig. 10,19; 11,21,22.
256 Hayes, 1972, p.375, 376, fig. 80,14. Martin, 1983, p. 192, fig. 26,6. Williams, 1989, p. 24, fig. 10,132.
257 Зеест, 1960, с. 119, табл. XXVIII,96,97.
258 Fulford, 1984, p. 74, 75, fig. 21,69-2..
259 Harper, 1995, p. 22, fig. 10,11-14.
260 Hayes, 1972, p. 171, fig. 33,1,2.
261 Hayes, 1992, p. 66, fig. 23,7.
262 Якобсон, 1979, с. 11, рис. 3,6. Баранов, 1990, с. 31, рис. 10,8.
263 Williams, 1989, p. 19, 20, fig. 7,105.
264 Grierson, 1968, p. 38-39, 510.
265 Hayes, 1972, p. 335, 336, 338, fig. 68,28
266 Hayes, 1972, p. 133, 135, fig. 24,2. Fulford, 1984, p. 57, fig. 14,25-1.

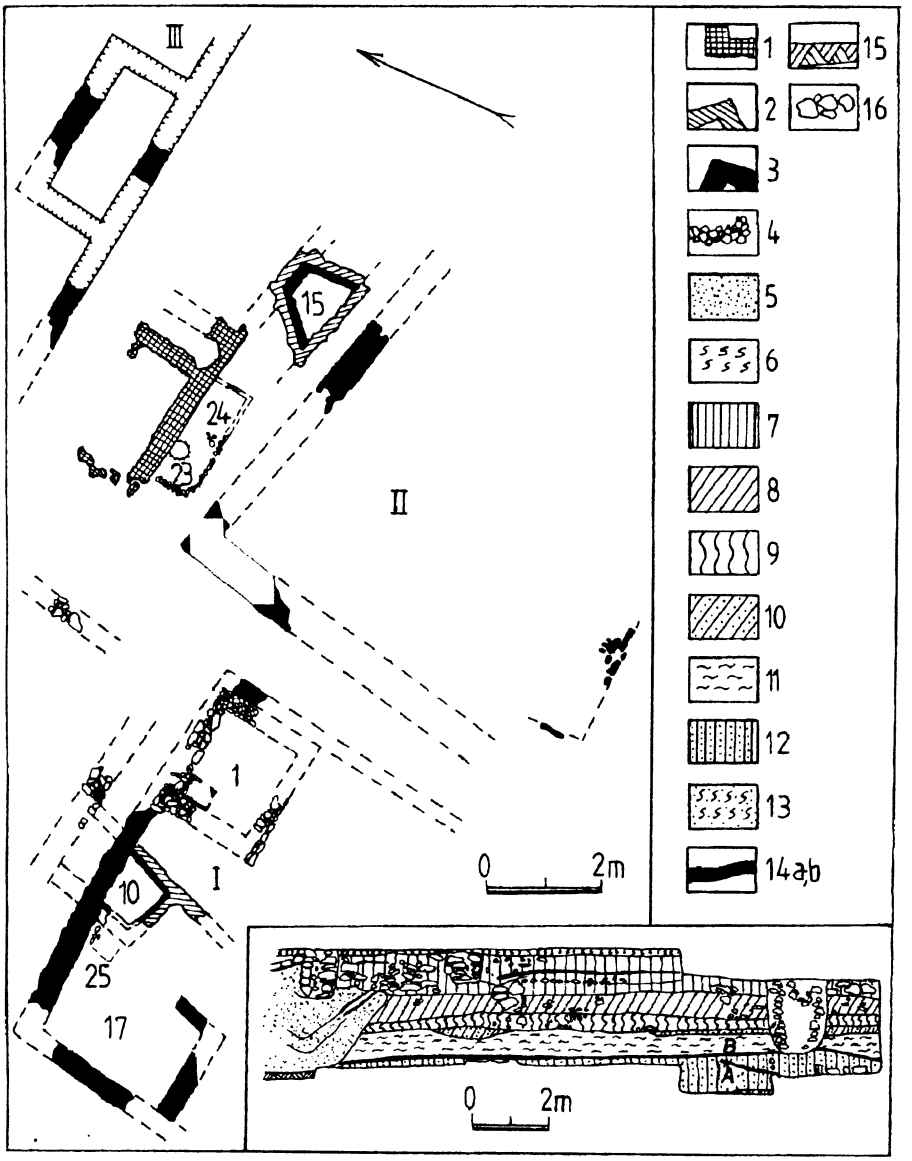


Рис. 54. Боспор. Раскоп 1990-1993 гг. в Кооперативном переулке. План помещений и стратиграфия западного борта раскопа.

I-III - номера усадьб, *1* - помещения III-IV вв., *2* - помещения конца IV - последней четверти VI вв., *3* - последняя четверть VI - третья четверть VII вв., *4* - последняя четверть VII - третья четверть IX вв., *5* - песок, зола, *6* - дерн, *7* - слой А (коричневый суглинок), *8* - слой Б (серый суглинок), *9* - слой В (темно-серый суглинок), *10* - серый суглинок, *11* - слой Г (серо-коричневый суглинок), *12* - слой Д (коричневый суглинок), *13* - слой Е (зеленый слой), *14* - слои пожара (*A* - третья четверть VI в., *B* - последняя четверть VIII в.), *15* - уровень грунтовых вод, *16* - вымостки, обкладки колодцев.

первой четверти VI вв.[267], блюд LR-C формы 1A (рис. 55,*23*)[268], LR-C-10A (рис. 55,*18-20,29*)[269], LR-C-10B (рис. 55,*24,27*)[270] и LR-C-10C (рис. 55,*22,26*)[271], отнесенные к последней четверти VI-VII вв. По сочетанию циклов бытования рассмотренной керамики слой пожара А можно связать с нападением тюрков в 576 г., а перекрывающий пожар слой отнести к последней четверти VI - третьей четверти VII вв.

По утверждению Э.Я.Николаевой и А.В.Сазанова, в 576 г. тюрки уничтожили все крепости и малые города Боспора[272]. Дату гибели Тиритаки и других городов и поселений А.В.Сазанов обосновал комплексами, состоящими из амфор в основном перечисленных выше типов и краснолаковой керамики. Хотя в их составе нет византийских монет VI в., он датировал все комплексы не позднее третьей четверти VI в. Его вывод о полном уничтожении Тиритаки не согласуется с зафиксированной там стратиграфией раннесредневековых слоев. На участке XV в помещениях IV и V расчищен завал из камней, образовавшийся от разрушенных стен. На полу в слое пожара найдены амфоры типа Зеест 103 или Якобсон 7, LR-I и фрагменты краснолаковых блюд формы ARSW 62B и мисок LR-C формы 2-A, серебряная серьга в виде калачика[273], в слое в помещениях, восстановленных после пожара, — фрагменты краснолаковых мисок LR со штампованными крестами[274], а в перекрывшем их слое — керамика VIII-IX вв.[275] Таким образом, если слой пожара возник в 576 г., то постройки следующего строительного периода существовали с конца VI в. и весь VII в. Слой с христианской глиняной ампулой с граффити "святому Феодору" и антропоморфной фаллической подвеской VII в. обнаружен и рядом с цистернами[276]. На участке V-VI слой с краснолаковой миской LR-C формы 3-H VII в.[277] перекрывал винодельню. На других участках прослежен только слой пожара и разрушений конца VII в. На участке X на давильной площадке разрушенной пожаром винодельни поставили стену дома VIII-IX вв.[278] На участке XIII вскоре после разрушения базилики VI-VII вв. в ее руинах к одной из стен пристроили жилище VIII-IX вв. Как аргументировано показал А.В.Гадло, если бы базилику снесли в конце VI в., то ее остатки оказались бы перекрытыми стерильным слоем. В.Ф.Гайдукевич такой слой выявил на некоторых участках между горизонтами VI и VIII-IX вв.[279] Приведенные факты свидетельствуют о том, что Тиритака не погибла в 576 г. Слой VII в. раскопан и на Илурате, на участке III во дворе дома 2. Из слоя извлекли фрагменты краснолаковых мисок LR-C формы 3-F[280]. Однотипные миски встречены в Карфагене в слое второй половины VII в., в Сарачанах — в слое VII в., на корабле близ Язи Ада — с монетами Ираклия[281].

---

[267] Machenzen, 1993, p. 408-410, 602, 603, fig. 62,1-5. Fulford, 1984, p. 69, fig. 19,52-1.
[268] Hayes, 1972, p. 325, 327, fig. 65,1.
[269] Hayes, 1972, p. 343, 346, fig. 71,1,2,6.
[270] Hayes, 1972, p. 343, fig. 71,4.
[271] Hayes, 1972, p. 343-346, fig. 71,11-15.
[272] Николаева, 1981, с. 88-92. Сазанов, 1989, с. 58.
[273] Гайдукевич, 1952а, с. 119-125, рис. 149,1; 150; 151; 157. Зеест, 1961, с. 121, табл. XXXVIII,103. Якобсон, 1979, с. 12, рис. 3,1. Riley, 1979, p. 212-215, 217-219, fig. 44; 91,337-347.
[274] Гайдукевич, 1952а, с. 126, 127, рис. 160; 161. Hayes, 1972, p. 228, 229, fig. 54,289; 56,311.
[275] Гайдукевич, 1952а, с. 127-131, рис. 163; 164.
[276] Гайдукевич, 1958, с. 172-173, рис. 27; 28а,б.
[277] Гайдукевич, 1952а, с. 42, рис. 40,1,2. Hayes, 1972, fig. 68. Fulford, 1984, p. 87.
[278] Гайдукевич, 1952а, с. 49-55.
[279] Гайдукевич, 1952а, с. 67-72. Гадло, 1980, с. 144-145.
[280] Гайдукевич, 1958а, с. 110. Силантьева, 1958, с. 309, 310, рис. 20.
[281] Hayes, 1972, fig. 69,23,25. Hayes, 1992, p. 100, 101, fig. 40, 60. Fulford, 1984, p. 87, fig. 26,2. Bass, 1982, p. 167, fig. 8-9,P13.

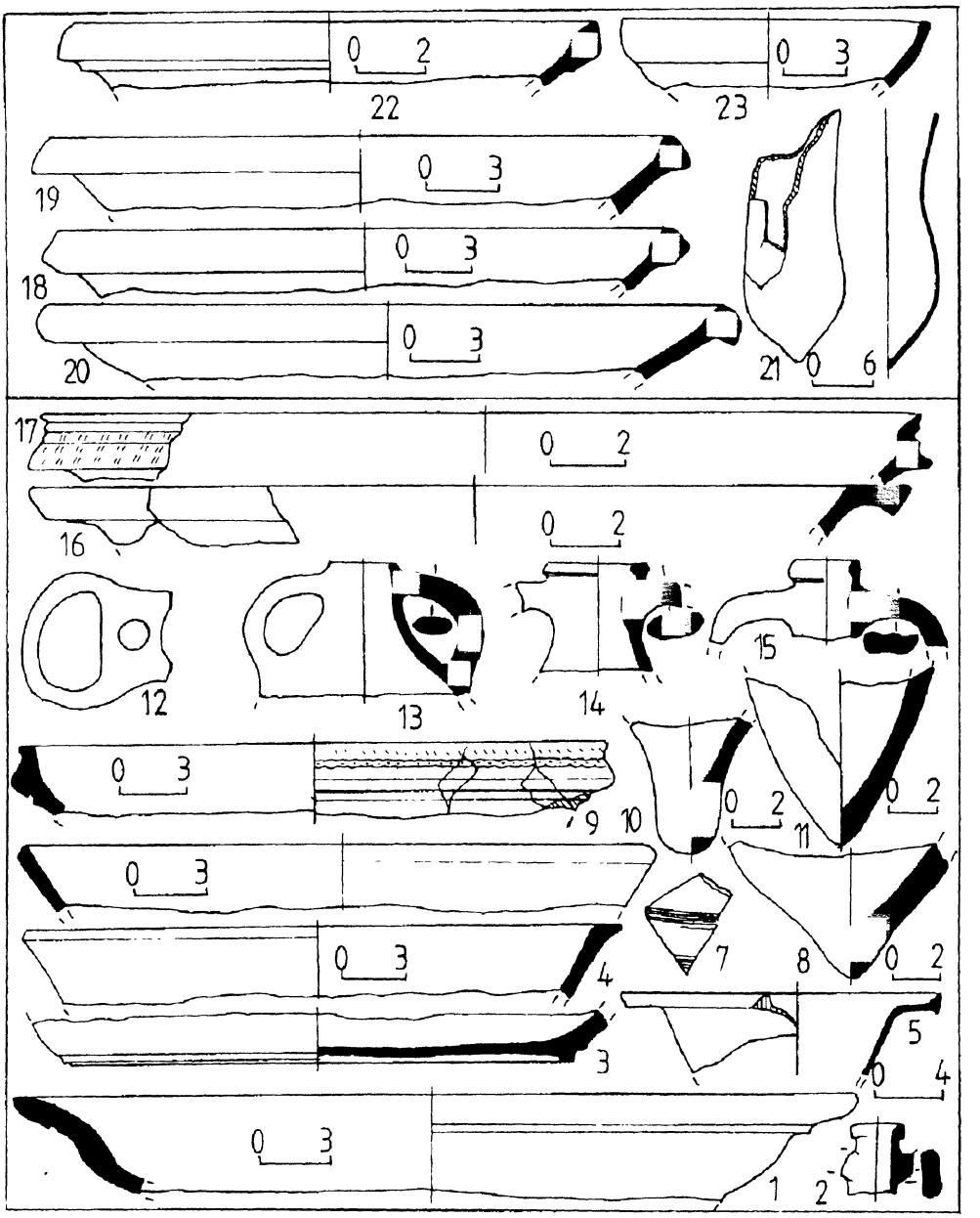


Рис. 55. Керчь. Находки из раскопа 1991-1992 гг. в Кооперативном переулке.
1-17 - слой конца IV - последней четверти VI вв.; *18-23* - слой Д последней четверти VI - третьей четверти VII вв.

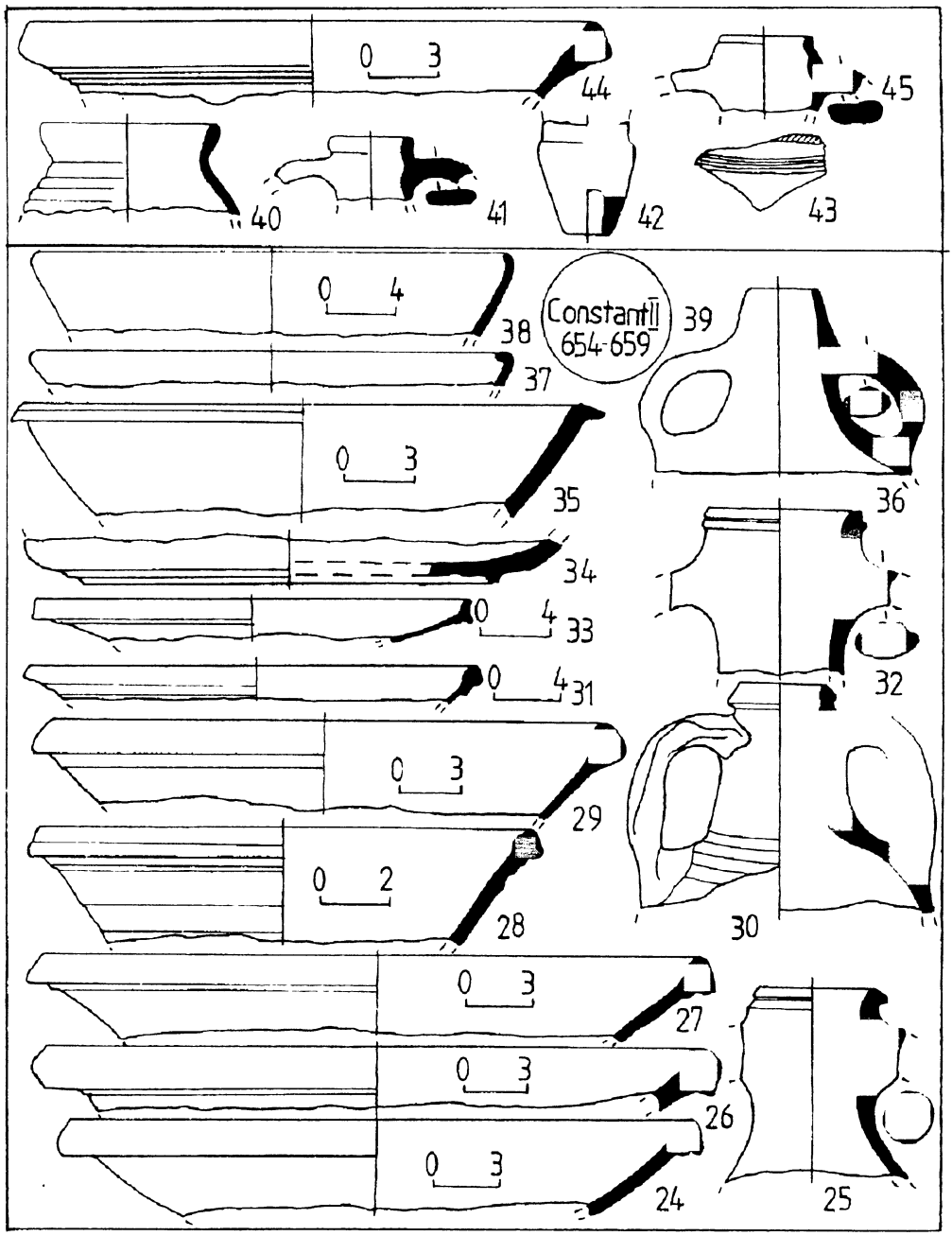


Рис. 55. Керчь. Находки из раскопа 1991-1992 гг. в Кооперативном переулке (продолжение). *24-39* - слой Д последней четверти VI - третьей четверти VII вв.; *40-45* - слой пожара В последней четверти VII в.

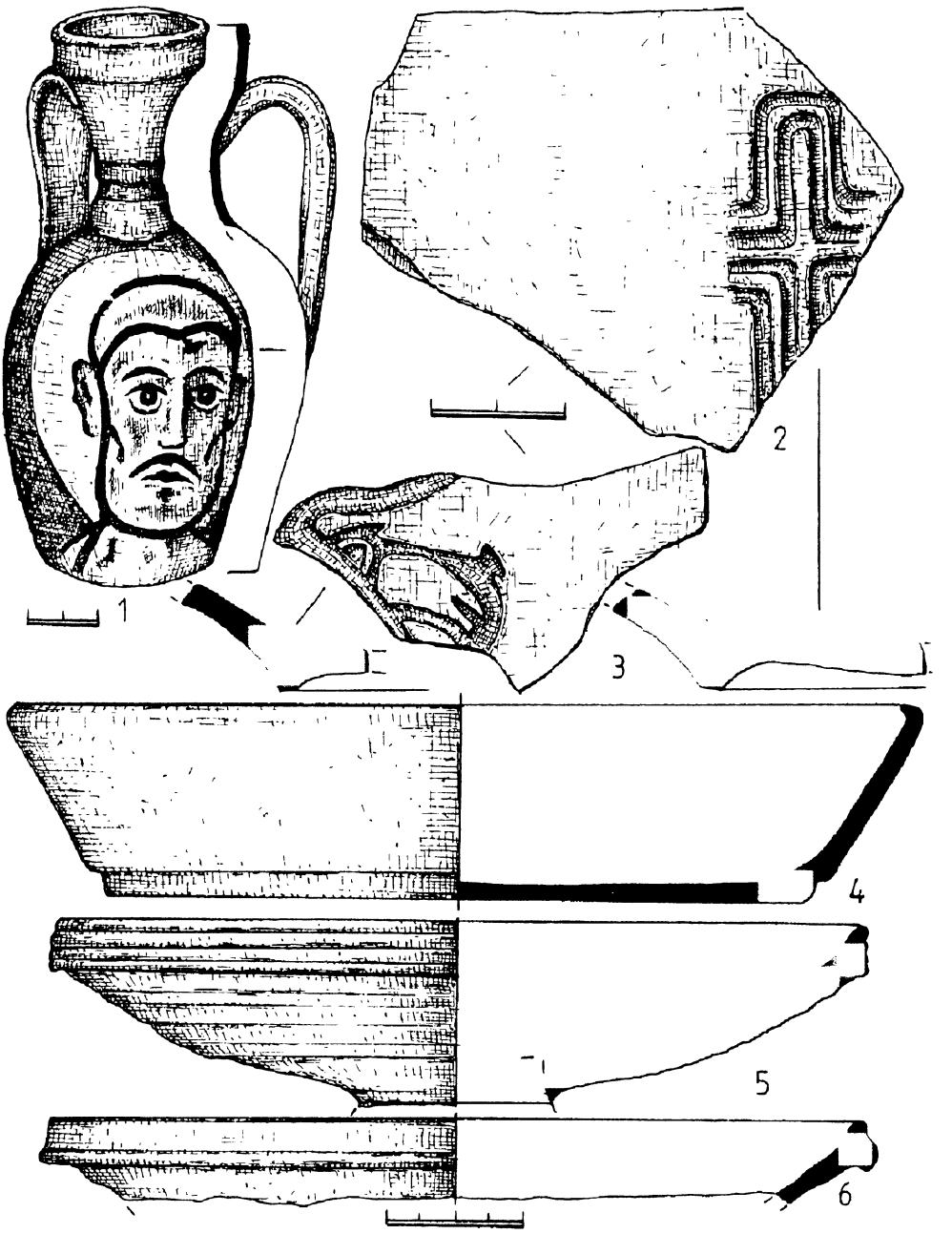


Рис. 56. Византийская керамика из Керчи.
1 - расписной лекиф из плитовой могилы 25 (по Блаватский, 1985, рис. 1,2,3); *2-6* - краснолаковая керамика из раскопа в Кооперативном переулке 1991 г., из слоя Д: *2* - с крестом LR C форма 71c; *4* - ARSW 62B; *5* - LR D форма 9; *6* - LR форма 3G.

В 580 г. на переговорах с аварскими послами Тиберий сообщил им о продвижении тюрков к Херсону[282]. В 581 г. после смерти кагана тюрков Арсилы (Ἀρσίλας)[283] началась борьба за власть между членами правившего в каганате рода[284]. Поэтому, очевидно, тогда же тюрки ушли из Крыма. Победивший в междоусобице каган тюрков являлся союзником империи и направил в 598 г. посольство в Константинополь с письмом императору Маврикию (582-602 гг.)[285]. Византийцы воспользовались новой благоприятной для них ситуацией и вновь установили свой контроль на обеих сторонах Боспорского пролива. Как явствует из упомянутой выше надписи 590 г., этим регионом управлял дука Херсона[286].

Город Боспор и окрестные поселения и городки сильно пострадали в результате вторжения тюрков. Население последних значительно уменьшилось. Большая часть жителей малых городов, наверное, погибла или была уведена тюрками. На Тиритаке и Илурате многие усадьбы остались в руинах. Дука Херсона, вероятно, содействовал возобновлению только разрушенных тюрками общественных (кесарских) зданий и оборонительных сооружений. В районе церкви Иоанна Предтечи боспорцы реконструировали базиликальный комплекс с мраморными полами (рис. 14,5)[287]. Однако, на протяжении VII в. в городе Боспоре так и не восстановили все кварталы. На участке, раскопанном мною в центре города, из трех сгоревших усадьб заново отстроили одну (рис. 54). Развалины на вершине холма Митридат снивелировали. С начала VII в. там устроили христианский плитовый некрополь. Из могил извлекли светлоглиняный лекифообразный кувшин с нарисованным портретом христианского святого и надписью εΦΩ (рис. 56,*1*). По мнению В.Д.Блаватского, это сокращение выражения ἐφίτημι (чтобы я предстал)[288]. В могилах также найдены серебряные и золотые детали геральдических поясных наборов II типа (типа табл. XXXI,*26-45*), византийские бронзовые пряжки типа Сиракузы (типа табл. XXX,*17,38*) и с крестовидным щитком (типа табл. XXX,*45*)[289]. Скорее всего, на новом кладбище хоронили все городские этнические группы. Одновременно боспорцы продолжали погребать в семейных склепах на старом могильнике на склоне холма Митридат. В захоронениях представителей местной воинской знати, служивших офицерами в византийской армии, найдены привезенные во второй половине VII в. из Византии золотые детали поясных наборов (табл. XXX,*83,84*), штампованные или вырезанные из пластин и украшенные зернью, и два железных шлема. Один из них сделан из пластин, закрепленных на каркасе, а другой — из узких пластин, с налобником и полусферической верхушкой с трубкой для султана[290]. Такой же шлем обнаружен в византийской крепости у села Ильичевка[291]. Оба типа шлемов использовали в византийской армии уже в VI в.[292] Византийским офицерам, наверное, принадлежали и будто бы обнаруженные на некрополе в Керчи спаян-

[282] Blockley, 1985, fr. 25,2, p. 223-225.
[283] Blockley, 1985, fr. 19,1, p. 172, 173. Moravcsik, 1958, S. 72.
[284] Артамонов, 1962, с. 138.
[285] Theophylacti Simocattae, Historiarum, 7, 10-12, p. 282. Кулаковский, 1996, т. II, с. 373. Артамонов, 1962, с. 140.
[286] Латышев, 1894, с. 671, 672.
[287] Макарова, 1991, с. 132.
[288] Блаватский, 1985, с. 25-28, рис. 1-3.
[289] Якобсон, 1959, с. 275. Айбабин, 1990, с. 69.
[290] Амброз, 1992, с. 82, 83, рис. 11,17,18. Амброз, 1994/1995, с. 56, рис. 11,29,30. Айбабин, 1990, с. 57, рис. 52,23,24,27,28.
[291] Николаева, 1986, с. 183-188, рис. 1,1.
[292] Bavant, 1990, p. 247-257, pl. XLI,257-260. Sodini, 1993, p.168-169, fig. 25.

ные из золотых деталей накладки на уздечные ремни с инкрустацией из красного стекла[293] и золотые фрагменты ножен палашей с Р-образными выступами для закрепления на ремне[294].

Рис. 57. Каменная форма для отливки пальчатой фибулы из Керчи.

На Боспоре германские женщины по-прежнему носили острогото-гепидский костюм. В городских мастерских с конца VI в. изготовляли орлиноголовые пряжки (типа табл. XXVIII,*10*) и фибулы типа Керчь и Удине-Планис (типа табл. XXVIII,*11*)[295]. Правда, пряжки теперь делали не из серебра, а из медных сплавов и гнезда со вставками имитировали цилиндрическими выступами. В Керченском музее хранится каменная модель для отливки пальчатых фибул с декором из завитков на головке и мелких ромбов с углублениями в центре на ножке (рис. 57). Такие фибулы есть в составе нескольких зарубежных коллекций. Полагают, что их нашли в Керчи[296]. Однотипные фибулы из Италии и Подунавья датируют VI-VII вв.[297] Боспорские фибулы встречены в Юго-Западном Крыму (рис. 43,*3*; табл. XXVIII,*11,23*; XXIX,*19*), Херсонесе, Приазовье, Нижнем Поднепровье и других регионах, тогда как орлиноголовые пряжки кроме Керчи найдены лишь на некрополе Эски-Кермена[298]. Городские мастера отливали византийские пряжки и украшения, которые боспорцы носили наряду с германскими.

Сохранились и некоторые отрасли экономики. В VII в. продолжали засаливать рыбу в цистернах, расположенных в приморской части города Боспора[299]. Тогда же на Тиритаке использовали некоторые рыбозасолочные цистерны и винодельню[300]. Жители Тиритаки выращивали пшеницу, ячмень, просо. С городища происходит амфора типа Якобсон 7 VI-VII вв., наполненная нефтью, добытой на Керченском полуострове[301].

Херсон и область Дори не пострадали от набега тюрков в 580 г. На их территории не обнаружены какие-либо разрушения, произведенные тюрками. Возможно, они, пройдя через степи Северо-Западного Крыма, остановились на берегу Севастополь-

---

[293] Айбабин, 1985, с. 199-200. Zaseckaja, 1993, p. 438, fig. 6.
[294] Амброз, 1994/1995, с. 55, 56, рис. 11,20,21.
[295] Айбабин, 1990, с. 70-71.
[296] Werner, 1961, S. 31, Taf. 30,119.
[297] Kühn, 1981, Taf. 263,66,1; 268,12,15,16,23.24,27,31-3. Bierbrauer, 1991, p. 130, 133, fig. 13,3,6.
[298] Айбабин, 1990, рис. 35,1,2.
[299] Макарова, 1991, с. 140-141.
[300] Книпович, Славин, 1941, с. 52. Гайдукевич, 1952а, с. 55, 60, 61.
[301] Гайдукевич, 1952а, с. 62, 63, рис. 70.

ской Северной бухты, который хорошо виден из Херсона. Внезапный захват Боспора и даже сама по себе демонстрация военной силы близ Херсона побудили Византию к созданию новых крепостей и оборонительных сооружений для своих союзников-жителей области Дори. Приведенный выше анализ материалов раскопок в юго-западной части Второй гряды Крымских гор позволил датировать последней четвертью VI в. строительство крепостей на плато Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, видимо, Бакла, а также защитных сооружений на Тепе-Кермене.

Наиболее полно изучена оборона Эски-Кермена (рис. 33,*19*; 45). Городище находится на плоской вершине столовой горы, окруженной глубокими балками. Северный конец и восточная сторона плато крутые, западная в некоторых местах менее крутая, а южная более пологая. Его длина с севера на юг 1040 м. На склоне южного края плато зачищена вырубленная в скале дорога, ведущая к главным воротам (рис. 58,*1,5*). Целиком раскопан южный узел обороны, состоящий из протейхизмы с двумя воротами (рис. 58,*А,Б*) и двумя калитками (рис. 58,*Г,Д*), главных ворот (рис. 58,*В*) с остатками предвратных боевых площадок (рис. 58,*IIIа,IIIб*), предвратной башней, оборонительной стены, от которой сохранились вырубленные в скале "постели", башенного комплекса (рис. 58,*II*) и пещерных каземата (рис. 58,*IV*) и караульного помещения (рис. 58,*I*). На восточной стороне плато раскрыты пещерные каземат и укрытия для караульных, укрепленная калитка, осадный колодец и довольно длинные участки оборонительной двухпанцирной стены с забутовкой. Внешняя и внутренняя облицовки стены сложены из плит на известковом растворе. Сверху она укреплялась большими плоскими блоками размером 1 х 2 х 0,35 м. Высота стены до 2,8 м, толщина 1,7 м. На западной стороне плато обследованы пещерные башни и казематы, укрепленная калитка и отдельные участки двухпанцирной оборонительной стены. На северном мысу сохранился пещерный дозорный комплекс. В северной половине городища прослежена поперечная оборонительная стена[302]. Конструкция стен с двумя панцирями из блоков и забутовкой между ними характерна для позднеримских и византийских крепостей[303]. Облицовочная квадровая кладка стен подобна кладкам южной части I куртины и башни XVII четвертого строительного периода в Херсоне (рис. 11,II,*5*) и стен провинциальных византийских укреплений VI-IX вв.[304] Такие элементы южного узла как форма и позиция башни и протейхизма обычны для ранневизантийской фортификации[305].

Мангупское плато (рис. 33,*24*) возвышается на 250-300 м над уровнем подступающих долин. С севера и северо-востока оно прорезано тремя ущельями, ограниченными обрывами четырех мысов. Между ними лежат балки и расселины, по которым можно подняться на плато (рис. 48). По данным А.Г.Герцена, ранние укрепления образуют три крупных участка (рис. 46). На каждом из них куртины, пересекавшие балки, дополнялись выложенными из больших блоков боевыми площадками с брустверами и стенами на склонах, доступных для подъема. Последние предназначались для ведения флангового и фронтального обстрела наступающих. О куртинах можно судить по раскопанным А.Г.Герценом в балке разделяющей два мыса плато. Куртина Б

---

[302] Айбабин, 1991, с. 43-45.

[303] Foss, Winfield, 1986, p. 25-27, 240, fig. 92.

[304] Якобсон, 1959, с. 71. Антонова, 1976, с. 7. Lawrence, 1983, p. 185-209. Овчаров, 1982. Lassus, 1981, p. 13-16, fig. 21,26-30,90,92,162.

[305] Репников, 1932а, с.183-194. Веймарн, 1958, с.10-27, рис.4-7. Бобчев, 1961, с.103-145. Левкинадзе, 1973, с.174, рис.3. Овчаров, 1973, с.11-23. Рашев, 1982. Lawrence, 1983, p.185-209. Lauffray, 1983, p. 21,142,145,147,149, fig. 5. Воронов, Бгжаба, 1987, с.117,118, рис.3. Айбабин, 1991, с.45.

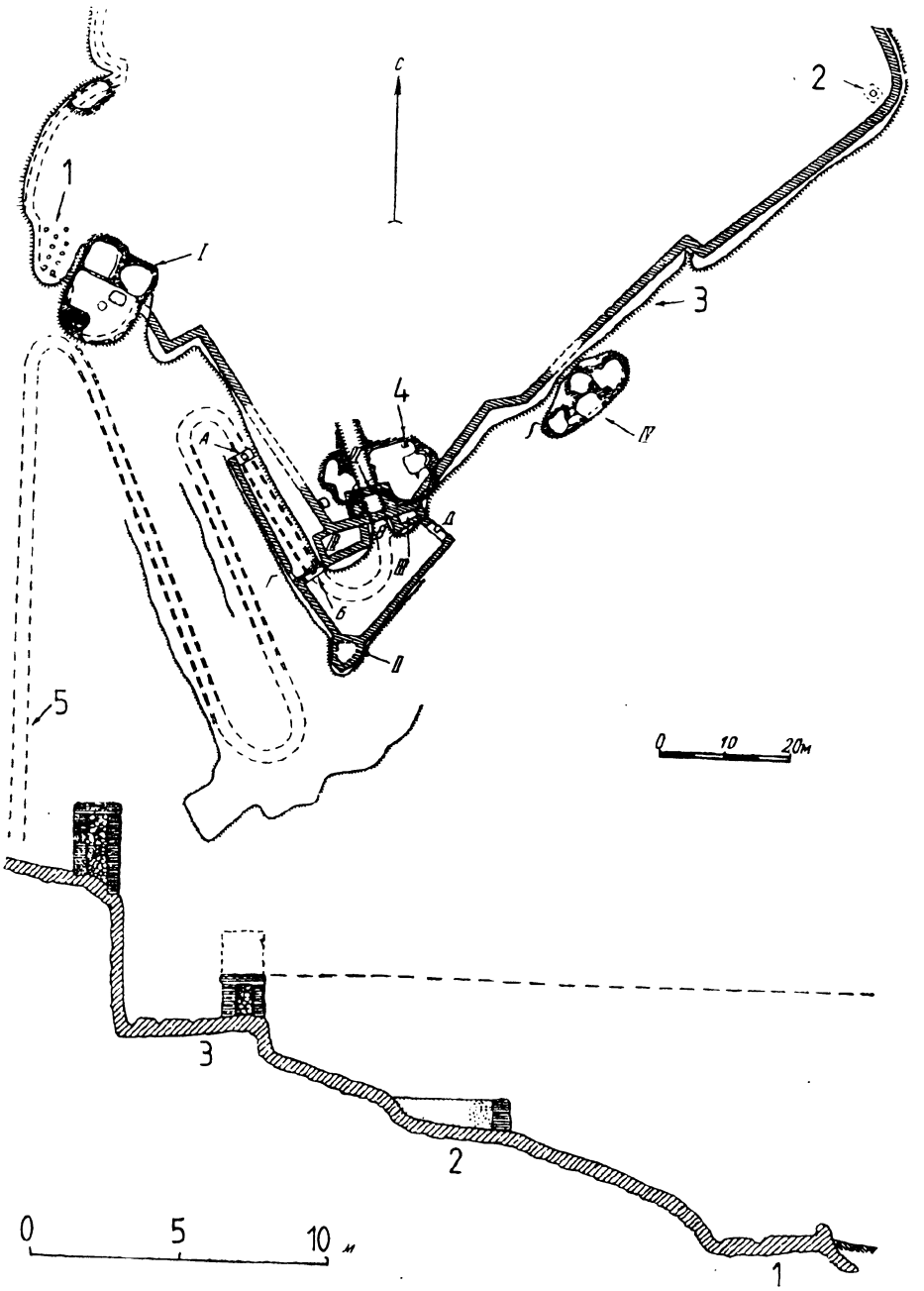


Рис. 58. Схема-реконструкция плана обороны южного участка крепости Эски-Кермен и реконструкция разреза боевой стены и протейхизмы.
Подписи к плану: *А,Б,В* - ворота; *Г,Д* - калитки; *I* - караульное помещение; *II* - башня; *III* - предвратные боевые площадки; *IV* - каземат; *1* - зерновые ямы, *2* - цистерна, *3* - кромка скалы, *4* - постели под оборонительную стену, *5* - подъемная дорога.
Подписи к разрезу: *1* - дорога; *2,3* - постели оборонительных стен (по Веймарн, 1958, рис. 6,7).

двухпанцирная с забутовкой из рванного камня, залитого известковым раствором с песком и небольшой добавкой цемянки. Она построена на специально подтесанной материковой скале. Лицевой панцирь сложен из хорошо подогнанных друг к другу квадров размером от 0,92 х 0,65 до 0,29 х 0,45 м. На всем протяжении куртины выдерживалась рядность кладки. Тыльный панцирь выложен бутовыми камнями с подтесанной наружной стороной. Толщина куртины 1,8 м[306]. Куртина по конструкции и технике кладки лицевого панциря аналогична стенам Эски-Кермена, Херсона и других византийских крепостей. За куртиной в скале вырублено помещение для сторожей.

Плато Чуфут-Кале (рис. 33,*43*) поднято над уровнем окрестных долин на 200 м. Три его стороны представляют собой вертикальные обрывы высотой до 50 м. Раннесредневековая система обороны городища уничтожена в процессе поздних перестроек. Возможно, в нее входили стены, перегораживавшие расселины на северо-западной и юго-западной сторонах плато и вырубленные в скале над расселинами пещерные помещения для стражи. Перед входом в некоторые из них в скале высечены площадки для наблюдателей. Для той же цели служили пещеры у сооруженных в поздний период Южных ворот. Рядом с ними выявлены постели от снесенной ранней стены. Самое узкое место на плато от обрыва до обрыва перегораживает Средняя стена, большая часть которой восстановлена в XVIII в. На ее южном фланге сохранился нижний ярус характерной для византийских крепостей лицевой кладки из одного-трех рядов известняковых квадров размером 1 х 0,7 м. В раннесредневековое время, возможно, были высечены и рвы, зачищенные перед Средней стеной[307].

Городище Тепе-Кермен (рис. 33,*25*) занимает изолированное плато, на высоте 420 м над уровнем моря соединенное седловиной с основным горным массивом. С юга и запада плато ограничено вертикальными обрывами высотой 8-12 м. На городище можно пройти по северному и северо-восточному склонам. Для контроля за ними использовали сторожевые пещерные помещения, такие же как и ранние пещеры Эски-Кермена и Чуфут-Кале. В северной части зачищены участок высеченной в скале дороги, вырубки от ворот, постели и сохранившийся на месте блок (0,8 х 0,4 х 0,4 м) от ограды[308]. Большая часть городища еще не раскопана.

Городище Бакла (рис. 33,*11*) находится на высоком плато, границами которого с запада и востока являются известняковые гряды высотою 15-20 м, а с юга — обрыв (рис. 20,I). Площадь городища 0,8 кв. км. С юго-запада и северо-востока между обрывом и грядой к городищу круто поднимаются две дороги. Вначале в V в. на плато возникло неукрепленное поселение. В первой половине VI в. там соорудили винодельню. Вероятно, в конце того же века на вытянутой вдоль обрыва возвышенности (ширина до 60 м, длина до 200 м) с крутыми откосами возвели цитадель. Д.Л.Талис выделил на ней два строительных периода. На северо-восточном участке раскрыты остатки первого строительного периода: фундаменты башни и двухпанцирной стены с забутовкой из бутового камня. Ее фундамент лежит на нивелирующей поверхность скалы глиняной прослойке. Сохранившиеся нижние ряды его панцирей сложены из камней (размером до 1 х 0,8 х 0,6 м), у которых подтесана одна нижняя сторона. Камни панцирей и забутовки после заливки известковым раствором образовали ровную горизонтальную поверхность фундамента.

К раннесредневековому периоду Е.В.Веймарн отнес также наземные оборони-

---

[306] Герцен, 1990, с. 103-111.

[307] Якобсон, 1974, с. 110-114, рис. 1. Могаричев, 1991, с. 53-59. Герцен, Могаричев, 1992, с. 185, 186, 189-191. Герцен, Могаричев, 1993, с. 6-16.

[308] Талис, 1976, с. 98, 103. Могаричев, 1992, с. 67-69.

тельные сооружения, раскопанные им в устье р. Черная на юго-западной окраине Инкермана (рис. 33,*2*) на мысу скалы с двумя обрывистыми сторонами (высота 40-60 м)[309]. Рядом с поздней башней крепости Каламита, построенной в 1427 г., он расчистил более ранние высеченный в скале участок дороги, вырубки для ворот и ров, созданный в результате выборки камней для стен. По его мнению, данный узел аналогичен и одновременен открытому на Эски-Кермене[310].

Все описанные крепости построены с учетом одного из основных требований позднеримской теории фортификации, которое сформулировал Вегеций: "Города и крепости обладают укреплениями или природными, или созданными человеческой рукой, или теми и другими — что делает их особенно сильными. Можно сказать, что город укреплен природой, если он стоит на возвышенном месте, на обрыве..."[311].

Синхронные крепости жилые усадьбы раскопаны только на Мангупе экспедицией А.Г.Герцена. Поскольку материалы этих раскопок еще не опубликованы, то о них трудно что-либо сказать. На Эски-Кермене ранний культурный слой сохранился лишь у стен. Скорее всего, первые дома уничтожили в процессе более поздней жизнедеятельности. В сброшенном на склоны плато слое содержались фрагменты сосудов второй половины VI-VII вв. На плато Чуфут-Кале выявлена незначительная часть раннесредневековой постройки[312]. На Бакле посад находился рядом с цитаделью. Там обнаружены остатки фундаментов нескольких жилых построек с фрагментами амфор VI-VII вв.[313]

Некоторые историки средневекового Крыма делят его Юго-Западную часть на два этнических региона: готский с центром на Мангупе (рис. 33,*24*) и аланский с центром на Чуфут-Кале (рис. 33,*43*). Они отождествляют границу между ними с проведенной А.Л.Бертье-Делагардом по реке Кача между Готской и Фулльской (по его мнению — аланской) епархиями. На карте А.Л.Бертье-Делагарда Эски-Кермен расположен на землях готов, а Бакла и Тепе-Кермен — в аланском регионе. Данная гипотеза основана исключительно на информации письменных источников XIII-XV вв.[314] Крепость Чуфут-Кале со второй половины XIII в. именовалась Кырк-ор, Керкер или Керкри[315]. По мнению Ф.К.Бруна, именно о Чуфут-Кале писал посетивший Крым в 1253 г. монах-минорит Гильемила Виллем де Рубрук: "...et sunt quadraginta castella inter Kersonam et Soldaiam, quorum quodlibet fere habebat proprium idioma: inter quos erant multi Goti quorum idioma est teutonicum" ("сорок замков существует между Херсоном и Солдайей, почти каждый из них имел свой язык, среди них было много готов, язык которых тевтонский")[316]. По словам Ф.К.Бруна, Рубрук перевел на латынь (quadraginta castella) новое татарское название крепости — Кирк-ер, то есть "сорок мест"[317]. Востоковед А.Я.Гаркави считал этот топоним иранским и переводил как "крепость для защиты тыла"[318]. Рубрук назвал жителей Кырк-ора, расположенного

---

309 Бертье-Делагард, 1886, с. 179-206. Бертье-Делагард, 1918, с. 2-10.
310 Веймарн, 1958б, с. 56-62, рис. 3-5. Веймарн, 1963, с. 89.
311 Вегеций, с. 280, IV,1.
312 Веймарн, 1968, с. 69.
313 Рудаков, 1975, с. 25.
314 Кулаковский, 1899, с. 63-65. Бертье-Делагард, 1920, с. 59, 103-107, 123, 125, карта. Кузнецов, 1992, с. 135-136. Герцен, Могаричев, 1993, с. 39-57. Герцен, 1995, с. 85. Сидоренко, 1994/1995, с.584, 585.
315 Бертье-Делагард, 1920, с. 105-107. Герцен, Могаричев, 1993, с. 52.
316 De Rubruk, IV, p. 217. Рубрук Гильом, с. 104-105.
317 Брун, 1880, с. 135-137.
318 Гаркави, 1875, с. 5-7.

между Херсоном и Судаком, готами. В Готии помещал Керкер в начале XV в. Иоган Шильтбергер: "Item, город Керкер в хорошей стране, именуемой Готия..."[319]. Интересные сведения об этой крепости даны в землеописании (1321 г.) арабского географа Абу-ль-Фиды. Он сообщает: "Керкер или Керкри... находится на краю седьмого климата в стране Асов, ...это укрепленный замок, трудно доступный; он опирается на гору, на которую нельзя взойти. На верху горы есть площадь, где жители страны находят убежище. ...жители принадлежат к племени асов ... Керкер находится на Север от Сары-Кермена (Херсона), между этими двумя местами один день пути"[320]. Аналогичную информацию приводит поздний турецкий историк в географическом описании Крыма: "Кырк-Эр есть крепость из городов асских на севере от Сары-Кермена (Херсона)"[321]. Оба автора называли обитателей города не аланами, а асами. В Закавказье они жили рядом с аланами. В 1238-1239 гг. многие правители асов вместе со своими воинами влились в татаро-монгольское войско. Один из знатных асов был принят в гвардию Угэдэя[322]. Самое раннее упоминание об асах на полуострове содержится у Рубрука, который на своем пути встретил в степи асов, "...имевших греческие письмена и греческих священников"[323]. Очевидно, в Крыму асы появились вместе с татаро-монголами. В 1321 г. они уже владели крепостью Керкер.

Авторы позднего средневековья знали и о населявших Крымские горы аланах и готах. Епископ Федор в послании, составленном между 1222 и 1240 гг. писал: "Близ Херсона живут аланы, столь же по своей воле, сколь и по желанию херсонесцев, словно некое ограждение и охрана". В другой части его послания идет речь о соседних с Херсоном селениях "малых аланов" (τοὶς μιχροὶς Ἀλανοῖς)[324]. По утверждению венецианского купца Иософата Барбаро, который жил в Тане (венецианской колонии в устье Дона) с 1436 по 1452 гг., крымские аланы смешались с готами[325]. Цитированные авторы упоминали современные им этнонимы. Однако, в поздних письменных источниках, также как и в более ранних, отсутствуют сведения о существовании в горах и на Южном берегу одноэтничных готского и аланского регионов.

Об этносе жителей рассматриваемых крепостей свидетельствуют связанные с ними некрополи. По конструкции погребальных сооружений, обряду захоронения в них и инвентарю крепостные могильники не отличаются от других известных в области Дори аланских и готских. Скорее всего, гарнизоны Мангупской и Баклинской крепостей набирали из членов общин, обосновавшихся на плато Мангуп со второй четверти III в., а на Бакле с VI в. В крепости на плато Эски-Кермен и Чуфут-Кале переселились обитавшие в ближайшей округе общины алан и готов[326]. В "Бревиарии" Никифора в повествовании о событиях начала VIII в. помимо Боспора и Херсона упомянуты "другие архонства" (ἀρχοντείαι = области) и архонты (ἄρχοντες) областей[327]. Видимо, в крепостях уже с конца VI в. находились резиденции племенных вождей. Большая часть площади крепостей осталась незастроенной. Во время военных действий там могли найти убежище и жители окрестных поселений. Гарнизоны крепостей подчинялись командиру византийских войск в Херсоне. Об этом свидетельствует содер-

[319] Шильтбергер8, 1984, с. 45.
[320] Якобсон, 1964, с. 81.
[321] Смирнов, 1887, с. 54.
[322] Кузнецов, 1992, с. 334, 335.
[323] De Rubruk, IV, p. 243. П.Карпини, Г.Рубрук, с. 83.
[324] Кулаковский, 1898а, с. 17.
[325] Барбаро и Контарини о России, с. 157.
[326] Ajbabin, 1994, p. 110-111.
[327] Чичуров, 1980, с. 156, 164, 165, 181.

жащийся в Collectanea Анастасия Библиотекаря IX в. текст схолии о житии Евпрепия (умер в 655 г.) и Феодора (умер в 667 г.). Их при Ираклии сослали в Херсон, где часто разлучали и отправили в "крепости соседних племен" ("Chersonem in exilium missis et illic vi saepius ab invicem separatis et in castris gentium ibidem adjacentium deputatis")[328]. В крепости на Эски-Кермене были созданы не связанные с домами крупные зерновые склады (рис. 58,*1*). В многочисленных вырубленных в скале ямах, имевших форму пифосов емкостью более 500 л и закрывавшихся каменными крышками, вмещались десятки тонн зерна[329]. Судя по погребениям на некрополях Эски-Кермена, Чуфут-Кале, Баклы и Мангупа, воины жили в крепостях вместе с семьями.

На могильниках области Дори с начала VII в. в мужских захоронениях многочисленны обычные для византийских союзников воинские геральдические поясные наборы II (табл. XXXI,*28,30,32-34*) и III (рис. 59,*1-20*) типов, отлитые из серебра и бронзы, а также V типа, штампованные из тонкой пластины (табл. XXXI,*51-53*). Воины были вооружены двухлезвийными кинжалами, узкими однолезвийными и двухлезвийными палашами и саблями с однолезвийным слегка изогнутым клинком[330]. В Скалистом обнаружены костяные обкладки сложносоставных луков и железные ромбовидные трехлопастные и плоские треугольные наконечники стрел[331]. В Чуфут-Кале в склепе VII в. лежали обрывки кольчуги и железные пластины от шлема[332]. В Скалистом, Лучистом, Чуфут-Кале, на склоне Эски-Кермена найдено несколько обломков железных уздечных грызл с подвижным кольцом или кольца от удил. На склоне Сахарной Головки из разрушенного погребения аланского всадника извлекли удила с двойными кольцами на конце, бронзовые псалии, уздечную пряжку и плакированные золотой фольгой накладки на ремни второй половины VII в. Аналогии таким уздечным наборам известны в степи и на Северном Кавказе[333].

Представление о мужском костюме воина дает круглая бронзовая бляха, отлитая с тремя выступами на внешней стороне, из Лучистого из женского захоронения второй половины VII в., зачищенного в склепе 65 (рис. 59,*21*). Внутри кольца исполнена фигура мужчины с разведенными в стороны согнутыми в локтях руками и расставленными согнутыми в коленях ногами. На лице видны брови, углубленные слегка раскосые глаза, широкий приплюснутый нос, рот и подбородок. Он одет в короткую рубашку или куртку и штаны, заправленные в короткие сапоги. На куртке острием процарапаны линии, обозначающие портупейные ремни. На голове шапка, похожая на треуголку. Ее загнутые края украшены височными подвесками со вставками. Бляха лежала обратной стороной вверх, а головой человека вниз на плечевых костях между двумя днепровскими пальчатыми фибулами I типа[334]. Две довольно похожие бляхи с фигурками человека в круге происходят из Поднепровья и Венгрии[335]. Подвески со схематизированными антропоморфными фигурками в круге многочисленны в аланских погребениях Северного Кавказа[336].

---

[328] Vasiliev, 1936, p. 78. Migne, Patrologie, Series Graeca, CXXIX p. 129, 684.
[329] Репников, 1932, с. 199. Могаричев, 1992, с. 66, 67.
[330] Веймарн, Айбабин, 1993, с. 180-181.
[331] Веймарн, Айбабин, 1993, с. 180-181. Айбабин, 1993а, с. 123, рис. 7,31.
[332] Кропоткин, 1965, с. 110.
[333] Айбабин, 1982а, с. 194, 195, рис. 5,3-7.
[334] Айбабин, 1990, с. 70, рис. 55,1.
[335] Бобринский, 1911, рис. 19. Garam, 1995, S. 328, Taf. 71,5; 225,5.
[336] Ковалевская, 1983, рис. 1,10-16.

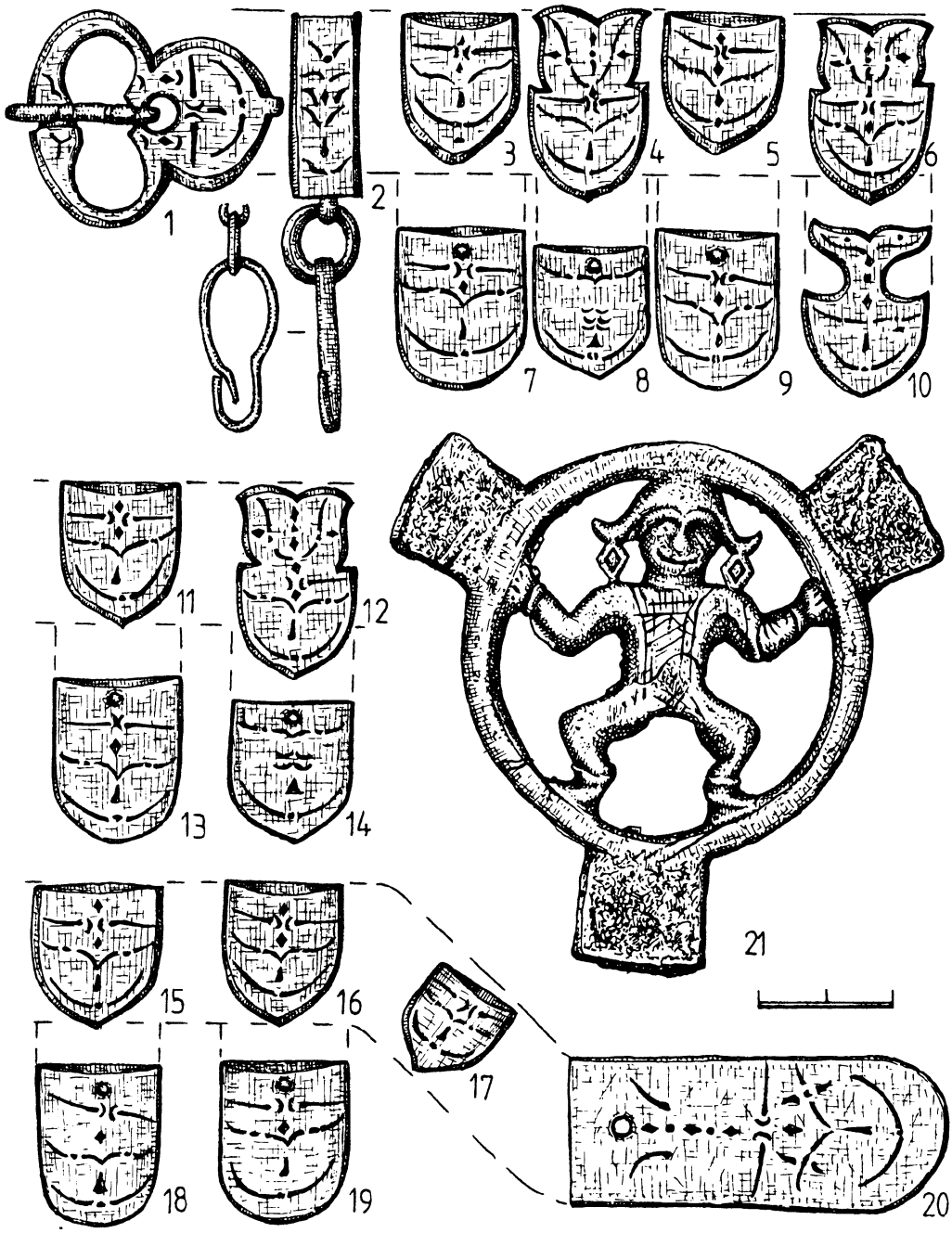


Рис. 59. Находки VII в.
1-20 - серебряный поясной набор III типа с некрополя Эски-Кермен из склепа 273, из захоронения 1; *21* - бронзовая бляха из Лучистого из склепа 65 из захоронения 2.

В VII в. и мужчины и женщины застегивали поясные и обувные ремни и сумки литыми бронзовыми и серебряными пряжками византийского круга (табл. XXX). Стали модными различные византийские серьги, перстни, ожерелья и их местные копии. В начале VII в. несколько изменился женский гарнитур. Широкие пояса застегивали орлиноголовыми пряжками II (рис. 60; табл. XXIX,*4*) и III (табл. XXIX,*11*) вариантов с более длинной соединяющей кольцо и рамку пластиной и большими пряжками с прямоугольным щитком вариантов 3 с имитацией кербшнитного орнамента (рис. 49,*1*; табл. XXVIII,*26*), 5-2 со штампованным изображением креста (рис. 53,*2*; табл. XXVIII,*22*) и 6 с тиснеными львами или пантерами (рис. 53,*4*; табл. XXVIII,*15,20*). Как отмечалось выше, иногда одежду на плечах еще застегивали парой больших двупластинчатых фибул варианта IIв-1 (табл. XXVIII,*18*; XXIX,*12*) или пальчатых привозных германских[337], боспорских с концентрическими ромбами на ножке (табл. XXVIII,*23*; XXIX,*6*) и типа Удине-Планис 2 варианта (табл. XXVIII,*11*). Однако, чаще использовали пару двухпластинчатых фибул вариантов IIв-2 (рис. 61,*1*; табл. XXVIII,*19*; XXIX,*7*) и 3 (табл. XXVIII,*24*), либо подвязных бронзовых (табл. XXVIII,*14,16,17*) или железных фибул, или пару днепровских пальчатых I (рис. 62,*1*; табл. XXIX,*15*), II (табл. XXIX,*14*) и III (табл. XXIX,*13*) вариантов и антропоморфных I (рис. 62,*2*; табл. XXIX,*10*), II (табл. XXIX,*8,9*) вариантов. На склоне Эски-Кермена в подбойной могиле 315 на лопатках лежали пара двухпластинчатых фибул (табл. XXVIII,*24*), а на поясе — боспорская орлиноголовая пряжка[338]. Как правило, в захоронениях лежали две разнотипные днепровские фибулы. Возможно, это связано с тем, что приднепровские славяне пользовались одной фибулой, а не двумя, как было принято у германцев и алан[339]. С середины VII в. в обиходе появились орлиноголовые пряжки 4 (рис. 63,*1*; табл. XXIX,*16*), 5 (табл. XXIX,*24*) вариантов и с ромбовидным щитком (рис. 64,*1,2*) с длинной соединительной пластиной, на которой свисал конец ремня, не закрывая декорированных деталей[340]. Женщины уже, в основном, не носили двупластинчатые фибулы. Классический остроготский женский гарнитур зафиксирован в Лучистом и Суук-Су: в захоронении 5 в склепе 10 (Лучистое) — золотые серьги с многогранником, серебряные двупластинчатые фибулы варианта IIв-1, но с подрезанными ножками, бронзовые браслеты и серебряная орлиноголовая пряжка 5 вари анта (рис. 65), а в захоронении 12 в склепе 54 (Лучистое) (рис. 63,*1-3*; табл. XXIX,*19*) и в захоронении 1 в склепе 162 (Суук-Су) — серебряные фибулы типа Керчь II варианта и орлиноголовые пряжки 4 варианта (рис. 66). В Лучистом в склепе 43 в захоронении 4 (рис. 67; табл. XXIX,*21,22*), в Суук-Су в подбойной могиле 154 в захоронении 2 и в склепе 131 в погребении 1 (табл. XXIX,*20*) с орлиноголовыми пряжками 4 варианта (табл. XXIX,*27*), а также на склоне Эски-Кермена в склепе 257 в захоронении 6 с орлиноголовой пряжкой 5 варианта встречены днепровские пальчатые фибулы I, II и III типов и антропозооморфные II типа[341]. Костюмы из женских погребений в Лучистом (4 в склепе 10) и со склона Эски-Кермена (5 в склепе 257) с поясами, застегнутыми византийскими пряжками (табл. XXX,*51,53*) и с двухпластинчатыми фибулами с зооморфным резным декором (рис. 68,*2*) или литыми малыми пальчатыми фибулами (рис.68, *1,6*) на плечах аналогичны костюмам VII в. из Византии[342]. Дети и подростки

[337] Айбабин, 1994/1995, рис. 17.
[338] Ajbabin, 1994, p. 130,131, fig. II,42,43.
[339] Werner, 1950, S. 158-165. Айбабин, 1990, с. 22-26.
[340] Амброз, 1994/1995, с. 52.
[341] Хайрединова, 1997, с. 87, рис. 1.
[342] Pallas, 1981, p. 298, fig. 4.

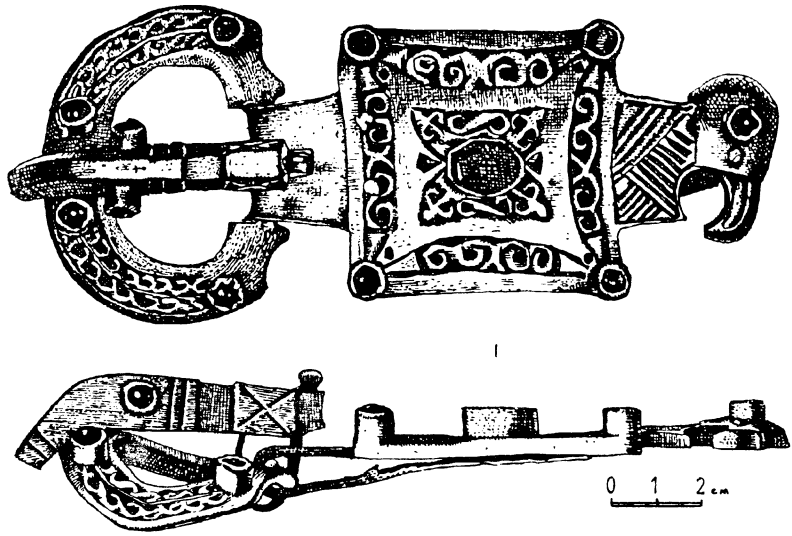


Рис. 60. Орлиноголовая пряжка II варианта из Лучистого из склепа 38 из захоронения 17.

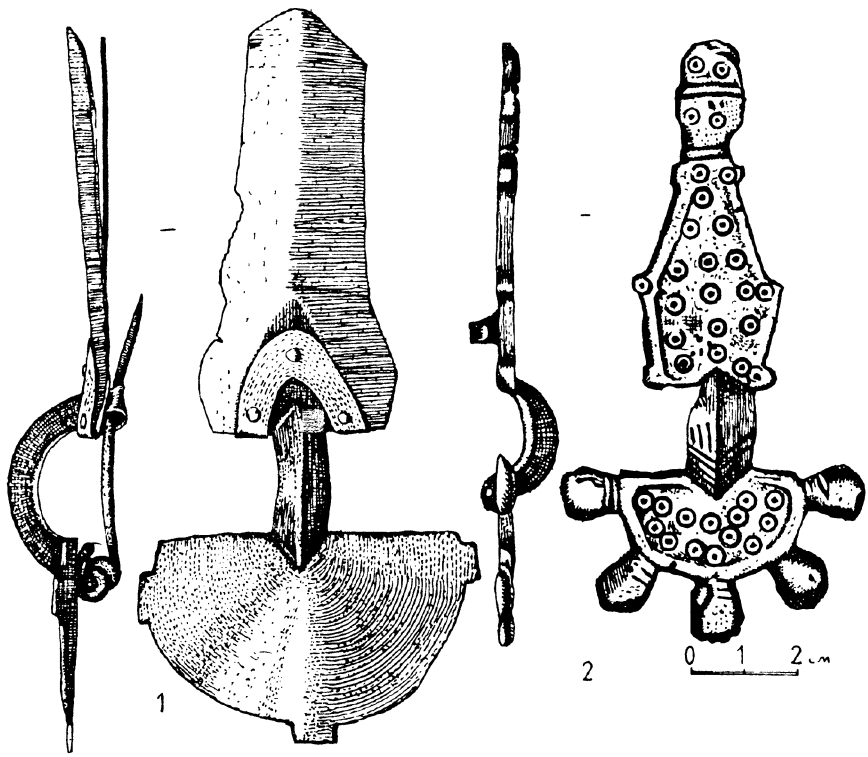


Рис. 61. Фибулы VII в.
1 - двупластинчатая фибула варианта IIв-3 из Суук-Су из склепа 169 из захоронения 1; *2* - днепровская пальчатая фибула I типа из Лучистого из склепа 54, захоронения 13.

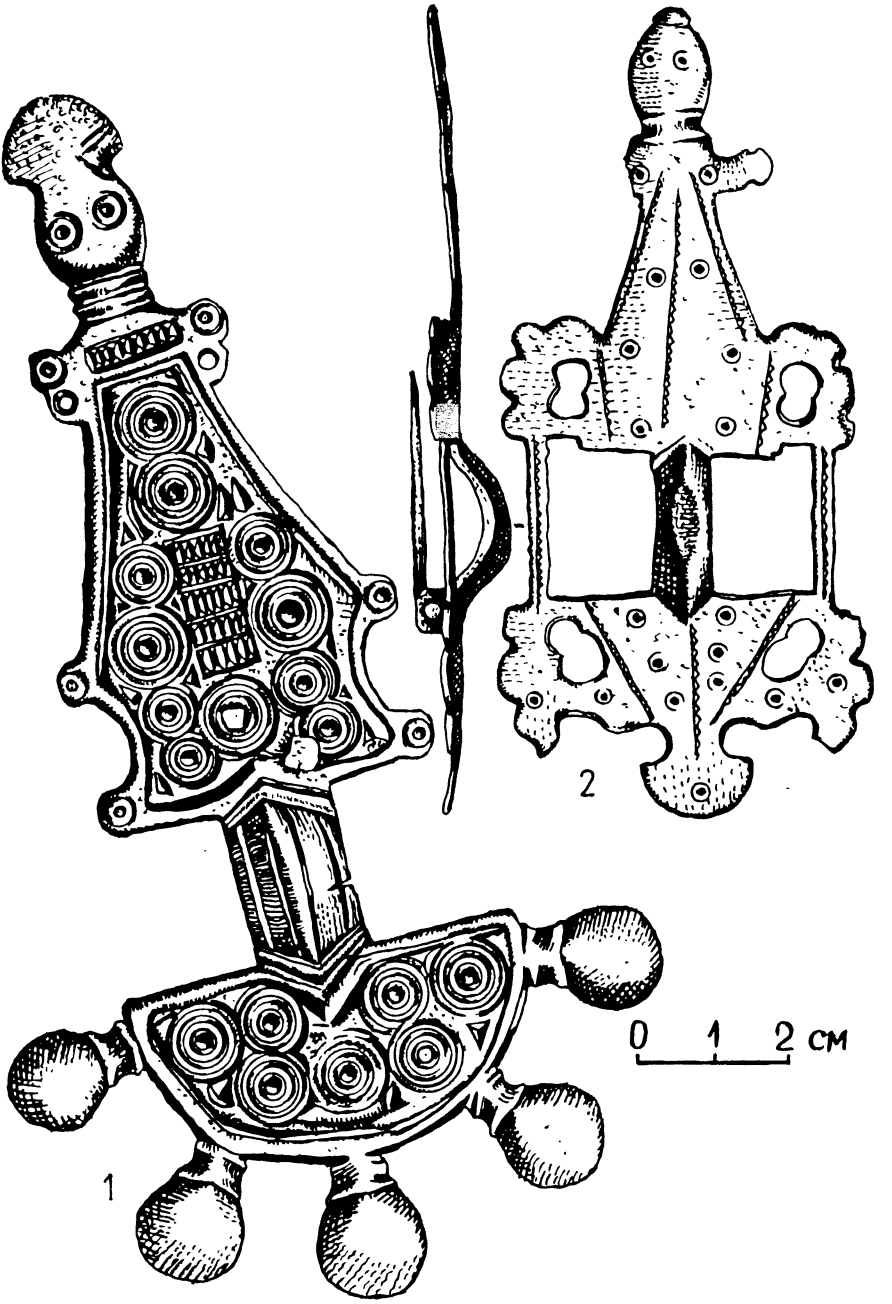


Рис. 62. Днепровские фибулы из Лучистого из склепа 46а из захоронения 4.

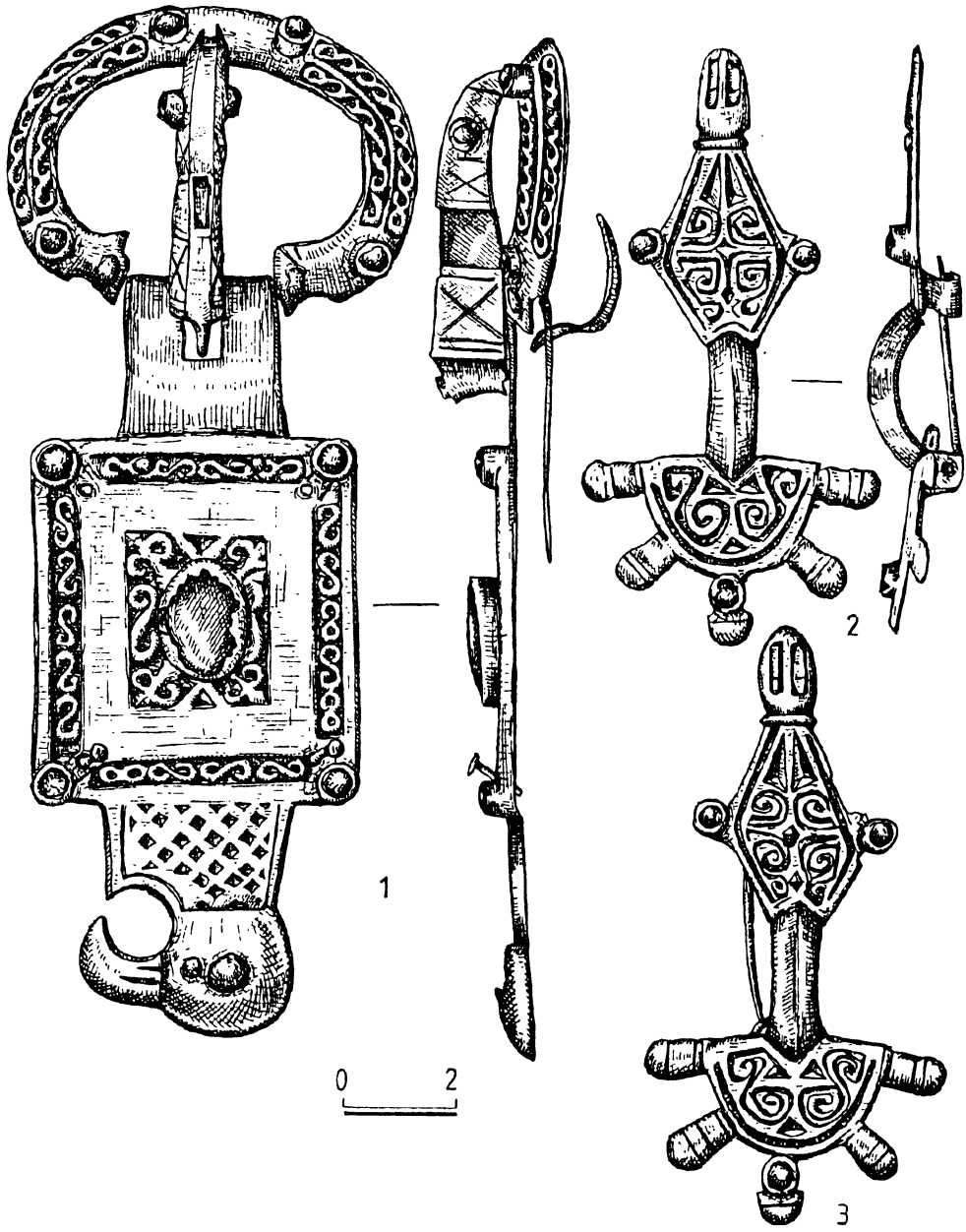


Рис. 63. Лучистое. Орлиноголовая пряжка 4 варианта и фибулы типа Керчь 2 варианта из склепа 54 из захоронения 12.

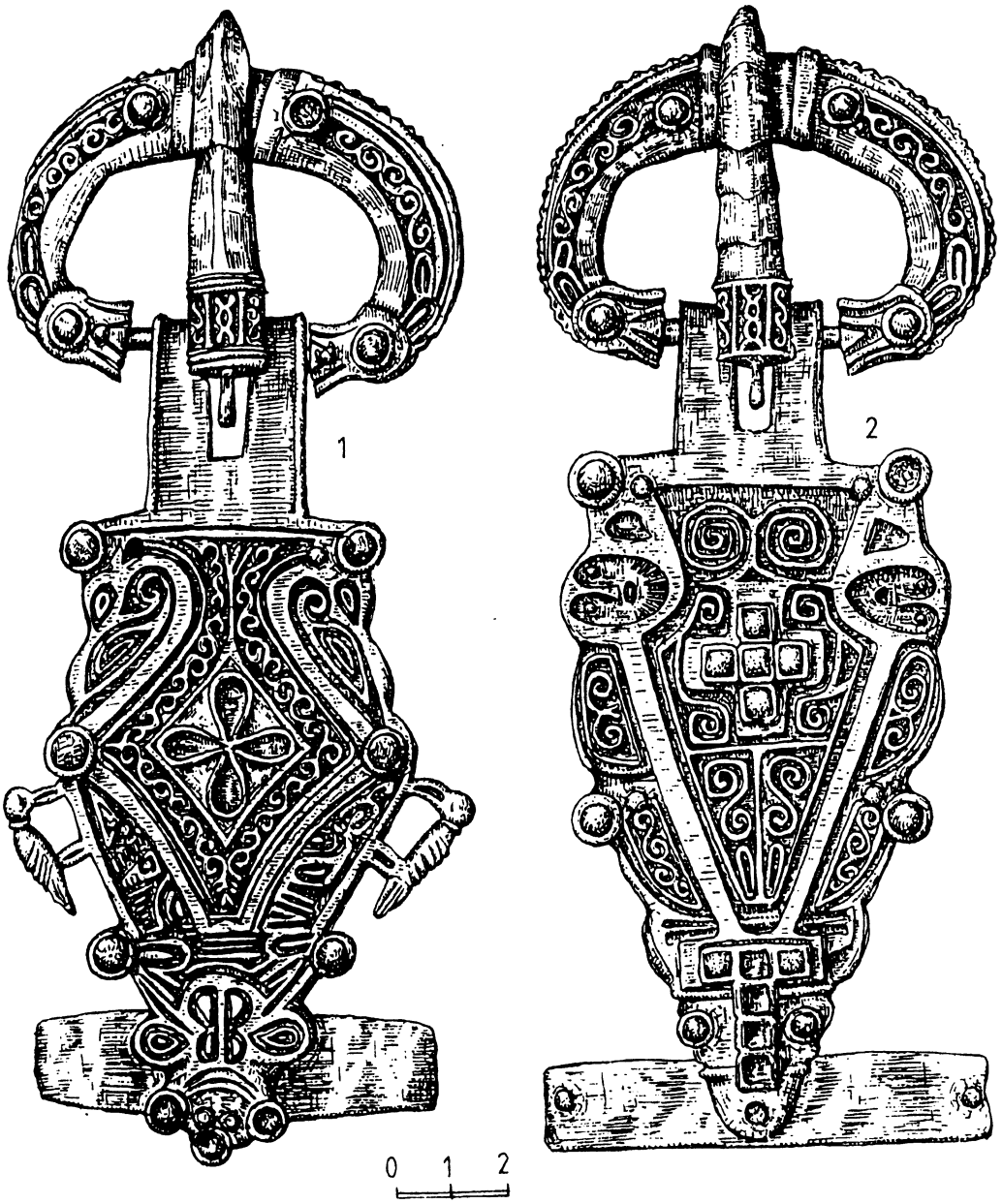


Рис. 64. Пряжки с ромбовидным щитком.
1 - Скалистое, склеп 288; *2* - Аромат, склеп 2.

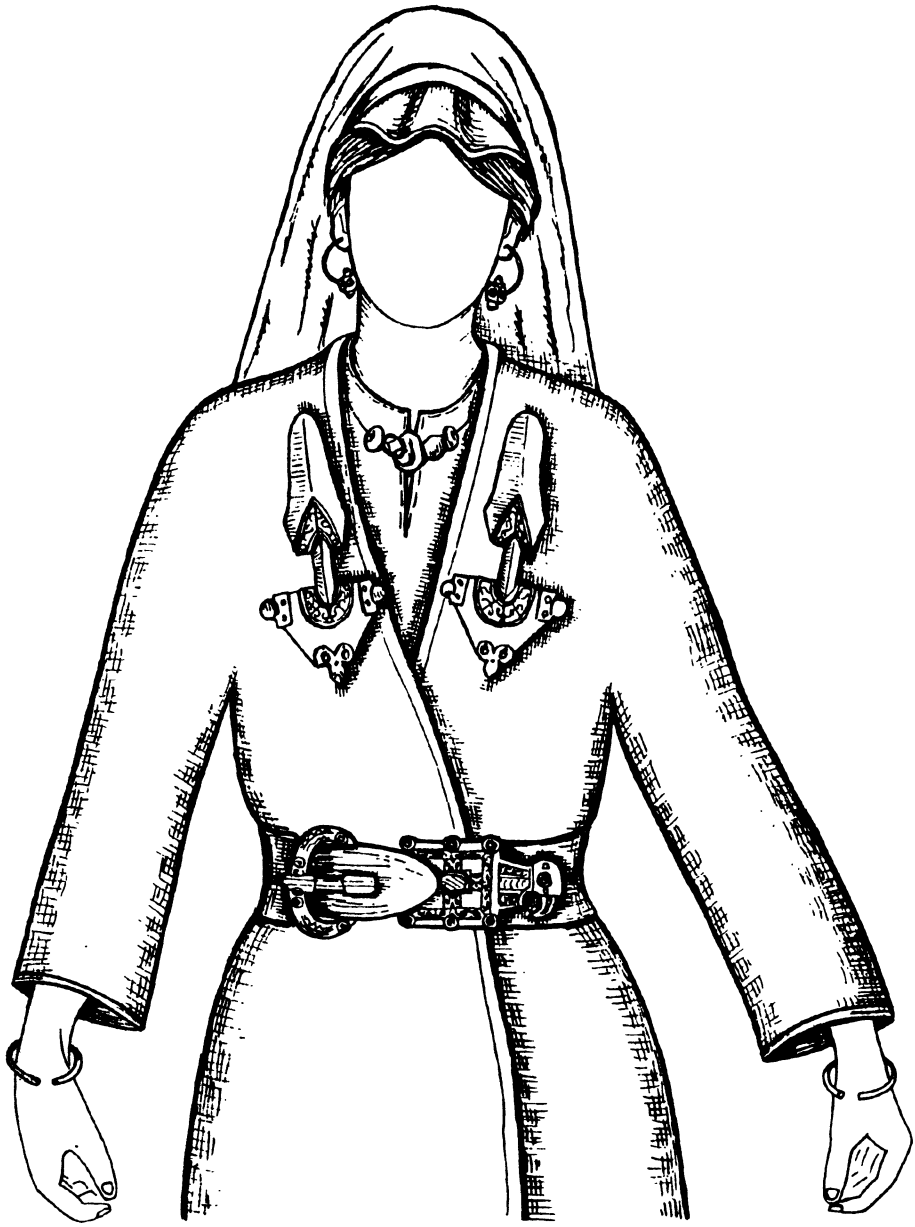


Рис. 65. Реконструкция женского остроготского костюма из Лучистого из склепа 10 из захоронения 5 (реконструкция Э.А.Хайрединовой).

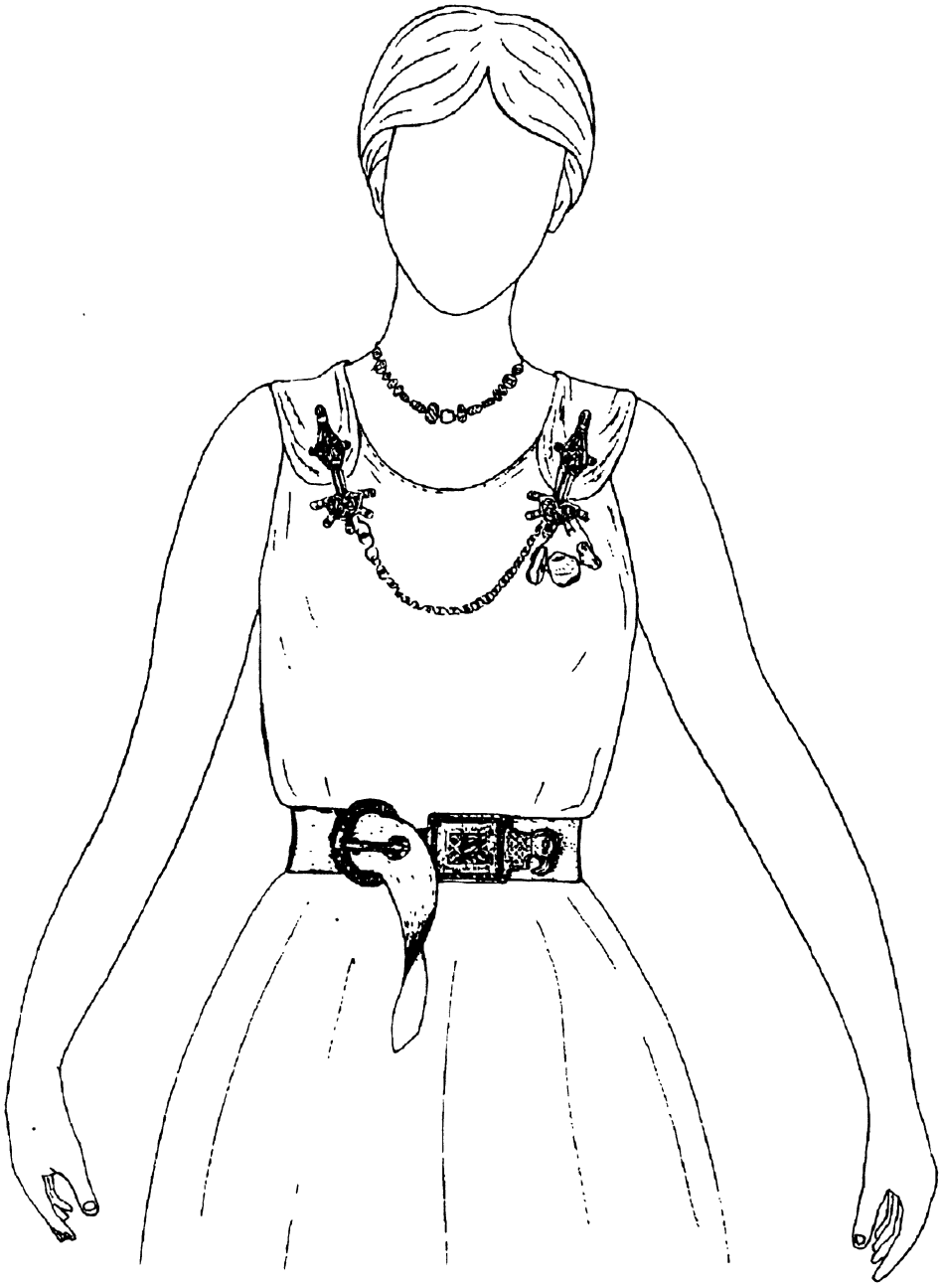


Рис. 66. Реконструкция женского остроготского костюма из Лучистого из склепа 54 из захоронения 12 (реконструкция Э.А.Хайрединовой).

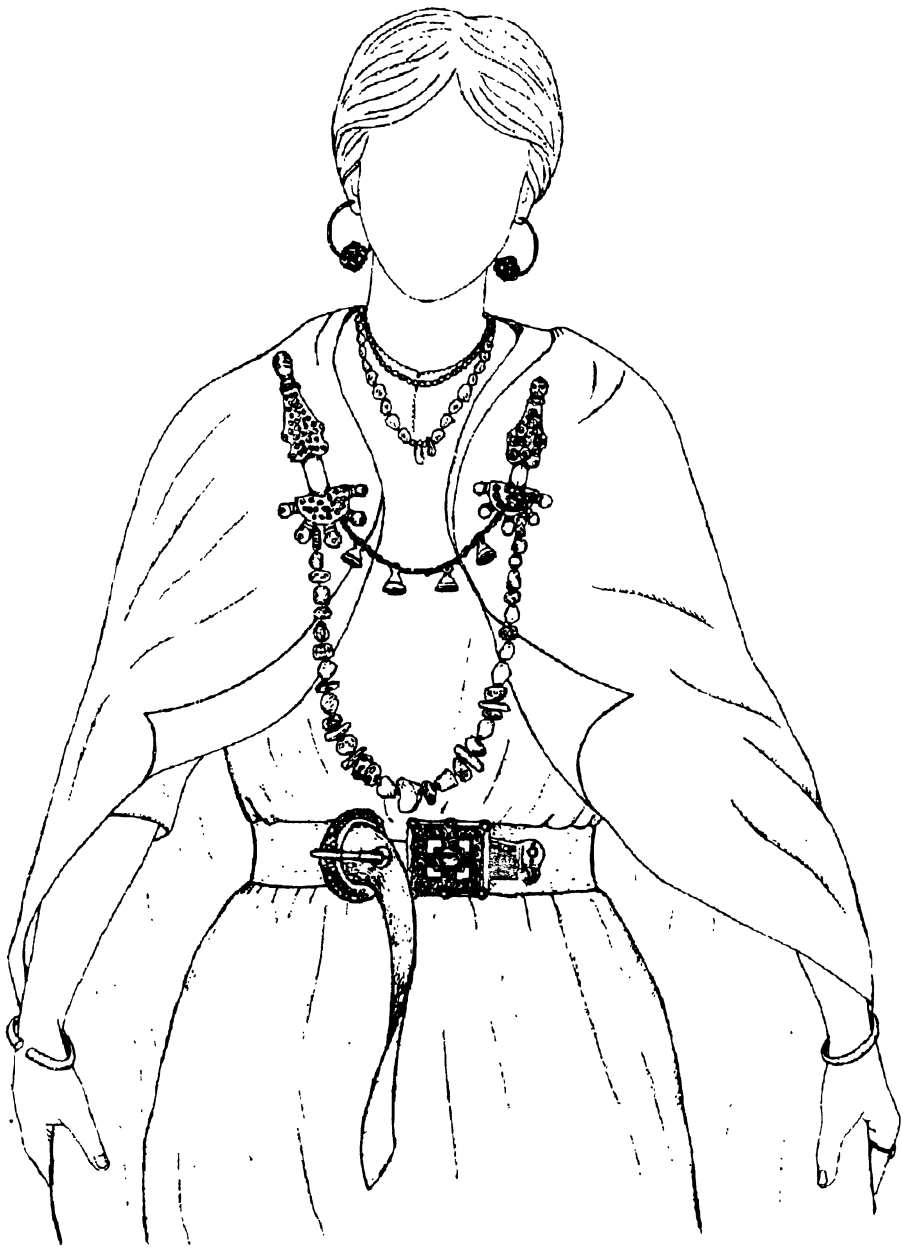


Рис. 67. Реконструкция женского остроготского костюма из Лучистого из склепа 43 из захоронения 4 (реконструкция Э.А.Хайрединовой).

носили комплекты украшений, подобных содержавшимся в кладах из Поднепровья и Подонья, зарытых в славяно-кочевническом пограничье. Б.А.Рыбаков считал такие украшения деталями этнографического костюма северян[343]. В отличие от Поднепровья, в Лучистом зафиксировано место находки каждого украшения. На височных костях нашли бронзовые серьги, в области шеи — разноцветные стеклянные, пастовые и янтарные бусы, пониже лопаток на ребрах — бронзовые пальчатые фибулы, соединенные бронзовой цепочкой с колокольчиками, рядом с левой фибулой и ниже правой фибулы — вертикальные бронзовые трубочки, одетые на тонкую веревку, в области груди — круглые бляхи с полушаровидным выступом, закрепленные на лежавшую горизонтально трубочку, под плечевыми костями — трапециевидные бляхи, на правой локтевой кости — бронзовый браслет, в области таза — железный нож и перстень (рис. 69). В другой гарнитур вместо круглых блях входят прямоугольная бляха и подвески со спирально закрученными концами, сделанными из толстой бронзовой проволоки. Аналогичные гарнитуры известны в Венгрии и Восточной Пруссии[344].

Жители крепостей и неукрепленных поселений, выявленных в Лучистом, в окрестностях Баклы[345], в Байдарской долине в Бобровке[346], на реке Бельбек в Малом Садовом (рис. 33,*21*)[347], на Южном Берегу близ Гурзуфа[348] и в Партените (рис. 33,*16*)[349] растили хлебные злаки, производили вино, занимались огородничеством и отгонным скотоводством, а на побережье и рыболовством. В одном из склепов в Лучистом найден железный серп, там же в других склепах и в Скалистом обнаружены миски с зерном и ойнохои с винным осадком на стенках, тогда как в захоронениях в Суук-Су — рыболовные крючки. В Партените в усадьбах, сооруженных в VII в., раскопаны домашние винодельни с давильнями, стоками, отстойными ваннами и 7-9 пифосами емкостью по 450-650 л с винным камнем на стенках[350]. На всех поселениях делали для своих нужд лепную керамику. Находка на Эски-Кермене в крепости бракованной ножки стеклянной рюмки, заготовки подобной ножки в одном из склепов позволяет предположить существование на плато с середины VII в. стеклоделательной мастерской[351]. Продолжали функционировать ювелирные мастерские Дори. В них с рубежа VI-VII вв., наряду с названными выше большими пряжками с орлиноголовым (табл. XXIX,*4,11,16,24*) и прямоугольными щитками 3 (табл. XXVIII,*26*), 6 (табл. XXVIII,*15,20*) вариантов и двухпластинчатыми фибулами (табл. XXVIII,*18,19,21,24*; XXIX,*7,12,25*)[352], начали изготовлять изделия, в декоре которых сочетались искаженные элементы I скандинавского звериного и дунайского гепидского стилей. Так декорированы серебряные фибулы из захоронения конца VI в. из склепа 36 из Лучистого (рис. 70) и большие пряжки с ромбическим щитком второй половины VII в. (рис. 64)[353]. На некрополе Баштановка (рис. 33,*22*) в склепе нашли южнокрымскую орлиноголовую пряжку II варианта с парой одинаковых пальчатых фибул (рис. 63,*1*). Такие

---

[343] Рыбаков, 1953, с. 22.
[344] Айбабин, 1990, с. 71, 72. Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 57,58л,м.
[345] Рудаков, 1975, с. 27.
[346] Якобсон, 1970, с. 59, 60, 64, 74.
[347] Омелькова, 1990, с. 90.
[348] Якобсон, 1954, с. 111, 120.
[349] Паршина, 1991, с. 69, 74, 92, 93.
[350] Паршина, 1991, с. 92.
[351] Айбабин, 1976, с. 29. Айбабин, 1991, с. 46.
[352] Айбабин, 1990, с. 19, 30-31, 33-34, 71, рис. 12; 25,2-6; 26,1; 27,4; 30,2; 31; 32,2; 33,1,2; 34. Aibabin, 1993, p. 166, fig. 2,1; 4; 5,1.
[353] Айбабин, 1990, с. 24, 25, 35, 71, рис. 21,36. Aibabin, 1993, p. 166, 167, fig. 6.

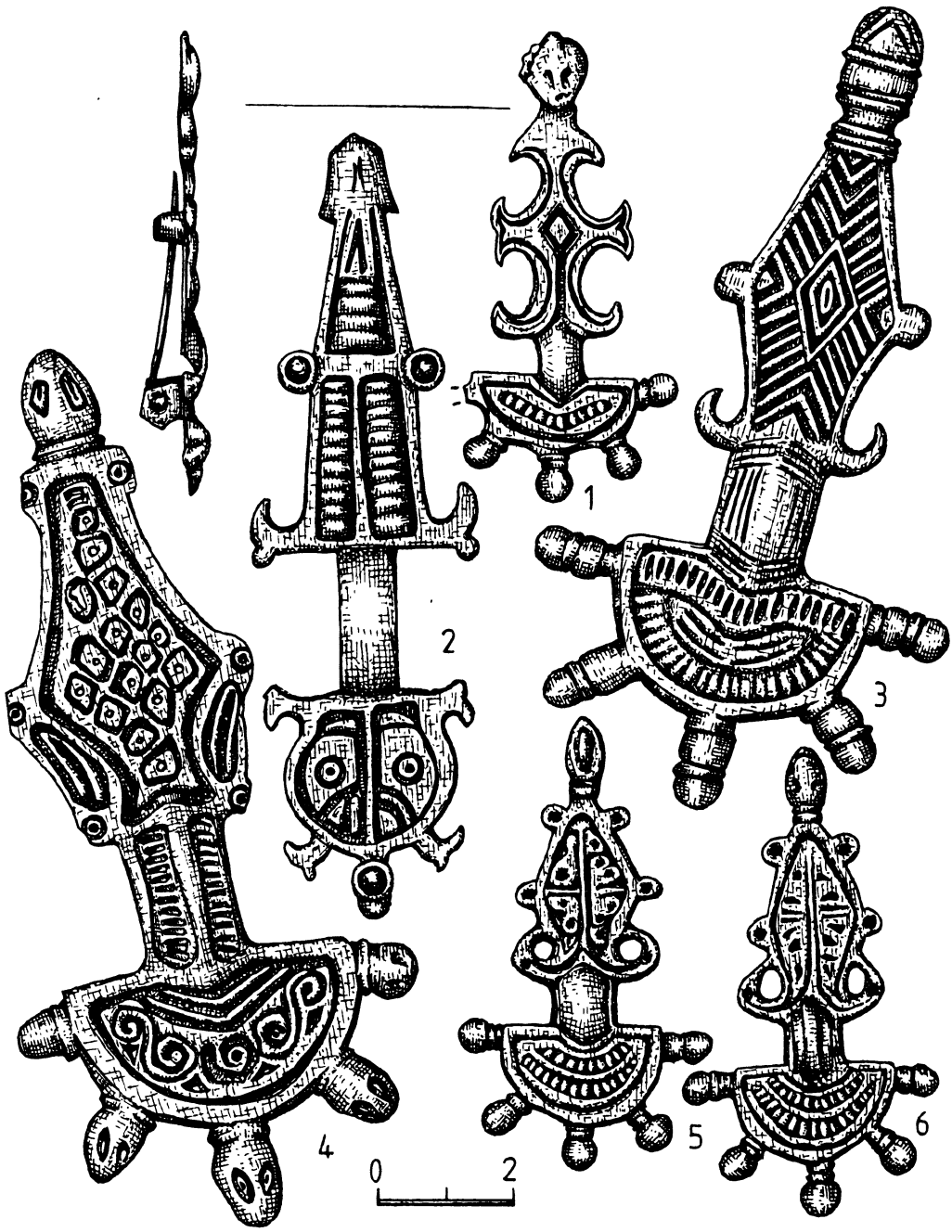


Рис. 68. Фибулы VII в.
1,4,6 - Лучистое (*1,6* - склеп 10, захоронение 4; *4* - склеп 54, захоронение 20); *2* - Эски-Кермен, склеп 257, захоронение 5; *3* - Баштановка; *5* - Херсонес.

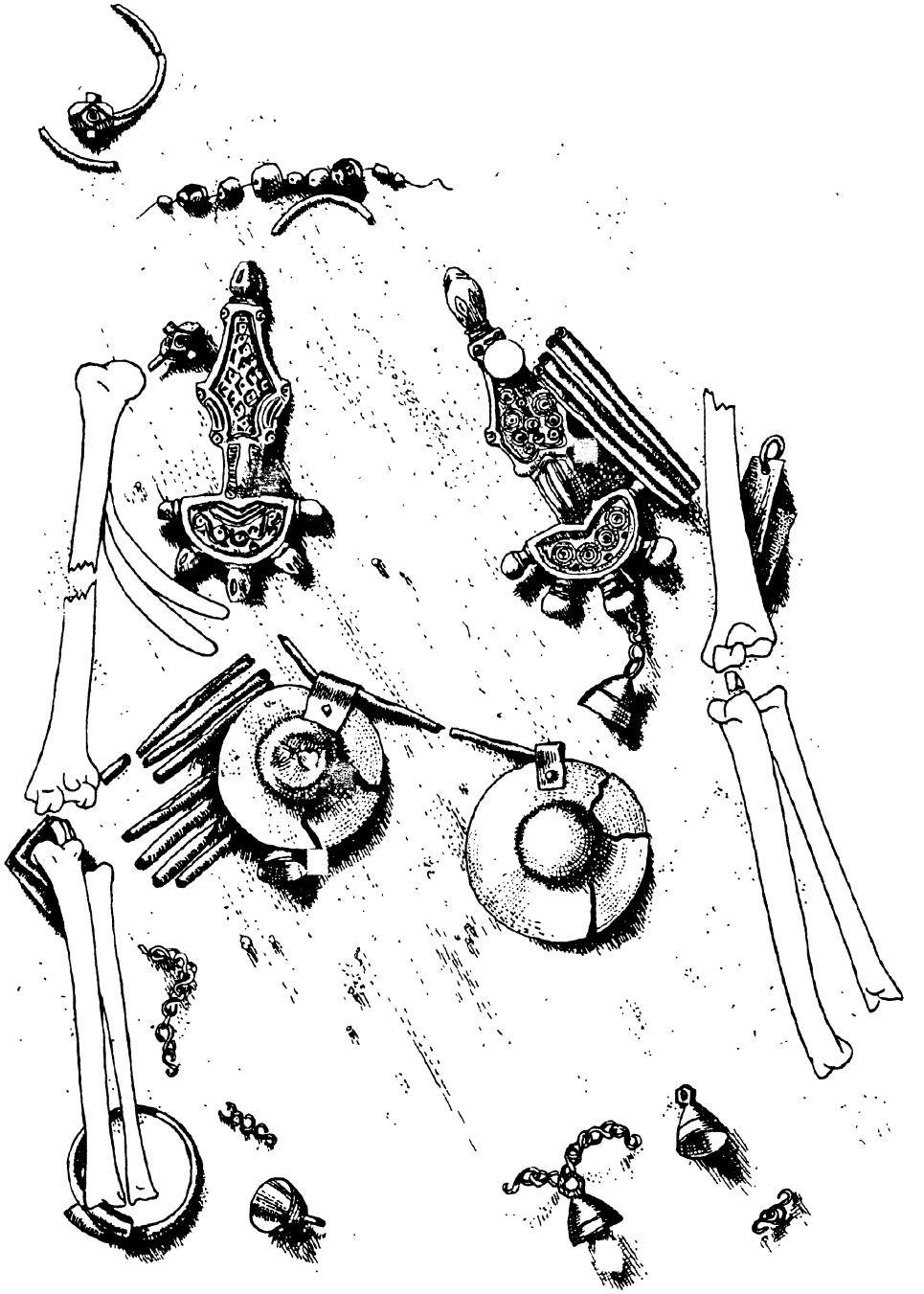


Рис. 69. Лучистое. План захоронения 20 в склепе 54 (по Айбабин, 1990, рис. 56).

же фибулы из Поднепровья и якобы из Суук-Су хранятся в различных коллекциях[354] и известны в Диногеции (Румыния)[355]. Быть может, фибулы из Баштановки и Суук-Су исполнены по образцу из Подунавья. Ремесленники Юго-Западного Крыма по изделиям, импортированным из Херсонеса и других византийских центров, отливали из серебра и бронзы разнообразные поясные и обувные пряжки, детали поясных наборов, крестики, серьги, кольца и перстни[356]. Они копировали и привезенные из Поднепровья пальчатые фибулы и серьги. Из Лучистого происходят пробная свинцовая отливка такой серьги и бракованные днепровские пальчатые фибулы I варианта (рис. 61,*2*)[357].

На поселениях жилые усадьбы рассматриваемого времени сохранились только в Партените. Они состояли из двух-трех помещений площадью 25-30 кв. м, небольшого дворика или вымощенной площадки с крытым водостоком. Стены сложены в два панциря из равномерного необработанного камня с перевязкой углов и забутовкой мелкими камнями и обломками керамики на растворе из земли с большим процентом глины. Камни фасадов подтесаны. Усадьбы были двухэтажными. Нижние помещения использовались для хозяйственных нужд, а в верхних жили[358].

В конце VI-VII вв. упрочилось положение христианской церкви в Юго-Западном Крыму. В крепости Эски-Кермен византийцы возвели большую трехнефную базилику[359]. Другую базилику, вероятно, построили на Чуфут-Кале. На плато и на его склоне в разные годы найдены три мраморные коринфские капители от ее архитектурного убранства[360]. Уже с середины VI в. обретает популярность христианская символика. Аланы и готы носят пряжки и перстни с христианским декором и монограммами, кресты, амулеты. Судя по изображениям на перстнях и амулетах из Лучистого, Суук-Су, Эски-Кермена и Скалистого особо почитались святые Мина и Георгий[361]. Под влиянием христианства появляются изменения в погребальном обряде. С VII в. на Южном берегу хоронят не только в склепах, но и в обычных для византийских христиан плитовых могилах, а на Эски-Кермене и в могилах, вырубленных в скале. Со второй половины VII в. на горнокрымских могильниках устанавливают христианские надгробия. Однако, обряд захоронения все еще мало отличался от прежнего[362]. Вероятно, приходы области Дори принадлежали Херсонской епархии. На это указывает подпись участвовавшего в 692 г. Трулльском Вселенском соборе епископа Георгия "Γεώργιος ἀνάξιος ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόραντος ..."[363].

Материалы конца VI-VII вв. из раскопок крепостей, поселений и некрополей, в том числе немногочисленные византийские и херсоно-византийские монеты[364], документируют торговые и иные контакты населения Дори с Херсоном и многими регионами империи. Оттуда привезены декоративные мраморы, амфоры и краснолаковые

---

[354] Werner, 1961, S. 33, Taf. 34,135.
[355] Teodor, 1992, p. 127, 128, fig. 4,8.
[356] Амброз, 1994/1995, с. 54, 55, рис. 2; 10. Айбабин, 1990, с. 70, рис. 2,165; 38-46; 50-52. Aibabin, 1993, p. 166, fig. 7,1-3,6.
[357] Айбабин, 1990, с. 25, рис. 17,5; 55,4.
[358] Паршина, 1991, с. 69, 70.
[359] Айбабин, 1990, с. 45.
[360] Веймарн, 1968, с. 61. Герцен, 1995, с 86.
[361] Айбабин, 1990, с. 68, 69, рис. 55,2,3. Веймарн, Айбабин, 1993, с. 186, рис. 52,25.
[362] Айбабин, 1990, с. 69.
[363] Vasiliev, 1936, p. 78-79. Ajbabin, 1994, p. 110-111. Ohme, 1990, S. 151.
[364] Соколова, 1968, с. 262. Айбабин, 1982, с. 186, 187.

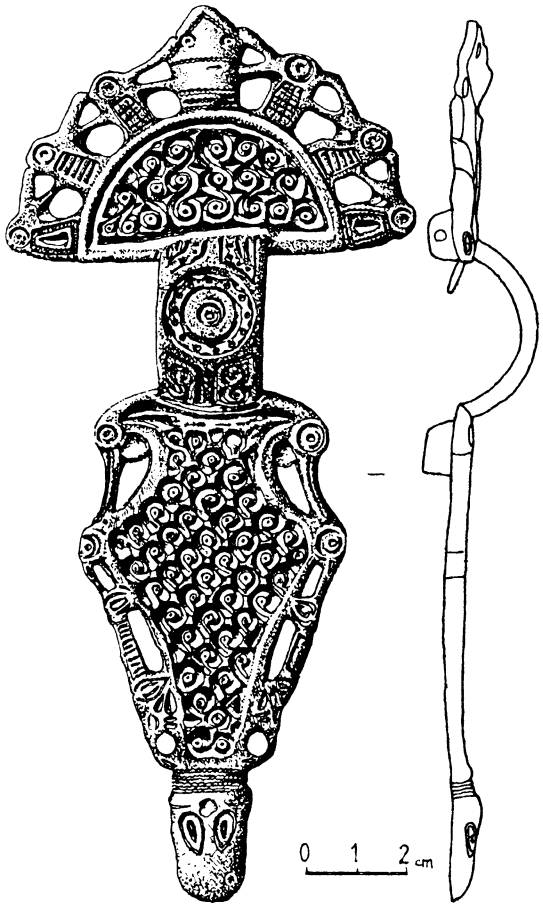


Рис. 70. Бронзовая позолоченная фибула из Лучистого из склепа 36 из захоронения 7.

сосуды, украшения, поясные наборы. На могильниках в Скалистом, Чуфут-Кале, Эски-Кермене, Лучистом в захоронения с VII в. ставили сделанные в Византии стеклянные рюмки и бокалы[365]. Торговля с империей не прерывалась до конца VII в. Об этом свидетельствуют поздние импорты из первых слоев цитадели Баклы, крепости Алустон, Партенита, из захоронений второй половины VII в.: бронзовое ожерелье с крестом из склепа 257 из Эски-Кермена[366], амфориск из склепа 36 в Лучистом, лекифообразные кувшины из склепа 482 в Скалистом[367] и из могилы 155 из Суук-Су (табл. XXIX,*18*), краснолаковые миски LR-C формы 10A (табл. XXIX,*29*) из склепа 131 и

[365] Chavane, 1975, p. 57, 62, pl. 18. Saldern, 1980, p. 55-59, pl. 12,319,323,367. Айбабин, 1976, рис. 1. Веймарн, Айбабин, 1993, с. 194. Martin, Steckner, 1993, S. 120, 121, Abb. 35,13.
[366] Айбабин, 1990, с. 2, 58, рис. 2,165.
[367] Веймарн, Айбабин, 1993, с. 190, рис. 89,7,8.

подбойной могилы 154, LR-C формы 10C из склепа 193 из Суук-Су (табл. XXIX,*30*) и ARSW формы 62B из склепа 100 из Лучистого (табл. XXIX,*3*), аналогичная происходящим из одновременного слоя в Константинополе[368] и другие находки. Существование торговли с Боспором, Подунавьем подтверждают произведенные там и импортированные в область Дори пряжки, фибулы (рис. 63,*2,3*; 68,*1,4,6*) и украшения. В Лучистом даже найдена иранская гемма VII в.

Распространение в Юго-Западном Крыму приписываемых славянам днепровских пальчатых и антропозооморфных фибул и украшений свидетельствует об установлении экономических связей с Поднепровьем. Их развитию способствовала обстановка, сложившаяся в Северопричерноморской степи в первой половине VII в. По рассказу Никифора, в 619 г. в г. Византий прибыл "государь племени гуннов (Οὔννων)" с архонтами и копьеносцами с просьбой посвятить его в христианство. После крещения император удостоил предводителя саном патрикия[369]. По мнению, высказанному И.С.Чичуровым в комментарии к данному фрагменту, в нем идет речь о протобулгарах[370]. И.Маркварт отождествлял этого предводителя с Органой — одним из ханов булгар[371]. Полагают, что он был ханом утигуров и кутригуров, кочевавших в Приазовье — самой западной области Западнотюркского каганата. Китайские историки сообщают о его победе в 630 г. над каганом западных тюрок и гибели в 631 г.[372] Никифор и Иоанн Никиусский называли племянником Органы Куврата - "государя уногундуров (Οὐνογουνδούρων)"[373]. Его крестили и воспитывали в Константинополе во дворце императора[374]. Феофан помещал унногундуров булгар "(Οὐννογουνδούρων Βουλγάρων)" в Приазовье в Великой Болгарии вместе с котрагами (Κοτράγων). Никифор писал о гуннах (Οὔννων) и булгарах, живших там же с соплеменниками котрагами. Оба автора именовали Куврата правителем Великой Булгарии[375]. По сообщению Никифора, между 634 и 640 годами Куврат восстал против авар, изгнал их из своих земель и заключил мир с Византией. Ираклий возвел его в патрикии[376]. Видимо, в VII в. известных авторам VI в. Прокопию, Агафию и Менандру утигуров стали называть булгарами, а кутригуров — котрагами. В Приазовье и на пролегавших через крымскую степь маршрутах их перекочевок выявлены захоронения, аналогичные по конструкции и погребальному обряду описанным выше V - начала VII вв. В могилах, выкопанных в насыпях ранних курганов, найдены детали поясных наборов и пряжки как первой — Рисовое 2 (рис. 34,*6*), Христофоровка (рис. 34,*15*), так и второй половины VII в. — Рисовое 3, Богачевка (рис. 34,*7*), Наташино (рис. 34,*9*), Аккермань (рис. 34,*2*), и одновременные антропоморфные амулеты — Айвазовское (рис. 34,*13*), Белосарайская коса[377]. В Ковалевке (рис. 34,*1*), Сивашевке (рис. 34,*5*), Сивашском, Черноморском, у хутора Крупской, в Дымовке скелет человека лежал на дне ямы, а чучело

[368] Hayes, 1992, p. 100, 101, fig. 42,27-28.
[369] Чичуров, 1980, с. 151/159.
[370] Чичуров, 1980, с. 168, 169.
[371] Marqvart, 1911, S. 21.
[372] Артамонов, 1962, с. 162. Kollautz, Miyakawa, 1970, S. 159.
[373] Чичуров, 1980, с. 153/161. Charles, 1916, p. 197, 47.
[374] Charles, 1916, p. 197, 47.
[375] Moravcsik, 1958, S. 218, 234. Чичуров, 1980, с. 36/60, 153/161.
[376] Чичуров, 1980, с. 153/161.
[377] Кругликова, 1957, с. 253-256, рис. 1. Михлин, 1972. Амброз, 1981, рис. 6,36. Этнокультурная карта..., 1985, табл. 2, рис. 18,3,26. Айбабин, 1985, с. 197-199, рис. 8,21-25. Айбабин, 1990, с. 38, 39, 49, 57, 58, 72, рис. 2,79,99,113,142,162,164. Баранов, 1990, с. 111, рис. 38,14; 39,22,23. Атавин, 1996, рис. 1; 2.

или череп коня — на деревянном перекрытии над скелетом человека. Однотипное захоронение прабулгарского вождя с конем и инвентарем конца VII в. раскопано в Болгарии близ Мадары в кургане III[378].

С созданием в Приазовье нового независимого объединения племен степи Северного Причерноморья оказались под контролем союзников Византии. По Никифору и Феофану после смерти Куврата между 641 и 668 гг. стараниями его сыновей Великая Булгария распалась на пять племен. Один из сыновей Батбаян унаследовал со своим племенем пастбища в Восточном Приазовье и Северном Причерноморье. Племя второго сына Котрага переправилось на другой берег реки Танаис, племя Аспаруха ушло на Балканы, четвертое племя — в Италию, а пятое — в Паннонию[379].

По утверждению А.Л.Якобсона, Херсон с начала VII и до середины IX в. переживал упадок. По его словам, после Маврикия в городе прекратился выпуск монет, резко сократилось денежное обращение, наступила экономическая депрессия, произошла натурализация хозяйства, ослабли, а временами полностью прервались, связи с Византией[380]. С А.Л.Якобсоном полемизирует А.И.Романчук. По ее мнению, город до середины VII в. активно торговал с портами Черного и Средиземного морей, в VII-VIII вв. в Херсоне много строили, но одновременно сокращались торговые связи и натурализовалась экономика[381].

Согласно скудным сведениям письменных источников, в VII в. Херсонес оставался главным византийским городом в Юго-Западном Крыму. В противном случае вряд ли бы сосланных в город Евпрепия и Феодора отправили в соседние крепости[382]. В Херсоне найдена печать 550-650 гг. городского аркария (αρχαρίυ) — чиновника, собиравшего налоги в кассы византийских ведомств comitis sacrarum largitionum и префекта претория[383]. Из Херсона происходят печати других чиновников местной византийской администрации: ипата Стефана (№ 27, VII в.), переводчика (550-650 гг.) и нотария (VII в.), а также епископов VII в. Стефана и Диогена, византийского сановника патрикия Мариана (№ 35, VII в.)[384]. Епископ Херсона Георгий в 692 г. участвовал в Трулльском Пятошестом соборе. На протяжении всего VII в. в Херсоне поддерживалось стабильное денежное обращение, имевшее общеимперские черты. В обращении преобладали медные монеты. При Ираклии (610-641 гг.) городской монетный двор возобновил чеканку фоллисов[385]. Тогда же с целью унификации номинала имевших хождение разновременных монет IV-VI вв. произвели их массовую надчеканку, приравняв к номиналу в 5 нуммий[386]. В VII в. монетами, выпущенными в предшествующий период, херсонцы оплачивали товары из Юго-Западного Крыма, где они обнаружены, в основном, в захоронениях второй половины этого столетия[387]. Связь Херсона с Византией подтверждает и прекращение чеканки монет после Ираклия. По предположению И.В.Соколовой, в то время почти все муниципалитеты империи, кроме итальянских, лишились права чеканить монеты[388].

---

[378] Рашев, 1993, с. 253.
[379] Чичуров, 1980, с. 36/60, 37/61, 154/162.
[380] Якобсон, 1964, с. 27, 28.
[381] Романчук, 1985, с. 133, 134.
[382] Vasiliev, 1936, p. 78.
[383] Соколова, 1991, с. 203, 206, № 13. Панченко, 1903, № 424.
[384] Соколова, 1991, с. 202, 206-209, 213.
[385] Grierson, 1968, part 1, p. 38, 381. Соколова, 1983, с. 26-28.
[386] Анохин, 1977, с. 108.
[387] Веймарн, Айбабин, 1993, с. 167. Айбабин, 1982, с. 186, 187. Айбабин, 1993а, с. 123.
[388] Соколова, 1983, с. 110, 111.

В VII в. в Херсоне велись значительные строительные работы. На западном участке обороны перестроили башню Ia (рис. 50,В,*Ia*), доведя толщину ее стен до 2,5 м. В результате увеличился вынос башни за линию стен и улучшилась защита последних[389]. По мнению Г.Д.Белова и А.Л.Якобсона, в конце VI - начале VII вв. в связи с сооружением двух новых больших трехнефных базилик[390] были перепланированы кварталы XIX и XXV. Одна из них в 1932 г. раскопана в квартале XXV. В ней сохранились мраморные базы колонн, а в боковых нефах и около солеи — мозаичные полы. Рядом зачищены известковые ямы и известеобжигательная печь, в которых готовили раствор для базилики. Ямы и печь впущены в слой, перекрывавший снесенные более ранние помещения и содержавший фрагменты амфор, краснолаковых сосудов и монету Константа II (641-668 гг.). По словам руководителя раскопок Г.Л.Белова, после завершения стройки ямы засыпали, а снивелированная площадь перед базиликой осталась свободной[391]. Учитывая зафиксированную им стратиграфию в данном квартале, возведение базилики следует датировать не ранее периода правления Константа II. Вторую одноапсидную базилику с нартексом и экзонартексом раскрыли в 1935 г. в квартале XIX и доследовали в 1950, 1956, 1957 гг. Она стоит на руинах снесенной синагоги, упоминавшейся во второй главе. Полы боковых нефов базилики вымощены мозаикой, среднего нефа — мраморными плитами, сделанными из стенок античных саркофагов. Ее украшали мраморные феодосианские и коринфские капители, скульптура "Добрый пастырь". В слое 3, в который впустили ее фундамент, найдены фрагменты амфор типа Якобсон 10 и херсонесские монеты Маврикия Тиберия (582-602 гг.)[392]. По утверждению Г.Д.Белова, при строительстве базилики изменилась планировка соседних кварталов XV-XVIII. Участок перед базиликой оставили незастроенным. В кварталах возвели новые дома и засыпали цистерны[393]. В квартале XV из засыпи цистерны 74 извлекли монету Ираклия или Константа II[394]. Если цистерну ликвидировали в связи с сооружением базилики, то это могли сделать не ранее середины VII в. Одновременно с базиликой построили дом в кварталах XV-XVI[395] и дом с кладовой в подвале в квартале XVIII. На его полу нашли пряжку типа Сиракузы, фрагменты краснолаковой миски со штампованным крестом, амфоры типа Якобсон 4 и с воронкообразным горлом типа Якобсон 10[396]. Названные пряжки использовали в Крыму со второй четверти до конца VII в. В Греции они найдены в могилах с монетами Ираклия 613/614 гг., Константа II 659/665 гг., в Сирии — с монетами VII в.[397]

В северо-восточном районе целый квартал занимает комплекс, называемый Уваровской базиликой по имени открывшего ее в 1853 г. графа А.С.Уварова (рис. 31). Трехнефное одноапсидное здание с нартексом и экзонартексом и галереей вдоль южного нефа возвышалось над берегом моря. В атриуме перед экзонартексом находился

---

389 Антонова, 1963, с. 63.
390 Белов, 1953а, с. 26. Якобсон, 1959, с. 176.
391 Белов, 1953а, с. 26. Белов, 1941, с. 224-232. Белов, 1936, с. 20, 29-31. Белова-Кудь, 1936, с. 148.
392 Белов, 1938, с. 72-78, рис. 44; 59. Белова-Кудь, 1936, с. 148, №№ 50-51. Жеребцов, 1963, с. 210-212, рис. 1.
393 Белов, 1953а, с. 26.
394 Белов, Стржелецкий, Якобсон, 1953, с.212-215, рис.61-63. Якобсон, 1979, с.10,11,14,16, рис.1,6.
395 Белов, Стржелецкий, 1953, с. 90.
396 Белов, Якобсон, 1953, с. 121. Белова, 1953, с. 269, № 109.
397 Айбабин, 1990, с. 43, рис. 2,122; 42,6,7. Pallas, 1981, p. 298, 299. Chavane, 1975, p. 162, 163, pl. 46,466. Martin, Steckner, 1993, S. 124-126, Abb. 37,3.3; 38,4.4.

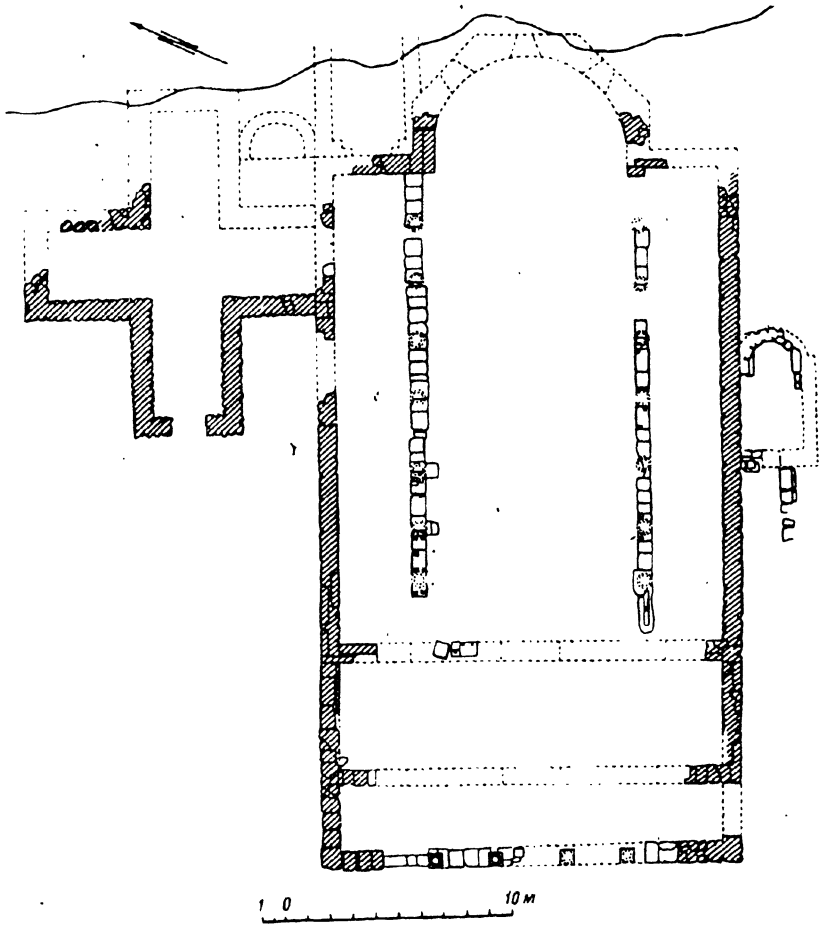


Рис. 71. Херсонес. Комплекс Восточной базилики.

шестигранный фиал. Улица перед базиликой была вымощена плитами[398]. Базилику возвели на рубеже VI-VII в. Стена ее внутреннего нартекса поставлена на засыпанный колодец с монетой Маврикия, вероятно, чеканенной в 590-е гг.[399]. В.В.Латышев по содержащимся в тексте созданного в VII в. "Жития херсонесских святых" топографическим деталям отождествил Уваровскую базилику с храмом св. Петра[400].

На площади, замыкающей главную улицу, не ранее середины VII в. построили трехнефную Восточную базилику (рис. 71)[401]. Дата основана на рассмотренной выше керамике из заполнения предварительно засыпанного в квартале I колодца[402].

---

[398] Якобсон, 1959, с. 152-160.
[399] Косцюшко-Валюжинич, 1902, с. 81. Соколова, 1983, с. 23-26. Hahn, 1978, p. 415, 471, 472.
[400] Латышев, 1906, с. 51-56, 62-73.
[401] Якобсон, 1959, с. 165-168.
[402] Сазанов, 1991, с. 61.

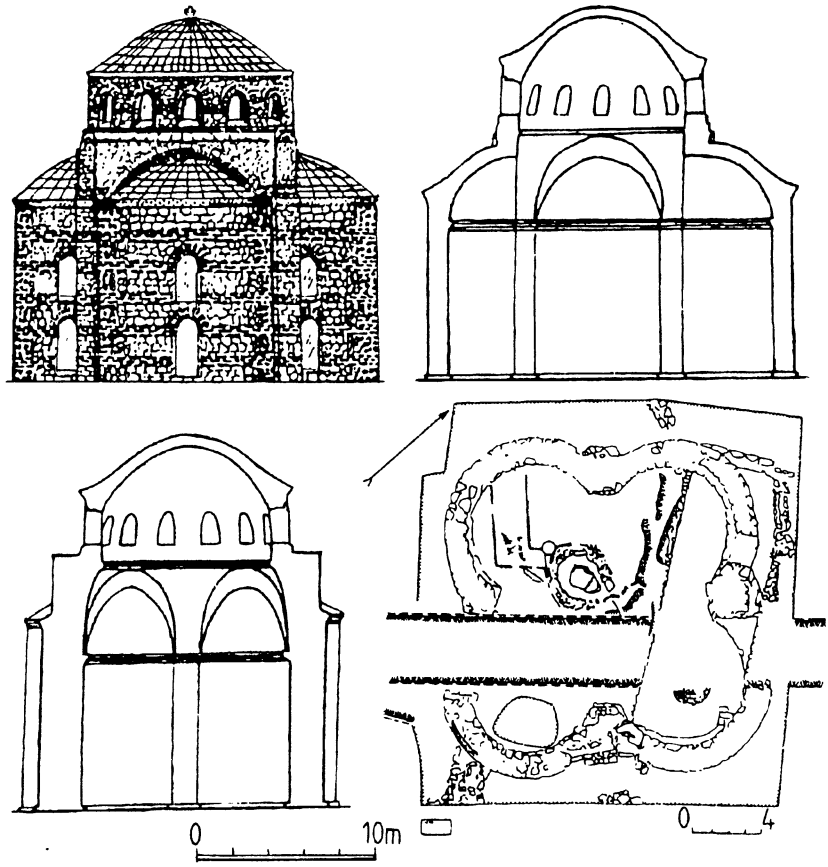


Рис. 72. Херсонес. План раскопа и реконструкция Четырехапсидного храма (по Кутайсов, 1982, рис. 1; 6).

В начале главной улицы в западном районе близ городских ворот, вероятно, тогда же соорудили четырехапсидный храм (рис. 72). О дате следует судить по наиболее поздним краснолаковым сосудам, извлеченным из засыпи под полом храма[403]. Миски формы LR 93 в Карфагене встречены в слое второй половины VI в.[404], в Константинополе — в слое второй половины VII в.[405], а в портовом районе Херсонеса — в слое с монетой Константа II (641-668 гг.)[406]. Египетские краснолаковые миски ERS формы C изготовлялись до конца VII в.[407] Остатки усадеб VII в. расчищены в Портовом районе. В кладовой одной из них в результате пожара возник слой керамики с упомянутой выше монетой Константа II. В слое наиболее поздними являлись имитации ам-

[403] Кутайсов, 1982, с. 155-166, рис. 8,5,6.
[404] Fulford, 1984, p. 67, 69, fig. 19,50-10.
[405] Hayes, 1992, p. 100, 101, fig. 40,57.
[406] Романчук, 1975, с. 3-10, рис. 5,в.
[407] Sodini, Villenuve, 1992, p. 207, 208, fig. 10,11.

фор типа Якобсон 10, причисленные Д.Хэйсом к типам Sarachane 9, 10 и 15, и красно-лаковая миска формы LR 93. В Константинополе названные сосуды происходят изслоя 30 второй половины VII в., а тип 10 и из слоя VIII в.[408] Исходя из приведенных фактов, можно заключить, что только в третьей четверти VII в. Херсон приобрел раннесредневековый архитектурный облик.

Во второй половине VI-VII вв. городские христианские некрополи располагались на западном берегу Карантинной бухты и за западной оборонительной стеной. Довольно часто хоронили в семейных склепах, сооруженных в позднеримское время. На некрополях раскопано более тридцати склепов и несколько могил вырубленных в материковой скале в данный период. В склепах лежанки отделялись от остальной части камеры низкими перегородками. Иногда в центре камеры делали подпорный столб. Покойников погребали в одежде с украшениями в деревянных гробах. На гробы ставили керамические и стеклянные сосуды. В дромосе устанавливали надгробные кресты с христианскими, в основном греческими, именами (Георгий, Стефан, Христофор, Федор, Дамиан, Маргарита, Лазарь)[409]. В.В.Латышев отнес к VI-VII вв. надпись на надгробном кресте из склепа с захоронениями пресвитеров ("О памяти и упокоении пресвитеров Стефана, Стефана и Христофора. Аминь")[410]. На описанной выше закладной плите упомянут гот. В нескольких склепах найдены деформированные черепа и скелет с южнокрымской пряжкой с орлиноголовым щитком[411]. Видимо, эти захоронения принадлежали выходцам из области Дори. Сосланный в Херсон в 655 г. римский папа Мартин I отличал ромеизированных горожан ("живущие здесь") от "варваров" соседнего региона ("те, кто обитает в этой области")[412].

На протяжении всего VII в. в городе функционировали металлообрабатывающие мастерские. Одна из них выявлена в северо-восточном районе в III квартале. В 1910-1912 гг. там в помещениях XI и 26 нашли тигли, шлаки и форму для отливки металлических вещей[413]. Как мне любезно сообщили сотрудники Херсонесского заповедника С.Г.Рыжов и Н.А.Алексеенко, в 1995-1996 гг. в том же районе в море у берега аквалангисты собрали шлак, бронзовые слитки и бракованные византийские пряжки. Химический состав обнаруженных в разные годы на городище бронзовых слитков, полуфабрикатов и пряжек типа Сиракузы (рис. 73,*5*) идентичен[414]. В мастерских отливали и другие популярные среди горожан поясные пряжки (рис. 73,*7*), в том числе с прямоугольной рамкой (рис. 73,*6*), характерные лишь для второй половины VII-VIII вв. С помощью матриц, привезенных из Константинополя и Подунавья, в VII в. делали детали поясных наборов (рис. 73,*1-4*). Продукция мастерских продавалась в Херсоне и в области Дори[415]. В Крыму отсутствуют месторождения цветных металлов. Очевидно, необходимое сырье привозили из Малоазийских рудников[416].

---

[408] Романчук, 1975, с.3-12, рис.3,а;5,в. Hayes, 1992, p. 66,67,100,101,103, fig. 22,8,10,11;40,57;47,171.
[409] Якобсон, 1959, с. 249-260. Айбабин, 1990, с. 69.
[410] Латышев, 1896, с. 31, № 34.
[411] Якобсон, 1959, с. 256. Зубарь, Рыжов, Шевченко, 1988, с. 161, рис. 9,9.
[412] Бородин, 1991, с. 179, 186.
[413] Айбабин, 1982а, с. 196.
[414] Кадеев, 1963, с. 36, 37.
[415] Айбабин, 1982а, с. 190-196, рис. 1,1-5,8; 2-4; 5,1. Aibabin, 1993, p. 167-168, fig. 8.
[416] Романчук, 1976, с. 32.

Рис. 73. Херсонес.
1-4 - матрицы VII в. для производства деталей поясных наборов; *5* - пряжка типа Сиракузы; *6* - литейная форма для отливки пряжек: *7* - бракованная пряжка; *8,9* - бракованные пряжки типа Коринф 2 варианта.

½6 А. И. Айбабин

Городские гончары изготавливали пифосы, кухонную посуду и строительную керамику (кирпичи с клеймами конца VI - начала VII вв., черепицу, трубы)[417]. Во второй половине VII в. были засыпаны восемь крупных цистерн, что привело к сокращению переработки рыбы. Однако, в городе сохранилось товарное производство соленой рыбы. Ее продолжали перерабатывать не менее чем в 16 цистернах[418]. В одном из писем римского папы Мартина I сообщается о вывозе из города в империю соли[419]. В VII в. произошли изменения на сельских усадьбах городской хоры на Гераклейском полуострове. Некоторые из них (но как показали новые раскопки не все)[420] были заброшены. Одновременно для выпаса скота осваиваются склоны балок восточной Гераклеи[421]. Видимо, поэтому уменьшилось производство зерна и горожане весной испытывали недостаток хлеба. Информация о положении в Херсоне в 655 г. содержится в письмах папы Мартина. В первом письме, написанном в июне он писал: "...голод и нужда в этой земле таковы, что хлеб в ней только упоминается по названию, однако его совсем не видят. ...Ведь в этой стране нельзя ни за какую цену найти в обеспечение себе хотя бы умеренное пропитание". Во втором письме, отправленном в сентябре сказано: "Но до сих пор я не мог купить зерна из нового урожая иначе, чем за номисму четыре модия". Конечно же в словах старого, больного, не по своей воле оказавшегося в Херсоне папы содержатся риторические преувеличения. В сердцах он и херсонцев и соседних варваров называл язычниками: "Ведь те кто обитает в этой области, все являются язычниками, и языческие нравы восприняли те, которые известны, как живущие здесь..."[422]. Все таки следует полагать, что он описал реальные сезонные затруднения с продовольствием и его дороговизну. Однако, из его писем нельзя сделать вывод о крахе городской экономики, натурализации хозяйства и ликвидации денежного обращения. Рассмотренные выше факты характеризуют Херсон VII в. как византийский город с развитым товарным производством и с широкими торговыми связями. Последние документируются и происходящими из Херсона печатями VII в. византийских коммеркиариев, в том числе главного коммеркиария апотеки Константинополя 688/689 гг.[423]

[417] Якобсон, 1979, с. 25-28. Романчук, 1976, с. 23, 29, 30.
[418] Романчук, 1976, с. 16.
[419] Бородин, 1991, с. 179, 187.
[420] Яшаева, 1994, с. 79.
[421] Романчук, 1972, с. 47.
[422] Бородин, 1991, с. 179.
[423] Соколова, 1991, с. 205, 206, 208, №№ 10, 26.

ГЛАВА IV

ПОД ВЛАСТЬЮ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Этнополитическая обстановка на полуострове коренным образом изменилась в результате завоевания степей Северного Причерноморья хазарами. По сообщениям китайских, арабских и армянских источников, хазары входили в западную конфедерацию тюркского каганата Кёк-тюрк (по китайски Т'у-гю)[1]. Китайцы именовали хазар Ко-са (К'о-са)[2]. После разгрома западных тюрков в 657 или 659 г. китайцами[3] хазары стали самостоятельными. Ими управлял каган[4]. По рассказам Никифора и Феофана, вскоре после распада Великой Болгарии и ухода Аспаруха в 679/680 гг. за Дунай, булгар Батбаяна покорили хазары, напавшие "...из глубин Берзилии (Βερζιλίας) на земли булгар и все селения за Понтом Эвксинским". Феофан писал о Берзилии, как о части Первой Сарматии, а Никифор — как о соседней с сарматами, то есть аланами, стране[5]. Первая Сарматия локализуется в Северо-Западном Прикаспии[6]. Автор XII в. Михаил Сириец назвал Барсалию страной алан[7]. В письме хазарского царя Иосифа сановнику халифа Омейадской Кордовы Хасдаю ибн Шафруту (905-975 гг.) приведена другая версия покорения булгар. Иосиф пересказал одно из известных "всем старикам нашей страны" хазарских преданий: "У меня записано, что когда мои предки были еще малочисленны, всесвятой, — благословен он, — дал им силу, мощность и крепость. Они вели войну за войной со многими народами, которые были могущественнее и сильнее их. С помощью божьей они прогнали их и заняли их страну, а некоторых из них заставили платить дань до настоящего дня. В стране, в которой я живу, жили прежде в-н-нт-р'ы. Наши предки, хазары, воевали с ними. В-н-нт-р'ы были более многочисленны — так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени Дуна. До настоящего дня они расположены на реке Дуна и поблизости от Кунстандины (Константинополя), а хазары заняли эту страну до настоящего дня"[8]. Согласно "Новому списку Армянской географии", созданной не ранее конца VII в. Ананием Ширакаци, орда сына Куврата Аспаруха до ее изгнания кочевала у Гиппийских или Булгарских гор — между "рукавом реки Танаис", впадающим в Меотиду и местом где Волга поворачивает к востоку и образует дельту с 70 рукавами[9]. М.И.Артамонов отождествляет Гиппийские горы с Ергенями

---

[1] Dunlop, 1954, p. 21, 22, 32. Артамонов, 1962, с. 170-171. Minorsky, 1978, p. 124. Минорский, 1963, с. 142, 143.
[2] Dunlop, 1954, p. 34-38. Golden, 1980, p. 50-53, 58.
[3] Chavannes, 1903, p. 267-268.
[4] Dunlop, 1954, p. 22. Новосельцев, 1990, с. 89.
[5] Чичиров, 1980, с. 36/60, 37/61, 154/162. Moravcsik, 1958, S. 89.
[6] Федоров, Федоров, 1970, с. 84.
[7] Michel le Syrien, Chronique, p. 363-364. Althheim, Stiehl, 1959, S. 110, 115.
[8] Коковцев, 1932, с. 92.
[9] Патканов, 1883, с. 28. Hewsen, 1992, p. 48, 55, 93, 94, 110.

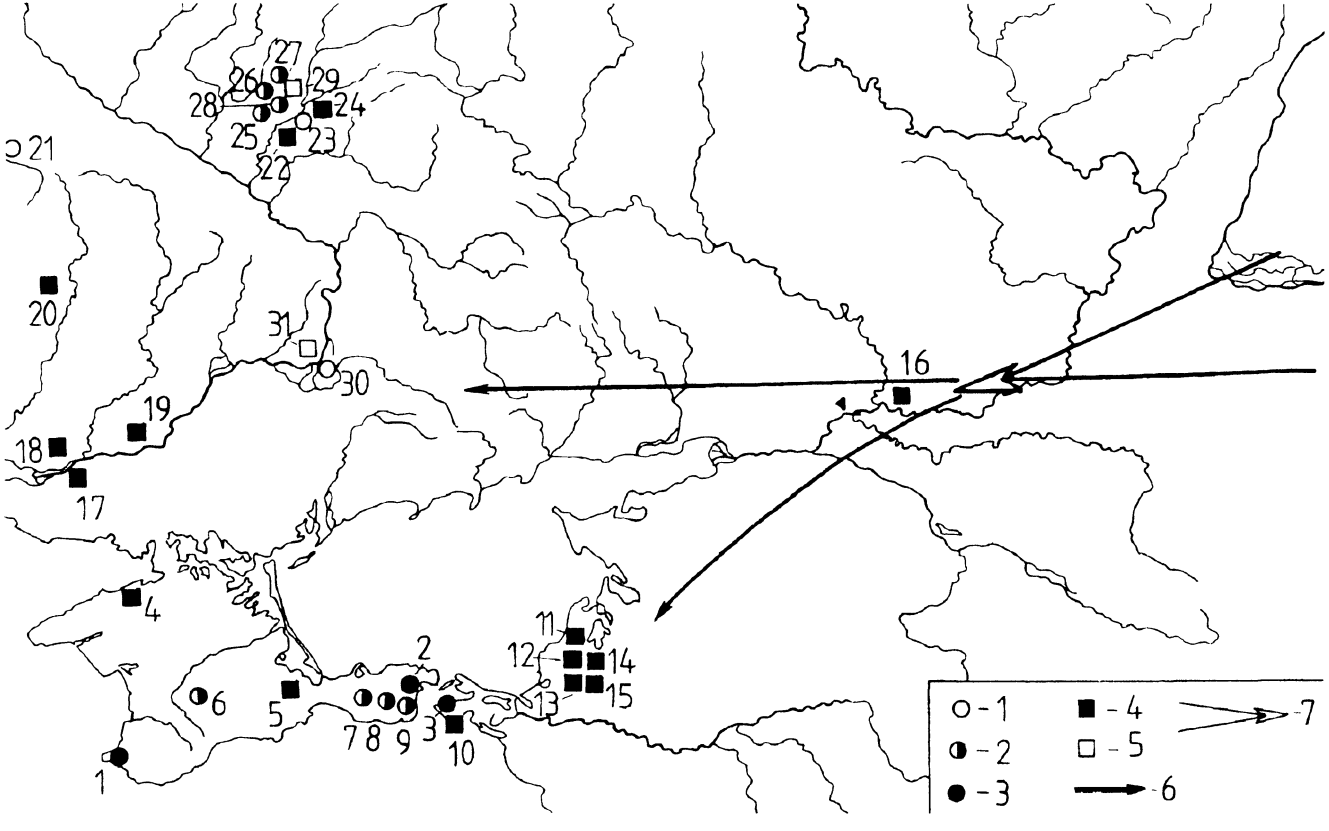


Рис. 74. Карта ранних хазарских памятников Северного Причерноморья.
Условные обозначения *1* - поминальные комплексы каганов; *2* - поселения и стойбища; *3* - города; *4* - погребения хазар; *5* - гончарные центры; *6,7* - направления вторжения хазар в Северное Причерноморье и Крым.
1 - Херсон. *2* - Боспор. *3* - Тиритака. *4* - Портовое. *5* - Новопокровка. *6* - Тау-Кипчак. *7* - Пташкино. *8* - Илурат. *9* - Героевка. *10* - Михаэльсфелд. *11* - Малая I, курган 13, погребение 6. *12* - Чапаевский. *13* - Крупская. *14* - Калининская. *15* - Старонижнестеблиевская I, курган 8, погребение 1. *16* - Лимаровка. *17* - Келегей. *18* - Белозерка. *19* - Костогрызово. *20* - Ясиново. *21* - Гладоссы. *22* - Новые Сеньжары. *23* - Малая Перещепина. *24* - Макуховка. *25* - Полузорье II. *26* - Белокони. *27* - Лаврики.

вместе со Ставропольской возвышенностью[10]. Этот регион расположен рядом с Берзилией Феофана и Никифора, из глубин которой и Первой Сарматии, то есть из Заволжья хазары не позднее 679 г. вторглись на земли булгар Батбаяна и Аспаруха, вынудили последнего бежать за Дунай.

В то время хазары вели примитивное таборное кочевое хозяйство, весь год передвигаясь по степи. По определению С.А.Плетневой, такое хозяйство типично для первой стадии кочевания. Хазары хоронили в разбросанных по степям курганах предшествующего времени или в специально скрытых могилах[11].

Хазарская экспансия активизировала этнические процессы в Северном Причерноморье и в Крыму. Для их реконструкции важны рассмотренные в Приложении закрытые комплексы, найденные на некрополях. Комплексы из погребальных сооружений объединены в десятую - первой половины VIII в. (табл. XXXII,*1-17*), одиннадцатую - второй половины VIII в. (табл. XXXII,*18-33*), двенадцатую - первой половины IX в. (табл. XXXII,*34-45*) и тринадцатую - второй половины IX в. (табл. XXXII,*46-56*) хронологические группы.

В низовьях реки Кубань, в Восточном Приазовье, в низовьях Днепра и Буга и в степях Крыма (рис. 74) выявлены одиночные могилы кочевников, погребенных головой на северо-восток или восток. В мужских захоронениях находились скелет, или чучело, или череп коня и оружие. В подбойной могиле, раскопанной А.А.Щепинским близ села Портовое (рис. 74,*4*) в кургане 12 на дне подбоя зачищен скелет мужчины, у северо-восточного борта ямы — череп овцы, рядом со ступенькой — кости овцы, а на ступеньке — скелет лошади, ориентированный черепом на северо-восток. В могиле нашли железный меч, наконечники стрел, детали поясного набора и конской сбруи (рис. 75). Подобный обряд зафиксирован в Костогрызово (рис. 74,*19*) и в Калининской (рис. 74,*14*) в кургане 10 (с чучелом коня). В Белозерке (рис. 74,*18*), Старонижнестеблиевской (рис. 74,*15*), Чапаевском (рис. 74,*12*), Калининской в кургане 30, и, вероятно, в Новых Сенжарах (рис. 74,*22*) чучело или скелеты коня и человека лежали рядом на дне широкой ямы (в Белозерке — под звериной шкурой). В некоторых названных могилах обнаружены также кости барана или коровы. Сейчас уже трудно установить тип захоронений с конем, разрушенных в Келегеях (рис. 74,*17*) и Ясиново (рис. 74,*20*)[12]. В погребениях женщин отсутствовали конские кости. В Восточном Крыму в Новопокровке (рис. 74,*5*) могилу выкопали на территории заброшенного античного поселения. Скелет женщины ориентирован черепом на северо-восток (рис. 76,*1*). Под костяком прослежен древесный тлен от носилок или настила. Справа и слева от шейных позвонков лежали золотые височные подвески, украшенные зернью и вставками из красного, синего и зеленого стекла (рис. 76,*7,8*), в верхней части грудной клетки — золотая круглая бляха со вставками из альмандина (рис. 76,*3*) и три янтарные бусины, у кисти левой руки — сломанное в древности бронзовое зеркало (рис. 76,*2*) и пинцет (рис. 76,*1*), у кисти правой руки — череп, кости ног и ребра овцы или козы, на тазовых костях — железные нож и шило (рис. 76,*9,10*)[13]. Подобное погребение раскопано и в Восточном Приазовье у хутора Малаи (рис. 74,*11*)[14].

---

[10] Артамонов, 1962, с. 172.
[11] Плетнева, 1982, с. 16, 17, 27.
[12] Айбабин, 1985, с. 191-202, рис. 9. Этнокультурная карта..., 1985, с. 103, рис. 18,1, табл. 2. Атавин, 1996, с. 208-209, рис. 4,8,12,23.
[13] Гаврилов, 1996, с. 111, 112, рис. 1.
[14] Атавин, 1996, с. 209, табл. 20.

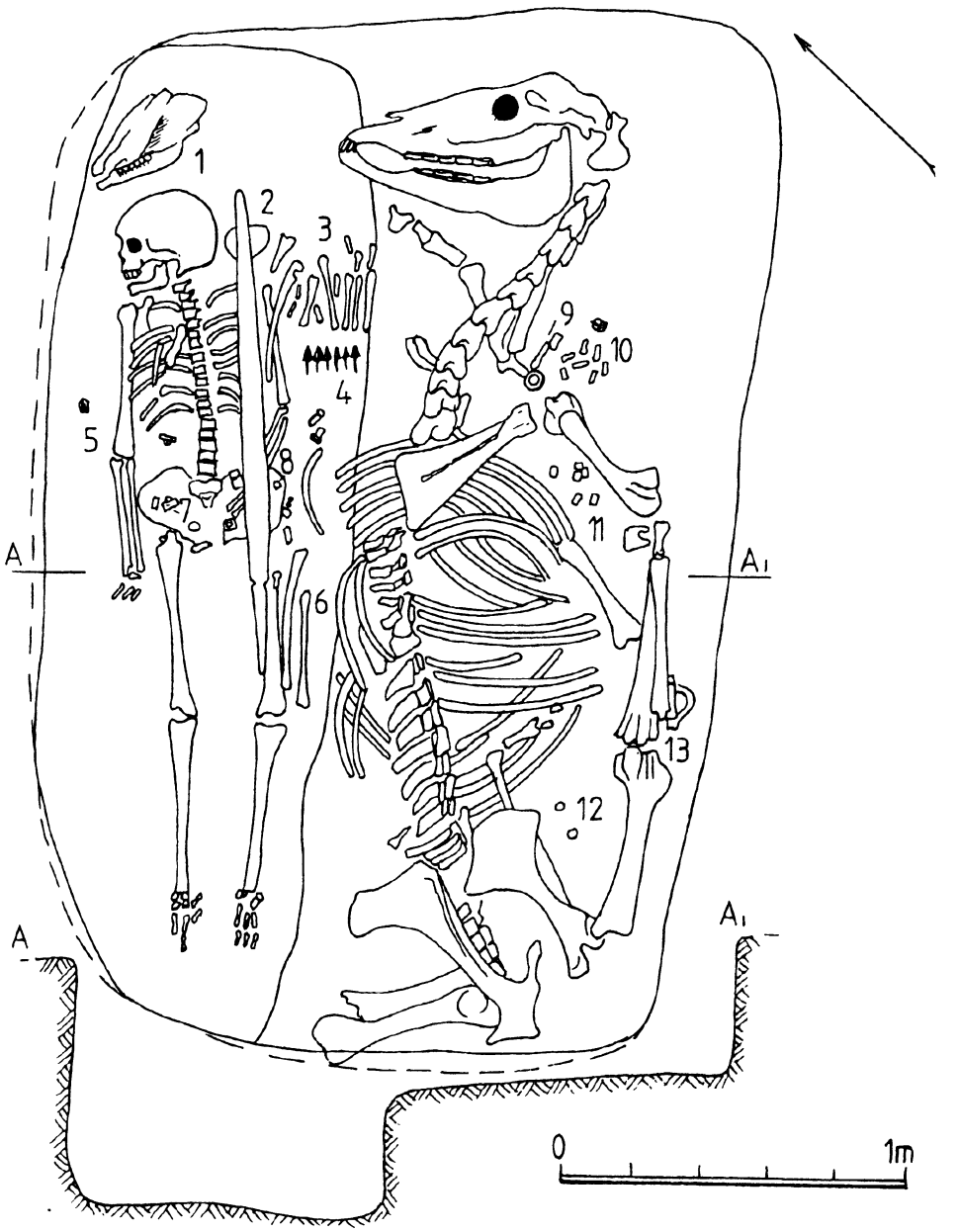


Рис. 75. Портовое, погребение воина с конем.
1 - череп овцы, *2* - железный меч, *3* - кости барана, *4* - железные наконечники стрел, *5* - бронзовая пряжка, *6* - костяные обкладки лука, *7* - большая бронзовая пряжка, *8* - биметаллические инкрустированные цветным стеклом детали поясного набора (табл. XXXI,*79,85,86,88*), *9* - обломок железных удил, *10-12* - серебряные сбруйные бляшки, *13* - обломок железного стремени.

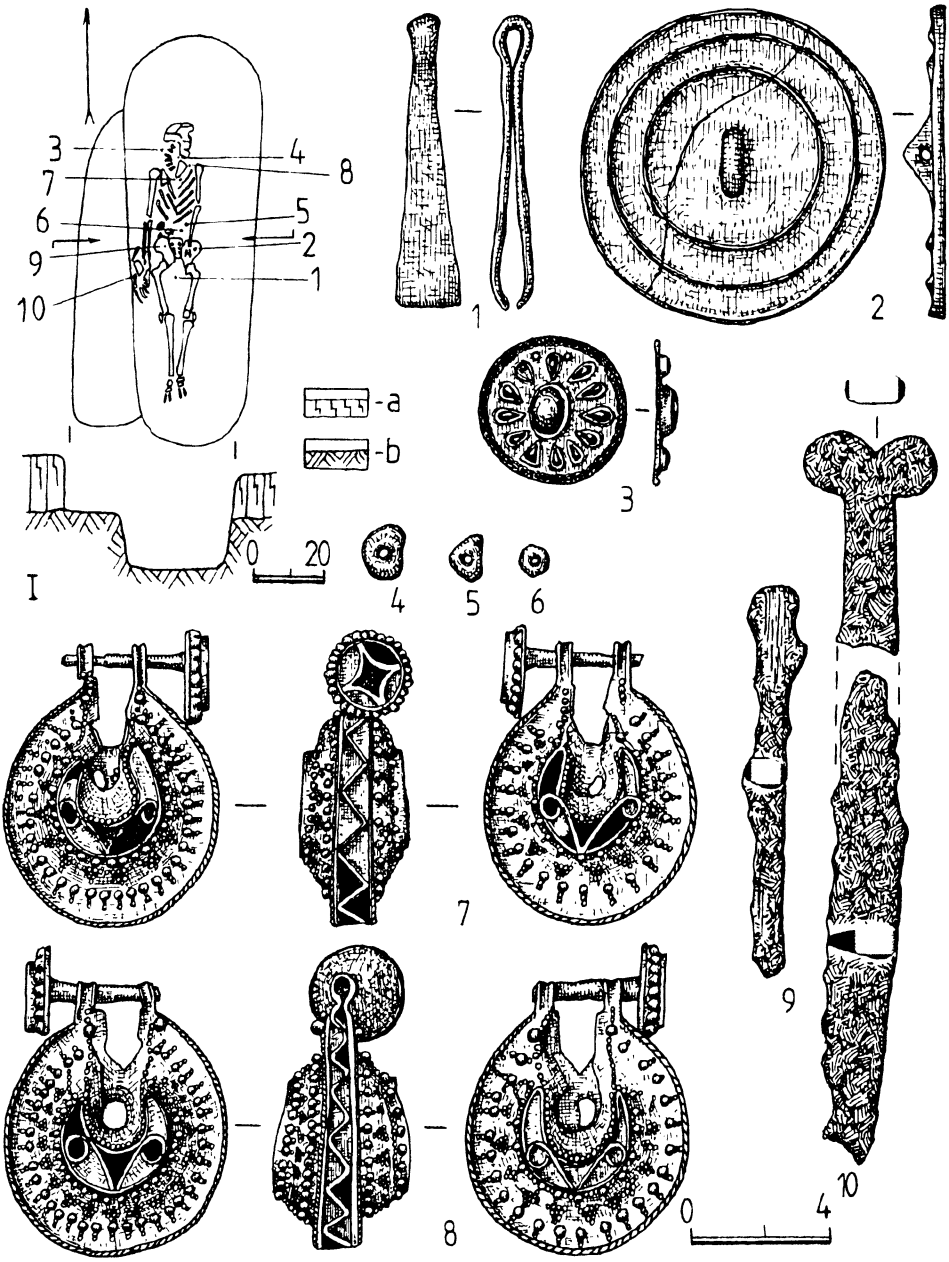


Рис. 76. Женское захоронение из Новопокровки (по Гаврилов, 1996, рис. 1,2).
1 - план, местонахождение вещей: *а* - чернозем, *b* - глина, *1* - нож, *2* - стержень, *3,4* - височные подвески, *5* - зеркало, *6* - пинцет, *7* - бляха, *8* - ожерелье из бус.
Находки из могилы: *1* - бронзовый пинцет, *2* - бронзовое зеркало, *3* - нашивная бляха, *4-6* - бусы, *7,8* - золотые височные подвески, *9* - железный стержень, *10* - железный нож.

Дата совершения захоронений определяется по их инвентарю. Биметаллические наконечники ремня и бляшки из Портового (табл. XXXI,*79,85,86,89*) и Белозерки (табл. XXXI,*87*) состоят из литой серебряной основы с отверстиями, в которые припаяны золотые гнезда со вставками из коричневого стекла, окаймленные золотыми зернинками. Гнездами со стеклянными вставками, окаймленными напаянной зернью, декорированы накладки на поясные или сбруйные ремни из Крыма, хранящиеся в Британском музее в коллекции А.Л.Бертье-Делагарда, из Керчи, Херсонеса, Келегей, Перещепины[15], из Венгрии (Тепе, Боча)[16], Албании (Врап), Ирана[17], из аланских катакомб Северного Кавказа (Верхняя Рутха, Кудентово)[18]. На серебряный наконечник ремня из кургана 30 из Калининской напаяна тонкая золотая пластинка с зернью[19]. Вещи с полихромными стеклянными вставками и зернью распространились во второй половине VII в. из Византии[20]. В том же стиле украшены золотые височные подвески из Новопокровки (рис. 76,*7-8*). Подобные подвески извлечены из могил конца VII в., разрушенных в деревне Джигинское (Михаэльсфелд) (рис. 74,*10*) на Черноморском побережье Прикубанья[21] и в Уфе[22]. Самыми поздними вещами являются: в Келегеях — золотые детали ножен меча, крест, полушаровидные гладкая и орнаментированные пальметой бляшки и серьга с выступом на кольце, серебряная и бронзовые пряжки с трапециевидной рамкой вариантов I-6 (типа табл. XXX,*40*) и II-6[23]; в Новых Сенжарах — аналогичная серьга, трапециевидная пряжка варианта II-6[24]; в Портовом и Чапаевском — пряжки с трапециевидной рамкой варианта I-8, типичные для крымских комплексов последней четверти VII и начала VIII в.[25] Псевдопряжки из могилы у хутора Малаи близки найденным в Лучистом в верхнем слое в склепе 36 в последнем захоронении четвертой четверти VII в.[26] В кургане 10 в Калининской найдены обломок железного стремени, узкие килевидные наконечники ремней и прорезная прямоугольная бляшка, характерные для конца VII - первой половины VIII в.[27], а в Старонижнестеблиевской — детали поясного набора и кувшин, подобный найденному в Дмитриевском в катакомбе IX в.[28] Меч из Ясиново по форме узкого прямого двулезвийного клинка, выкованного вместе с ним асимметричного черенка рукояти (рис. 77,*9*) аналогичен обнаруженным в аварских могилах конца VII в.[29], в помещении начала VIII в. в Пенджикенте и на свалке VIII в. в Афрасиабе[30], в катакомбе IX в. в Дмитриевском[31]. Комплекс из Ясиново по золотым серьгам с выступом на кольце (рис. 77,*2*), пронизи в виде колесика, перстню (рис. 77,*6*), деталям поясного набора (рис. 77,*4,5,7,8*) и

[15] Айбабин, 1985, с. 198-199, рис. 8,1,2,23,29,30,31. Айбабин, 1991а, рис. 2,11,12. Бобринский, 1914, рис. 29,46,48,52,54. Zaseckaja, 1993, p. 438, fig. 6.
[16] Laslo, 1955, p. 255, 278-285, tabl. XXXV,1-18; LVII,2-4.
[17] Werner, 1989, Taf. 14; 15; 19,1,3; 20,1.
[18] Уварова, 1900, с. 240, табл. LXIV,6. Артамонов, 1962, с. 129.
[19] Атавин, 1996, с. 214, рис. 13,5.
[20] Амброз, 1981, с. 17. Айбабин, 1985, с. 200.
[21] Кондаков, 1896, с. 200-202, рис. 115-116.
[22] Ахмеров, 1951, рис. 36.
[23] Айбабин, 1991а, с. 32-34, рис. 1,5; 2,8; 3,5.
[24] Смиленко, 1968, с. 160, 165, рис. 1,1,2; 2,1.
[25] Айбабин, 1990, с. 49, 50, 55, рис. 2,162,169,170,174; 46,7,27; 51,50. Атавин, 1996, рис. 6,4.
[26] Айбабин, 1990, с. 40. Атавин, 1996, рис. 22,1.
[27] Амброз, 1981, рис. 4а,41. Айбабин, 1982, с. 180, рис. 6,4. Айбабин, 1990, рис. 53,12-14. Атавин, 1996, рис. 9,1,2; 10,8; 11,7.
[28] Плетнева, 1989, рис. 73,119.
[29] Айбабин, 1985, с. 191, 192, рис. 1,5. Garam, 1979, S. 64, 85, Taf. 29,3,4.
[30] Распопова, 1980, с. 78, рис. 49,2,3.
[31] Плетнева, 1967, с. 157, 158, рис. 43,2.

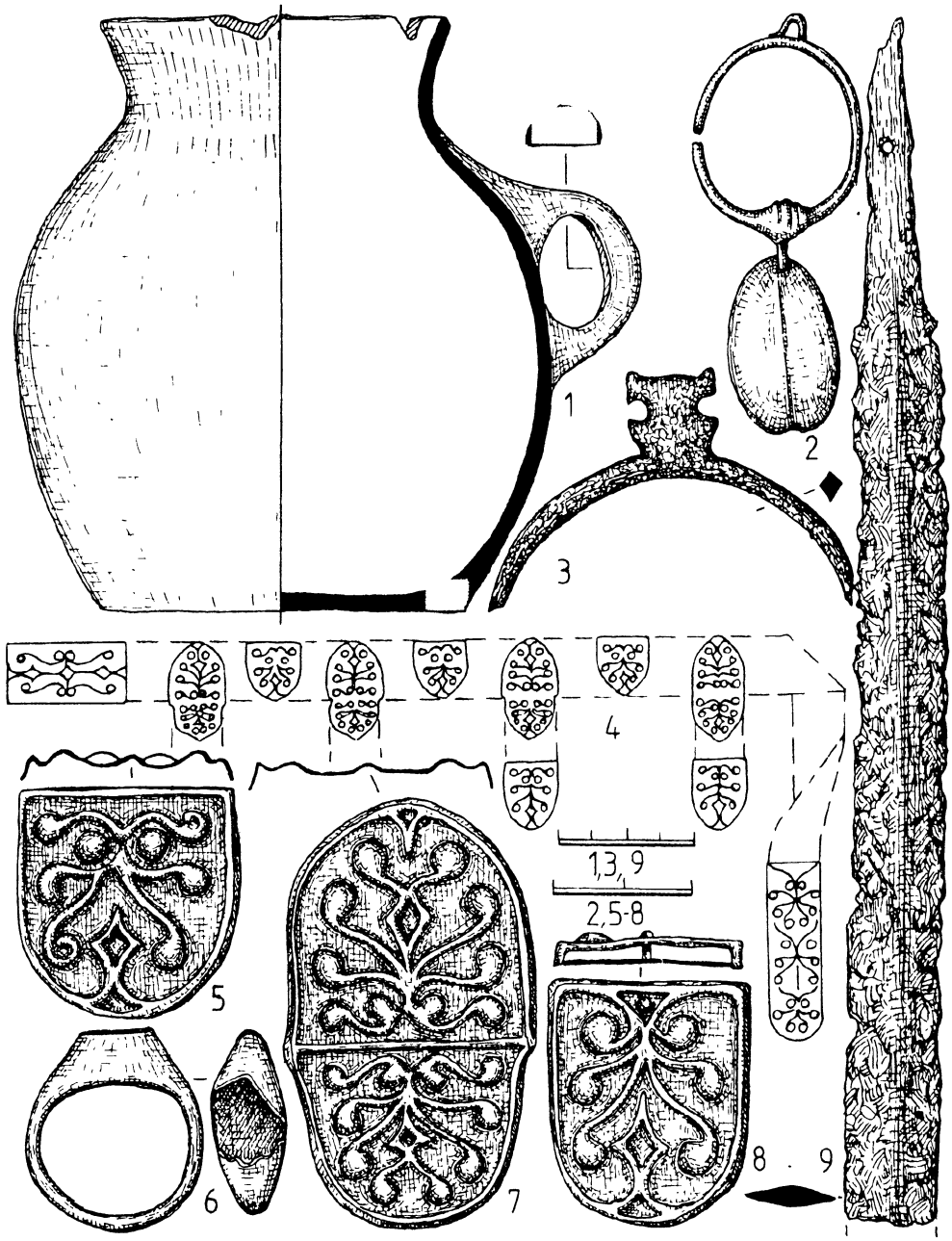


Рис. 77. Инвентарь из Ясиново.
1 - сероглиняный лощеный кувшин, *2* - золотая серьга с аметистовой бусиной, *3* - железное стремя, *4* - реконструкция поясного набора, *5,7,8* - золотые детали поясного набора, *6* - золотой перстень со вставкой из зеленого стекла, *9* - обломок железного меча.

и железным стременам (рис. 77,*3*) датируется первой половиной VIII в.[32]

Рассмотренные ориентированные на северо-восток и восток трупоположения с конем по конструкции и погребальному обряду близки раскопанным на Алтае, в Туве, в Восточном Казахстане и в других соседних регионах. Многие специалисты приписывают их тюркам-тугю[33]. По мнению А.К.Амброза, могилы всадников со взнузданными конями появились на Алтае в VII в.[34] Подобные захоронения всадников VII - начала VIII вв. открыты на путях миграций хазар в Нижнем Поволжье[35].

В степях Северного Причерноморья в бассейнах рек Днепра — Вознесенка (рис. 74,*30*), Малая Перещепина (рис. 74,*23*) и Северного Буга — Гладоссы (рис. 74,*21*) найдены и другие комплексы с многочисленными деталями конской сбруи. В Гладоссах на склоне берега реки Сухой Ташлык на участке между двумя оврагами, огражденном рвом, нашли яму диаметром 1 м и глубиной 0,7 м. В ней, по словам находчиков, лежали две кучки пережженных костей. Над одной были сложены детали сбруи двух коней (двое удил, три стремени, золотые сбруйные бляхи), а рядом с другой — золотые серьги, три ожерелья с византийскими медальонами, браслеты, перстни, меч и кинжал с золотыми ножнами, копье, обломки четырех серебряных сасанидских сосудов. Среди костей определены кости черепа и ребра мужчины зрелого возраста со следами рубящих ударов и овечьи. По стременам, деталям ножен и сбруйным бляхам сооружение датировано рубежом VII-VIII вв.[36] Оно по конструкции и обряду захоронения аналогично описанным в китайских хрониках погребально-культовым комплексам тюрков-тугю. Они с древности сжигали умерших вместе с принадлежавшими им при жизни вещами и верховыми конями. Остатки кострища собирали и зарывали в могилу, вокруг которой сооружали культовую ограду. В результате контактов с соседями рядовые тюрки перестали кремировать покойников. Однако, знать погребали по старому обряду и в первой половине VII в. В 634 г. кремировали последнего кагана Тюркского каганата Хели, а в 639 г. — его племянника Хэлоху[37].

В конце днепровских порогов близ с. Вознесенка на левом высоком берегу на плато, окруженном с трех сторон балками и обрывистым берегом реки, раскопан участок размером 62x31 м, окруженный валом, насыпанным из земли перемешанной с камнями. На огражденной территории в восточной части зачищено каменное кольцо площадью 29 кв. м. На его северной границе выявлена яма 0,55x0,40 м, глубиной до 1 м. В ней найдены четыре слоя побывавших в огне вещей: в первом сверху — 58 железных стремян и обрывки кольчуги, во втором — железные 40 удил и 139 пряжек, гвозди, ножи, 7 наконечников стрел, в третьем — золотые и серебряные обломки ножен 3 палашей, портупейные бляшки и застежки, более 1400 бронзовых позолоченных украшений сбруйных ремней, обломки византийских серебряных сосудов, в том числе блюда с изображением собаки, две отлитые из серебра фигурки льва и орла с лапами, обвитыми змеей. Сверху в вещи воткнули три палаша. Западнее расчищена другая яма (1,25x1 м, глубиной до 1,63 м), заполненная десятью слоями взятых из кольца камней, перемешанных с обгорелыми костями лошадей, стрелами, керамикой и кусками обожженной глины. На земле вокруг ямы лежали зубы и обломки костей более

[32] Айбабин, 1985, с. 196, рис. 1,2; 2,1-6,8,11,12.
[33] Спришевский, 1951, с. 33, рис. 1,3. Гаврилова, 1965, с. 58-60, 104-106, табл. XXXI. Вайнштейн, 1966, с. 334. Вайнштейн, 1966а, с. 61. Кызласов, 1979, с. 121, 138. Худяков, 1980, с. 195, 201. Кубарев, 1981, с. 90, 91. Могильников, 1981, с. 31-33. Деревянко, 1978, с. 121.
[34] Амброз, 1971а, с. 121.
[35] Синицын, 1947, с. 130-131. Максимов, 1956, с. 75. Амброз, 1981, рис. 1; 2.
[36] Сміленко, 1965. Амброз, 1973, с. 88, 90. Амброз, 1981, с. 22, рис. 4а; 5; 7; 8. Амброз, 1986, с. 61.
[37] Бичурин, 1950, с. 230, 277. Liu-Mau-Tsai, 1958, S. 9, 42. Могильников, 1981, с. 31.

800 коней, фрагменты амфор и кувшинов[38]. Фигурки льва и орла являлись навершиями византийских военных штандартов. Контрольные клейма на фигурке орла типичны для времени Константа II (641-668) или Константина IV (668-685). На груди птицы вырезана крестовидная монограмма имени в генетиве ΠΕΤΡΟΥ, то есть Петров или Петра — командира византийского военного подразделения[39]. По стременам, сбруйным бляхам и пряжкам описанное сооружение отнесено к первой половине VIII в.[40] А.К.Амброз аргументировано атрибутировал его как кочевнический поминальный храм. Подобный огражденный рвом и глинобитной стеной поминальный комплекс в 732 г. построили в Монголии в честь второго лица в Тюркском каганате Кюль-Тегина. Его площадь 1922 кв. м — всего на 12 кв. м. меньше Вознесенского. В каркасном павильоне находились три обмазанные глиной ямы для жертвоприношений, а к западу от павильона — стоящий на остатках кострища большой каменный жертвенник с отверстием. Круглое каркасное сооружение прослежено и на поминальном памятнике в Сарыг-Булуне в Туве[41].

Комплекс из Малой Перещепины (рис. 74,*23*) нашли в 1912 г. деревенские пастушки. По поручению Императорской археологической комиссии И.А.Зарецкий и Н.Е.Макаренко расследовали обстоятельства обнаружения "клада". Они опросили обоих пастушков, крестьян и стражников, которые участвовали в извлечении вещей из земли. Как установили И.А.Зарецкий и Н.Е.Макаренко, вещи лежали в куче в песчаной дюне, на глубине от 18 см до 1 м от поверхности песка, в пространстве около 1,5 м в поперечнике. Между предметами найдены сгнившие куски дубовых "дощатых брусьев" и остатки коричневой шелковой ткани. В отчете, представленном в комиссию, Н.Е.Макаренко писал об отсутствии на месте находки вещей каких-либо костей[42]. Через 51 год один из пастушков вдруг вспомнил о лежавших в 0,5 м от вещей в золе кусках черепа человека и чашечках голени[43]. Однако, вряд ли его новый рассказ достоверен. Ведь через несколько дней после находки клада и пастушки, и их односельчане говорили о том, что они не обнаружили на месте находки вещей человеческие кости. В Эрмитаж поступили византийские серебряные и золотые блюдо с латинской надписью "ex antiquis renovatum est per Paternum reverentiss(imum) episc(opum) nostrum amen" о его возобновлении епископом Патерном, занимавшим кафедру в первой четверти VI в. в г. Томи, патера и рукомойник, использовавшиеся для омовения рук архиерея, с клеймами 582-602 гг., блюдо с крестом, амфора[44], бокалы[45], 70 золотых монет (одна из них, солид Ираклия, хранится в Полтавском музее)[46], золотые перстни с греческими монограммами Кубрата[47], пряжка и обоймица для обуви[48], пуговицы, 4 поясных набора (от широкого ремня с большими пряжкой и наконечником, с псевдопряжками, с напаянной зернью, с геометрическими гнездами с инкрустацией)

---

[38] Грінченко, 1950, с. 37-63. Мацулевич, 1940, рис. 1. Амброз, 1981, с. 19, 20.
[39] Мацулевич, 1959, с. 202, 203, рис. 1-3. Cruikshank-Dodd, 1961, p. 260, № 95.
[40] Амброз, 1973, с. 93, 94, рис. 1,17. Амброз, 1981, с. 21, рис. 4а; 5; 7; 8.
[41] Амброз, 1981, с. 20. Jisl, 1960, s. 92, 94-96, 105-113, obr. 42.
[42] Зарецкий, 1912, с. 1-4. Макаренко, 1912, с. 207-208. О находке золотых..., 1912.
[43] Залесская и др., 1997, с. 108.
[44] Bank, 1977, p. 14, 280, 281.
[45] Бобринский, 1914, рис. 10-13; 24.
[46] Соколова, 1993, с. 146.
[47] Залесская и др., 1997, с. 42, 283, кат. 13-15. Werner, 1992, S. 429-431, Abb. 1; 2.
[48] Айбабин, 1982, с. 166, рис. 4,5.

и серебряный поясной набор, золотые ножны меча аварского типа, серебряные ножны меча, более 200 бронзовых, плакированных золотой фольгой и декорированных зернью и инкрустацией цветным стеклом сбруйных блях, стеклянная рюмка, сасанидские серебряные блюдо со сценой охоты Шапура II и ваза, золотые блюдо, ваза и кувшин, согдийские золотые чаша, бокалы, обкладка кружки, детали седла и колчана, ножен меча и кинжалов, пряжка, аварские золотой ритон и серебряные стремена, сделанные тюрками на Алтае, два серебряных и золотой кувшины, изготовленные по заказу тюрков в Северном Причерноморье золотые ложка, серьга с одетой на стержень бусиной из сапфира, три перстня со вставками из сапфира и тигрового глаза, гарнитур из гривны и двух браслетов со вставками из изумрудов, браслеты с утолщением, прямоугольные пластины, посох, пряжка и наконечник, меч с инкрустацией золотом, две серебряные подпружные пряжки, а также другие мелкие украшения одежды и сбруи. Общий вес золотых предметов более 21 кг[49]. По мнению М.И.Артамонова, Перещепинский комплекс извлекли из тайника захоронения кремированного тюркского правителя Хазарского каганата[50]. Хазарам приписывали данный комплекс Б.И.Маршак, К.М.Скалон[51] и А.И.Айбабин[52], а А.К.Амброз — знатному тюрку, обитавшему в Северном Причерноморье во второй половине VII в.[53] По словам И.Вернера, в Перещепине около 650 г. погребли хана Великой Болгарии Куврата. И.Вернер основывался на прочитанных В.Зайбтом монограммах на трех перстнях: ΧΟΒΡΑΤΟΥ и ΧΟΒΡΑΤΟΥ ΠΑΤΡΙΚΙΟΥ[54] (по Феофану - Κοβράτου)[55]. Время совершения захоронения аргументировано самыми поздними в комплексе монетами 641-646 гг. — начала правления Константа II[56].

Историю комплектования комплекса иллюстрируют вещи из его состава. Одни из них, например блюдо епископа Патерна, прибор для омовения рук архиерея и иранские сосуды, захвачены как военные трофеи, тогда как другие получены в дар или сделаны по заказам владельцев комплекса. По данным И.В.Соколовой из 70 монет 8 являются стандартными солидами в 24 карата (1 - Маврикия 582-602 гг., 2 - Фоки 602-610 гг., 4 - Ираклия и Ираклия Константина, выпуска 629-632 гг.), 60 — легкими солидами весом в 20 карат (41 - Ираклия с сыновьями 637-638 гг., 19 - Константа II чеканки 642-646 гг.). Две монеты Ираклия и Ираклия Константина выпуска 629-632 гг. весят в 2,5 раза больше, чем обычные солиды[57]. Ф.Гриерзон считает их медальонами, выпускавшимися в единичных экземплярах для раздач при дворе или подарка иностранным правителям[58]. Нумизматы по-разному объясняют причины чеканки легких солидов. Х.Л.Адельсон полагал, что так как они в основном найдены в Западной Европе и на Днепре, то их предназначали для торговли с германцами[59]. По мнению

---

[49] Залесская и др., 1997, кат. 70. Marschak, 1986, fig. 185; 186; 188. Львова, 1993. Львова, 1994/1995, с. 257, 258.
[50] Артамонов, 1970, с. 17-20.
[51] Маршак, Скалон, 1972, с. 12.
[52] Айбабин, 1985, с. 202.
[53] Амброз, 1981, с. 20-22.
[54] Werner, 1984, S. 31, 32, 35, 36, 38-44, Taf. 32,1,2. Werner, 1992, S. 430-431, Abb. 1; 2.
[55] Moravcsik, 1958, S. 161.
[56] Соколова, 1993, с. 146.
[57] Соколова, 1993, с. 146-147.
[58] Grierson, 1968, p. 92.
[59] Adelson, 1957, p. 127-137.

Ф.Гриерзона, легкие солиды имели некоторые фискальные функции или чеканились по мере колебания реальной стоимости золота[60]. Другие связывали их эмиссию с изменением пропорции золота в слитках[61]. По утверждению М.Ф.Хенди, легкие солиды использовали только для официальных выплат. Как правило, государственные платежи варварам частично или полностью производили легкими солидами[62]. По данным И.В.Соколовой, в Причерноморье в составе почти всех комплексов есть легкие солиды в 20 карат: в Келегеях — 5 полновесных (4 - Ираклия с сыновьями 638-641 гг., 1 - Константа II 641-646 гг.), монета Ираклия и Ираклия Константина с плохо отчеканенным реверсом и солид в 20 карат начала правления Ираклия 610-613 гг.; в Новых Сенжарах — 5 стандартного веса (1 - Фоки 602-610 гг., 4 - Ираклия с сыновьями 638-641 гг.) и 2 солида в 20 карат Константа II 642-646 гг. В Днепропетровской области при распашке кургана крестьянин извлек из женской могилы ожерелье, сделанное из серебряных позолоченных отливок с солида Константа II в 20 карат. Из окрестностей Анапы происходит солид в 20 карат Константа II с сыновьями 661-663 гг.[63] По мнению И.В.Соколовой, солидами в 20 карат осуществляли платежи в регионе между Дунаем и Кавказским хребтом. В Поднепровье известны только новые, не бывшие в обращении легкие солиды. По ее словам, факт чеканки солидов Ираклия, Ираклия Константина и Ираклиона из Келегей, Новых Сенжар и Перещепины неодинаковыми штемпелями в разных оффицинах свидетельствует о неодновременном поступлении монет. Перещепинский комплекс пополнился монетами не менее трех раз: полновесными солидами и медальонами между 629 и 632 гг., легкими солидами в последний период Ираклия в 637/638 гг. и в начале правления Константа II не ранее 642 г.[64]

Как установил В.Зайбт, только одна монограмма Кубрата исполнена византийцем, а буквы на двух других золотых перстнях неумело скопированы[65]. Очевидно, часть комплекса принадлежала Кубрату. По рассказу Никифора, между 634-640 гг. Куврат получили дары от Ираклия[66]. Видимо, по иному относился к Куврату двор одиннадцатилетнего внука Ираклия от первого брака, провозглашенного в ноябре 641 г. императором Константом II. Согласно Иоанну Никиусскому, после смерти Ираклия в 641 г. в столице распространилось сфабрикованное письмо, якобы от имени его второй жены, в котором она поручала убить детей Константина, сына Ираклия от первой жены. Константинопольцы приписывали этот план другу Мартины Куврату, обещавшему еще Ираклию помощь в устроении судьбы детей Мартины. Сторонники Константа жестоко расправились с Мартиной, ее детьми и союзниками[67]. Иоанн умалчивает о том находился ли тогда Куврат в столице, пытался ли оказать Мартине военную помощь и завязал ли он какие-либо связи с двором нового императора[68]. Принимая во внимание выводы И.В.Соколовой и В.Зайбта, даром Куврату можно считать только легкие солиды Ираклия и перстень с правильной монограммой. Почти из всех монет из Перещепины изготовлены украшения. Двадцать шесть легких солидов 637/638 и 642-646 гг. соединили в ожерелье, напаяв на их лицевую сторону цилиндрические гнезда для вставок, а из тридцати легких и трех полно-

---

[60] Grierson, 1961, p. 420.
[61] Hahn, 1981, S. 16, 17. Morrison, 1977, p. 68.
[62] Hendy, 1972, S. 61.
[63] Соколова, 1993, с. 147, 150-152. Кропоткин, 1962, с. 31, № 149.
[64] Соколова, 1993, с. 146, 150, 152.
[65] Werner, 1992, S. 429-431, Abb. 1; 2.
[66] Чичуров, 1980, с. 151/159, 153/161.
[67] Charles, 1916, p. 196,46; 197,47. Stratos, 1972, p. 164, 199-205. Артамонов, 1962, с. 161.
[68] Кулаковский, 1996, Т.III, с. 169.

весных солидов (602-610 и 629-632 гг.) сделали нашивки на одежду, пробив по два дырки[69].

В результате произведенного в Эрмитаже технологического анализа вещей из Перещепины они разделены на шесть групп. З.А.Львова объединила в четвертую группу золотые ложку, серьгу с бусиной из сапфира, три перстня со вставками из сапфира и тигрового глаза, гарнитур из гривны и двух браслетов со вставками из изумрудов, накладки со вставками из горного хрусталя и аметистов, четыре бляшки со вставками из граната и аметиста, прямоугольные украшения одежды, ожерелье и нашивки из монет, железный меч со съемным перекрестием с инкрустацией золотом, сделанные варварским мастером с использованием одних и тех же технических приемов. Время изготовления перечисленных предметов она устанавливает по ожерелью из монет — не ранее 642 г.[70] Меч и серьга позволяют уточнить эту дату. В Перещепине инкрустация золотом по железу есть лишь на мече. Такая техника с середины I тысячелетия применялась на Алтае[71]. В Поднепровье так декорированы только стремена первой половины VIII в. из Вознесенки. По форме ромбической крестовины меч подобен мечу из Вознесенки и мечу последней четверти VII в. из Гладос[72]. Тогда же появились в Причерноморье и серьги, однотипные перещепинской[73]. Четвертой группе одновременны византийские золотые обувные пряжка и обоймица и серебряная пряжка с прямоугольными рамкой и щитком[74]. По наблюдению З.А.Львовой, после четвертой группы комплекс пополнился пятой — вещами варварского круга: золотыми деталями ножен меча и кинжалов, бокалами с изображением пальмет, пряжкой и наконечником[75], связанными по конструктивно-техническим признакам с шестой. Ее составляют золотые прямоугольные пластины[76]. Учитывая дату четвертой группы, изготовление пятой и шестой следует отнести к концу VII в. Такую дату подтверждает и пряжка из пятой группы с кольцом, отлитым с прорезной трапециевидной рамкой, характерная для последней четверти VII в. (типа табл. XXX,*35*)[77] Последним группам синхронна серебряная круглая бляха с отогнутыми вниз краями, близкая лежавшим в Галиате в катакомбе с монетой начала VIII в.[78] Очевидно, вскоре комплекс зарыли в землю. З.А.Львова считает прямоугольные пластины из шестой группы облицовкой деревянного погребального сооружения, подобного найденному в Венгрии в Кунбабони[79]. Однако, в Перещепине не нашли никаких костей. Быть может, комплекс находился в тайнике поминального памятника. Хронология поздних групп вещей позволяет предположить, что Перещепинский комплекс собирали по крайней мере два человека: вначале Куврат, а завершил какой-то знатный тюрок, умерший в начале VIII в.

Сейчас уже трудно установить из могилы или из поминального сооружения происходят два других аналогичных Перещепинскому по составу вещей комплекса, разграбленных местными жителями в Макуховке близ Полтавы (рис. 74,*24*) и в низовьях

---

[69] Львова, 1994/1995, с. 259-260, рис. 4,5.
[70] Львова, 1994/1955, с. 258.
[71] Львова, 1994/1995, с. 258, рис. 1,5а,5б.
[72] Грінченко, 1950, с. 57, табл. VII,9. Амброз, 1986, с. 61, 63, рис. 5,1,3,5.
[73] Айбабин, 1982, с. 166, рис. 5,10,14,16.
[74] Айбабин, 1982, с. 166, рис. 1,1,4. Айбабин, 1990, с. 42, 49, рис. 2,149,177; 42,1,2; 46,23.
[75] Залесская и др., 1997, с. 206, 207, кат. 82, 84.
[76] Львова, 1993, с. 113.
[77] Львова, 1993, рис. 3,2. Айбабин, 1990, с. 42, рис. 40,18,20.
[78] Айбабин, 1982, с. 166, рис. 1,1,3. Крупнов, 1940, с. 150, табл. II,15.
[79] Львова, 1993, с. 112. Toth, 1972, S. 179, Tab. CIII,2,3; CIV,1,2.

Донца у с. Лимаровка (рис. 74,*16*)[80].

Неподалеку от поминальных памятников в Днепровской степи на склонах глубоких оврагов в Тарановом Яру и Канцирке открыты крупные гончарные центры. В первом из них раскопана одна обжигательная печь[81], а во втором изучены 20 обжигательных печей, 6 жилых и производственных помещений и 5 хозяйственных построек. Полагают, что оба центра создали гончары, переселившиеся с Северного Кавказа. Они делали из серой глины одноручные и трехручные кувшины с вытянутым сливом и двуручные сосуды с коротким горлом с поверхностью, покрытой лощением, декорированные резными линиями и рельефными валиками и шишечками, аналогичные аланским северо-кавказским конца VII-IX вв.[82] Другой вид продукции канцирских гончаров — темно-серые лощеные кувшины с отогнутым венчиком, округлым туловом с процарапанными вертикальными полосами, овальной ручкой и плоским дном — не типичен для аланской керамики[83]. Они типологически родственны тюркским и киргизским кувшинам. Золотая обкладка сосуда такой формы входит в состав перещепинского комплекса[84]. Произведенная в Канцирке и Тарановом Яру аланская и тюркская керамика найдена в погребениях в Келегеях, Ясиново и в Вознесенке на территории поминального комплекса[85]. В более поздний период в Канцирке изготовляли и обычные для салтовской культуры горшки с резным волнистым и линейным орнаментом[86].

В этом же регионе в ходе разведок А.Б.Горюнов и М.М.Казанский выявили стойбища кочевников (рис. 74,*25-28*), на которых собрали обломки керамики канцирского типа и амфор с желобчатым туловом и с зональным рифлением[87]. По этим фрагментам трудно судить о форме амфор. Ранние варианты желобчатых амфор в Крыму в Тау-Кипчаке (рис. 78,*64*) лежали в хозяйственной яме, засыпанной на рубеже VII-VIII вв.[88] Амфоры с похожим зональным рифлением встречены в Неаполе в слое конца VII - начала VIII вв.[89], в Стамбуле в квартале Сарачаны — в слое рубежа VII-VIII в.[90], на Фасосе — в мастерской начала IX в.[91], в Херсонесе — в комплексах первой половины IX - первой половины XI вв.[92] Очевидно, амфоры с таким орнаментом начали производить на рубеже VII-VIII вв. Вероятнее всего, данные стойбища возникли в начале VIII в.

Рассмотренные выше трупоположения и кремации с конями, поминальные комплексы, стойбища являются компонентами одной археологической культуры, связанной с этнически однородными кочевниками тюрками. Их погребения появились в последней четверти VII в. в Северопричерноморских, в том числе и Крымских (Портовое,

---

[80] Зарецкий, 1912, с. 204. Спицын, Архив ИИМК РАН, Ф.5, Д.31а, с. 31. Кропоткин, 1965а, с.178, № 73.
[81] Макаренко, 1911, с. 116-118.
[82] Мінаева, 1961, с.82-84. Сміленко, 1975, с. 154,155, рис. 56,1,3,6. Артамонов, 1970, с.17,18.
[83] Сміленко, 1975, рис. 56,5.
[84] Залесская и др., 1997, кат. 70. Айбабин, 1985, с. 196, рис. 6,2.
[85] Сміленко, 1975, с. 155. Айбабин, 1985, с. 202, рис. 1,3; 7. Айбабин, 1991, с. 34.
[86] Сміленко, 1975, рис. 56,11.
[87] Kazanski, Sodini, 1987, p. 84-87, fig. 13; 15; 16.
[88] Баранов, 1990, рис. 9,1; 10,1-3,8.
[89] Arthur, 1989, p. 84, 85, fig. 5.
[90] Hayes, 1992, p. 71, 107, fig. 23,4; 52,9.
[91] Megaw, 1972, p. 328, fig. C.
[92] Седикова, 1995, с. 170, 171, рис. 1; 2. Седикова, 1997, с. 12.

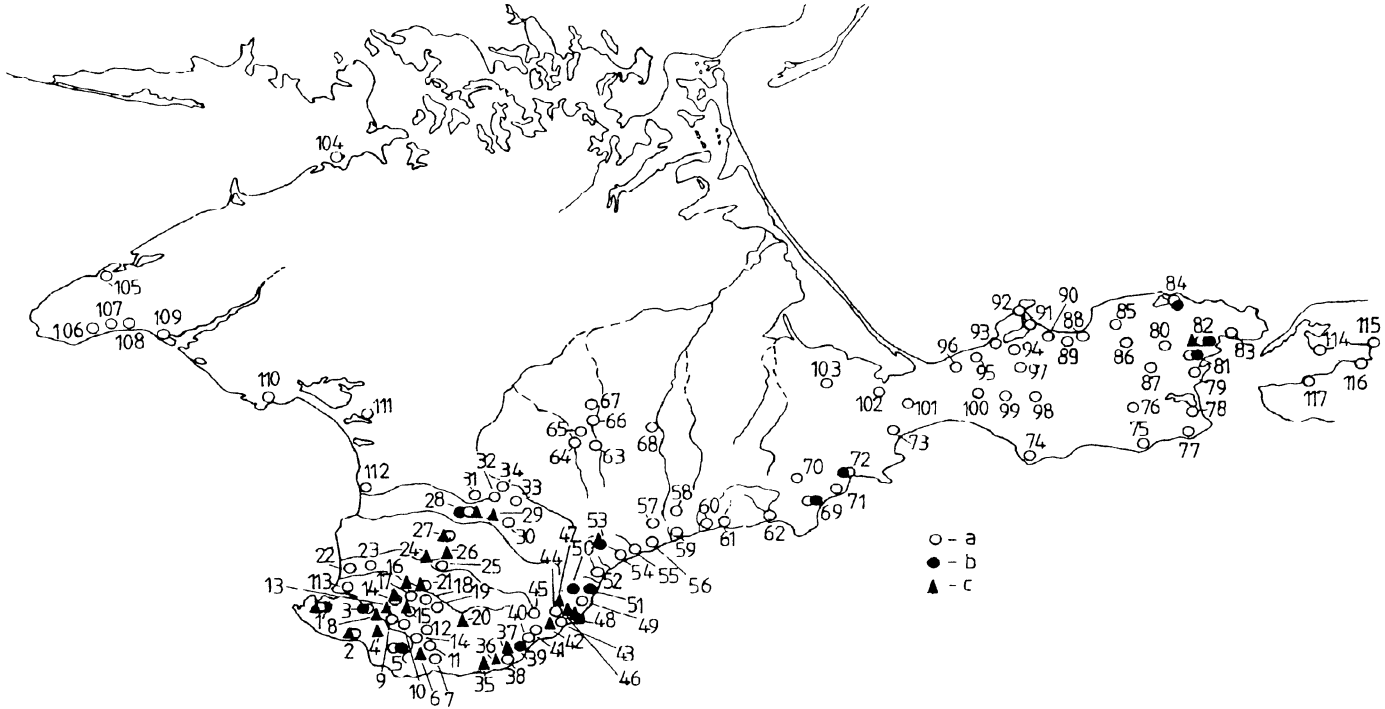


Рис. 78. Поселения и могильники VIII-IX вв.

a - города, крепости, поселения, селища и гончарные центры, *b* - плитовые могильники, *c* - грунтовые могильники.

1 - Херсон. *2* - Балаклава. *3* - Загайтанская Скала. *4* - Черная Речка. *5* - Гончарное. *6* - Узень-Баш. *7* - Родниковое. *8* - Сахарная Головка. *9* - Чилтер (Мармара). *10* - Шулдан. *11* - Бобровка. *12* - Передовое. *13* - Терновка. *14* - Эски-Кермен. *15* - Мангуп. *16* - Большое Садовое. *17* - Чилтер-Коба. *18* - Сюйрень. *19* - Памнук-Кая. *20* - Аромат. *21* - Малое Садовое. *22* - Поворотное. *23* - Горный Ключ. *24* - Баштановка. *25* - Кыз-Кермен. *26* - Фыцки. *27* - Чуфут-Кале. *28* - Бакла. *29* - Скалистое. *30* - Трудолюбовка. *31* - Почтовое. *32* - Фонтаны. *33* - Лозовое. *34* - Петровские скалы. *35* - Кекенеиз. *36* - Симеиз. *37* - Кореиз. *38* - Мисхор. *39* - Ореанда. *40* - Ливадия. *41* - Ялта. *42* - Бал-Гота. *43* - Горзубиты. *44* - Гурзуфская котловина. *45* - Басман. *46* - Артек. *47* - Гугуш. *48* - Суук-Су. *49* - Партенит. *50* - Малый Маяк. *51* - Семидворье. *52* - Алустон. *53* - Лучистое. *54* - Малореченск. *55* - Рыбачье. *56* - Канакская балка. *57* - Приветное. *58* - Приветное I. *59* - Чабан-Куле. *60* - Морское. *61* - Ай-Фока. *62* - Судак. *63* - Курортное. *64* - Тау-Кипчак. *65* - Ароматное. *66* - Цветочное. *67* - Меловое. *68* - Ак-Кая. *69* - Кордон-Оба. *70* - Щебетовка. *71* - Тихая бухта. *72* - Тепсень. *73* - Дальние Камыши. *74* - мыс Чауда. *75* - гора Опук. *76* - Пташкино. *77* - Китей. *78* - Заветное. *79* - Героевское. *80* - Илураг. *81* - Тиритака. *82* - Боспор. *83* - Мирмекий. *84* - Зенонов Херсонес. *85* - Алексеевка. *86* - Чистополье. *87* - Реньевка. *88* - Слюсарево. *89* - Зеленый Яр. *90* - Песочное. *91* - Азовское. *92* - Мысовое. *93* - Семеновка. *94* - Семь Колодезей. *95* - Калиновка. *96* - Бранное Поле. *97* - Королево. *98* - Кирово. *99* - Луговое. *100* - Ерофеево. *101* - Фронтовое. *102* - Птичкино. *103* - Кировское. *104* - Лебяжьи острова. *105* - Калос-Лимен. *106* - Ойрат. *107* - Гарпанчи. *108* - Лазурное. *109* - Беляус. *110* - Чайка. *111* - Саки. *112* - Песочное. *113* - Северная Сторона. *114* - Патрей. *115* - Кепы *116* - Фанагория. *117* - Гермонасса-Таматарха

Новопокровка), а также в Приазовских степях. Инвентарь могил красноречиво характеризует социальное положение погребенных. В могилах похоронены как рядовые воины, так и тюркская знать. С конца VII в. в степях Поднепровья возникают кочевнические стойбища и поселяются артели аланских мастеров, выходцев с Северного Кавказа, работавшие по заказам тюрков. Памятники тюркской археологической культуры нельзя приписывать прабулгарам Куврата. Как сказано выше, по данным Феофана, Никифора и Армянской географии Анания Ширакаци государство Великая Булгария находилось в Приазовье. Около 679 г. во владения сыновей Куврата вторглись хазары. В уже цитированном письме хазарского царя Иосифа рассказывается о преследовании его предками булгар Аспаруха до самого Дуная. Тогда-то хазары захватили Приазовье и Северопричерноморские степи[93]. Несомненно им и принадлежала археологическая культура, образовавшаяся в начальный период становления Хазарского каганата. Вероятно, в последней четверти VII - первые десятилетия VIII вв. ставка кагана располагалась в степях Поднепровья. В этот период именно там создали погребально-культовые комплексы кремированных правителей каганата. В начале второй хазаро-арабской войны 722-737 гг. резиденция кагана уже находилась в Варачане-Баланджаре, локализуемом в Прикаспии в районе Дербента[94].

По словам Никифора, около 679 г. преследуя булгар хазары напали на "...все селения за Понтом Эвксинским", то есть на города и поселения на обоих берегах Боспорского пролива, "...и достигли моря"[95]. Эту дату подтвердил анализ стратиграфии, зафиксированной мною в портовом районе г. Боспора (рис. 78,*82*) на описанном в третьей главе участке в Кооперативном переулке (рис. 54) и прослеженной В.Ф.Гайдукевичем на Тиритаке (рис. 78,*81*) и в Илурате (рис. 78,*80*). В Керчи близ церкви Иоанна Предтечи Т.И.Макарова выявила слой пожара, который уничтожил базиликальный комплекс с крещальней и другими постройками. Она связала пожар с вторжением хазар в VII в.[96] Слой того же пожара (рис. 54,*14b*) зачищен в Кооперативном переулке (на разрезе к плану обозначен буквой В). От данного пожара погибла вновь отстроенная в конце VI в. усадьба 1 (рис. 54,I,*3*). В слое пожара В (рис. 54,*14b*), образовавшемся поверх слоя D с фоллисом 654-659-х гг. (рис. 54,*12*), находились фрагменты краснолаковых мисок LR-C формы 10 (рис. 55,*44*)[97], фрагменты амфор типов Якобсон 7 (рис. 55,*41,45*)[98], Зеест 95 (рис. 55,*42*) и стенки амфор с зональным рифлением (рис. 55,*43*). Найденные в том же слое фрагменты желобчатых стенок амфор из желтой и желтовато-розовой глины близки стенкам амфор типа LR-1 из комплексов конца VI-VII вв. из Херсона[99]. Слой пожара В перекрыт слоем серо-коричневого суглинка Г (рис. 54,*11*), в котором выявлены основания стен дома 12, сооруженного после пожара (рис. 79,I). В результате зачистки стен и полов дома прослежены два строительных периода. В слое, накопившемся в первый строительный период, обнаружены фрагменты амфор из коричневой глины типа Якобсон 7 (рис. 79,II,*1*), желобчатых желтоглиняных стенок амфор LR-1 (рис. 79,II,*5,6*) и стенок амфор

---

[93] Новосельцев, 1990, с. 111.

[94] Marquart, 1903, S. 16-17. Артамонов, 1962, с. 208, 229, 312. Плетнева, 1976, с. 26, 27. Новосельцев, 1990, с. 122-125.

[95] Чичуров, 1980, с. 154/162.

[96] Макарова, 1965, с. 76. Макарова, 1982, с. 98, 99, рис. 5. Макарова, 1998, с. 389, 390.

[97] Hayes, 1972, p. 345, 346, fig. 71,15.

[98] Якобсон, 1979, рис. 2,3; 3,1.

[99] Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 24,25,31,34, рис. 33,34,56,65. Riley, 1979, p. 212-216, fig. 91,337,346,347.

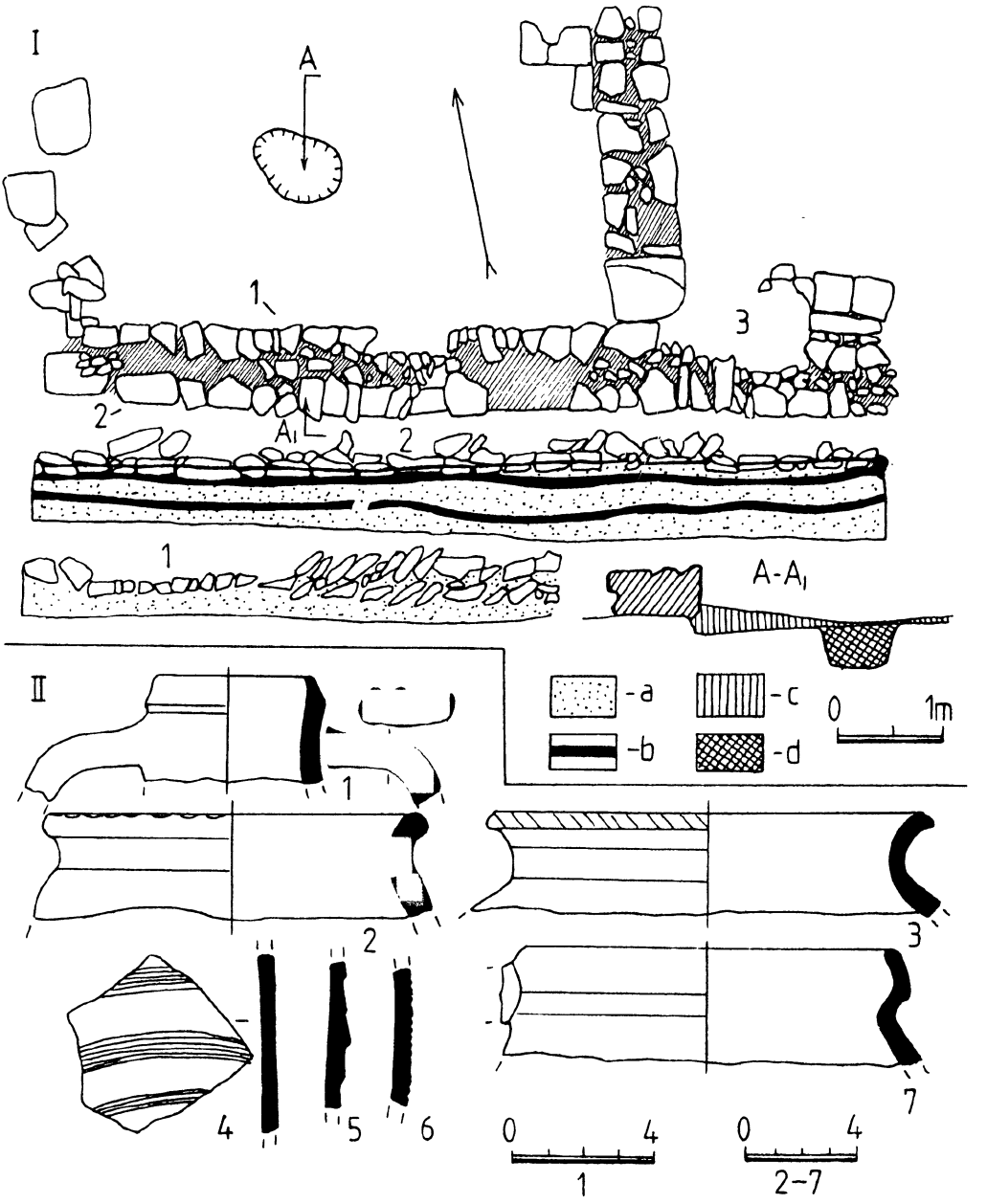


Рис. 79. Керчь. Раскопки 1992 г. в Кооперативном переулке.
I - стратиграфия раскопа и план помещения 12: *1,2* - стены; *A* - очаг в жилом помещении; *3* - очаг в хозяйственном помещении; *a* - слой Д (коричневый суглинок); *b* - слои пожаров a, b; *c* - серый суглинок; *d* - зола.
II - керамика из слоя конца VII в., перекрывшего слой пожара b.

с зональным рифлением (рис. 79,II,*4*). Найденные там же фрагменты лепных сероглиняных горшков банковидной формы с отогнутым наружу венчиком, украшенным ногтевидными вдавлениями (рис. 79,II,*2*) близки встреченным в погребениях кочевников второй половины VII в. в Наташино (рис. 34,*9*)[100], Богачевке (рис. 34,*7*)[101] и в одновременных жилищах на поселениях пеньковской культуры[102]. Обломки гончарных сероглиняных горшков с насечкой на венчике (рис. 79,II,*3*) подобны извлеченным в Тау-Кипчаке (рис. 78,*64*) из хозяйственных ям VIII - первой половины IX вв.[103], а на Тепсене (рис. 78,*72*) - из слоя VIII - начала X в.[104] Западнее дома 12 в том же серокоричневом слое Г, немного выше уровня основания стен, лежали полуфоллис Ираклия с соправителем Ираклием Константином, чеканенный в 612-638 гг. и фоллис первого периода правления Юстиниана II (686/687 гг.)[105]. По монетам слой пожара В в центре г. Боспора датируется между 659 и 686/687-ми гг. Как отмечалось в третьей главе, в последней четверти VII в. от пожаров погибли базилика, дома и винодельни в Тиритаке[106], постройки в Илурате[107].

Согласно Феофану и Никифору, в начале VIII в. хазару уже полностью контролировали Боспорский пролив — важнейший участок пути из Византии в Приазовье и далее в Азию. В рассказе о попытке убить Юстиниана II оба автора писали о правителях крупнейших городов на берегах пролива — Боспора и Фанагории, как о наместниках кагана. Феофан писал о наместнике в Фанагории Папаце (ἐντειλάμενος Παπατζύν, τὸν ἐκ προσώπου αὐτοῦ ἐκεῖσε ὄντα) и архонте Боспора Балгице (Βαλγίτζιν, τὸν ἄρχοντα Βοσφόρου)[108]. Никифор именовал наместника Фанагории "архонтом из единоплеменников" (кагана) (τῷ ἄρχοντι τῶν ὁμοεθνῶν)[109]. По словам компилировавшего в XI в. "Хронографию" Феофана Георгия Кедрина, каган поручил убить Юстиниана II своим людям (τοῖς αὐτοῦ)[110].

А.А.Васильев считал термины ὁ ἐκ προσώπου и ὁ ἄρχων греческой интерпретацией тюркского титула тудун[111]. В составленном в X в. греческом словаре тудун назван "наместником у тюрков" (Τούδουνοι: Οἱ τοποτηρηταὶ παρὰ Τούρχοις)[112]. Титул тудун известен в древнетюркских и китайских источниках (tu-tun — на китайском)[113]. По свидетельству китайского историка, тудун занимал пятое по рангу место в тюркской иерархии[114]. Многие видят и в Балгице хазарского наместника на Боспоре[115]. Слово

---

[100] Баранов, 1990, рис. 39,1.
[101] Генинг, Корпусова, 1989, с. 36, рис. 11.
[102] Приходнюк, 1980, рис. 34,1,2; 35,14. Приходнюк, 1998, с. 503, рис. 3,9.
[103] Баранов, 1990, с. 92, 93, рис. 30,7,9.
[104] Бабенчиков, 1958, рис. 25,5,8,9.
[105] Grierson, 1968, part 2, p. 584, pl. XXXVII,18a.
[106] Гайдукевич, 1952а, с. 42,49-55,67-72,119-131, рис. 40,1,2; 149,1; 150,151,157,160,161,163, 164. Гайдукевич, 1958, с. 172-173, рис. 27,28а. Hayes, 1972, p. 228, 229, fig. 54,289; 56,311; 68. Riley, 1979, p. 212-215, 217-219, fig. 44; 91,337-347. Якобсон, 1979, с. 12, рис. 3,1. Гадло, 1980, с. 144-145. Fulford, 1984, p. 87.
[107] Гайдукевич, 1958а, с. 110. Силантьева, 1958, с. 309, 310, рис. 20. Hayes, 1972, fig. 69,23,25. Hayes, 1992, p. 100, 101, fig. 40,60. Bass, 1982, p. 167, fig. 8-9,P13. Fulford, 1984, p. 87, fig. 26,2.
[108] Чичуров, 1980, с. 39/62,63.
[109] Чичуров, 1980, с. 155/163. Nikephoros patriarch of Constantinopole, 42,20.
[110] Georgius Cedrinus, Ioannis Scylitzae, p. 779,7.
[111] Vasiliev, 1936, p. 84, 85. Чичуров, 1980, с. 129, 130.
[112] Etymologion Magnum, 763,24.
[113] Chavannes, 1903, p. 263. Moravcsik, 1958, S. 318, 319.
[114] Liu Mau-Tsai, 1958, S. 8-9. Чичуров, 1980, с. 101, 129, 130.

Βαλγίτζις тюркское. Его этимологию возводят к тюркскому Bulgi (Bolgi)tsi, Balgichi — "управитель"[116]. Так жеBWLSSY — Булшци в хазарско-еврейском документе X в., хранящемся в Кембридже, назван управлявший азиатским Боспором наместник кагана. Он был и "HMQR-hapaqid". В древнееврейском языке это слово означает "начальник отряда, гарнизона"[117].

С.П.Шестаков, А.А.Васильев и М.И.Артамонов, ссылаясь на текст жития Федора Студита, полагали, что хазары оставили на Боспоре старую систему управления подвластным местным населением во главе с топархом[118]. Житие написано после 868 г.[119] монахом Михаилом со слов приемника Федора Студита Софрония. Известны две редакции жития, в котором осуждаются Константин VI, заточивший жену в монастырь и в 795 г. женившийся на кувикуларии и подражавшие ему правители Лонгобардии, Готии и Боспора. В одной редакции текста последний назван топархом: "...οὕτως ὁ τῆς Βοσπόρου τοπάρχης" - "...топарх Боспора"[120], в другой редакции правителем: "... οὕτως ὁ Βοσπόρου, οὕτως ὁ Γότθος, οὕτως οἱ λοιποὶ τῶν ἐπαρχιῶν ἡγεμόνες..."[121]. Титул топарх отсутствовал в византийской служебной иерархии IX-X вв.[122] Более поздние византийские авторы Кекавмен (XI в.)[123] и псевдо Кодин (XIV в.)[124] топархами называли правителей приграничных областей или иностранных народов. Очевидно, в текст жития термин топарх вставлен не ранее XI в. одним из переписчиков. Поэтому нет никаких оснований правителя Боспора VIII-IX вв. называть топархом.

Археологические материалы позволяют предположить, что хазары и их союзники поселились во всех других портовых малых городах и поселениях на азиатском берегу пролива. В конце VII в. в покинутых боспорцами Патрее (рис. 78,*114*), Кепах (рис. 78,*115*) и Гермонассе (рис. 78,*117*) поверх разрушенных построек VI-VII вв. появляются жилища новых поселенцев[125]. В г. Боспоре каган, очевидно, разместил гарнизон. В приморской части города хазары построили цитадель. Т.И.Макарова раскопала две её, идущие параллельно, стены шириной от 1 до 1,1 м. Они поставлены на плитах вымостки разрушенной византийской базилики и на снивелированной поверхности снесенных кварталов. К одной из них примыкали две двухпанцирные кладки с забутовкой. Панцири сложены на глине из подтесанных камней ракушечника. Их отдельные участки возведены кладкой в ёлку. В нижнем горизонте связанного с цитаделью слоя лежали обломки краснолаковых сосудов и амфор второй половины VII в., амфор с зонами мелкого рифления, датирующие постройку укрепления концом VII - началом VIII вв.[126]

Неподалеку от цитадели поверх развалин предшествующего периода без регуляр-

---

[115] Кулаковский, 1898, с. 180. Кулаковский, 1996, Т. III, с. 270,271. Vasiliev, 1936, p. 84,85. Moravcsik, 1958, II, S. 86. Новосельцев, 1990, с. 144. Цукерман, 1998, с. 675.

[116] Pritsak, 1949, p. 99. Dunlop, 1954, p. 172. Minorsky, 1960, p. 130-137. Golb, Pritsak, 1982, p. 137, 138. Zukerman, 1995, p. 256.

[117] Golb, Pritsak, 1982, p. 116, 117, 137.

[118] Шестаков, 1908, с. 38. Vasiliev, 1936, p. 105, 106. Артамонов, 1962, с. 258.

[119] Ševčenko, 1977, p. 116.

[120] Migne, Patrologie, Series Graeca, T. 99, p. 252.

[121] Migne, Patrologie, Series Graeca, T. 99, p. 137. Куник, 1874, с. 72. Vasiliev, 1936, p. 105, 106.

[122] Oikonomides, 1972, p. 365-398.

[123] Советы и рассказы Кекавмена, с. 168-172, 654, № 68, 69.

[124] Psevdo-Kodinos, p. 174,5.

[125] Башкиров, 1957, с. 317-323,326,327,344-348,371. Якобсон, 1964, с. 39. Гадло, 1968, с. 59. Сокольский, 1965, с. 108. Плетнева, 1981, с. 68, 69, рис. 43,15,17. Паромов, 1994, с. 148.

[126] Макарова, 1965, с. 75-76. Макарова, 1998, с. 356, 357, рис. 9.

ной планировки строятся дома из двух помещений. На время сооружения одного из них (дома № 12) указывает найденный в нем описанный выше комплекс керамики конца VII в. с фоллисом Юстиниана II (686/687 гг.) (рис. 79,II). Невысокое двухпанцирное основание стен поставлено на цоколь из уложенных на землю камней. Панцирные ряды сложены без раствора кладкой в ёлку из необработанных известняковых плит с забутовкой из мелких камней между ними. Углы в местах стыков не перевязаны. Большая часть стен глинобитная. Земляной пол ниже основания цоколя на 20 см. У входа каменная ступень. В центре жилого помещения находилась обмазанная глиной овальная очажная яма, заполненная углями, золой и костями домашних животных (рис. 79,I). Малое помещение, видимо, использовали для хозяйственных нужд. По мере необходимости его обогревали очагом-кострищем, окруженным мелкими камнями. Дом аналогичен открытым в городах Фанагории и Гермонассе-Таматархе в слоях конца VII-VIII вв. пятистенкам из двух помещений с большей частью глинобитными стенами на каменных цоколях. Каменная часть стен двухпанцирная и, также как и в Керчи, сложена в ёлку[127]. Эти дома по планировке, конструкции и технике кладки стен сильно отличаются от более ранних боспоро-византийских. Строители, сложившие стены без фундамента и без перевязи, явно не были знакомы с технологией каменного домостроительства. Прием кладки в ёлку, видимо, привнесен хазарами из Приморского Дагестана[128]. Очаги и небольшие хозяйственные пристройки типичны для жилищ оседающих на землю кочевников[129]. Такие же элементы описанных домов, как каменные цоколи и глинобитные стены, заимствованы из боспоро-византийской домостроительной традиции. В состав найденного в публикуемом доме комплекса керамики, наряду с фрагментами амфор византийского круга (рис. 79,II,*1,4-6*), входят и характерные для булгар и хазар кухонные сероглиняные гончарные (рис. 79,II,*3*) и лепные (рис. 79,II,*2*) горшки[130]. Скорее всего, новый тип жилища возник в боспорских городах у поселившихся в них хазар и булгар[131].

При хазарах в городе Боспоре сохранилось и прежнее население — в основном, греки, аланы, готы, евреи и другие, а также их религиозные общины. Боспорская епархия названа в нотиции 3, составленной после собора 787 г. и в более поздних нотициях[132]. Эпитафия 757 г. христианина Кириака сына Георгия - Κυρ(ι)αχὸς υἱὸς Γεωργίου - высечена в церкви Иоанна Предтечи на вторично использованной колонне[133]. Христиан продолжали хоронить на некрополе на горе Митридат в плитовых могилах. В одной из плитовых могил нашли византийские пряжки типа Коринф 2 варианта (табл. XXXII,*22*) и с крестовидным щитком второй половины VIII-IX вв. (типа табл. XXXII,*11*)[134] С того же некрополя, скорее всего, происходят и византийские пряжки VIII-IX вв. из Керчи, хранящиеся в разных музеях[135]. В склепах там уже не погребали. В Боспоре и на могильниках Керченского полуострова поздние захоронения в склепах датируются второй половиной VII в.[136] Судя по тексту письма, написанного около 873 г. патриархом Фотием архиепископу Боспора, в городе существо-

[127] Долгоруков, 1975, с. 56, 57, рис. 3. Плетнева, 1981, с. 68, 69, рис. 43,15,17.
[128] Плетнева, 1967, с.63. Плетнева, 1991, с.104. Магомедов, 1983, с.150, рис.58. Флеров, 1996, с.32.
[129] Харузин, 1896, с. 100. Плетнева, 1967, с. 63.
[130] Плетнева, 1996, с. 9-12, рис. 2,3; 4,11,12.
[131] Плетнева, 1991, с. 101, 104.
[132] Darrouzes, 1981, p. 20, 32, 232.
[133] Латышев, 1896, с. 93-95.
[134] Якобсон, 1959, с. 274, 275. Айбабин, 1993а, с. 128.
[135] Айбабин, 1982, с. 176, 178, 180, рис. 7,1, типа рис. 3,14,21,22.
[136] Амброз, 1992, с. 82, 83, рис. 6-18.

вала иудейская община[137]. Видимо, к данному периоду следует отнести некоторые найденные в Керчи надгробия с менорами[138].

В последней четверти VII в. булгары кочевали в степях Приазовья и Северного Причерноморья кровнородственными общинами, названными В.Я.Владимирцовым куренями[139]. Победившие булгар Батбаяна хазары захватили их степные пастбища. некоторые орды булгар мигрировали с территории Великой Булгарии в донские степи, а другие в Крым[140]. Они обосновались в Восточном и Центральном Крыму на незаселенных землях. Булгарские куреня лишились главной кормовой базы — степных пастбищ. Поэтому булгары были вынуждены перейти к пастушеско-земледельческому хозяйству. По мнению С.А.Плетневой, в процессе его освоения из общин-куреней выделялись большие семьи-аилы, владевшие многочисленным скотом[141].

Принадлежавшие аилам неукрепленные поселения выявлены на Тарханкутском полуострове в Ойрате (рис. 78,*106*) и Лазурном (рис. 78,*108*)[142], на Керченском полуострове в Пташкино (рис. 78,*76*), Калиновке (рис. 78,*95*), Бранном Поле (рис. 78,*96*), Ерофеево (рис. 78,*100*) и Фронтовом (рис. 78,*101*), в Илурате (рис. 78,*80*), Героевке (рис. 78,*78*), Тиритаке (рис. 78,*81*), в Юго-Восточном Крыму в Кировском (рис. 78,*103*) и, вероятно, на холме Тепсень (рис. 78,*72*), в Центральном Крыму в Курортном (рис. 78,*63*), Ароматном (рис. 78,*65*), Цветочном (рис. 78,*66*), Меловом (рис. 78,*67*), на Ак-Кае (рис. 78,*68*), в верховьях реки Зуя в урочище Тау-Кипчак (рис. 78,*64*) и др.[143]

В Тиритаке на участке XIII новые поселенцы вскоре после разрушения византийской базилики устроили в ее развалинах жилище, которое статиграфические наблюдения позволяют отнести к началу VIII в.[144] Тогда же стойбище с юртами и выложенным камнями основанием возникло рядом с руинами византийских домов Илурата[145]. На склоне холма Тепсень одного из первых поселенцев похоронили в грунтовой могиле с конем с деталями сбруйного набора первой половины VIII в.[146]

И.А.Баранов почти полностью исследовал поселение Тау-Кипчак. На площади 80 га он выявил 34 жилых и хозяйственных помещения, более 50 хозяйственных ям и множество очагов, которые датировал второй половиной VII - первой половиной VIII в. (рис. 80). Постройки располагались пятью кустами. Каждый из них состоял из трех или девяти групп помещений. Группу составляли два-три строения, расположенных рядом. В каждой группе только одно строение с очагом было жилым. Всего в Тау-Кипчаке жило до 25 семей. По расчетам И.А.Баранова, вначале в урочище осел один курень из девяти семей численностью до 70 человек. Как он полагает, на первом этапе поселение с временными жилищами было полукочевым аильным[147]. По заключению С.А.Плетневой, такие поселения создавались при переходе от кочевой формы хозяйства к оседлой[148].

---

[137] Photii Patrirachae Constantinopolitani, S. 132. Цукерман, 1998, с. 676.
[138] Чуистова, 1959, с. 248, рис. 14. Соломоник, 1997, с. 19.
[139] Владимирцов, 1934, с. 36-37.
[140] Плетнева, 1982, с. 49, 52. Гадло, 1991, с. 100.
[141] Плетнева, 1982, с. 37-38.
[142] Щеглов, 1970, с. 256-257, 260, рис. 2,2,4,5.
[143] Гадло, 1971, с. 61-75. Гадло, 1968, с. 56-60. Гадло, 1980, с.130,131. Баранов, 1990, табл.1.
[144] Гайдукевич, 1952а, с. 67-72. Гадло, 1980, с. 144-145.
[145] Гайдукевич, 1958, с. 138.
[146] Айбабин, 1993а, с. 180, рис. 6,1-7.
[147] Баранов, 1979, с. 36-39.
[148] Плетнева, 1982, с. 37-38.

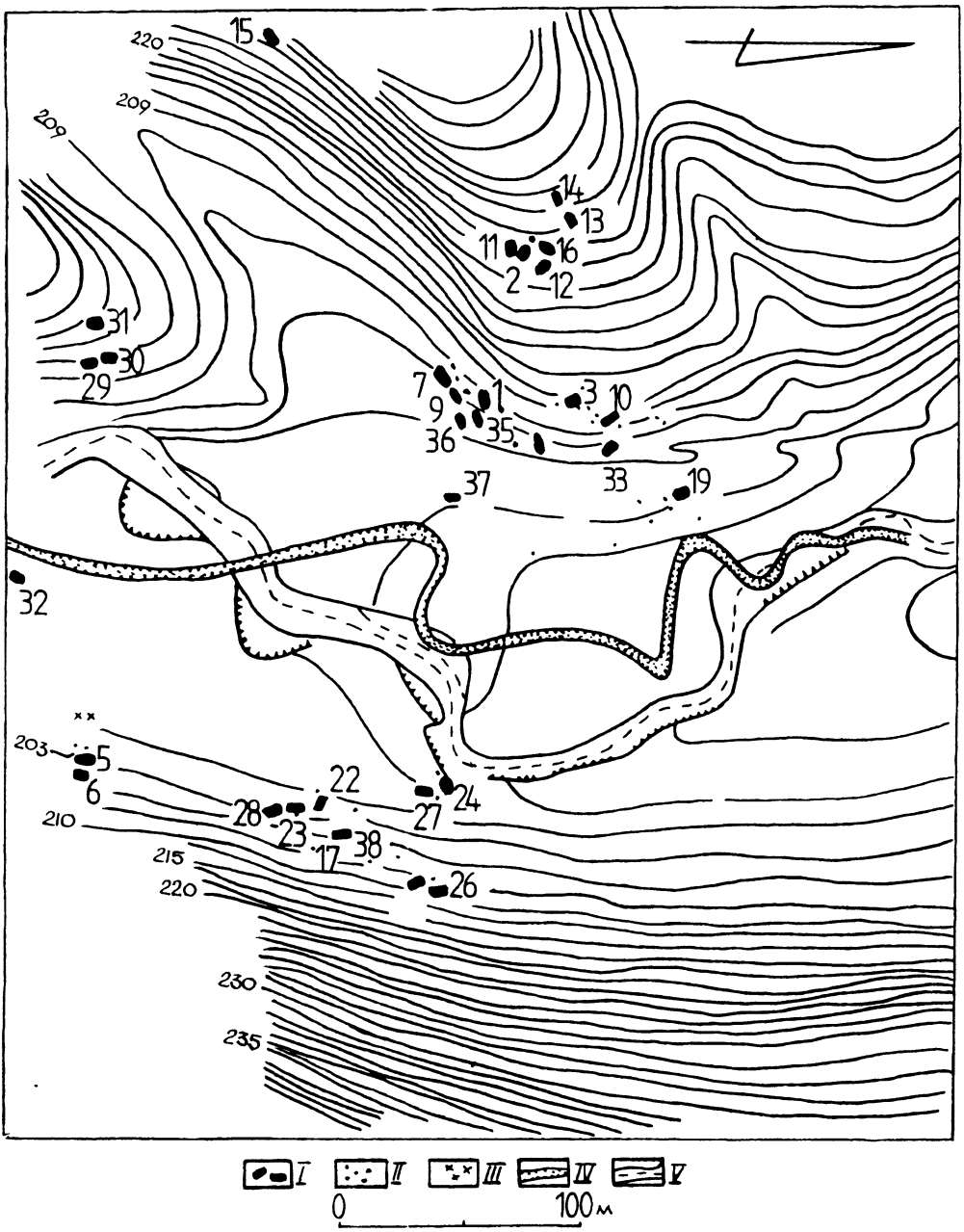


Рис. 80. План поселения в урочище Тау-Кипчак.
1-37 - номера полуземлянок, наземных жилищ и хозяйственных ям; *I* - полуземлянки и наземные жилища, *II* - хозяйственные ямы, *III* - грунтовые могилы, *IV* - русло р. Зуя в VIII-IX вв., *V* - современное русло р. Зуя, (по Баранов, 1990, рис. 8).

Время основания поселения Тау-Кипчак И.А.Баранов определил по отнесенным им ко второй половине VII в. керамическим комплексам из хозяйственных ям 5 и 6 и жилищ 1, 2, 23. По его словам, ямы выкопали в начальный период существования поселения и засыпали задолго до разрушения построек. Амфоры из ям А.И.Баранов разделил на девять типов. Амфоры 1 (рис. 81,*1,8*) и 6 (рис. 81,*2*) типов он отнес к VI-VII вв., 7 типа (рис. 81,*11*) - к VI - середине VII в., 4 типа (рис. 81,*5*) - к VII в., 2 (рис. 81,*2*) и 5 (рис. 81,*6*) типов - ко второй половине VII в., 9 типа (рис. 81,*13*) - к середине VII - середине VIII в., 8 типа (рис. 81,*12*) - к первой половине VIII в. Однако, хронологию многих типов И.А.Баранов обосновал по неверно подобранным аналогиям[149]. Горло амфоры такой же формы как у амфор 1 типа (рис. 81,*1,8*) обнаружено в Керчи в слое последней четверти VI - третьей четверти VII в. (рис. 55,*14*). В Пташкино зафиксировано использование такой амфоры в IX в.[150] Амфоры 2 типа (рис. 81,*2*) нашли в Подонье, Подунавье, в Скалистом в склепе 406 середины VII в., на Бакле в слое VI - начала VIII вв. (рис. 47,*11,12*) и в Сирии в комплексе конца VII в.[151] Амфоры 3 типа (рис. 81,*3*) подобны содержавшимся в Малой Азии в слоях конца V - начала VII вв. и конца VI-VII вв.[152] Амфора 4 типа (рис. 81,*5*) близка амфорам LRA-1-тип 7 из Сирии и поднятым с корабля, затонувшего в третьей декаде VII в. близ Ясси Ада в Турции[153]. В Стамбуле в квартале Сарачаны имитации амфор LR-1 типичны для VII в.[154] Амфоры 5 типа (рис. 81,*6*) датируются по однотипным из склепа с инвентарем второй половины VII в. из Агойского аула (Черноморское побережье Кавказа) и из синхронных слоев, раскопанных в Сирии и Израиле и из Пташкино из комплекса, сформировавшегося в IX в. (рис. 81,*7*)[155]. Амфора 6 типа (рис. 81,*9*) аналогична входящей в состав комплекса второй половины VII в. из Реховота в Негеве[156]. Амфоры 7 типа (рис. 81,*11*) по форме ручек и тулова типологически родственны амфоре из упомянутого комплекса из Пташкино[157]. Фрагменты амфор с широким горлом 8 типа (рис. 81,*12*) происходят из засыпи первой половины IX в. из водохранилища в Херсонесе и с возникшего во второй половине VIII в. поселения Кордон-Оба (рис. 78,*65*)[158]. Дату начала производства амфор 9 типа (рис. 81,*13*) нельзя определять по амфоре типа LR-1 из Ильичевки[159]. Амфоры 9 типа найдены близ Херсонеса в гончарной печи первой половины IX в., а на Хиосе - в слое IX в.[160] Очевидно, эти амфоры изготовляли в конце VIII-IX вв. В яме 5 лежали амфоры 1 и 5 типов VII-VIII вв., 2 типа - VII - начала VIII вв., 3 и 4 типов - VII в., а в жилище 23 - амфоры 2 и 3 типов. Сосуды из ямы 5 и жилища вместе могли использовать на рубеже VII-VIII вв. Тогда и возникло поселение Тау-Кипчак. Даты образования комплекса из ямы 6 из ранних амфор 2 типа VII - начала VIII вв. и

---

[149] Баранов, 1990, с. 26-31, 33, рис. 9,1-4,7-9; 10,1-5,7,9,11.
[150] Гадло, 1980, с. 141, рис. 7,а.
[151] Артамонов, 1935, рис. 35,71-74. Галис, 1982, рис. 2,2; 3,6. Айбабин, Веймарн, 1983, с. 213-217, рис. 1,4-6,13,19; 2,13. Orssaud, 1992, p. 219, fig. B/2,12. Bjelajac, 1996, p. 74, fig. XXV,141,143.
[152] Williams, 1989, p. 95, fig. 56,561. Hayes, 1992, p. 64, fig. 47,156,157.
[153] Riley, 1979, p.216, fig.91,346. Peacock, Williams, 1986, p.185-187, fig.104,B. Alfen, 1996, p.199,211.
[154] Hayes, 1992, p. 69, fig. 49,193,194.
[155] Миллер, 1909, с. 89-91, рис. 19,8. Гадло, 1980, с. 140-141, рис. 7,г. Sodini, Villeneuve, 1992, p. 197, 211, 212, fig. 2,2. Rozenthal-Heginbottom, 1988, p. 78, pl. II,125.
[156] Rozenthal-Heginbottom, 1988, p. 78, 88, pl. III,126.
[157] Гадло, 1980, с. 140-141, рис. 7,ж.
[158] Баранов, 1990, с. 31. Седикова, 1995, с. 171-172, рис. 5,3.
[159] Сокольский, 1966, с. 132, рис. 5,1. Баранов, 1990, с. 25, 26, рис. 7,26.
[160] Рыжова, 1982, рис. 2,1. Ballance, Boardman, Corbett, Hood, 1989, p. 114, fig. 43,280, pl. 25,280. Седикова, 1997, с. 11.

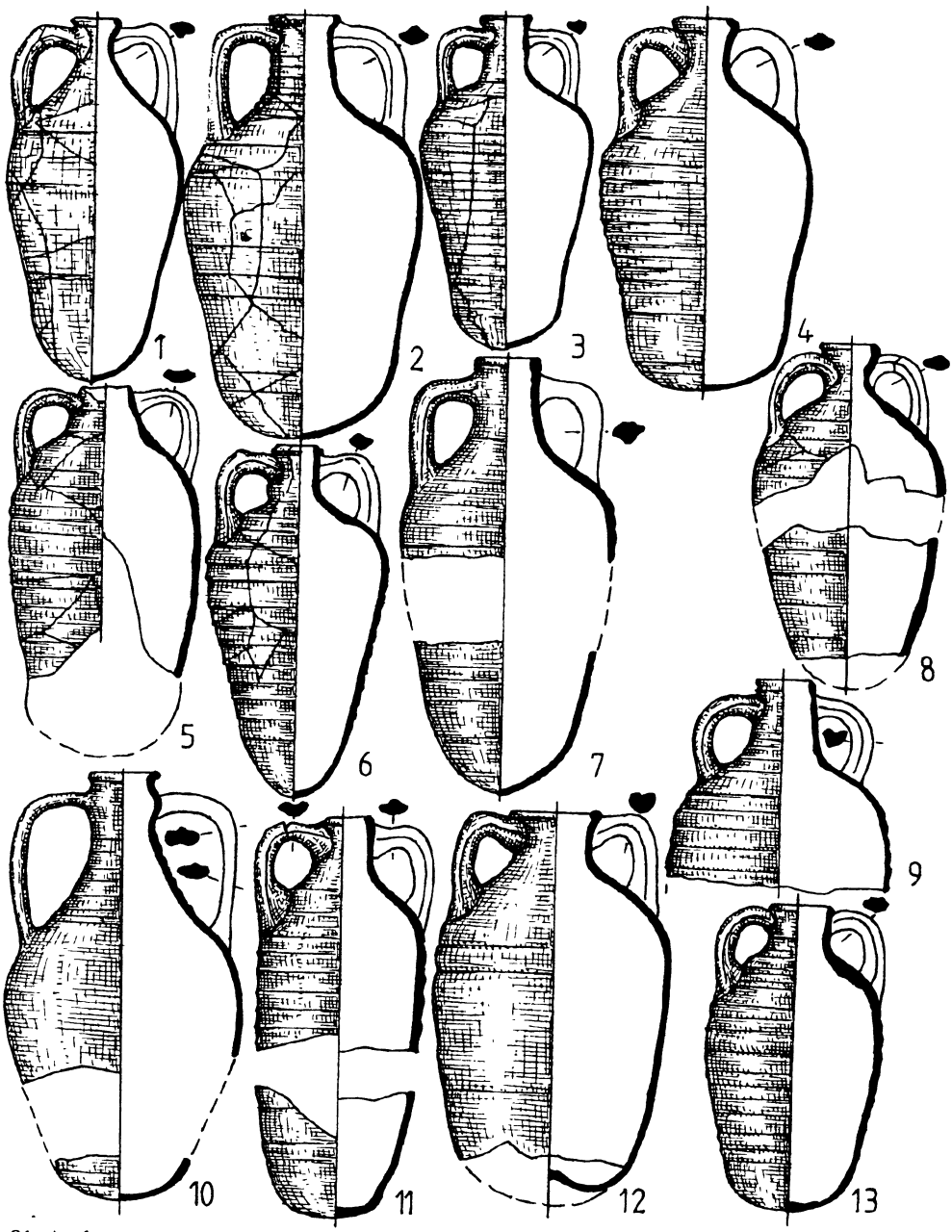


Рис. 81. Амфоры с поселений VIII-IX вв.
1-3,5,6,8,9,11-13 - Тау-Кипчак (по Баранов, 1990, рис. 9,10): *1-3,5,6,8* - хозяйственная яма 5; *9,11-13* - хозяйственная яма 6; *4,7,10* - Пташкино (по Гадло, 1980, рис. 7).
Типы амфор по типологии И.А.Баранова: *1,8* - тип 1, *2* - тип 2, *3* - тип 3, *5* - тип 4, *6,7* - тип 5, *9* - тип 6, *11* - тип 7, *12* - тип 8, *13* - тип 9; *4* - северопричерноморская 2 варианта; *10* - тип Кесария 5 (по Adan-Bayewitz, 1986, fig. III,103; 2,4).

6 типа второй половины VII в., и амфор 7 и 8 типов второй половины VIII-IX вв. и комплекса из амфор 1, 2 и 8 типов из жилища 1 определяются по поздним. Комплекс из жилища 2 из амфор 8 типа и северопричерноморских фиксирует гибель поселения в IX в.

Помимо северопричерноморских амфор второй половины VIII-X вв. в Героевке найдены фрагменты амфор VII в.[161], во Фронтовом — фрагменты амфор типа Баранов 2[162], в Морском — фрагменты амфор типа Якобсон 10, в Ойрате, Лазурном — фрагменты амфор с желобчатым зауженным в средней части туловом[163] и в одном из жилищ в Пташкино — фрагменты амфор типа Якобсон 7[164]. Видимо, эти поселения также возникли на рубеже VII-VIII вв.

Вероятно, под давлением хазар в Юго-Восточный Крым переселились и сугды. Так византийцы называли низовых прикубанских адыгов. Они основали на побережье ремесленно-торговое поселение Сугдея (рис. 78,*62*)[165]. По мнению И.А.Баранова, крепость в Судаке сугды возвели во второй половине VII в. или в его третьей четверти. Аргументируя дату он не публикует раннюю керамику, а лишь упоминает обломки краснолаковых сосудов, амфор, близких западнопонтийским, и ойнохой типа Скалистое[166]. Идентифицированы только амфоры типа Баранов 6 второй половины VII в. (типа рис. 81,*9*). Как отмечалось выше, в Фанагории и Крыму краснолаковая керамика использовалась и после VII в., а ойнохои — в VII-IX вв. Привлеченные же для обоснования предложенной даты металлические вещи бытовали или до конца VII в. (В-образная пряжка), или очень долго, например, серьги с бусиной на стержне — в последней четверти VII-IX вв.[167], либо датированы не верно. Поясной набор из могилы со склона горы Перчем типичен не для второй половины VII в., а для VIII-IX вв.[168] Опубликованные в статьях И.А.Баранова находки из раскопок в Судаке датируют возникновение города не ранее последней четверти VII в. В письменных источниках Судак впервые упомянут в Космографии Равеннского анонима конца VII в., где он назван Сугдеей "Sugdabon"[169]. Наиболее ранней печатью из найденных в Судаке является моливдовул 696/697 гг. Кириака апоипата и главного лагофета Константинополя[170]. К первой половине VII в. Е.В.Степанова отнесла четыре новых печати из Судака с крестовидной монограммой[171]. Однако, по мнению В.Зайбта*, буквы монограммы на одной из печатей типичны для всего VII в., на другой — для конца VII в., а на двух других — для VIII - начала IX вв.[172]

Сообщения Феофана и Никифора о событиях, последовавших за ссылкой в Херсон (рис. 78,*1*) в 695 г. лишенного трона Юстиниана II, дают основание говорить о захвате хазарами почти всего Крыма. В 704 г., узнав о свержении императора Леонтия, Юстиниан стал заявлять о своих планах возвратить трон. Херсонцы, опасаясь гнева нового императора Тиверия III Апсимара, решили либо убить ссыльного, либо отправить его

---

[161] Гадло, 1969, с. 167.
[162] Баранов, 1990, с. 33.
[163] Щеглов, 1970, с. 256-257, 260, рис. 2,2,4,5.
[164] Гадло, 1980, с. 135.
[165] Гадло, 1991, с. 100.
[166] Баранов, 1989, с. 47. Баранов, 1991, с. 145, 147, 149.
[167] Баранов, 1994, с. 50, рис. 2. Айбабин; 1993а, с. 123, рис. 5,26; 6,20.
[168] Баранов, 1991, с. 147, рис. 2,1-5. Ковалевская, 1981, рис. 61,17.
[169] Ravennatis anonymi, p. 175. Васильевский, 1915, с. CXLV.
[170] Шандровская, 1995, с. 120-121.
[171] Степанова, 1997, с. 171, 172, рис. 1,2.
* Я благодарен профессору Венского университета В.Зайбту за консультацию.
[172] Seibt, Zarnitz, 1997, S. 166-168.

в столицу. Юстиниан бежал из Херсона и по словам Никифора "...скрылся в крепости, называемой Дорос (Δόρος) и лежащей в готской земле"[173]. Там он оказался не только вне досягаемости византийской администрации, но и получил возможность связаться с каганом Хазарии, который скорее всего находился в степях Поднепровья. Каган разрешил Юстиниану II поселиться в Фанагории (рис. 78,*116*) и выдал за него свою сестру. Апсимар, узнав о сближении Юстиниана с каганом, попросил либо выдать беглеца, либо прислать его голову. В ответ на просьбы императора Византии каган приказал своим наместникам в Боспоре и Фанагории задушить Юстиниана II. Последний, узнав от жены о приказе кагана, сам задушил присланных убийц и бежал в приморское селение Томы (Τόμιν или Τομῖν у Никифора, Τόμην у Феофана). По мнению А.Грегуара, А.В.Гадло и К.Манго, в этом фрагменте идет речь не о западнопричерноморском городе Томы, а о расположенном близ Фанагории поселении, которое в нотации 3 (К. де Боора) названо Таматархой (Ταμάταρχα)[174]. Из Томи беглец на корабле приплыл в гавань Символа (Συμβόλου) (рис. 78,*2*), где к нему присоединились находившиеся в Херсоне его сторонники. Вместе с ними он на корабле доплыл до устья Дуная. С помощью хана булгар Тервеля Юстиниан II в 705 г. вновь захватил власть в империи. В первые годы второго царствования Юстиниана II каган поддерживал с ним дружеские отношения и возвратил ему жену, родившую сына[175].

В 711 г. император для наказания жителей Херсона, Боспора "и других архонств - ...καὶ τοὺς τῶν ἄλλων ἀρχοντιῶν λαοὺς..." (по Никифору) или "других климатов - καὶ τῶν λοιπῶν κλιμάτων" (по Феофану) направил в Крым флот с 100000-м войском под командой патрикия Стефана[176]. В Бревиарии явно преувеличена численность войска. Упоминание городов и архонств дает основание говорить и о другой, быть может, главной задаче военной экспедиции — возвращение империи утраченных городов и крепостей. По Феофану, овладевшие Херсоном византийцы пленили там хазарского "Тудуна - архонта Херсона, бывшего там от лица кагана и Зоилу, первого гражданина по роду и племени" и шестьдесят семь "знатных мужей, протевонов Херсона"[177]. По Никифору, византийцы захватили "Тудуна архонта Херсона и Зоила, называемого протополитом (Τουδοῦνον δὲ τὸν Χερσῶνος ἄρχοντα καὶ Ζωΐλον πρωτοπολίτην λεγόμενον)", сорок семь протевонов и до двадцати "управляющих другими городами - τοὺς δὲ τῶν ἑτέρων προστατεύοντας πολισμάτων ἄνδρας"[178]. Издатель "Бревиария" патриарха Никифора К. де Боор сохранил почти без изменений содержащуюся в Ватиканском манускрипте неверную форму (τὸνδοῦνον) тюркского термина тудун[179]. К.Манго при подготовке нового издания труда Никифора использовал Лондонский манускрипт, в котором термин "τουδοῦνον" написан правильно[180]. Протополит Зоила, очевидно, возглавлял городской сенат, состоявший из протевонов[181]. Возможно, они, опасаясь мести Юстиниана II, и пригласили в город хазар. Присланный каганом

---

[173] Чичуров, 1980, с. 155/163. Nikephoros patriarch of Constantinopole, 42,6-8.
[174] Grégoire, 1952, p. 288-292. Гадло, 1968, с. 61. Чичуров, 1980, с. 39,40/63, 126. Darrouzès, 1981, p. 20,242. Nikephoros patriarch of Constantinopole, 42,25-29, p. 103.
[175] Кулаковский, 1996, Т. III, с. 271-274, 282. Nikephoros patriarch of Constantinopole, 42, p.200.
[176] Nikephoros patriarch of Constantinopole, 45,1-10. Чичуров, 1980, с. 40/64.
[177] Чичуров, 1980, с. 40/64.
[178] Nikephoros patriarch of Constantinopole, 45,16-25.
[179] Moravcsik, 1958, S. 317. Чичуров, 1980, с. 181.
[180] Nikephoros patriarch of Constantinopole, 45,16,41.
[181] Якобсон, 1959, с. 37, 38. Соколова, 1983, с. 113.

тудун управлял городом вместе с протополитом.

Рассказы Феофана и Никифора об уничтожении ромеями всего населения Херсона и всех жителей архонств явно не достоверны. Вряд ли каратели напали на все крепости Дори и дошли до Боспора. Рассмотренные в третьей главе археологические данные указывают только на разгром в начале VIII в. цитадели Баклы (рис. 78,*28*). На могильнике в Баклинском овраге хоронили и после разрушения укреплений. То есть, каратели не уничтожили жителей посада и поселения у подножия Баклы.

С войсками Стефана в Херсон прибыл назначенный императором архонт спафарий дорифор (δορυφόρος) Илья. Для улучшения отношений с каганом Юстиниан II решил вернуть в Херсон тудуна и бывшего главу самоуправления протополита Зоила, а архонта Илью отозвать в Константинополь. Император отправил их в сопровождении патрикия и министра финансов (γενικὸς λογοθέτης) Георгия Сирийца, эпарха города Иоанна и 300 стратиотов под командой турмарха Фракийцев Христофора. Однако, архонты Херсона Илья и Дори, названные Никифором архонтами тех областей "τῶν χωρῶν τούτων ἄρχοντες τῆς φήμης", не доверяя императору, вновь призвали в Готию хазарские войска. Согласно Феофану, архонт Илья, "херсониты и жители других крепостей - τότε οἱ Χερασῶνος καὶ τῶν λοιπῶν κάστρων" отреклись от Юстиниана II и провозгласили императором сосланного в город Вардана. Херсонцы убили Георгия и Иоанна, а тудуна и протополита Зоилу вместе с турмархом и стратиотами передали подступившим к городу хазарам. Разгневанный Юстиниан II отправил в Херсон флот во главе с патрикием Мавром. Войска ромеев разбили тараном две городские башни. В результате раскопок И.А.Антоновой и А.И.Романчук в портовом районе Херсона выявлены разрушенные во время осады Мавра оборонительные сооружения и жилые кварталы[182]. Подоспевшие войска хазар заставили ромеев прекратить осаду. Патрикий Мавр и его воины отреклись от Юстиниана II и провозгласили новым императором бежавшего к кагану Вардана, переименовав его в Филиппика. Каган потребовал от ромеев дать клятву верности Вардану и уплатить выкуп за каждого воина. Вардан с войском патрикия Мавра на кораблях отплыл к г. Византию, сверг и казнил Юстиниана II[183].

Описанные события красноречиво характеризуют реальные позиции Византии и каганата на полуострове после 712 г. После уничтожения карателями протевонов, Херсоном управлял перешедший на сторону Вардана архонт спафарий Илья. Примечательно, что херсонцы не позволили возглавлявшему при хазарах местное самоуправление протополиту Зоиле вернуться в город. Хазары признавали принадлежность Херсона империи, но установили свой протекторат над остальным Крымом и не желали мириться с присутствием крупных византийских войск даже в Херсоне. По мнению У.Тредголда, в 780 г. Херсон, также как и некоторые другие укрепленные приморские города в Греции и Албании, являлся византийским архонтатом[184]. Из города и происходят печати VIII в. представителей византийской военной администрации — ипата и комита Косьмы[185] и офицера императорского кандидата и комита τῆς χόρτης Исоя[186], печать высшего финансового чиновника императорского спафария

[182] Антонова, 1971, с. 116. Романчук, Белова, 1987, с. 62, 63.
[183] Чичуров, 1980, с. 41/64,65. Nikephoros patriarch of Constantinopole, 45,32-65.
[184] Treadgold, 1988, p. 17.
[185] Соколова, 1983, с. 145-146, №2.
[186] Соколова, 1991, с. 203, №49.

главного логофета первой половины VIII в.[187] Правители империи как и прежде ссылали в Херсон идеологических и политических противников. В 776 г. в город выслали участвовавших в заговоре против Льва IV его брата Никифора, нескольких спафариев, стратигов и императорских гвардейцев[188].

Утрата политического и военного контроля над Готией и карательные экспедиции не могли не вызвать в Херсоне кризис экономики. но не привели к полному замиранию экономической деятельности. Не прекращалась торговля с метрополией и Готией. В Херсоне найдена печать с изображением Льва III и Константина V 739-751 гг. архонта влатия и главного коммеркиария, которой опечатывали тюк с произведенными в мастерских Константинополя шелковыми тканями[189]. В VIII в. в город из Византии завозили белоглиняную поливную керамику[190]. В местных бронзолитейных мастерских изготовляли византийские поясные пряжки VIII в. с прямоугольной рамкой (рис. 73,*6*), пряжки типа Коринф 2 варианта (рис. 73,*8,9*) второй половины VIII-IX вв. и другие. Скорее всего, в них же сделаны и многие обнаруженные на территории Готии однотипные византийские пряжки (табл. XXXII,*10-12,14-16,24,27*), крестики и украшения[191]. Вероятно, через Херсон попали в Скалистое (рис. 78,*29*) золотые тремиссисы Вардана Филиппика (711-713 гг.) и Константина V (741-775 гг.)[192], а на Баклу — византийские белоглиняные сосуды.

В начальный период хазарского протектората, до выступления против них местных правителей, в этническом составе населения Готии не произошло каких-либо существенных изменений. Продолжали функционировать все возникшие ранее в области Дори города, поселения и некрополи: в Алустоне (рис. 78,*52*), Лучистом (рис. 78,*53*), Партените (рис. 78,*49*), Суук-Су (рис. 78,*48*), Гугуше (рис. 78,*47*), Артеке (рис. 78,*46*), Горзубитах (рис. 78,*43*), Гурзуфской котловине (рис. 78,*44*), Бал-Готе (рис. 78,*42*), Ореанде (рис. 78,*39*), Кореизе (рис. 78,*37*), Кекенеизе (рис. 78,*35*), Симеизе (рис. 78,*36*), Скалистом (рис. 78,*29*), на плато Бакла и у его подножия (рис. 78,*27*), в Фыцках (рис. 78,*26*), Баштановке (рис. 78,*24*), Малом Садовом (рис. 78,*21*), Аромате (рис. 78,*20*), Большом Садовом (рис. 78,*16*), на Мангупе и окрестных некрополях (рис. 78,*15*), на плато Эски-Кермен (рис. 78,*14*), в Терновке (рис. 78,*13*), на склоне Сахарной головки (рис. 78,*8*), в Бобровке (рис. 78,*11*), на могильнике Узень-Баш (рис. 78,*6*), на Черной речке (рис. 78,*4*), на Загайтанской Скале (рис. 78,*3*), в Балаклаве и ее окрестностях (рис. 78,*2*), в Херсоне и на его хоре (рис. 78,*1*), у подножия пещерных монастырей Чилтер-Коба (рис. 78,*17*), Шулдан (рис. 78,*10*) и Чилтеры (Мармара) (рис. 78,*9*). Поселения с керамикой VIII-IX вв. обнаружены в селе Родниковое (рис. 78,*7*) южнее могильника Узень-Баш, в Передовом (рис. 78,*12*), Пампук-Кае (рис. 79,*19*) и Гончарном (рис. 78,*5*)[193]. Новые плитовые могильники появились в Семидворье (рис. 78,*51*), Малом Маяке (рис. 78,*50*). Некрополи фиксируют увеличение населения Эски-Кермена, Чуфут-Кале, поселений, окружающих Мангуп и Баклу (рис. 78,*28*) и южнобережных селений.

В VIII-IX вв. на горнокрымских некрополях выявлены погребальные сооружения семи типов: склепы (рис. 82,*10-16*), подбойные (рис. 82,*2,9*), вырубные (рис. 82,*6*)

---

[187] Соколова, 1991, с. 203, 210. №41.
[188] Чичуров, 1980, с. 46/69. Treadgold, 1988, p. 11.
[189] Соколова, 1991, с. 202, №11.
[190] Седикова, 1997, с. 15. Седикова, 1998, с. 646, 648, 649.
[191] Айбабин, 1993а, рис. 2,4,18; 3,1-9,13; 5,15-18,32; 6,27-29,33,38,40-49.
[192] Веймарн, Айбабин, 1993, с. 167.
[193] Якобсон, 1970, с. 60-104, 110-117.

и

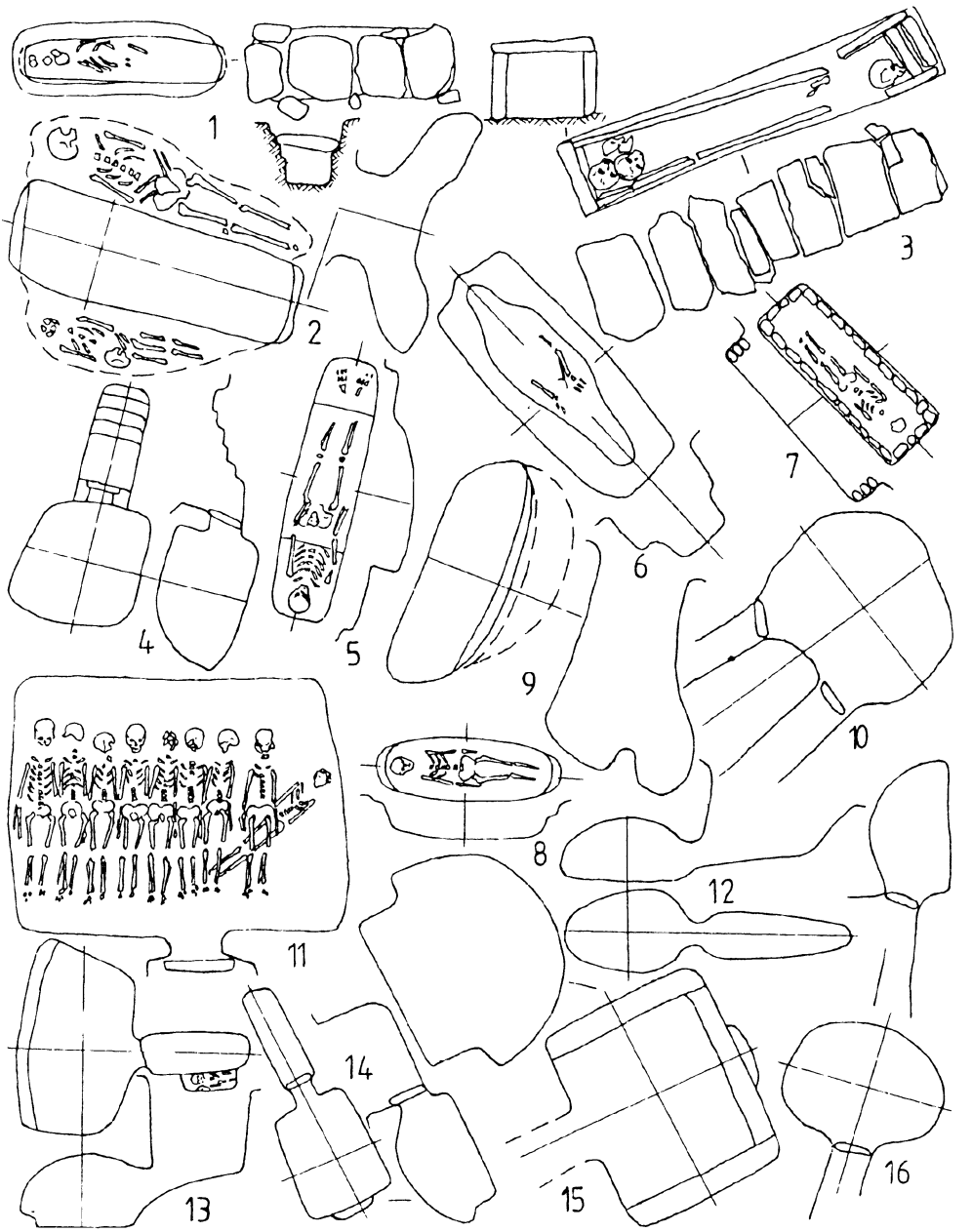


Рис. 82. Погребальные сооружения VIII-X вв.
1 - средневековый некрополь на плато Бакла, могила 6/1994; *2,6,8,9,11-13* - Эски-Кермен (*2* - могила 303, *6* - могила 196, *8* - могила 282, *9* - могила 340, *11* - склеп 153, *12* - склеп 181, *13* - склеп 189); *3* - Кордон-Оба, могила 53; *4* - Мангуп, усыпальница 1/1938; *5* - Лучистое, могила 68;

10,16 - Узень-Баш, 1926 г. (*10* - склеп 2, *16* - склеп 1); *7,14,15* - Скалистое (*7* - могила 293, *14* - склеп 552, *15* - склеп 214).
плитовые могилы (типа рис. 82,*3*), ямные со стенками, выложенными камнями (рис. 82,*7*), грунтовые могилы (рис. 82,*1,5,9*) и усыпальницы (рис. 82,*4*).

Склепы, подбойные и простые грунтовые могилы по конструкции такие же, как и более ранние. На некрополе Черная Речка с VIII в. в камерах совершали по одному или два захоронения. На всех других могильниках в склепах хоронили представителей нескольких поколений одной семьи (рис. 82,*11*). В Скалистом и Херсонесе погребали в деревянных гробах. На склоне Эски-Кермена в бортах дромосов вырубали небольшие подбои для грудных детей (рис. 82,*13*). В Горном Крыму на разных могильниках склепы отличаются по набору инвентаря. В Скалистом и у подножия Баклы почти в каждом склепе стояли керамические и стеклянные сосуды. В Лучистом, Суук-Су, на склоне Чуфут-Кале лежали по одному, реже по два сосуда. На склонах Эски-Кермена и Сахарной Головки, у подножия Мангупа, в Малом Садовом, в Узень-Баше в камерах склепов керамика весьма редка. В Херсонесе с VIII в. склепы уже не вырубали. В VIII-X вв. там довольно часто хоронили в позднеримских склепах с лежанками. На склонах Эски-Кермена в самых поздних подбойных могилах содержались серьга с бусиной на кольце[194] и пряжка типа Бал-Гота 2 варианта (табл. XXX,*5б*) конца VII - первой половины VIII вв., а в вырубленных в скале могилах с антропоморфным углублением (рис. 82,*6*) - пряжка с крестовидным щитком и серьга первой половины VIII в. (табл. XXXII,*11,17*). На склоне Эски-Кермена и на Мангупе в скале вырубали и овальные в плане могилы с прямыми или покатыми бортами. Они датируются по пряжке первой половины VIII в. (табл. XXXII,*14*) и стеклянным браслетам и бубенчикам IX-XII вв.[195]

Плитовые могилы аналогичны описанным в третьей главе. В них хоронили в Херсоне и Боспоре, на горнокрымских сельских, монастырских и церковных некрополях (рис. 78,b) в Суук-Су, на Бал-Готе, в урочище Гугуш, в Партените, Малом Маяке, Семидворье, Кореизе, Родниковом, Гончарном, на Бакле, в окрестностях Судакской крепости, на Кордон-Обе, на Тепсене, в Тиритаке. Судя по вещам, в таких могилах хоронили и после конца IX в. представители всех этносов. В Суук-Су в VIII-IX вв. погребали только в плитовых или в накрытых плитами могилах. Три плитовые могилы находились в церкви, в которой обнаружили фрагмент белоглиняной поливной чаши VIII-XII вв.[196] Видимо, церковь на некрополе построили не ранее IX в. Местным жителям принадлежали плитовый некрополь и храмик второй половины - конца VIII-IX вв. у подножия Баклы[197].

В Скалистом зачищены две могилы с перекрытием из плит и с обложенными камнями бортами (рис. 82,*7*) с деталями поясных наборов первой половины VIII в. (табл. XXXII,*1-3*). Однотипные могилы с первой половины VI в. сооружали на Северном Кавказе[198].

Грунтовые могилы второй половины VIII-IX вв. делятся на два типа: 1 — с заплечиками с перекрытием из плит (рис. 82,*1*), 2 — с вертикальными бортами (рис. 82,*5,8*). В могилах всех типов скелеты ориентированы черепами на запад или северо-запад. В могилах 1 типа в раннее средневековье погребали со второй половины VII в. Они вы-

[194] Айбабин, 1993а, рис. 6,39.
[195] Айбабин, 1993а, с. 128.
[196] Репников, 1907, с. 122.
[197] Рудаков, 1984, с. 40.
[198] Минаева, 1971, с. 67-68. Ковалевская, 1981, с. 92, рис. 65,3.

явлены в Скалистом среди склепов и в Бал-Готе, Суук-Су, Партените, на Бакле[199]. На склоне Эски-Кермена в могиле с заплечиками 243 найдены украшения, обычные для салтовской культуры (табл. XXXII,*21,34,35*) и Приуралья[200]. В могилах 2 типа из Скалистого, Узень-Баша, Родникового, со склонов Сахарной Головки, Эски-Кермена и Чуфут-Кале почти отсутствовал инвентарь. На Эски-Кермене они выкопаны в почвенном слое, перекрывающем склепы, вырубные и подбойные могилы. В могиле 206 погребенный накрыт черепицей IX-X вв. В Лучистом в таких могилах лежали височные подвески со штампованным изображением птиц второй половины IX в., пряжки и серьги (типа табл. XXXII,*53*), характерные для салтовской культуры[201].

Усыпальницы разделены на два варианта: 1 — с камерами и короткими дромосами, вырубленными в материковой скале на Эски-Кермене и Мангупе (рис. 82,*4*)[202], 2 — с камерами, сложенными из известняковых блоков в ямах, выкопанных в грунте у подножия Баклы и в Судаке[203]. По инвентарю ранние захоронения в усыпальницах обоих типов датируются IX в.[204]

С начала VIII в. в Юго-Западном Крыму под влиянием христианства уже не погребали в традиционных для алан подбойных могилах. Связи с Хазарией проявились в инвентаре. В это время аланы и готы наряду с вещами крымско-византийского круга носили популярные в хазарском каганате украшения и детали поясных наборов уральского типа (табл. XXXII,*1,3,6-9*).

Сельские жилища, зачищенные в Передовом, Гончарном, Родниковом и Бобровке, состояли из жилого и хозяйственного помещений со стенами глинобитно-жердевой конструкции, сооруженными на каменном цоколе, и соломенной крышей. В жилом помещении имелся открытый очаг. Глинобитные полы слегка заглублены.

Находки из жилищ свидетельствуют о доминировании земледелия и скотоводства в экономике Готии. В хозяйственных помещениях обнаружены пифосы, ручные круглые жернова, зернотерки, обломки серпов, скопления культурной ржи и мягкой пшеницы, кости домашних животных - быка, барана, овцы, козы, лошади, свиньи. На полу жилищ также лежали пряслица, использовавшиеся при прядении шерсти[205].

Около середины VIII в. в Северо-Западном, Восточном и Центральном Крыму возникают десятки новых поселений, некрополей и гончарных центров: на Лебяжьих островах (рис. 78,*104*), Калос-Лимене (рис. 78,*105*), в Тарпанчи (рис. 78,*107*), Беляусе (рис. 78,*109*), Евпатории в санатории "Чайка" (рис. 78,*110*), Саках (рис. 78,*111*), Песочном (рис. 78,*112*), на мысе Чауда (рис. 78,*74*), на горе Опук (рис. 78,*75*), над руинами Китея (рис. 78,*77*), Мирмекия (рис. 78,*83*) и Зенонова Херсонеса на мысе Зюк (рис. 78,*84*), в Заветном (рис. 78,*78*), Алексеевке (рис. 78,*85*), Чистополье (рис. 78,*86*), Репьевке (рис. 78,*87*), Слюсарево (рис. 78,*88*), Зеленом Яру (рис. 78,*89*), Песочном (рис. 78,*90*), Азовском (рис. 78,*91*), Мысовом (рис. 78,*92*), Семеновке (рис. 78,*93*), Семи Колодезях (рис. 78,*94*), Королёво (рис. 78,*97*), Кирово (рис. 78,*98*), Луговом (рис. 78,*99*), Птичкино (рис. 78,*102*), в Юго-Восточном Крыму в окрестностях Феодосии в Дальних Камышах (рис. 78,*73*), в Тихой бухте (рис. 78,*71*), Щебетовке (рис. 78,*70*), на холме Кордон-Оба

---

[199] Репников, 1906, с. 40-42. Репников, 1907, с. 130. Айбабин, 1993а, с. 129.
[200] Айбабин, 1993а, с. 129, рис. 2,21,34; 5,6,10,11,14,22.
[201] Айбабин, 1993а, с. 129, рис. 6,50; 9,7,8,20; 10,18; 17,10.
[202] Репников, 1932, с. 113, 114, 118, 119, 125, 128. Репников, 1935, с. 23, 25, 31-37, 40, 41, рис. 9. Айбабин, 1993а, с. 129.
[203] Баранов, 1990, с. 129-131, 133, рис. 24. Рудаков, 1980, с. 121-125, рис. 1,2.
[204] Айбабин, 1990, с. 129, 230.
[205] Якобсон, 1970, с. 117-120, 149-151.

(рис. 78,*69*), на мысу Ай-Фока (рис. 78,*61*), в Морском (рис. 78,*60*), Чабан-Куле (рис. 78,*59*), Приветном (рис. 78,*57*), на дороге из Приветного в Белогорск (рис. 78,*58*), в Канакской балке (рис. 78,*56*), Рыбачьем (рис. 78,*55*) и Малореченском (рис. 78,*54*), на границе степи и гор на Петровских скалах (рис. 78,*34*), в Лозовом (рис. 78,*33*) и Фонтанах (рис. 78,*32*), Почтовом (рис. 78,*31*)[206].

В Тиритаке, на холмах Кордон-Оба (рис. 82,3) и Тепсень исследованы принадлежавшие жителям поселений некрополи с плитовыми и грунтовыми могилами вариантов 1 — с заплечиками и перекрытием из плит, 1а — с заплечиками и перекрытием из дерева и 2 — с деревянными гробовинами. Выявленные на Кордон-Обе и Тепсене грунтовые могилы 1 варианта такие же, как и известные в Крыму со второй половины VII в.[207] На Тепсене в могиле № 14 лежал солид Константа V Копронима, чеканенный в 741-751 гг. и обычные для салтовской культуры серьги второй половины VIII-IX вв.[208] Грунтовые могилы вариантов 1а и 2 близки булгарским из Нижнего Подонья, бассейна Северского Донца, Поволжья и Южного Приуралья[209].

Плитовые могилы Тепсеня, Кордон-Обы и Тиритаки И.А.Баранов датировал первой половиной VIII в. и приписал бежавшим в Крым грекам иконопочитателям[210]. Вряд ли могилы оставлены греками. В них зафиксирован такой же погребальный обряд, что и в раскрытых на этих некрополях грунтовых могилах. Предложенная И.А.Барановым дата слабо аргументирована. Из названных могил на Кордон-Обе извлекли типичные для салтовской культуры серьги, украшения и детали поясных наборов второй половины VIII-IX вв. (табл. XXXII,*20,21,29,38,46,47*)[211]. На Тепсене в плитовой могиле 16 найдены солид Константа V с арабским динаром времени ал-Мансури 138 г.х. (755/766 гг.)[212].

Основываясь на материалах названных поселений А.В.Гадло и И.А.Баранов разработали типологию жилищ осевших на полуострове булгар. Первые поселенцы в Тау-Кипчаке и Пташкино сооружали бесстолбовые полуземлянки с очагом в центре. Они перекрывались многоскатной крышей, опиравшейся на землю или плетневую обмазанную глиной стенку[213]. Рядом располагались хозяйственные ямы и помещения с тарной и кухонной керамикой и другим инвентарем. Аналогичные описанным землянки второй половины VIII-IX вв. зачищены на холме Кордон-Оба и в Евпатории[214]. На склоне Кордон-Обы на полу землянки лежала салтовская поясная бляшка, типичная для комплексов двенадцатой и тринадцатой групп IX в.[215] После того как землянку оставили жители, ее превратили в мусорную яму. Одновременно сооружали землянки, в которых по верхнему краю котлована из камня и сырцового кирпича выкладывали стены. На 0,5 м над уровнем пола возвышалась печь-каменка с дымоходным отверстием. Подобные печи нашли в боспорских сельских и городских домах предше-

---

[206] Шелов, 1957, с. 98-103. Щеглов, 1970, с. 256-257, 260, рис. 2,2,4,5. Якобсон, 1970, с. 17-24. Гадло, 1971, с. 61-75. Гадло, 1968, с. 59-60. Гадло, 1980, с. 130, 131. Баранов, 1990, табл. 1. Масленников, 1992, рис. 17,12-14.

[207] Бабенчиков, 1958, с. 110, рис. 13, табл. 1. Баранов, 1990, табл. 9. Айбабин, 1993а, с. 129.

[208] Бабенчиков, 1958, табл. 1. Кропоткин, 1962, с. 34.

[209] Генинг, Халиков, 1964, с. 8-12, 72-89, 121, 122, 131-135. Плетнева, 1967, с. 99. Казаков, Халиков, 1981, с. 23, рис. 1. Баранов, 1990, с. 141. Красильников, 1990, с. 28, 29. Красильников, 1991, с. 63, 67, 70, 75. Флеров, 1993, с. 35, 44.

[210] Баранов, 1990, с. 106-108, 126.

[211] Айбабин, 1993а, с. 128.

[212] Кропоткин 1962, с. 34.

[213] Гадло, 1980, с. 134-135. Баранов, 1990, с. 41.

[214] Баранов, 1990, с. 47.

[215] Айбабин, 1977, с. 233, рис. 2,40. Айбабин, 1993а, с. 124-125, рис. 2,38.

ствующего периода. В Тау-Кипчаке двускатная крыша жилищ лежала на четырех столбах, а в Героевке — на трех[216].

Первые наземные постройки с полом, заглубленным в землю на 0,25 м, и стенами, сложенными из мелких плоских камней и сырцовых кирпичей в ёлку, по планировке не отличаются от полуземлянок. Углы стен не перевязаны. Борта котлованов выложены камнем[217]. В последний период в Тау-Кипчаке строят дома из двух помещений с заглубленными в землю полами и печью[218], близкие раскрытым в Кооперативном переулке в Керчи (рис. 79,*1*), в Героевке, Пташкино, с амфорами и кувшинами VIII-X вв. и салтовским перстнем со стеклянной вставкой и четырьмя лапками второй половины VIII-IX вв.[219] На поселениях Тиритака и Илурат[220], в Алексеевке[221] и на холме Тепсень такие дома строили в IX в.[222] На Кордон-Обе на полу одного погибшего от пожара дома[223] нашли салтовскую поясную бляшку IX в. (типа табл. XXXII,*37*), высокогорлые кувшины второй половины IX-X вв. и фрагменты белоглиняного поливного блюда. На холмах Кордон-Оба, Тепсень и в Мирмекии во второй половине VIII-IX вв. сооружали дома из одного помещения. В Тау-Кипчаке стены домов сложены из камня в ёлку без раствора. На других поселениях стены имеют невысокий цоколь, на котором на глиняном растворе в ёлку уложены два ряда лицевой кладки с забутовкой из мелких камней. В некоторых домах стены на стыках закруглены. В их конструкции имеются элементы, характерные для домостроения византийских городов Боспора: дверные откосы из хорошо подогнанных плит и каменные пороги[224].

В IX в. почти на всех перечисленных поселениях стали возводить усадьбы с жилыми помещениями с глиняными полами и каменной печью, отдельно стоящими хозяйственными постройками и с огражденным двором (рис. 83). Стены сложены в ёлку либо целиком из камня, либо из саманных кирпичей на каменном цоколе[225].

Описанные могилы и жилища, найденные в них лепные и гончарные сероглиняные горшки с волнистым и линейным орнаментом, котлы с внутренними петлями, кувшины с вытянутым носиком, лощенной поверхностью и резным декором, инвентарь некрополей характерны для крымского варианта салтовской культуры второй половины VIII-IX вв.[226] Рассмотренные поселения, также как появившиеся в начале века, принадлежали булгарам.

Очевидно, вторая миграция булгарских племен в контролируемый хазарами Крым была вызвана разгромом, учиненным арабами во время второй арабо-хазарской войны (722-737 гг.) на территории Хазарского каганата в Предкавказье в 730-е гг.[227] По мнению С.А.Плетневой, тогда многие аланы и булгары бежали из разоренных набегами регионов[228]. И.А.Баранов утверждает, что на холмах Тепсень и Кордон-Оба и в соседних Отузской и Коктебельской долинах в "иконоборческую досалтовскую эпоху" возникли укрепленные монастыри и поселения византийцев- иконо-

---

216 Гадло, 1968а, с. 81-83, рис. 21. Баранов, 1990, с. 41-44.
217 Баранов, 1990, с. 45.
218 Баранов, 1990, с. 45.
219 Гадло, 1969, с. 165, рис. 6. Гадло, 1980, с. 131-133, рис. 2.
220 Гайдукевич, 1952б, с. 108, рис. 47. Гайдукевич, 1958а, с. 134-136. Гайдукевич, 1952а, с. 49, 50.
221 Шелов, 1957, с. 98-103.
222 Бабенчиков, 1958, с. 99. Фронджуло, 1968, с. 110, 112-117.
223 Баранов, 1990, с. 50.
224 Баранов, 1990, с. 48-50.
225 Гадло, 1971, с. 74. Баранов, 1990, с. 50, 51.
226 Якобсон, 1958, с. 485. Плетнева, 1990, с. 86, 87.
227 Dunlop, 1954, p. 69-85. Артамонов, 1962, с. 210-224.
228 Плетнева, 1982, с. 168-169.

почитателей с домами со стенами на известковом растворе и черепичной крышей, а также плитовые некрополи. По его словам, новые булгары вторглись в Таврику из Поволжья около 740 г. и уничтожили в Восточном и Центральном Крыму булгарские

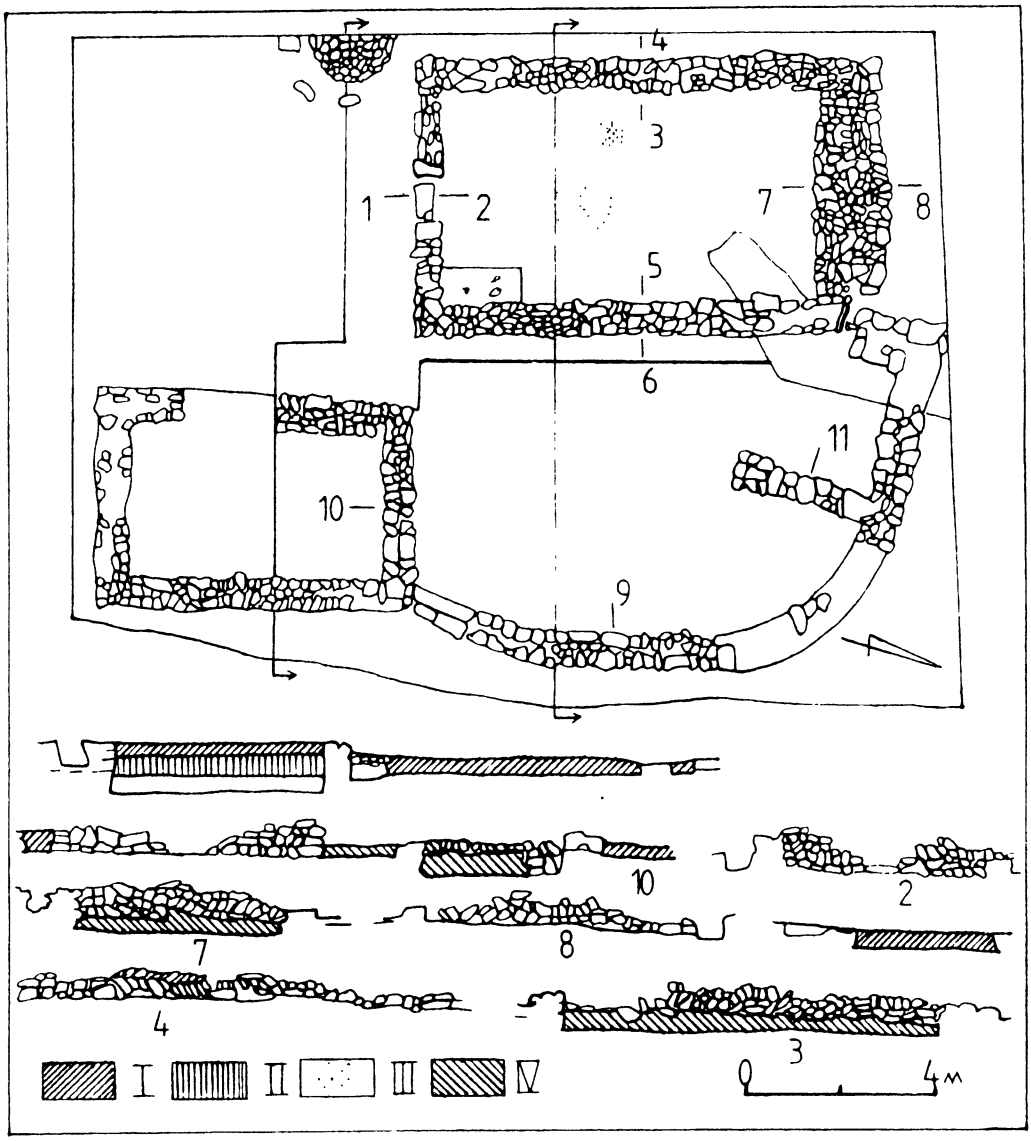


Рис. 83. План и разрезы к плану усадьбы второй половины VIII-IX вв. на холме Кордон-Оба (по Баранов, 1990, рис. 17,6).
I - дерновый слой, *II* - гумусированное заполнение внутренней части постройки, *III* - угли, пепел и зола, *IV* - глина от саманных стен и крыши дома I строительного периода.

аилы и поселения византийцев[229]. Эмиграция иконопочитателей на полуостров могла начаться лишь в 730 г. после отставки патриарха Германа[230], то есть спустя около трех десятилетий после появления первых булгарских селищ. По И.А.Баранову, менее чем через десять лет памятники иконопочитателей погибли в результате второго вторжения булгар. Поскольку И.А.Баранов не издавал какие-либо материалы с якобы выявленных в ходе его разведок в названных долинах 15 византийских поселений, созданных и разрушенных в пределах одного десятилетия, то невозможно определить их дату и этнос жителей. Тем же византийским эмигрантам он приписал дом с черепичной крышей и застекленными окнами, раскопанный В.П.Бабенчиковым на холме Тепсень. Однако, дом построен не раньше IX в. после разрушения одной из Тепсеньских базилик. В стене его ограды вторично использована известняковая капитель колонки, взятая из развалин базилики. Да и стены дома сложены обычной для булгар и хазар кладкой в ёлку[231]. Как сказано выше, приписанные иконопочитателям плитовые могилы второй половины VIII-IX вв. Кордон-Обы и Тепсеня датированы И.А.Барановым не верно. На Тепсене они зачищены в большой базилике. Некоторые могилы выкопаны после разрушения базилики. Они выложены плитами с остатками штукатурки, взятыми из руин храма[232]. Раскопки на обоих поселениях не выявили следы какого-либо нападения на них около 740 г. Никак не обоснованна и дата гибели около 740 г. первых булгарских селищ. Судя по уже рассмотренным поздним комплексам с Тау-Кипчака, селище погибло в более поздний период в IX в. Как убедительно показал А.В.Гадло, в Героевке и Пташкино полуземлянки и дома раннего типа жители забросили задолго до гибели поселения, соорудив рядом дома нового типа с двумя помещениями или усадьбы с дворами. Оба поселения погибли на рубеже IX-X вв.[233] Скорее всего, вновь переселившиеся в Восточный и Северо-Западный Крым булгары мирно осели на свободных землях.

В Крыму булгары освоили земледелие и новый тип скотоводства. В окрестностях Тау-Кипчака И.А.Баранов выявил признаки полеводства. Перед распашкой в пойме реки и на склонах лес был вырублен с выжигом. В раннем жилище обнаружена каменная зернотерка, а в более поздних — жернова от ручных мельниц, ступы для лущения проса. Жернова лежали почти во всех домах в Тиритаке, на Илурате, на холмах Кордон-Оба и Тепсень и на других поселениях. Пара жерновов с Кордон-Обы изготовлена из зеленого трасса, добытого рядом в горном массиве Кара-Даг. Мастерские по их производству известны на Керченском полуострове и близ Судака. В Тау-Кипчаке, на Тепсене и Кордон-Обе найдены железные серпы. Почву обрабатывали тяжелыми мотыгами, подобными применявшимся в Византии при подготовке поля под посев и при прополке сорняков[234]. Из Героевки происходят зерна ячменя, ржи и пшеницы, а с Кордон-Обы — зерна проса. Остеологические материалы свидетельствуют об изменении состава стада. Преобладали кости коровы, свиньи и овцы. Количество лошадиных костей не превышало четверти. Как полагает И.А.Баранов, в про-

[229] Баранов, 1990, с. 46-47, 149-151.
[230] Васильевский, 1909, с. 314-315. Mango, 1977, p. 1-3. Jenkins, 1987, p. 83.
[231] Бабенчиков, 1958, с. 96-99.
[232] Бабенчиков, 1958, с. 110-114.
[233] Гадло, 1968а, с. 79. Гадло, 1980, с. 141.
[234] Геопоники, с. 149, рис. 74,22.

цессе оседания булгары создали продуктивное сельское хозяйство, которое давало возможность не только удовлетворять собственные потребности, но и вывозить продукты на продажу[235].

На поселениях булгар развивались прядение, производство лепной и гончарной кухонной керамики, ткачество и другие ремесла. С холма Тепсень происходят формы для отливки из цветных металлов салтовских украшений и деталей поясных наборов. На Тепсене и на Кордон-Обе функционировали кузни[236]. В Коктебельской бухте у обрыва Тепсеня мною найдены обломки бракованных красноглиняных северопричерноморских амфор 2 типа. Боспорские гончары создали крупные центры на берегу Черного моря между Судаком и Алуштой. В Чабан-Куле и Канакской Балке раскопаны большие печи, состоявшие из топочной (длина до 5,2 м, ширина до 5,6 м) и обжигательной камер, с кирпичным сводом. Они сложены из сырцового кирпича, обожженного в процессе функционирования печей. В печах обжигались как подобные северопричерноморским 1 и 2 типов амфоры и красноглиняные кувшины, так и обычные на салтовских поселениях фляги. Печи для обжига амфор известны в других прибрежных селах: в Рыбачьем, Морском, Малореченке[237]. В результате петрографического анализа установлено, что амфоры из них использовались не только на местных поселениях, но и вывозились на поселения салтовской культуры в Подонье[238]. Из Хазарии поступили найденные на Тепсене арабские монеты VIII в.[239] В Героевке, Пташкино, Тиритаке, на Кордон-Обе и Тепсене многочисленны фрагменты аналогичных византийским рюмок и лампадок.

В первой половине VIII в. благодаря динамичному росту экономики Восточного Крыма Сугдея стала важным хазарским торговым портом региона. Вероятно, в начале столетия они создали в городе таможню. В акватории порта найдено свыше 400 византийских печатей VIII-XII вв. Опубликованные В.С.Шандровской упомянутая печать Кириака и печати главных коммеркиариев апотеки Онориады, Пафлагонии и побережья Понта императорского волнитора Анастася и ипата Иоанна периода совместного правления Льва III и Константина V 720-741 гг., "императорских коммеркий епархий богохранного императорского Опсикия" 745/746 гг.[240] говорят о ведении Сугдеей прямой торговли с Константинополем и другими византийскими портами Малой Азии.

Сугдейцы хоронили в обычных для христиан плитовых могилах и в земляных склепах. В одном из склепов лежали типичные для салтовской культуры перстень второй половины VIII - первой половины IX в. (табл. XXXII,*21*) и пуговицы.

После инцидента с Юстинианом II Византия смирилась с потерей почти всех своих владений в Крыму и поддерживала дружественные отношения с Хазарией. Император Лев III (717-741 гг.) в 732-733 гг. направил посольство к кагану и женил своего сына, будущего императора Константина V (741-775 гг.) на его дочери, "...обратив ее в христианство и назвав Ириной"[241]. Каган, относясь благосклонно к христианам, не препятствовал образованию на территории Хазарии новых епархий.

В.Г.Васильевский, А.Л.Бертье-Делагард и А.В.Гадло, основываясь на тексте жи-

---

[235] Баранов, 1990, с. 69-79.
[236] Фронджуло, 1968а, с. 143-151. Айбабин, 1976. Баранов, 1980, с. 81-103.
[237] Якобсон, 1979, с. 38-53.
[238] Ковнурко, 1968, с. 122.
[239] Бабенчиков, 1958, с. 114.
[240] Sandrovskaja, 1993, p. 86-90. Шандровская, 1995, с. 120-122.
[241] Чичуров, 1980, с. 68, 166, 183. Nikephoros patriarch of Constantinopole, 63,1-3.

тия Стефана Сурожского, считают, что при патриархе Германе (715-730 гг.) в Сугдее была создана епархия, которою при Константине V Копрониме (741-775 гг.) возглавил епископ Стефан[242]. Самое раннее сообщение о Стефане содержится в Минологии, составленном в конце X или в начале XI в. при Василии II Болгаробойце. Там, после рассказа о мученичестве Стефана Нового, сказано о высылке в Сугдею Стефана. В.Г.Васильевский датировал это событие 767 г.[243] По его мнению, тот же Стефан присутствовал на Никейском соборе 787 г., на котором временно победили иконопочитатели. Подпись Стефана есть в протоколе пятого заседания: "Στέφανος, ἀνάξιος ἐπίσκοπος πόλεως Σουγδάων, — Стефан, недостойный епископ города Сугдайского"[244]. В синаксаре с заметками XII-XV вв. по истории Сугдеи из Халкинской библиотеки (окрестности Константинополя) изложена краткая греческая версия жития святого Стефана Сурожского. В ней много несообразностей. Патриарх Герман, отправленный в 730 г. в отставку Львом Исаврийским, назван современником Льва Армянина (813-820 гг.). Если по более достоверному тексту Минологии Стефана, обличавшего императора-иконоборца Константина, вначале заточили в тюрьму, а потом изгнали в Судак, где он стал епископом, то в греческой версии Стефан сперва занял уже существовавшую в Сугдее епископскую кафедру, затем прибыл в Константинополь для борьбы с иконоборцами[245]. Славянская версия жития еще менее достоверна. По меткому определению В.Г.Васильевского, она является компилятивным произведением русского книжника XV в. Анализируя ее текст, В.Г.Васильевский выявил в нем большие заимствования из Духовного Луга Иоанна Моска (VII в.), житий Иоанна Златоуста и Петра митрополита, искажения исторических событий и измышления автора. Например, в житии говорится об убийстве Львом Исавром в 730 г. сына императора Феодосия III. Тогда как по Феофану и Никифору Феодосий в 717 г. отрекся от престола и вместе с сыном принял посвящение в клир[246]. Жена Константина Ирина названа Феодорой, дочерью Керченского царя[247]. Скорее всего, автор славянской версии вымыслил и эпизоды о тархане Юрии и походе спустя несколько лет после смерти Стефана в Крым князя Новгорода русского Бравлина. Оба эпизода отсутствуют в греческой редакции. Да и город Новгород в то время еще не существовал. Как мне любезно сообщила М.-Ф.Озепи, учитывая сообщение синаксаря об изгнании Стефана в Сугдею после смерти в ноябре 765 г. Стефана Нового[248], данное событие она датировала 766 г. В Минологии Стефан Сурожский не назван епископом. Если, согласившись с В.Г.Васильевским, считать, что подпись под протоколом собора принадлежала епископу Стефану, именовавшемуся после канонизации святым Стефаном Сурожским, то, вероятно, его рукоположили в епископы между 766 и 787 гг.

Информация о дате основания епархии в Сугдее есть только в житиях. Судя по тексту греческой редакции, при патриархе Германе в Сугдее находилась епископская кафедра. В нотициях 787 г. она, наряду с уже ранее существовавшими епархиями Херсона и Боспора, записана как входящая в Зихскую автокефальную епархию:

"ἡ ἐπαρχία Ζηχίας ὁ Χερσῶνος

---

[242] Васильевский, 1915, с. CLXIII. Бертье-Далагард, 1920, с. 43, 50, 133. Гадло, 1991, с. 100.
[243] Васильевский, 1915, с. CCVIII.
[244] Mansi, 1758-1798, Vol. XII, 1096E; XIII, 137E, 366D, 384B. Васильевский, 1915, с. CLXIII.
[245] Васильевский, 1915, с. CLVIII, CCXVIII-CCXXIII. Ševčenko, 1977, p. 114, n. 8.
[246] Кулаковский, 1996, Т. III, с. 309. Theophanes, Chronographia, 390, 19-26. Nikephoros patriarch of Constantinopole, 52,19.
[247] Васильевский, 1915, с. CCXXIII-CCLXV.
[248] Delehaye, 1992, p. 263, 264, f. 92.

χθ΄ ἐπαρχία τῆς αὐτῆς ὁ Βοσπόρου
λ΄ ἐπαρχία τῆς αὐτῆς ὁ Σουγδάων"[249].

Поскольку хазар не интересовала религиозная борьба в Византии, то в принадлежавшем им городе Стефан мог оставаться иконопочитателем. В схолии той же нотиции впервые в качестве географического ориентира упомянуты Фулы:

"ΛΖ ΄ἐπαρχία Γοτθίας
α΄ ὁ Χοτζίρων σύνεγγυς Φούλων
καὶ τοῦ Χαρασίου, ἐνῶ λέγεται
τὸ Μάβρον Νερόν.
β΄ ὁ 'Αστήλ, ἐνῶ λέγεται ὁ
'Αστὴλ ὁ ποταμὸς τῆς Χαζαρίας,
ἔστιν δὲ χάστρον"

— "37 епархия Готия, епископ хотциров находился близ Фул и Харасиу, что значит Черная вода. Епископ Астиля, называется Астиль река Хазарии, есть и крепость"[250]. А.Л.Бертье-Делагард, А.А.Васильев и другие локализовали Фулы на Чуфут-Кале[251], Ю.А.Кулаковский — в Старом Крыму[252], а В.В.Кропоткин — на плато Тепсень[253]. В цитированной записи Фулы помещены вне Готской (то есть Готии) и хазарской епархий, на территории епархии хотциров. Д.Моравчик считает Χότζιροι тюркским народом[254]. В нотиции 879 г., возможно после перевода резиденции хотцирского епископа в Фулы, епархию переименовали в Фульскую[255]. В XII в. ее объединили с соседней Сугдейской[256]. Росписи в нотициях свидетельствуют о нахождении епархии хотциров в Восточном Крыму[257]. Видимо, в нотиции хотцирами названы булгары, заселившие данный регион. Из текста жития Иоанна Готского явствует, что Фулы располагались на берегу моря. Отсюда Иоанн смог морем добраться в Амастриду. Господин (κύριος) Фул являлся наместником кагана. Вероятнее всего, он был язычником. Ведь некрещенный сын наместника исцелился после того, как его крестил Иоанн[258].

Предложенную В.В.Кропоткиным локализацию Фул на плато Тепсень подтверждают результаты археологических исследований. Там раскопана одна из крупнейших на полуострове трехнефных базилик (длина 37,6 м, ширина 12,4 м). Ее возвели в третьей четверти VIII в.[259] Тогда же маленький храм построили на поселении булгар на холме Кордон-Оба[260]. К 750-780 гг. А.В.Гадло приурочил создание христианских храмов на других булгарских поселениях в Героевке и Пташкино. Для обоснования датировки второго храма важна стратиграфия, зафиксированная в раскопе в Пташкино. При подготовке участка под небольшую трехнефную базилику были засыпаны полуземлянка и хозяйственная яма первого строительного периода с амфорами типа Якобсон 7, изготовленными до начала VIII в. и северопричерноморскими 2 варианта,

---

249 Darrouzès, 1981, p. 23, 31, 232.
250 Vasiliev, 1936, p. 98. Darrouzès, 1981, p. 245.
251 Бертье-Делагард, 1920, с. 91, 127. Vasiliev, 1936, p. 98.
252 Кулаковский, 1898, с. 198-199.
253 Кропоткин, 1958, с. 212-218.
254 Moravcsik, 1958, S. 346-347.
255 Darrouzès, 1981, p. 72, 73, 274.
256 Darrouzès, 1981, p. 133.
257 Гадло, 1991, с. 101.
258 Кулаковский, 1898, с. 197-198. Васильевский, 1912, с. 399, 424.
259 Кропоткин, 1958, с. 213, рис. 6.
260 Баранов, 1990, с. 133-135, рис. 52.

которые производили со второй половины VIII в. В третий строительный период северный неф разрушенной базилики приспособили под хозяйственное помещение. На его полу найдены как амфоры типов Баранов 5 (рис. 81,*7*), 7 и амфора, подобная обнаруженной в Кесарии (Израиль) в доме, заброшенном в результате арабского завоевания (рис. 81,*10*)[261], так и амфора (рис. 81,*4*), аналогичная найденным в слое начала IX в. в Стамбуле[262] и на Хиосе в слое IX в.[263], северопричерноморские амфоры 1-3 вариантов и фрагмент высокогорлого кувшина с плоской ручкой, сделанного не ранее середины IX в.[264] Судя по керамике, второй строительный период (время функционирования базилики) следует отнести ко второй половине VIII - первой половине IX вв.

Согласно данной росписи епархия хотциров входила в Готскую, полный состав которой дан на другом листе той же нотиции: "ΛΗ΄ ἐπαρχία Γοτθίας, α΄ Δόρος μητρόπολις, β΄ ὁ Χοτζίρων, γ΄ ὁ Ἀστήλ, δ΄ ὁ Χουάλης, ε΄ ὁ Ὀνογούρων, ς΄ ὁ Ῥετέγ, ζ΄ ὁ Οὔννων, η΄ ὁ Ταμάταρχα". Главная резиденция метрополии находилась в Доросе[265]. Сам список епископских кафедр красноречиво объясняет причину образования новой епархии. Через Готию Византия стремилась распространить христианство в других регионах Хазарии. Готскую епархию основали после 692 г., но до 753 г. Существование хазарской епархии около 765 г. подтверждается содержащимся в Минологии времени Василия II рассказом о ссылке после отрезания носа иконопочитателя в Херсон и его побеге в Хазарию, где он стал епископом[266]. О начальной истории Готской епархии сообщается в житии святого Иоанна Готского, созданном между 815 и 842 гг.[267] В нем говорится об участии в иконоборческом соборе 753-754 гг. неназванного епископа Готии, который подписал решение об отмене иконопочитания и был возведен в сан митрополита Гераклеи Фракийской[268]. Прихожане контролируемой хазарами Готии не пожелали признавать решения собора и в 755 г. избрали епископом Иоанна. Он на три года отправился в Палестину в Святую Землю. По возвращении прихожане послали его в Грузию, где в 758 или 760 г. Иоанна рукоположил в сан католикос Грузии. Иоанн, стремясь заручиться поддержкой у сторонника иконопочитания патриарха Иерусалима, направил ему послание. Он на своей родине в торжище Партениты (ἐμπορίου λεγομένου Παρθενιτῶν) основал для сторонников иконопочитания монастырь св. Апостолов Петра и Павла, снабдив его книгами. В Партените в 1871 г. Д.М.Струков раскопал предалтарную часть базилики. В вымостке ее пола нашли плиту с надписью, которую издал В.В.Латышев. В ней сообщается о возобновлении митрополитом города Феодоро и Готии Дамианом в 1427 г. храма Апостолов Петра и Павла, основанного Иоанном Готским "...архиепископом города Феодоро и всея Готии Иоанном Исповедником..." "ἀρχιεπισκόπου πόλεως Θε[ο]δωροῦς [καὶ π]άσης Γοτθίας Ἰω(άννου) τοῦ ὁμολογητοῦ"[269]. Н.И.Репников доследовал храм, раскрыв трехнефную, трехапсидную базилику с резными мраморными капителями и мозаиками. Судя по выявленной в раскопе стратиграфии, храм дважды разрушали (в конце X

[261] Adan-Bayewitz, 1986, p. 90,91,102, fig. III,103; 2,4.
[262] Hayes, 1992, p. 113, fig. 58,17.
[263] Ballance, Boardman, Corbett, Hood, 1989, p. 106, 114, fig. 43,80, pl. 25,280.
[264] Гадло, 1980, с. 137-140, рис. 4; 7.
[265] Darrouzès, 1981, p. 241, 242.
[266] Delehaye, 1992, p. 263, 264, f. 92,2. Auzèpy, 1994, p. 404.
[267] Васильевский, 1912, с. 406. Ševčenko, 1977, p. 115. Huxley, 1978, p. 161.
[268] Васильевский, 1912, с. 396, 406.
[269] Латышев, 1896, с. 77, 78, № 70.

в. и в 1475 г.) и восстанавливали в 1472 г. и в XVI в.[270]

После смерти в 780 г. Льва IV Хазарина в Константинополе стали благосклонно относиться к сторонникам иконопочитания. Императрица Ирина разрешила Иоанну посетить столицу, где он встречался с патриархом Павлом (780-784 гг.). Иоанн отсутствовал на Никейском соборе 787 г., восстановившем иконопочитание. В подписях участников первого и третьего заседаний собора упомянут монах Кирилл, наместник епископа Готии Никиты: "Κύριλλος μοναχὸς καὶ τοποτηρητὴς Νικήτα ἐπισκόπου Γοτθίας"[271]. Решение четвертого заседания о почитании икон монах Кирилл подписал за епископа Готии Иоанна: "Κύριλλος μοναχὸς καὶ ἐκ προσώπου Ἰωάννου ἐπίσκοπου Γότθων, ἐντραφεὶς τοῖς ἀποστολικοῖς κηρύγμασι καὶ τῶν πατέρων παραδόσεσι καὶ τὰ νῦν προγεγραμμένα δεξάμενος ὑπέγραφα"[272]. На седьмом заседании в подписи Кирилла представляемый им епископ назван Никополем: " Κύριλλος ἁμαρτωλὸς μοναχὸς καὶ τὸν τόπον ἐπέχων Νικοπόλεως ἐπισκόπου Γοτθίας ὁμοίως". В латинском переводе Анастасия имя епископа исправлено на Niceri[273]. По справедливому предположению В.Г.Васильевского, в подписи по ошибке вместо имени епископа Никиты написали название города[274].

Текст жития объясняет причину отсутствия Иоанна в Никее. В 786 или 787 гг. возникло противостояние между местными властями и хазарским каганом. Он ввел в крепость Дорос хазарский военный отряд. Не желая с эти мириться, Иоанн вместе с "господином Готии и его архонтами (τῶ κυρῷ Γοτθίας καὶ τοῖς ἄρχουσι αὐτοῦ)" и её жителями восстали, изгнали хазар из Дороса и овладели елисурами (клисурами) - горными проходами. Жители одного селения предали архирея. Каган пощадил господина Готии, но казнил семнадцать "рабов" (крестьян). Иоанна же отправили в хазарскую тюрьму в Фулы, из которой он бежал в Амастриду[275]. По мнению А.А.Васильева, упоминание в актах двух епископов отражает существовавшую в Готии ситуацию. По его словам, поскольку плененный хазарами Иоанн не смог прибыть на собор, то его представлял монах Кирилл. Но вскоре Никита вместо Иоанна занял епископскую кафедру в Готии. У Никиты было достаточно времени, чтобы прибыть в Константинополь и принять участие в соборе[276]. По предположению М.-Ф.Озепи, подписи в актах фиксируют двух епископов Готии — Иоанна и Никиту[277]. Никиту официально рукоположил в епископы иконоборческий патриарх, но его не приняла паства, которая избрала епископом иконопочитателя Иоанна. Рукоположенного же в Грузии Иоанна не признавал Константинопольский патриарх.

Как явствует из текста жития, в ходе антихазарского восстания боевые столкновения происходили в основном в Доросе. Тогда и был спрятан на Мангупе в поврежденной стене клад монет-подражаний византийским солидам[278]. Хазары, возможно, после усмирения восставших вновь разместили на Мангупе небольшой гарнизон. На плато зачищены грунтовые могилы, близкие по обряду открытым на салтовских могильниках в Подонье. По наблюдению А.Г.Герцена, в конце VIII в. на Мангупе ре-

[270] Репников, 1909, с. 91-137.
[271] Mansi, 1758-1798, XII, 1154A.
[272] Mansi, 1758-1798, XIII, 137D.
[273] Mansi, 1758-1798, XIII, 384.
[274] Васильевский, 1912, с. 396-417.
[275] Васильевский, 1912, с. 397-398, 416, 417.
[276] Vasiliev, 1936, p. 91-92.
[277] Auzèpy, 1994, p. 405-406.
[278] Герцен, Сидоренко, 1988, с. 127-132.

монтировались оборонительные стены. Значительное сокращение на плато заселенной площади свидетельствует о существенном уменьшении числа жителей поселения[279]. Исследователи, локализовавшие Дорос на Эски-Кермене, утверждали, что хазары сильно разрушили на плато дома и уничтожили его оборонительную систему или в 787 г., отвоевывая город у восставших (Н.И.Репников и Е.В.Веймарн)[280], или в 804 г. (И.А.Баранов)[281]. Н.И.Репников и Е.В.Веймарн свой вывод аргументировали фактом вырубки в конце VIII в. у главных ворот пещерных храмов, которые облегчали противнику подход к укреплениям. Однако, по самым ранним вещам из храмовых усыпальниц (браслетам из синего стекла и украшениям конца IX-X вв.) сооружение храмов датировано концом IX в. Да и расположены они в нижней части основного массива скалы и на площадках подъемной дороги. Скорее всего, храмы вырубались с учетом безопасности оборонительной системы. Приведенные факты опровергают мнение об уничтожении хазарами в 787 г. укреплений города[282]. Утверждение И.А.Баранова основано на опубликованном Д.А.Хвольсоном тексте приписки на полях Пятикнижья из коллекции А.С.Фирковича. В ней написано об уничтожении хазарами в 804 г. главной крепости Готии[283]. Еще А.Я.Гаркави убедительно показал, что приписки сделаны в новое время[284]. Проведенное по инициативе хранителя коллекции А.С.Фирковича исследование техническими средствами некоторых рукописей из ее состава выявило наличие в них многочисленных исправленных дат, приписок, сделанных в новое время, подтверждающих правоту А.Я.Гаркави[285].

С хазарским разгромом Е.А.Паршина связывает пожары, уничтожившие усадьбы первого строительного периода в Партените. Извлеченные из накопившегося в них слоя северопричерноморские амфоры 1-3 типов второй половины VIII-X вв., гончарные фляги и византийские монеты Михаила I (811-813 гг.), Василия I с соправителем Константином (869-879 гг.) документируют гибель усадеб в более позднее время[286].

Тексты житий и письмо Федора Студита, характеризуют административную систему, образовавшуюся в Готии в VIII в. после установления над ней хазарского протектората. В житии Иоанна Готского упомянут господин Готии (χύριος). Данный термин не являлся официальным титулом правителя. Напомню, что в другой главе господином (χύριος) назван наместник кагана в Фулах. А.Куник и А.А.Васильев, ссылаясь на процитированную выше редакцию текста жития Федора Студита, применяют для обозначения титула правителя Готии термин топарх, имеющийся и в "Записке Готского топарха". Однако, они неточно переводят цитату из текста жития, где сказано: "οὕτω γὰρ ὁ τῆς Λογγιβαρδίας ῥὴξ, οὕτως ὁ τῆς Γοτθίας, οὕτως ὁ τῆς Βοσπόρου τοπάρχης" — "таким был король Лонгобардии, король Готии, топарх Боспора". Τοπάρχης находится в единственном числе и связан только с Βοσπόρου[287]. Выше уже отмечалось, что этот термин, очевидно, вставлен в текст жития переписчиком не ранее XI в. "Записка Готского топарха" оказалась фальшивкой. Как установил

279 Герцен, 1990, с. 114, 137-138. Герцен, 1995, с. 85.
280 Репников, 1932а, с. 209. Веймарн, 1958а, с. 25, 26.
281 Баранов, 1990, с. 151-152.
282 Айбабин, 1991, с. 46-47.
283 Труды..., 1871, с. 140.
284 Гаркави, 1877, с. 107-120.
285 Лебедев, 1987, с. 57-61.
286 Паршина, 1991, с. 69-78, 93.
287 Migne, Patrologie, Series Graeca, T. 99, p. 252. Куник, 1874, с. 72. Vasiliev, 1936, p. 105, 106.

И.И.Шевченко, она изготовлена в новое время[288]. Игнатий (умер вскоре после 845 г.) в житии патриарха Никифора (808-815 гг.)[289] возмущался поведением правителя народа (ἔθνους ἡγεμονίαν) Таврических климатов (καθ ' ἓν τῶν Ταυρικῶν κλιμάτων)[290]. Патриарх Никифор встречался с правителем Готии в 808 году в Константинополе[291]. В житиях Иоанна Готского и патриарха Никифора использованы термины "господин" и "правитель народа Таврических климатов", отсутствующие в византийских табелях о рангах.

В житии Иоанна Готского речь шла и об архонтах. Именно о них, о "архонтах тех областей - τῶν χωρῶν τούτων ἄρχοντες τῆς φήμης" писал Никифор[292]. Как отмечалось выше, Феофан и Никифор знали в Крыму три самостоятельные административные единицы: Херсон, Боспор и другие "архонтии" или "климаты", или города (πολισμάτων) или крепости (κάστρα). В письме Федора Студита, относимом к 808 г., автор, негодуя по поводу возвращения в клир экономa, венчавшего императора Константантина VI со второй женой, писал о Готии и ее климатах (Γοτθία καὶ τοῖς κλίμασιν αὐτῆς)[293]. В "Чудесах святого Евгения Трапезунтского" говорится о "Херсоне и тамошних климатах Готии - τῆς Χερσῶνος καὶ τῶν ἐκεῖσε κλιμάτων Γοτθίας"[294]. В цитированных текстах климаты локализованы в Готии, а в житии патриарха Никифора — в Таврических (Крымских) горах. Безусловно, климатами или архонтиями называли административные районы Готии, имевшие крепость или городок с резиденцией архонта[295]. Таковыми являлись крепости на плато Мангуп (Дорас), Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Бакла и, возможно, некоторые другие. Очевидно, архонта архонтии Дорас каган и назначил правителем Готии.

Правитель Готии до подавления восстания выпускал собственные монеты. Из них состоял клад медных монет, обнаруженный в оборонительной стене Мангупа. По определению В.А.Сидоренко, семь монет имитировали византийские солиды Льва III 725-732 гг., а восьмая литая выпущена в период соправительства Льва III и Константина V в 717-741 гг. В.А.Сидоренко привел веские доводы в пользу легальной чеканки на Мангупе монет-подражаний. По его мнению, поскольку монеты не позолочены, то они являются браком, предназначавшимся для переплавки[296]. Находка в склепах Чуфут-Кале позолоченных подражаний солидам Константина V 741-751 гг.[297] подтверждает предположение об их использовании в местном обращении. Сам факт выпуска и обращения имитаций солидов говорит о независимости Готии от Византии[298].

По свидетельству археологических материалов, после ликвидации восстания булгары, пользуясь покровительством хазар, селятся в Готии. На Главной гряде на Басманском хребте обнаружен скотоводческий комплекс, состоявший из пещеры с культурным слоем с салтовской керамикой и загона для скота (рис. 78,*44*)[299]. В Поворот-

---

288 Ševčenko, 1971, p. 117-188.
289 Ševčenko, 1971, p. 222.
290 La Vie de Nicéphore, p. 160. Alekséenko, 1996, p. 273.
291 Grumel, Darrouzès, 1989, p. 37, n. 377a. Alekséenko, 1996, p. 273.
292 Nikephoros patriarch of Constantinopole, 45,34.
293 Migne, Patrologie, Series Graeca, T. 99, p.1013. Vasiliev, 1936, p. 105, 106. Alekséenko, 1996, p. 273.
294 Fontes Trapezuntini, p. 117-118.
295 Zuckerman, 1997, p. 219.
296 Герцен, Сидоренко, 1988, с. 127-132.
297 Кропоткин, 1965, с. 114, рис. 44,3,4.
298 Герцен, Сидоренко, 1988, с. 131.
299 Баранов, 1990, с. 46, 76.

ном (рис. 78,*22*)[300], в балке Горный Ключ (рис. 78,*23*)[301], на плато Кыз-Кермен (рис. 78,*25*)[302] возникли поселения с типичными для салтовской культуры горшками с врезным волнистым или линейно-волнистым орнаментом. На поселении Горный Ключ раскрыты огороженные дворами усадьбы с домами, состоящими из жилого помещения с открытым очагом и хозяйственной постройки. В торжище Партениты зачищены дома со стенами, сооруженными кладкой в ёлку[303]. Возведенные без фундамента стены в углах не перевязаны[304]. На плато Кыз-Кермен[305], в Передовом, на плато Пампук-Кая[306], на посаде городища Бакла[307] и на Загайтанской Скале[308] раскопаны дома из двух или трех помещений со стенами на каменном цоколе, с глинобитными или земляными полами и со стропильным перекрытием с соломенной крышей. Стены некоторых домов сложены в ёлку. У многих домов цоколи являлись основанием легких турлучных конструкций, состоящих из тонких вертикальных стояков, соединенных плетнем и обмазанных толстым слоем глины. В жилых помещениях находились открытые очаги. Эти дома по планировке, технике кладки стен, форме очага и другим признакам аналогичны описанным выше булгарским домам из Восточного и Центрального Крыма. Очевидно булгары теснили в Юго-Западном Крыму аланские и готские общины.

Возникновение в конце VIII в. в Горном Крыму в условиях наступившей стабильности новых поселений способствовало росту основных отраслей экономики Готии: земледелия, виноделия и скотоводства. Гончарную керамику для населения области изготавливали в созданных в Трудолюбовке (рис. 78,*30*), Ялте (рис. 78,*41*), Ливадии (рис. 78,*40*), Мисхоре (рис. 78,*38*) новых крупных производственных центрах. Там делали и обжигали в печах фляги, черепицу и северопричерноморские амфоры I типа[309] второй половины VIII-IX вв., известные в Херсонесе в комплексах с начала IX в.[310]

Несмотря на ведущую роль в восстании епископа Готии, каган не препятствовал деятельности Константинопольской патриархии в традиционно христианских регионах Хазарии. На одном из вновь основанных в низовьях р. Бельбек поселений (в Поворотном) в конце VIII в. строится новая трехнефная базилика (рис. 84,II)[311]. В схолии в нотиции времени патриарха Никифора (806-815 гг.) среди принадлежавших патриархии областей упомянуты Херсон, Хазария и все северные Климаты[312]. Сведения о епархии Готии имеются в написанном между 821 и 826 гг. ответном письме Федора Студита архимандриту Готии (Ἀρχιμανδρίτῃ Γοτθίας) по поводу раздоров с архиереем соседней епархии. Там же Федор Студит сообщил, что одновременно отправил письмо и другому архиерею — "и боголюбезнейшему отцу и архиерею господину Филарету" — "καὶ τῷ θεοφιλεστάτῳ πατρὶ καὶ ἀρχιερεῖ κυρίῳ Φιλαρέτῳ"[313]. По мнению В.Г.Василь-

[300] Романчук, 1976а, с. 9-23. Щербакова, 1976, с. 27-29.
[301] Романчук, Омелькова, 1979, с. 94-103
[302] Якобсон, 1970, с. 103-110. Белый, Назаров, 1992, с. 133-137. Белый, 1993, с. 49-52.
[303] Паршина, 1991, с. 69, 70.
[304] Романчук, Омелькова, 1979, с. 93, 94.
[305] Якобсон, 1970, с. 103-110. Белый, Назаров, 1992, с. 132-142. Белый, 1993, с. 49-63.
[306] Якобсон, 1970, с. 117-119.
[307] Рудаков, 1975, с. 25-28. Рудаков, 1979, с. 105-109.
[308] Веймарн, 1963, с. 63-67.
[309] Якобсон, 1979, с. 51-56. Баранов, 1979, с.112-116. Бабенчиков, 1980, с.275-280, рис. 4,5,8.
[310] Седикова, 1997, с. 12.
[311] Романчук, 1976а, с. 10-18, рис. 2.
[312] Vasiliev, 1936, p. 135.
[313] Theodori Studitae, Epistolae, II, N486.

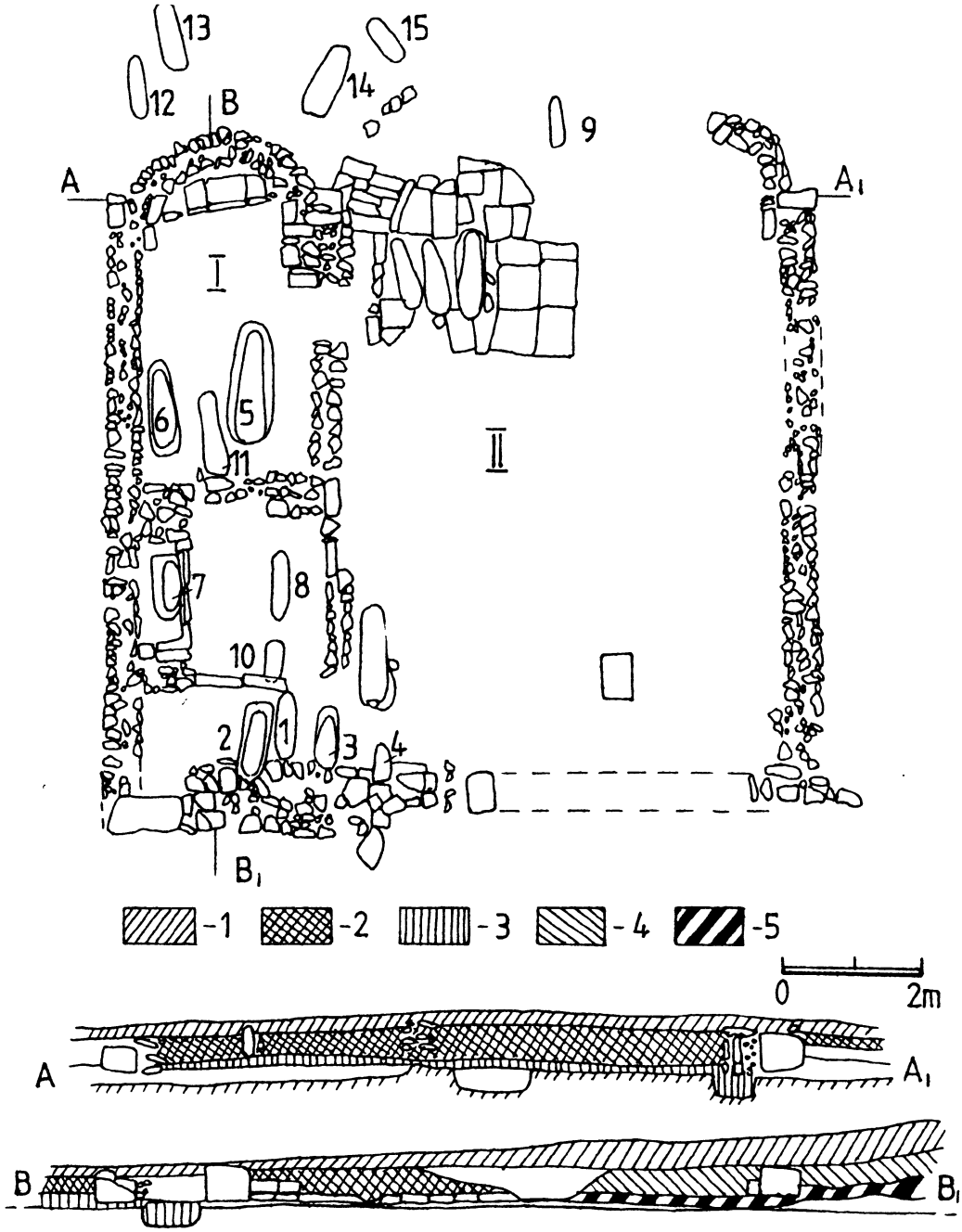


Рис. 84. План и стратиграфические разрезы к планам храмов близ села Поворотное.
I - храм 2, *II* - храм 1 (трехнефная базилика), *1* - дерновый слой, *2* - слой разрушения трехнефной базилики, *3* - слой строительства базилики, *4* - слой разрушения храма 2, *5* - слой строительства храма 2; *1-15* - номера могил (по Романчук, 1976, рис. 2).

евского и А.А.Васильева второе письмо было адресовано иерарху Сугдейской епархии[314]. В нотациях IX в. упомянуты только Херсонская и Боспорская епархии, а Готская и Сугдейская вновь названы лишь в нотициях 901-907 гг.[315] Археологические исследования вполне определенно указывают на ликвидацию христианских приходов на булгарских поселениях на территории Сугдейской епархии. Там были снесены храмы[316]. Видимо, в самом конце VIII-IX вв. в связи с потерей сельских приходов Сугдейскую епархию присоединили к расположенной неподалеку Боспорской. Скорее всего, в письме Федора Студита идет речь о раздорах между иерархами Готии и соседней Херсонской епархии.

Интересен сам факт обращения архимандрита Готии с просьбой разрешить спор к опальному во второй период иконоборчества духовному вождю иконопочитателей. В том же письме Федор Студит обличал нарушителей правил монашеской жизни в монастырях Готии[317]. Бесспорно, после новой победы иконоборцев в Константинополе, епископ и паства Готии остались иконопочитателями. В житии поборника иконопочитания Стефана Нового, написанном в 816 г.[318], Готия названа среди областей, в коих после собора 754 г. Стефан Новый советовал монахам искать убежище[319]. Многие используют данные свидетельства для доказательства массовой эмиграции монахов-иконопочитателей в Готию в период иконоборчества. Как показала М.-Ф.Озепи, текст жития Стефана Нового весьма приблизительно отражает ситуацию времени его написания[320]. Достоверно известно только о создании во второй половине VIII в. монастыря в Партенитах. Ранняя же датировка пещерных монастырей в Инкермане, Шулдане, Качи-Кальоне и других вызвала сомнения[321].

При хазарах на Южном Берегу в Алустоне и Партените поселяются евреи. Там найдены надгробия с изображением меноры, возможно, VIII-IX вв.[322]

В 820 г. в Херсон выслали Иоанна Психаита. Е.Арвейлер, ссылаясь на текст жития Иоанна Психаита, писала о том, что хазары в 820 г. угрожали владениям империи в Крыму[323]. Ее утверждение распространилось в современных публикациях по истории Крыма. Однако, в тексте жития нет каких либо сведений ни о хазарах, ни об их угрозе Херсону[324].

Обстановка в Херсоне в первой половине IX в. охарактеризована в содержащемся в сочинении Константина Багрянородного докладе Петроны Каматира императору Феофилу (829-842 гг.): "Если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и местностями в нем и не упускать из своих рук, избери собственного стратига и не доверяй их протевонам и архонтам. Ведь до василевса Феофила не бывало стратига, посылаемого [туда] из этих мест, но управителем являлся так называемый протевон с так называемыми отцами города (πατέρων τῆς πόλεως)"[325]. Из доклада следует, что Херсон оставался византийским городом, которым управляли архонт и

[314] Васильевский, 1915, с. CCLXVI-CCLXVII. Vasiliev, 1936, p. 104-105.
[315] Gelzer, 1900, S. 551. Darrouzès, 1981, p. 44, 45, 51, 52, 250, 266.
[316] Гадло, 1980, с. 137-140.
[317] Theodori Studitae, Epistolae, II, N486. Vasiliev, 1936, p. 104-105, 135.
[318] Sevcenko, 1977, p. 115.
[319] Migne, Patrologie, Series Graeca, T. 100, p. 1117. Васильевский, 1912, с. 324, 325.
[320] Auzépy, 1994, p. 32.
[321] Могаричев, 1992, с. 84-95.
[322] Миллер, 1888, с. 132, 133, рис. 1,2.
[323] Ahrweiler, 1971, p. 66.
[324] Zuckerman, 1997, p. 221.
[325] Константин Багрянородный, с. 172.

возглавлявшие органы самоуправления протевон и отцы города. А.Ф.Вишнякова считала владельца печати ипата и кира Херсона Исаака отцом города, занимавшим должность эпарха (градоначальника)[326]. По предположению издателя вновь найденных печатей ипата и кира Херсона Льва, ее владелец являлся местным чиновником, "защищавшим интересы города", Византии и хазар[327]. Как отмечалось выше, автор жития Иоанна Готского называл киром хазарского наместника Фул и назначенного хазарами правителя Готии. Никифор и Феофан неофициальным титулом кир (κύριος) именовали булгарских ханов Кубрата и Тервеля, других варварских правителей[328]. Должности кира города нет в византийских табелях о рангах. Владельцы херсонских печатей имели греческие имена и византийский чин ипата. Как отмечала И.В.Соколова, до очистки на одной стороне печати Исаака отчетливо виднелись такие же, как на моливдовулах коммеркиариев, следы оттиснутой буллотирием ткани[329]. Видимо, кир был одним из руководителей контролируемого византийцами городского самоуправления, наделенный правом опечатывать товары.

По мнению И.В.Соколовой, слова "их архонты" свидетельствуют о праве херсонцев избирать из числа граждан архонта, исполнявшего указы императора[330]. Однако, на найденных в Херсоне печатях, датированных издателями второй половиной VIII в. или концом VIII - первой четвертью IX вв. архонт Херсона имел византийский чин ипата или стратора или спафария[331]. Скорее всего, их назначали из Константинополя. Происходящие из Херсона печати первой половины IX в. византийских офицеров спафарокандидата и турмарха Константина и комита τῆς χόρτης позволяют говорить о присутствии в городе византийского воинского контингента[332]. Судя по одновременным печатям финансовых чиновников магистра и главного лагофета Сергия и анфипата и коммеркиария, Херсон выплачивал империи налоги и торговые пошлины[333]. Печать второй четверти IX в. ипата и комита Иерона Косьмы свидетельствует о поступлении в Херсон товаров, ввозимых в Черноморские порты через Иерон[334].

В 839 г. отношения между Византией и Хазарией улучшаются. Продолжатель Феофана сообщает о прибытии в Константинополь через год после избрания патриархом Иоанна Грамматика (838 г.)[335] хазарского посольства с просьбой построить для них в месте наибольшего сближения рек Волги и Дона крепость для защиты от варваров, угрожавших хазарским землям[336]. По поручению императора Феофила туда через Херсон отправилась экспедиция во главе со спафарокандидатом Петроной Каматиром. Под его руководством византийцы возвели там зимой 840/841 гг. для хазар крепость Саркел[337]. Вернувшись из Саркела, Петрона в цитированном выше докладе предложил Феофилу создать фему в Херсоне. По мнению К.Цукермана, решение о

---

326 Вишнякова, 1939, с. 123.
327 Алексеенко, 1996, с. 160-161.
328 Nikephoros patriarch of Constantinopole, p. 242. Чичуров, 1980, с. 39.
329 Соколова, 1983, с. 114.
330 Соколова, 1983, с. 113.
331 Соколова, 1983, с. 76, 145-147, №№ 1,5,5а,67. Nesbitt, Oikonomides, 1991, p. 183. Алексеенко, 1996, с. 156-159.
332 Соколова, 1991, с. 212, № 50,51.
333 Соколова, 1991, с. 203, 210, № 42-43, 45. Соколова, 1992, с. 194.
334 Соколова, 1991, с. 211, 212, № 47.
335 Treadgold, 1988, p. 313, 448. Zuckerman, 1997, p. 211.
336 Theophanes Continuatus, p. 122-123.
337 Константин Багрянородный, с. 171-173. Zuckerman, 1997, p. 214.

создании фемы было принято летом 841 г.[338] Как писал Константин Багрянородный, император присвоил Петроне ранг протоспафария и назначил его стратигом новой фемы "...повелев тогдашнему протевону и всем [прочим] повиноваться. С той поры до сего дня стало правилом избирать для Херсона стратигов из здешних"[339]. В Тактиконе Успенского ее называли фемой Климатов, а ее стратиги должны были иметь звание патрикиев[340]. Чиновнику этой фемы приписывали печать, хранящуюся в коллекции Дамбартон Окс, с надписью "...пяти Климатов - τῶν πέντε Κλιμάτ(ων)[341]. На другой печати К.Цукерман восстановил иное название "Климатов и Херсона - τῶν Κλ(ιμάτων) (καὶ) Χερσ(ῶνος). Очевидно, спустя некоторое время после создания в название фемы Климатов включили Херсон[342]. Климатами Константин Багрянородный, также как и упомянутые выше авторы, именовали примыкавший к Херсону горный регион, в котором находились крепости Готии[343]. Вероятно, Византия в результате заключения с хазарами договора о стратегическом союзе вернула эти крепости под свое управление. Другие районы полуострова остались под контролем хазар.

После учреждения фемы император ограничил полномочия городских органов самоуправления, подчинив протевона стратигу, и упразднил должность кира. Согласно Тактикону Успенского (842-843 гг.) в начальный период существования фемы сохранилась должность архонта Херсона с чином более высокого класса — спафарокандидата[344]. Правда, на отнесенных к данному периоду печатях архонты имели чин спафария[345].

С середины IX в. реконструируются куртины и башни Херсонеса, поврежденные войсками Юстиниана II[346]. Во второй половине IX в. перестраиваются кварталы в Северном и Портовом районах. В цитадели возводятся два прямоугольных здания и храм, замыкавший пространство между ними. Двор между зданиями с востока и запада ограждали стены. По предположению И.А.Антоновой, эти здания соорудили для военной администрации фемы[347].

Быть может с организацией фемы связаны перестройка цитадели Баклы и обороны Мангупа, строительство новой крепости в долине р. Бельбек на высоком плато Сюйрень у села Малое Садовое (рис. 78,*18*).

На Бакле в цитадели утолщается ранняя куртина. В 30-40 см от нее на скале из хорошо отесанных каменных блоков (0,9х0,5х0,4 м) на известняковом растворе возводится новая облицовочная кладка. Промежуток между ней и стеной заполнен бутом и залит тем же раствором. На юго-восточном фланге стены у обрыва зачищено высеченное в скале полукруглое основание башни или боевой площадки. Внешний и наружный панцири второй куртины сооружены на материковой скале из хорошо отесанных блоков от 0,4х0,4х0,3 м до 0,6х0,4 м на известняковом растворе. Ее ширина 2,5 м.

---

338 Zuckerman, 1997, p. 214.
339 Constantine Porphyrogenitus, 42, p. 182-185. Константин Багрянородный, с. 173.
340 Oikonomidès, 1972, p. 41, 48, 49.
341 Nesbitt, Oikonomides, 1991, p. 182.
342 Соколова, 1983, с. 74, 75, 149, 150, № 14. Zuckerman, 1997, p. 220.
343 Constantine Porphyrogenitus, p. 186. Константин Багрянородный, с. 36, 37, 52, 53, 156, 157, 170, 171, 174, 175, 283.
344 Oikonomidès, 1972, p. 42, 57, n.13.
345 Соколова, 1983, с. 148-149, №№ 8-13.
346 Стржелецкий, 1969, с. 25-29. Антонова, 1971, с. 116-117. Антонова, 1996, с. 114.
347 Антонова, 1997, с. 14-17.

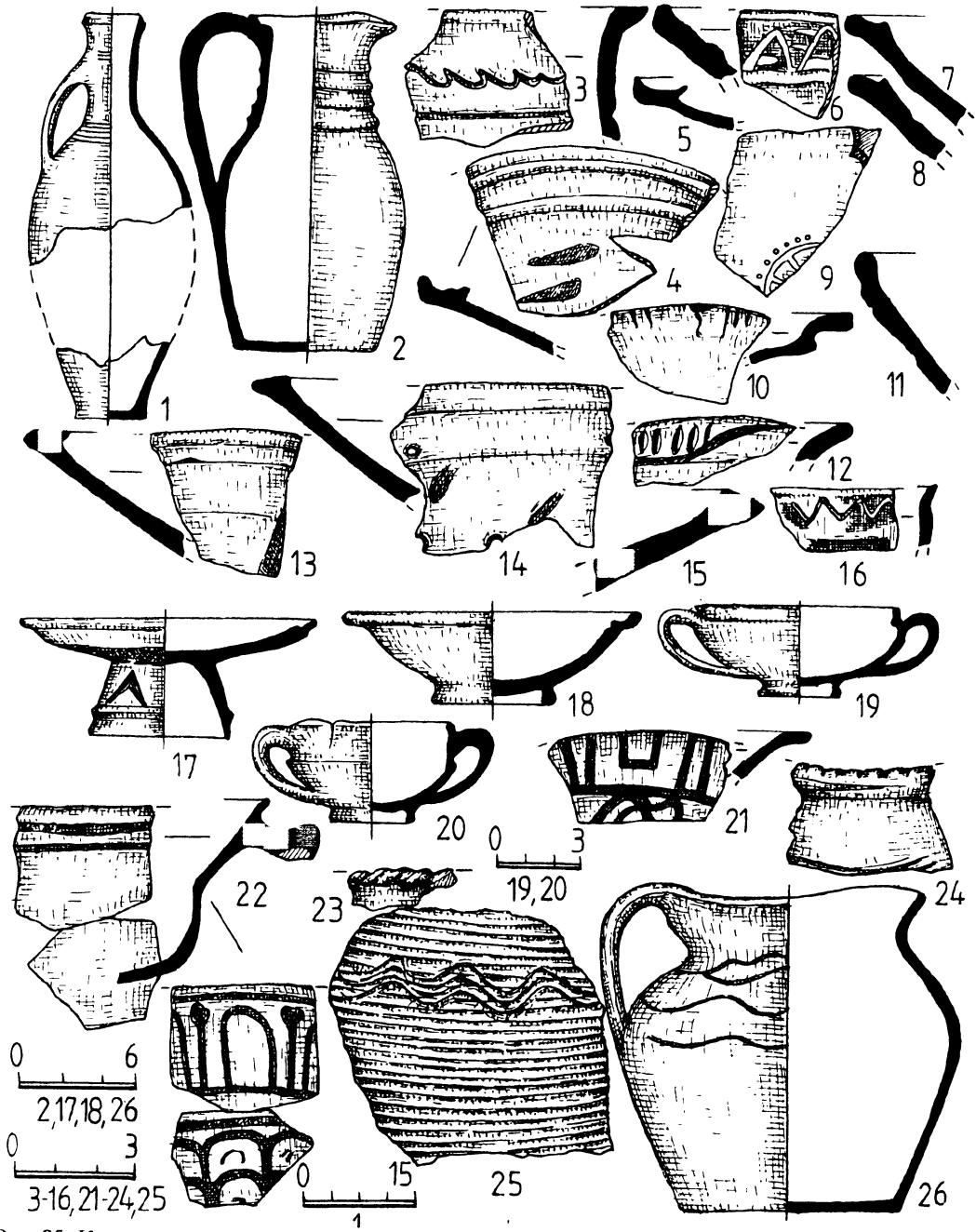


Рис. 85. Керамика из раскопок цитадели Баклы (*1-3,23-26* - по Талис, 1982, рис. 1,9,13,14; *4-22* - по Талис, 1976, рис. 1-3).

1,3-22,26 - керамика из слоя, накопившегося в период функционирования оборонительных стен второго периода; *2,23-25* - керамика из засыпи цистерн.

В северном углу цитадели в месте стыка обеих куртин находились калитка или ворота и прямоугольная башня с фундаментом из плит и стенами, сложенными так же, как и утолщение и новая куртина[348]. Утолщение и вторая куртина перекрыли засыпанные цистерны. В их заполнении содержались фрагменты северопричерноморских амфор, красноглиняных ойнохой VII-IX вв. (типа рис. 85,*2*) и горшков с венчиками с насечкой (рис. 85,*23,24*) и с туловом со сплошным линейным и волнистым декором (рис. 85,*25*)[349] второй половины VIII-X вв., типичные для салтовской культуры[350]. Д.Л.Талис, указав на отсутствие в заполнении цистерн фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и белоглиняных поливных сосудов, отнес извлеченную из них керамику к первой половине IX в.[351] Из слоя, накопившегося в период функционирования перекрывших цистерны оборонительных сооружений, извлекли фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками второй половины IX-XI вв. (рис. 85,*1*) и гончарных горшков с волнистым орнаментом (рис. 85,*3*), похожие на имеющиеся в составе комплекса первой половины IX в. из водохранилища из Херсона[352]. Из того же слоя происходят фрагменты белоглиняных поливных монохромных сосудов, однотипных обнаруженным в квартале Сарачаны как в слоях второй половины VIII - начала XII в. (рис. 85,*4,11*)[353], так и в слоях второй четверти X - начала XII в. (рис. 85,*5-10,12-20*)[354], и белоглиняных полихромных сосудов (рис. 85,*21*) конца X-XI вв.[355] По керамике рассматриваемый слой датируется серединой IX - началом XII вв. Скорее всего, стены цитадели восстановили около середины IX столетия[356].

О времени сооружения на плато Мангуп в Лагерной балке новой куртины А в какой-то степени дает представление женское захоронение с салтовскими серьгами второй половины VIII-IX вв., зачищенное в ее строительной траншее[357].

На плато Сюйрень оборонительные сооружения отделяют от его остальной части оконечность ограниченного обрывами мыса Куле-Бурун (рис. 86,*1*). Укрепления состоят из двух двухпанцирных куртин и двухэтажной башни между ними (рис. 86,*2-4*). К западу от башни находится калитка, а к востоку — ворота. На разрушенных участках западной куртины сохранились высеченные в скале постели. Кладка панцирей выполнена из хорошо обтесанных блоков на известковом растворе с примесью речного песка. Узкий промежуток между ними заполнен бутом (рис. 86,*5*). Башня выложена идентичной кладкой (рис. 86,*6*) вперевязь с панцирями стен. На каждый этаж вела лестница, начинавшаяся от калитки. В стене первого этажа сделаны три бойницы, а в стене второго — три окна (рис. 86,*7*). На плато выявлен тонкий культурный слой с керамикой второй половины VIII-XIII вв.[358]

По конструкции и характеру кладки упомянутые стены Баклы и Сюйрени отличаются от хазарских, но аналогичны куртинам и башням, возводившимся в Херсоне и других регионах Византии с IX в.[359]

---

[348] Талис, 1974, с. 99-103.
[349] Талис, 1974, с. 104, рис. 33. Талис, 1982, рис. 1,1; 13; 14.
[350] Плетнева, 1967, рис. 28. Плетнева, 1994/1995, рис. 56,3-12.
[351] Талис, 1974, с. 104.
[352] Седикова, 1995, рис. 6,8.
[353] Талис, 1976а, рис. 1,16,18. Hayes, 1992, fig. 52,1,4; 64,2; 78,74.
[354] Талис, 1976а, рис. 1,2,4-10,13,19,20; 3,6,7. Hayes, 1992, fig. 7,1,3,6,7; 9,2,5,8-11,19,23; 68,11,12; 69,1,9,19; 78,56,61,74.
[355] Талис, 1976а, рис. 2,3,4. Hayes, p. 35, 1992, fig. 13,6,20.
[356] Талис, 1982, с. 62. Сазанов, 1994, с. 53.
[357] Герцен, 1990, с. 114, 135, 155.
[358] Талис, 1974, с. 97, 109-110. Баранов, 1990, с. 61.
[359] Foss, Winfield, 1986, p. 142-145, fig. 10; 15; 18.

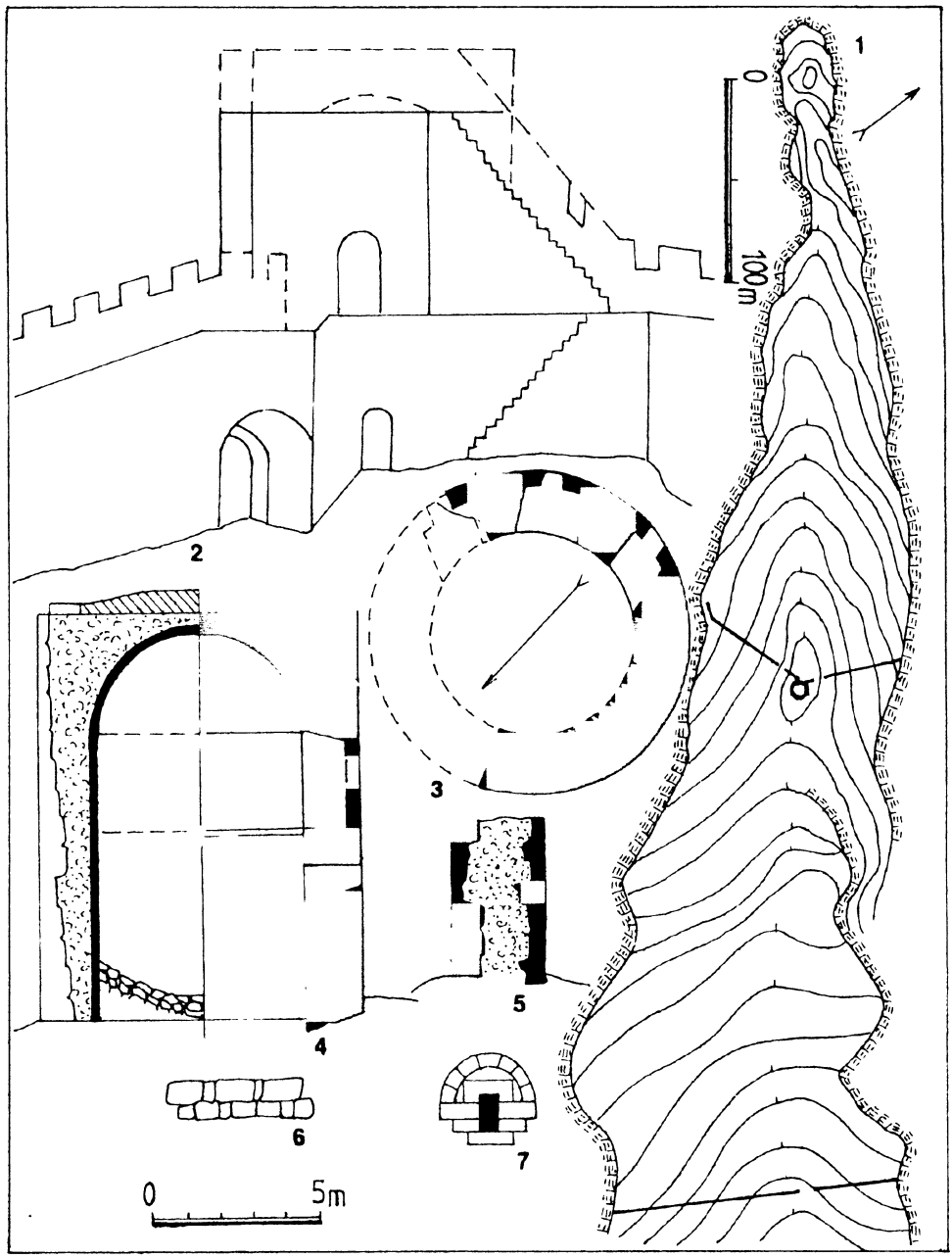


Рис. 86. Оборонительные сооружения на плато Сюйрень.
1 - план укрепления (по Веймарн, Репников, 1935, рис. 74,75), *2* - реконструкция участка обороны (по А.Л.Бертье-Делагарду), *3-7* - детали башни и разрез боевой стены (по Веймарн, Репников, 1935, рис. 80).

По мнению Е.Арвейлер и Д.Оболенского, хазары обратились за военной помощью к Византии, опасаясь венгров[360]. Они вторглись в степи Северного Причерноморья в середине 830-х гг. По предположению К.Цукермана, создание византийско-хазарского союза и предпринятые обоими государствами усилия по укреплению своей обороны были направлены против венгров[361]. По словам Константина Багрянородного: "Народ турков (венгров) в старину имел жительство вблизи Хазарии, в местности, называемой Леведией...". Через три года они под давлением печенегов бежали в Ателкузу — в междуречье Днепра и Серета[362].

Венгры совершали набеги в Крым. Возможно, в Центральном Крыму они уничтожили поселение Тау-Кипчак. Напомню, что там в сгоревших жилищах 1 и 2 найдены амфоры типов Баранов 7 и 8 (рис. 80,*11,12*) конца VIII-IX вв. и северопричерноморские 2 типа. В Готии в низовьях р. Бельбек (в Поворотном) в слое разрушения жилищ и византийской базилики обнаружены фрагменты ойнохой и северопричерноморских амфор 3 типа. Однако, на обоих поселениях в развалинах построек отсутствовали производившиеся с середины IX в. высокогорлые кувшины с плоскими ручками и белоглиняная поливная керамика[363]. Эти комплексы фиксируют гибель поселений около середины IX в.

И.В.Соколова, опираясь на разработанную ею типологию и хронологию печатей стратигов Херсона (στρατηγὸς Χερσῶνος), предположила, что в 70-е гг. IX в. фему Климатов преобразовали в фему Херсона[364]. Н. и В. Зайбт обоснованно выделили раннюю серию печатей стратигов Херсона с крестообразной монограммой, обращением и тетраграммой на лицевой стороне. Причисленные к данной серии печати стратигов Херсона ипата Зоилы, императорских спафариев Фоки и Константина отнесены к 50-м гг. IX в. Печати другого стратига Херсона Никифора с так называемым нимбированным крестом датированы 860-880 гг. На одной печати у Никифора был ранг императорского спафарокандидата, а на второй — императорского протоспафария[365]. Ему же принадлежали еще две вновь найденные в Херсонесе печати[366]. По Клиторологии Филофея стратиги фемы Херсона так же должны были получать чин протоспафария[367]. Важный аргумент в пользу такой даты печатей содержит созданная в 880 г. латинская редакция текста херсонской легенды о переносе мощей св. Климента. К.Цукерман обратил внимание на то, что в ней среди участников происходившей зимой 860/861 гг. церемонии упомянут vir nobilis Niceforus, eiusdem civitatis dux[368]. Латинский титул дука является переводом греческого титула стратиг — στρατηγὸς. Как полагает К.Цукерман, печати стратига Херсона принадлежали участнику церемонии дуке Никифору. По словам К.Цукермана, рассмотренные печати говорят о переименовании около 850 г. фемы Климатов в фему Херсона. Реорганизация фемы произошла в связи с неспособностью империи эффективно контролировать территорию за пределами Херсона[369].

Новая обстановка на полуострове отразилась и в житии Константина-Кирилла

---

[360] Ahrweiler, 1971, p. 48. Obolensky, 1979, p. 128, 129.
[361] Zuckerman, 1997a, p. 51, 52.
[362] Константин Багрянородный, с. 158/159. Плетнева, 1976, с. 63, 64.
[363] Романчук, 1976а, с. 18, 23, 24. Щербакова, 1976, с. 27-29.
[364] Соколова, 1992, с. 191, 192.
[365] Зайбт, Зайбт, 1995, с. 91, 92.
[366] Алексеенко, 1998, с. 705, 706, 708.
[367] Oikonomidès, 1972, p. 105, 139. Соколова, 1992, с. 191, 192.
[368] Trois énigmes Kyrillo-Méthodiennes, p. 74.
[369] Zuckerman, 1997, p. 217, 221, 222.

Философа, возглавлявшего в 860-861 гг. миссию, отправленную из столицы империи через Херсон к хазарскому кагану. Прибыв в Херсон он узнал о нападении хазар на один из христианских городов и отправился на переговоры с "воеводой" хазар, осадившим город. Вряд ли бы дружественные Византии хазары совершили набег на ее фему. На обратном пути в Херсон на Константина напали мадьяры[370]. В 860-е гг. Анастасий Библиотекарь направил письмо епископу города Веллетри в Италии, в котором со слов сосланного в окрестности Херсона патриархом Фотием митрополита Смирны Митрофана рассказывал об открытии Константином-Кириллом Философом мощей папы Климента. Анастасий охарактеризовал обстановку в Херсоне, названном пограничным с хазарской землей, и на его хоре — Гераклейском полуострове, где локализуют место погребения папы Климента[371]. По словам Анастасия Библиотекаря: "... место опустело и сделалось необитаемым, храм разрушился, и вся та часть Херсонской области была почти покинута, так что видно было, что епископ Херсона с очень немногочисленным народонаселением оставался внутри того города, да и те казалось были скорее жители тюрьмы, чем города, из которого не смели выходить"[372]. Житие Константина-Кирилла Философа и Анастасий Библиотекарь указывают на многоэтничность населения Херсона и его округи. Константин изучал в городе хазарский и еврейский языки. Об обитателях Гераклейского полуострова Анастасий писал: "Все жители того места не туземцы, а пришельцы из разных варварских народов"[373]. Как вполне обоснованно отметил А.Л.Якобсон, житие и письмо свидетельствуют о соседстве хазар с областью Херсона, то есть с его климатами[374].

С созданием фемы активизировалась экономическая деятельность в Херсоне. Выше уже сказано о производстве в городе значительных строительных работ. При Феофиле возобновляется выпуск местных монет. На них и монетах Михаила III (842-867 гг.) изображены буквы П с омикрон - П°, означающие πόλις - полис. Некоторые монеты Михаила отлиты с буквами П и Х, читаемые как πόλις Χέρσωνος - полис Херсона[375]. Херсон являлся важным византийским ремесленным и торговым центром в Северном Причерноморье. Именно там для экспедиции Петроны были подготовлены легкие гребные суда каматиры, предназначенные для плавания по рекам[376] и каботажа. В городе производились амфоры, вывозившиеся в Готию, и столовая и кухонная посуда. Во второй половине IX в. близ Херсона сооружаются гончарные печи[377].

Городища и многие поселения Климатов, заселенные аланами, готами и булгарами, пережили нападения мадьяр и хазар. Связанные с ними некрополи функционировали до конца IX в. (табл. XXXII,*47-56*) и позднее[378].

Согласно легенде, возвращаясь из Хазарии Константин Философ узнал о том, что народ Фул совершает языческие обряды. Он направился в Фулы, в Восточный Крым и убедил местных жителей принять христианство[379]. С этим известием хорошо согласуются материалы археологических исследований на плато Тепсень и других поселениях булгар. На них раскопаны храмики со стенами, сложенными традиционной для

---

[370] Климент Охридски, с. 126, 127, 158.
[371] Бертье-Делагард, 1893а, с. 58, 59. Айналов, 1905, с. 137-143.
[372] Ягич, 1893, прил. 6, с. 6, 7, 9, 10.
[373] Ягич, 1893, прил. 6, с. 6, 7, 9, 10.
[374] Якобсон, 1959, с. 46, 52.
[375] Соколова, 1983, с. 34-36. Анохин, 1977, с. 113-115, 127, 158, 159.
[376] Zuckerman, 1997, p. 213, 214.
[377] Седикова, 1997, с. 11, 16-21.
[378] Айбабин, 1993а, с. 130.
[379] Ahrweiler, 1971, p. 58-62. Климент Охридски, с. 135, 153.

булгар и хазар кладкой в ёлку. Следует отметить, что многие храмики построены во второй половине IX в. на уцелевших фундаментах византийских храмов, разрушенных после восстания Иоанна Готского[380]. Напомню и то, что на болгарских некрополях не ранее второй половины VIII в. начали хоронить в плитовых могилах.

В то время как булгары Восточного Крыма вновь стали христианами, хазары в 861 г. приняли иудаизм[381]. Видимо, спустя некоторое время венгры изгнали хазарскую администрацию из Восточного Крыма[382], уничтожив гарнизон Боспора. По наблюдению Т.И.Макаровой, хазарская цитадель города погибла в третьей четверти IX в. от большого пожара[383]. В раскопе в Кооперативном переулке руины хазаро-булгарских построек конца VII - третьей четверти IX в., в том числе и описанного выше дома №12 (рис. 79,1), перекрывал слой, содержащий кувшин с врезным орнаментом (рис. 87,*6*), однотипный происходящим из Херсона[384] и из хазарского слоя конца IX в. - 965 г. из Саркела[385], фрагменты салтовских горшков (рис. 87,*7-9*) и лощеных кувшинов (рис. 87,*2*), высокогорлых кувшинов (рис. 87,*3-5*) и белоглиняных поливных сосудов второй половины IX-XI вв., красноглиняных амфор (рис. 87,*1*), аналогичных имевшимся в комплексе из Пташкино[386] и в двух комплексах второй половины IX в. из Херсона[387], а также амфорам конца IX-X в. из Саркела[388]. Судя по керамике, слой, перекрывавший разрушенные постройки, образовался не ранее второй половины IX в. Более точно на дату ликвидации хазарского правления в городе указывает упомянутое выше письмо патриарха Фотия, отправленное в 873 г. архиепископу Боспора. В нем выражена поддержка стремлению последнего крестить всех евреев Боспора[389]. В городе, принадлежавшем хазарам, никто и не помышлял бы о такой акции. В последней четверти IX в. город уже принадлежал Византии.

В его портовом районе к концу IX в. перепланировали весь квартал. У церкви Иоанна Предтечи раскрыты пять обычных для византийских городов домов и две улицы с двухслойным мощением. На основании стратиграфических наблюдений также датируется постройка большого храма Иоанна Предтечи[390]. Новые жилые и хозяйственные помещения сооружаются в квартале, исследованном в Кооперативном переулке. Мадьяры беспрепятственно торговали на рынке Боспора. Ибн-Рустэ, рассказывая о событиях происходивших до 889 г., в сочинении созданном около 912 г.[391], писал: "Воюя славян и добывши у них пленников, отводят они (мадьяры) этих пленников берегом моря к одной из пристаней Румской земли, которая зовется Карх (Керчь)... А как дойдут мадьяры с пленниками своими до Карха, греки выходят им навстречу. Мадьяры заводят торг с ними, отдают им пленников своих и взамен их получают греческую парчу, пестрые шерстяные ткани и другие греческие товары"[392]. По сообщениям Константина Багрянородного и хроники Регино в 889 г. печенеги изгнали

---

[380] Романчук, 1976а, с. 9-23, 140, рис. 4. Баранов, 1990, с. 133-139, рис. 52, 53.
[381] Zuckerman, 1995, p. 250, 391. Гадло, 1968, с. 64.
[382] Цукерман, 1998, с. 677.
[383] Макарова, 1982, с. 99.
[384] Якобсон, 1979, с. 80, рис. 49,2.
[385] Плетнева, 1959, с. 214, рис. 1,1; 47,6. Плетнева, 1996, с. 131-133, 137-140.
[386] Гадло, 1980, рис. 7,з.
[387] Седикова, 1994/1995, с. 439, рис. 1,3; 3,1,3. Рыжова, 1982, рис. 2.
[388] Плетнева, 1959, с. 244, рис. 28,1,2,7.
[389] Photii Patriarchae Constantinopolitani, S. 132.
[390] Макарова, 1982, с. 99, 100, 103. Цукерман, 1998, с. 676.
[391] Минорский, 1961, с. 217-219, прил. IV, с. 219-221. Гадло, 1979, с. 171.
[392] Хвольсон, 1869, с. 27. Якобсон, 1958, с. 501.

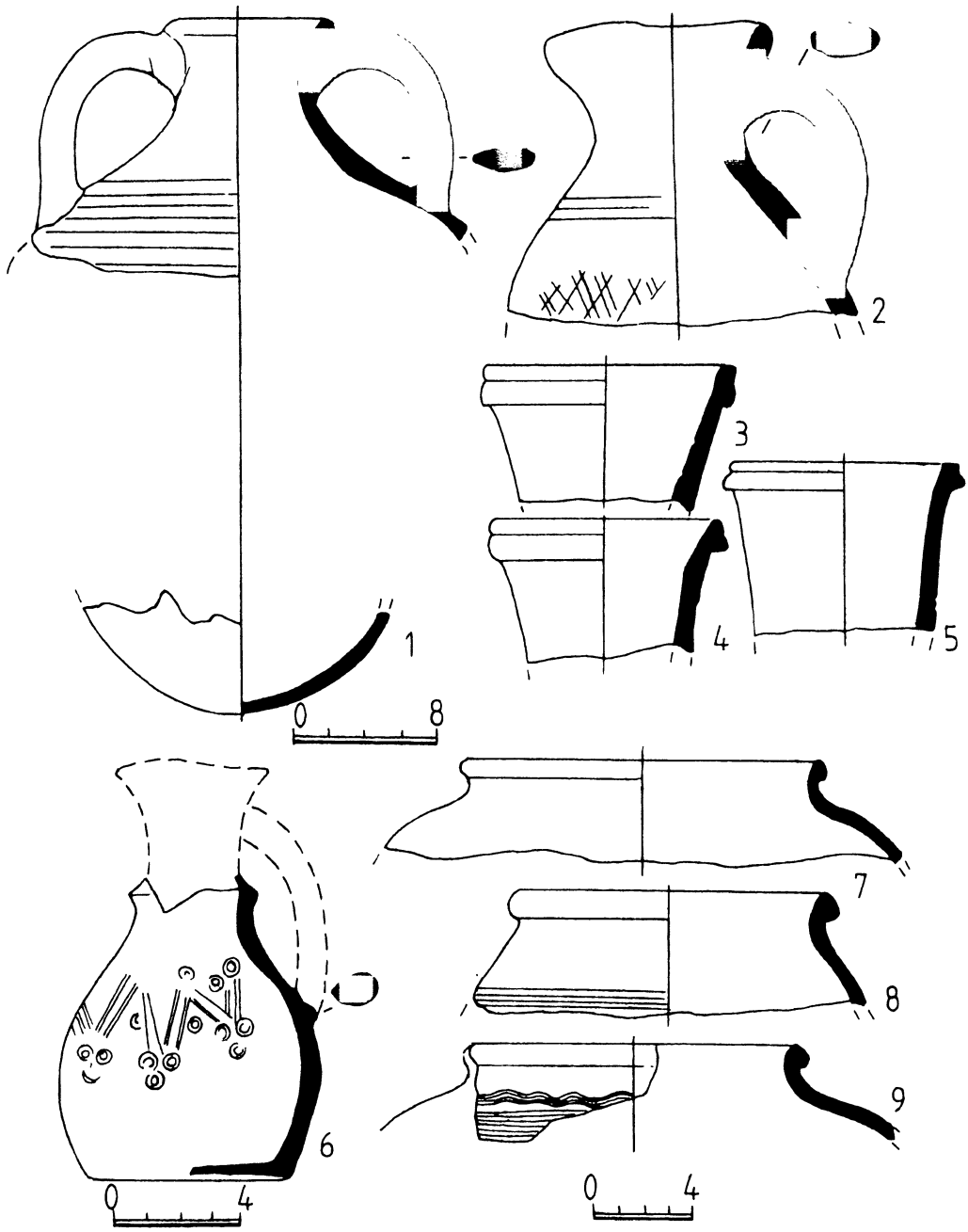


Рис. 87. Керчь. Раскопки 1991-1992 гг. в Кооперативном переулке. Керамика из слоя I последней четверти IX-XI вв.

венгров из Северного Причерноморья[393].

Согласно Кембриджскому документу, в годы правления Романа I Лакапина (920-944 гг.) хазары, в отместку за нападение подстрекаемого византийцами князя русов Хелгу (HLGW) на хазарский город Самкерц (Тмутаракань), совершили последний отмеченный в письменных источниках набег на византийские владения в Крыму[394]. А.Мошин отнес это событие к 943 г.[395], тогда как О.Прицак отождествил поход Хелгу с описанным ал-Мас'уди рейдом русов и датировал его 925 г.[396] По мнению А.П.Новосельцева, в труде ал-Мас'уди речь шла о рейде русов на Каспий, состоявшемся между 909 и 914 гг., то есть задолго до начала правления Романа I. А.П.Новосельцев считал, что в Кембриджском документе какой-то крымский еврей описал действительно происходившие в Самкерце события, связанные с гонениями евреев в Византии при Романе I[397].

---

[393] Артамонов, 1962, с. 350. Константин Багрянородный, с. 159.
[394] Golb, Pritsak, 1982, p. 117.
[395] Mosin, 1931, p. 323.
[396] Golb, Pritsak, 1982, p. 137.
[397] Новосельцев, 1990, с. 212-218.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все вышесказанное свидетельствует о высоком динамизме этнических процессов в Крыму в позднеримский и раннесредневековый периоды. Миграции, начавшиеся в конце первой половины III в. в результате военной активности германцев, сильно изменили этнополитическую ситуацию на полуострове. Римской империи пришлось на время отказаться от какого-либо присутствия в Крыму. Боспорское царство более чем на двадцать лет попало под контроль германских племен, названных в источниках боранами и готами. На Керченском полуострове появляются новые некрополи и поселения алан. В Юго-Западном Крыму бораны и готы вместе с союзными аланами уничтожили позднескифское государство и большую часть его населения. Только в низовьях реки Бельбек и в бассейне реки Бодрак уцелели сарматы. Тогда же в низовьях рек Черная и Бельбек, у склонов Третьей гряды, на Южном берегу, а главное, в других незаселенных во II - первой половине III вв. районах горного Крыма возникают аланские поселения и могильники с трупоположениями и германские некрополи с кремациями. В 260-х гг. в Херсонесе разразился глубокий кризис, вероятно, вызванный гибелью важного экономического партнера — позднескифского государства, уходом римских войск и захватом германцами черноморских коммуникаций.

Обстановка в Крыму начала стабилизироваться после разгрома крымских германцев в 276 г. В конце III-IV вв. на европейском Боспоре в столице, в малых городах и сельских поселениях преобладали греки, сарматы и аланы. В г. Боспоре сохранилась иудейская община. В Юго-Западном Крыму с 250-х гг. доминируют аланы, бораны и готы. В Херсонесе, как и раньше, превалировали греки. В городе также жили разноэтничные выходцы из дунайских римских провинций, евреи и аланы.

Как только империя смогла утихомирить варваров на границах, она активизировала свою политику на полуострове. В империи отчетливо понимали геополитическое значение Херсонеса, равно как и Боспора, для установления прямых контактов с племенами, поселившимися в Приазовье и Крыму[1]. Рим при поддержке боспорского царя восстанавливает свое влияние в регионе. В конце III в. в Херсонес возвращается римский гарнизон. К концу IV в. римские военные превратили город в крупнейшую на полуострове крепость. В IV в. Боспор и Херсонес являлись и важными экономическими партнерами империи — поставщиками хлеба в Константинополь. К 325 г. на Боспоре, а к 381 г. в Херсонесе образовались первые христианские общины.

В эпоху Великого переселения народов активизировались этнические процессы на полуострове. В начале V в. гунны овладели степью и примыкавшим к разрушенной ими Феодосии районом европейского Боспора. Другие города и поселения боспорцев на Керченском полуострове не пострадали. Боспорским царством до конца V в. управляла прежняя династия. Описанные события дестабилизировали обстановку в Крыму и послужили причиной новых миграций алан в Горный Крым и части германцев за пределы полуострова. В Юго-Западном Крыму на протяжении столетия происходило освоение аланами и боранами и готами нового пастушеско-земледельческого

[1] Zuckerman, 1991, p. 553.

типа хозяйствования. Во второй половине V в. под влиянием христианства германцы восприняли обычный для алан обряд трупоположения. Прокопий именовал всех обитавших в названное время в регионе готами христианами — подданными остроготского короля Теодориха. На захват на рубеже IV-V вв. значительной части полуострова гуннами (по Прокопию) или гуннами-альциагирами (по Иордану) империя отреагировала усилением обороны Херсона и привлечением общин готов и, очевидно, алан на федератскую службу. К концу V в. Херсон стал основным экономическим, военным и политическим партнером оседлого населения Юго-Западного Крыма.

Археологические материалы и данные письменных источников отражают результаты византийской политической, военной, идеологической и экономической активности в Крыму в VI - третьей четверти VII вв. Юстиниан I присоединил к империи Боспорское царство и расположенную между Алуштой и низовьями реки Черная область Дори. Этнический состав населения европейского Боспора изменился незначительно. По повелению Юстиниана I в г. Боспор из Подунавья переселились вместе с семьями воины германцы. От них состоятельные боспорские женщины переняли моду на остроготские и гепидские детали костюма. В конце VI в. Византия отстояла свое господство на Боспоре, отразив все нападения кочевников. С образованием дружественного империи объединения праболгарских племен усилилось влияние Византии в степях Северного Причерноморья. Весь этот период Херсон был византийским военно-административным центром на полуострове. Империя стремилась защитить Херсон и область Дори от сменявших друг друга степных кочевников. Благодаря византийским субсидиям, в аланских и готских общинах до третьей четверти VI в. сохранялась военная демократия. В результате развернувшегося в последней четверти VI в. фортификационного строительства, область Дори разделилась на районы, управлявшиеся из крепостей. Возросла роль вождей племен. Видимо их дука Херсона назначал начальствующими в крепостях. До конца VII в. христианские приходы области Дори входили в Херсонскую епархию. Византийские военная политика, культурное и идеологическое воздействие стимулировали возникновение ассимиляционного процесса в Горном Крыму. В VI - первой половине VII вв. у алан и готов Дори унифицируется погребальный обряд и становятся популярными византийские поясные наборы и женская одежда с типичными для германцев фибулами и пряжками.

Хазарская экспансия в последней четверти VII в. послужила причиной нового значительного изменения этнополитической ситуации в Крыму. Хазары разрушили приморские кварталы г. Боспора, уничтожили все населенные пункты европейского Боспора и захватили крымские степи, а в начале VIII в. фактически установили протекторат над областью Дори и на несколько лет овладели Херсоном. В опустошенном Восточном Крыму, в незаселенных Юго-Восточном Крыму, предгорьях Третьей гряды и на побережье Евпаторийского залива осели некоторые булгарские орды, где им пришлось освоить земледелие и пастушеское скотоводство. Признанные достоверными письменные источники сообщают о назначении каганом наместников в город Боспор и в поселение Фулы, а также о расквартировании в Боспоре хазарского военного отряда. В Боспоре и в Фулах и на всех других вновь возникших поселениях булгар выявлены все типичные для крымского варианта салтовской культуры компоненты: дома со стенами, сложенными кладкой в ёлку, керамика и могилы. В принадлежавшем хазарам Юго-Восточном Крыму византийцы основали две новые епархии: при патриархе Германе - Сугдейскую, а около 765 г. - епархию хотциров с резиденцией епископа близ Фул.

В начале VIII в. византийцы именовали уже независимые от империи административные районы области Дори архонтиями или климатами. Их архонты вместе с архонтом Херсона боролись с карателями Юстиниана II. Хазары, очевидно, для облегчения сбора дани, объединили архонтства Горного Крыма, подчинив их архонту Дороса. В описании восстания 787 г. новая административная область впервые названа Готией, а ее правитель - "господином Готии и его архонтств". Судя по чеканенным в Доросе имитациям монет 725-732 гг., хазары образовали Готию во второй четверти VIII в. Одновременно на ее территории Константинопольский патриарх учредил одноименную епархию. После неудачной попытки правящих кругов Готии избавиться от зависимости от кагана в Доросе появился хазарский гарнизон, а многие аланские и готские общины были вынуждены уступить часть своих земель булгарам.

В середине 830-х гг. венгры изгнали хазар из степей Северного Причерноморья. Император Феофил, пользуясь сложившейся обстановкой, предпринял попытку восстановить свое правление в Климатах Готии и защитить ее и Херсон от мадьяр. Однако, нападения венгров на крепости и поселения Готии заставили византийцев в середине IX в. уйти из региона и реорганизовать фему Климатов и Херсона в фему Херсона. В начале 860-х годов и мадьяры и хазары, стремясь получить дань с крепостей, совершали набеги на Готию. В третьей четверти IX в. мадьяры изгнали хазарские войска из Крыма, уничтожив их цитадель в г. Боспоре. Плодами этой победы воспользовалась Византия.

Разгромившие мадьяр в 889 г. в Северном Причерноморье тюрки печенеги занимались примитивным кочевым скотоводством[2]. Константин Багрянородный так локализовал печенегов: "Пачинакия... к Херсону очень она близка, а к Боспору еще ближе"[3]. Информацию Константина Багрянородного дополняют археологические материалы. Лишь в Присивашье в насыпях более ранних курганов выявлены могилы печенегов, похороненных головой на запад с поясными бляшками, саблями и украшениями X в. В одной из них рядом с костями человека лежали череп и кости ног коня. Скорее всего, в X в. печенеги только ненадолго заходили со своими стадами в Крымскую степь[4].

Печати X в. из Херсона свидетельствуют о том, что Херсоном, как и в предшествующий период, управляла фемная администрация[5]. По мнению А.А.Васильева, Византия в конце IX в. вернула горнокрымские крепости под свое управление. По его словам, Константин Багрянородный писал о Климатах и Херсоне как о регионах, входящих в ее состав и подлежащих защите империи: "Поскольку этот народ пачинакитов соседствует с областью Херсона, то они не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты"[6]. Византийскими (городами Романа) назвал автор Кембриджского документа города и деревни между Керченским проливом и Херсоном, захваченные хазарским военноначальником Песахом[7]. Скорее всего, во время этого рейда между 920-940 гг. и погибли многие поселения булгар, оказавшиеся на пути Песаха. В обнаруженной на хребте Басман в карстовой пещере эпитафии

---

[2] Артамонов, 1962, с. 340, 350. Плетнева, 1982, с. 24.
[3] Константин Багрянородный, с. 157.
[4] Ajbabin, 1995, p. 211.
[5] Соколова, 1983, с. 115.
[6] Константин Багрянородный, с. 37.
[7] Golb, Pritsak, 1982, p. 117.

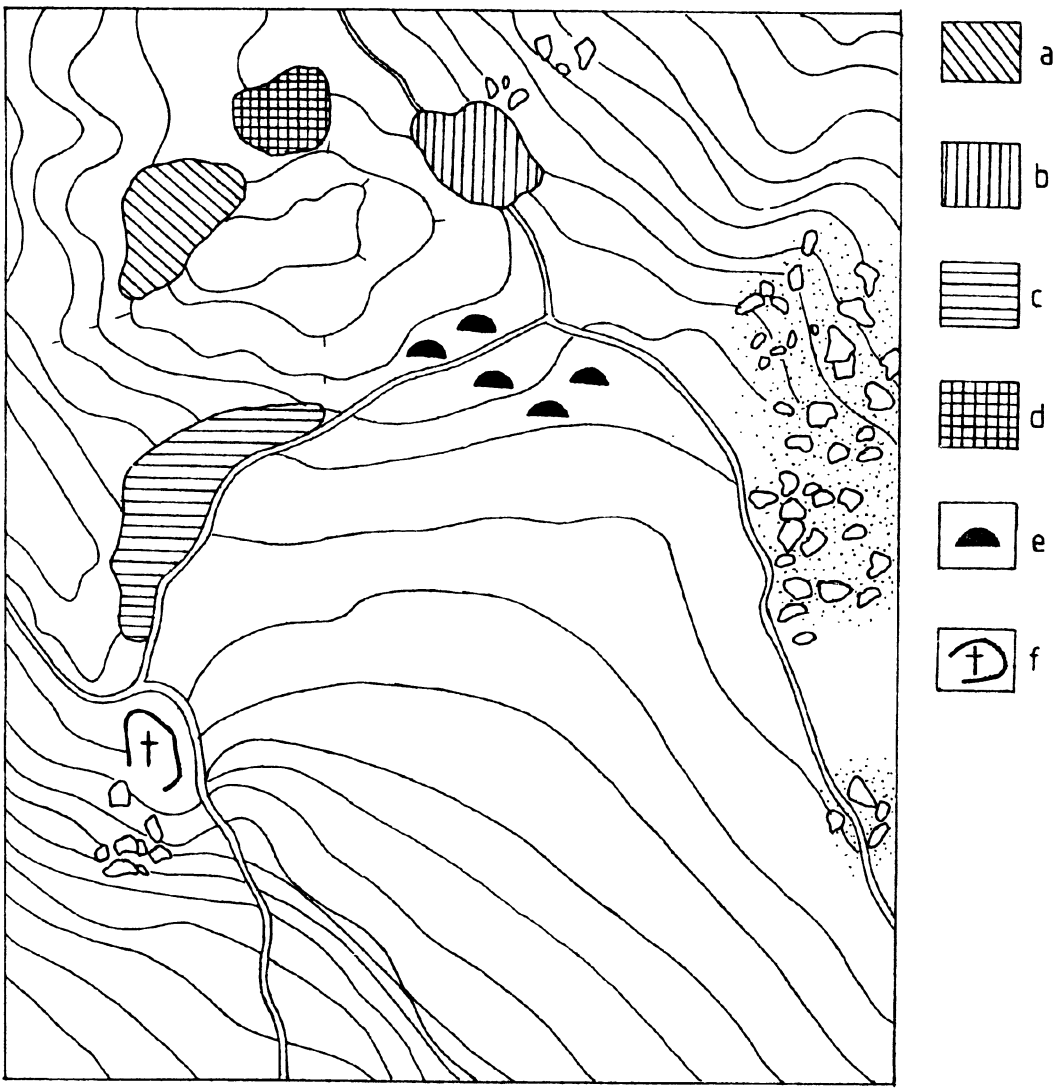


Рис. 88. Ситуационные план местности у подножия горы Демерджи близ с. Лучистое.
a - могильник, участок IV-IX вв., *b* - могильник, участок конца VII-XIII вв., *c* - могильник, участок XIII-XVIII вв., *d* - огражденные каменными оградами загоны для скота, *e* - поселение XIII-XVIII вв., *f* - крепость XV-XVIII вв. Фуна и церковь Федора Стратилата.

пресвитера Иоанна (...['Ιω]άνου ΠΡ [τῆ]ς Χερσαιχείας), отнесенной к X в., Э.И.Соломоник прочла топоним Херсакея. По ее предположению, так могли именовать подчиненный Херсону Горный Крым[8]. В трактате же Константина Багрянородного о Херсоне и о Климатах говорится как о двух разных административных единицах.

В Климатах восстанавливается Готская епархия. В относимой к 901-907 гг. нотиции Льва Мудрого она записана на 44 месте[9]. С конца IX в. начинается сооружение новых пещерных храмов на Эски-Кермене[10]. С X в. на Бакле строятся новые жилые кварталы и храмы[11]. В X в. население Климатов уже не соблюдало прежние языческие традиции. Там забросили почти все некрополи со склепами и погребальными сооружениями с языческим погребальным обрядом. Рядом со многими из них были построены храмы, вокруг которых возникли некрополи с захоронениями в могилах из каменных плит и в гробницах, сложенных из камня. Судя по немногочисленным эпитафиям из Горного Крыма[12], жители Климатов знали греческий язык, а некоторые из них имели греческие или аланские имена. Скорее всего, к концу X в. завершился многовековой ассимиляционный процесс формирования горнокрымской народности. Она впитала в себя аланский, готский, ромейский и булгарский компоненты. Их объединили христианство и византийская культура[13].

Историю сельской горнокрымской общины иллюстрирует могильник у села Лучистое. Аланы-кочевники поселились здесь на рубеже IV-V вв. и начали хоронить на раннем участке могильника (рис. 88,*a*). Спустя некоторое время, неподалеку они устраивают загоны для скота (рис. 88,*d*). Точное местонахождение поселения этого времени не установлено. Вероятно, оно оказалось погребенным под горными обвалами. В VI-VII вв. в погребальных сооружениях, типичных для алан, весьма многочисленны детали остроготского и гепидского женского костюмов, а также поясные наборы, характерные для служивших в византийской армии варваров. Обряд захоронений мало чем отличается от языческого. Однако пряжки и амулеты с христианской символикой свидетельствуют о том, что на могильнике хоронили христиан. В погребениях второй половины VII в. фиксируются значительные изменения в костюме — вместо традиционной германской одежды зачастую носят костюм с византийскими украшениями и пряжками. Судя по инвентарю, в VI-VII вв. экономика жителей поселения основывалась на земледелии и пастушеском скотоводстве. В конце IX в., очевидно в связи с заполнением участка, кладбище переносят на новое место (рис. 88,*b*). Первые склепы там появились еще на рубеже VII-VIII вв. В X-XIII вв. на новом участке, в основном, хоронили в грунтовых могилах. Обряд захоронения близок христианскому. В конце XIII-XVIII вв. хоронят на третьем участке могильника (рис. 88,*c*) в христианских, почти безынвентарных плитовых могилах. На территории кладбища сооружается несколько храмиков. История общины была прервана в середине XVIII в. указом Екатерины II, повелевшей всем христианам Крыма переселиться в Приазовье.

В захоронениях, совершенных в X в. и в более позднее время по единообразному христианскому погребальному обряду, не возможно идентифицировать этнос похо-

---

[8] Соломоник, 1986, с. 214-215.
[9] Gelzer, 1900, S. 551.
[10] Айбабин, 1991, с. 47.
[11] Рудаков, 1981, с. 73-83.
[12] Соломоник, 1986, с. 215-217. Соломоник, 1991, с. 172-178. Сидоренко, 1998, с. 642-645.
[13] Айбабин, 1993а, с. 130.

роненных. Однако, и в позднее средневековье в аланских и готских общинах сохранялось этническое самосознание. Посол императора Фердинанда I в Османской империи в 1552-1562 гг. А.Г.Бусбек собирал сведения о языке крымских готов. Он встретил в Константинополе двух жителей Крыма: гота, не знавшего родного языка и говорившего на греческом, и грека, который вследствие частых контактов с готами выучил их язык. Бусбек записал дюжину готских слов, несколько коротких фраз и начало песни на готском языке. По мнению А.Руссо, записи Бусбека фиксируют использование в Крыму в XVI в. разговорного готского языка не только в качестве домашнего, но и для межэтнического общения[14]. Многие авторы называли жителей Крымских гор и аланами и готами. Посетивший Крым в 1253 г. монах-минорит Гильемила Виллем де Рубрук писал о готах жителях Кыр-ора, расположенного между Херсоном и Судаком[15]. В письме венецианца Марино Сандуно к королю Франции Филиппу VI от 13 октября 1334 г. в перечне крымских народов указаны готы и аланы. Однако, наиболее точно сложившаяся в данном регионе в средневековье этническая ситуация описана венецианским купцом Иософатом Барбаро. Он писал в первой половине XV в.: "Я думаю, что благодаря соседству готов с аланами произошло название готоаланы. Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы; они завоевали эти страны и смешали свое имя с именем аланов. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готоаланами. И те и другие следуют обрядам греческой церкви"[16]. Следует заметить, что анализ археологических материалов позволяет поменять местами слагаемые этого этнонима и именовать народ, сформировавшийся в Горном Крыму в средние века, аланоготами. Они жили там до середины XVIII в.

[14] Rousseau, 1991, p. 153-162.

[15] Брун, 1880, с. 135, 137. Карпини и Рубрук, с. 68, 83.

[16] Барбаро и Контарини о России, с. 157.

ZUSAMMENFASSUNG

Die Germanen siedelteten nach Jordanes zunächst an der Nordküste der Maiotis (des Asowschen Meers). Josephus Flavius berichtet, dass der Stamm der Alanen ein Teil der Skythen ist, der sich um Tanais und an der Maiotis niedergelassen hat. Nach dem Eindringen der Germanen auf die Krim schlossen sich ihnen die Alanen an. Ein Teil von Alanen siedelte in den 240ger Jahren in das Innere der Krimischen Halbinsel über, in die Gegenden, die von den Sarmaten und den Skythen im 2.Jh. und in der 1. Hälfte des 3.Jh. nicht besetzt waren. An den Hängen der 3. Krimischen Bergkette an der Grenze der Region, die von den Römern im 2. Viertel des 3.Jh. eingenommen wurde, entstanden die Gräberfelder Nejsaz (Abb. 2,*2*), Drushnoe (Abb. 2,*4*), Perewalnoe (Abb. 2,*8*) mit den Gräbern mit Nische und den T-förmigen Kammergräbern. Elemente der Gestaltung der obenerwähnten Kammergräber finden ihre Analogien in den alanischen Katakombengräbern im Zentralen Kaukasusvorland, am Unter- und Mittellauf der Kuban, seit dem Ende des 2.Jh./dem Anfang des 3.Jh. im europäischen und asiatischen Bosporos, seit der Mitte des 3.Jh. zwischen den Flüssen Don und Sala und am unteren Don.

Aus den Nachrichten von Zosimus und Zonaras geht es hervor, dass sich die Boraner zwischen 252 und 253 der Stadt Bosporos (Abb. 2,*26*) näherten, um Schiffe für ihre Seezüge nach Asien von Westen aus den krimischen Steppen zu beschaffen. Die Germanen drangen über Perekop bis zur 3. Krimischen Bergkette vor (Abb. 2,*6*) und zerstörten 252 die spätskythischen Städte Ust-Alma (Abb. 2,*5*), Alma-Kermen (Abb. 2,*6*) und Neapolis (Abb. 2,*3*). Diese Befestigungen waren die letzten Hindernisse für die germanische Invasion auf die von den römischen Truppen verlassene Südwestliche Krim. Zwischen 252 und 256 siedelten sich die Boraner und die Goten an der Südküste und an der Chora von Chersonesos an. Am Hang des Berges Tschatyr-Dag (Abb. 2,*21*), in der Nähe von der von den Römern verlassenen Befestigung Charaks und am Fluss Tschernaja (Abb. 2,*19*) entstanden die Nekropolen mit den für die Germanen typischen Verbrennungen (Abb. 8). Im europäischen Teil von Bosporos beim Dorf Samorskoe (Abb. 2,*29*) und auf der Südwestlichen Krim an der Chora von Chersonesos (Abb. 2,*17*) in der Schlucht Kilen (Abb. 2,*36*) und bei Balaklawa (Abb. 2,*18*), an der 2. und 3. Gebirgsketten (Gräberfelder Suworowo (Abb. 2,*7*), Krasnyj Mak (Abb. 2,*13*), Osernoe (Abb. 2,*9*), auf dem Plateau Mangup (Abb. 2,*14*) und am Fluss Tschernaja (Abb. 2,*19*) lassen sich die Alanen nieder. Offensichtlich waren sie Bundgenossen der Germanen. Am Fluss Tschernaja lebten diese und jene sogar zusammen. In Tenistoe (Abb. 2,*10* ; 3) entstanden der alanische befestigte Unterschlupf und die damit verbundene Nekropole. Auf den neuen Gräberfeldern wurden die Körperbestattungen in den für die Alanen typischen Gräbern mit Nische, Grundgruben und T-förmigen Kammergräbern gefunden.

Die Fundbelege aus den Ausgrabungen von T.I. Makarowa in Kertsch weisen die Datierung der Eroberung von Bosporos ins Jahre 256 nach.

In den 260ger Jahren machte Chersonesos eine schwere Krise durch, die wahrscheinlich durch die Niederlage des wichtigen wirtschaftlichen Partners, des spätskythischen Staates, den Abzug der römischen Truppen und die Einnahme von den Germanen der Wasserwege und Handelsstrassen am Schwarzen Meer verursacht wurde.

Zosimus, die HA und Zonaras überliefern, dass die "Skythen" im Jahre 276 über die Maiotis übersetzten und gegen die Provinzen Pontus, Cappadocia, Galatia und Cilicia angriffen. In der Beschreibung des Märtyrertums des Heiligen Athenogenos von Pedachtoe (Cappadocia), die am Anfang des 4.Jh. geschaffen wurde, werden die Cappadocia überfallenden Barbaren die Goten genannt. Die Römer vertrieben die Germanen von Cilicia. Die Zerschlagung der Germanen vollendete der bosporanische König Teiranes. Seine Münzen wurden regelmässig 277 und 278 geprägt.

Die kurzzeitigen Einfälle der Germanen und ihrer Verbündeten in den europäischen Teil des Bosporanischen Reiches führten zu einer zu bemerkenden Veränderung der ethnischen Zusammensetzung seines Bevölkerung nicht. Nach 276 bestatteten die gemeinen Bosporaner in den Gräbern von traditionellen Typen: Plattengräbern, die für die Griechen charakteristisch waren, sarmatischen Gräbern mit Nische und alanischen, auf dem Plan T-förmigen Kammergräbern (Abb. 7,*2*). In den Kammergräbern mit Brettern beerdigten die Vertreter aller ethnischen Gruppen ihre Verstorbenen seit dem Beginn unserer Zeitrechnung. Die reichen Bestattungen, die 1837, 1841, 1910 und 1918 in Kertsch ausgegraben wurden, sind nach den Elementen des Brauchs den alanischen Gräbern nah. Zwei davon befanden sich unter den Kurganaufschüttungen. Nach den Grabbeigaben der 2. Hälfte des 3.Jh. und des 4.Jh. sind diese Bestattungen nicht Rheskuporis III. und seinen Zeitgenossen, sondern Rheskuporis V. und den Vertretern der nachfolgenden Generationen der regierenden Dynastie zuzuschreiben.

Nach A.K. Ambros bilden die auf der Krim gefundenen, mit dünnem Goldblech verkleideten, mit gepresster Filigrannachahmung und grossen geschliffenen eingelegten Kameolen verzierten Details des Pferdegeschirrs (Abb. 17; Taf. IV,*3*) und Schmuckstücke der 2. Hälfte des 3.Jh. und des 4.Jh. einen Juwelierstil. Dieser Stil gelangte auf die Krim und in den Nordkaukasus von den römischen Provinzen. Es sei zu bemerken, dass alle Zaumgarnituren aus den Bestattungen der Vertreter der in Bosporos regierenden Dynastie oder aus den Gräbern der alanischen Aristokratie im Nordkaukasus stammen. Wahrscheinlich wurden solche Garnituren auf Bestellung der Aristokratie völlig der neuen römischen Mode entsprechend in den bosporanischen Werkstätten hergestellt. In Bosporos und in anderen Regionen wurden die auf der Südwestlichen Krim beliebten Frauenschmuckstücke: Ohrringe und Armreife aus Bronze, Silber und Gold auch in diesem Stil erzeugt (Taf. IV, *1,2*).

Die Situation auf der Krim stabilisierte sich nach der Zerschlagung der krimischen Germanen im Jahre 276. Die Herrscher des Bosporanischen Reiches kontrollierten ein ebenso grosses Territorium wie früher. Die Inschriften weisen die Erhaltung des traditionellen administrativen Systems in der 1. Hälfte des 4.Jh. nach. Bosporos steht mit dem Römischen Reich wieder auf gutem Fuss.

Zum letzten Viertel des 3.Jh. wurde der Kult des Zeus Soter und der Hera Soteira, der im 1.Jh. u.Z. entstand, zu einem staatlichen Kult. Eine wichtige Rolle in der ideologischen Politik des Staates spielten auch andere offizielle Kulte: bis zum 4.Jh. der Kult der römischen Kaiser und bis zum 5.Jh. der der Königsdynastie von Tiberii Julii.

Die frühesten Nachrichten über die jüdische Gemeinde und das Bethaus in Pantikapaion überliefern 5 Manumissiones aus dem Jahre 57 u.Z. und der 1. Hälfte des 2.Jh. Im 3.Jh. und 4.Jh. werden die Mitglieder der jüdischen Gemeinde der Stadt in 2 jüdischen Nekropolen beerdigt. Auf den daraus stammenden Grabsteinen mit Menora begegnen jüdische, griechische, römische Namen.

Der Kult des "höchsten Gottes" (θεὸν ὕφιστον) existierte in Bosporos in der 2. Hälfte des 3.Jh. und am Anfang des 4.Jh. Nach I.A. Lewinskaja und D.I. Danschin ist der Kult θεὸν ὕφιστον das hellenistische Judentum, dessen Adepten nicht Juden ihrer Herkunft nach waren, sondern Quasiproselyten, die zur jüdischen Gemeinde nicht gehörten. M.I. Rostowzew, W.F. Gajdukewitsch und T.N. Knipowitsch schreiben über den Synkretismus des Kultes von θεὸν ὕφιστον, in dem Wesenmerkmale des jüdischen Jahve und des griechischen Zeus zusammengeflossen sind.

Im letzten Viertel des 3.Jh. gelangt die Religion der gefangenen Christen nach Bosporos. Zu 325 gab es schon dort eine christliche Gemeinde. Der bosporanische Bischof Kadmos nahm am Konzil von Nikaia teil.

In der ethnischen Zusammensetzung der Einwohnerschaft von Chersonesos sind nicht bedeutende Veränderungen in der 2. Hälfte des 3.Jh. und im 4.Jh. zu betrachten. In der 2. Hälfte des 3.Jh. nach dem Abzug der römischen Truppen hörte man dort auf die Verstorbenen zu verbrennen. In Chersonesos überwog die griechische Gemeinde genau so wie in den ersten Jahrhunderten u.Z. In den in diesem Zeitraum zahlreichsten Kammergräbern mit Brettern bestatteten die Vertreter verschiedener ethnischer Gruppen. Die seit dem 2.Jh. u.Z. in der Stadt wohnenden Sarmaten beerdigten in den Gräbern mit Nische. Seit dem 4.Jh.

entstehen dort die auf dem Plan T-förmigen alanischen Kammergräber (Abb. 7,*3,4*). Grabinschriften und spätrömische epigraphische Denkmäler, Heiligenleben fixieren das Vorhandensein einer jüdischen Gemeinde in Chersonesos.

Nach den epigraphischen Belegen wurden die römischen Truppen in der Zeit der ersten Tetrarchie in Chersonesos einquartiert und blieben dort auch im 1. Viertel des 4.Jh. Die Chersonesoser Vexillation bestand aus den Einheiten der vom Unteren Donaugebiet gekommenen Legionen: der *legio II Herkulia* und der *legio I Italica*. In der Zitadelle wurde das römische Lager wiederhergestellt (Abb. 11,*Ih,III*). In der Inschrift, die von M.I. Rostowzew in die Zeit der Tetrarchie von Diocletianus oder Constantius I.,d.h. ins späte 3.Jh. datiert wurde, sind die Befestigungsanlagen *[op]era militar(i)* erwähnt. Wahrscheinlich stand der Protektor Ende des 3.Jh. oder Anfang des 4.Jh. an der Spitze der römischen Garnison in der Stadt. Er leitete auch sowohl die Bauarbeiten im Lager der Vexillation, als auch die Errichtung der Befestigungsanlagen. Aus Chersonesos stammen die Inschriften der Legionäre dem Augustus Diocletianus, dem Augustus Maximianus (286 - 293), dem Maxentius und dem Mitherrscher Licinius (308 - 324) zu Ehren.

Das Christentum spielte im betrachteten Zeitraum im religiösen Leben von Chersonesos eine nicht bedeutende Rolle. Nach den dipinti auf den Krügen zu beurteilen war der im Reich verbreitete synkretische Kult der Isis und des Zeus populär. Viele Einwohner beteten griechische und orientalische Götter zu Hause an. Die christliche Gemeinde wurde in der Stadt im letzten Viertel des 4.Jh. gegründet. Die erste zuverlässige Erwähnung der Chersonesoser Eparchie stammt aus den Schriften des 2. Ökumenischen Konzils (381).

Die Hunnen drangen, wie Ammianus Marcellinus berichtet, beim Kaiser Valens (364 - 378) in den Nordkaukasus ein, unterwarfen die Alanen von Tanais und die Goten unter Hermanarich[1]. Zosimus schreibt, dass sie 376 (im 13. Jahre der Valensens Regierungszeit) einen Teil von Goten und ihre Verbündeten über die Donau in die römischen Provinzen fortzugehen zwangen[2]. Die Herkunft von Hunnen und ihre ethnische Zugehörigkeit wurden widersprüchlich interpretiert. Einige betrachteten die Hunnen als prototurkvölkliche Nachbaren von China, die ihre Wanderung nach Westen zwischen 155 und 160 begannen[3]. In den östlichen Steppen wurde die materielle Kultur von früheren Hunnen nicht entdeckt. Die Alanen und die Germanen, die im Nördlichen Schwarzmeergebiet blieben, traten dem hunnischen Verband bei[4]. Viele byzantinische Historiker erzählen eine Geschichte über die Jagd der Hunnen auf einen Stier und einen Damhirsch, bei der sie die Bosporanische Meerenge erstmals gesehen haben und an ihre europäische Küste übergefahren sind. Nach literarischen Quellen geschah dieses Ereignis während der Regierung von Valens. Offensichtlich zog durch die Kertscher Halbinsel nur eine geringere Anzahl der Hunnen, die sich nach Westen begaben[5]. In der Hauptstadt des Bosporanischen Staates und in kleinen Städten und Siedlungen gab es keine Zerstörungen aus dem letzten Viertel des 4.Jh. Auf der Krim sind auch keine hunnischen Bestattungen aus diesem Zeitraum vorhanden[6]. Nach der Nachricht von Ammianus Marcellinus und dem archäologischen Fundstoff standen die Hunnen auf der ersten einfachen Stufe des Lagernomadisierens. Auf der Suche nach den Weiden strebten sie neue Steppenräume zu erschliessen. Sie benutzten nicht lange dieselben Lagerplätze und Stammfriedhöfe[7]. In den Steppen hinterliessen die Hunnen Gräber mit Brand- und Körperbestattungen. In Nowogrigorowka (Saparoshskaja Gebiet) wurden die mit den Steinen vollgeworfenen Gruben mit den Resten von Bestattungsfeuer (Kohlen, verbrannte Menschen-, Pferde- und Schafknochen, Pfeile, Schwert, Sattelbeschläge und Pferdegeschirrteile, Schnallen und Fragmente von Keramik- und Glasgefässen) ausgegraben. Auf den Steinen lagen Knochen und Keramikscherben, die nach dem Totenfeier blieben. Viele Körpergräber befanden sich in den Hügelgräbern über den Bestattungen aus

[1] Ammianus Marcellinus, XXXI, 2,12; 3,1.
[2] Zosimus, 1982, IV,20. Thompson, 1948, p.21-24.
[3] Gumilev, 1960, S. 220. Artamonov, 1962, S. 41-44.
[4] Thompson, 1948, p. 25-26.
[5] Vasiliev, 1936, p. 24-30.
[6] Ajbabin, 1993a, S. 209
[7] Artamonov, 1962, S 44-45. Pletneva, 1982, S. 14, 15-17, 20-23.

den früheren Epochen. Im Odesskaja Gebiet, im Waldstück Kubej wurden die Hügelgräber mit den nach Nordosten orientierten Bestattungen untersucht. In den Gräbern mit Nische auf dem Boden der Eingangsgrube wurden Details des Pferdegeschirrs, ein Schädel und Knochen von Pferdeläufen, in der Nische ein Menschenskelett mit Beigaben gefunden. Bei Melitopol (Chersonskaja Gebiet) sind gleichzeitige isolierte Bestattungen ohne Hügel bekannt. Die Bestattungssitte den Toten mit dem Pferd zusammen zu verbrennen oder mit abgezogener Pferdehaut zu beerdigen wird dem Turkvolk zugeschrieben[8]. Die Vielfalt des Bestattungsbrauchs zeugt von der polyethnischen Zugehörigkeit der Barbaren, die dem hunnischen Verband beigetreten haben. In ihrem Milieu entstand die Mode für die Erzeugnisse des neuen Stils. In den Territorien, die unter hunnischer Kontrolle waren, verbreiteten sich vom späten 4.Jh. bis zum frühen des 6.Jh. die goldenen und mit dem Goldblech verkleideten, reich mit roten Granaten eingelegten Frauenschmuckstücke (Diademe, Schläfengehänge, Armreife), Gürtel- und Schuhschnallen, Riemenzungen, Schwerte und Dolche, Teile von Pferdegeschirr[9].

Zu Beginn des 5.Jh. verwendeten die im Nördlichen Schwarzmeergebiet fest Fuss gefassten Hunnen die krimischen Steppen für die saisonbedingte Viehweide[10]. Ihnen gehörten die Nomadenbestattungen mit polychromen Grabinventaren, die auf der Östlichen Krim (Abb. 19,*28*) (bei Feodossija) und in der Steppenzone der Halbinsel (Kalinin-Sowchos (Abb. 19, *3*), Beljaus (Abb. 19,*5*)) freigelegt wurden. Nur auf der Nekropole und in den Ruinen der antiken Stadt Beljaus wurde der Bestattungsbrauch festgelegt. Die Nomaden hatten die Verstorbenen in den mit Platten bedeckten Gruben bestattet (Abb. 27,*1* ; 28). Unter der Überdeckung auf den unteren Platten befanden sich die Reste des Pferdebalges: ein Schädel, eine Rippe sowie Knochen der Pferdeläufe mit Hufen. In beiden Gräbern lagen die Skelette der Halbwüchsigen in der gestreckten Lage mit den nach Norden orientierten mongoloiden Schädeln[11]. In den Gräbern wurden Gürtelschnallen der 1. Hälfte des 5.Jh., Metalldetails des Pferdegeschirrs und andere Objekte gefunden (Abb. 27,*2-17*; 28,*5-12*).

Nach dem Attilas Tode 453 und der Zerschlagung der Hunnen in der Schlacht am Nedao, einem kleinen Fluss in Pannonien, zerfiel ihr Verband[12]. Nach Jordanes kehrten viele Stämme, ehemalige Verbündeten der Hunnen, ins Nördliche Schwarzmeergebiet zurück, wo früher die Goten wohnten[13]. Die dort im 5. Jh. wandernden hunnischen Stämme bezeichnete Priskos von Panion als Akatziren[14]. Prokop von Caesarea schreibt, dass die Steppen zwischen Cherson (byzantinischer Ortsname des antiken Chersonesos) und Bosporos im 5.Jh. von den Hunnen in Besitz genommen wurden[15]. Jordanes brachte in die Steppen bei Cherson die Hunnen Altziagiren unter[16]. Mit einem der Ethnonymen sind die Bestattungen von Tschikarenko (Abb. 19,*17*), Marfowka (Abb. 19,*21*) und Isobilnoe (Abb. 19,*20*) zu verbinden.

Städte und Siedlungen der Östlichen Krim und die bosporanische Hauptstadt selbst wurden während des hunnischen Einfalls auf die Halbinsel nicht beschädigt. In Kertsch wurde eine Schicht mit der Keramik des 5.Jh./6.Jh. auf dem Berg Mithridat und im an seinen Fuss angrenzenden Hafenteil der Stadt gefunden. Von 1990 bis 1993 wurden eine enge Strasse und ein Wohnviertel, in der 1. Hälfte des 5. Jh. an der Stelle der ruinierten spätantiken Häuser gebaut, freigelegt.

Von der Erhaltung des alten Verwaltungssystems im Bosporanischen Reich bis 483 zeugt die Inschrift, die in Kertsch 1888 gefunden, von W.W. Latyschew veröffentlicht und von J.G. Winogradow präzis gelesen wurde. Am Anfang der 1. und der 2. Zeile wurden die Kreuze ausgehaut[17]. Es handelt sich darum, dass sich

---

[8] Ambroz, 1981, S. 19. Zaseckaja, 1994, S. 14-15, 17-22, 155.
[9] Ambroz, 1981, S. 19-22.
[10] Ajbabin, 1993a, S 209.
[11] Daševskaja, 1969; 1995
[12] Thompson, 1940, p. 152-123.
[13] Jordanes, 1960, S. 118-120
[14] Blokley, 1983, Priscus, fr. 11,550-551. Blockley, 1992, p. 73.
[15] Procopius, History of the wars, book I, XII,7.
[16] Iordanis, Getica, V,37.
[17] Latyšev, II, 1890, add. s. 292, N 49. Vinogradov, 1998, S. 234-238.

der Duptun auf die in Bosporos seit dem 1.Jh. u. Z. regierende Dynastie von Tiberii Julii zurückführte und für einen Verbündeten der Römer hielt. Christliche byzantinische Herrscher nachahmend, stellte er an den 1. Platz in seinem Titel das Beiwort εὐσεβής-gottesfürchtig. Neben der traditionellen Stellung des Vorstandes von Pinakidos, persönlichen Schriftführer des Königs, wurden die neuen von ἐπάρχο(υ)=ὁ ἔπαρχοσ und χόμ(ησ) an seinem Hof nach dem Konstantinopoler Vorbild eingeführt. J.G. Winogradow datierte die Inschrift ins Jahre 483. Wahrscheinlich regierte der Duptun in Bosporos in der 2. Hälfte des 5.Jh. bis zur hunnischen Besetzung der Stadt. Er führchtete sich vor den Hunnen, verstärkte die Verteidigung der Stadt und liess einen Turm errichten. Offensichtlich nahmen die Hunnen Bosporos Ende des Jahrhunderts ein. Diese Annahme steht mit der Information von Prokop im Einklang. Bevor die Einwohner von Bosporos dem Keiser Justinus zu unterstehen beschlossen[18], wurde die Stadt von alters her barbarisch und blieb im hunnischen Besitz[19]. Die Wirtschaft von bosporanischen Städten und Siedlungen hatte ihre Grundlage in Acker-, Weinbau und Fischfang. Die Einwohner von Bosporos nahmen alle Neuerungen über, die im Donauraum und in anderen Provinzen entstanden. So trug die bosporanische Aristokratie alanischer und griechischer Herkunft in der 1. Hälfte des 5.Jh. goldene, mit Granaten verzierte Schmuckstücke des neuen polychromen Stils, für die Mode über die benachbarten Hunnen aus dem Donaugebiet kam (Taf. XXIV,3). Nach den Vorbildern aus dem Donauraum wurden solche Erzeugnisse in den bosporanischen Werkstätten produziert[20]. Bei einigen Bestatteten in den Kammergräbern wurden die Goldkränze wie in den früheren Gräbern von Angehörigen derselben Sippe (beispielsweise "Grab mit der Goldmaske", "Grab im Gutshaus von Mesaksudi" sowie das 1841 freigelegte Grab) gefunden. In den Grabkammern lagen noch von Konstanz II. geschenkte Teller, Pferdegeschirr, Sattel, römische Schildbuckel und Schwerte.

Im 5.Jh. wurde das Christentum zu der in Bosporos herrschenden Religion. Der Bischof von Bosporos Eudoxios nahm am Konzil von Konstantinopol 448 und am von Ephesos 449 teil[21]. Die Christen beerdigten in der alten Nekropole am Abhang des Berges Mithridat. Dort wurden die christlichen Grabsteine des 5.Jh. gefunden. Sie benutzten wie früher die Kammergräber mit Brettern (Abb. 23,*3*). An den Wänden des gleichartigen Kammergrabes aus dem Jahre 491 wurden Gebetstexte geschrieben[22]. Neben der neuen Ideologie bestand der Bestattungsbrauch den Verstorbenen mit den Schmuckstücken und Gefässen zu beerdigen.

Wegen des hunnischen Zustroms zogen neue alanische Stämme Ende des 4.Jh. von der Küste des Asowschen Meers auf die Bergkrim. Schutz von neuen Nachbaren suchend, drangen die Alanen zu dieser Zeit von den Erhebungen der 3. Krimischen Bergkette weiter ins Gebirge vor. Sie hörten auf, die Gräberfelder von Nejsatz, Drushnoe und Perewalnoe zu benutzen. Auf der Südwestlichen Krim entstand noch eine Gruppe von Nekropolen mit den auf dem Plan T-förmigen Kammergräbern (Abb. 23,*2*) und Gräbern mit Nische (Abb. 23,*4,6*), die für die Alanen typisch waren: Skalistoe (Abb. 19,*20*), Bakla (Abb. 19,*21*) und Lutschistoe (Abb. 19,*23*; 3)[23]. Die dort beigegebene geglättete und nicht geglättete Keramik ist der aus den Nekropolen von Nejsatz und Drushnoe, Bosporos, dem unteren Don- und dem Kubangebiet, der dagistanischen Küste des Kaspischen Meers und dem Zetrallen Kaukasusvorland ähnlich. Goldbesätze, die das Stirnband von Lutschistoe verzierten (Abb. 1-8), sind hauptsächlich für die alano-sarmatischen Welt üblich. Analoge Goldblechröhrchen und Goldflitter wurden auch 1904 in Kertsch in den Kammergräbern der 1. Hälfte des 5.Jh. zutage gefördert[24]. Die Sätze von runden, Σ-förmigen und dreieckigen Goldflittern wurden in Airan (Basse Normandie), im hunnischen Donauraum in den Gräbern von Regöly[25] und von

[18] Procopius, History of the wars, book I, XII,7-9.
[19] Procopius, De Aedificiis, III, VII,12-13.
[20] Ambroz, 1992, S. 72. Zaseckaja, 1993, S. 34.
[21] Le Quien, 1740, p. 1328.
[22] Kulakovskij, 1891, S 25-27, 29, Abb. s S. 30. Latyšev, 1896, Nr. 84-86, S. 86-89.
[23] Ajbabin, 1990, S. 67
[24] Zaseckaja, 1993, S. 42, 83, 87, Taf 12,23; 25,95a,96b,g,d; 53,287; 57,319,323a.
[25] Bóna, 1991, S. 19, 270; Taf. 15

Untersiebenbrunn[26] gefunden. Ein Stirnband (L. 46 cm, Br. 3 cm) aus Leinengewebe, mit rotem Seide bedeckt und mit den in zwei Reihen aufgenähten runden Goldblechbesätzen verziert, wurde im Schatz von einer Höhle an der östlichen Küste des Seens Batyr im Östlichen Kaspischen Meergebiet (das Südwestliche Kasachstan), Wandergebiet der alanischen Stämme, entdeckt. In Tanais wurden Lunulaanhänger, Goldblechröhrchen und rautenförmige Besätze scheinbar zur Verzierung von Halsöffnung der Tracht verwendet. Goldene, mit Bernsteinen (Abb. 25,*9*) oder Granaten eingelegte Ohrringe sind den aus den Bestattungen der 1. Hälfte des 5. Jh. von Kertsch und Airan (Basse Normandie) ähnlich[27]. Kurzschwerte und ein Dolch mit Ausschnitten neben dem Griff von Lutschistoe (Abb. 26,*2*) und Skalistoe gleichen den bei den Alanen seit dem 3.Jh. im Nordkaukasus, seit dem 4.Jh. in den Steppen des Don-, Kuban- und Wolgaraums[28], seit der 2. Hälfte des 4. Jh. bei den Alanen und den Germanen auf der Östlichen und Südwestlichen Krim verbreiteten. Eisenschwerte mit rautenförmigem Parierstück aus Bronze von Lutschistoe, Kammergrab Nr. 88, (Abb. 26, *1.2.7*) ähneln den bei den Sarmaten und Alanen in Mittelasien und am Unterlauf der Wolga seit dem 1.Jh. u. Z. verwendeten[29]. Lanzenspitzen aus Eisen mit geschweiftem Blatt, Mittelrippe und Tülle (Abb. 26,*9*) und Wurfspiessspitzen von Lutschistoe finden ihre Analogien bei den Sarmaten und Alanen zwischen dem 3.Jh. v. u. Z. und dem 3.Jh. u. Z. im Zetrallen Kaukasusvorland und Kubanraum[30].

Die Alanen verloren ihre Weiden in der Steppenzone und siedelten sich in der krimischen Gebirgszone an. Im Gebirge waren sie gezwungen sich eine neue Art von hirtenagrarischer Wirtschaft anzueignen und ihre Lebensweise in vielem zu verändern. Wegen der nicht weiten Bergweiden verminderten sie den Viehbestand sowie züchteten andere Vieharten. Im Frühling und im Sommer, sowie in den warmen Herbstmonaten trieben sie ihre Herden auf die Almen, sonst hielten sie das Vieh neben den Siedlungen. Neben dem Gräberfeld von Lutschistoe wurden grosse, mit Steinhürden eingeschlossene Viehpferche entdeckt. Man züchtete hauptsächlich Schafe, Kühe und Stiere. Von der Erhaltung von Pferdezucht zeugen nicht nur die am Fluss Tschernaja gefundenen Prerdebestattungen, sondern auch das Vorhandensein der Pferdetrensen in vielen alanischen Bestattungen. Zu dieser Zeit spielte der Ackerbau eine wichtige Rolle in ihrer Wirtschaft. Die Alanen bauten weiche Weizen, Gerste und grobkörnige Roggen an[31]. In den Kammergräbern von Lutschistoe und Skalistoe wurden eine Eisensichel und Schalen mit Korn gefunden.

Auf der Krim gerieten die Alanen in den Bereich der politischen Interessen zuerst des Römischen und dann des Byzantinischen Reiches. Byzantinische Herrscher strebten ihre Machtpositionen in der Region abzusichern. In der Inschrift aus den Jahren 370-375 von Chersonesos geht es um das Einquartieren von *ballistarii* in der Stadt. Damals wurden die Soldaten von Konstantinopol in die Stadt abgeordnet, was in den "Heiligenleben von Chersonesos" erwähnt wurde. Die Inschrift aus den Jahren 387-388 berichtet über die Anwesenheit in Cherson der Truppen unter dem Tribun Fl. Vitus[32]. Theodosius I. befestigte die Stadt mit neuen Mauern.

Nach der hunnischen Eroberung von Bosporos, dessen Könige Verbündete des Reiches waren, wurde Cherson, die einzige byzantinische Befestigung auf der Halbinsel, von grösseren Bedeutung. Beim Keiser Zenon (474 - 491) wurde die Stadtverwaltung byzantinisch. In der aus Chersonesos stammenden und von A.L. Berthier Delagarde und W.W. Latyschew ins Jahr 488 datierten Inschrift ist die Rede von *vicariat ballistariorum* . Ihm unterstand *practeon* (Zollamt), das Abgaben und Handelsgebühren einzog. Mit diesem Geld bezahlte *comes* Diogen den Wiederaufbau eines Turmes[33]. Nach *Notitia dignitatum* des Reiches ist *vicarius* Stellvertretender des Truppenführers für spezielle Aufträge *magister militum.* In *Notitia dignitatum*

---

[26] Friesinger, Vacha, 1988, S 54.
[27] Pilet, 1995, p. 333; fig. 3.
[28] Chasanov, 1971, S. 17, Taf. XII,5-7. Abramova, 1993, S. 162, Abb. 65,15-17.
[29] Skripkin, 1990, S. 62,130-132, Abb. 22,3,6,7.
[30] Chasanov, 1971, S. 46, Taf. XXIV,8. Abramova, 1993, S. 73-74; Abb. 24,25.
[31] Jakuševič, 1976, S. 101.
[32] Zuckerman, 1991, p. 548-550.
[33] Berthier Delagarde, 1893, S. 47-60. Latyšev, 1896, Nr. 7, S. 10-15.

aus dem Jahre 413 wurde diese Stellung der von *dux* gleichgesetzt. Das heisst, dass die Garnison von Cherson zu kommandieren *vicarius magister militum per Thracias* eingesetzt[34]. *Vicariat* und *practeon* leitete der Vertretter von Verwaltung des Reiches *comes* Diogen. Offensichtlich war er der zivile und militärische Oberhaupt der Stadt.

Archäologische Untersuchungen und Vorbereitungsarbeiten zur Restaurierung gaben eine Möglichkeit, die bei Zenon durchgeführte Erneuerung der wichtigen Knoten des Befestigungssystems von Cherson nachzuspüren. Im Hafenteil der Stadt wurden der stärkste Turm XVII (Abb. 11,//), die Kurtine 20 und die an sie von Osten angrenzenden Türme XVII/1 und XVIII umgebaut[35]. Im westlichen Vorort wurde am Anfang des 6. Jh. das Stadtgebiet vergrössert.

Konstantinopol trug zur Christianisierung der einheimischen Barbaren bei. 381 existierte schon die Eparchie von Cherson[36], die die Bevölkerung der Bergkrim zum Christentum bekehrte. Im späten 7.Jh. bildete dieses Territorium immer noch einen Bestandteil der Eparchie von Cherson[37]. Wahrscheinlich nach der Annahme des Christentums verzichten die krimischen Goten gegen die Mitte des 5.Jh. auf die Kremation und übernehmen von den Alanen den mehr zur neuen Religion passenden Bestattungsbrauch. Sie lassen alte Nekropolen und beerdigen in den alanischen. Bei den Alanen, was sie anbetrifft, werden gotische Schmuckstücke, Fibeln und Schnallen Mode.

Byzantinische Historiker berichten über die Aktivierung der Politik von Byzanz auf der Krim bei den Keisern Justinus I. (518 - 527) sowie Justinian I. Prokop schreibt, dass die Einwohner der Stadt Bosporos beschlossen freiwillig dem Keiser Justinian I. zu unterstehen[38]. In den Werken von Prokop handelte es sich nur um die Stadt. Das übrige Territorium der Östlichen Krim und die Steppen waren wie früher unter Kontrolle von hunnischen Stämmen, die Jordanes Altziagiren nennt[39]. Bald, im Jahre 522, schickte Justinus nach Bosporos Patrikios Probos mit einer grossen Geldsumme zur Anwerbung der Hunnen "Σύμμαχοι" und deren Teilnahme am Krieg gegen die Persen in Iberien[40]. "Σύμμαχοι" - Verbündeten nannte Prokop die für Militärdienst angewerbten Truppen der benachbarten Barbaren[41]. Die Mission von Patrikios Probos missglückte. Bei den mit Bosporos benachbarten Hunnen begegnete er christlichen Priestern mit dem Armenier Kardost an der Spitze, die von 515 bis 529 viele Hunnen tauften und die Heilige Schrift in die hunnische Sprache übersetzten. Patrikios Probos berichtete dem Keiser über ihre Tätigkeit und liess 30 Maultiere mit Lebensmitteln und Kirchengerätschaften schicken. Der armenische Bischof Makar ersetzte Kardost. Er führte bei den Hunnen die Saaten ein und baute eine Ziegelkirche[42].

Bei Justinian I. (518 - 527) beschlossen sich die Bosporaner Byzanz unterzuordnen[43]. 527, im 1. Jahr der Regierungszeit von Justinian I. wurde der hunnische Fürst Gordas in Konstantinopol getauft. Das bedeutete den Übergang seiner Stämme unter Kontrolle des Reiches. Justinian I. beschenkte ihn reichlich und schickte mit dem Arithmos den byzantinischen Soldaten zurück, unter dem Tribun Delmatios die Grenze des Staates und die Stadt Bosporos zu sichern und von Hunnen die Abgaben mit Stieren zu sammeln[44]. Offensichtlich geht es in diesem Auszug um die in Süditalien einquartierten Truppen, die aus Spaniern bestanden. Er kehrte heim, liess hunnische Idole aus Silber und Elektron umschmelzen und sie gegen Geld in Bosporos wechseln. Die das Christentum nicht angenommenen und von Opferpristern

---

[34] Zuckerman, 1994/1995, S. 559-560
[35] Antonova, 1976, S. 5-9.
[36] Zuckerman, 1991, p. 548
[37] Vasiliev, 1936, p. 78.
[38] Procopius, History of the wars, book I, XII,8,9. Procopius, De Aedificiis, III, VII,12-13.
[39] Iordanis, Getica, V,37.
[40] Procopius, History of the wars, book I, XII,6,7.
[41] Obolensky, 1964, p. 57.
[42] Hamilton, Brooks, 1899, p. 329-330. Artamonov, 1962, S. 92-93. Anm. 76.
[43] Procopius, History of the wars, I, XII, 12,8.
[44] The chronicle of John Malalas, 1986, fr. 431, p. 250.

angestiften Hunnen brachten Gordas um und gaben die Macht seinem Bruder Muagerin über[45]. Die Hunnen stürmten Bosporos und machteten die byzantinische Garnison zunichte. Nach Prokop verheerten die benachbarten Barbaren zur selben Zeit die byzantinischen Städte Ceppos und Fanagoria auf der Halbinsel Taman[46]. Theophanes berichtet, dass der Kaiser eine Truppe der Skythen auf dem Seeweg nach Bosporos und gleichzeitig die Truppen durch das Festland gegen die Hunnen schickte[47]. Johannes Malalas schreibt über die Heere der Goten[48]. Die Hunnen erfuhren über die Annäherung der Byzantiner, flüchteten aus der Stadt, die die Heere der Byzantiner in Besitz nahmen. Nach der Beschreibung von Theophanes kam in Bosporos der Frieden, und die Byzantiner besassen sie furchtlos[49].

Für die Feststellung der ethnischen Zugehörigkeit der Hunnen von Gordas und Muagerin sind Beweise aus schriftlichen Quellen wichtig. *Ravennatis anonymi* des späten 7.Jh., auf Libanios (314 - 393) beziehend, nannte die Gegend an der Küste der Maiotis *patria Onogoria.* Nach Priskos wohnten die Stämme von Onoguren an der östlichen Grenze des Römischen Reiches. Von den Sabiren rettend, flüchteten sie in die awarischen Territorien[50]. In der Steppe bei Cherson ist der von Altziagiren besiedelte Raum hingewiesen[51]. Prokop berichtet, dass sich die hunnischen Stämme von Utiguren und Kutriguren in derselben Region niederliessen. Aus dem vorliegenden Auszug folgt, dass die Altziagiren ihr Vieh westlich von der Maiotis in der pontischen Steppe weideten, die nach Prokop auch dieses Gebiet bevölkerten. Den ersten gehörten die Gegende östlich von der Maiotis, den zweiten westlich davon[52]. Die Lebensweise der Nomaden des 6.Jh., die an die Küsten von Pontus nach dem Zerfall des hunnischen Verbandes zurückkamen, schildert Jordanes: die Altziagiren, die im Sommer durch die Steppen umherziehen, in einem weiten Territorium abhängig davon, wo sie Futter für das Vieh finden, kehren sie im Winter ans Pontus zurück, siedeln bei Cherson, wohin gieriger Kaufmann Gut aus Asien führt[53]. Die beiden Autoren nennen vielleicht anders dieselben Nomadenstämme. Höchstwahrscheinlich waren die Altziagiren - Kutriguren die Hunnen unter Gordas.

Die Nachkommen der Hunnen standen in der 1. Hälfte des 6.Jh. wie früher immer noch auf derselben Stufe des einfachen Nomadisierens. Die Kutriguren weideten das Vieh Anfang Frühling in der krimischen Steppenzone, wo nach den Frühlingsregen dichte Gräser wuchsen. Wegen der Sommerhitze vertrocknen nicht zahlreiche kleine Flüsse und welken die Gräser. Die Kutriguren wanderten deshalb auf die neuen Weiden ins wasserreiche Dons und Bugs Mündungsgebiet. Im späten Herbst kamen sie wieder an ihre Winterlagerplätze auf der Krim. Solche Winterlagerplätze mit fragmentaren Amphoren des 6.Jh./7.Jh. wurden an der östlichen Küste des Asowschen Meers gefunden[54]. Dieses Gebiet ist mit der Bosporos nahen Lage günstig, wo die Nomaden ihre Ware verkaufen[55]. In der krimischen Steppe, am Unterlauf des Don und Bug (Abb. 34) wurden die von Kutriguren hinterlassenen Bestattungen mit Grabinventaren des 6.Jh./7.Jh. freigelegt (Abb. 35). Sie befanden sich in den mit Holz übergedeckten Gruben unter den Kurganaufschüttungen von früheren Zeiten. Die Skelette waren mit den Schädeln nach Nordosten oder Nordwesten orientiert[56].

Nach Prokop und Belegen der Epigraphik wurde das Territorium, das früher dem Bosporanischen Reich gehörte, bei Justinian I. in das Byzantinische Reich eingegliedert. Bosporos wurde zur wichtigen

---

[45] Ćićurov, 1980, S. 51.
[46] Procopius, History of the wars, book VIII, V,28.
[47] Ćićurov, 1980, S. 51.
[48] The chronicle of John Malalas, 1986, fr. 342, p. 250.
[49] Ćićurov, 1980, S. 51.
[50] Blockley, 1992, p. 73.
[51] Iordanis, Getica, V,37.
[52] Vasiliev, 1936, p. 58-59.
[53] Jordanes, 1960, S. 109.
[54] Pletneva, 1967, S. 13-19
[55] Kulakovskij, 1896, S. 10.
[56] Ambroz, 1981, Abb. 6.

byzantinischen Befestigung, die die Bosporanische Meerenge und die Überfahrt in den Nordkaukasus kontrollierte. Justinian I. traf die Befestigung von Bosporos ruiniert an und befestigte insbesondere Bosporos[57]. Fundbelege der archäologischen Ausgrabungen beweisen die Erhaltung der bisherigen städtischen Anlagen und der Grenzen der Stadt in der Justinians I. Zeit. T.I. Makarowa untersuchte im Hafenteil der Stadt Fundamente der südlichen Festigungsmauer und die Reste einer Basilika mit Baptisterium (Taufbecken) und Brunnen, offensichtlich bei Justinian I. gebaut[58]. Bedeutende Bauarbeiten wurden in kleinen bosporanischen Städten durchgeführt. Im südöstlichen Teil von Tyritake wurde eine Basilika mit Säulen aus prokonesischem Marmor und mit ionischen sowie korinthischen Kapitellen an der Stelle des Komplexes für Fischeinsalzung errichtet[59]. In einem Fragment der Inschrift von der Halbinsel Taman, nach der Vollendung der Bauarbeiten geschaffen, las W.W. Latyschew den Namen und einen Teil des Titels von Kaiser Justinian, in den Zeilen 9-11 "...πράττ]οντος Ἀνγουλά[του τοῦ...]άτου τριβού[νου καὶ ἐργο?]λάβου)" und in den Zeilen 8-9 den Titel von *comes* dieser Stadt (...κόμητο?]ς ταύτης τῆς πό[λεως...]). Diese Inschrift wurde von W.W. Latyschew ins Jahre 533 datiert[60]. D. Feissel wies darauf hin, dass es bei der byzantinischen Stadtverwaltung die Stellung von *comes* dieser Stadt nicht gab, und bot an, statt dieser Lücke folgendes wiederherzustellen: "...[του πατρὸ]ς ταύτης τῆς πό[λεως...]" - "des Vaters dieser Stadt". Nach der Annahme von D. Feissel war das der Tribun Angulat Isaurier[61]. Wahrscheinlich wurde er vom Kaiser nach der Rückkehr von *comes Ponti Euxini Apoipatos* Johannes an die Donau die Stadt zu verwalten eingesetzt. Aus der Novelle, die 575 zu ersten Ostern nach der Ausrufung von Tiberius als Mitherrscher von Justinian II. herausgegeben wurde, folgt, dass die Bosporaner bei Justinian Seeverpflichtung hatten[62]. Sie mussten an das Reich Schiffe, Takelage und Ausrüstung für Schiffe liefern.

Die Goten, die 527/528 mit den byzantinischen Heeren aus dem Donauraum ankamen, waren wie alle Soldaten Christen. Möglicherweise siedelten sie nach Bosporos mit ihren Familien zusammen über. Sie führten offensichtlich genau in dieser Zeit in die Stadt ostrogotische und gepidische Bügelfibeln, grosse Schnallen mit rechteckigem Beschläg (Abb. 36,*2*) und Adlerbeschläg ein (Abb. 36,*1*; 37,*1*; 38,*1*)[63]. Auf den Beschlägen von zwei Schnallen wurden christliche Kreuze dargestellt. In der 1. Hälfte des 6.Jh. begannen die bosporanische Meister die aus dem Donauraum stammenden Bügelfibeln mit konzentrischen Kreisen auf dem Fuss (vom Typ s. Taf. XXV,13), in der 2. Hälfte des 6.Jh. Bügelfibeln von Typen Kertsch (Abb. 37,*4*) und Udine-Planis (Abb. 38,*6*) zu kopieren und bosporanische Adlerschnallen (Abb. 38,*5*) serienmässig zu produzieren[64].

Cherson des 6.Jh. erbte von der Antik rechteckige Wohnviertel, gerade Strassen, Kanalisation und Wasserleitung aus Tonröhren. Seine Hauptstrasse etwa 1 km lang und 6-7 m breit überquerte die Stadt von Südwesten nach Nordosten[65]. Am westlichen Randgebiet, das an die Stadt am Anfang des 6.Jh. angeschlossen wurde, bauten die Byzantiner einen neuen Befestigungsknoten (Abb. 50,*I-III*).

In diesem Teil der Stadt wurde auch das Westliche Kultuskomplex errichtet, das aus einer Basilika (Nr. 13) mit Kapelle und noch einer Gruftkapelle bestand (Abb. 52). Es nahm den grössten Teil des neu eingegliederten Territoriums ein. Die Basilika erwies sich als eine dreischiffige Anlage mit einem grossen Saal mit 2 Kolonnaden aus 9 Säulen, einer halbrunden innen und fünfkanntigen aussen Apsis und einem Narthex. An ihre südliche Seite grenzt eine Galerie mit Apsis an. Der Fussboden des zentralen Schiffes wurde mit Marmorplatten, der der Seitenschiffen mit Mosaik verziert. Wahrscheinlich hatte die Basilika eine

---

57 Procopius, De Aedificiis, III, VII,10,12-13.
58 Makarova, 1991, S. 143,144.
59 Gajdukevic, 1952, S. 67-72, Abb. 79-81.
60 Latysev, 1894, S 567-569.
61 Feissel, 1987, p. 219-220.
62 Corpus juris civilis, nov. CLXIII, cap. II, p. 751. Vasiliev, 1936, p 74.
63 Ajbabin, 1993a, S. 164.
64 Ajbabin, 1990, S. 20, 21, 70-71; Abb. 14,10,12; 15,3; 35,3.
65 Jakobson, 1964, S. 19.

Dachsparrenüberdeckung mit Ziegeldach[66]. Zu dieser Zeit wurden viele Stadtviertel umgestaltet. An der Stelle der abgetragenen alten Häuser wurden neue Wohnhäuser und Basiliken: Nördliche Basilika Nr. 22 an der Nordküste, Basilika Nr. 28 im Zentrum der Stadt, Untere Basilika im südwestlichen Teil der Stadt gebaut[67]. Vielleicht wurde die sogenannte Basilika auf dem Hügel (Nr. 14) in derselben Zeit errichtet. A.L. Jakobson führte schwerwiegende Beweise für die Herkunft der Komposition der Chersoner Basiliken aus Kleinasien und die ihrer Gestaltung aus Konstantinopol an. Nach der Technik des Mauerwerkes der Gebäuden zu urteilen, wurden sie von einheimischen Maurergenossenschaften errichtet[68].

An der südlichen Küste der Halbinsel wurden bei Justinian I. die Befestigungsanlagen Aluston (Abb. 33, *17*) und Gorsubity (Abb. 33, *12* ; 39) gebaut[69]. Wahrscheinlich waren sie für Schutz der Schifffahrt bestimmt[70]. Die Trümmer der Befestigungen wurden in Aluschta auf einem Hügel 200 m von der Meeresküste entfernt und in Gursuf auf dem ins Meer hinausragenden Felsen Dsheneves Kaja ausgegraben[71].

Prokop schreibt, dass die Goten im Land Dori, das sich "...an dieser Küste..." befand, d.h. an derselben Küste des *Ponti*, wo Cherson, Bosporos und Gorsubity lagen[72]. In drei Pragraphen beschreibt er das Land Dori. Das Land Dori selbst ist ein Bergland. Der Boden da ist weder steinig noch dürr, sondern bringt einen reichen Ertrag an schönen Früchten. In diesem Land hat der Kaiser weder eine Stadt noch eine Befestigung errichtet, weil die Bewohner des Landes Dori nicht gern hinter Mauern eingeschlossen leben. Da es schien, dass ihre Gegend leicht zugänglich ist, liess er diese Pässe (τὰς εἰσόδους περιβαλών) mit langen Mauern (τειχίσμασι μακροῖς) befestigen und erlöste die Goten von der Gefahr eines Angriffes[73]. Dem Paragrapfen 16 des Textes von Prokop folgend, können wir die Küste zwischen den Befestigungen Aluston und Gursubity ins Land Dori eingliedern. Da wurden doch keine Befestigungsanlagen vom Kaiser errichtet. Nach Prokop konnten 3000 gotische Krieger einen Feldzug nach dem Aufruf des Keisers antreten[74]. An der Küste bei Gursuf, in Oreanda und Simeis sowie auf der Bergkrim vom Berg Tschatyr-Dag bis Cherson wurden gleichartige Gräberfelder entdeckt. Sie wurden von derselben Bevölkerung: den Alanen und den Goten hinterlassen. Die fruchtbaren Länder in den Becken der Flüssen Tschernaja, Belbek, Katscha, Alma, die durch nicht hohe Berge und die Plateaus der 2. und der 3. Gebirgsketten fliessen, und Plateaus selber gleichen den von Prokop beschriebenen.

In den Werken, auf die es bezogen wurde, preiste Prokop nur die schaffende Tätigkeit von Justinian I. lob. Höchstwahrscheinlich interessierten ihn Siedlungen oder Befestigungen von einheimischen Barbaren nicht. In der Grammatik der lateinischen Sprache von Prisciani, einige Jahre früher als die Werke von Prokop (in der Regierungszeit von Anastasius zwischen 491 und 518) geschrieben, wurde die Stadt Dori am Pontus in zwei Übungen erwähnt. In beiden grammatischen Beispielen konkretisiert der Verfasser des Lehrbuches die Lage der Stadt nicht und charakterisiert sie unterschiedlich. An einer Stelle wurde sie "*Dory... nomen oppidi Pontici*", an der anderen "*hoc Dory... nomina civitatum*" genannt[75]. Ganz offensichtlich wurden beide Beispiele einem historischen oder geografischen Aufsatz entnommen, wo es um *oppidum* oder *civitas* Dori ging, das im pontischen Raum lag. Die gleiche Lautung der Benennungen von *oppidum* und des Landes ist ein reichender Grund für die Lokalisierung dieser Stadt im letzten. In späteren Quellen, die den Ereignissen am Anfang und in der 2. Hälfte des 8.Jh. gewidmet sind, wird es über die

---

[66] Zavadskaja, 1997, S. 327-335.
[67] Jakobson, 1959, S. 165-175.
[68] Jakobson, 1959, S. 183, 188.
[69] Procopius, De Aedificiis, III,7
[70] Ambroz, 1995, S. 64.
[71] Dombrovskij, 1974, S. 9-13; Abb. 4,6.
[72] Procopius. De Aedificiis, III, VII,13. Sidorenko, 1991, S. 108, 109.
[73] Pocopius. De Aedificiis, III, VII,15-17.
[74] Procopius. De Aedificiis, III, VII,14. Firsov, 1979, S. 106,107.
[75] Prisciani, 1855, Libri XVIII, VI,1; S 195; VII,1; S. 283.

Befestigung Dori-Doras berichtet, die sich im gotischen Land befand[76]. Wahrscheinlich entstand *oppidum* Dori im gotischen Land bis zum Ende des 5.Jh., und bis zum Anfang des 7.Jh. wurde darin die Befestigung gebaut. Die Stadt und die Befestigung wurden zuerst auf den Plateau Eski-Kermen (Abb. 35, *19*)[77], dann auf den Plateau Mangup (Abb. 32,*24*)[78] untergebracht. Auf dem Plateau Eski-Kermen gibt es jedoch keine Spuren irgendeiner Lebensfunktion zwischen dem 5.Jh. und dem 3. Viertel des 6.Jh. Nur auf dem schwer zugänglichen Plateau Mangup wurden sowohl Wohnhäuser, die Dori von Prisciani zeitgenössig sind, als auch die Befestigungsanlagen der 2. Hälfte des 6.Jh. bis zum 8.Jh. gefunden (Abb. 46)[79]. Offensichtlich lag *oppidum* Dori genau dort.

Prokop bezeichnete die Bewohner des Gebirges, die Goten, als ἔνσπονδοι - Verbündeten der Bysantiner, die nach dem Wunsch des Kaisers an allen Feldzügen seiner Heeren teilnahmen[80]. Nach Prokop sind die Bewohner des Landes Dori in der Kriegskunst fähig, im Ackerbau geschickt, wo sich selber bemühen, und die gastfreunlichsten von allen Leuten[81]. Von L.W. Firsow berechnend war ihre Anzahl in der Mitte des 6.Jh. nicht mehr als 60000 Menschen[82]. Als Beweis der Vielzahl von Bevölkerung im Land Dori können Dutzende von den dort schon bekannten Nekropolen dieser Zeit dienen. Sie entstanden in Lutschistoe (Abb. 33, *18*), Suuk-Su (Abb. 33, *15*), Artek (Abb. 33, *13*), Oreanda (Abb. 33, *10*), Koreis (Abb. 33,*9*), Simeis (Abb. 33,*8*), in der Schlucht Karales (Abb. 33,*3*) am Mangup, am Fluss Tschernaja, am Berg Sachamaja Golowka und in anderen Orten. Neben den Gräberfeldern im Gursufer Talkessel (Abb. 33, *12*) u.a. wurden die damit verbundenen Landsiedlungen entdeckt[83]. Prokop schildert die Bevölkerung als Krieger und Ackerbauer, die den Boden selbs ohne Sklavenarbeit bebauen[84]. In Fundmaterialen von den Nekropolen fehlen Belege einer starken Social- und Vermögensdifferenzierung, wie A.K. Ambros richtig bemerkt. Bündnisverhältnisse mit Byzanz stimulierten die Erhaltung von Militärdemokratie in Landgemeinden von Dori[85].

576 nahmen die Türken im Verband mit den Utiguren Bosporos ein[86] und 581 bedrohten Cherson[87]. Unter dem Einfluss dieser Ereignisse liess Justinian II. in den letzten Jahren seiner Regierung eine Mauer und einen Turm in Cherson bauen[88]. Ende des 6.Jh. wurden die Basilika, 1935 ausgegraben, die, von Uwarow ausgegraben u.a. errichtet (Abb. 31). Beim Kaiser Maurikius stellte der *dux* von Cherson 590 in Bospor die Macht des Byzantinischen Reiches wiederher[89].

Archäologische Materialien von der Bergkrim weisen die Errichtung von Befestigungen auf dem Plateau Mangup (Abb. 46; 48) und Eski-Kermen (Abb. 45; 58)[90], Tschufut-Kale[91], Bakla (Abb. 33,*26*) bei den obengenannten Kaisern nach. Aus der Chronik (Breviarium) des Patriarchen Nikephoros ist es zu verstehen, dass die Archonten dort ihren Sitz hatten[92]. Auf dem Plateau Bakla und Eski-Kermen wurden Dutzende von Korngruben in den Fels gehauen. Offensichtlich wurden die Befestigungen zu Beginn des 8.Jh. zu den administrativen und wirtschaftlichen Zentren der Gebiete, die höchswahrscheinlich dem

---

[76] Vasiliev, 1936, p. 91-92. Čičurov, 1980, S. 31,32,124,155,163.
[77] Repnikov, 1932, S. 134. Vasiliev, 1936, p. 80.
[78] Tichanova, 1953, S. 320-325. Jakobson, 1964, S. 11. Gercen, 1990, S. 135-137.
[79] Gercen, 1990, S. 114.
[80] Procopius, De Aedificiis, III, 7,13. Obolensky, 1964, p. 57.
[81] Procopius, De Aedificiis, III, VII,14. Sidorenko, 1991, S. 111.
[82] Firsov, 1979, S. 109.
[83] Jakobson, 1954, S. 111, 120; Abb. 48,2-4; 50.
[84] Dombrovskij, 1974, S. 15,16.
[85] Ambroz, 1995, S. 59.
[86] Kulakovskij, 1896. S. 12-14.
[87] Blokcley, 1985, fr. 19,1, p. 171, 173, 179.
[88] Solomonik, 1986, S. 213, 214.
[89] Latyšev, 1894, S. 66 2-672.
[90] Ajbabin, 1991, S. 45.
[91] Gercen, Mogaričev, 1992, S. 191.
[92] Čičurov, 1980, S. 165.

Cherson unterstanden. Bysanz benutzte die Befestigungen auch zum Halten der Verbrannten. In Collectanea von Anastasius Bibliatheker geht es um die Verbannung von Euprepius (gestorben 667) und Theodor (gestorben 667) nach Cherson und dann weiter in die daneben liedenden Befestigungen der benachbarten Stämme[93].

Die Nekropolen der Befestigungen unterscheiden sich mit der Konstruktion der Grabschächte und der Bestattungssitte von den anderen, in der Region bekannten, alanischen und gotischen Gräberfeldern nicht. Höchstwahrscheinlich wurden die Garnisonen der Befestigungen auf dem Mangup und Bakla aus den Alanen und krimischen Goten angewerbt, die diese Plateaus besiedelten. Die Garnisonen der Befestigungen auf den Plateaus Eski-Kermen und Tschufut-Kale (Abb. 33,*43*) bestanden aus den Alanen und den Goten von den in der Nähe liegenden Gegenden.

Auf den Gräberfeldern des Landes Dori des späten 6.Jh. wurden viele für die byzantinischen Verbündeten typische Kriegergürtelgarnituren mit den Riemenbeschlägen in Wappenschildform, aus Silber oder Bronze gegossen sowie aus einem dünnen Blech gepresst, in den Männerbestattungen gefunden (Abb. 44; 59,*1-20*). Die Krieger wurden mit zweischneidigen Dolchen, engen ein- und zweischneidigen Pallaschen und Säbeln mit einschneidiger, leicht gewölbter Klinge bewaffnet. In Skalistoe wurden Beinplatten der Reflex- bzw. Kompositbogen und rautenförmige dreiflügelige und dreieckige glatte Pfeilspitzen zutage gefördert. Auf der Nekropole Tschufut-Kale lagen im Kammergrab des 7.Jh. Teile eines Ringpanzers und Eisenplatten von einem Helm. Auf allen Gräberfeldern wurden Fragmente der Pferdetrensen aus Eisen gefunden.

Die Krieger lebten in den Befestigungen mit ihren Familien zusammen. Sie stellten nach ihren Bedürfnissen handgeformte Keramik her, zogen Gläser, trieben Viehzucht und Gemüseanbau. Wahrscheinlich nahmen die Alanen und die Goten seit dem 7.Jh. von den Byzantinern Wienbau über. Die Bewohner der Siedlungen begannen auch Wein zu produzieren. Die bei den Ausgrabungen der Befestigungen entdeckten byzantinischen Amphoren, Schalen Terra sigillata und Glasgefässe der 2. Hälfte des 6.Jh. und des 7.Jh. wurden aus Cherson geführt.

Das Reich strebte die Positionen der Kirche auf der Südwestlichen Krim abzusichern. Offensichtlich wurde der Bau von Basiliken mit seiner Unterstützung dort begonnen. Eine grosse dreischiffige Basilik ist in der Schlucht Karales am Mangup freigelegt. Im 6.Jh. wurden Kirchen auch von ländlichen Gemeinden gebaut. Eine kleine Kirche mit einer Apsis des 6.Jh. bis zum 8.Jh. ist auf der Siedlung unweit der Befestigung Gursubity ausgegraben. Ende des 6.Jh. bis zum 8.Jh. bauten die Byzantiner in allen obengenannten Befestigungen grosse Basiliken. Der Meinung von A.L. Jakobson nach wurden die Bauten auf der Südwestlichen Krim von einheimischen Maurergenossenschaften errichtet. Schon seit der Mitte des 6.Jh. wurde die christliche Symbolik populär. Verbreitet waren Schnallen (Abb. 43,*1* ; 58) und Fingerringe mit christlichem Dekor und Monogrammen, Kreuzer, Amuletten. Im Bestattungsbrauch erschienen auch einige Veränderungen. Seit dem 6.Jh. in Bosporos und seit dem 7.Jh. auf der Südwestlichen Krim bestattete man nicht nur in den Kammergräbern, sondern auch in den für byzantinische Christen typischen Plattengräbern. Seit der 2. Hälfte des 7.Jh. wurden auf den Gräberfeldern auf der Bergkrim christliche Grabsteine gestellt. Der Bestattungsbrauch unterschied sich jedoch immer noch wenig vom der früheren Zeit[94]. Der Papst Martin I., 655 nach Cherson verbannt, nannte sogar die Bewohner der an die Stadt angrenzenden Region als Heiden.

Eine gewisse Vorstellung über das Aussehen des alanischen Kriegers gibt uns das runde gegossene Blechschild aus Bronze, das bei einer Bestattung von Lutschistoe der 2. Hälfte des 7.Jh. gefunden wurde. Im inneren Feld des Ringes wurde die Figur eines Mannes mit den in den Ellen gebogenen, seitwärts gehobenen Ärmen und den in den Knien gebeugten, weit voneinander gestellten Beinen dargestellt. An seinem leicht schlitzäugigen Gesicht sind auch Braunen, breite platte Nase, Mund und Kinn zu sehen. Seine Tracht besteht aus einem Hemd oder einer Jacke und Hosen, die in die Stiefeln hineingesteckt sind. An der

[93] Vasiliev, 1936, p 78.
[94] Ajbabin, 1990, S 69.

Jacke wurden die Linien durchgekratzt,die einen Schulterrienem bezeichnen. Auf den Kopf ist eine Mütze gesetzt, die dem Dreispitz ähnlich ist. Ihre gekrümmerten Seitenspitzen wurden mit eingelegten Schläfengehängen verziert (Abb. 59,*21*).

Die byzantinische Politik stimulierte die Aktivierung des Assimilierungsprozesses auf der Bergkrim. Im 6.Jh./7.Jh. wurden die Bestattungssitte und die Tracht (Abb. 65-67) der Alanen und der Goten vereinheitlicht. Germanische Schläfengehänge (Abb. 40,*4*; 41,*3*; 43,*5*), die damals Mode waren, Blech- (Abb. 40,*6*; 61,*1*) und Bügelfibeln (Abb. 43,*3*; 63,*2-3*) und breite Gürtel mit Adlerschnallen (Abb. 40,*7*; 41,*9*; 42) trugen auch alanische Frauen. Als Trachtzubehör wurden verschiedene kleine byzantinische Schnallen und Schmuckstücke, grosse Schnallen mit gepressten Kreuzen (Abb. 43,*2*; 53,*2*), Löwen (Abb. 53,*4*) oder Tigern auf den Beschlägen weit benutzt.

Gegen 630 vereinigten Organa und Kuvrat die die Steppenzone des Nördlichen Schwarmeergebiets besiedelnden Nomaden in das Grosse Bulgarien. Nach dem Kuvrats Tode zwischen 642 und 668 zerfiel das Grosse Bulgarien mit den Mühen sener Söhne in fünf Stämme. Einer der Söhne Batbajan erbte mit seinem Stamm die Weiden an der östlichen Küste des Asowschen Meers. Bald wurden die Bulgaren unter Batbajan von den Chasaren erobert, die aus Bersilien einstürzten[95]. Es wurde entweder im nördlichen Dagestan[96], oder an der ganzen nordwestlichen Küste des Kaspischen Meers[97] lokalisiert.

Östliche Quellen zeugen von der turkvölklichen ethnischen Zugehörigkeit der Chasaren[98]. Ihr Ethnonym ist mit dem blauen Turkvolksstamm ko-sa verbunden[99]. Seit den 30ger Jahren des 7.Jh. wurde der chasarische Herrscher als Kagan genannt[100]. Auf den chasarischen Wanderruten an der Küste des Kaspischen Meers, am Unterlauf der Wolga oder des Don wurden nicht grosse Gräberfelder mit Hügelgräbern oder einzelne Hügelgräber des 7.Jh. bis zum 9.Jh. mit der turkvölklichen Bestattungssitte freigelegt. In ihrer Mitte befanden sich gegrabene Gräber mit Nischen in der Seitenwand. In der Eingagnsgrube wurden Pferde mit Pferdegeschirr beibegrabt und in der Nische Männer mit Waffen oder Frauen mit Schmuckstücken, mit dem Kopf nach Nordosten orientiert, bestattet[101].

In den 660ger Jahren hatten sie einfache Nomadenwirtschaft und wanderten das ganze Jahr durch die Steppe. Sie strebten neue Weiden zu besetzen, deswegen drangen sie gegen die bulgarischen in den Steppen im Asowschen sowie Schwarzmeergebiet ein[102]. Im letzten Viertel des 7.Jh. entstehen die den obenbeschriebenen ähnlichen Hügelgräber mit chasarischen Bestattungen am Unterlauf des Dnepr und des Bug, auf der Steppenkrim (in Siwaschowka, Tschernomorskoe, Portowoe (Abb. 74,*4*; 75), Nataschino, Nowopokrowka (Abb. 74,*5*; 76))[103]. Das dabei gefundene Grabinventar charakterisiert die soziale Lage der Verstorbenen. In den Gräbern von gemeinen Soldaten wurden einfache Gürtelgarnituren aus Bronze gefunden. Reiche Krieger wurden mit Waffen, goldenen und silbernen Gürtelgarnituren, aufgezämten Pferden und Gefässen aus grauem Ton (Portowoe, Sivaschowka)[104] und Frauen mit massiven, goldenen, mit buntem Glas eingelegten Schläfengehängen (Novopokrowka) bestattet. Die Chasaren wählten die Region am unteren Don für die Bestattung der Kaganen aus. In Pereschtschepina (Abb. 74,*23*) wurde die Bestattung eines Kagans und in Kelegei (Abb. 74,*17*), Jassinowo (Abb. 74,*20*; 77), Nowye Senshary (Abb. 74,*22*) die Gräber von Feldherren freigelegt. In Gladossy (Abb. 74,*21*) und Wosnesensk (Abb. 74,*30*)

---

[95] Ćićurov, 1980, S 60,61,110-116,161,162.
[96] Artamonov, 1962, S. 130.
[97] Fedorov, Fedorov, 1970, S. 84.
[98] Artamonov, 1962, S. 170-172. Novoselcev, 1990, S. 76-81
[99] Golden, 1980, p. 50-53, 58.
[100] Novoselcev, 1990, S 89.
[101] Pletneva, 1990, S 82
[102] Pletneva, 1982, S 27
[103] Ajbabin, 1985, S 191-202. Pleneva, 1990. S. 49,86.
[104] Ajbabin, 1985, S 202.

wurden Gedenkkirchen ausgegraben, die den zum Andenken an turkvölkliche Kaganen in der Mongolei und in Tuwa im späten 7.Jh./in der 1. Hälfte des 8.Jh. errichteten gleich sind[105].

Der Krieg gegen die Bulgaren endete mit dem chasarischen Einfall in die byzantinischen Städte an den beiden Küsten der Bosporanischen Meerenge. Bei den archäologischen Ausgrabungen im Hafenteil des Bosporos stellte es sich heraus, dass die Zerstörungen dort ins letzte Viertel des 7.Jh. zu datieren sind. In derselben Zeit fielen einige nah liegende kleine Städte. Die Nachrichten von Theophanos und Nikephoros über die Ereignisse, die mit der Verbannung von Justinian II. 695 nach Cherson verbunden sind, gestatten über die Eroberung fast ganzer Krimischen Halbinsel zu sprechen. 704 flüchtete der verbannte Kaiser aus Cherson in die gotische Befestigung Doros (Mangup), wo er nicht nur ausser der Reichweite der byzantinischen Verwaltung war, sondern auch bekam eine Möglichkeit sich mit dem chasarischen Kagan in Verbindung zu setzen. Der Kagan erlaubte Justinian II. in Fanagoria zu wohnen und verheiratete mit ihm seine Tochter. In Beantwortung der Bitten des byzantinischen Keisers befahl der Kagan seinem Statthalter in Fanagoria und dem Archonten von Bosporos Justinian II. zu töten. Der letzte rettete sich durch die Flucht und gewann sich die Macht in Konstantinopol zurück. In einer Urkunde, die sich jetzt in Cambridge befindet, ist der Statthalter des Kagans in Bosporos "ha-pakid" erwähnt. Auf Hebräischen bedeutet dieses Wort "Truppenführer, Standortälteste"[106]. Im Hafenteil der Stadt wurden Mauern der Zitadelle ausgegraben, die von den Chasaren errichtet wurde. Sie nahmen sogar für eine kurze Zeitlang Cherson in ihren Besitz. 711 nahm die von Justinian II. in die Stadt geschickte Strafexpedition den chasarischen Tudun (auf solche Weise wurden dem Kagan nahen Verwaltugshäupter genannt) dort gefangen.

Im letzten Viertel des 7.Jh. beginnt die Wanderung der Bulgaren unter Batbajan unter dem Druck der Chasaren auf die Östliche und Zentrale Krim. In Bosporos siedeln sie neben der chasarischen Zitadelle im Hafenteil der Stadt. Hier werden fünfwändige Häuser mit den umgebenen Höfen unregelmässig oberhalb der Trümmer der byzantinischen Periode gebaut. Die Häusermauern werden auf dem steinernen Sockel mit der sogenannten Tannenaufführung hochgezogen (Abb. 78,*1*). Als Mörtel wird Lehm benutzt. Diese Weise der Aufführung haben die Bulgaren im Östlichen Kaukasusvorland gelernt. In den Höfen befanden sich wirtschaftliche Baufen und Feuerstellen. Bemerkenswert ist die Erhaltung der alanischen und griechischen christlichen Einwohnerschaft in den anderen Stadtbezierken.

Seit dem späten 7.Jh. gingen die Bulgaren, die ohne Steppenweiden blieben, zur hirtenagrarischen Wirtschaft über. Sie verteilten die von den Alanen und Goten nicht besiedelten Länder unter den Sippen, Aily-Koschy. Auf der Kertscher Halbinsel und im Berdvorland entstanden die Sidlungen mit den jurtenartigen, in die Erde vertieften Wohnhäusern sowie der für die Bulgaren typischen, scheibengedrehten und handgeformten Keramik: Geroevka (Abb. 78,*79*), Ptaschkino (Abb. 78,*76*), Tau-Kiptschak (Abb. 78,*64* ; 80).

Wahrscheinlich siedelten die Sugden auch unter dem Andrang der Chasaren auf die Südöstliche Krim über. So nannten die Byzantiner die Adygen vom Mündungsgebiet des Flusses Kuban. Sie gründeten an der Küste des Schwarzmeers die handelshandwerkliche Siedlung Sugdeja (Abb. 78,*62*)[107]. In schriftlichen Quellen wurde Sudak zum ersten Mal in Kosmographie von *Ravennatis anonymi* des späten 7.Jh. erwähnt, wo es als Sugdeja "Sugdabon" bezeichnet wurde[108]. Die früheste von den in Sudak gefundenen Siegel stammt aus dem Jahre 696/697 und gehört dem Apoipat und Hauptlagothet Konstantinopols Kiriak[109]. Beim Patriarchen German (regierte zwischen 715 und 730) wudre in der Stadt eine neue Eparchie, die zur Eparchie Zichia gehörte, gebildet. Der Meinung von M.-F. Osepi nach kam der Bischof Stephanos 766 in Sugdeja aus Kappadokien an, der nach der Heiligsprechung Stephanos von Surosh genannt wurde. Zwischen 766 und 787 wurde ihm die Würde des Bischofs verliehen.

---

[105] Ambroz, 1981, S. 19,20
[106] Golb, Pritsak, 1982, p. 116-117.
[107] Gadlo, 1991, S. 100.
[108] Ravennatis anonymi, 1860, p. 175.
[109] Šandrovskaja, 1995, S. 120-121.

Siet der Mitte des 8.Jh. nach der Zerschmetterung, die die Araben im Territorium des chasarischen Kaganats in den Steppen Dagestans vollführten, zogen neue bulgarische Stämme auf die von Chasaren kontrollierte Krim umher. Auf der Östlichen und Zentralen Krim entstanden Dutzende von neuen Siedlungen mit Häusern, die mit der sogenannten Tannenaufführung hochgezogen wurden: Ilurat (Abb. 78,*80*), Tepsen (Abb. 78,*72*), Kordon-Oba (Abb. 78,*69*; 83) u.a. Neben den Siedlungen wurden die Nekropolen mit den für die Bulgaren typischen Bestattungen in den Gruben mit Holzsargen freigelegt. Auf der Krim beginnt ein intensives wirtschaftliches Wachstum. Die Bulgaren beherrschen den Ackerbau, der zur Grundlage ihrer Wirtschaft wird[110]. Auch entwickeln sich Juwelier- und Schmiedehandwerk, Spinnen, Weberei, Keramik- und Glasproduktion. Neben Sugdeja wurde die Siedlung auf dem Hügel Tepsen zu einem bedeutenden Handwerkszentrum. Es wächst der Handel mit dem Territorium von Krimischer Gothia. Dort wurden grosse Werkstätten mit einigen Brennöfen zur Produzierung von Amphoren und Krügen gegründet. Ihre Erzeugnisse wurden in allen bulgarischen Siedlungen gefunden[111].

Nach diesem Zwischenfall mit Justinian II. ergab sich Byzanz in den Verlust fast aller seiner Besitzungen auf der Krim und unterhielt die freundlichen Beziehungen mit Chasarien. Der Kaiser Leon III. (717-741) schickte 732/733 eine Gesandtschaft an den Kagan und verheiratete seinen Sohn, zukunftigen Kaiser Konstantin V. (741-775), mit dessen Tochter[112]. Die alanische und gotische Bevölkerung der Südwestlichen Krim verminderte sich bei den Chasaren nicht. Fundbelege von den dort untersuchten Bestattungen des 8.Jh./9.Jh. zeigen, dass die früher entstandenen Nekropolen (Abb. 78), darunter mit den von den Chasaren eingenommenen Befstigungen verbunden, weiter funktionierten. Damals trugen die Alanen und die Goten neben den byzantinischen die im Territorium des chasarischen Kaganats beliebten Schmuckstücke und Details der Gürtelgarnituren vom uralischen und saltovischen Typ[113].

Die Geschichte der Gründung der Eparchie von Gothia wird im Heiligenleben von Johannes von Gothia dargestellt, das zwischen 815 und 842 geschaffen wurde. Es handelt sich um die Teinahme eines nicht genannten Bischofs von Gothia am ikonoklastischen Konzil von 753/754, der die Entscheidung über die Aufhebung der Bilderverehrung unterzeichnete und dem die Würde von Metropoliten von Herakleia von Thrakien verliehen wurde[114]. Wahrscheinlich wurde die Eparchie von Gothia in der 1. Hälfte des 8.Jh. gegründet. Sie wurde in die *Notitia episcopatuum* von 787 eingetragen[115]. Zur Eparchie gehörten der Sitz des Metropoliten in Doros (Mangup) und die Eparchien, die für die Verbreitung des Christentums in anderen Regionen von Chasarien gegründet wurden, darunter die Eparchie ὁ Χοτζήρων von Hoziren mit der Kanzel auf der Östlichen Krim in Fully[116]. V.V. Kropotkin lokalisierte Fully auf dem Plateau Tepsen[117]. Dort wurde eine der grössten auf der Halbinsel Basiliken ausgegraben. Sie wurde im 3. Viertel des 8.Jh. errichtet[118]. In derselben Zeit wurden nicht grosse Kirchen in anderen bulgarischen Siedlungen gebaut[119].

786 entstand eine Konfrontation zwischen dem Bischof, dem Herrn von Gothia und der chasarischen Verwaltung. Nach dem Text des Heiligenlebens von Johannes von Gothia zu schliessen brachten die Chasaren daraufhin eine Garnison in Doros unter. Die Bewohner von Gothia erhoben sich unter Johannes und vertrieben die Chasaren[120]. Bei der Niederschlagung des Aufstandes wurde Johannes gefangengenommen und ins chasarische Gefängnis nach Fully geschickt. Nach dem Sieg errichten die

---

110 Jakobson, 1970. Baranov, 1990, S. 69-75.
111 Jakobson, 1979.
112 Čičurov, 1980, S. 68, 166, 183.
113 Ajbabin, 1993a, S. 130, Abb. 1.
114 Vasilevskij, 1912, S. 396, 406. Ševcenko, 1977, p. 115.
115 Darrouzes, 1981, p. 241, 242.
116 Vernadsky, 1941, p. 6.
117 Kropotkin, 1958, S. 212-218.
118 Kropotkin, 1958, S. 213, Abb. 6.
119 Gadlo, 1980, S. 137-140, Abb. 4. Baranov, 1990, S. 133-135, Abb. 52.
120 Vasiliev, 1936, p. 91-92.

Chasaren ihre Befestigungen auf dem Plateau Kys-Kermen und Mangup[121]. Darin wurden die aus den Bulgaren bestehenden Besatzungen angeordnet. Zu derselben Zeit erlaubten sie den Bulgaren an der Südküste der Krim und in der Gebirgszone zu siedeln. Für Jahrenzehnte hörten die Eparchien von Fully und Sugdeja ihre Tätigkeit auf. Sie werden wieder nur in den Notitien zwischen 901 und 907 erwähnt[122]. In den zu diesen Eparchien gehörenden bulgarischen Pfarreien wurden die Kirchen abgetragen und die Kirche in der Siedlung von Ptaschkino blieb nicht fertig gebaut[123]. Nach der Niederschlagung des Aufstandes folgte kein voller Verbot auf die Tätigkeit der Patriarchie von Konstantinopol auf der chasarischen Krim. In einer *Notitia* der Zeit von Nikephoros (806-815) wurden Cherson und die nördlichen Klimaten, d.h. die Nördliche Krim, unter den anderen, zu der Patriarchie gehörenden Gebieten erwähnt[124].

Der Text des Heiligenlebens von Johannes von Gothia charakrterisiert das Verwaltungssystem, das im 8.Jh. in Gothia gebildet wurde. Das Gebiet regierten τῷ κυρῷ Γοτθίας καὶ τοῖς ἄρχουσι αὐτοῦ der Herr von Gothia und die Archonten (Herrscher). Höchstwahrscheinlich geht es im Heiligenleben um die Archonten der Gebieten - der Befestigungen und der daran angrenzenden Regionen, über die Nikephoros schreibt[125]. Offensichtlich, als Gothia unter chasarischem Protektorat stand, regierten sie dort durch einen κύριος. Den letzten wählten entweder die Archonten, oder der Kagan setzte einen von ihnen ein.

Laut des Textes eines Briefes, der vom Patriarchen Photii dem Erzbischof von Bosporos gegen 873 geschrieben wurde, existierte eine jüdische Gemeinde in der Stadt bei den Chasaren[126]. Man muss wahrscheinlich einige in Kertsch, Partenit und Aluschta gefundenen Grabsteine mit Menora in diese Periode datieren.

839 verbesserten sich die Beziehungen zwischen beiden Staaten. Der Fortsetzer von Theophanes berichtet über die Ankunft der chasarischen Gesandtschaft mit Bitte um den Bau einer Befestigung für ihren Schutz gegen die Barbaren, die chasarische Länder bedrohten, wo die Wolga und der Don am nächsten einander flossen[127]. Die Gesandtschaft kam in Konstantinopol in einem Jahr nach der Wahl von Johannes Grammatikos zum Patriarchen (838) an[128]. Im Auftrag des Kaisers Theophilos (829-842) begab sich eine Expedition mit dem Spatharokandidaten Petrona Kamatir an der Spitze dorthin über Cherson. Unter ihm errichteten die Byzantiner dort im Winter 840/841 für die Chasaren die Befestigung Sarkel.

Petrona bot Theophilos das Thema in Cherson zu bilden. Der Kaiser setzte ihn als Strategen des neuen Themas 841 ein[129]. Nach dem Taktikon Uspenskij hatten seine Strategen den Grad von Spatharien[130]. Auf den Siegeln wurde das Thema zuerst einige Jahre als das von (fünf) Klimaten genannt, dann wurde der Namen Cherson τῶν Κλ(ιμάτων) (καὶ) Χερσ(ῶνος) hinzufügt[131]. Auf solche Weise nennen die byzantinischen Historiker Theophanes[132] und Konstantin Porphyrogenetos[133] die an Cherson angrenzende Gebirgszone. Dazu gehörten die mit der Stadt benachbarten Befestigungen, die die Chasaren verliessen[134]. Wahrscheinlich bekam Byzanz diese Befestigungen wieder in seine Besitzung nach dem Abschliessen des Vertrages über den strategischen Verband mit den Chasaren. Die anderen Teile der Halbinsel blieben unter chasarischer Kontrolle. Seit der Mitte des 9.Jh. wurden Kurtinen und Türme von

---

121 Gercen, Magaričev, 1992, S. 190, 191.
122 Gelzer, 1900, S. 551.
123 Gadlo, 1980, S. 137-140.
124 Vasiliev, 1936, p. 135.
125 Nikephoros patriarch of Constantinopole, 45, 34.
126 Photii Patriarchae Constantinopolitani, vol. 1, S. 132 Zuckerman, 1998, S. 676.
127 Theophanes Continuatus, p. 122-123
128 Treadgold, 1988. p. 313 Zuckerman, 1997, p 211
129 Konstantin Porphyrogenetos, 1989, S 171-173. Zuckerman, 1997, p 214
130 Oikonomidès, 1972, p 48,49
131 Sokolova, 1983, S. 74,75,149,150, Nr 14 Nesbitt, Oikonomides, 1991, p 182. Zuckerman, 1997, p. 220.
132 Ćicurov, 1980, S. 60,63,64,106.
133 Konstantin Porphyrogenetos, 1989, S. 36,37,52,53,156,157,170,171,174,175,283.
134 Ajbabin, 1991, S. 48.

Cherson erneuert, die von den Heeren unter Justinian II. ruiniert worden waren[135]. Es ist möglich, dass der Umbau der Zitadelle von Bakla und der Festungsmauern in Mangup und der Bau einer neuen Befestigung im Becken des Flusses Belbek auf dem Plateau Sjujren beim Dorf Maloe Sadowoe mit der Gründung des Themas verbunden sind.

Der Verband zwischen Byzanz und den Chasaren und die von den beiden Staaten getroffenen Massnahmen für die Verstärkung ihrer Verteidigungsfähigkeit waren gegen die Ungarn gerichtet, die in den 830ger Jahren ins Nördliche Schwarzmeergebiet eindrangen[136]. Die Ungarn räubten auf den Strassen in Gothia. Die neue Situation auf der Halbinsel wurde im Heiligenleben von Konstantin-Kyrillos Philosophen widerspiegelt. Er stand 860/861 der Gesandtschaft an der Spitze, die aus der Hauptstadt des Reiches über Cherson an den chasarischen Kagan geschickt wurde. Nach der Ankunft in die Stadt erfuhr er über den chasarischen Einfall in eine christliche Stadt und begann die Verhandlungen mit einem der Heerführer der Chasaren, die die Stadt belagerten. Kaum hätten die Byzanz freundschaftlichen Chasaren gegen sein Thema angegriffen. Bei der Rückkehr fielen die Ungarn Konstantin über[137].

Wie N. Seibt und W. Seibt feststellen, wurden Ipat Soil, Spatharien Thoka und Konstantin auf der Vorderseite der zu der ersten Serie gehörenden Siegel mit Monogramm in Form eines Kreuzes als Strategen von Cherson genannt. Sie führten das Thema seit der Mitte des 8.Jh. Die Siegel des anderen Strategen von Cherson, Nikephoros, wurden in die Zeit zwischen 860 und 880 datiert. Auf einer Siegel wurde der Rang von Nikephoros als Spatharokandidaten von Cherson, auf der zweiten als Protospatharius angegeben[138]. Nach Philothee mussten die Strategen des Themas von Cherson den Grad von Protospatharien bekommen[139]. Die erwähnten Siegel zeugen von der Umbenennung des Themas von Klimaten gegen 850 ins Thema von Cherson. Die Reorganisation des Themas wurde wegen des Unvermögen des Reiches, das Territorium aussen Cherson effektiv zu kontrollieren durchgeführt[140].

Nach einer Sage erfuhr Konstantin-Kyrillos Philosoph darüber, dass die Bewohner von Fully heidnische Bräuche verrichten, begab sich nach Fully auf die Östliche Krim und überzeugte die einheimischen Einwohner das Christentum anzunehmen. Mit dieser Nachricht stehen die Ergebnisse der archäologischen Untersuchungen auf dem Plateau Tepsen und in anderen bulgarischen Siedlungen im Einklang. Dort wurden die Kirchen ausgegraben, die mit der für die Bulgaren typischen sogenannten Tannenaufführung hochgezogen wurden. Bemerkenswert ist, dass viele Kirchen in der 2. Hälfte des 9.Jh. auf den Fundamenten der byzantinischen Kirchen gebaut wurden, die nach dem Aufstand von Johannes von Gothia ruiniert worden waren[141]. Auf den bulgarischen Nekropolen begann man in den Plattengräbern zu bestatten.

Während die Bulgaren der Östlichen Krim wieder Christen wurden, nahmen die Chasaren 861 das Judentum an[142]. Offensichtlich vertrieben die Ungarn nach einer Zeitlang die Chasaren von der Östlichen Krim. Dabei vernichteten sie die Zitadelle von Bosporos. Nach der Beobachtung von T.I. Makarova wurde die chasarische Stadtfeste von einem grossen Brand im 3. Viertel des 9.Jh. zerstört[143]. Auf das Datum der Vertreibung der Chasaren aus der Stadt weist der obenerwähnte Brief des Patriarchen Photius hin. Darin wurde die Unterstützung des Strebens des letzten alle Juden von Bosporos zu taufen geäussert[144]. In der Stadt, die den Chasaren gehörte, hätte niemand an eine solche Aktion gedacht. Im letzten Viertel des 9.Jh. gehörte die Stadt schon Byzanz. Zu Ende des 9.Jh. wurden die Reste der chasarischen Zitadelle in ihrem Hafenteil abgebrochen und das ganze Viertel umgebaut. Hier wurden fünf für byzantinische Städte typische

---

135 Antonova, 1996 S 114
136 Ahrweiler, 1971, p 48 Zuckerman, 1997a, p 51, 52
137 Kliment von Ochrid, 1973, S. 126, 127, 158.
138 Seibt, Seibt, 1995, S 91,92.
139 Oikonomidès, 1972, p. 105,139.
140 Zuckerman, 1997, p. 217,221,222.
141 Baranov, 1990, S 133-139, Abb. 52,53.
142 Zuckerman, 1995, p. 250. Gadlo, 1968, S. 64.
143 Makarova, 1982, S 99.
144 Photii Patriarchae, 1983, S. 132. Zuckerman, 1998, S. 676.

Häuser und zwei Strassen mit dem zweischichtigen Pflaster freigelegt. Aufgrund der stratigraphischen Untersuchungen wurde der Bau der grossen Kirche von Johannes Prodromos datiert[145]. Ibn-Ruste, die Ereignisse bis 889 in einem gegen 912 geschaffenen Werk beschreibend[146], schildert: die Ungarn kämpften gegen die Slawen und nahmen sie gefangen, führten diese Gefangenen durch die Küste des Meeres an einen der Hafen des Byzantinischen Landes, der Karh (Kertsch) hiess... Sobald die Ungarn mit ihren Gefangenen bis Karh kamen, traten ihnen die Griechen entgegen. Die Ungarn trieben mit ihnen Handel, gaben ihnen ihre Gefangenen und bekamen für sie griechischen Brokat, bunte wollene Stöfe und andere griechische Waren[147].

Schriftliche Quellen weisen den letzten chasarischen Einfall in die byzantinische Besitzungen auf der Krim zwischen 920 und 943 nach[148].

889 verdrängten die Petschenegen die Ungarn aus den Steppen des Nördlichen Schwarzmeergebiets[149]. Sie trieben einfaches Wanderhirtentum[150]. Damit störten die Petschenegen die Chasaren wieder zu den byzantinischen Besitzungen auf der Halbinsel vorzugehen.

Ende des 9.Jh./10.Jh. verzichtete die Bevölkerung von Klimaten auf alte heidnische Bräuche. Dort wurden fast alle Gräberfelder mit Kammergräbern und Gräbern mit der heidnischen Bestattungssitte verlassen. Neben vielen davon wurden Kirchen gebaut, um die herum die Nekropolen mit Bestattungen in den Gräbern aus den Steinplatten und in den mit Stein errichteten Grabmälern entstanden. Aus wenigen Epitaphien von der Bergkrim ist zu verstehen[151], dass die Einwohnerschaft von Klimaten griechisch sprach und einige von ihnen griechische Namen hatten. Höhstwahrscheinlich ist der Jahrhunderte dauernde Assimilierungsvorgang der Bildung der bergkrimischen Völkerschaft zum späten 10.Jh. geendet. Sie nahm in sich alanische, gotische und byzantinische Komponenten auf, die durch das Christentum und die byzantinische Kultur vereinigt wurden [152].

(Übersetzung von D. Schalyga)

[145] Makarova, 1982, S. 99,100,103.
[146] Minorskij, 1963, S. 217-219, Anm. IV, S. 219-221. Gadlo, 1979, S. 171.
[147] Chvolson, 1869, S. 27.
[148] Mosin, 1931, p.323.
[149] Artamonov, 1962, S. 340,350.
[150] Pletneva, 1982, S. 24.
[151] Solomonik, 1986, S. 215-217. Solomonik, 1991, S. 172-178.
[152] Ajbabin, 1993a, S. 130.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХРОНОЛОГИЯ ИНВЕНТАРЯ МОГИЛЬНИКОВ КРЫМА 240-900 гг.

В основу предложенной в данной книге концепции положены археологические материалы. Для превращения последних в полноценный исторический источник важно правильно определить время функционирования памятников и датировать обнаруженные на их территории находки. Хронология крымских могильников второй половины III - IX вв. уже разработана[1]. В процессе этой работы выяснилось, что для хронологизации особенно важны металлические детали мужской и женской одежды, конской сбруи, привозная и местная гончарная красноглиняная керамика и стеклянные сосуды. Они классифицированы в трудах Х.Кюна, И.Вернера, Ф.Бирбрауэра, А.К.Амброза, Е.Келлера, М.П.Прёттеля, С.Уенце, Я.Тейрала, И.П.Засецкой, Ф.Вааге, Д.Хейса, Х.Робинсона, Д.А.Рили, И.Б.Зеест, Д.Б.Шелова, А.Л.Якобсона, Н.П.Сорокиной, С.А.Плетневой и других, а также в моих публикациях. В данной книге использована ставшая общепринятой номенклатура перечисленных категорий находок, созданная названными авторами.

У названных вещей и у некоторых типов керамических и стеклянных сосудов через относительно короткий период варьировали форма, размеры и декор. Такие изделия можно считать хронологическими индикаторами и использовать для обоснования датировки памятника, с которого они происходят. Значение тех или иных типологических различий внутри каждой категории вещей позволил оценить анализ их взаимовстречаемости в составе так называемых закрытых комплексов. Таковыми являются инвентарь погребального сооружения с одним или несколькими захоронениями (не более четырех), находки из одного слоя, с пола помещения, из единовременно засыпанных цистерн и хозяйственных ям, содержимое кладов. Изучение взаимовстречаемости однотипных находок дало возможность распределить их и закрытые комплексы, состоящие из скоррелированных вещей, на однородные группы. Относительная периодизация каждой группы определена по местоположению захоронений с комплексами в многослойных погребальных сооружениях, раскопанных в Керчи, Херсонесе и Лучистом. Абсолютная хронология групп установлена по самым поздним монетам и по датированным привозным аналогиям.

По описанной методике инвентарь захоронений второй половины III-VI вв. и VIII-IX вв. распределен на группы, датированные полувековым периодом. Выявленные таким образом хронологические индикаторы позволяют выяснить время функционирования многих некрополей, городищ и поселений[2].

В захоронениях первой группы находились подвязные пружинные фибулы варианта 12-4б* с широкой выпуклой спинкой (табл. 1,*2*)[3], одночленные с пластинчатыми

---

[1] Амброз, 1971, с. 100-122. Амброз, 1988. Амброз, 1992. Айбабин, 1990, с. 10-64. Айбабин, 1993. Айбабин, 1996.

[2] Айбабин, 1990, с. 59-72. Айбабин, 1993а.

* Все ссылки на типы фибул даны по А.К.Амброз, 1966.

[3] Амброз, 1966, с. 44. Бабенчиков, 1963, с. 108, табл. IX,1.

спинкой и приемником (табл. I,*3*)[4], проволочные вариантов 14-а (табл. I,*7*)[5], 15/I-3 (табл. I,*1*)[6], 15/I-5 (табл. I,*4*)[7], 15/II-1 (табл. I,*5*)[8], 15/II-2 (табл II,*1*)[9], 15/II-3 (табл. I,*9*)[10], 15/II-4 (табл. I,*8*)[11], двучленные вариантов 15/III-1 (табл. I,*6*; II,*4*)[12], 15/III-3 (табл. I,*10*)[13] и 16-2/I-1 (табл. I,*11*; II,*6*)[14], крупная пружинная фибула (табл. II,*2*), Т-образная шарнирная варианта 19/I-1 (табл. II,*5*)[15], римская шарнирная фибула с эмалью (табл. III,*3*)[16], шарнирная фибула с эмалью с ромбическим щитком (табл. III,*4*)[17], круглые броши с эмалью (табл. III,*2,5*)[18], брошь с эмалью геометрической формы (табл. III,*6*)[19], серебряная подвеска-лунница (табл. III,*12*)[20]. Там же лежали серебряный позолоченный щиток пряжки, украшенный зернью, гнездом со шлифованным сердоликом и тисненным рубчатым валиком (табл. II,*9*)[21], пряжки, отлитые из бронзы с изображением сарматских знаков (табл. III,*7*)[22], пряжки I варианта с овальной или сегментовидной рамкой с более массивной передней частью и коротким язычком (табл. III,*9*)[23], наконечники ремней, отлитые с сарматскими знаками (табл. III,*8*)[24], оковки из согнутых серебряных пластин (табл. II,*7,8*)[25], железные мечи с двулезвийным ромбовидным в сечении клинком (табл. II,*3*)[26], бляшки от ремней сбруи, обтянутые золотой фольгой с тисненным орнаментом и декорированные гнездами со шлифованными сердоликами или цветным стеклом (табл. IV,*3*; рис. 16,*3,4,6,8*)[27]. В том же стиле декорированы серьги[28], височные подвески (табл. IV,*2,4*) и браслеты (табл. IV,*1*)[29]. Многочисленны краснолаковые миски на кольцевидном поддоне с вертикальным бортиком с рельефным нижним краем и гладкой стенкой (табл. V,*6*)[30] или с ребристой стенкой (табл. V,*4*)[31], с высоким бортиком с нижним краем, нависшим над стенкой (табл. V,*3*)[32], с вертикаль-

---

[4] Айбабин, 1994а, рис. 28,4.
[5] Амброз, 1966, с. 47.
[6] Амброз, 1966, с. 49. Бабенчиков, 1963, с. 105, табл. IX,4.
[7] Амброз, 1966, с. 51, табл. IX,13.
[8] Амброз, 1966, с. 52. Бабенчиков, 1963, с. 106, табл. IX,5.
[9] Амброз, 1966, с. 52. Бабенчиков, 1963, с. 111, табл. IX,8.
[10] Амброз, 1966, с. 52.
[11] Амброз, 1966, с.52. Амброз, 1989, рис.2,28. Бабенчиков, 1963, с.99,107. Айбабин, 1994а, рис.28,3.
[12] Амброз, 1966, с. 52-53. Амброз, 1989, рис. 2,26.
[13] Амброз, 1966, с. 54. Rostovtzeff, 1923, p. 116-117 (погребение с золотой маской).
[14] Амброз, 1966, с. 62, табл. 11,6. Амброз, 1989, рис. 2,27. Айбабин, 1984, рис. 2,3,8. Айбабин, 1990, с. 18, рис. 2,1; 8,1. Айбабин, 1994/1995а, рис. 11,2.
[15] Амброз, 1966, с. 74. Бабенчиков, 1963, с. 103, табл. IX,7.
[16] Бабенчиков, 1963, с. 114, табл. IX,2.
[17] Бабенчиков, 1963, с. 106, рис. 11,2.
[18] Амброз, 1966, с. 32, табл. 14,26. Бабенчиков, 1963, с. 103, 111, рис. 9,1,2; 11,1.
[19] Бабенчиков, 1963, с. 109, табл. IX,6.
[20] Бабенчиков, 1963, с. 106, табл. XIV,7.
[21] Бабенчиков, 1963, с. 93, табл. VI,5.
[22] Бабенчиков, 1963, с. 103-104, табл. VII,11; XV,3.
[23] Айбабин, 1990, с. 27, рис. 2,3; 3,22.
[24] Бабенчиков, 1963, с. 99, табл. VII,10; XV,4.
[25] Айбабин, 1994/1995а, рис. 11,3,4,6.
[26] Веймарн, 1963, с. 30, рис. 8,6.
[27] Ашик, 1849, с. 72, рис. 209. Шкорпил, 1910, с. 33, рис. 13. Rostovtzeff, 1923, fig. 13,14.
[28] Гущина, 1974, рис. 4,4.
[29] Бабенчиков, 1963, с. 92,93,98, табл. II,13,14; VI,5; XII,1. Богданова, Гущина, 1967, с. 11. Айбабин, 1994/1995а, рис. 6,1,2.
[30] Бабенчиков, 1963, с. 108, табл. IV,19.
[31] Айбабин, 1994/1995а, рис. 19,2.
[32] Орлов, 1987, рис. 11,2.

ным профилированным бортиком (табл. V,*8*)[33], с вогнутым бортиком с рельефными верхним и нижним краями (табл. V,*2*)[34], с маленьким треугольным в сечении венчиком и ребристой стенкой (табл. VI,*1*)[35], подобная с закругленным венчиком (табл. V,*9*)[36], с наклоненным внутрь бортиком и закругленной стенкой I варианта (табл. VI,*2*)[37], плоскодонные миски с закругленным венчиком (табл. V,*7*)[38] и чашки с вертикальным профилированным бортиком (табл. VI,*3*)[39], чашки с наклоненным внутрь бортиком и сужающимся туловом на кольцевидном поддоне (табл. V,*1*)[40], одноручные кубки с отогнутым бортиком, биконическим туловом и кольцевидным поддоном (табл. VII,*3*)[41], кувшины на кольцевидном поддоне с ойнохоевидным горлом (табл. VI,*4*)[42], с высоким конусовидным горлом с горизонтально отогнутым венчиком, широкой профилированной ручкой и шаровидным туловом (табл. VI,*6*)[43], с подобным горлом и грушевидным туловом (табл. VII,*2*)[44], с нависшим венчиком, высоким конусовидным горлом и грушевидным туловом с рифленой поверхностью (табл. VIII,*2*)[45], с треугольным в сечении венчиком, узким конусовидным горлом и шаровидным туловом на высокой узкой подставке (табл. VIII,*4*)[46], лагинос с горизонтально отогнутым венчиком, конусовидным горлом и раздутым в средней части и сужающимся ко дну туловом (табл. VIII,*1*)[47], кувшины с горизонтально отогнутым венчиком, коротким широким горлом, с ленточной ручкой и грушевидным туловом (табл. VIII,*3*)[48], кувшины с профилированным венчиком, низким горлом и грушевидным туловом (табл. VI,*5*)[49], подобные, но с более широким горлом (табл. VI,*10*)[50], с нависшим венчиком, конусовидным горлом, двумя ручками и шаровидным туловом (табл. VII,*1*)[51], плоскодонный кувшин с отогнутым венчиком и сферическим туловом (табл. IX,*1*)[52]. Из погребений этой группы извлекли светлоглиняные амфоры типа Д (Зеест 93) (табл. X,*5*)[53], типа Зеест 90[54] с воронковидным венчиком, коническим горлом, невысоким сужающимся к стержневидной ножке туловом (табл. X,*2*)[55], красноглиняные типа Зеест 75 с маленьким венчиком и широким коническим горлом (табл. X,*4*)[56], с горизонтально отогнутым венчиком, коническим горлом и туловом, сужающимся к ножке (табл. X,*1*)[57], с

---

[33] Бабенчиков, 1963, с. 102, табл. IV,15.
[34] Бабенчиков, 1963, с. 93, 103, 106, табл. IV,4,12,13. Веймарн, 1963, с. 39, рис. 7,3.
[35] Айбабин, 1994/1995а, рис. 19,1.
[36] Орлов, 1987, рис. 11,1.
[37] Бабенчиков, 1963, с. 120, табл. IV,7. Айбабин, 1994/1995а, рис. 16,7; 17,2; 28,2.
[38] Бабенчиков, 1963, с. 95, табл. IV,6.
[39] Высотская, 1972, с. 128, рис. 35,97. Айбабин, 1994/1995а, рис. 13,16.
[40] Орлов, 1987, рис. 10,2.
[41] Айбабин, 1994/1995а, рис. 26,2.
[42] Бабенчиков, 1963, с. 114, табл. I,1. Корпусова, 1973, рис. 5,7.
[43] Бабенчиков, 1963, с. 114, табл. V,18.
[44] Бабенчиков, 1963, с. 110, табл. I,12.
[45] Бабенчиков, 1963, с. 106, табл. I,5.
[46] Бабенчиков, 1963, с. 111, табл. I,8.
[47] Бабенчиков, 1963, с. 107, табл. I,9.
[48] Бабенчиков, 1963, с. 112, табл. I,6.
[49] Зубарь, Сорочан, 1986, рис. 4,7,10. Орлов, 1987, рис. 10,1. Мыц, 1987, рис. 7,8.
[50] Бабенчиков, 1963, с. 94. Мыц, 1987, рис. 7,16.
[51] Бабенчиков, 1963, с. 106, табл. I,11.
[52] Бабенчиков, 1963, с. 109, табл. I,15.
[53] Мосберг, 1948, с.114-115, рис.4,1. Шелов, 1978, с.19, рис.7. Герцен, 1990, с.114. Зеест, 1961, с.118.
[54] Зеест, 1961, с. 117, рис. 90а,б.
[55] Бабенчиков, 1963, с. 120, табл. V,1; XVI,2.
[56] Зеест, 1961, с. 117, рис. 90а,б. Бабенчиков, 1963, с. 119, табл. V,2; XVI,1.
[57] Бабенчиков, 1963, с. 106.

треугольным в сечении венчиком, коническим горлом, вытянутым туловом с маленькой ножкой (табл. X,*3*)[58], сделанный на гончарном круге сероглиняный лощеный кувшин с цилиндрическим горлом с налепленными валиками и биконическим туловом (табл. IX,*2*)[59]. Многочислены лепные сосуды из темной глины: миски со стенками, наклоненными под острым углом (табл. VII,*6*)[60], миски с дуговидными налепами (табл. VII,*5*)[61], кувшины с низким отогнутым наружу горлом вариантов 1 — с ручкой, прикрепленной к его верхнему краю (табл. XI,*1*)[62], 2 — с ручкой, прикрепленной к основанию горла (табл. XI,*4*)[63], больших размеров с широким конусовидным горлом и шаровидным туловом (табл. XI,*5*)[64], с рюмкообразным горлом (табл. XI,*3*)[65], горшки с сосцевидными налепами (табл. VII,*4*)[66], с налепами в форме подковы (табл. XI,*2*)[67], с низким широким горлом и шаровидным туловом (табл. IX,*6*)[68], лощеные кувшины с горлом, сужающимся к шаровидному тулову (табл. XII,*1*)[69]. Найдены и выдутые из светло-зеленого стекла стаканы с отогнутым венчиком и округлым туловом с плоским дном (табл. IX,*3*)[70], со слегка расширяющимся и закругляющимся книзу туловом на полом кольцевидном поддоне (табл. IX,*4*)[71], кувшины с отогнутым венчиком, ручкой, выступающей завитком над ним, декорированными накладной нитью горлом и шаровидным туловом на кольцевидном поддоне (табл. IX,*5*)[72].

В захоронениях второй группы найдены вещи некоторых типов, характерных для первой: одночленная фибула варианта 15/II-1[73], двучленные фибулы вариантов 15/III-1[74], 15/III-3[75], пряжки с овальной рамкой 1 варианта[76], оковки из согнутой пластинки[77], железные мечи с ромбовидным в сечении клинком[78], лепные темноглиняные миски[79], кувшины с низким горлом вариантов 1 и 2[80], стеклянные стаканы с плоским дном[81] и с кольцевидным поддоном[82], кувшины[83].

Для комплексов второй группы типичны двучленные подвязные фибулы варианта 16-2/I-3 (табл. XIII,*1*)[84], воинские вариантов 17-2 (табл. XIII,*2*)[85], 17-1/Ia (табл.

---

[58] Высотская, 1972, с. 127, рис. 35,1.
[59] Бабенчиков, 1963, с. 98, табл. V,16; XII,2.
[60] Бабенчиков, 1963, табл. V,14; X,3. Айбабин, 1994/1995а, рис. 6,4; 8,2; 21,4-6.
[61] Бабенчиков, 1963, с. 105, 114, табл. V,9,12; X,2,5.
[62] Высотская, 1972, рис. 28,26,29. Айбабин, 1994/1995а, рис. 24,2.
[63] Высотская, 1972, рис. 28,21. Айбабин, 1994/1995а, рис. 11,1; 23,5.
[64] Бабенчиков, 1963, с. 119, табл. V,4; XI,4.
[65] Бабенчиков, 1963, табл. V,6; XI,5. Айбабин, 1994/1995а, рис. 18,1.
[66] Бабенчиков, 1963, с. 98, табл. V,7,8; XI,1,2.
[67] Айбабин, 1994/1995а, рис. 24,1.
[68] Корпусова, 1973, рис. 5,1,4; 6,5. Айбабин, 1994/1995а, рис. 8,65.
[69] Айбабин, 1994/1995а, рис. 11,7.
[70] Бабенчиков, 1963, с. 103, рис. 4,1. Айбабин, 1994/1995а, рис. 17,7.
[71] Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,2; 3,1.
[72] Мосберг, 1948, с. 114-115, рис. 3,3.
[73] Орлов, 1987, рис. 4,9.
[74] Орлов, 1987, рис. 7,5.
[75] Rostovtzeff, 1923, fig. IV. Амброз, 1966, с. 54, табл. 9,16.
[76] Айбабин, 1990, с. 27, рис. 2,3; 22,1.
[77] Веймарн, 1963, рис. 21,4,5.
[78] Веймарн, 1963, рис. 8,5. Лобода, 1977, рис. 1,10; 3,к.
[79] Высотская, Махнева, 1983, рис. 5,3.
[80] Лобода, 1977, рис. 1,1,2,9; 3,г; 5,8,14-16.
[81] Орлов, 1987, с. 116, рис. 6,3. Лобода, 1977, рис. 3,в.
[82] Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,2; 3,3.
[83] Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,5; 3,11.
[84] Амброз, 1966, с.64. Айбабин, 1990, с. 18, рис. 2,14; 8,2,3. Айбабин, 1994/1995а, рис. 13,1.

XIII,5)[86], дакийского типа 1 варианта (табл. XIII,4)[87], пряжки с овальной или сегментовидной рамкой и язычком со ступенчатым срезом на тыльной части 2 варианта (табл. XIII,*6*)[88], типа Келлер А 1 варианта (табл. XIII,*7,8*)[89] и 2 варианта с гнездами с сердоликом на щитках (табл. XIII,*9*)[90], наконечники ремней с валиком (табл. XIII,*10*)[91]. Многочисленны краснолаковые миски с венчиком, выделенным врезной линией (табл. XIII,*11*)[92], с отогнутым вниз бортиком (табл. XII,*6*)[93], с наклоненным внутрь бортиком 2 (табл. XIV,*6*)[94] и 3 (табл. XII,*2*)[95] вариантов, блюда с горизонтально отогнутым бортиком (табл. XIV,*4*)[96] и типа ARSW форма 50A (табл. XIV,*5*)[97], двуручные канфары 1 варианта (табл. XIII,*12*)[98], кувшины с овальным в сечении венчиком, с высоким воронковидным горлом, широкой профилированной ручкой и шаровидным туловом с рифленой поверхностью, на кольцевидном поддоне (табл. XII,*4*)[99], подобные, но с низким расширяющимся к венчику горлом (табл. XV,*1*)[100], подобный, но с двумя ручками (табл. XIV,*3*)[101]. Там же найдены светлоглиняные узкогорлые амфоры типа Шелов F (Зеест 105 а, б; Скорпан 1) (табл. XII,*3*)[102] и ойнохоевидные кувшины (табл. XV,*4*)[103], кувшин из коричневой глины с нависающим венчиком, узким горлом и яйцевидным туловом с рифленой поверхностью (табл. XIV,*2*)[104], темноглиняные лепные двуручные кастрюли (табл. XV,*2*)[105], горшки с вертикальным верхним краем и туловом, сужающимся к плоскому дну (табл. XVI,*1*)[106], с отогнутым наружу верхним краем (табл. XV,*5*)[107], сделанные на гончарном круге сероглиняные флакон-бальзамарий (табл. XV,*7*)[108], лощеные трехручные вазы (табл. XVI,*6*)[109] и плоскодонный кувшин с высоким коническим горлом и шаровидным туловом с геометрическим декором (табл. XV,*6*)[110]. В комплексы входят кубки из бесцветного стекла с отогнутым наружу тонким венчиком, округлым туловом и полым кольцевидным поддоном (табл.

---

[85] Амброз, 1966, с. 71, табл. 10,17. Айбабин, 1990, с. 18, рис. 2,7; 8,9,10.
[86] Амброз, 1966, с. 70. Айбабин, 1994/1995а, рис. 3,2.
[87] Diaconu, 1971, S. 240, Taf. VII,7,8. Айбабин, 1990, с. 18, рис. 8,5.
[88] Айбабин, 1990, с. 27-28, рис. 2,10; 22,3. Beck, Kazanski, Vallet, 1988, fig. 1,7-9,11,17,18.
[89] Beck, Kazanski, Vallet, 1988, fig. 1,10,16. Орлов, 1987, рис. 6,6,7.
[90] Rostovtzeff, 1923, fig. IV. Амброз, 1992, табл. 1,5,7. Beck, Kazanski, Vallet, 1988, fig. 1,5.
[91] Айбабин, 1994/1995а, рис. 4,10. Beck, Kazanski, Vallet, 1988, fig. 1,3,13.
[92] Айбабин, 1994/1995а, рис. 16,5; 17,3.
[93] Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,8; 5,1.
[94] Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,12; 5,9.
[95] Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,13; 5,5. Айбабин, 1995, с. 293, рис. 6,7.
[96] Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2,11; 5,8.
[97] Hayes, 1972, p. 69-73, fig. 12,46. Высотская, Махнева, 1983, рис. 5,4. Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2,15; 5,3.
[98] Мыц, 1987, рис. 7,7. Тахтай, 1948, с. 37, рис. 5.
[99] Мыц, 1987, рис. 7,1. Орлов, 1987, рис. 7,1. Айбабин, 1994/1995а, рис. 19,3.
[100] Блаватский, 1951, с. 270, рис. 13,4. Бабенчиков, 1963, с. 111, табл. I,10. Веймарн, 1963, с. 23, рис. 14,2. Айбабин, 1994/1995а, рис. 16,3.
[101] Орлов, 1987, рис. 3,2.
[102] Зеест, 1961, табл. XL,1,105а,б. Шелов, 1978, с. 19, рис. 10. Scorpan, 1977, p. 269, 270, fig. 1,2. Айбабин, 1990, с. 14, рис. 2,6; 4,4.
[103] Лобода, 1977, с. 241, 242, рис. 5,3. Айбабин, 1994/1995а, рис. 17,8.
[104] Орлов, 1987, рис. 6,1.
[105] Высотская, Махнева, 1983, рис. 6,6. Айбабин, 1994/1995а, рис. 9,1.
[106] Айбабин, 1994/1995а, рис. 10,18.
[107] Айбабин, 1994/1995а, рис. 4,6.
[108] Орлов, 1987, рис. 4,1.
[109] Айбабин, 1990, с. 17, рис. 2,9; 6,11.
[110] Лобода, 1977, рис. 5,13.

XV,*3*)[111], кувшины из голубоватого стекла с сильно отогнутым венчиком, ручкой, выступающей над ним завитком, туловом, расширяющимся к вогнутому внутрь дну и украшенным накладной стеклянной нитью (табл. XII,*5*)[112].

В захоронениях третьей группы нашли отдельные вещи описанных выше типов: овальные и сегментовидные пряжки 1 варианта[113], краснолаковые миски с отогнутым вниз бортиком[114], с наклоненным внутрь бортиком 2[115] и 3[116] вариантов, блюда с горизонтальным бортиком[117] и типа ARSW форма 50A[118], кувшины с овальным в сечении венчиком и высоким горлом[119], двуручные кубки[120], светлоглиняные амфоры типа F (Зеест 105a)[121], темноглиняные лепные миски, кувшины с низким горлом 1 варианта[122], сероглиняный флакон- бальзамарий[123], стеклянные стаканы на полом кольцевидном поддоне[124], кувшины с вогнутым дном[125] и на поддоне[126].

Для погребений третьей группы характерны Т-образные шарнирные фибулы типа Keller 4 (табл. XVI,*3*) и 5 (табл. XVI,*4*)[127] с кербшнитной резьбой на ножке или типа Pröttel 3/4 B (табл. XVI,*3*), 3/4 D (табл. XVI,*7*) и 5 (табл. XVI,*4*)[128], овальные, круглые и сегментовидные пряжки 3 варианта с длинным язычком (табл. XVI,*2*)[129], пряжки с В-образной круглой и ромбовидной в сечении рамкой (табл. XVI,*5*)[130], мечи с вырезами у рукояти (табл. XVII,*6*)[131], железные низкие конические умбоны с широким рантом типа Zieling H-2 (табл. XVI,*8*) и Zieling K-2 (табл. XVI,*9*)[132]. Там же лежали краснолаковые миски с отогнутым вверх краем вертикального бортика (табл. XVII,*1*)[133], с вогнутым бортиком (табл. XVII,*2*)[134], с вертикальным бортиком (табл. XVII,4)[135], с горизонтальным бортиком (табл. XVII,*3*)[136], блюда ARSW формы 62 B (табл. XVII,*7*) и Антиохия 910-2A (табл XVII,*5*)[137], высокие чашки с наклоненным внутрь бортиком

---

111 Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,16; 3,8.
112 Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,4; 3,12.
113 Айбабин, 1990, с. 27, рис. 2,3; 22,2. Мыц, 1987, рис. 7,2.
114 Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,8.
115 Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,12.
116 Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,13.
117 Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2,11.
118 Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2,15. Зубарь, Сорочан, 1986, с. 104, 105, рис. 3,1,2.
119 Зубарь, Сорочан, 1986, с. 104, 105, рис. 4,6.
120 Зубарь, Сорочан, 1986, с. 103, рис. 5,1.
121 Айбабин, 1990, с. 14, рис. 2,6.
122 Лобода, 1977, рис. 6,1,8,9.
123 Зубарь, Сорочан, 1986, с. 105, рис. 5,5.
124 Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,2; 3,2.
125 Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,4.
126 Айбабин, 1990, с. 14, рис. 2,5.
127 Зубарь, Сорочан, 1986, рис. 9,1-3. Айбабин, 1990, с. 63, рис. 8,14. Keller, 1971, S. 38,39,41-45, Abb. 11,9-11.
128 Pröttel, 1991, S. 359, 361-366, Abb. 4a,3-6; 4b; 6,2.
129 Айбабин, 1990, с. 28, рис. 2,26; 22,8,9.
130 Зубарь, Сорочан, 1986, с. 104, 105, рис. 9,4-6,16.
131 Лобода, 1977, рис. 6,12; 8.
132 Лобода, 1977, рис. 6,21. Zieling, 1989, p. 103, 104, 123, 124. Kazanski, 1991, p. 494, fig. 5,3. Kazanski, 1994, S. 438, 439, fig. 2,6,13,14. Ščukin, 1993, p. 327, fig. 5,6.
133 Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,20; 5,4.
134 Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2,27; 5,6.
135 Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2,22; 5,10.
136 Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2,24; 5,2.
137 Hayes, 1972, fig. 18,14; 66,1, p. 108, 109, 327. Высотская, Махнева, 1983, рис. 6,7. Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2,30; 5,7.

(табл. XVIII,*1*)[138], одноручные кубки с отогнутым наружу бортиком и шаровидным туловом (табл. XVIII,*3*)[139], двуручные кубки (табл. XVIII,*6*)[140], кувшины типа Robinson M 271 с профилированным венчиком, коротким коническим горлом и сужающимся к плоскому дну туловом (табл. XVIII,*7*)[141], кувшины с валиком на коническом горле, двужелобчатой ручкой, грушевидным туловом на поддоне (табл. XVIII,*8*)[142], кувшины с низким воронковидным горлом и грушевидным туловом (табл. XIV,*1*)[143], светлоглиняная амфора типа Robinson M 273[144] (табл. XIX,*2*), с коротким широким горлом, маленькими ручками и желобчатым туловом, расширяющимся к острой ножке[145], красноглиняная широкогорлая амфора с туловом, слегка зауженным в средней части и сужающимся к маленькой ножке (табл. XIX,*1*)[146]. Встречены сделанные на гончарном круге из серой глины лощеные миски с наклоненным внутрь верхним краем, косой стенкой и кольцевидным поддоном (табл. XVIII,*5*)[147], чашки с отогнутым венчиком и биконическим туловом на кольцевидном поддоне (табл. XVIII,*4*)[148], лепные кувшины из темной глины с коротким отогнутым горлом 3 варианта (табл. XIX,*4*)[149], с высоким широким коническим горлом и шаровидным туловом без лощения (табл. XIX,*7*)[150] и подобные лощеные (табл. XIX,*3*)[151], лощеные кувшины с коротким цилиндрическим горлом (табл. XIX,*5*)[152]. В погребениях обнаружены стеклянные стаканы с синими каплями (табл. XIX,*6*) варианта Сорокина I-D[153] и кувшины с высоким горлом, расширяющимся к конусовидному тулову, на поддоне (табл. XVIII,*2*)[154].

Вещи некоторых типов из захоронений первой группы изготовляли в течение долгого времени.

Одночленные фибулы варианта 15/I-3 (табл. I,*1*; XXVII,*1*), подобные найденной в подбойной могиле 50 (Черная Речка), в основном, носили во II в. н.э.[155] Однако, А.К.Амброз приводит примеры употребления таких фибул и в более поздний период. В одном из склепов в Херсонесе и в могиле, раскопанной в Бережновке на Волге, однотипные фибулы лежали с инвентарем II - середины III вв.[156] Комплекс, состоящий из одночленных фибул варианта 15/I-5 (табл. I,*4*), стеклянных сосудов и керамики[157] второй половины III - первой половины IV вв.[158] из склепа V/1934 из Тиритаки дает возможность говорить о бытовании этих фибул в Крыму во второй половине III в.

---

[138] Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,17; 5,13. Зубарь, Сорочан, 1986, рис. 4,4.
[139] Зубарь, Сорочан, 1986, рис. 3,1,2.
[140] Зубарь, Сорочан, 1986, рис. 5,1.
[141] Robinson, 1959, pl. 29,M271. Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,18; 4,5.
[142] Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,19; 4,6.
[143] Зубарь, Сорочан, 1986, рис. 4,1.
[144] Robinson, 1959, pl. 29, M273.
[145] Мыц, 1987, рис. 6,1.
[146] Бабенчиков, 1963, с. 120, табл. IV,3; XVI,3.
[147] Айбабин, 1990, с. 17, рис. 2,21; 7,14.
[148] Айбабин, 1990, с. 17, рис. 2,23; 7,7.
[149] Бабенчиков, 1963, табл. I,13. Веймарн, 1963, рис. 14,9. Высотская, Махнева, 1983, рис. 6,5. Айбабин, 1994/1995а, рис. 21,1.
[150] Корпусова, 1973, рис. 6,10. Лобода, 1977, рис. 7,11; 8. Айбабин, 1994/1995а, рис. 11,8.
[151] Айбабин, 1994/1995а, рис. 11,7; 5,1; 21,2,3.
[152] Айбабин, 1990, с. 17, рис. 2,28; 7,11.
[153] Сорокина, 1971, с. 89, рис. 1,5. Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,29; 3,5.
[154] Айбабин, 1990, с. 14, рис. 2,25; 3,15.
[155] Бабенчиков, 1963, с. 105, табл. IX,4. Амброз, 1966, с. 49.
[156] Белов, 1927, с. 127-140, рис. 19,16; 18-21. Амброз, 1966, с. 49, 50.
[157] Кобылина, 1941, рис. 116-118. Амброз, 1966, с. 51, табл. IX,13.
[158] Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,2,4; 3,12.

Аналогии пружинным фибулам варианта 12-4б (табл. I,*2*)[159], римской шарнирной с эмалью I типа (табл. III,*3*)[160] встречены с вещами II-III вв., одночленным фибулам варианта 14-а (табл. I,*7*) — в погребениях конца I-IV вв.[161], вариантов 15/II-1 (табл. I,*5*; XXVII,*13*), 15/II-2 (табл. II,*1*; XXVII,*24*) и 15/II-3 (табл. I,*9*; XXVII,*23*) — с вещами второй половины II-III вв.[162], римской шарнирной фибуле с эмалью с ромбическим щитком (табл. III,*4*; XXVII,*9*) — с монетами Максимина 235-238 гг.[163] Одночленные фибулы варианта 15/II-4 (табл. I,*6*; XXVII,*32*) датируются по инвентарю второй половины III в. из могилы 35 из Черной Речки[164]. В могиле 59 из Черной Речки с одной из таких фибул лежала редкая фибула с пластинчатыми спинкой и приемником (табл. I,*3*)[165]. Во второй половине III в. в Причерноморье носили двучленные фибулы вариантов 15/III-1 (табл. II,*4*) (в Керчи с монетой 268 г., в Тиритаке с монетой 262 г.), 15/III-3 (табл. I,*10*; XXVII,*31*)[166] и 16-2/I-1 (табл. I,*11*) (на могильнике Совхоз 10 с монетой 270-275 гг.)[167]. Комплекс из Дружного из подбойной могилы 24 с монетой 251 г., двучленной фибулой варианта 15/III-1, браслетом (табл. IV,*1*) и височными подвесками с тисненным декором и вставками из сердолика (табл. IV,*2*)[168] документирует их использование во второй половине III в. Ранняя Т-образная шарнирная фибула варианта 19/I-1 (табл. II,*5*; XXVII,*15*) из подбойной могилы 45 из Черной Речки близка фибулам из Подунавья, датированным Ф.М.Прёттелем 250-280-ми гг.[169] В Западной Европе броши с эмалью геометрической[170] и круглой[171] форм тех же типов, что и с некрополя Черная Речка из могил 58 (табл. III,*4*; XXVII,*9*) и 86 (табл. III,*1*), бытовали в III в.

Пряжки и наконечники ремней, отлитые с изображением сарматских знаков, найдены в Керчи[172], Нейзаце[173], в Херсонесе (с монетой 180-192 гг.)[174] и на Черной Речке в склепе 35 (табл. III,*7,8*; XXVII,*10*) с фибулами второй половины III в. (табл. I,*6,8*; II,*6*; XXVII,*26,32*)[175]. Пряжки с овальной или сегментовидной рамкой I варианта (табл. III,*9*; XXVII,*17*) носили во второй половине III - первой половине IV вв.[176] На некрополе Скалистое III с такими пряжками лежали шпоры типа Генальский Е (табл. III,*10,11*; XXVII,*12*), типичные в пшеворской культуре для горизонта B-2/C-1 и C-1 — 160/180-260 гг., а в Скандинавии — для горизонта C-1b — 230-260 гг.[177] На некрополе Бельбек I в могиле 19 пряжка I варианта встречена с монетой Деция Трояна 249-251 гг.[178]

Серебряные лунницы, подобные найденной на Черной Речке в могиле 56 (табл.

---

[159] Амброз, 1966, с. 44.
[160] Бабенчиков, 1963, с. 114, табл. IX,2. Амброз, 1966, с. 29, типа табл. 14,3.
[161] Амброз, 1966, с. 47.
[162] Амброз, 1966, с. 52.
[163] Бабенчиков, 1963, с. 109, табл. IX,6. Амброз, 1966, с. 33, табл. 15,8.
[164] Амброз, 1966, с. 52. Амброз, 1989, рис. 2,23,25-28. Айбабин, 1990, рис. 2,1,2.
[165] Айбабин, 1994/1995а, рис. 28,3,4.
[166] Амброз, 1966, с. 52-54. Diaconu, 1971, S. 235-236. Скрипкин, 1977, с. 108.
[167] Амброз, 1966, с. 62, Айбабин, 1990, с. 18, рис. 2,1; 8,1.
[168] Храпунов, 1994/1995, с. 531, рис. 4,10,16; 5,2,4,5.
[169] Patek, 1942, S.234. Амброз, 1966, с.74. Pröttel, 1991, S. 349-350,352-353,372. Abb. 1,1,2; 11.
[170] Exner, 1941, Taf. X,5. Feugère, 1985, p. 364, pl. 151,1889, T.26, C.4.
[171] Feugère, 1985, p. 364, pl. 151,1889, T.26, C.4.
[172] Шкорпил, 1907, с. 14, рис. 5. Шкорпил, 1910, с. 31-34, рис. 4,5,12.
[173] Соломоник, 1959, с. 132-134, рис. 76.
[174] Отчет за 1890 г., с. 34, 130, рис. 18. Анохин, 1977, с. 154, № 280.
[175] Амброз, 1989, рис. 2,26-28.
[176] Айбабин, 1990, с. 27, рис. 2,3.
[177] Богданова, Гущина, Лобода, 1976, рис. 8,46-49. Genalski, 1991, S. 59-64. Kazanski, 1994, p. 431.
[178] Гущина, 1974, с. 32, табл. IV,19, рис. I,9.

III,*12*), в Поволжье известны со второй половины III в.[179]

Красноглиняные ойнохои (табл. VI,*4*; XXVII,*33*) однотипны извлеченным на Афинской Агоре из слоя, образовавшегося после 267 г.[180], а на Кноссе — из слоя с керамикой IV в.[181] Краснолаковые одноручные кубки с биконическим туловом (табл. VII,*3*; XXVII,*3*) близки выявленным в слоях II - начала III вв. в Греции и Италии[182]. В Юго-Западном Крыму с краснолаковой керамикой, фибулами II - первой половины III в. и с амфорами типа Зеест 90 (табл. X,*2*) встречены краснолаковые плоскодонные чашки с профилированным бортиком (табл. VI,*3*; XXVII,*2*)[183] и краснолаковые миски с вертикальным бортиком с рельефным нижним краем (табл. V,*6*)[184]. На Афинской Агоре самые поздние миски того же типа лежали в слое, накопившемся после 267 г.[185] Миски с вогнутым бортиком с рельефными верхним и нижним краями (табл. V,*5*; XXVII,*1*) типичны для II - первой половины III в.[186] На Чатыр-Даге такая миска найдена с монетой IV в. (табл. V,*2*)[187]. В Египте краснолаковые кувшины-лагиносы (типа табл. VIII,*1*; XXVII,*5*) бытовали с середины I по середину III вв.[188], а кувшины с нависшим венчиком (типа табл. VIII,*2*; XXVII,*28*) — во второй половине III - начале IV вв.[189] Кувшины с воронковидным горлом и грушевидным туловом (табл. V,*10*; VI,*5*; XXVII,*41*), а также с конусовидным горлом и грушевидным туловом (типа табл. VII,*2*) в Юго-Западном Крыму встречены в могилах II - первой половины III вв.[190] Одноручные кувшины с коротким широким горлом (табл. VIII,*3*) на Афинской Агоре имелись в слое, образовавшемся после 267 г.[191], а двуручные (табл. VII,*1*; XXVII,*4*) — в слоях второй половины III - начала IV вв.[192]

Светлоглиняные амфоры типа Зеест 90 (табл. X,*2*; XXVII,*21*) нашли на территории некрополя Чатыр-Даг[193], на Боспоре, в Ольвии, в Тире и в Кноссосе в слоях II-III вв.[194], в Паннонии — в конце II - начале III в.[195], а в Ливии - в слое середины III в.[196], на Афинской Агоре — в слое пожара 267 г.[197] По мнению Д.В.Деопик, производство светлоглиняных амфор типа Зеест 93 (Шелов тип Д) (табл. X,*5*; XXVII,*36*) не прекратилось в середине III в.[198] Такие амфоры в могиле 2 (Бельбек II) лежали со стеклянным

---

[179] Скрипкин, 1977, с. 109, рис. 4,37.
[180] Robinson, 1959, p. 58, pl. 14,K106.
[181] Hayes, 1983, p. 106, 107, fig. 6,76.
[182] Robinson, 1959, p. 87, pl. 18,M36. Hayes, 1983, p. 109, fig. 11,150. Зубарь, Шевченко, Липавский, 1990, с. 12, рис. 10,14.
[183] Книпович, 1952, с. 303, рис. 3,3. Гущина, 1970, с. 40, рис. 14,7. Гущина, 1974, рис. V,5; XIV,46. Высотская, 1972, с. 128, рис. 35,II,97. Богданова, 1989, с. 29, табл. IV,13-19. Зубарь, Шевченко, Липавский, 1990а, с. 14-15, рис. 9,4.
[184] Гущина, 1974, с. 38, табл. XIX,12.
[185] Robinson, 1959, p. 58, 59, pl. 12,K31.
[186] Гущина, 1974, с. 38, табл. XIX,1-11,13-16.
[187] Мыц, 1987, с. 151, рис. 5,2.
[188] Jonson, 1981, p. 12, 67, 120, pl. 58,428.
[189] Jonson, 1981, p. 12, 63, 119, pl. 51,390.
[190] Гущина, 1974, с. 35, табл. V,8.
[191] Robinson, 1959, p. 58, 59, pl. 13,K65.
[192] Robinson, 1959, p. 56, 58, 59, 64, 74, pl. 10,J48; 13,K68; 16,L3,28.
[193] Мыц и др., 1997, с. 218, рис. 120.
[194] Зеест, 1961, с. 117. Hayes, 1983, p. 147, 149, fig. 46,49.
[195] Kelemen, 1993, p. 45-47, fig. 1,2.
[196] Riley, 1979, p. 205-206.
[197] Riley, 1979, p. 205-206, fig. 40; 87,288,289.
[198] Деопик, Круг, 1972, с. 242.

кувшином второй половины III - первой половины IV в. (типа табл. IX,*5*)[199], а в Оселивке (могильник германцев на Днестре в Черновицкой области) в могиле 86 — с одновременным стеклянным кубком с сотовым орнаментом[200]. Красноглиняные амфоры типа Зеест 75 (табл. X,*4*; XXVIII,*20*) из Западного и Северного Причерноморья обычно относят к концу II - первой половине III вв.[201] или III в.[202] На территории могильника Чатыр-Даг однотипные амфоры лежали с амфорами типа Зеест 90[203], а на Кноссосе — в слое середины III в.[204], в Семеновке — в слое пожара в помещении 32 с монетами III в., в том числе с медным денарием Рискупорида V 263-265 гг.[205]

Стеклянные стаканы (табл. IX,*4*) и кувшины (табл. IX,*5*; XXVII,*29*) начали производить во второй половине III в.[206]

Опираясь на приведенный анализ вещей, большинство захоронений первой группы необходимо отнести ко второй половине III в. На Черной речке в могилах 61 и 82 с кувшинами, сделанными до середины III в., встречены фибулы, которые носили и во второй половине того же столетия (табл. XXVII,*4-6,9*). На территории некрополя они расположены рядом с могилами второй половины III в.[207] В Дружном в подбойной могиле 2/1984 нашли краснолаковые кубок и чашку, датируемые не позднее середины III в. (табл. VI,*3*; VII,*3*; XXVII,*2,3*). Одновременный инвентарь встречен и в некоторых могилах Нейзаца[208]. Однако, в большинстве других исследованных на данных некрополях погребениях найден инвентарь второй половины III-IV вв. Данное обстоятельство позволяет предположить, что захоронения в ранних могилах в Дружном и Нейзаце совершили во второй четверти III в.

Вещи многих типов из захоронений второй группы типичны для комплексов первой половины IV в.: подвязные фибулы варианта 16-2/I-3 (табл. XIII,*1*; XXVII,*48*)[209], воинские фибулы вариантов 17-2 (табл. XIII,*2*; XXVII,*39*)[210] и 17-1/Iа (табл. XIII,*5*)[211], фибула дакийского типа I варианта (табл. XIII,*4*; XXVII,*37*) (на территории Совхоза 10 с монетой 305-311 гг.)[212], пряжки с овальной или сегментовидной рамкой 2 варианта (табл. XIII,*6*; XXVII,*49*)[213], краснолаковые миски с отогнутым вниз бортиком (табл. XII,*6*; XXVII,*59*)[214], миски с наклоненным внутрь бортиком 2 (табл. XIV,*6*; XXVII,*52*)[215] и 3 (табл. XII,*2*; XXVII,*47*)[216] вариантов, блюда с горизонтально отогнутым бортиком (табл. XIV,*4*; XXVII,*60*)[217] и типа ARSW форма 50A (табл. XIV,*5*;

---

[199] Мосберг, 1948, с. 114-115, рис. 3,3; 4,1. Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,5; 3,11.
[200] Никитина, 1988, с. 97, рис. 48,5. Сазанов, 1993, с. 17.
[201] Зеест, 1961, с. 113, табл. XXX,75а-з. Абрамов, 1993, с. 47, рис. 54,6,16-18.
[202] Scorpan, 1977, fig. 25,3.
[203] Мыц и др., 1997, с. 218, 219, рис. 121, 122.
[204] Hayes, 1983, p. 153, 166, fig. 25,A78,A79.
[205] Кругликова, 1970, с. 36-38, рис. 30.
[206] Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,5; 3,11.
[207] Бабенчиков, 1963, рис. 1.
[208] Храпунов, 1998, с. 235.
[209] Амброз, 1966, с. 64. Айбабин, 1990, с. 18, рис. 2,14; 8,2-4.
[210] Амброз, 1966, с. 70-71, табл. 10,17. Айбабин, 1990, с. 18, рис. 2,7; 8,9,10.
[211] Амброз, 1966, с. 70.
[212] Айбабин, 1990, с. 18, рис. 8,5.
[213] Айбабин, 1990, с. 27, 28, рис. 2,10; 22,3.
[214] Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,8; 5,1. Martin, 1983, p. 183, 184, fig. 21,23.
[215] Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,12; 5,9.
[216] Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,13; 5,5.
[217] Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2,11; 5,8. Waage, 1933, p. 298, № 182,183. Martin, 1983, p. 200,210,211, fig. 10,96.

XXVII,*53*)[218], канфары 1 варианта (табл. XIII,*12*; XXVII,*12*)[219], кувшины с высоким воронковидным горлом (табл. XII,*4*; XXVII,*55*)[220] и с коротким воронковидным горлом (табл. XV,*1*; XXVII,*51*) (в Хараксе с монетой 305 г.)[221], амфоры Шелов тип F или Зеест 105а,б (табл. XII,*3*; XXVII,*46*)[222] и гончарные ойнохои (табл. XV,*4*; XXVII,*44*) (в Озерном с монетой 306-337 гг.)[223], гончарные флаконы-бальзамарии (табл. XV,*7*; XXVII,*50*)[224], лощеные вазы (табл. XVI,*6*)[225], стеклянные кубки (табл. XV,*3*; XXVII,*54*)[226] и кувшины с вогнутым дном (табл. XII,*5*; XXVII,*45*)[227].

Одна из краснолаковых мисок с венчиком, выделенным врезной линией (табл. XIII,*11*) найдена в Инкермане в подбойной могиле 41 с инвентарем того же времени (табл. XXVII,*57*)[228]. Кувшин с коротким воронковидным горлом (типа табл. XIV,*1*) в Каллатисе в могиле 161 лежал с овальной пряжкой 2 варианта[229].

Наконечники ремня с валиком, подобные упомянутым выше (табл. XIII,*10*), в Градештах найдены вместе с двучленной фибулой дакийского типа 1 варианта и пряжками типа Келлер А[230], которые имеются в могилах, относимых ко второй половине III - первым десятилетиям IV вв.[231] или первой половине IV в.[232] Скорее всего, в первой половине IV в. в Причерноморье распространились и наконечники с валиком (табл. XXVII,*38*).

В составе комплексов второй группы есть монеты: 305-311 гг. — в могиле 55 в Совхозе 10, 306-337 гг. — в склепе 1 в Озерном и в могиле 37 в Инкермане[233], позволяющие датировать всю группу первой половиной IV в.

Имеющиеся в комплексах третьей группы шарнирные Т-образные фибулы типа 3/4B (табл. XVI,*3*; XXVII,*80*), 3/4D (табл. XVI,*7*; XXVII,*78*) Ф.М.Прёттел отнес к 330-420 гг., а 5 типа (табл. XVI,*4*; XXVII,*79*) — к 350-420 гг.[234] Такие же фибулы 4 типа Е.Келлер датировал третьей четвертью IV в., 5 типа — последней четвертью IV в.[235], а популярные в римских дунайских провинциях В-образные пряжки[236] (табл. XVI,*5*; XXVII,*75*) — 370-400 гг.[237] Овальные, круглые и сегментовидные пряжки с длинным язычком 3 варианта (табл. XVI,*2*; XXVII,*87*) мною по найденным с ними вещам и монетам середины IV в. (Совхоз 10, могила 41), 379-395 гг. (Инкерман, склеп 31) датированы, в основном, второй половиной IV - первой половиной V вв.[238] А.К.Амброз предположил, что пряжки с длинным язычком использовали только в первой полови-

---

[218] Hayes, 1972, p. 69-73, fig. 12,46. Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2,15; 5,3.
[219] Preda, 1980, p. 28, pl. XII; LXXII,189.
[220] Scorpan, 1977, p. 287, fig. 30,7.
[221] Блаватский, 1951, с. 270, рис. 13,4.
[222] Айбабин, 1990, с. 14, рис. 2,6; 4,4.
[223] Лобода, 1976, с. 241, 242.
[224] Preda, 1980, p. 29, 30, pl. XII,176,204; LXIX,174,176; LXXII,204.
[225] Айбабин, 1990, с. 17, рис. 2,9; 6,11.
[226] Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,16; 3,8.
[227] Айбабин, 1990, с. 14, рис. 2,25; 3,15.
[228] Айбабин, 1990, рис. 2,6,10,12. Айбабин 1994/1995а, рис. 16,5; 17,3.
[229] Preda, 1980, pl. LXVII,161,1,3.
[230] Дзиговский, Субботин, 1986, рис. 2,2,11-14,20,22.
[231] Lund-Hansen, 1987, S. 102.
[232] Kazanski, Legoux, 1988, p. 13, 14, fig. 9,44.
[233] Айбабин, 1990, с. 59.
[234] Pröttel, 1991, S. 372, Abb. 11.
[235] Keller, 1971, S. 38, 39, 41-45, Abb. 11,9-11.
[236] Preda, 1980, p. 40, pl. XXXV,364,1,2. Petru, Petru, 1972, tabl. 1,15,18,20,21-23,26.
[237] Keller, 1971, Taf. B,1-4; 34,9; 55,4, Abb. 19,21.
[238] Айбабин, 1984, с. 111, рис. 1,25; 5,4,9,10,12,17; 7,13,17,22-24.

не V в.[239] В составе комплексов, отнесенных мною ко второй половине IV в., помимо названных пряжек есть амфоры, краснолаковые и стеклянные сосуды, которые не встречены в погребениях первой половины V в. С учетом корреляции инвентаря из склепов и могил второй половины IV в. период бытования пряжек с длинным язычком можно ограничить последней четвертью IV - первой половиной V вв.[240] По Я.Тейралу комплексы с однотипными пряжками характерны для периода D1[241].

По мнению Н.Цилинга, умбоны типа Н-2 (табл. XVI,*8*; XXVII,*74*) и К-2 (табл. XVI,*9*; XXVII,*64*), подобные найденным на могильниках Харакс, Чатыр-Даг и Озерное, находились в употреблении до 375 г.[242]

В Херсонесе в склепе 1/1982 в захоронениях на левой лежанке и в правом углу с названными выше В-образными пряжками (табл. XVI,*5*) находились краснолаковые одноручные кубки (табл. XVI,*3*; XXVII,*83*), двуручный кубок (табл. XVIII,*6*; XXVII,*100*), кувшины и глиняный флакон-бальзамарий (типа табл. XV,*7*), а на полу у правой лежанки — кувшин (табл. XIV,*1*)[243]. Кувшины с валиком на горле (табл. XVIII,*8*), кувшины типа Robinson M271 (табл. XVIII,*7*; XXVII,*77*)[244], двуручный кубок и высокие чашки (табл. XVIII,*1*; XXVII,*81*) найдены в Херсонесе в цистерне, засыпанной в начале V вв.[245] На некрополе Черная Речка в могиле 38 высокой чашкой (типа табл. XVIII,*1*) было закрыто горло амфоры с туловом, зауженным в средней части (табл. XIX,*1*). Такая же амфора на Западном некрополе Херсонеса в могиле 53 лежала с монетой Константина I или одного из сыновей (306-361 гг.)[246], а кувшины типа Robinson M271 на Черной Речке в склепе 53 — с монетой 364-378 гг.[247] Амфоры типа Robinson M273 (табл. XIX,*2*) содержались в слое IV в. в Томи или в слоях второй половины IV в. в Ятрусе и Афинах[248]. В Средиземноморье краснолаковые блюда типа Антиохия 910-2А (табл. XVII,*5*) изготовляли в последней четверти IV - первой половине V в.[249], а блюда типа ARSW 62B (табл. XVII,*7*) — в 350-425 гг.[250] По мнению же А.И.Романчук и А.В.Сазанова, в Херсонесе блюда типа ARSW 62B содержались в комплексах конца IV - третьей четверти VI вв.[251] В захоронениях, отнесенных по инвентарю ко второй половине IV в., обнаружены краснолаковые миски с отогнутым вверх краем (табл. XVII,*3*)[252], миски с вогнутым (табл. XVII,*2*)[253], прямым (табл. XVII,*4*)[254] или горизонтальным бортиком (табл. XVII,*3*)[255], кувшины с валиком на горле (табл. XVIII,*8*; XXVII,*62*)[256]. Стеклянные кувшины с конусовидным туловом (табл. XVIII,*2*) найдены в могилах, которые по овальным пряжкам 3 варианта следует

---

[239] Амброз, 1994/1995, с. 33.
[240] Айбабин, 1990, с. 28, рис. 2,26.
[241] Tejral, 1988, S. 224-225, Abb. 1,5; 4,9.
[242] Zieling, 1989, p. 103, 104, 123, 124.
[243] Зубарь, Сорочан, 1986, с. 104, 105, рис. 3,1,2; 4,3,6,9; 5,1,5; 9,4-6.
[244] Robinson, 1959, p. 83, pl. 29,M271.
[245] Рыжов, 1986, с. 130, рис. 3; 4,6,7.
[246] Зубарь, Шевченко, Липавский, 1990, с. 22, 23, рис. 16,M53,6.
[247] Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,18; 4,5.
[248] Robinson, 1959, p. 83, pl. 29,M271. Scorpan, 1977, fig. 5,1. Кузманов, 1985, с. 11-12, табл. 33.
[249] Hayes, 1972, p. 328-329, fig. 66,1. Martin, 1983, p. 211, fig. 26,1. Айбабин, 1990, рис. 2,30; 5,7.
[250] Hayes, 1972, p. 108-109, fig. 18,14.
[251] Романчук, Сазанов, 1991, с. 35, 36.
[252] Айбабин, 1990, рис. 2,20; 5,4.
[253] Айбабин, 1990, рис. 2,27; 5,6.
[254] Айбабин, 1990, рис. 2,22; 5,10.
[255] Айбабин, 1990, рис. 2,24; 5,2.
[256] Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,19; 4,6. Brukner, 1981, s. 194, t. 176.

датировать не ранее последней четверти IV в.[257] Стеклянные стаканы типа Сорокина I-D начали производить с конца IV в.[258]

По перечисленным вещам и монетам с отверстиями 364-378 гг. из склепа 53 Черной Речки комплексы третьей группы можно синхронизировать со второй половиной IV в.

Некоторые вещи из комплексов четвертой группы использовали длительное время: краснолаковые миски с вогнутым бортиком с профилированными верхним и нижним краями (типа табл. V,*2*; XXVII,*1*)[259] — со II в.; двучленная подвязная фибула варианта 15/III-1[260], мечи с ромбовидным в сечении клинком (типа табл. II,*3*)[261] и оковки из согнутой пластины (табл. XXVII,*116*) — с середины III в.; двучленная подвязная фибула варианта 16-2/I-3 (рис. 25,*15*; табл. XXVII,*90*)[262], овальные, круглые и сегментовидные пряжки 2 варианта с коротким язычком (рис. 27,*6*; табл. XXVII,*49*)[263], наконечники ремней с валиком (типа табл. XIII,*10*; XXVII,*38*)[264], краснолаковые миски с наклоненным внутрь бортиком 2 варианта (табл. XXIV,*7*; XXVII,*7*)[265], краснолаковые миски с венчиком, выделенным врезной линией (табл. XXIV,*6*; XXVII,*126*)[266] — с начала IV в.; краснолаковые миски с горизонтальным бортиком (рис. 25,*14*; табл. XXVII,*138*)[267], темноглиняные гончарные миски (типа табл. XVIII,*5*)[268] и чашки с биконическим туловом (типа табл. XVIII,*4*)[269] — с середины IV в.; темноглиняные лепные кувшины (типа табл. XIX,*5*)[270], блюда типа ARSW форма 62B (табл. XXIV,*5*; XXVII,*140*)[271] и овальные, круглые и сегментовидные пряжки 3 варианта с длинным язычком (рис. 27,*17*; 28,*5*; табл. XXVII,*130*)[272] — с последней четверти IV в.; краснолаковые блюда типа Антиохия 910-2A (табл. XXIV,*4*; XXVII,*139*)[273], краснолаковый двуручный кубок (типа табл. XVIII,*6*), лежавший в Херсонесе в центральной части склепа 5/1982 с монетой Аркадия I (395-408 гг.)[274], стеклянные стаканы с синими каплями типа Сорокина I-D (типа табл. XIX,*6*) — с конца IV в.[275] Прогнутая подвязная широкопластинчатая фибула из Лучистого из захоронения 6 из склепа 88 (табл. XXIV,*11*; XXVII,*115*) однотипна выделенным Г.Диакону в готский вариант. По его мнению их носили в 330-400 гг.[276]

В погребениях четвертой группы с вещами первой половины V в. (табл. XXVII,*89-93*)[277] обнаружены двучленные подвязные фибулы варианта 16-2/I-2-3 (табл. XX,*8*;

---

[257] Айбабин, 1990, с. 14, рис. 2,25; 3,15.
[258] Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,29; 3,5.
[259] Мыц, 1987, рис. 5,2.
[260] Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 299, рис. 5,6.
[261] Мыц, 1987, рис. 5,11.
[262] Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 299, рис. 13,12. Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 74.17.
[263] Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 4,13; 76,37,39,40. Ajbabin, 1995, fig. 6,6.
[264] Засецкая, 1993, кат. 34а,б.
[265] Айбабин, Хайрединова, 1998, рис. 18,8.
[266] Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 295, рис. 18,7.
[267] Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 295, рис. 13,11; 18,4.
[268] Айбабин, 1990, с. 17, рис. 2,21.
[269] Айбабин, 1990, с. 17, рис. 2,23; 6,10.
[270] Айбабин, 1990, с. 17, рис. 2,28; 7,13.
[271] Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 295, рис. 7,9; 8,25.
[272] Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 297, рис. 5,3,8,10,11,16; 8,6.
[273] Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 295, рис. 18,3.
[274] Зубарь, Ивлев, Чепак, 1990, с. 4, рис. 7,5, опись монет Т.И.Костромичевой №15.
[275] Айбабин, 1990, рис. 2,29.
[276] Diaconu, 1971, S. 251, 253, Taf. VIII,13.
[277] Айбабин, 1990, с. 18, рис. 2,53; 9,4,5. Амброз, 1994/1995, с. 34.

XXVII,*90*)[278], а также гладкие двухпластинчатые фибулы вариантов 21/IAA (табл. XX,*1*; XXVII,*93*)[279], 21/IАБ (табл. XX,*4*; XXVII,*89*)[280] и 21/IБА (табл. XX,*2,3*; XXVII,*91,92*)[281] подобные извлеченным из могил периода Д1 — 375-410 гг.[282] Гладкая двупластинчатая фибула из могилы 69 из Илурата по пропорциям ножки[283] близка фибулам варианта 21/IIAA (табл. XX,*9*). Литые двухпластинчатые фибулы варианта 21/IIAA из Лучистого из склепа 58 (табл. XX,*5*; XXVII,*105*) и 100 (слой 3) (табл. XX,*7*; XXVII,*104*) и дунайскую подвязную фибулу (табл. XX,*6*; XXVII,*106*) по аналогиям из того же региона можно отнести к периоду Д2. Я.Тейрал в статье 1988 г. ограничил этот период 410-440 гг., а в последней публикации предложил менее четкие хронологические рамки: для Д2 — 380/400-440/450 и для Д2/Д3 — 430/440-470/480 гг.[284]

С первой половины V в. в Крыму появились серьги с многогранником (табл. XXIV,*12*; XXVII,*108*)[285]. Описанный во второй главе гарнитур из Лучистого из могилы 82, состоящий из золотых нашивных бляшек (рис. 25,*1-8,10*; табл. XXVII,*84,86,120,121*) и серег со вставками из янтаря (рис. 25,*9*; табл. XXVII,*111*) по таким же украшениям из погребений знати круга Унтерзибенбрунн-Эран из Подунавья и Западной Европы, следует синхронизировать с тем же периодом Д2[286].

Время изготовления пряжек с округлой рамкой 4 варианта с язычком с нарезкой на тыльной части (рис. 27,*3,4*)[287] определяется по таким же из комплексов периода Д2 из Подунавья и из могил первой половины V в. из Гиляча и первой половины VI в. из Дюрсо[288]. Им одновременны и ранние пряжки 6 варианта (табл. XXIV,*3*; XXVII,*132*)[289] и массивная пряжка с резным декором на щитке из Беляуса (рис. 27,*2*)[290].

Новые находки позволили дополнить опубликованную в 1990 г. типологию овальных или сегментовидных пряжек[291]. Овальные пряжки с выемкой на тыльной стороне разделены на варианты 5а — с нарезкой на переднем и тыльном концах язычка (рис. 28,*6,8*; табл. XXII,*6*; XXVII,*143*) и 5б — с граненым или гладким язычком (табл. XXIII,*5*; XXVII,*142*)[292]. Пряжки вариантов 5а и 5б найдены на некрополях черняховской культуры, на Северном Кавказе и в Подунавье в захоронениях периода Д2[293]. Овальные пряжки 7 варианта, отлитые с имитацией насечки, содержались в Лучистом в захоронении 4 в склепе 88 (табл. XXIV,*15*; XXVII,*123*) и в Керчи в склепе

---

[278] Амброз, 1966, с. 66. Айбабин, 1990, с. 18, рис. 2,34; 8,6,7. Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 299, рис. 8,3.
[279] Амброз, 1966, с. 68, 82. Веймарн, Айбабин, 1993, с. 101, 182, рис. 73,5.
[280] Амброз, 1966, с. 83. Веймарн, Айбабин, 1993, с. 101, 182, рис. 74,14.
[281] Амброз, 1966, с. 83.
[282] Tejral, 1988, S. 295, Abb. 1,13,14; 8; 15-18. Tejral, 1992, Abb. 7,18.
[283] Хршановский, 1988, рис. 7.
[284] Tejral, 1988, S. 241, 295, Abb. 9,5; 16,3,4; 27,8,9; 28,24. Tejral, 1997, S. 351.
[285] Айбабин, 1990, с. 58, рис. 2,60.
[286] Kubitschek, 1911, S. 46, 64, Abb. 12,b,c,d,e. Tejral, 1988, S. 267-273, 295. Tejral, 1997, S. 334-340, Abb.6,3. Bóna, 1991, S. 19,270, Taf. 15. Pilet, 1995, p.331, fig. 3. Айбабин, Хайрединова, 1998, с.309.
[287] Айбабин, 1990, с. 28, рис. 2,47; 23,1,2.
[288] Salamon, Barkòczi, 1971, S. 39, 66, Abb. 6,1, Taf. XVII,1. Дмитриев, 1982, с. 104, рис. 10,16. Амброз, 1989, рис. 9,24,25. Tejral, 1997, S. 338, 351, Abb. 17,6,7.
[289] Айбабин, 1990, с. 28, рис. 2,43. Tejral, 1997, S. 338, 339, Abb. 17,2-4.
[290] Айбабин, 1990, с. 28, 29, рис. 2,45. Tejral, 1997, S. 338, 339, Abb. 17,17,18,20.
[291] Айбабин, 1990, с. 27-29.
[292] Айбабин, 1990, с. 28, рис. 2,48; 22,12. Храпунов, Мульд, 1997, с. 257, рис. 149,1. Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 297, рис. 8,7.
[293] Salamon, Barkòczi, 1971, S. 54, 66, Abb. 7,12, Taf. XVII,3. Магомедов, 1987, рис. 31,12,13. Амброз, 1989, с. 35, рис. 9,3; 13,1. Tejral, 1997, S. 327, 351, Abb. 6,3.

154/1904[294]. Овальные пряжки с язычком с имитацией зооморфной головы причислены к 8 варианту и разделены на два подварианта. Пряжки варианта 8-1 с граненым кольцом встречены в Скалистом в подбойной могиле 431 (рис. 22,*2*; XXVII,*144*) и в Керчи в захоронении 4 в склепе 154 (табл. XXIII,*10*)[295], а пряжки варианта 8-2 с гладким кольцом — в Херсонесе и Лучистом в склепе 54а (табл. XXIII,*4*; XXVII,*135*)[296].

Прямоугольная пряжка из Лучистого из захоронения 5 в склепе 88 (табл. XXIV,*2*; XXVII,*124*) аналогична пряжке из Керчи из склепа 154/1904[297], а трапециевидная пряжка из Лучистого из склепа 52 — пряжке с северного Кавказа из катакомбы V в. из Гиляча[298]. Рифленая пряжка из Лучистого из захоронения 5 в склепе 88 по форме рамки (табл. XXIV,*8*; XXVII,*134*) отличается от всех опубликованных рифленых пряжек. Ее же язычок по форме и декору типичен для пряжек периодов Д2 и Д2/Д3[299]. Там же лежали фигурные бляшки-накладки на ремень (табл. XXIV,*9*; XXVII,*117*).

В комплексы рассматриваемой группы входят наконечники ремней варианта 1а из двух гладких пластин (рис. 27,*5*)[300] и варианта 1б с продольной гранью по центру верхней пластины[301], наконечники 2 варианта из двух соединенных двумя рядами заклепок пластин (рис. 27,*11*), сходные с наконечником из погребения периода Д1[302], наконечники 5 варианта из бронзовой пластины, плакированные золотой фольгой, характерные для гуннских погребений первой половины V в. и более поздних[303]. Гладкие наконечники варианта 6-1 с пропилом для ремня в верхней части из Лучистого из склепа 88 (табл. XXIV,*10*) типологически родственны наконечникам из дунайских могил периодов Д1 и Д2[304], а наконечники с загнутым концом варианта 6-3 из заморского из могилы 11 (табл. XXIII,*7*; XXVII,*107*) и из Керчи из склепа 165/1904 из захоронения 3 — наконечнику из Унтерзибенбрунна периода Д2[305]. Литой наконечник с пропилом в верхней части варианта 6-4 и фасетированными боковыми краями из Харакса из могилы 33 (табл. XXIII,*4*; XXVII,*109*) подобен однотипным из Западной Европы из погребений первой половины V в.[306] Им синхронны наконечники с фигурным нижним концом (табл. XXIII,*13,14*; XXVII,*112*) из Лучистого из склепа 88, близкие обнаруженным в Поднестровье и Прикаспийском Дагестане[307].

Покрытая красным лаком миска с отогнутым вверх бортиком из склепа 88 (табл. XXII,*4*; XXVII,*137*) подобна мискам конца IV - начала V в. из Западного Причерноморья[308]. Краснолаковые миски из того же склепа (табл. XXII,*2*; XXVII,*128*) и из Скалистого из склепов 421 и 457 с закругленным бортиком типа Антиохия 965, 967 по Дж.Хейсу типичны для конца IV - начала V вв.[309] В Херсонесе такие миски содержа-

---

294 Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 291, рис. 21,25. Засецкая, 1993, с. 80, табл. 52,265.
295 Засецкая, 1993, с. 76, табл. 49,232. Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 76,23.
296 Айбабин, 1990, с. 29, рис. 2,50.
297 Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 299, рис. 16,28; 21,25. Засецкая, 1993, с. 80, табл. 52,263.
298 Ковалевская, 1981, рис. 60,11. Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 299, рис. 5,2.
299 Tejral, 1997, S. 351, Abb. 16,18; 23,3.
300 Айбабин, 1990, с. 50, рис. 2,46; 47,7-9.
301 Айбабин, 1990, рис. 47,10. Засецкая, 1993, с. 61, табл. 27,127а,б. Храпунов, Мульд, 1997, с. 257, рис. 149,4,5.
302 Айбабин, 1990, с. 50. Tejral, 1992, Abb. 3,20.
303 Айбабин, 1990, с. 51, рис. 2,56; 47,11,12. Tejral, 1988, Abb. 29,11-13.
304 Tejral, 1988, Abb. 22,7,8. Tejral, 1992, Abb. 3,27.
305 Tejral, 1988, Abb. 24,13. Айбабин, 1990, с. 51, рис. 2,49; 47,18.
306 Böhme, 1974, S. 76, 278, 291, Taf. B,33; 77,5; 91,3. Айбабин, 1984, с. 113, рис. 5,20.
307 Субботин, Дзиговский, 1990, рис. 6,2; 7,4. Гмыря, 1993, рис. 35,19.
308 Opait, 1985, p. 157, Abb. 4,2-4.
309 Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 59,17; 74,8. Hayes, 1972, p. 325-327, fig. 65,1.

лись в комплексах V - середины VI в.[310] Покрытый плохим розовым лаком кувшин из захоронения 5 в склепе 88 Лучистого (табл. XXII,*1*; XXVII,*125*) подобен извлеченным в Херсонесе из позднеримских склепов 1907 г.[311] и 5/1982 г. с множеством скелетов, вещами III-V вв. и монетой Аркадия I (395-408 гг.)[312].

Красноглиняные амфоры типа Keay XXIX с коническим корпусом с острой ножкой с Чатыр-Дага из могилы 2 (табл. XXI,*3*; XXVII,*102*)[313] и без нее типа Зеест 102б из Харакса из могил 7, 26 (табл. XXI,*2*; XXVII,*101*)[314] находились в употреблении в Средиземноморье с V в.[315] Различные варианты названных амфор встречены в Херсонесе и Западном Причерноморье в комплексах первой половины V в. и в слоях V-VII вв.[316] Красноглиняные амфоры с цилиндрическим туловом с ножкой происходят из Харакса из могил 3, 8, 15, 29 (табл. XXI,*5*), 33, с Чатыр-Дага из могилы 1 (табл. XXI,*6*; XXVII,*94*) и из Лучистого из склепа 54а (табл. XXI,*4*; XXVII,*95*)[317]. Однотипные амфоры есть в комплексах первой половины V в. из Суджи[318], Херсонеса[319], Тиры[320]. На некрополе Черная Речка в склепе 11/1989 такая же амфора (табл. XXI,*2*) лежала с пряжкой с круглой рамкой 2 варианта (рис. 21,*10*), золотыми пронизками (рис. 21,*16-26*) и серьгами с многогранниками (рис. 21,*30,31*), появившимися в первой половине V в. В Карфагене фрагменты североафриканских амфор данной формы содержались в слоях последней четверти IV - конца VI в.[321]

Стеклянные стаканы типа Сорокина I-Б из Харакса из могил 15, 29 (табл. XX,*10*; XXVII,*113*) и 33, из Лучистого из склепов 58 (табл. XXIV,*1*; XXVII,*141*) и 88, из Керчи из склепа 154/1904[322] близки форме 13с, а стаканы типа Сорокина I-Е из Беляуса (рис. 28,*1*), из Керчи из склепа 154/1904 (табл. XXII,*5*)[323] — форме 13а, стаканы типа Сорокина II из Харакса из могилы 33 (табл. XXI,*10*; XXVII,*88*) и из Керчи из склепа 145[324] — форме 13d из Средиземноморья. По данным Д.Фуа, сосуды форм 13с[325], 13а[326] и 13d[327] содержались в слое первой половины V в. Стеклянный рюмкообразный сосуд из Лучистого из склепа 88 (табл. XXII,*7*; XXVII,*114*) подобен средиземноморской форме 14 из слоев первой половины V в.[328] Стеклянные стаканы со шлифованными сотовидными углублениями того же типа, что из Харакса из могилы 29 (табл. XXI,*8*;

---

310 Романчук, Сазанов, 1991, с. 11, рис. 1,1,2.
311 Скубетов, 1911, рис. 64.
312 Зубарь, Ивлев, Чепак, 1990, с. 5, рис. 4,1.
313 Мыц, 1987, с. 153-154, рис. 5,10.
314 Блаватский, 1951, рис. 8,2; 13,1. Зеест, 1961, с. 121, табл. XL,102б.
315 Keay, 1984, p. 225, 227, fig. 26,1; 95,1.
316 Антонова и др., 1971, с. 83-84, рис. 3. Якобсон, 1979, с. 9, рис. 1,2. Кузманов, 1985, табл. А63. Романчук, Сазанов, 1991, с. 7.
317 Блаватский, 1951, рис. 8,1; 9,5-7; 13,2,3. Мыц, 1987, рис. 5,1. Айбабин, 1990, с. 14, рис. 2,35; 4,2,9.
318 Якобсон, 1979, с. 9, рис. 1,5.
319 Якобсон, 1979, с. 9. Антонова и др., 1971, рис. 8.
320 Кравченко, Корпусова, 1975, рис. 3,1; 6,2г.
321 Peacock, 1984, p. 119, 140, fig. 44,134; 45.
322 Сорокина, 1971, с. 86-87, рис. 1,2. Сорокина, 1973, с. 183, 186, рис. 2,1-2. Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,36; 3,4. Айбабин, Хайреднова, 1998, с. 297, рис. 8,20; 20,2.
323 Сорокина, 1971, с. 89, рис. 1,6. Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,40.
324 Сорокина, 1973, с. 183, рис. 2,3. Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,39; 3,7.
325 Foy, 1995, p. 198-199, pl. 9,76,77.
326 Foy, 1995, p. 199, pl. 9,71-73.
327 Foy, 1995, p. 200, pl. 9,80-83.
328 Foy, 1995, p. 200, pl. 10,93; 22,14. Maioli, 1994, p. 247, fig. III,153.

XXVII,*97*) и из Скалистого из склепа 434[329] в Паннонии и во Франции найдены в погребениях конца IV - первой половины V в.[330] В первой половине V в. в Средиземноморье были распространены чаши с накладным волнистым рельефным валиком[331], аналогичные лежавшей в могиле 82 (рис. 25,*12*), а до конца V в. — стеклянные кувшины, похожие на обнаруженный в склепе 54а (табл. XXII,*3*)[332].

По монетам 379-495 гг. из Инкермана из склепа 31 и 395-408 гг. из Херсонеса из склепа 5/1982 и датированным аналогиям из Подунавья и Средиземноморья комплексы четвертой группы из Юго-Западного Крыма датируются первой половиной V в.

На некрополе Дружное единственный комплекс, состоящий из типичных для этой группы пряжки с круглой рамкой варианта 5а (табл. XXVII,*143*), наконечников варианта 1б и более ранних находок, выявлен в склепе 87. Поскольку в Дружном в остальных погребальных сооружениях содержались только комплексы первой-третьей групп, то можно предположить, что последний раз на могильнике хоронили на рубеже IV-V вв. в склепе 87. Судя по лежавшим в поздних захоронениях на некрополях Чатыр-Даг и Харакс амфорам (табл. XXVII,*94,101,102*), а также найденным в Хараксе вместе с амфорами стеклянным сосудам (табл. XXVII,*88,97,113*), на названных могильниках погребали в течение всей первой половины V в. В Скалистом в ранних погребальных сооружениях лежали: в подбойной могиле 481 — железная овальная пряжка 2 варианта[333], находившаяся в употреблении в IV - первой половине V в., в склепе 101 — пряжка с овальной рамкой 3 варианта последней четверти IV-V вв. и лепная миска первой половины V в.[334], в склепе 421 — двухпластинчатые фибулы типов 21/IAA (табл. XXVII,*93*) и 21/IAB (табл. XXVII,*89*), краснолаковая миска типа Антиохия 965, 967[335] (типа табл. XXVII,*128*), в подбойной могиле 431 — пряжка с овальной рамкой варианта 8-1 (табл. XXVII,*144*), в склепе 434 — стакан со шлифованным орнаментом[336] (типа табл. XXVII,*97*), в подбойной могиле 438 — овальная рамка пряжки 5 варианта[337], в склепе 457 — краснолаковая миска типа Антиохия 965, 967[338], в склепе 485 — двухпластинчатые фибулы варианта21/IБА (табл. XX,*2*), а на некрополе у подножья Баклы в склепе 6б — круглая пряжка 3 варианта (рис. 20,II,*2*) и дунайская фибула (рис. 20,II,*1*) периода Д2. В Лучистом в ранних склепах и могиле находились вещи, характерные для четвертой группы: в склепе 52 — трапециевидная пряжка первой половины V в.[339], в склепе 54а — овальная пряжка варианта 8-2 (табл. XXVII,*135*), амфора с цилиндрическим туловом (табл. XXVII,*95*) и стеклянный кувшин (табл. XXVII,*112*), в склепе 55 — овальная пряжка варианта 5б (табл. XXVII,*142*), в склепе 58 — двухпластинчатая фибула типа 21/IIAA (табл. XXVII,*105*) и дунайская подвязная фибула (табл. XXVII,*106*) периода Д2, в могиле 82 — серьги (табл. XXVII,*111*) и стеклянная чаша (табл. XXVII,*129*), в склепе 88 — такие же, что и из могилы 82, серьги, пряжки с овальной рамкой вариантов 5а (табл. XXVII,*143*), 5б

---

[329] Сорокина, 1973, с. 184, рис. 2,10. Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,32; 3,10.
[330] Barcòczi, Salamon, 1968, S. 39, Fig. 7,1,2; 4,1; 6,2. Barcòczi, 1971, S. 71, Abb. 9. Böhme, 1974, S. 137, 150, 315, 316, Taf. 122,15.
[331] Sternini, 1995, p. 248, fig. 6,33,34.
[332] Sternini, 1995, p. 260, fig. 18,28.
[333] Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 88,24.
[334] Айбабин, 1990, с. 17, рис. 2,31; 7,12,15. Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 4,12,17.
[335] Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 74,8.
[336] Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 76,33.
[337] Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 79,15.
[338] Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 59,17.
[339] Айбабин, Хайрединова, 1998, рис. 5,2.

(табл. XXVII,*142*) и 7 (табл. XXVII,*123*), наконечник варианта 6-1 (табл. XXIV,*10*) периодов Д1 и Д2, краснолаковый кувшин (табл. XXVII,*125*) и миски (табл. XXVII,*128,137*), стеклянные сосуды (табл. XXVII,*96,113,114*). Происходящий из раскопанных в Лучистом, Скалистом и у подножия Баклы ранних погребальных сооружений инвентарь свидетельствует о возникновении двух первых некрополей на рубеже IV-V вв., а третьего — в первой половине V в.

В Керчи закрытые комплексы четвертой группы обнаружены в тайнике склепа 145/1904 и в семейных склепах 154/1904 и 165/1904. В двух последних склепах зачищено 11 и 10 скелетов[340]. В них вначале хоронили на лежанках, а потом на полу.

В склепе 154/1904 на лежанках нашли: на центральной на скелетах 5, 6 — круглые пряжки 3 варианта[341] последней четверти IV - первой половины V в., на левой в захоронениях 7, 8 — стаканы с синими каплями типов I-Б и I-Е[342] конца IV - первой половины V в.[343], одновременные им круглые пряжки 3 варианта[344], фрагмент двухпластинчатой фибулы с гнездами для вставок[345] и золотые пронизи-трубки[346], на правой лежанке в захоронениях 9, 10, 11 — стакан с синими каплями типа I-В[347] первой половины V в.[348], золотые пронизи-трубки и серьги со вставками из янтаря и сердолика[349], а на полу в погребении 1 — круглые пряжки 3 варианта[350], в перекрывающем его погребении 2 — двухпластинчатые фибулы с ножкой варианта 21/IIАА (табл. XXIII,*2*; XXVII,*118*)[351], золотые венок с индикацией монеты Валентиана I (364-375 гг.), пронизи-трубки и бляшки[352], большая пряжка с щитком, декорированным розеткой (табл. XXIII,*11*; XXVII,*136*)[353], в погребении 3 — круглая пряжка 3 варианта[354] и сделанная в первой половине V в. круглая пряжка 5 варианта[355], в захоронении 4 — пряжка варианта 8-1 (табл. XXIII,*10*; XXVII,*144*)[356], круглая пряжка 3 варианта[357].

В склепе 165/1904 на лежанках находились: на центральной в захоронении 4[358] — двухпластинчатая фибула варианта IББ[359] и подвязная, подобная дунайским из комплексов периода Д2 (табл. XXIII,*1*)[360], костяная пиксида, в захоронении 5 — золотой венок с индикацией монеты Савромата II (173/174-210/211 гг.)[361], круглые пряжки 3[362]

---

340 Засецкая, 1993, с. 95-98.
341 Засецкая, 1993, с. 96, кат. 233, 234, 261а,б. Айбабин, 1990, с. 28, рис. 2,26; 22,8-11,16-18.
342 Сорокина, 1971, с. 86, 87, 89, рис. 1,2,6. Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,36,40; 3,4,6.
343 Barcòczi, Salamon, 1968, S.39, Fig. 2,1-3; 3,3; 4,1; 6,2; 7,1,2. Böhme, 1974, S.137,150,315, Taf. 122,15.
344 Засецкая, 1993, с. 96, кат. 260-265.
345 Засецкая, 1993, с. 96, кат. 236.
346 Засецкая, 1993, с. 96.
347 Сорокина, 1971, с. 87, рис. 1,3.
348 Айбабин, 1990, с. 13, рис. 3,9.
349 Засецкая, 1993, с. 96, кат. 243, 245.
350 Засецкая, 1993, с. 96, кат. 219.
351 Амброз, 1992, с. 65, табл. 2,12. Засецкая, 1993, с. 96, кат. 222.
352 Засецкая, 1993, с. 96, кат. 220, 221, 225.
353 Засецкая, 1993, с. 96, кат. 223. Айбабин, 1990, с. 28, рис. 23,10.
354 Засецкая, 1993, с. 96, кат. 231а.
355 Засецкая, 1993, с. 96, кат. 231б. Айбабин, 1990, с. 28, рис. 2,48; 22,12.
356 Засецкая, 1993, с. 96, кат. 232.
357 Засецкая, 1993, с. 96, кат. 230.
358 Сорокина, 1971, рис. 4,4.
359 Айбабин, 1990, с. 18, рис. 2,42.
360 Tejral, 1988, S. 295, Abb. 16,3,4; 27,5; 29,5.
361 Засецкая, 1993, с. 97, кат. 288.
362 Засецкая, 1993, с. 97, кат. 291.

и 5[363] вариантов, пряжки с имитацией звериной головы на язычке 2 варианта[364], седло с колокольчиками[365], на правой в захоронении 6 — двухпластинчатые фибулы[366] варианта 21/IIАА (табл. XXIII,*3*; XXVII,*110*), на левой в захоронении 9 — круглая пряжка[367] 4 варианта первой половины V в.[368], в захоронении 10 — две двухпластинчатые фибулы[369] варианта 21/IIАА, на полу в захоронении 3 — круглые пряжки[370] 3 и 4 вариантов, наконечники ремня с загнутым нижним краем (типа табл. XXIII,*7*; XXVII,*107*)[371] и фрагменты пары двухпластинчатых фибул с накладками типа Смолин (табл. XXIII,*6*; XXVII,*131*)[372].

Полагают, что на Дунае пряжки с розеткой на щитке использовали в 420-454 гг.[373] или в период Д2 — 410-440 гг.[374], а двухпластинчатые фибулы варианта 21/IIАА с ножкой, расширенной выше середины — в первой трети V в.[375] или в период Д2[376]. Двухпластинчатые фибулы с накладками типа Смолин И.Вернер и А.К.Амброз датировали второй половиной V в.[377], Я.Тейрал — периодом Д2/Д3 — 430-455 гг.[378], тогда как Ф.Бирбрауэр —первой половиной V в.[379] Судя по местонахождению захоронений с упомянутыми выше датированными пряжками, стаканами, подвязной и двухпластинчатыми фибулами вариантов 21/IББ и 21/IIАА, в обоих склепах начали хоронить на центральных лежанках: в склепе 154 — на рубеже IV-V вв., а в склепе 165 — в первой четверти V в. В течение первой половины V в. погребали на боковых лежанках. Последние же захоронения на полу следует отнести к более позднему времени: в склепе 154 — к началу второй половины V в., в склепе 165 — ко второй половине V в. Как мы видим, в Керчи дунайские пряжку с розеткой и фибулы варианта 21/IIАА носили, по крайней мере, в начале второй половины V в., фибулы типа Смолин — во второй половине того же века.

Инвентарь из тайника склепа 145/1904 считают закрытым комплексом. Пряжка с круглым кольцом 6 варианта с инкрустированным щитком из его состава (табл. XXIV,*3*; XXVII,*132*)[380] типична для первой половины V в.[381] В могиле Хильдерика I (умер в 481 или 482 г.) документировано бытование таких пряжек в последней четверти V в.[382] По извлеченным из тайника стакану с синими каплями II типа, двухпластинчатой фибуле варианта IББ (табл. XXIII,*9*; XXVII,*98*), круглым пряжкам 3 вари-

---

[363] Айбабин, 1990, с. 28, рис. 2,48; 22,12. Засецкая, 1993, с. 97, кат. 292.
[364] Засецкая, 1993, с. 97, кат. 289, 290. Айбабин, 1990, с. 29, рис. 1,4.
[365] Засецкая, 1993, с. 97, кат. 293.
[366] Засецкая, 1993, с. 97, кат. 295, 296.
[367] Засецкая, 1993, с. 97, кат. 300.
[368] Айбабин, 1990, с. 28, рис. 2,47; 23,1,2.
[369] Засецкая, 1993, с. 97, 98, кат. 303.
[370] Засецкая, 1993, с. 97, кат. 278-280, 283.
[371] Засецкая, 1993, с. 97, кат. 286. Айбабин, 1990, с. 51, рис. 2,49; 47,18.
[372] Засецкая, 1993, с. 97, кат. 284.
[373] Csallàny, 1961, S. 121, 234, Taf. CCXV,11; CCXVII,3; CCXVIII,6.
[374] Tejral, 1988, S. 295, Abb. 27,7; 35,3.
[375] Werner, 1960, S. 177, 178. Амброз, 1982, с. 107.
[376] Tejral, 1988, S. 295, Abb. 9,4; 27,8,9; 28,14,27,28.
[377] Werner, 1961, S. 28, 29, № 100-103. Werner, 1959, S. 423-427, 432, Ann. 27. Annibaldi, Werner, 1963, S. 368.
[378] Tejral, 1988, S. 267-286, 295.
[379] Bierbrauer, 1992, S. 264, 272-275.
[380] Засецкая, 1993, с. 95, кат. 26.
[381] Werner, 1956, Taf. 4,1a,6; 16,11,13; 20,4; 52,2,3; 53,6, Abb. 47. Kazanski, 1982, Tabl. C. Айбабин, 1990, рис. 2,43; 22,20-24.
[382] Kazanski, Périn, 1988, p. 13, 36.

анта, колокольчику[383] комплекс можно синхронизировать с погребениями первой половины V в., зачищенными на лежанках склепов 154/1904 и 165/1904 и в Юго-Западном Крыму[384].

В составе комплексов пятой группы имеются пряжки с круглой рамкой 5 и 6 вариантов (табл. XXIII,*5*; XXIV,*3*; XXVII,*132,142,143*; рис. 29,*5,6*), двухпластинчатые фибулы варианта 21/IIAA (табл. XXIII,*2,3*; XXVII,*110,118*), стеклянные стаканы с синими каплями типов I-Б, I-В (табл. XX,*10*; XXVII,*113,133*) и I-Е (табл. XXII,*5*)[385], краснолаковые блюда типа Антиохия 910-2А и ARSW 62B[386], найденные и в захоронениях четвертой группы.

По общепринятому мнению, броши в форме цикады того же типа, что и из склепа 181/1902 из Керчи (табл. XXV,*2*; XXVII,*154*) и гробницы 3/1891 из Херсонеса (табл. XXV,*9*; XXVII,*152*), находились в употреблении в Западной Европе, на Балканах и на Кавказе в V-VI вв.[387] Однако в Крыму они появились с середины V в.[388] Длительное время использовали и другие вещи из рассматриваемых комплексов: во второй половине V - первой половине VI вв. — наконечники ремней варианта II/6-5[389], во второй половине V - первой половине VII вв. — серьги с многогранником (табл. XXIV,*12*; XXVII,*108*)[390].

Дата комплексов этой группы определяется по двухпластинчатым фибулам, отлитым с треугольной или полукруглой головкой и с имитацией кербшнитного декора, из могилы 12 (Сахарная Головка) (табл. XXV,*4*; XXVII,*150*), гробницы 3/1891 (Херсонес) (табл. XXV,*3*; XXVII,*147*) и склепа 190 (Скалистое) (табл. XXV,*5*; XXVII,*151*)[391]. Они аналогичны дунайским второй половины V в.[392]

В комплексах шестой группы в Херсонесе и на Боспоре встречены упомянутые выше краснолаковые блюда типа ARSW 62B.

Комплексы данной группы датируются по фибулам с тремя выступами на головке, которые в специальной литературе называют пальчатыми, и пряжкам. Пальчатые фибулы из Херсонеса и Керчи декорированы кербшнитной резьбой. На их полукруглой головке вырезаны завитки, а на ромбической ножке —концентрические ромбы (табл. XXV,*10*; XXVII,*148*)[393]. По декору они близки фибулам второй половины V в. из Подунавья и найденной в Херсонесе (табл. XXV,*1*; XXVII,*148*). По технологии исполнения орнамента фибулы делятся на два варианта. В первой половине VI в. в Подунавье и Италии изготовляли фибулы 1 варианта с кербшнитной резьбой[394]. Тем же периодом следует датировать подобные кербшнитные фибулы из Херсонеса (табл. XXV,*10*) и Керчи[395]. Декор более поздних фибул из Крыма 2 варианта подправлялся

---

[383] Засецкая, 1993, с. 95, кат. 25, 27-30, 63, 69.
[384] Айбабин, 1990, рис. 2,26,39,42,44.
[385] Айбабин, 1990, рис. 2,26,36,43,44,58.
[386] Hayes, 1972, p. 328-329, fig. 66,1. Романчук, Сазанов, 1991, с. 36.
[387] Werner, 1961, S. 48. Vinski, 1957, S. 158-160. Амброз, 1966, с. 35, 143.
[388] Айбабин, 1990, с. 26, 27, рис. 2,64; 10,7,13.
[389] Айбабин, 1990, с. 51, рис. 2,67; 47,14-17.
[390] Айбабин, 1990, с. 58, рис. 2,60.
[391] Айбабин, 1990, с. 19, рис. 2,66; 14,1,3,4,6.
[392] Werner, 1959, S. 427-431. Амброз, 1966а, с. 214. Амброз, 1971, с. 104. Heinrich, 1990, S. 94-96.
[393] Werner, 1961, S.31-33, Taf. 31,120,121; 33,125. Айбабин, 1990, с. 20,21, рис. 2,72; 14,11,13. Зубарь, Магомедов, 1981, рис. 5,1,2.
[394] Götze, 1907, S. 2, 3, 9, Abb. 2,8. Csallàny, 1961, Taf. VIII,10; XXVII,9; L,13; LXXIX,16; CXXXIV,2; CCLIX,2. Kovačevic, 1960, fig. 26,31,90,95. Vinski, 1978, Taf. 14,1,2. Bierbrauer, 1975, Taf. XXXIX,8; LII,1; LXXIII,3. Werner, 1961, S. 31-33. Айбабин, 1990, с. 20, 21.
[395] Айбабин, 1990, с. 20, рис. 2,72; 14,11.

резцом после отливки (табл. XXV,*13*). Об их дате свидетельствуют закрытые комплексы из Южного Крыма. В Суук-Су в могиле 155 находился инвентарь первой четверти VII в.[396], а в Лучистом в склепе 77 (табл. XXVIII,*23*) — пряжка со штампованным крестом на большом прямоугольном щитке варианта 5-2, характерная для первой половины VII в. (типа табл. XXVIII,*22*)[397] Вероятно, фибулы I варианта начали производить в Крыму по дунайским образцам в первой половине VI в., тогда как фибулы 2 варианта делали на полуострове во второй половине VI-VII вв.

В Херсонесе в склепе 14/1914 фибулы с концентрическими ромбами на ножке I варианта лежали с большой пряжкой с прямоугольным щитком варианта 1-1, украшенным кербшнитным геометрическим декором и пуансоном (табл. XXV,*12*; XXVIII,*1,3*). Она, вероятно, сделана в Италии[398]. Такие же пряжки из Подунавья относят к 472-568 гг.[399] и ко второй половине V - первой половине VI вв.[400], а из Италии — ко второй половине V - началу VI в.[401] В херсонесском склепе 14/1914 расчищены два скелета. В них с упомянутыми пряжкой и фибулами находились брошь в форме цикады и трехчастная пряжка с литыми кольцом, трехгранным язычком и прямоугольным щитком I варианта (типа табл. XXVI,*3*; XXVII,*165,169*)[402], бытовавшие в Западном и Восточном Причерноморье[403]. В Юго-Западном Крыму и в Дюрсо названные пряжки находились в погребениях первой половины VI в.[404] Эта дата подтвердилась в результате новых раскопок на некрополе Черная Речка. В склепе 5/1988 с такой пряжкой (рис. 21,*6*; табл. XXVII,*164*) найдены дно тарелки (рис. 24,*4*) со штампованным крестом позднего варианта III группы (по J.Hayes первая половина VI в.)[405], однотипная пряжка варианта 1-2 первой половины VI в. (рис. 21,*8*)[406] и наконечники ремней второй группы варианта 6-5 (рис. 21,*7,11,13-15*; табл. XXVII,*162*). Тем же периодом необходимо датировать большие пряжки с прямоугольным щитком варианта 1-1 (табл. XXVIII,*1,3*). В-образные пряжки варианта 1-1 из комплексов шестой группы бытовали в течение всего VI в. (табл. XXVI,*6,8*; XXVII,*155,156,170*)[407].

Двуручную амфору типа LRA 10 из красной глины с примесью слюды с веретенообразным туловом и полой ножкой из склепа 64 (Черная Речка) (табл. XXVI,*10*; XXVIII,*5*) И.Б.Зеест причислила к типу 95. Она неверно назвала некрополь и без каких-либо доказательств отнесла инвентарь склепа к IV в.[408] Фрагменты таких амфор имелись в слое с керамикой IV-VII вв. в Стамбуле[409], в слоях второй половины V-VI вв. в Марселе[410] и Карфагене[411], в комплексе первой половины VII в. из Язи Ада[412]. На

---

396 Айбабин, 1990, с. 20, рис. 2,72; 14,13.
397 Айбабин, 1990, с. 31, рис. 2,105.
398 Айбабин, 1979, рис. 5,6; 6. Айбабин, 1990, с. 39, 40, рис. 24,2. Амброз, 1980, с. 326.
399 Csallàny, 1961, S. 227, 331, № 201.
400 Vinski, 1978, S. 35-39.
401 Bierbrauer, 1975, S. 130-131.
402 Айбабин, 1979, с. 30, 31, рис. 5,5-7,9.
403 Айбабин, 1990, с. 36, рис. 2,68; 37,5,7-9,11-13.
404 Айбабин, 1990, с. 36, рис. 2,68. Дмитриев, 1982, с. 104, рис. 5,39.
405 Hayes, 1972, p. 349, 367-368, fig. 79,f,i,k,n.
406 Айбабин, 1990, с. 37, рис. 2,69; 37,18,21,22.
407 Айбабин, 1990, с. 37, рис. 2,70; 39,1,2,5.
408 Зеест, 1961, с. 118, 119, табл. XXXVIII,95.
409 Hayes, 1992, p. 63, fig. 22,9.
410 Bonifay, Villedieu, 1989, p. 27, fig. 7, L.R.A. 3.
411 Peacock, 1984, p. 121, fig. 34,4,5; 35,14.
412 Bass, 1982, p. 183, fig. 8-19,P74.

Афинской агоре целые амфоры извлечены из слоев конца IV и VI вв.[413], в Восточном Причерноморье — из слоев V-VI вв.[414] Амфоры из Крыма сделаны с ножками двух вариантов: 1 — с полыми и 2 — со сплошными. В Херсонесе и на Боспоре амфоры 1 варианта содержались в слоях V - первой половины VI вв., а 2 варианта — в слоях первой половины VI в.[415] В упомянутом склепе 64 амфора 1 варианта лежала с большой пряжкой с прямоугольным щитком 2 варианта первой половины VI в. (табл. XXVIII,*4,5*; рис. 22,*4*)[416]. На том же некрополе амфору LRA 10 варианта 1 нашли и в склепе 12/1989 (рис. 21; табл. XXVII,*15в*).

Исходя из вышесказанного, комплексы шестой группы следует отнести к первой половине VI в.

Комплексы второй половины VI-VII вв. делятся на три хронологические группы (седьмую, восьмую и девятую). Распределение инвентаря погребений по группам в основном базируется на классификации больших двухпластинчатых и пальчатых фибул, орлиноголовых пряжек и металлических деталей поясных ремней.

Большие двухпластинчатые фибулы из Крыма вырезаны из серебряной пластины или из белого металла (табл. XXVIII,*18,19,21,24*; XXIX,*2,7,12,25*). С обратной стороны они укреплены медными пластинами или стержнями. А.К.Амброз классифицировал их по декору, форме и пропорциям ножки. Соответствующие фибулы из Суук-Су он отнес к варианту II[417]. Мною фибулы данного варианта по декору и длине разделены на три подварианта: 1 — с рельефными декоративными накладками на головке длиной 18-22,5 см (рис. 40,*6*; табл. XXVIII,*18*); 2 — без накладок длиной 15-19,2 см (рис. 61,*1*; табл. XXVIII,*19*); 3 — длиной 7,3-13,9 см (табл. XXVIII,*21,24*)[418].

У серебряных пальчатых фибул головка и ножка декорированы завитками. Г.Кюн назвал их фибулами керченского типа[419]. Однотипные фибулы найдены в основном в Керчи, а также в Херсонесе, Суук-Су (склеп 162), Лучистом (склеп 54 захоронение 12) (табл. XXIX,*19*; рис. 63,*2,3*), Поднепровье[420], Подунавье и Германии[421]. Дунайские прототипы фибул керченского типа декорированы глубокой кербшнитной резьбой. Они изготовлялись во второй половине V - первой половине VI вв.[422]

По поводу хронологии крымских фибул керченского типа в литературе высказывались противоречивые суждения. Эта дискуссия изложена в одной из моих статей[423]. По словам А.К.Амброза, данные фибулы вошли в моду не ранее первой половины VI в. и использовались до второй половины VII в. и несколько позже[424]. Сейчас известно только три закрытых комплекса с фибулами керченского типа. В Керчи в могиле 19 они лежали с краснолаковой миской[425] LRC формы 3F (рис. 37,*7*). В Суук-Су в склепе 162 и в Лучистом в склепе 54 в захоронении 12 с рассматриваемыми фибулами (рис.

---

413 Robinson, 1959, p. 78, 79, 114-116, 119, pl. 17,L50,51; 33,M335; 34,M373. Riley, 1979, p. 229-230, fig. 48.
414 Scorpan, 1977, p. 272, 273, fig. 8,5,6.
415 Якобсон, 1979, с. 11, 12. Сазанов, 1992, с. 102, 104-106.
416 Айбабин, 1990, с. 30, рис. 2,71; 24,4.
417 Амброз, 1966, с. 86-89, 91. Амброз, 1988, с. 7.
418 Айбабин, 1990, с. 19.
419 Kühn, 1965, S. 92.
420 Айбабин, 1990, с. 21, рис. 2,88; 15,2,3; 32,1; II.
421 Kühn, 1965, Taf. 62,2,3,1-3.
422 Vinski, 1972-1973, tab. XI,60. Vinski, 1978, S. 40, Taf. X,1,12.
423 Айбабин, 1979, с. 212-214.
424 Амброз, 1992, с. 77-81, табл. X,2.
425 Айбабин, 1990, с. 16, 21, рис. 5,11; 15,3.

63,*2,3*) найдены орлиноголовые пряжки IV варианта (рис. 63,*1*)[426]. Очевидно, данные фибулы находились в употреблении на Боспоре во второй половине VI - первой половине VII в., а в Юго-Западном Крыму — во второй половине VII в. (табл. XXIX,*19*).

Серебряные позолоченные фибулы типа Удине-Планис отличаются от описанных выше большими размерами (рис. 43,*3*; табл. XXVIII,*11*). На их головке и ножке при отливке исполнены схематичные изображения вьюнков, подправленные резцом. Головка и ножка украшены гнездами с красными вставками. Ножка отлита с выступами с двумя отверстиями. Эти выступы являются важным отличительным признаком фибул типа Удине-Планис. По технике декора они делятся на два варианта. К 1 варианту следует отнести фибулы конца V - первой половины VI вв. из Италии, Франции и Подунавья, у которых декор выполнен глубокой кербшнитной резьбой и пуансоном, а на боковых сторонах ножки вместо выступов отлиты клюющие птицы[427]; ко 2 — фибулы из коллекции А.Л.Бертье-Делагарда, из Подунавья[428], Лучистого из склепа 77 с декором, подправленным резцом (рис. 43,*3*), из Керчи (рис. 38,*б*) и Прикубанья с орнаментом, вырезанным на литейной форме[429]. Фибулы типа Удине-Планис, выше отнесенные ко 2 варианту, Г.Кюн датировал 450-550 гг.[430], И.Вернер — первой половиной VI в.[431], а А.К.Амброз — второй половиной VI-VII вв.[432] Фибулы 2 варианта в Лучистом в склепе 77 найдены в захоронении 1 с серебряной пряжкой с большим прямоугольным щитком со штампованным крестом варианта 5-2 VII в. (рис. 43,*2*; табл. XXVIII,*11,12*)[433]. Однако, кольцо публикуемой пряжки такое же, как и у остготских VI в. из Подунавья, Италии и Херсона[434]. Скорее всего, пряжка из захоронения 1 является ранним экземпляром, изготовленным в конце VI - начале VII вв. Фибулы 2 варианта в Керчи в склепе 78/1907 лежали в захоронении на полке с В-образной пряжкой варианта 1-2 второй половины VI - первой половины VII вв. (табл. XXVI,*7*); в склепе 152/1904 — в верхнем слое, перекрывающем слой второй четверти и второй половины VI в., в склепе 180 — с поясным набором второй половины VII в. (табл. XXXI,*61,62,76*)[435] Приведенные факты позволяют ограничить период бытования в Крыму фибул типа Удине-Планис 2 варианта второй половиной VI-VII вв.

Фибулы с бордюром из птичьих головок из Крыма и Поднепровья многие причисляют к фибулам днепровского типа (табл. XXIX,*13*). Основной элемент их декора — птичьи головки, реалистично изображены на головках фибул из Скандинавии[436], Подунавья[437], Италии[438] и Лучистого (рис. 70)[439]. В Скандинавии, Пруссии, Испании и

---

426 Айбабин, 1990, с. 21, рис. 2,88,136; II.
427 Csallàny, 1961, Taf. CCVIII,5,6. Bierbrauer, 1975, S. 89, 215, 217, 220, 240, Taf. XLII,1,2; LXXIV,7. Pilet, 1995, p. 328, fig. 2,6.
428 Vinski, 1978, S. 40, Taf. 11,3.
429 Айбабин, 1990, с. 21, рис. 15,6.
430 Kühn, 1965, S. 100, Taf. 63-65. Kühn, 1974, Taf. S. 612-614.
431 Werner, 1961, S. 29-30.
432 Амброз, 1992, с. 79-81.
433 Айбабин, 1990, с. 31, рис. 2,105.
434 Vinski, 1978, S. 39, Taf. XIV,3. Bierbrauer, 1975, Taf. II,5. Bóna, 1976, p. 55-56, pl. 6. Айбабин, 1990, с. 29, 30, рис. 2,71; 24,1.
435 Айбабин, 1990, с. 21, 22, 38, 61, рис. 2,75,125,128,129,138,140; 15,5,6; 39,6; 50,16,18,29,30,40.
436 Germanen, Hunnen und Awaren, 1988, S. 465, Taf. 78,N XI,13.
437 Csallàny, 1961, Taf. CVIII,1,2.
438 Bierbrauer, 1975, Taf. XXIII,1.
439 Aibabin, 1993, p. 166-167, fig. 6.

Подунавье известны и фибулы с имитацией птичьих головок, подобные крымским[440]. По мнению Н.Оберга и А.К.Амброза[441], их производство возникло в Подунавье. На однотипной фибуле с Бельского городища имеется греческая надпись[442], сделанная после отливки, вероятно, мастером из Подунавья.

Пальчатые фибулы с полукруглой головкой, украшенной при отливке концентрическими дугами и изображением рубчика между ними, и ромбовидной ножкой с двумя выступами в виде птичьих голов и четырьмя круглыми из Лучистого (рис. 68,*6*), Скалистого и Херсонеса (рис. 68,*5*)[443], также как и фибула типа Кишкёреш из Лучистого (рис. 68,*1*), аналогичны происходящим с Пастырского городища[444] и из Подунавья[445].

В Крыму многочисленны пальчатые и антропоморфно-зооморфные фибулы, аналогичные известным в Поднепровье. Их обычно называют днепровскими. По декору пальчатые фибулы разделены на два варианта: I — с концентрическими кружками с точками (табл. XXIX,*15,21,22,28*; рис. 61,*2*; 62,*1*), II — с S-видными завитками (табл. XXIX,*14,27*). Однотипные фибулы известны в Южной, Центральной и Северной Европе[446]. Декор фибул II типа является упрощенным вариантом украшения дунайских фибул типа Истрия-Арчар[447].

Среди литых двухпластинчатых фибул выделяются многоглавые антропоморфно-зооморфные и двуглавые зооморфные[448]. По форме они делятся на четыре типа: I — многоглавые со щитком, подобным щиткам пальчатых фибул (табл. XXIX,*10*; рис. 62,*2*), II — двуглавые с грушевидным щитком (табл. XXIX,*8,20*), III — многоглавые с овальным щитком (табл. XXIX,*9*), IV — двуглавая со щитком с прямыми боковыми сторонами и закругленным краем[449]. Помимо Юго-Западного Крыма фибулы I-III типов встречены в Поднепровье, а одна II типа — в Венгрии[450].

Орлиноголовыми названы пряжки с щитками, отлитыми с изображениями головы птицы (орла или сокола). По декору и размерам они делятся на южнокрымские и боспорские.

Серебряные пряжки из Юго-Западного Крыма (табл. XXIX,*1,4,11,16,24*; рис. 40,*7*; 41,*9*; 42) состоят из массивного пластинчатого кольца, украшенного при отливке одним или двумя рядами S-видных завитков и стилизованными изображениями смотрящих одна на другую голов зверей, многогранного язычка и щитка с прямоугольным или трапециевидным выступом с птичьей головой. К передней стороне щитка припаяна и укреплена заклепками тонкая пластина, соединяющая его с кольцом. Между нижней частью этой пластины и щитком вставлялся конец широкого кожаного ремня. Его закрепляли бронзовыми гвоздиками. Теми же гвоздиками к соединительной пластине крепились усиливающие узкие бронзовые пластины. На кольце, на боковых сторонах язычка, по краям щитка на головке орла напаяны цилиндрические гнезда со вставками из красного, синего стекла, альмандинами или сердоликами. В

---

[440] Åberg, 1919, Abb. 69,72,73. Molinero, 1948, p. 128, 129, lam. XXIX,3; XLI. Kühn, 1965, S. 227-232, Taf. 91-92.
[441] Åberg, 1919, S. 73, 76, 77, 83,84,90. Амброз, 1974, с. 352-354.
[442] Шрамко, 1980, с. 78, рис. 4.
[443] Айбабин, 1990, с. 22, рис. 2,167; 20,5,6.
[444] Ханенко, Ханенко, 1901, табл. V, рис. 166.
[445] Werner, 1950, S. 153, 157, Taf. 29,26,28,29. Palas, 1981, fig. 4b,c. Teodor, 1992, fig. 4,5,6; 5,1,2,6.
[446] Åberg, 1919, Abb. 66,74. Csallány, 1961, Taf. CXCVII,2. Kühn, 1965, S. 97, Taf. 63,4,47; 64,4-13. Teodor, 1992, fig. 8-10. Werner, 1950, Taf. 29,26,28,29; 36,4,5; 38,15,18; 39,23; 40,36,37, Abb. 4.
[447] Vinski, 1978, Taf. 8,1,2.
[448] Амброз, 1974, с. 354-355. Рыбаков, 1953, с. 59.
[449] Айбабин, 1990, с. 25, 26, рис. 13.
[450] Kiss, 1996, Abb. 34,28.

центре напаяны прямоугольные или овальные гнезда со вставками из зеленого или красного стекла. Торцы у некоторых язычков отлиты с фигурками зверей. Щитки пряжек украшены орнаментом восьми вариантов[451].

Как установил А.К.Амброз, для обоснования хронологии описанных вещей большое значение имеет эволюция длины верхней части пластины, соединяющей кольцо и рамку пряжки — ранние сделаны с короткой пластиной, а поздние с самой длинной[452]. По данному признаку пряжки делятся на пять вариантов: I — 1-1,4 см, II — 1,6-2,2 см, III — 2,3-2,6 см, IV — 2,8-3 см, V — 3,1-3,8 см[453].

Пряжки I варианта датируются по монете Юстиниана I (527-565 гг.), миске ARSW формы 62B из Лучистого из склепа 100 (табл. XXIX,*3*) и вещам второй половины VI в. из Суук-Су (табл. XXIX,*1-2*; рис. 40-42)[454]. Время бытования пряжек II (рис. 60) варианта определяется по комплексам из Суук-Су из могилы 77 с монетой 597-602 гг.[455] и из могилы 124 с большими двухпластинчатыми фибулами варианта IIв-2 (табл. XXIX,*4,7,12*). Пряжки III варианта в Суук-Су в могилах 61 и 89 лежали с двухпластинчатыми фибулами варианта IIв-1, а в Лучистом в склепе 10 в слое 4 — с двухпластинчатыми фибрами варианта IIв-2 (табл. XXIX,*11,12*; рис. 61,*1*)[456]. Пряжки IV варианта (табл. XXIX,*16*) в Суук-Су в склепе 131 нашли с двуглавой зооморфной фибулой II типа (табл. XXIX,*20*) и краснолаковой миской варианта LRC формы 10C, а в подбойной могиле 154 — с однотипной миской (табл. XXIX,*30*). На склоне Эски-Кермена в склепе 257 в захоронении с орлиноголовой пряжкой V варианта находились подвеска, сделанная из половинки византийской золотой монеты 629-641 гг. и бронзовый византийский крест второй половины VII в., а в соседнем захоронении — серебряная монета 668-685 гг.[457] Как мы видим, пряжки с короткой пластиной, соединяющей кольцо и щиток, I варианта типичны для второй половины VI в., с пластинами II и III вариантов — для первой половины VII в., а с длинной пластиной IV и V вариантов — для второй половины VII в. (табл. XXIX)[458] В многослойных склепах 10 и 38 в Лучистом в верхних слоях найдены пряжки IV, V вариантов, а в нижних — пряжки с более короткой соединительной пластиной II, III вариантов[459].

Длина боспорских орлиноголовых пряжек меньше южнокрымских — не более 13,4 см (рис. 37,*1*; 38,*1,5*). Кольцо украшено рядом завитков, а щиток — цилиндрическими гнездами с альмандинами или вставками из красного стекла. У некоторых пряжек гнезда имитированы сплошными цилиндрами, на которых гравированными кружками обозначены вставки. Щитки пряжек отлиты с трапециевидным выступом с орлиной головкой или с прямоугольным выступом, таким же, как и на южнокрымских. Щиток одной из ранних пряжек сделан с прямоугольным отверстием в центре, закрытым припаянной снизу пластиной с гнездом с сердоликовой вставкой (рис. 37,*1*)[460]. Боспорские пряжки по декору и пропорциям щитка и выступа с орлиной головой родственны пряжкам из Подунавья из Книна, Северной Сербии[461], Чипэу[462] и Ятруса

---

[451] Айбабин, 1990, с. 32.
[452] Амброз, 1988, с. 5, 7, рис. 1.
[453] Айбабин, 1990, с. 33.
[454] Амброз, 1988, с. 7.
[455] Айбабин, 1990, с. 19, 33, 34, рис. 2,90,91; 30,2.
[456] Айбабин, 1990, с. 19, 33, 34, 62, рис. 2,80,91,107; 32,2; 33,2; XI.
[457] Айбабин, 1982, с. 186, 187, рис. 10,1-3,5,10.
[458] Айбабин, 1990, с. 33, 34, 62, рис. 2,136,166; 33,1; 34.
[459] Айбабин, 1990, с. 34, 62, рис. 54.
[460] Айбабин, 1990, с. 33, рис. 35,3. Aibabin, 1993, p. 165, fig. 1,1.
[461] Vinski, 1968, Abb. 2; 3.

из слоя VI в.[463] Прямоугольный вырез на щитке одной из керченских пряжек характерен для гепидских пряжек[464]. Орлиноголовые пряжки из Подунавья обычно датируют первой половиной VI в.[465], а некоторые погребения с однотипными пряжками — 567-600 гг.[466] По мнению Ф.Бирбрауэра, такие итало-остготские пряжки носили на территории Италии до прихода в 568 г. лангобардов[467]. Однако в Югославии однотипная пряжка найдена на некрополе Крань, на котором хоронили в 500-600 гг.[468]

На Боспоре орлиноголовые пряжки начали изготовлять по дунайским прототипам не ранее середины VI в., то есть позже, чем на Дунае. В Керчи их носили до конца VII в. Там однотипные пряжки нашли в склепе 1875 г. (табл. XXVIII,*10*) с пряжкой с прямоугольным щитком III варианта, сделанным в первой половине VI в. и отремонтированной во второй половине VI в. (табл. XXVI,*1*; XXVIII,*6*)*; в склепе 152 — в слое, перекрывающем слой второй четверти - второй половины VI в., в склепе 180 — с поясным набором второй половины VII в.[469] На склоне Эски-Кермена в могиле 315 боспорская орлиноголовая пряжка лежала с двухпластинчатыми фибулами варианта IIв-3 VII в. (табл. XXVIII,*23*)[470].

Большие серебряные пряжки с ромбовидным щитком (рис. 64), украшенным четырехлепестковым или крестовидным гнездом со вставками светлого стекла и сделанными при отливке и подправленными резцом ромбом, S-видными завитками и зооморфными фигурами по конструкции, способу крепления на ремне, форме и декору кольца и язычка близки орлиноголовым пряжкам южнокрымского типа. Рассматриваемые пряжки А.К.Амброз считал продукцией крымских ювелиров-потомков переселившихся на полуостров гепидских мастеров. По его словам, декор крымских пряжек является сильно искаженным вариантом среднедунайских. Крымские мастера наряду с элементами гепидского стиля (звериная голова с цветными вставками, клюющие орлы) использовали мотивы I скандинавского звериного стиля (изображенные у основания щитка звериные головы в профиль с широко раскрытой пастью, а по краям заостренной части щитка — парные фигуры лежащих зверей) (рис. 64,*1*). Местные ювелиры сохраняли лишь общее впечатление от заимствованного декора, произвольно варьируя непонятыми мелкими деталями, сильно искажая некоторые из них[471]. У данных пряжек пластины, соединяющие кольцо и щиток, той же длины (не короче 3 см), что и у орлиноголовых южнокрымских пряжек V варианта. По мнению А.К.Амброза, этот признак свидетельствует о бытовании пряжек во второй половине VII в.[472] На некрополе Чуфут-Кале в склепе 7 одна из них обнаружена с орлиноголовой пряжкой V варианта, а другая в Скалистом в склепе 288 (рис. 64,*1*) — с пряжками второй половины VII в.[473]

С середины VI в. среди варваров-союзников Византии распространились пояса со

---

[462] Rusu, 1959, Abb. 2; 3.
[463] Gomolka-Fuchs, 1993, S. 358, Abb. 4,1.
[464] Aibabin, 1993, fig. 1,1.
[465] Амброз, 1968, с. 16, 17. Vinski, 1968, S. 332-335.
[466] Csallàny, 1961, S. 355, 358.
[467] Bierbrauer, 1975, S. 143-145, 150-158.
[468] Vinski, 1968, S. 339.
* В статье М.Казанского (Kazanski, 1996a, fig. 4,4,5) ошибочно указано место находки обеих пряжек. Они найдены не в склепе у "Долгой скалы", а на склоне г. Митридат в 1875 г.
[469] Айбабин, 1990, с. 34, рис. 2,112,119,120,121,128,138,140; 12,3; 26,1; 50,16,18,28,39,40.
[470] Айбабин, 1990, с. 34, рис. 12,3,4; 35,1,2.
[471] Амброз, 1968, с. 17-20. Веймарн, Амброз, 1980, с. 249-261.
[472] Веймарн, Амброз, 1980, с. 261.
[473] Айбабин, 1990, с. 35, рис. 2,166,177,178; 36.

свисающими узкими ремнями (рис. 44; табл. XXXI)[474]. Основной ремень застегивался металлической пряжкой, состоявшей из рамки и подвижной иглы. Многие пряжки делали со щитком, к которому прикрепляли конец основного ремня. На лицевой стороне его и ремешков закрепляли металлические бляшки, сделанные в форме гербового щита, либо имеющие в декоре элемент такой формы, а на концах ремней — наконечники с тем же орнаментом. Эти пояса в литературе называют геральдическими. По технике изготовления и декору деталей наборы делятся на пять типов: I — с литыми деталями, орнаментированными в том же стиле, что и пряжки типа Суцидава (табл. XXXI,*24,25*), II — с литыми прорезными и гладкими деталями (рис. 44; табл. XXXI,*1-23,26-50,61-65,71-77,80-82,89*), III — с литыми гравированными деталями (рис. 59,*1-20*; табл. XXXI,*54-60,68-70,78*), IV — с деталями с инкрустацией и напаянным декором (табл. XXXI,*79,83-88*), V — со штампованными деталями (табл. XXXI,*51-53*)[475].

Для погребений седьмой группы показательны двухпластинчатые фибулы варианта IIв-1, пальчатые фибулы керченского типа, орлиноголовые боспорские и южнокрымские пряжки I варианта, большие пряжки с прямоугольным щитком с оттиснутым изображением креста варианта 5-1 (табл. XXVIII,*8*)[476], В-образные пряжки вариантов I-2, II-1 и II-4-1 (табл. XXX,*3,5,19*)[477], пряжки с треугольной рамкой I варианта (табл. XXX,*2*)[478], пряжки с трапециевидной рамкой вариантов I-5 и I-7 (табл. XXX,*7*)[479], входящие в геральдические поясные наборы II типа бляшки с волнистым верхним краем 2 варианта[480], фигурные бляшки[481], бляшки, отлитые в виде кружков I варианта[482], наконечники ремней варианта I-1[483].

В могилах седьмой группы в Керчи[484], Скалистом[485] и на Черной Речке лежали краснолаковые миски LR-C формы F[486], а в Суук-Су в могиле 193 — миска LRC формы 10A (табл. XXIX,*29*), а в склепе 131 и в подбойной могиле 154 — миски LRC формы 10C (табл. XXIX,*30*)[487]. Они, по определению Д.Хэйса, являются более поздним вариантом формы 3 F[488]. Аналогии форме 3F из Греции относят к первой половине VI в.[489] и позднему VI в.[490] Миски формы 10A Д.Хэйс датировал второй половиной VI в.[491] В Херсонесе и на Боспоре миски форм 3F и 10A встречены в комплексах второй половины VI - первой половины VII вв.[492] В Лучистом в склепе 100 миска формы ARSW 62B (табл. XXIX,*3*) лежала с орлиноголовой пряжкой второй половины VI в. (табл. XXIX,*1*).

На склоне Эски-Кермена из склепа 337 извлечена дунайская подвязная широко-

---

474 Амброз, 1973а, с. 295, 298. Амброз, 1981, с. 16.
475 Айбабин, 1990, с. 52.
476 Айбабин, 1990, с. 31, рис. 28,1. Веймарн, Айбабин, 1993, с. 97, 98, 84, рис. 71,3; 110,12.
477 Айбабин, 1990, с. 38, 39, рис. 2,75,79,84; 39,3,6,7,16,17,20,25.
478 Айбабин, 1990, с. 40, рис. 2,82; 38,2,3.
479 Айбабин, 1990, с. 48-49, рис. 2,74,87; 46,24,26.
480 Айбабин, 1990, с. 52, рис. 2,76; 49,16,32,33.
481 Айбабин, 1990, с. 53, рис. 2,77; 49,7,25,26.
482 Айбабин, 1990, с. 54, рис. 2,86; 49,30.
483 Айбабин, 1990, с. 55, рис. 2,85; 48,1; 49,29.
484 Айбабин, 1990, с. 16, рис. 5,11.
485 Веймарн, Айбабин, 1993, с. 190, рис. 71,4.
486 Hayes, 1972, p. 335, fig. 69,17,19,23,24.
487 Репников, 1907, с. 106, рис. 10. Hayes, 1972, p. 345, fig. 71,1-6,14.
488 Hayes, 1972, p. 345.
489 Hayes, 1972, p. 335. Abadi-Reynal, Sodini, 1992, p. 23, fig. 7,CF105,CF106.
490 Robinson, 1959, p. 116, pl. 33,M350; 71,M350.
491 Hayes, 1972, p. 345.
492 Романчук, Сазанов, 1991, с. 28, 32, 33.

пластинчатая фибула серии 16-4/III[493].

На некрополях в могилах восьмой группы преобладают широкопластинчатые подвязные фибулы серии 16-4/III (табл. XXVIII,*14,16,17*)[494], двухпластинчатые фибулы вариантов IIв-1[495], IIв-2[496] и IIв-3 (табл. XXVIII,*21,24*)[497], пальчатые фибулы типов Керчь[498] и Аквилея 2 варианта[499], днепровские I[500] и II типов[501], фибулы с бордюром из птичьих головок[502], литые двухпластинчатые фибулы I типа[503], орлиноголовые боспорские[504] и южнокрымские пряжки II (табл. XXIX,*4*) и III вариантов (табл. XXIX,*11*)[505], большие пряжки с прямоугольным щитком 3 (табл. XXVIII,*26*)[506], 4 (табл. XXVIII,*25*), 5 (табл. XXVIII,*22*)[507] и 6 (табл. XXVIII,*15,20*)[508] вариантов, В-образные пряжки вариантов II/3 (табл. XXX,*18*)[509], II/4-2 (табл. XXX,*11*)[510], II/4-3 (табл. XXX,*12*)[511], II/6 (табл. XXX,*13*)[512] и II/8-1 (табл. XXX,*4*)[513], лировидные пряжки 2 (табл. XXX,*21*)[514], 3 (табл. XXX,*22*)[515] и 4 (табл. XXX,*23*)[516] вариантов, пряжки с трапециевидной рамкой вариантов I-1 (табл. XXX,*9*)[517] и I-9 (табл. XXX,*10*)[518], цельнолитые пряжки с овальной рамкой варианта II/4-1 (табл. XXX,*17*)[519] и детали геральдических поясных наборов I и II типа (табл. XXXI,*1-50,61-65*)[520].

В Скалистом в склепе 153 с пряжками первой половины VII в. лежали красноглиняные ойнохои[521]. В Византии на Афинской Агоре самые ранние однотипные сосуды встречены в слое раннего VII в.[522], а в Стамбуле — в слое конца VI-VII вв.[523] Светлоглиняный кувшин из Суук-Су из могилы 155 по форме подобен античным лекифам (табл. XXIX,*18*). Аналогичные кувшины из Одесского музея и из Керчи (рис. 56,*1*) относили к концу IV - началу VI вв.[524] В Суук-Су в названной могиле кувшин лежал с

---

493 Айбабин, 1990, с. 18, рис. 8,12. Горюнов, Казанский, 1983, с. 202. Јанковић, 1981, с. 194.
494 Айбабин, 1990, с. 18, рис. 2,94; 8,11,13.
495 Айбабин, 1990, с. 19, рис. 2,80; 11,2.
496 Айбабин, 1990, с. 19, рис. 2,91; 12,1,2.
497 Айбабин, 1990, с. 19, рис. 2,119; 12,3,4.
498 Айбабин, 1990, с. 21, рис. 2,88; 15,2.
499 Айбабин, 1990, с. 21, 22, рис. 2,125; 15,5.
500 Айбабин, 1990, с. 22, рис. 2,109; 19,1,2.
501 Айбабин, 1990, с. 22, рис. 2,110.
502 Айбабин, 1990, с. 22-25, рис. 2,108.
503 Айбабин, 1990, с. 26, рис. 2,111; 13,1.
504 Айбабин, 1990, с. 34, рис. 2,120; 35,1,4.
505 Айбабин, 1990, с. 33, рис. 2,90,107; 30,2; 31,1; 32,2.
506 Айбабин, 1990, с. 30-31, рис. 2,121; 25,2-6; 26,1.
507 Айбабин, 1990, с. 31, рис. 2,105; 28,2,3.
508 Айбабин, 1990, с. 31-32, рис. 2,92; 27,5,6; 28,5.
509 Айбабин, 1990, с. 39, рис. 2,126; 39,15.
510 Айбабин, 1990, с. 39, рис. 2,99; 39,14; 40,4.
511 Айбабин, 1990, с. 39, рис. 2,113; 39,26.
512 Айбабин, 1990, с. 40, рис. 2,96; 39,8-10.
513 Айбабин, 1990, с. 40, рис. 2,118; 39,13.
514 Айбабин, 1990, с. 41, рис. 2,127; 40,3.
515 Айбабин, 1990, с. 41, рис. 2,102; 40,5-8,11.
516 Айбабин, 1990, с. 41, рис. 2,117; 40,10,14.
517 Айбабин, 1990, с. 48, рис. 2,95; 46,20,21.
518 Айбабин, 1990, с. 49, рис. 2,116; 46,25.
519 Айбабин, 1990, с. 43, рис. 2,122; 42,6.
520 Айбабин, 1990, с. 61, 62, рис. 2,97,98,100,101,103,104,106,112-115,124.
521 Веймарн, Айбабин, 1993, с. 191, рис. 12,13,14,18,19. Айбабин, 1990, рис. 2,116,117.
522 Robinson, 1959, p, 121, pl. 35, №№ 5-11.
523 Hayes, 1992, p. 11, fig. 3,3.
524 Блаватский, 1985, с. 28.

подвязными широкопластинчатыми фибулами конца VI - первой половины VII в. (табл. XXVIII,*14*), а в могиле 154 — с орлиноголовой пряжкой IV варианта второй половины VII в. (табл. XXIX,*18*)[525].

В склепах девятой группы находились малые пальчатые фибулы с ромбической ножкой с двумя выступами в виде птичьих голов и четырьмя круглыми (рис. 68,*5,6*)[526]. Однотипные фибулы из Подунавья относят ко второй половине VI - первой половине VII в.[527] Подобные фибулы обнаружены в Эдессе с пряжкой VII в. типа Сиракузы[528], в Лучистом в склепе 10 в слое 2 — с пальчатой фибулой типа Кишкёреш (рис. 68,*1*)[529]. Полагают, что эти фибулы производили во второй половине VI - первой половине VII вв.[530] Однако, в Лучистом в склепе 10 фибулы обоих названных типов сопровождались инвентарем второй половины VII в.[531]

Для захоронений данной группы показательны литые двупластинчатые антропоморфно-зооморфные фибулы II (табл. XXIX,*20*), III и IV типов[532], южнокрымские орлиноголовые пряжки IV и V вариантов (табл. XXIX,*16,24*)[533], большие пряжки с ромбическим щитком (рис. 64)[534], лировидные пряжки 1 (табл. XXX,*28*)[535] и 5 (табл. XXX,*49*)[536] вариантов, псевдопряжки[537], цельнолитые пряжки с овальным кольцом вариантов II/2 (табл. XXX,*50*)[538], II/3-1 и II/3-2 (табл. XXX,*36,37*)[539], II/7-3 (табл. XXX,*25,44,45*)[540], II/10-1 (табл. XXX,*20*)[541], пряжки с трапециевидной рамкой вариантов 1-6 (табл. XXX,*40*)[542], 1-8 (табл. XXX,*30*)[543], 1-10 (табл. XXX,*35*)[544], II-6[545] и II-8[546], входящие в поясные наборы третьей группы II типа двурогие бляшки вариантов 1-2, 1-4 и 1-5 (табл. XXXI,*62,65*)[547], Т-образные бляшки 3, 5 и 8 вариантов[548], бляшки в виде двух щитков[549], щитковидные бляшки 2 и 3 вариантов (табл. XXXI,*71,72*)[550], бобовидные бляшки 2 варианта[551], трехщитковые бляшки 2 варианта[552], бляшки в виде

---

525 Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,93,108,109,136; 4,7.
526 Айбабин, 1990, с. 22, рис. 20,5,6.
527 Teodor, 1992, p. 128, fig. 4,5,6; 5,1,2,6.
528 Pallas, 1981, p. 298, fig. 4,a,b,c.
529 Айбабин, 1990, с. 22, рис. 20,2.
530 Kühn, 1981, S. 57, Taf. 2,11. Teodor, 1992, p. 128-129, fig. 5,6; 6,2.
531 Айбабин, 1990, с. 21.
532 Айбабин, 1990, с. 26, 61, рис. 2,133,134; 13,2,5-8.
533 Айбабин, 1990, с. 33, рис. 2,136,166; 33,1; 34.
534 Айбабин, 1990, с. 35, рис. 2,178; 36.
535 Айбабин, 1990, с. 41, рис. 2,143; 40,1,2.
536 Айбабин, 1990, с. 41, рис. 2,144; 40,12.
537 Айбабин, 1990, с. 40, рис. 39,19.
538 Айбабин, 1990, с. 42, рис. 2,161; 41,11.
539 Айбабин, 1990, с. 42, рис. 2,149,160; 42,1-3; 43,1.
540 Айбабин, 1990, с. 44, рис. 2,135; 41,3-5.
541 Айбабин, 1990, с. 45, рис. 2,158; 41,13,14.
542 Айбабин, 1990, с. 49, рис. 2,162; 46,18.
543 Айбабин, 1990, с. 49, рис. 2,174; 46,22.
544 Айбабин, 1990, с. 49, рис. 2,177; 46,23.
545 Айбабин, 1990, с. 49, 50, рис. 2,169; 46,6.
546 Айбабин, 1990, с. 50, рис. 2,180; 46,11.
547 Айбабин, 1990, с. 52, 53, рис. 2,140,156,163; 50,40,47-49.
548 Айбабин, 1990, с. 53, рис. 2,138,159,172; 50,14,16-18; 52,4.
549 Айбабин, 1990, с. 54, рис. 2,131; 51,7,8,17.
550 Айбабин, 1990, с. 54, рис. 2,129,157; 50,27-30,32,34,38.
551 Айбабин, 1990, рис. 2,154; 51,31.
552 Айбабин, 1990, с. 55, рис. 2,147; 51,44,48.

двух соединенных кружков 2 варианта (табл. XXXI,*82*)[553], полушаровидные бляшки[554], наконечники ремней вариантов I-2, I-3 и I-4[555], II-2[556], III[557] и IV[558] типов, составляющие геральдические поясные наборы III типа бляшки с фигурной верхней частью (рис. 59,*4,6,12*)[559], Т-образные бляшки 1 и 2 вариантов (рис. 59,*10*)[560], щитковидные бляшки (рис. 59,*3,5,11,14-17*)[561], наконечники основных ремней 1 и 2 вариантов (рис. 59,*20*)[562], наконечники дополнительных ремней (рис. 59,*7-9,13,18,19*)[563], двухчастные прямоугольные бляхи (табл. XXXI,*56*)[564] и обоймицы (рис. 59,*2*)[565], принадлежавшие поясным наборам IV типа наконечники ремней с инкрустацией (табл. XXXI,*86*)[566] и к поясным наборам V типа бляшки 2 варианта[567].

Бронзовый позолоченный крест со склона Эски-Кермена из склепа 385 (захоронение 6) подобен византийским золотым крестам из Керчи, хранящимся в коллекции А.Л.Бертье-Делагарда в Британском Музее и в Римско-Германском музее в Майнце[568]. Аналогичные византийские кресты в Келегеях и в Византии найдены с монетами 642-646 гг.[569]

В склепах девятой группы встречены наиболее ранние аланские антропоморфные амулеты[570] и перстни с крестом на щитке[571].

Относительная хронология каждой группы определяется в результате изучения местонахождения скелетов с некоторыми комплексами в склепе 78/1907 в Керчи и стратиграфии захоронений в многослойных склепах в Керчи, Херсонесе и Лучистом. В склепе 78[572] на полу в захоронениях 1-5 лежали: на костяке 1 — пара пальчатых гепидских фибул[573], на детском скелете под центральной лежанкой — пряжка с овальным кольцом и язычком из проволоки и круглым щитком варианта 3-1[574], в центре камеры напротив входа на костяке 4 — две двухпластинчатые фибулы варианта 21/IIAA (табл. XXVI,*5*)[575], на соседнем костяке — аланский антропоморфный амулет[576] и пряжка с трапециевидной рамкой варианта 1-6[577], в углу под левой лежанкой на скелете ребенка 6 — антропоморфный амулет. На лежанках найдены: на правой на костяке 7 — пара сережек с многогранником и В-образная пряжка варианта I-2 (табл.

---

553 Айбабин, 1990, с. 54, рис. 2,173; 51,3,4.
554 Айбабин, 1990, рис. 2,170; 51,29,50.
555 Айбабин, 1990, с. 55, рис. 2,128,137,139; 48,9-12,14,33.
556 Айбабин, 1990, с. 55, рис. 2,155; 48,26.
557 Айбабин, 1990, с. 55, рис. 2,141; 48,29.
558 Айбабин, 1990, с. 55, 56, рис. 2,176; 48,31.
559 Айбабин, 1990, с. 56, рис. 2,146; 43,4,6,12,22.
560 Айбабин, 1990, с. 56, рис. 2,151,171; 43,10,21.
561 Айбабин, 1990, с. 56, рис. 2,148; 43,3,5,8,11-15,17,25,27.
562 Айбабин, 1990, с. 56, рис. 2,130,150; 43,20; 48,35; 52,30,31.
563 Айбабин, 1990, с. 56, рис. 2,145; 43,7,9,16,18,19.
564 Айбабин, 1990, с. 56, рис. 2,132; 43,28.
565 Айбабин, 1990, с. 56, рис. 2,152; 43,2.
566 Айбабин, 1990, с. 57, рис. 2,175; 52,10.
567 Айбабин, 1990, с. 57, рис. 2,142; 52,26.
568 Braun, 1984, p. 10, 11, T. 9.
569 Ross, 1965, t. X,B; XII. Айбабин, 1991, с. 32, рис. 3,12. Соколова, 1993, с. 148, 149.
570 Айбабин, 1990, с. 58, рис. 2,164.
571 Айбабин, 1990, с. 59, рис. 2,181.
572 Шкорпил, 1910, с. 31-34.
573 Айбабин, 1990, рис. 16,4.
574 Айбабин, 1990, с. 36, 37, рис. 2,69.
575 Айбабин, 1990, с. 18-19, рис. 10,3.
576 Айбабин, 1990, с. 58, рис. 2,164.
577 Айбабин, 1990, с. 48, рис. 2,74; 46,24.

XXVI,*7*)[578], на костяке 8 — пальчатые фибулы типа Удине-Планис[579], на краю центральной лежанки на костяке 9 — В-образные пряжки вариантов I-1б (табл. XXVI,*6*) и I-2, пряжка с овальным кольцом из проволоки варианта 3-1 (табл. XXVI,*9*) и пряжка с трапециевидной рамкой варианта 1-5[580], рядом на костяке 10 — пара серег с многогранником и два браслета, на левой лежанке на костяке 12 — бронзовая пиксида и пара пальчатых фибул керченского типа[581] с подвесками из римской и боспорской (Котиса I 45/46-62/63) монет с отверстиями[582], на костяке 13 — пряжки с трапециевидной рамкой варианта 1-5 и В-образная варианта 1-2[583]. В ранних захоронениях на лежанках находились В-образные пряжки вариантов I-1б и I-2, характерные для комплексов шестой и седьмой групп, пряжки с трапециевидной рамкой варианта 1-5, типичные для комплексов седьмой и восьмой групп, и пальчатые фибулы типа Удине-Планис 2 варианта, а в последних захоронениях на полу — пряжки с трапециевидной рамкой варианта 1-6 и антропоморфный амулет, обычные в комплексах девятой группы, пара двухпластинчатых фибул варианта 21/IIAA и две пары пальчатых фибул (гепидских и керченского типа).

В Херсонесе в склепе 62/1909 на костяках на лежанках обнаружены В-образная пряжка варианта I-1а (табл. XXVI,*8*; XXVII,*15б*) и трехчастная литая пряжка с овальным кольцом и хоботовидным язычком 2 варианта (табл. XXVI,*4*), типичные для захоронений шестой группы, а на полу — пряжка с прямоугольным щитком с крестом варианта 5-1, аналогичная встреченным в погребениях седьмой группы (табл. XXVIII,*8*)[584]. В Лучистом в склепе 10 в верхнем слое 1 находились цельнолитые пряжки с овальным кольцом вариантов II/3-3 и II/8, использовавшиеся в первой половине VIII в.[585], в слое 2 — цельнолитая пряжка варианта II/3-2, орлиноголовая пряжка V варианта (табл. XXIX,*24*), малые пальчатые фибулы типа Кишкёреш (рис. 68,*1*) и с ромбической ножкой (рис. 68,*6*), обычные в комплексах девятой группы, и двухпластинчатые фибулы варианта IIв-1 (табл. XXIX.*25*), в нижнем слое 3 — лировидная пряжка 3 варианта, типичная для комплексов восьмой группы, и цельнолитая пряжка с овальной рамкой варианта II/4-1 (типа Сиракузы) (табл. XXIX,*17*; XXX,*38*), в слое 4 — двухпластинчатые фибулы варианта IIв-2, орлиноголовые пряжки III варианта (табл. XXIX,*11*), пряжка с прямоугольным щитком 6 варианта с изображением льва (табл. XXVIII,*15*; рис. 53,*4*), цельнолитая пряжка с овальным кольцом варианта II/4-1, трапециевидная пряжка варианта II-2, характерные для комплексов восьмой группы, в слое 5, на полу — пальчатые фибулы, близкие по декору фибулам из Германии и Бельгии[586]. Там же в склепе 36 в верхнем слое 1 лежали псевдопряжки и цельнолитая пряжка с овальным кольцом варианта II/3-2 и пряжка типа Салона-Истрия, показательные для комплексов девятой группы, в слое 2 — пальчатые днепровские фибулы I и II типов, фибулы с бордюром из птичьих головок и фибулы с декором из элементов I скандинавского звериного стиля (рис. 70), цельнолитая пряжка с овальным кольцом варианта II/4-1, на полу в слое 3 — фрагменты красноглиняной круглодонной амфоры и пряжка с овальным кольцом 4 варианта, подобная происходящим из комплексов

---

578 Айбабин, 1984, с. 113, рис. 4,18,19. Айбабин, 1990, с. 58, рис. 2,60.
579 Айбабин, 1990, с. 21, 22, рис. 2,125.
580 Айбабин, 1990, с. 37,38,48, рис. 2,69,70,74,75; 39,5; 46,24.
581 Айбабин, 1990, рис. 5,16; 15,2.
582 Шкорпил, 1910, с. 63.
583 Айбабин, 1982, рис. 4,11,12.
584 Айбабин, 1990, с. 31, 36, 37, рис. 2,70,105; 28,1; 37,16; 39,2.
585 Айбабин, 1990, с. 42, 45, рис. 2,190,191. Айбабин, 1994/1995, рис. 4,14,15.
586 Kühn, 1965, S. 174-176, Taf. 82,7,5,6. Айбабин, 1994/1995, с. 135, рис. 17.

четвертой и пятой групп[587]. Там же в склепе 38 в верхнем слое 1 обнаружена цельнолитая пряжка с овальным кольцом варианта II/4-1 (табл. XXX,*38*), в слое 2 — орлиноголовая пряжка IV варианта (табл. XXIX,*16*), типичная для девятой группы, и цельнолитая пряжка с овальной рамкой варианта II/4-1, в слое 3 — пальчатые фибулы днепровские I типа и с бордюром из птичьих головок, литые двухпластинчатые антропо-зооморфные II и III типов, орлиноголовая пряжка II варианта (табл. XXIX,*4,8,9*), В-образная пряжка варианта II-1, цельнолитые пряжки с овальным кольцом варианта II/3-1 и II/4-1, трапециевидная пряжка 5 варианта, круглые бляхи с полушаровидным выступом, на полу в слое 4 — орлиноголовая пряжка II варианта. Там же в склепе 54 в слое 3 найдены пальчатые фибулы керченского типа и с бордюром из птичьих голов, днепровские пальчатые фибулы I типа, литая двухпластинчатая антропо-зооморфная фибула III типа, орлиноголовая пряжка IV варианта (табл. XXIX,*16,19,20,21*), цельнолитая пряжка с овальным кольцом варианта II/4-1 (табл. XXIX,*17*), круглые бляхи с полушаровидным выступом, в слое 4 — цельнолитая пряжка с овальным кольцом варианта II/4-1, в слое 5 на полу — В-образная пряжка варианта I-2[588].

Абсолютная дата инвентаря погребений седьмой группы устанавливается по южнокрымским орлиноголовым пряжкам I варианта второй половины VI в. и монете Юстиниана I 527-565 гг. из Суук-Су из склепа 56 (табл. XXIX,*1*)[589].

Хронология инвентаря захоронений восьмой группы основана на монете 597-602 гг. из Суук-Су из могилы 77 и южнокрымских орлиноголовых пряжках II и III вариантов, изготовлявшихся в первой половине VII в. (табл. XXIX,*4,5,11*)[590].

В многослойных склепах находки, типичные для комплексов девятой группы, находились в слоях, перекрытых слоями с вещами первой половины VIII в., но отсутствовали в нижних слоях. Для определения даты погребений данной группы важны орлиноголовые пряжки IV и V типов, большие пряжки с ромбическим щитком, крест, подобный византийским второй половины VII в. Некоторые украшения и детали поясных наборов аналогичны входящим в состав комплексов последней четверти VII в. из Келегей и Перещепины[591]. Очевидно, вещи из захоронений девятой группы датируются второй половиной VII в.

В комплексах десятой группы есть изготовлявшиеся в VII в. красноглиняные ойнохои, стеклянные бокалы и рюмки, со второй половины VII в. — византийские бронзовые шарнирные пряжки с овальным кольцом варианта 1-4[592], 2-2 (табл. XXX,*56*)[593] и с последней четверти VII в. — перстни со стеклянными вставками в конусовидных и цилиндрических гнездах (табл. XXXII,*4,18*)[594], перстни с крестами и с изображениями святого Георгия[595], серьги с одетой на стержень стеклянной бусиной (табл. XXXII,*17*)[596].

Для захоронений данной группы характерны византийские цельнолитые пряжки с

---

[587] Айбабин, 1990, с. 24, 25, 62.
[588] Айбабин, 1990, с. 62, 63.
[589] Репников, 1906, с. 15, 16. Айбабин, 1990, с. 63, рис. 2,81.
[590] Айбабин, 1990, с. 63, 64, рис. 2,90,107.
[591] Айбабин, 1990, с. 63, 64.
[592] Айбабин, 1990, с. 46, рис. 42,15.
[593] Айбабин, 1990, с. 46, рис. 42,19,20.
[594] Айбабин, 1993а, с. 122, рис. 2,4,18; 5,16,18.
[595] Айбабин, 1993а, с. 122, рис. 5,15,17.
[596] Айбабин, 1993а, с. 123, рис. 2,17; 5,31.

овальным плоским в сечении кольцом вариантов II/3-3 (табл. XXXII,*14*)[597], II/5 (табл. XXXII,*10*)[598], II/7-4 (табл. XXXII,*11*)[599], II/8 (табл. XXXII,*15*)[600], шарнирные пряжки варианта 6-2 (табл. XXX,*54*; XXXII,*16*)[601], пряжки типа Коринф 1 варианта (табл. XXXII,*7,13*)[602], трехчастные пряжки с овальным кольцом из проволоки 3 варианта[603], пряжки с трапециевидной рамкой вариантов II/5 (табл. XXXII,*5*)[604], II/6 (табл. XXXII,*2*)[605], II/8[606], щитковидные, луновидные и прямоугольные с прорезью поясные бляхи (табл. XXXII,*8,13*)[607], серьги с одетым на кольцо стержнем из согнутой вдвое проволоки (табл. XXXII,*17*)[608]. Шарнирные пряжки с сегментовидной рамкой и с щитком с растительным декором 1 варианта (табл. XXXII,*7*)[609] и детали поясных наборов (табл. XXXII,*1,3,9*)[610] по форме и декору близки происходящим из Приуралья и Мордовии[611]. Бляшки, штампованные или отлитые в виде двух рядов шариков, подобны известным на Алтае[612]. Литые серебряные серьги с кольцом с тремя округлыми выступами близки византийским и сделанным на Пастырском городище[613]. В склепах обнаружены только железные фибулы с короткой ножкой, изготовленные из пластины или трех спаянных стержней[614].

В комплексах одиннадцатой группы встречены некоторые вещи упомянутых выше типов: красноглиняные ойнохои, стеклянные бокалы и рюмки, цельнолитые пряжки с овальным кольцом варианта II/8 (табл. XXXII,*15*), трехчастные пряжки с овальным кольцом из проволоки 3 варианта, луновидные и прорезные прямоугольные поясные бляшки и перстни с цилиндрическим гнездом, железные фибулы и обломок малой пальчатой фибулы типа Кишкёреш[615].

Для комплексов данной группы типичны византийские пряжки типа Коринф 2 варианта (табл. XXXII,*22*)[616], цельнолитые пряжки с овальным кольцом варианта II/7-5 (табл. XXXII,*11*)[617], цельнолитые пряжки с щитком, отлитым в виде трех дисков[618], шарнирные пряжки вариантов 6-3, 6-4[619] и с фигурным щитком с изображением сердцевидных листьев (табл. XXXII,*24*)[620], пряжки с кольцом из проволоки 4 варианта

---

[597] Айбабин, 1990, с. 42, рис. 2,190; 42,4.
[598] Айбабин, 1990, с. 43, рис. 2,187; 42,22.
[599] Айбабин, 1990, с. 44, рис. 2,186; 41,6.
[600] Айбабин, 1990, с. 45, рис. 2,191; 41,8.
[601] Айбабин, 1990, с. 47, рис. 2,192; 45,3.
[602] Айбабин, 1993а, с. 172, рис. 2,7,13.
[603] Айбабин, 1990, с. 36, рис. 28,4; 37,14.
[604] Айбабин, 1990, с. 49, рис. 2,185; 46,10.
[605] Айбабин, 1990, с. 49, 50, рис. 2,169; 46,4,6.
[606] Айбабин, 1990, с. 50, рис. 2,180; 46,11.
[607] Айбабин, 1993а, с. 122, рис. 2,8,13.
[608] Айбабин, 1993а, с. 123, рис. 2,17; 5,31.
[609] Айбабин, 1993а, с. 122, рис. 4,1,2.
[610] Айбабин, 1990, рис. 53,2-9,34,36-39. Айбабин, 1993а, с. 122, рис. 2,1,3,9.
[611] Иванов, 1952, табл. XXX,4,6; XXXII,11; XXXIV,9. Голдина, 1970, с. 90-91, табл. 6,24,26. Генинг, 1979, с. 101, 102, рис. С,32,52,59,61,63. Айбабин, 1982, с. 172, 175, 178-182, рис. 1,26; 3,7,13,16; 4,2-7; 6,1,3-9,10; 7,7-9,12,18,19,21,23,24.
[612] Айбабин, 1990, рис. 53,10,11. Гаврилова, 1965, табл. XII,2; XIX,2; XXIV,5.
[613] Айбабин, 1993а, с. 123, рис. 6,45. Айбабин, 1973, с. 66.
[614] Айбабин, 1993а, с. 123, рис. 29,30,32.
[615] Айбабин, 1993а, с. 123, рис. 2,8,9,15,18; 3,12; 7,15,18,20,21. Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 31,28.
[616] Айбабин, 1982, с. 172, 174, рис. 2,16,17,19; 3,3. Айбабин, 1993а, с. 123, рис. 2,22; 3,14.
[617] Айбабин, 1990, с. 45, рис. 41,7.
[618] Айбабин, 1990, с. 48, рис. 44,6.
[619] Айбабин, 1990, с. 48, рис. 45,5,6.
[620] Айбабин, 1993а, с. 123, рис. 2,24; 3,2,7-11.

(табл. XXXII,*23*)[621]. На щитках пряжек с В-образным в плане литым плоским в сечении кольцом из Скалистого из склепа 203 и из Эски-Кермена из склепа 192 исполнены птица, напавшая на зверя, и цирковая сцена[622]. Они аналогичны пряжкам из Турина, отнесенным О.Хессеном к VII в.[623] и из крымских комплексов одиннадцатой группы (табл. XXXII,*27*)[624]. В могилах той же группы находились византийские серьги с пирамидкой из зерни с припаянным полым шариком с тремя зернинками (табл. XXXII,*32*) и с припаянными к кольцу зернинками и шариком (табл. XXXII,*33*)[625], красноглиняные гончарные кувшины с воронкообразным горлом, расписанные красной краской[626], с широким горлом[627], с отогнутым наружу низким горлом[628], с высоким узким горлом со слегка отогнутым наружу венчиком[629], уральские шарнирные пряжки с сегментовидной рамкой 2-4 вариантов[630], поясные бляхи оправы того же типа, что и обнаруженные в Песчанке и Столбицах с солидом Льва III Исавра 717-741 гг.[631], характерные для салтовской культуры цельнолитые бронзовые пряжки вариантов I/2 (табл. XXXII,*26*)[632], I/4[633], II типа (табл. XXXII,*30*)[634], штампованные круглые бляхи[635], двухщитковые бляхи с прямоугольными приемниками[636], бубенчики составные (табл. XXXII,*31*) и цельнолитые с рифленой нижней частью[637], квадратные ворворки (табл. XXXII,*25*)[638], литые серьги со стерженьком с шаровидным завершением (табл. XXXII,*20*), колодки для подвешивания бусин с тремя отверстиями (табл. XXXII,*28*)[639], копоушки (табл. XXXII,*29*) и перстни со стеклянной вставкой, закрепленной крестообразно расположенными лапками (табл. XXXII,*21*)[640].

В комплексах двенадцатой группы имеются византийские пряжки типа Коринф 2 варианта (табл. XXXII,*22*)[641], шарнирные пряжки с ажурным щитком[642], серебряные пряжки, на щитках которых вычеканены тюльпан с двумя стеблями и стоящая в круге утка с шарфом на шее и веткой в клюве[643]. Основные элементы описанной композиции представлены в декоре красноглиняной гончарной ойнохои из Скалистого из склепа 307. На покрытой желтым ангобом поверхности сосуда коричневой краской изображены утка в круге с шарфом на шее и веткой в клюве и тюльпан[644]. Ойнохои и

---

621 Айбабин, 1990, с. 36, рис. 38,25,26. Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 2,23.
622 Айбабин, 1993а, с. 123, рис. 3,4,5.
623 Hessen, 1974, S, 554, Abb. 6.
624 Айбабин, 1993а, с. 123, рис. 2,27; 3,1,6.
625 Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 2,33; 5,31.
626 Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 7,15.
627 Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 7,17.
628 Айбабин, 1993а, с. 123, рис. 9,21.
629 Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 7,19; 10,16; 11,1.
630 Айбабин, 1993а, с. 122, 124, рис. 4,3,6-8,11.
631 Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 2,19; 8,3. Кропоткин, 1962, с. 24, рис. 18,1.
632 Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 2,26.
633 Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 4,13,16; 8,48.
634 Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 2,30; 8,46.47; 9,20.
635 Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 8,18.
636 Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 8,1,2.
637 Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 5,20.
638 Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 2,25; 8,16.
639 Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 2,28; 5,1; 10,9.
640 Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 2,21; 5,22.
641 Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 2,22.
642 Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 3,15.
643 Айбабин, 1990, с. 47, рис. 44,8.
644 Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 7,7.

стеклянные бокалы такие же, как и происходящие из ранних погребальных сооружений. В рассматриваемых комплексах доминируют салтовские цельнолитые гладкие (табл. XXXII,*34*)[645] и рифленые (табл. XXXII,*46*) бубенчики, колокольчики (табл. XXXII,*35*)[646], перстни со стеклянными (табл. XXXII,*21*)[647] и металлическими вставками, закрепленными крестообразно расположенными лапками (табл. XXXII,*44*)[648], двухчастные коробочки (табл. XXXII,*40*)[649], отлитые в виде цепочки колодки для подвешивания бус (табл. XXXII,*45*)[650], привезенные с Приуралья накосники[651].

В комплексах тринадцатой группы содержатся как названные выше ойнохои, кувшины с высоким узким горлом со слегка отогнутым наружу венчиком, стеклянные бокалы, салтовские пряжки II типа, гладкие бубенчики и коробочки, пряжки вариантов I/2, I/3, II, так и салтовские пряжки вариантов I/1 (табл. XXXII,*50*)[652], I/4 (табл. XXXII,*56*)[653], наконечники (табл. XXXII,*43*), бляшки (табл. XXXII,*37,38,42,51*) и украшения (табл. XXXII,*47,48,53,54*), византийские височные подвески со штампованными изображениями смотрящих на кустик павлинов или птиц с поднятыми крыльями[654]. Щиток серебряной пряжки из Скалистого из склепа 241 украшен семью круглыми гнездами с синими и зелеными стеклянными вставками, а в центре — треугольным гнездом с синей вставкой[655]. Находка в Скалистом склепе 127е красноглиняной миски, покрытой плохим красным лаком, подтверждает вывод С.А.Плетневой о более длительном, чем принято считать, использовании краснолаковой керамики[656].

Об относительной хронологии групп можно судить по местоположению и стратиграфии захоронений с инвентарем этих групп в погребальных сооружениях Эски-Кермена и Лучистого.

На склоне Эски-Кермена в склепе 193 кости и пряжку второй половины VII в.[657] первоначально погребенного сместили к стене, а на расчищенном месте совершили захоронения с типичными для десятой группы византийскими цельнолитыми пряжками вариантов II/5, II/7-4 (табл. XXXII,*10,11*)[658], а в склепе 257 детское захоронение с цельнолитой пряжкой, показательной для данной группы варианта II/8, перекрывало скелет 8 с пряжкой второй половины VII в. (табл. XXX,*37*; XXXII,*15*)[659] Там же в квадрате 21 вначале выкопали могилу 240 с византийской цельнолитой пряжкой варианта II/7-4, а затем — могилу 243 с салтовскими вещами, характерными для двенадцатой группы (табл. XXXII,*21,34,35*). В Лучистом в склепе 10 в верхнем слое зачищены два скелета с византийскими цельнолитыми пряжками вариантов II/3-3, II/8 перекрывавшими слой с орлиноголовой пряжкой V варианта и инвентарем девятой группы второй половины VII в. (табл. XXXII,*14,15*)[660], в склепе 54 в верхнем слое 1 выяв-

---

[645] Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 2,34; 5,6; 12,13.
[646] Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 2,35; 5,10; 12,3.
[647] Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 2,21; 5,22.
[648] Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 2,44; 5,21,25.
[649] Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 2,40; 5,5.
[650] Айбабин, 1993а, с. 124, рис. 2,45; 5,2.
[651] Айбабин, 1993а, с. 125, рис. 5,11,14.
[652] Айбабин, 1993а, с. 125, рис. 2,50.
[653] Айбабин, 1993а, с. 125, рис. 2,56; 8,42.
[654] Айбабин, 1993а, с. 125, рис. 9,7,8; 14,1.
[655] Айбабин, 1993а, с. 125, рис. 3,16.
[656] Айбабин, 1993а, с. 125, рис. 7,1. Плетнева, 1963, с. 33.
[657] Айбабин, 1990, с. 43, 44, рис. 42,21.
[658] Айбабин, 1993а, с. 126, рис. 2,10,11.
[659] Айбабин, 1982, с. 187, 188, рис. 9; 10,6,12.
[660] Айбабин, 1993а, с. 126, рис. 2,14,15.

лены захоронения с пряжками типа Коринф 2 варианта и салтовской II типа, в слое 2 — с пряжками, показательными для десятой группы типа Коринф I варианта и цельнолитой варианта II/5, а в слое 3 — вещи VII в. (табл. XXXII,*10,12,22,30*)[661] Там же в склепе 29 погребение с серьгами и височными подвесками тринадцатой группы находилось под захоронением со штампованными деталями поясных наборов конца IX - начала X вв.[662], тогда как в склепе 6 слой с вещами данной группы находился под слоем с десятью погребенными с инвентарем X-XII вв. и монетой 1143-1180 гг.[663]

Судя по стратиграфическим данным, комплексы десятой группы позднее комплексов второй половины VII в., но раньше комплексов одиннадцатой группы, которые старше комплексов двенадцатой и тринадцатой групп. Комплексы десятой группы по однотипным находкам из Приуралья отнесены к первой половине VIII в.[664] Салтовские украшения второй половины VIII - первой половины IX вв.[665] имеются в составе комплексов одиннадцатой и двенадцатой групп (табл. XXXII,*20,21,25,28,29,31*). Первые из них по аналогии из Столбиц, видимо, можно датировать второй половиной VIII в., а вторые по салтовским вещам — первой половиной IX в.[666] Комплексы тринадцатой группы старше захоронений, совершенных после начала X в. При определении верхней хронологической границы данной группы необходимо учитывать факт отсутствия в них стеклянных браслетов, распространившихся в Крыму с рубежа IX-X вв.[667] Наиболее поздние вещи из комплексов — салтовские пряжки варианта I/4 и серьги со стерженьком с грушевидным завершением — типичны для конца IX - первой половины X в.[668] Вероятно, последнюю группу следует датировать второй половиной IX в.

[661] Айбабин, 1993а, с. 126, рис. 2,10,12,22,30.
[662] Айбабин, 1993а, с. 125, рис. 9,7,8; 10,12; 14,2,4-19. Плетнева, 1989, с. 78, 165, 172.
[663] Айбабин, 1993а, с. 126, 127, рис. 13,29.
[664] Айбабин, 1990, рис. 2,180-193. Айбабин, 1993а, с. 126.
[665] Плетнева, 1967, с. 137, 140, рис. 36. Плетнева, 1981, с. 64, рис. 37.
[666] Айбабин, 1993а, с. 126.
[667] Айбабин, 1991, с. 46, 47.
[668] Плетнева, 1981, рис. 37,129,128. Корзухина, 1954, с. 81. Ляпушкин, 1958, с. 29, 188, рис. 15,3.

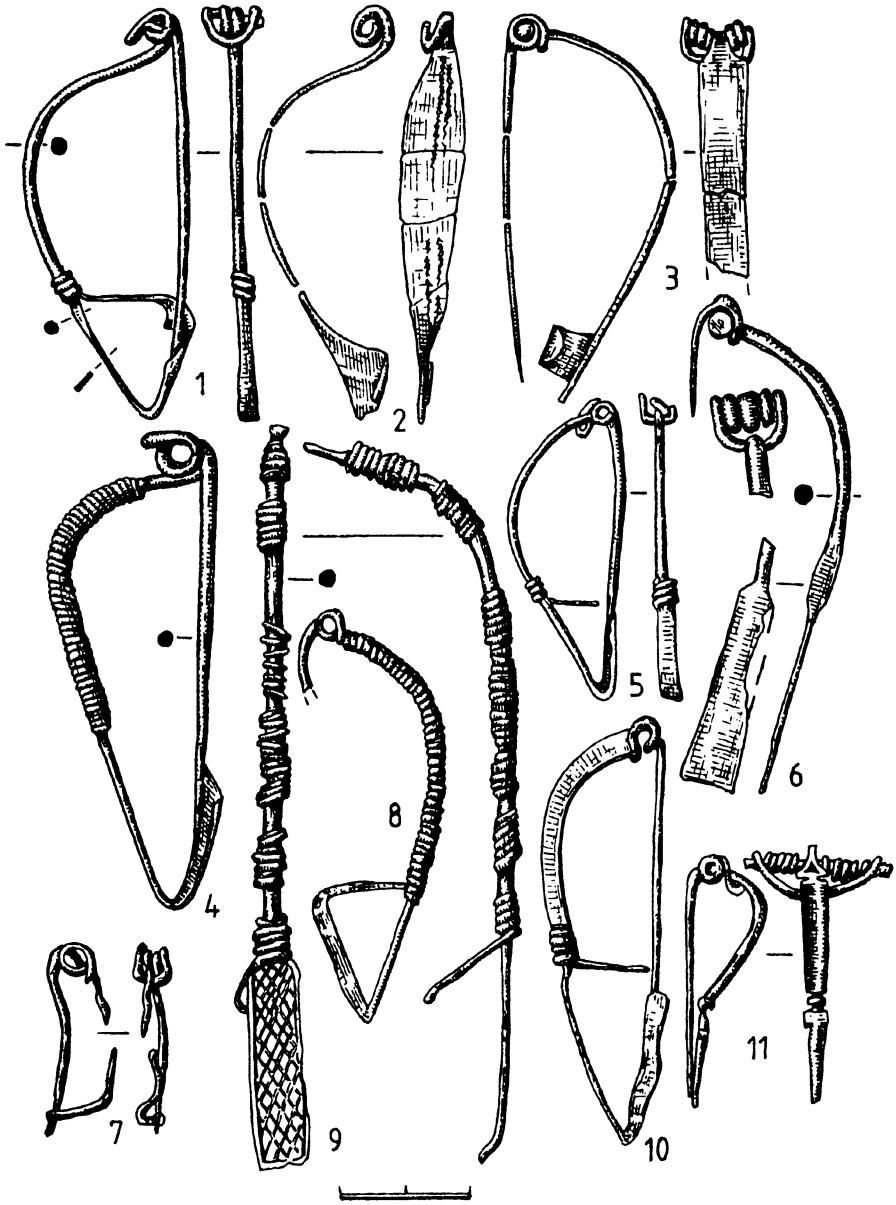


Табл. I. Фибулы из захоронений первой группы. *1-3,5-9* - Черная речка (*1* - могила 50; *2,5* - могила 72; *3* - могила 59; *6,8* - могила 35; *7,9* - могила 6); *4* - Тиритака, склеп V,1934; *10* - Керчь, могила Месаксуди; *11* - Дружное, склеп 1.

1 - Амброз, 1966, с. 49; Бабенчиков, 1963, с. 105, табл. IX,4; *2* - Амброз, 1966, с. 44; Бабенчиков, 1963, с. 108, табл. IX,1; *3* - Айбабин, 1994а, рис. 28,4; *4* - Амброз, 1966, с. 51, табл. IX,13; *5* - Амброз, 1966, с. 52; Бабенчиков, 1963, с. 106, табл. IX,5; *6* - Амброз, 1966, с. 52; Амброз, 1989, рис. 2,26; Бабенчиков, 1963, с. 99, 107; Айбабин, 1994а, рис. 28,3; *7* - Амброз, 1966, с. 47; *8* - Амброз, 1989, с. 88, рис. 2,28; *9* - Амброз, 1966, с. 52; *10* - Амброз, 1966, с.54; Rostovtzeff, 1923, p. 116-117; Айбабин, 1996, рис. 3,10; *11* - Амброз, 1966, с. 62; Айбабин, 1984, рис. 2,3,8; Айбабин, 1990, с. 18, рис. 2,1; 8,1; Айбабин, 1994а, рис. 11,2.

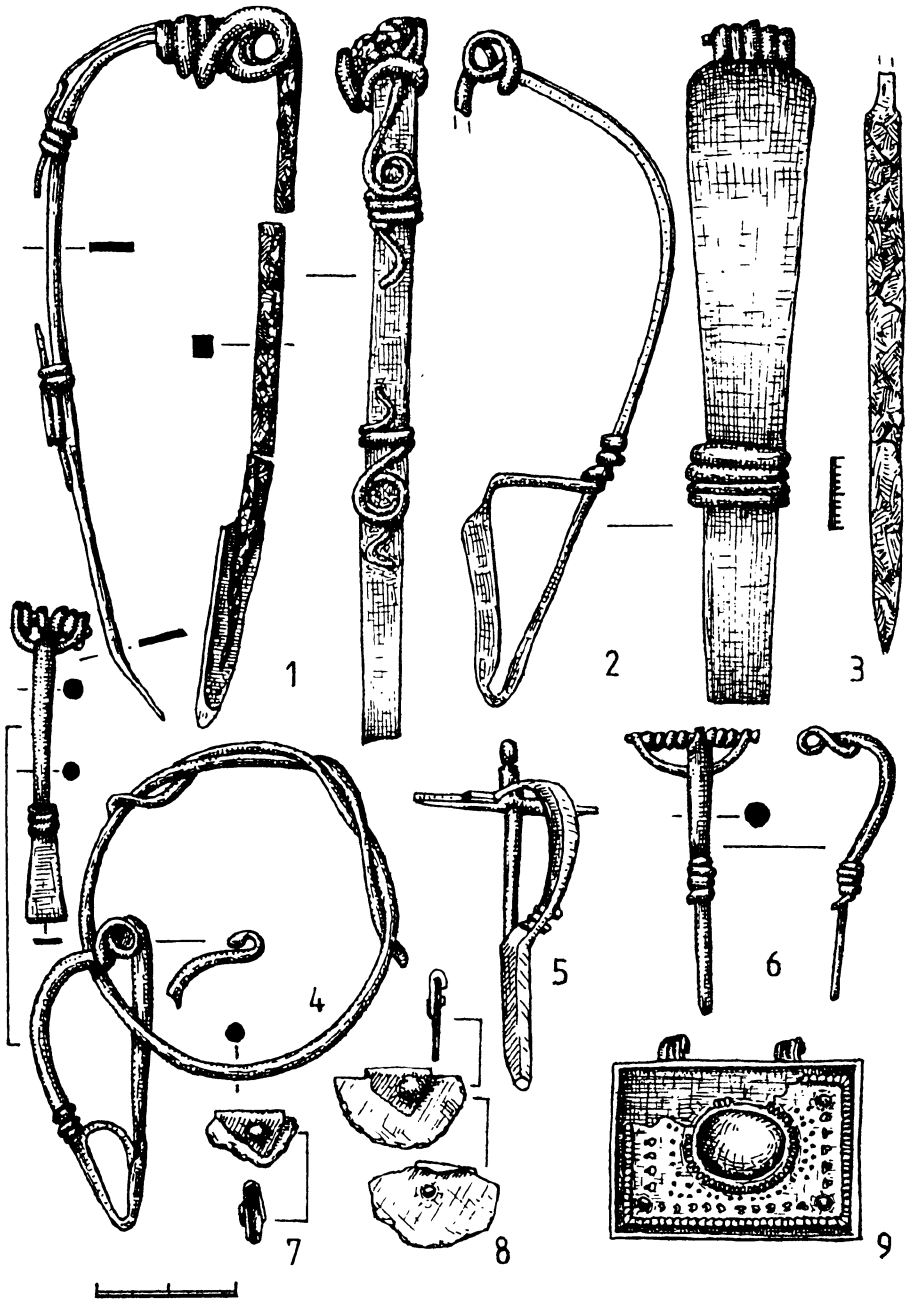


Табл. II. Находки из комплексов первой группы. *1,2,4-6,9* - Черная речка (*1* - могила 86; *2,6* - могила 35; *4,5* - могила 45; *9* - могила 3); *3* - Инкерман, могила 43; *7,8* - Дружное, склеп 1).
1 - Амброз, 1966, с. 52; Бабенчиков, 1963, с. 111, табл. IX, 8; *2* - Амброз, 1989, рис. 2,25; *3* - Веймарн, 1963, с. 30, рис. 8,6; *4* - Амброз, 1966, с. 52-53; *5* - Амброз, 1966, с. 74; Бабенчиков, 1963, с. 103, табл. IX,7; *6* - Амброз, 1989, рис. 2,27; *7,8* - Айбабин, 1994/1995а, рис. 11,3,4,6; *9* - Бабенчиков, 1963, с. 93, табл. VI,5.

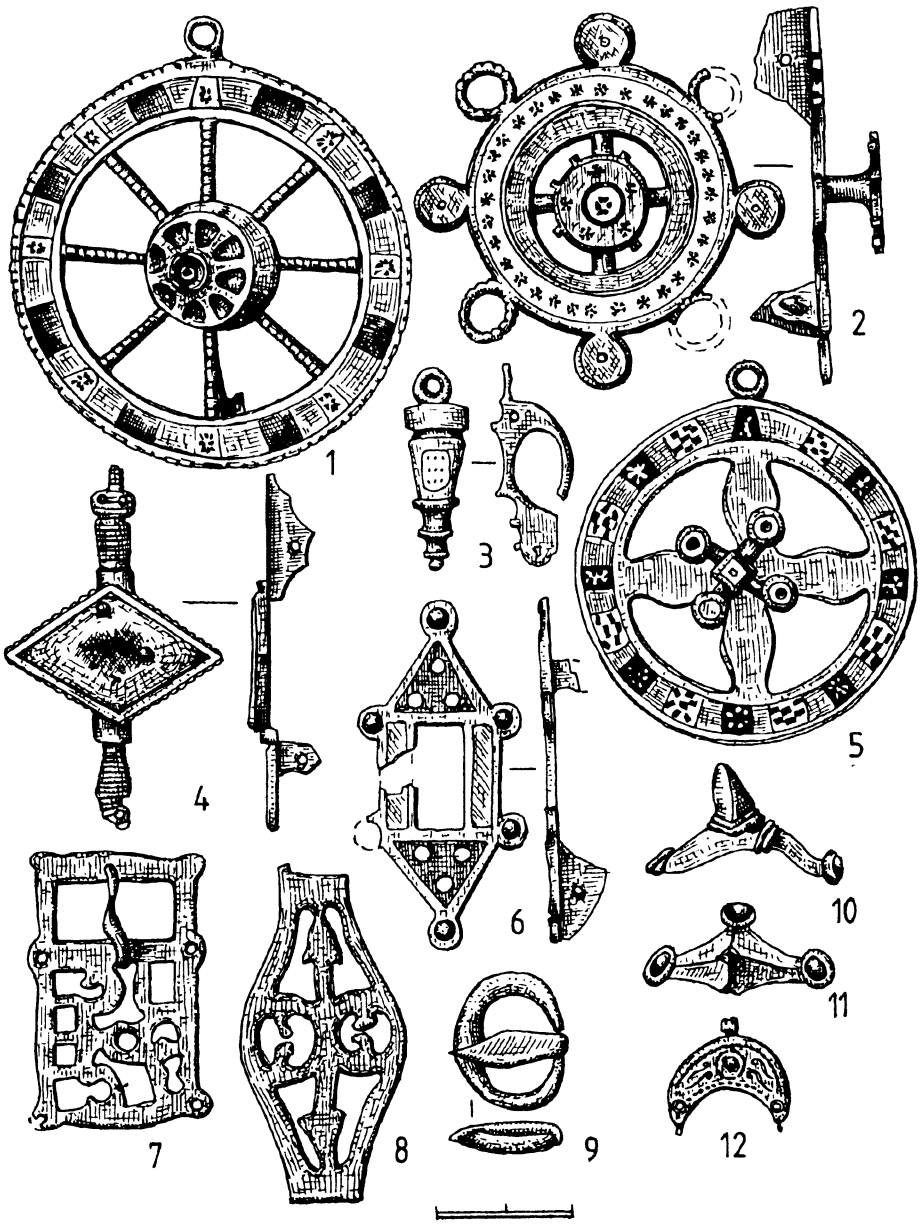


Табл. III. Находки из комплексов первой группы. *1-8,12* - Черная речка (*1* - могила 86; *2,5* - могила 45; *3* - могила 6; *4* - могила 58; *6* - могила 71; *7,8* - могила 35; *12* - могила 56); *9* - Инкерман, могила 35; *10,11* - Скалистое III.

1 - Бабенчиков, 1963, с. 111, рис. 11,1; *2,5* - Амброз, 1966, с. 32, табл. 14,26; Бабенчиков, 1963, с. 103, 111, рис. 9,1,2; 11,1; *3* - Бабенчиков, 1963, с. 114, табл. IX,2; *4* - Бабенчиков, 1963, с. 106, рис. 11,2; *6* - Бабенчиков, 1963, с. 109, табл. IX,6; *7* - Бабенчиков, 1963, с. 103-104, табл. VII,11; XV,3; *8* - Бабенчиков, 1963, с. 99, табл. VII,10; XV,4; *9* - Айбабин, 1990, с. 27, рис. 2,3; 3,22; *10,11* - Богданова, Гущина, Лобода, 1976, рис. 8,46-49; *12* - Бабенчиков, 1963, с. 106, табл. XIV,7.

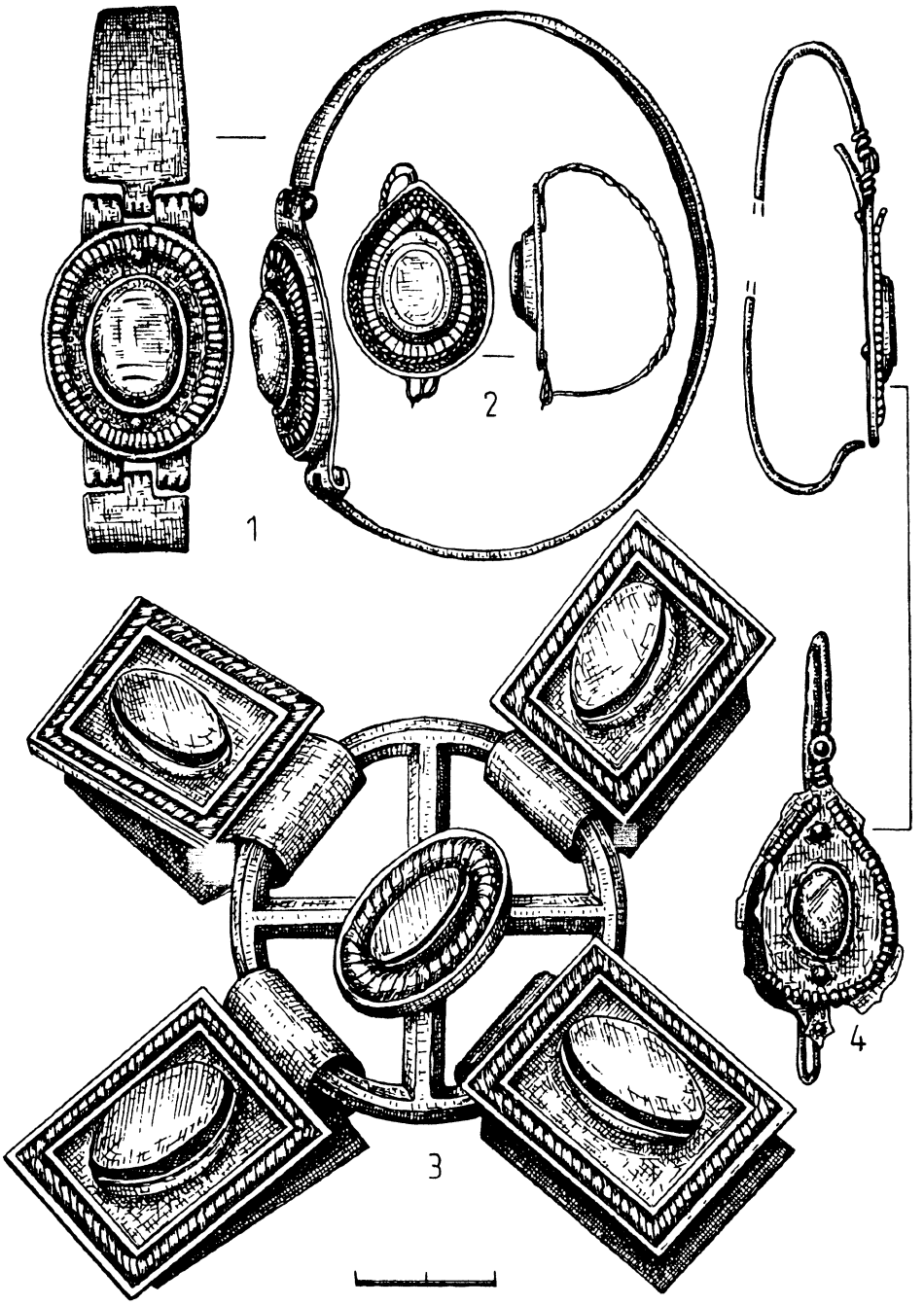


Табл. IV. Находки из комплексов первой группы. *1,2,4* - Дружное (*1,2* - могила 24; *4* - склеп 1); *3* - Керчь, Аджимушкай 1841.

1,2 - Храпунов, 1994/1995, рис. 4,16; 5,4,5; *3* - Ашик, 1849, с. 72, рис. 209; *4* - Айбабин, 1994/1995а, рис. 6,1,2.

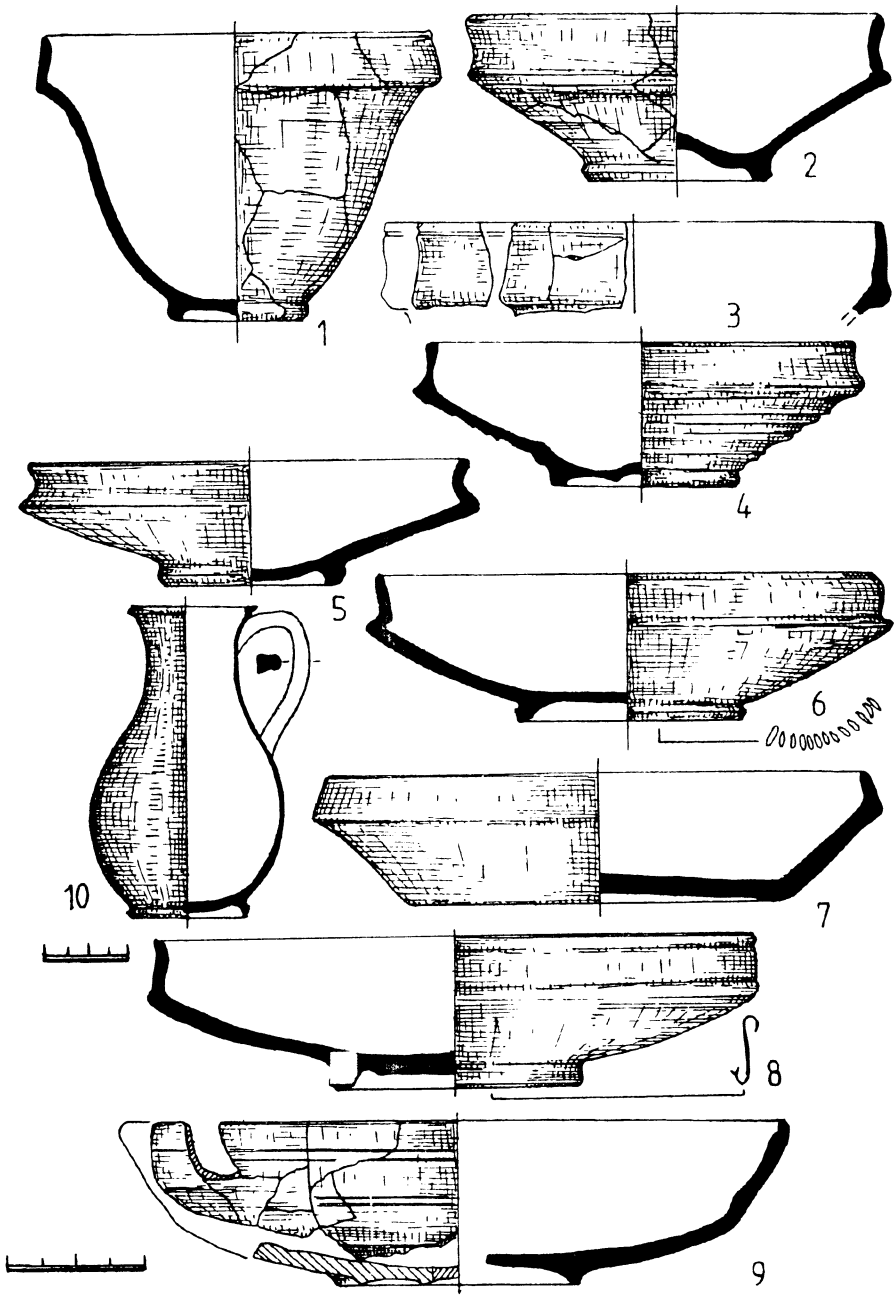


Табл. V. Краснолаковая керамика из комплексов первой группы. *1,3,9* - Харакс, могила 37; *2* - Чатыр-Даг, могила 1; *4* - Дружное, склеп 1; *5-8,10* - Черная речка (*5* - склеп 6; *6* - могила 68; *7* - могила 18; *8* - могила 87; *10* - могила 4).

1,3,9 - Орлов, 1987, рис. 10,2; 11,1,2; *2* - Мыц, 1987, рис. 5,2; *4* - Айбабин, 1994/1995а, рис. 19,2; *6* - Бабенчиков, 1963, с. 108, табл. IV,19; *7* - Бабенчиков, 1963, с. 95, табл. IV,6; *8* - Бабенчиков, 1963, с. 102; табл. IV,15; *10* - Бабенчиков, 1963, с. 94; Мыц, 1987, рис. 7,16.

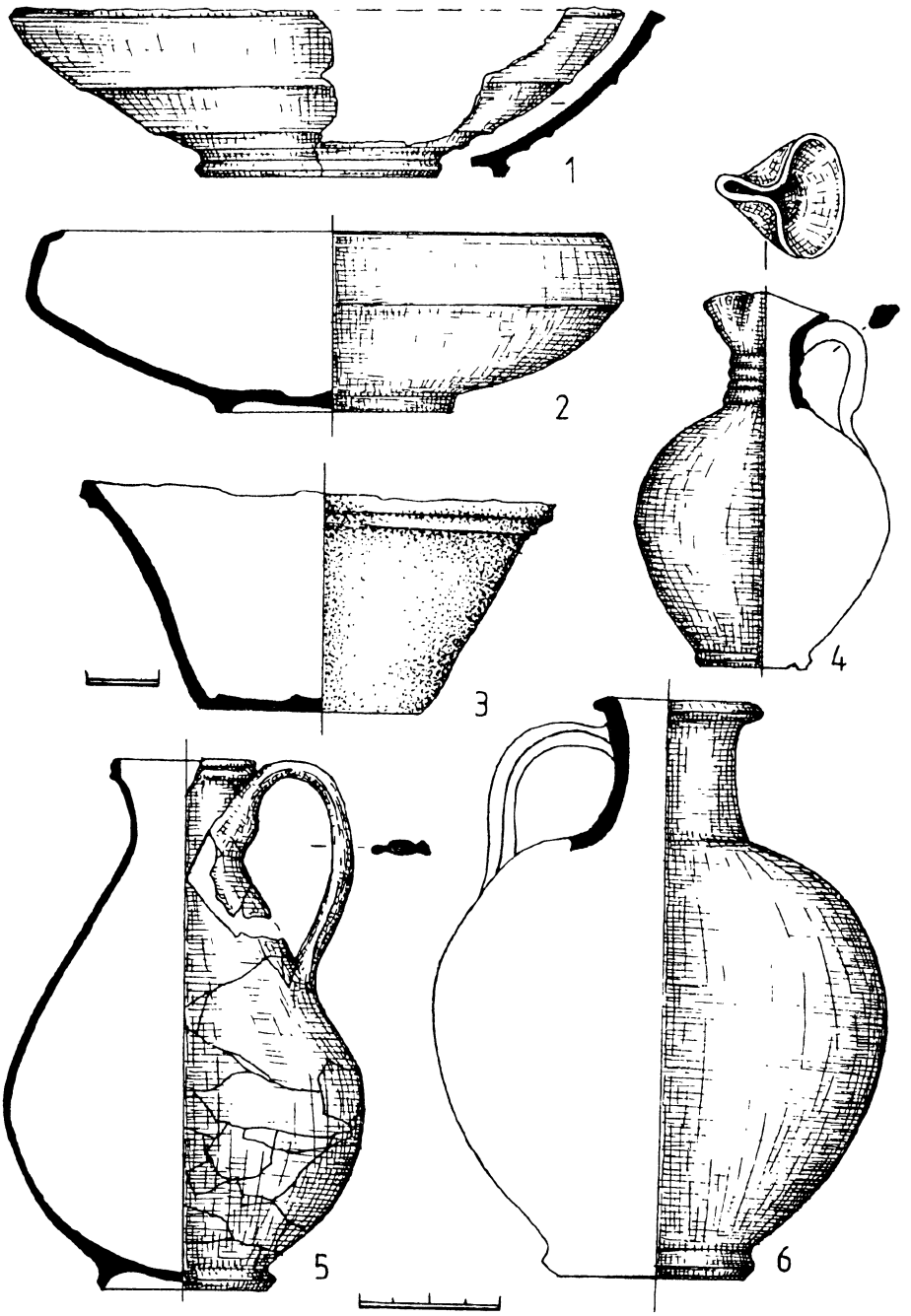


Табл. VI. Краснолаковая керамика из комплексов первой группы. *1-3* - Дружное (*1,2* - склеп 1; *3* - могила 2); *4,6* - Черная речка (*4* - могила 54; *6* - склеп 6); *5* - Харакс, могила 37.
1-3 - Айбабин, 1994/1995а, рис. 13,16; 16,7; 19,1; *4* - Бабенчиков, 1963, с. 114, табл. I,1; Корпусова, 1973, рис. 5,7; *5* - Орлов, 1987, рис. 10,1; *6* - Бабенчиков, 1963, с. 114, табл. V,18.

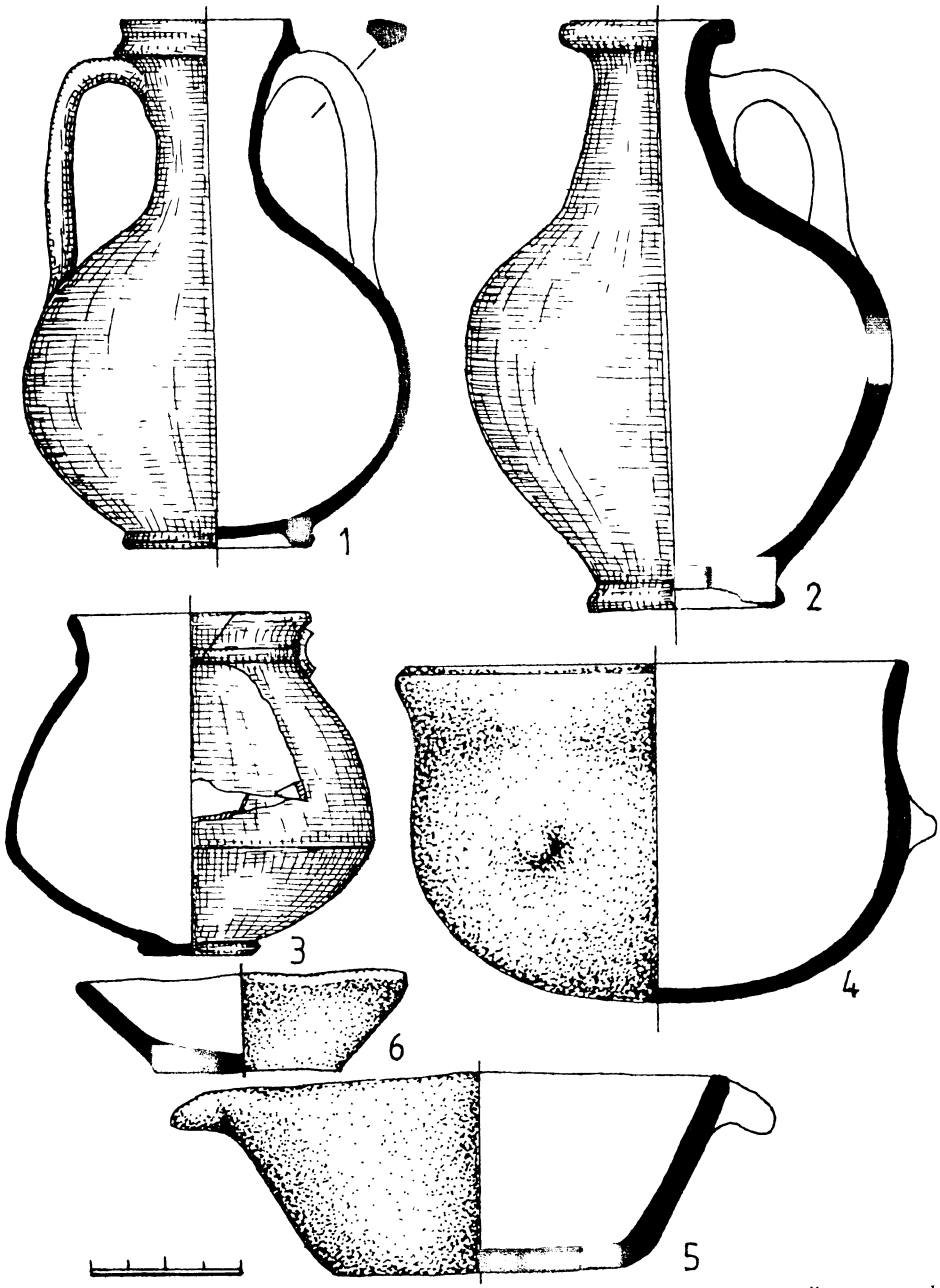


Табл. VII. Краснолаковая (*1-3*) и лепная (*4-6*) керамика из комплексов первой группы. *1,2,4,5* - Черная речка (*1* - могила 57; *2* - могила 82; *4* - могила 35; *5* - склеп 6); *3,6* - Дружное (*3* - могила 2; *6* - склеп 1).

1 - Бабенчиков, 1963, с. 106, табл. I,11; *2* - Бабенчиков, 1963, с. 110, табл. I,12; *3* - Айбабин, 1994/1995а, рис. 26,2; *4* - Бабенчиков, 1963, с. 98, табл. V,7,8; XI,1,2; *5* - Бабенчиков, 1963, с. 105, 114, табл. V,9,12; X,2,5; *6* - Айбабин, 1994/1995а, рис. 8,2.

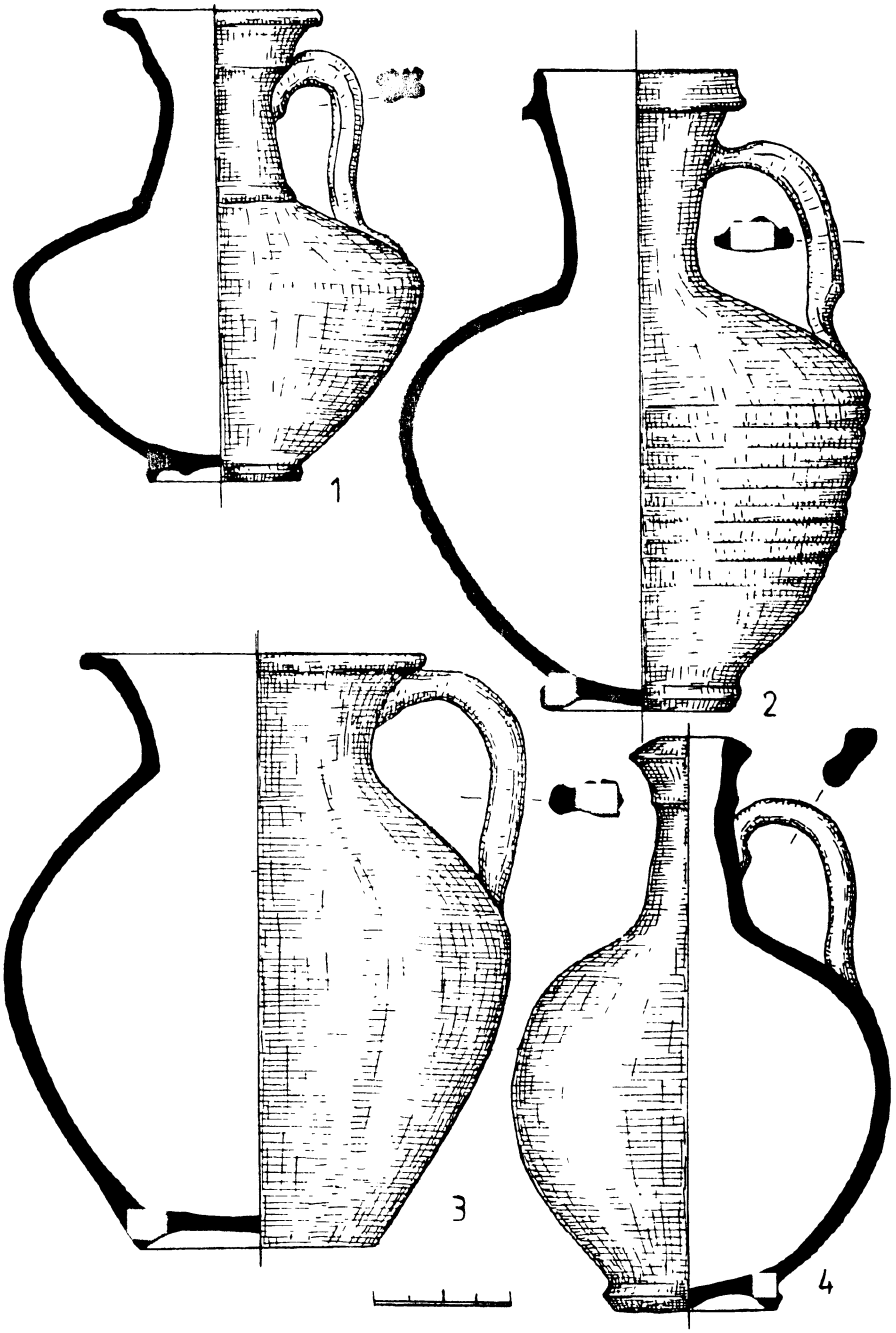


Табл. VIII. Краснолаковые кувшины из комплексов первой группы могильника Черная речка. *1* - могила 61; *2* - могила 58; *3* - могила 89; *4* - могила 86.

1 - Бабенчиков, 1963, с. 107, табл. I,9; *2* - Бабенчиков, 1963, с. 106, табл. I,5; *3* - Бабенчиков, 1963, с. 112, табл. I,6; *4* - Бабенчиков, 1963, с. 111, табл. I,8.

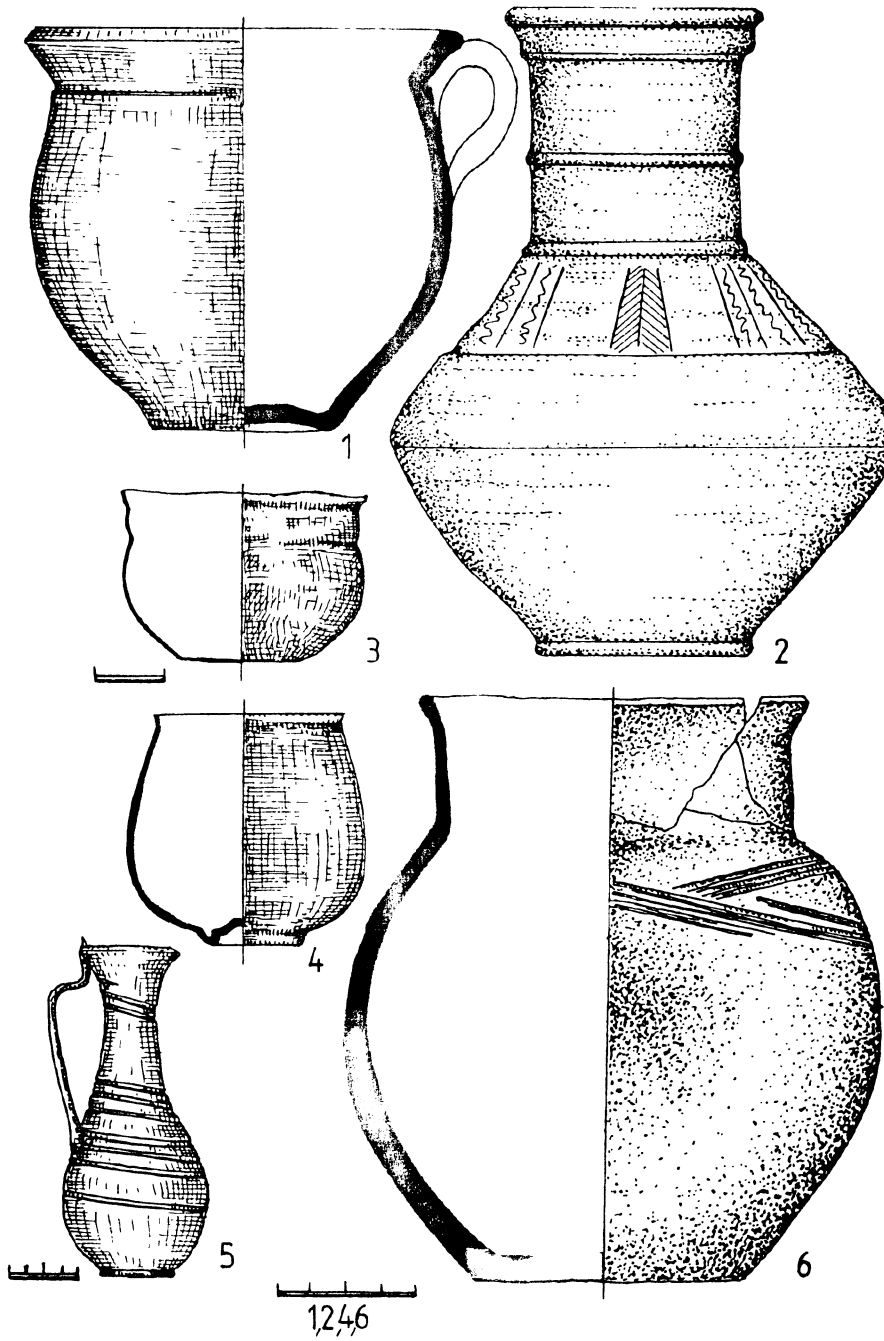


Табл. IX. Гончарные (*1,2*), лепной (*6*) и стеклянные (*3-5*) сосуды из комплексов первой группы. *1,2,4* - Черная речка (*1* - склеп 6; *2,4* - могила 35); *3,6* - Дружное, склеп 1; *5* - Херсонес, склеп 242. *1* - Бабенчиков, 1963, с. 109, табл. I,15; *2* - Бабенчиков, 1963, с. 98, табл. V,16; XII,2; *3,6* - Айбабин, 1994/1995а, рис. 8,65; 17,7; *4* - Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,2; 3,1; *5* - Айбабин, 1996, рис. 4,1.

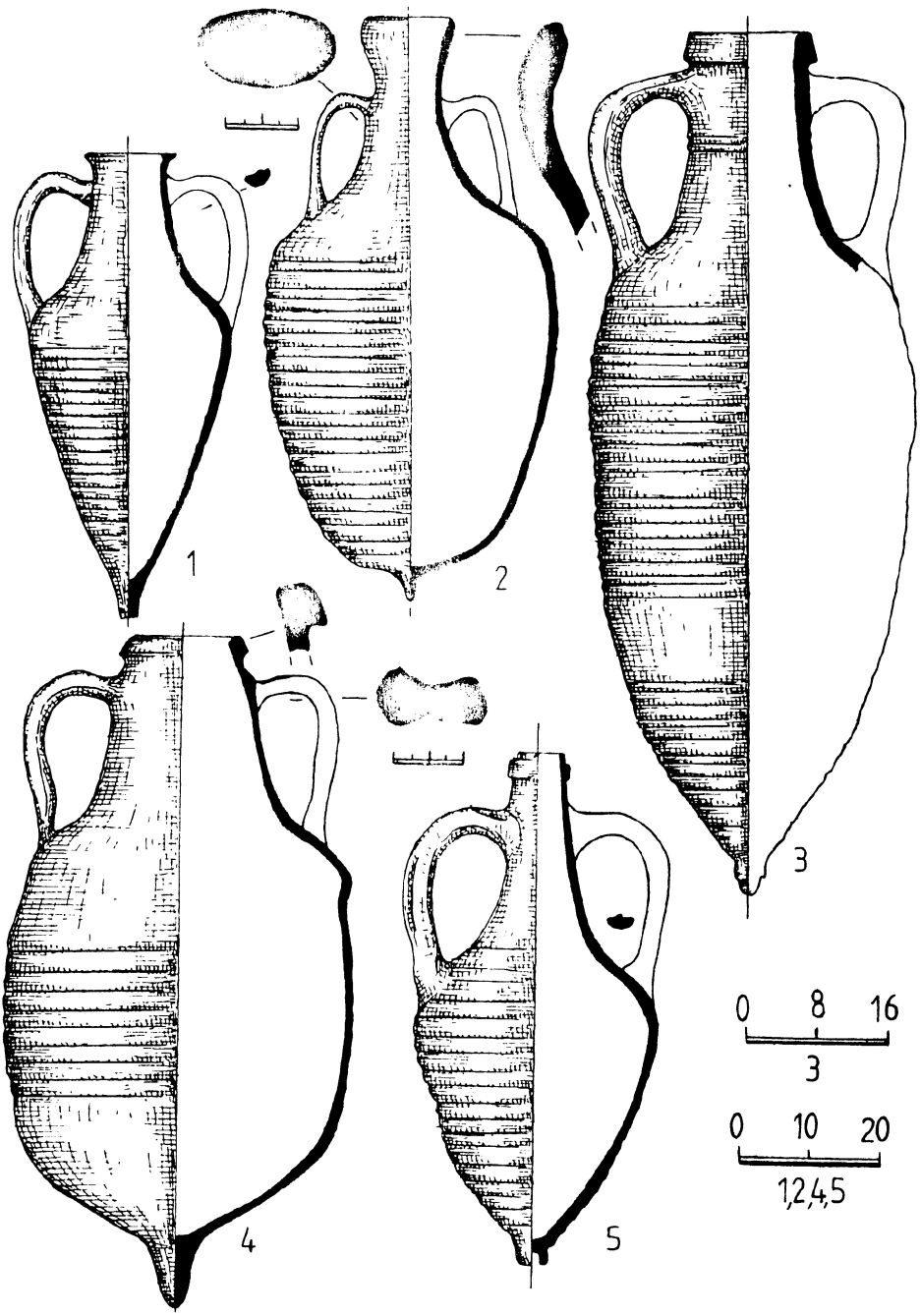


Табл. X. Амфоры из комплексов первой группы. *1,2,4* - Черная речка (1 - могила 56; *2* - урна 22; 4 - урна 16); *3* - Совхоз 10, могила 96; *5* - Танковое, могила 6.

1 - Бабенчиков, 1963, с. 106; *2* - Бабенчиков, 1963, с. 120, табл. V,1; XVI,2; *3* - Высотская, 1972, с. 127, рис. 35,1; *4* - Бабенчиков, 1963, с. 119, табл. V,2; XVI,1; *5* - Вдовиченко, Колтухов, 1994, рис. 4,1.

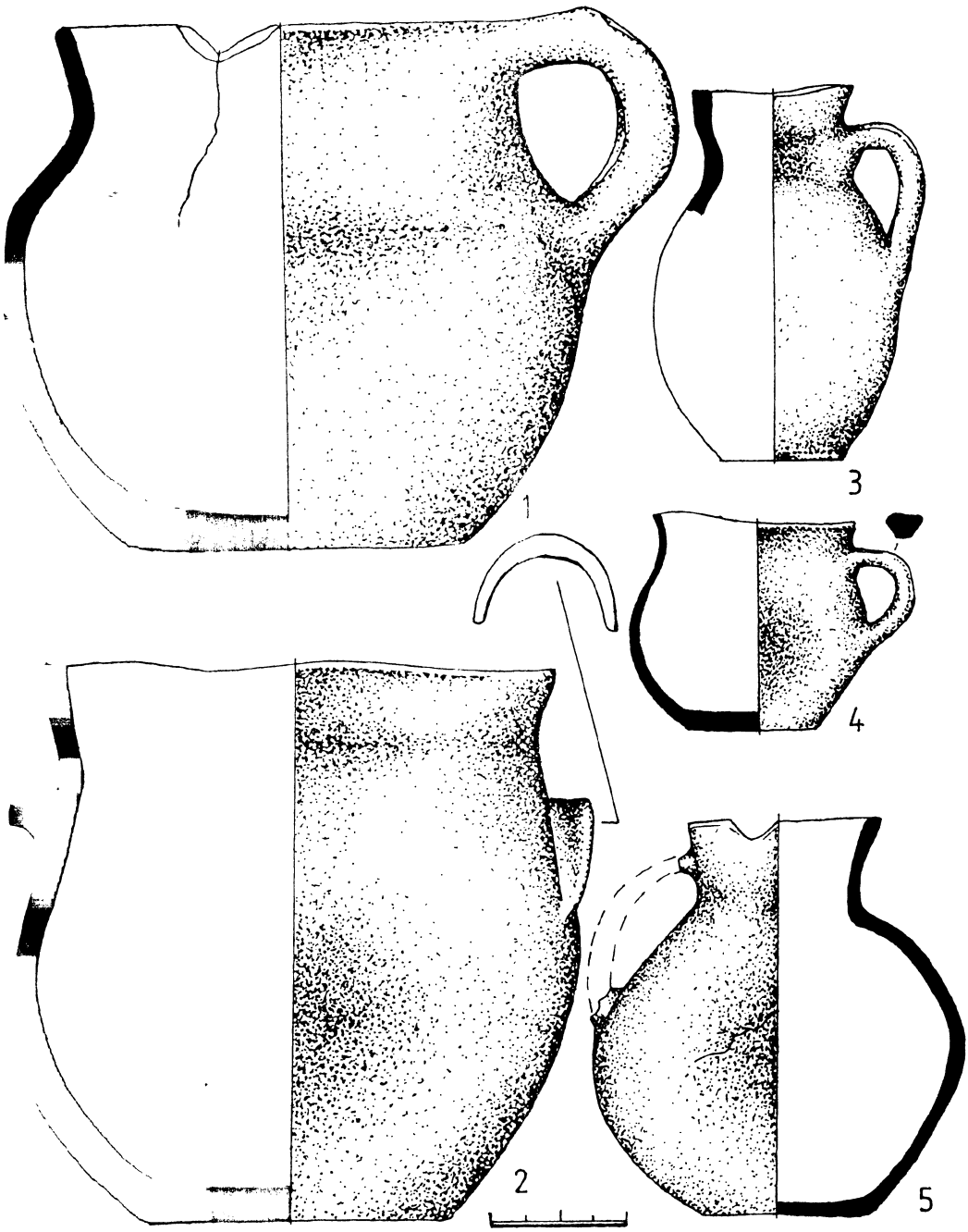


Табл. XI. Лепные сосуды из комплексов первой группы. *1-4* - Дружное, склеп 1; *5* - Черная речка, урна 21.

1-4 - Айбабин, 1994/1995а, рис. 11,1; 18,1; 24,1,2; *5* - Бабенчиков, 1963, табл. V,4.

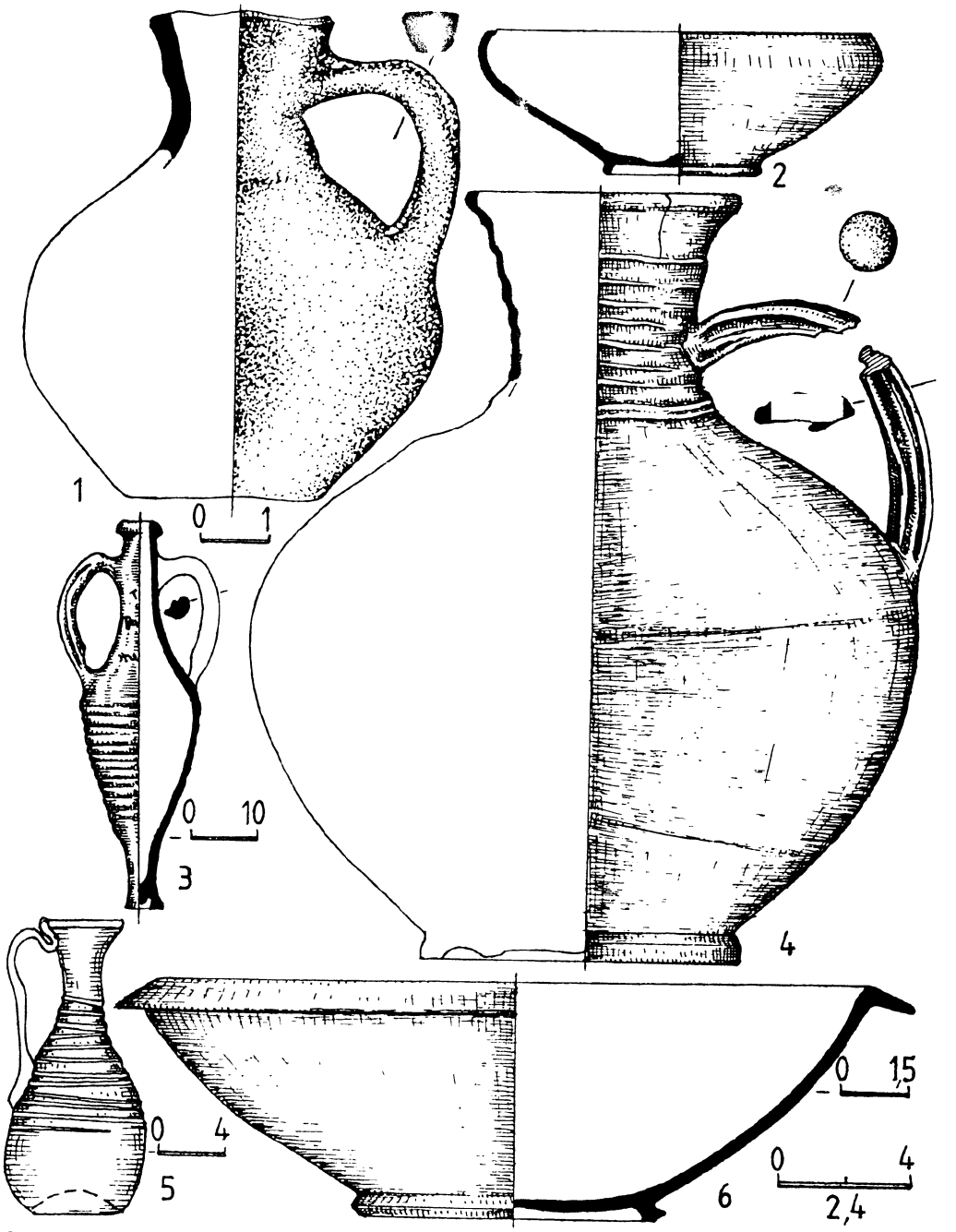


Табл. XII. Находки из погребений первой (*1*) и второй (*2-6*) групп. *1,2,4* - Дружное, склеп 1; *3,5* - Инкерман (*3* - склеп 25; *5* - могила 35); *6* - Черная речка, могила 40.
1,2,4 - Айбабин, 1994/1995а, рис. 11,7; 17,2; 19,3; *3* - Айбабин, 1990, с. 14, рис. 2,6; 4,4; *5* - Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,4; 3,12; *6* - Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,8; 5,1.

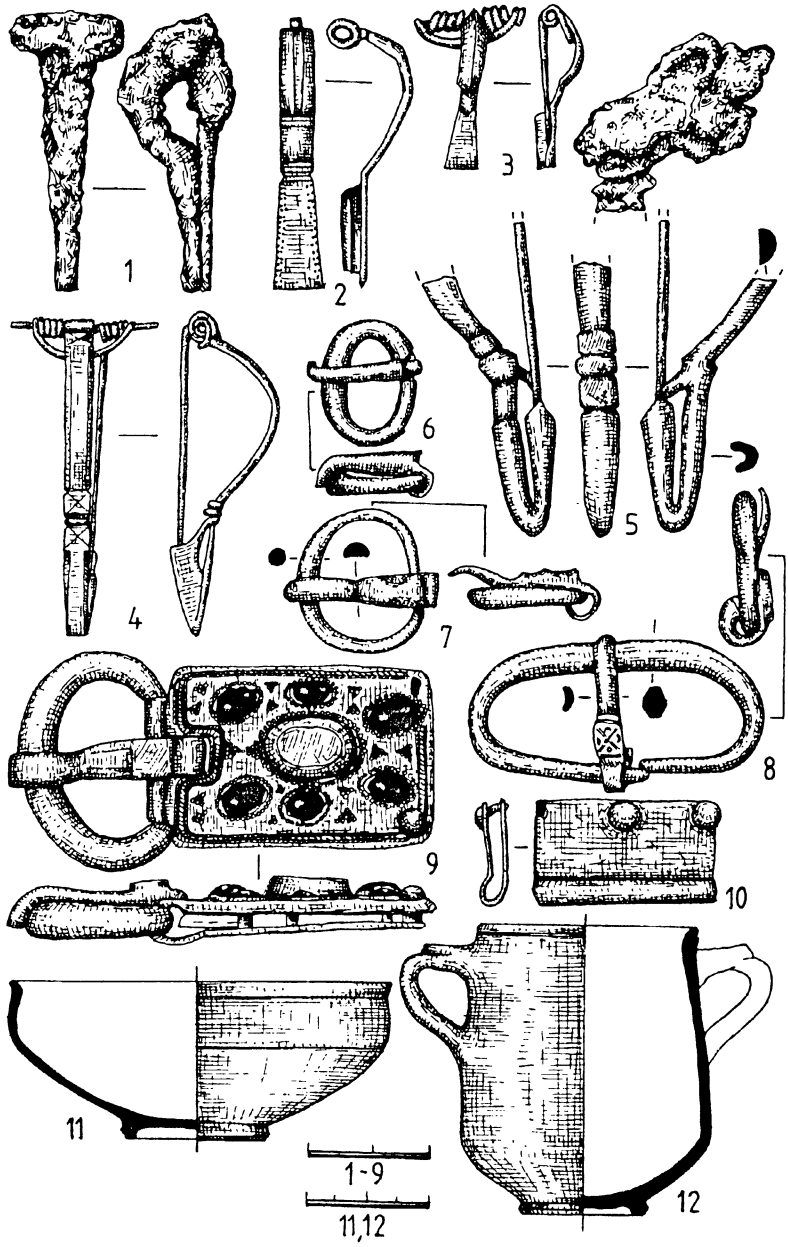


Табл. XIII. Находки из погребений второй группы. *1,5,6,11* - Дружное, склеп 1; *2,4* - Совхоз 10 (*2* - могила 228; *4* - могила 55); *3* - Инкерман, могила 23; *7,8* - Харакс, могила 35; *9,10* - Керчь, усадьба Месаксуди; *12* - Черная речка, могила 54.

1,5,6,11 - Айбабин, 1994/1995а, рис. 3,2; 10,23; 13,1; 16,5; *2,3* - Амброз, 1966, с. 71, табл. 10,17; Айбабин, 1990, с. 18, рис. 2,7; 8,9,10; *4* - Diaconu, 1971, S. 240, Taf. VII,7,8; Айбабин, 1990, с. 18, рис. 8,5; *7,8* - Орлов, 1987, рис. 6,6,7; *9* - Rostovtzeff, 1923, fig. IV; Амброз, 1992, табл. I,5,7; *10* - Rostovtzeff, 1923, fig. IV; Айбабин, 1994/1995а, рис. 4,10; *12* - Айбабин, 1996, рис. 6,3.

½10 А. И. Айбабин

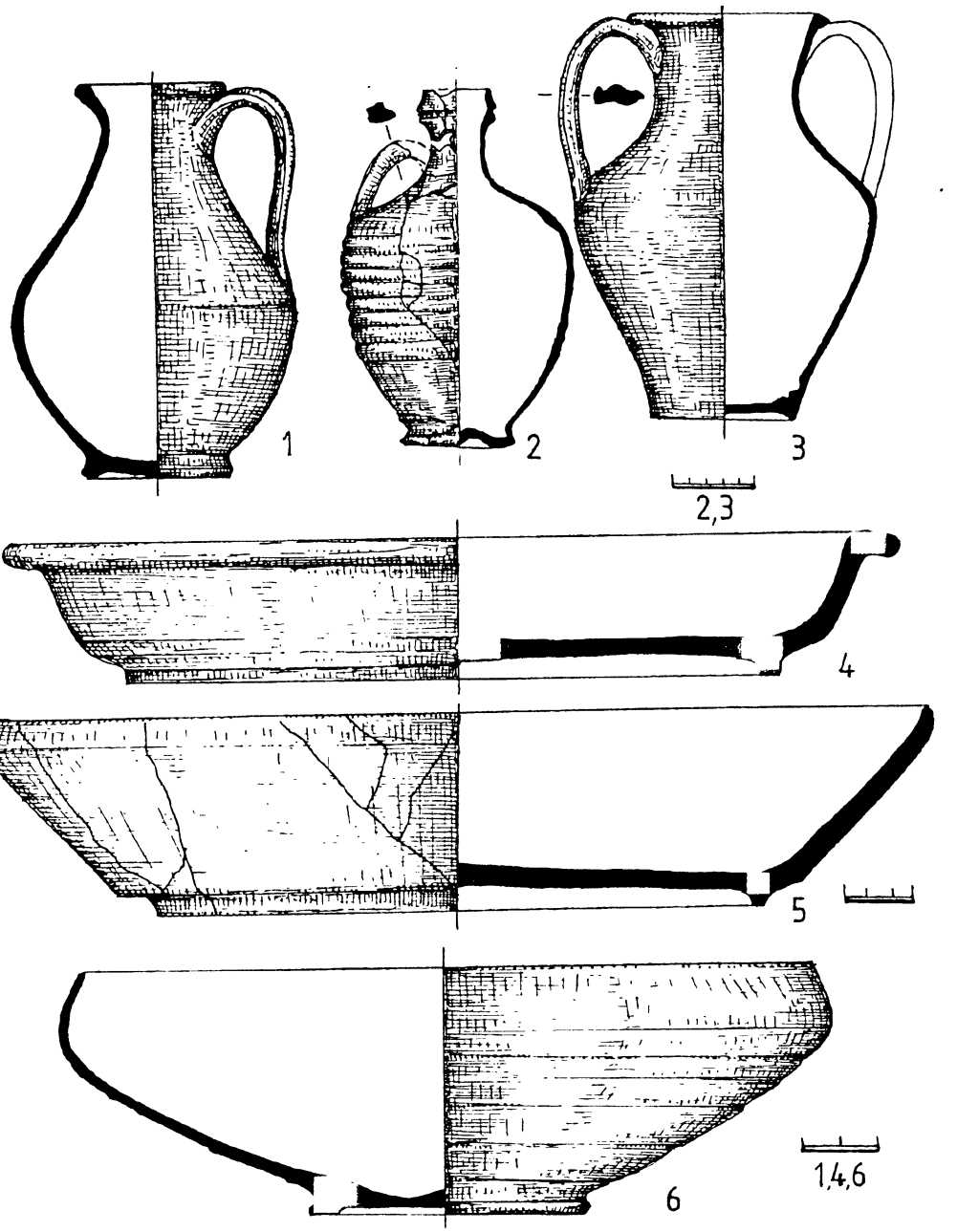


Табл. XIV. Краснолаковая керамика из погребений второй (*2-6*) и третьей (*1*) групп. *1* - Херсонес, склеп 1/1982, на полу у правой лежанки; *2,3* - Харакс (*2* - могила 35; *3* - могила 34); *4,5* - Черная речка (*4* - склеп Б/1989; *5* - могила 22/1989); *6* - Дружное, склеп 1.

1 - Зубарь, Сорочан, 1986, с. 105, рис. 4,7; *2,3* - Орлов, 1987, рис. 3,2; 6,1; *4* - Айбабин, 1990, с. 16; рис. 2,11; 5,8; *5* - Высотская, Махнева, 1983, рис. 5,4; Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2,16; 5,3; *6* - Айбабин, 1990, с. 15; рис. 2,8; 5,1; Айбабин, 1994/1995а, рис. 17,5.

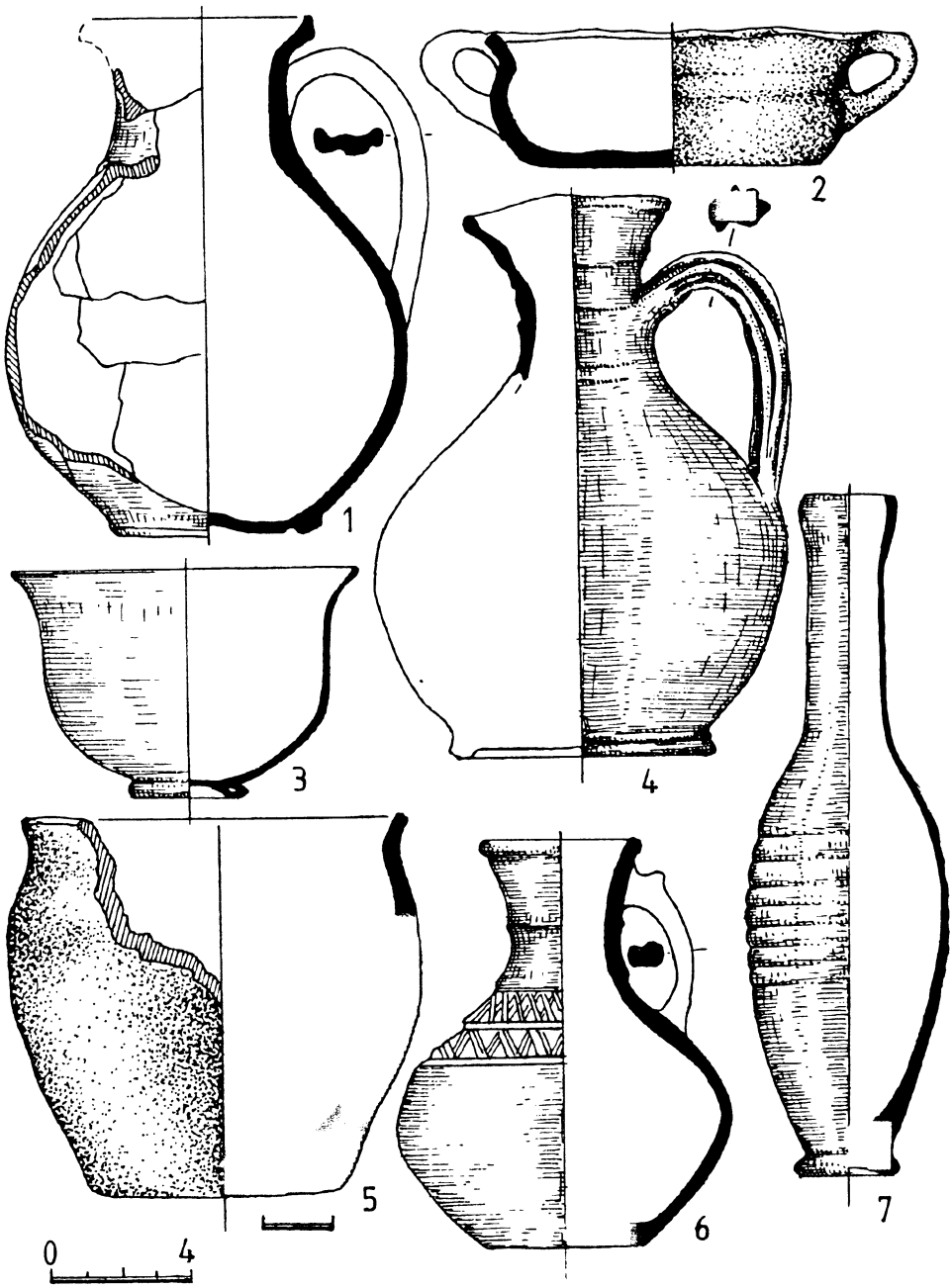


Табл. XV. Керамика из погребений второй группы. *1* - Черная речка, склеп 20; *2,4,5* - Дружное, склеп 1; *3,6* - Озерное, склеп 1; *7* - Харакс, могила 34.

1 - Бабенчиков, 1963, с. 111, табл. I,10; Вейнарн, 1963, с. 23, рис. 14,2; *2,4,5* - Айбабин, 1994/1995а, рис. 4,6; 7,2; 9,1; *3,6* - Лобода, 1977, рис. 5,2,13; *7* - Орлов, 1987, рис. 4,1.

½10*

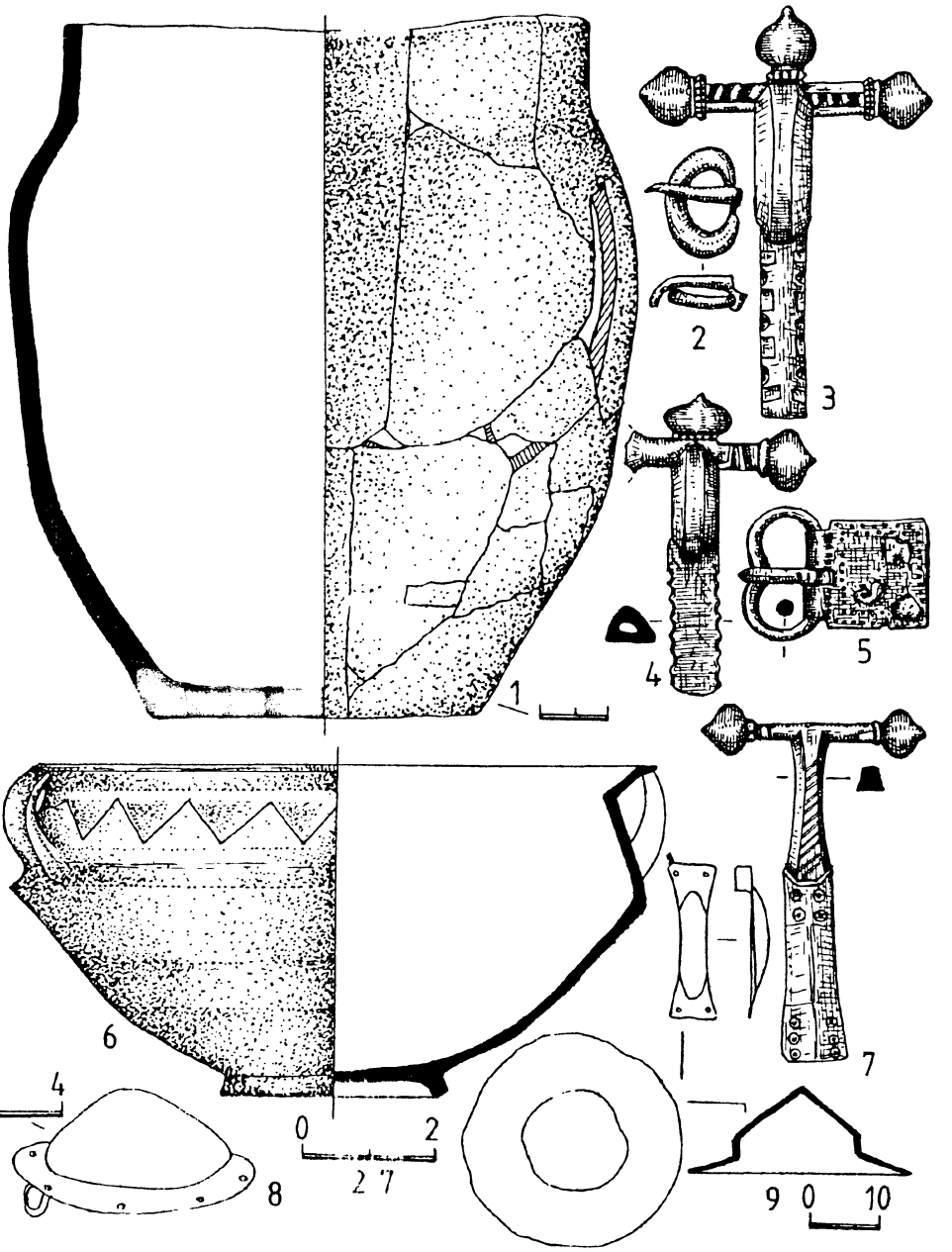


Табл. XVI. Находки из погребений второй (*1,6*) и третьей (*2-5,7-9*) группы. *1* - Дружное, склеп 1; *2,3,6* - Инкерман (*2* - могила 13; *3* - могила 16; *6* - склеп 37); *4,5,7* - Херсонес, склеп 1/1982; *8* - Харакс, могила 11; *9* - Озерное, склеп 2.

1 - Айбабин, 1994/1995а, рис. 10,18; *2* - Айбабин, 1990, с. 28, рис. 2,26; 22,8,9; *3,4,7* - Зубарь, Сорочан, 1986, рис. 9,1-3; Айбабин, 1990, с. 63, рис. 8,14; *5* - Зубарь, Сорочан, 1986, с. 104, 105, рис. 9,4-6,16; *6* - Айбабин, 1990, с. 17, рис. 2,9; 6,11; *8* - Kazanski, 1994, fig. 2,6; *9* - Лобода, 1977, рис. 6,21.

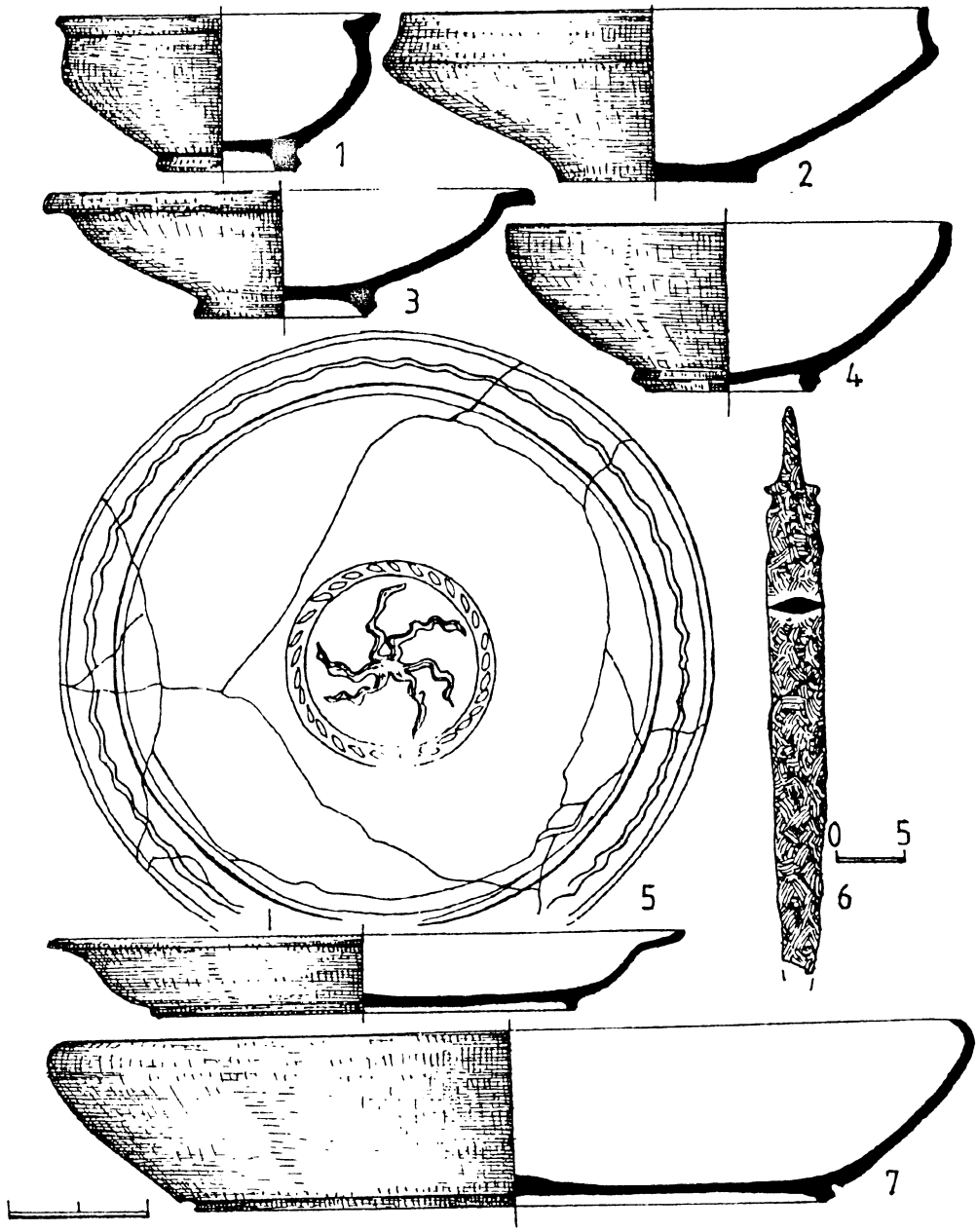


Табл. XVII. Находки из погребений третьей группы. *1* - Инкерман, могила 17; *2-5* - Черная речка (*2* - могила 2; *3* - могила 1; *4* - могила 86; *5* - склеп 34/1989); *6* - Озерное, склеп 2; *7* - Совхоз 10, склеп 2.

1 - Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,20; 5,4; *2* - Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2,27; 5,6; *3* - Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2,24; 5,2; *4* - Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2,22; 5,10; *5* - Высотская, Махнева, 1983, рис. 6,7; Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2,30; 5,7; *6* - Лобода, 1977, рис. 6,12; *7* - Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,18; 4,5.

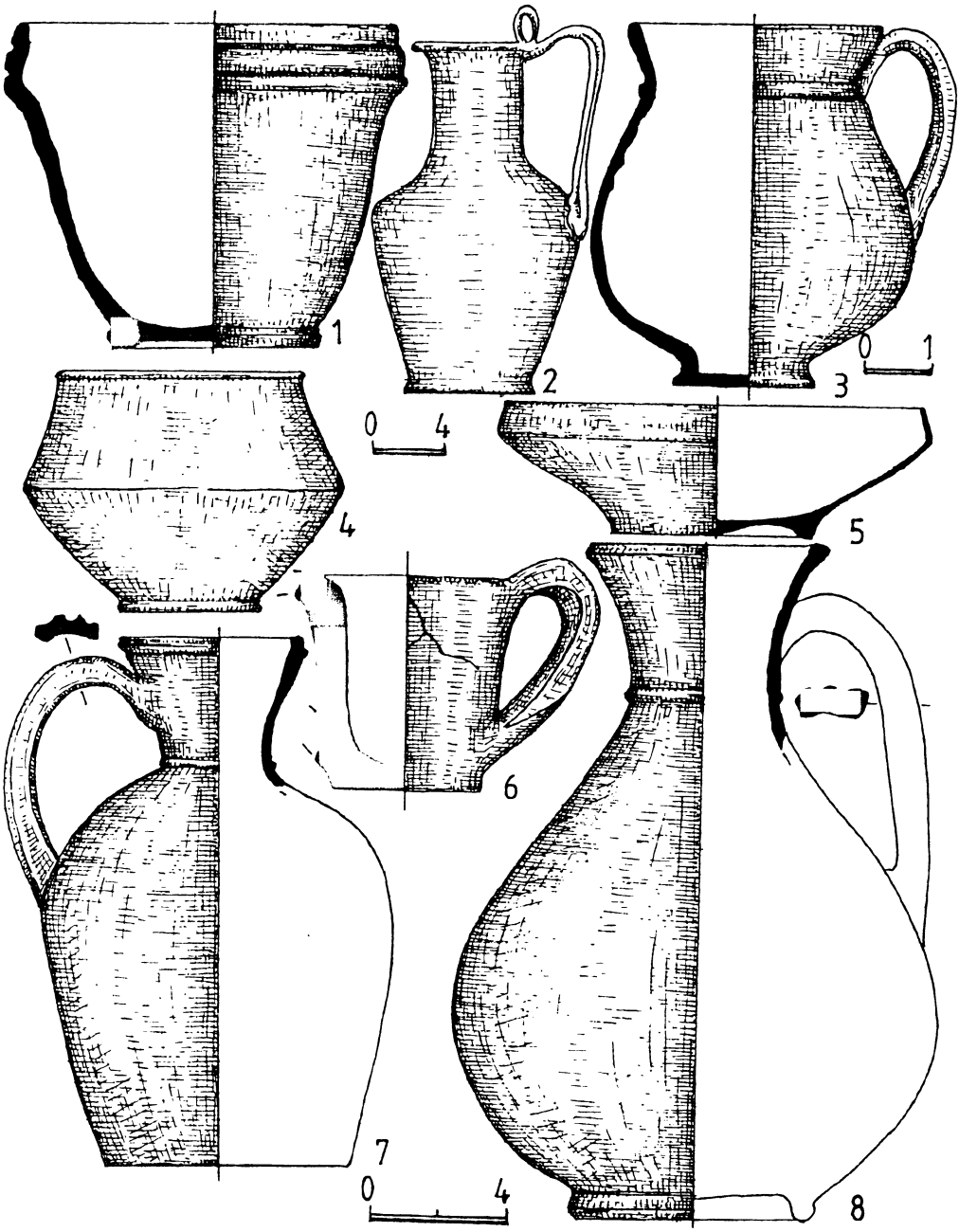


Табл. XVIII. Находки из погребений третьей группы. *1,3,6* - Херсонес, склеп 1/1982; *2* - Керчь, могила 5/1903; *4,5,7,8* - Черная речка (*4* - могила 1; *5* - склеп 7; *7* - могила 53; *8* - могила 2).
1,3,6 - Зубарь, Сорочан, 1986, рис. 3,1,2; 4,4; Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,17; 5,13; *2* - Айбабин, 1990, с. 14, рис. 2,25; 3,15; *4* - Айбабин, 1990, с. 17, рис. 2,23; 7,7; *5* - Айбабин, 1990, с. 17, рис. 2,21; 7,14; *7* - Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,18; 4,5; *8* - Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2,19; 4,6.

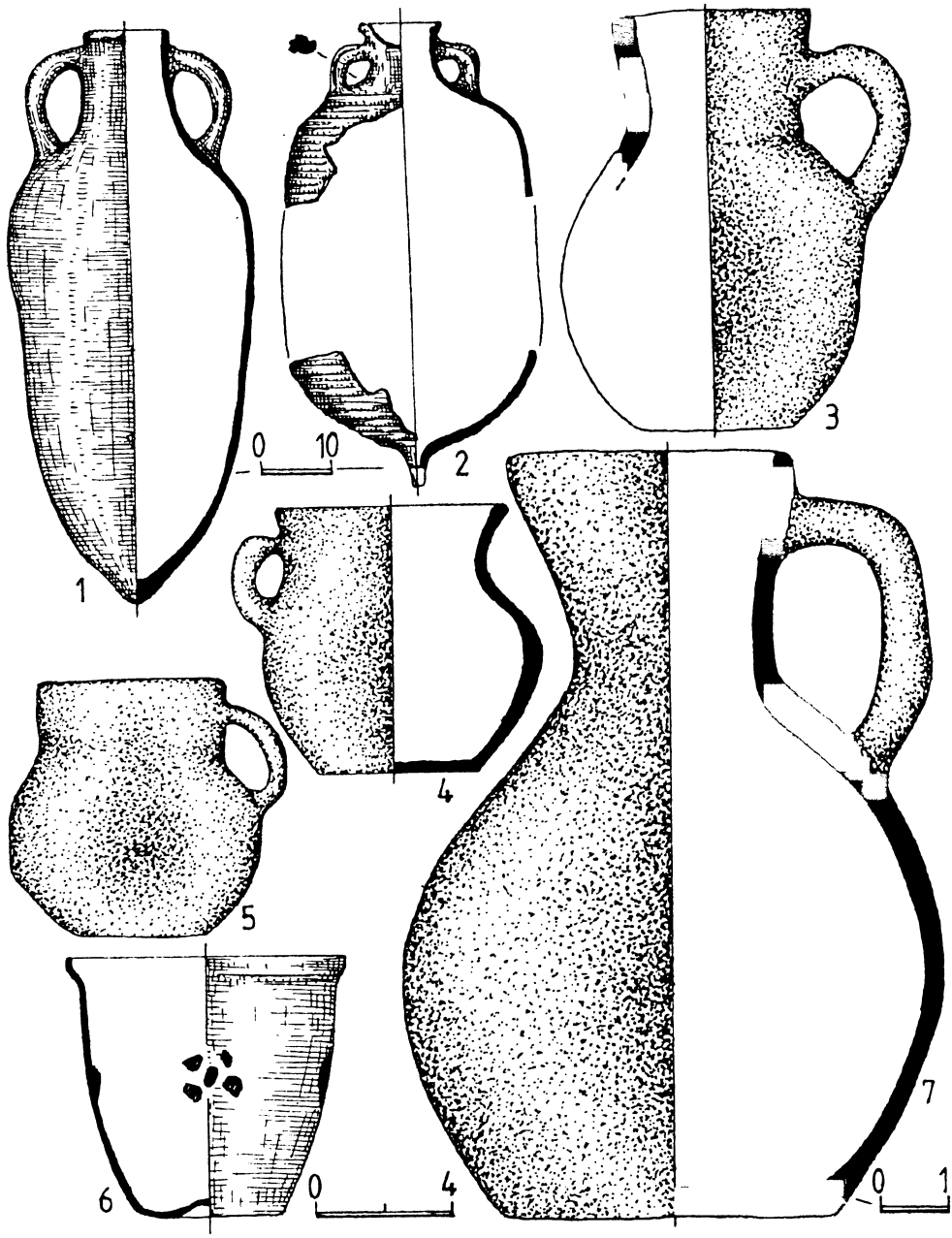


Табл. XIX. Находки из погребений третьей группы. *1,5* - Черная речка (*1* - могила 38; *5* - склеп 53); *2* - Чатыр-Даг, могила 4; *3* - Дружное, склеп 1; *4* - Нейзац, склеп 6; *6* - Совхоз 10, могила 6; *7* - Озерное, склеп 3.

1 - Бабенчиков, 1963, с. 120, табл. IV,3; XVI,3; *2* - Мыц, 1987, рис. 6,1; *3* - Айбабин, 1994/1995а, рис. 21,3; *4* - Высотская, Махнева, 1983, рис. 6,5; *5* - Айбабин, 1990, с. 17, рис. 2,28; 7,11; *6* - Сорокина, 1971, с. 89, рис. 1,5; Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,29; 3,5; *7* - Лобода, 1977, рис. 7,11.

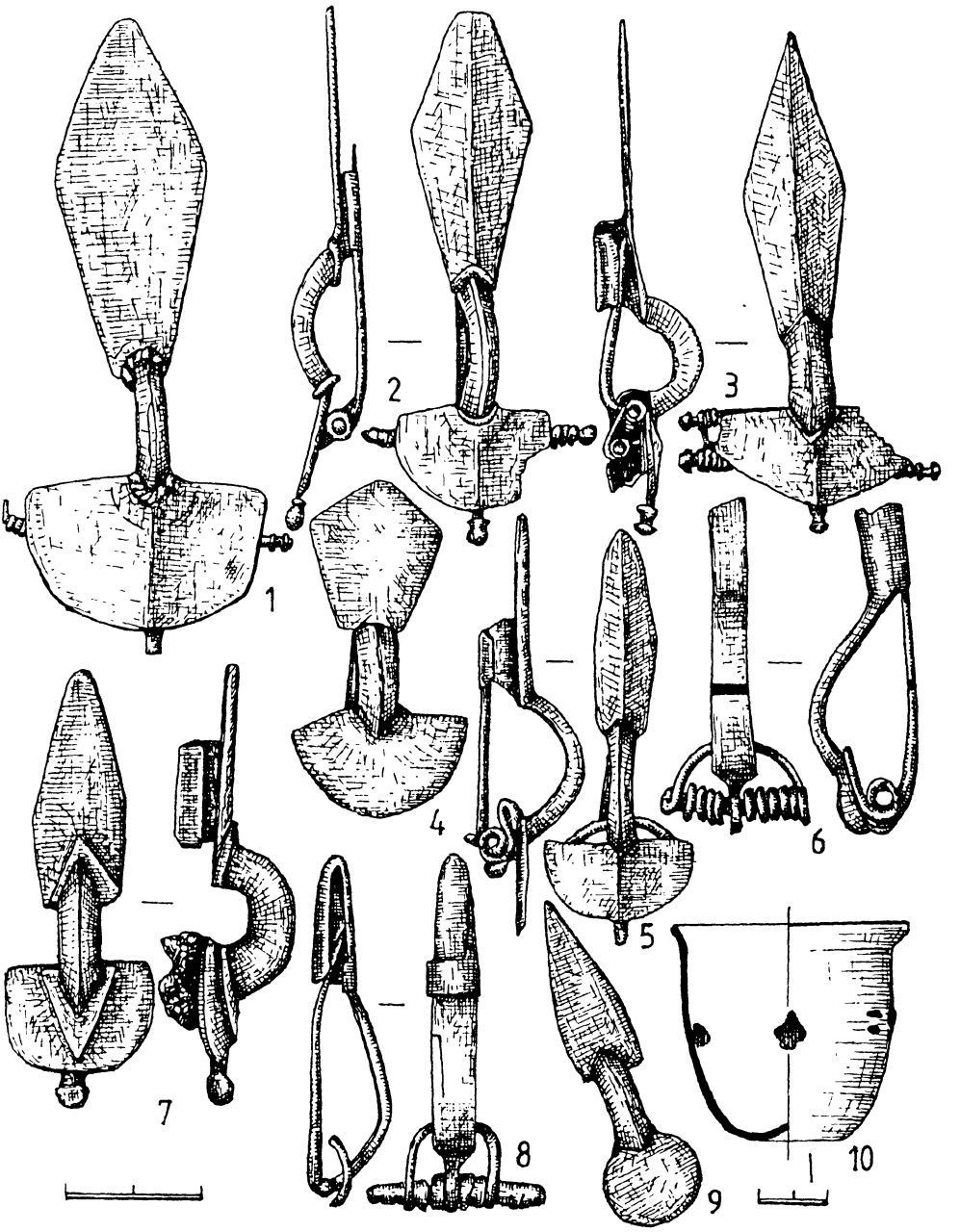


Табл. XX. Находки из погребений четвертой группы. *1,2,4* - Скалистое (*1,4* - склеп 421; *2* - склеп 485); *3* - Инкерман, могила 29; *5-7* - Лучистое (*5,6* - склеп 58; *7* - склеп 100, слой 3); *8,10* - Харакс (*8* - могила 29; *10* - могила 33); *9* - Илурат, могила 69.

1 - Айбабин, 1990, рис. 9,3; *2,4* - Айбабин, 1990, с. 18, рис. 9,4,6; *3* - Айбабин, 1990, с. 18, рис. 9,5; *8* - Айбабин, 1990, с. 18, рис. 8,6; *9* - Хршановский, 1988, с. 25, рис. 7; *10* - Айбабин, 1990, с. 13, рис. 3,4.

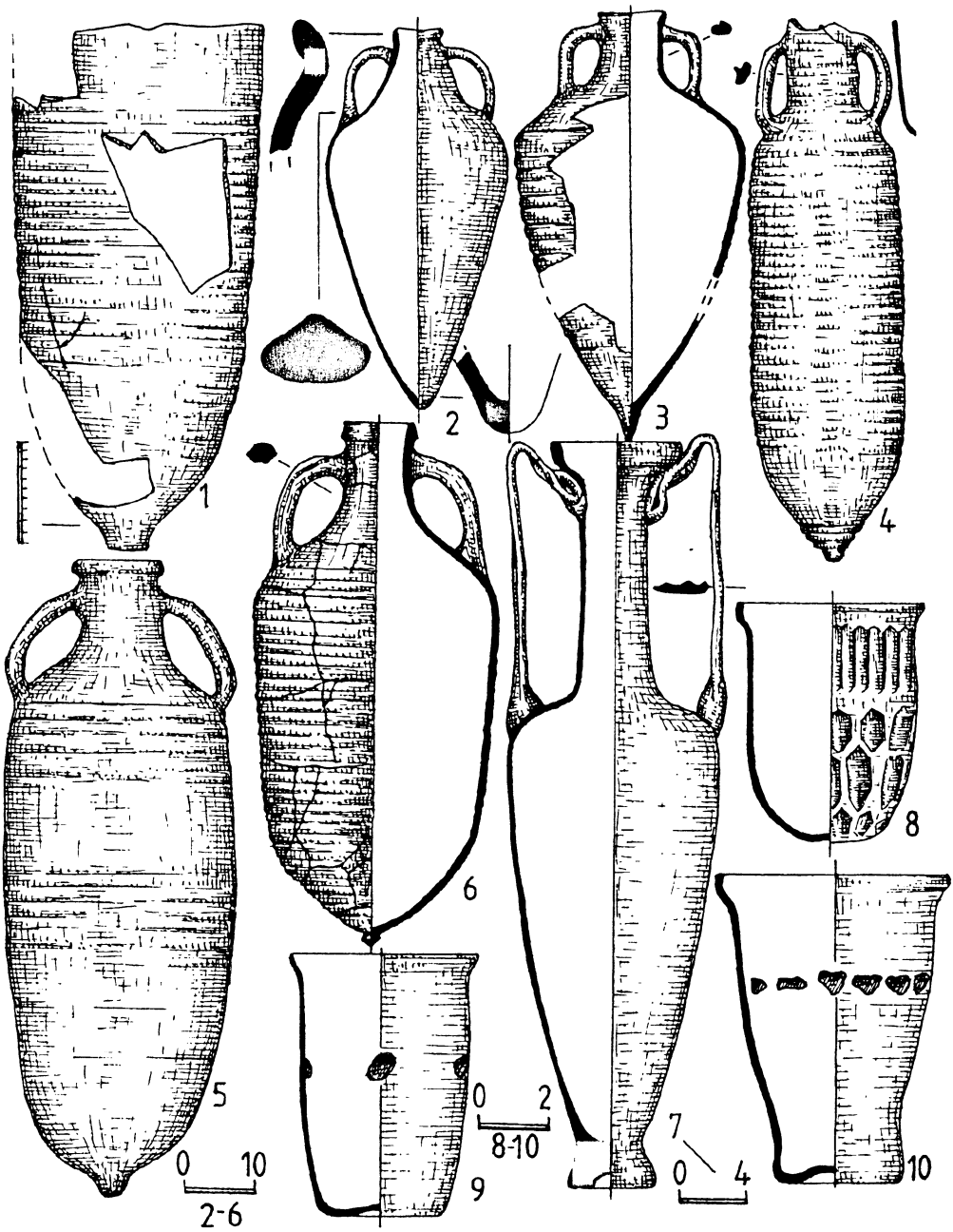


Табл. XXI. Находки из погребений четвертой группы. *1* - Черная речка, склеп 11/1989; *2,5,8,10* - Харакс (*2* - могила 26; *5,8* - могила 29; *10* - могила 33); *3,6* - Чатыр-Даг (*3* - могила 2; *6* - могила 1); *4,7* - Лучистое (*4* - склеп 54а; *7* - склеп 88); *9* - Керчь. Склеп 154/1904, правая лежанка.

2 - Зеест, 1960, табл. XL,102б; *3,6* - Мыц, 1987, рис. 5,1,10; *4* - Айбабин, 1990, с. 14, рис. 4,9; *5* - Айбабин, 1990, с. 14, рис. 4,2; *8* - Сорокина, 1973, рис. 2,10; Айбабин, 1990, с. 13, рис. 3,10; *9* - Айбабин, 1990, с. 13, рис. 3,9; *10* - Сорокина, 1973, рис. 2,3; Айбабин, 1990, с. 13, рис. 3,7.

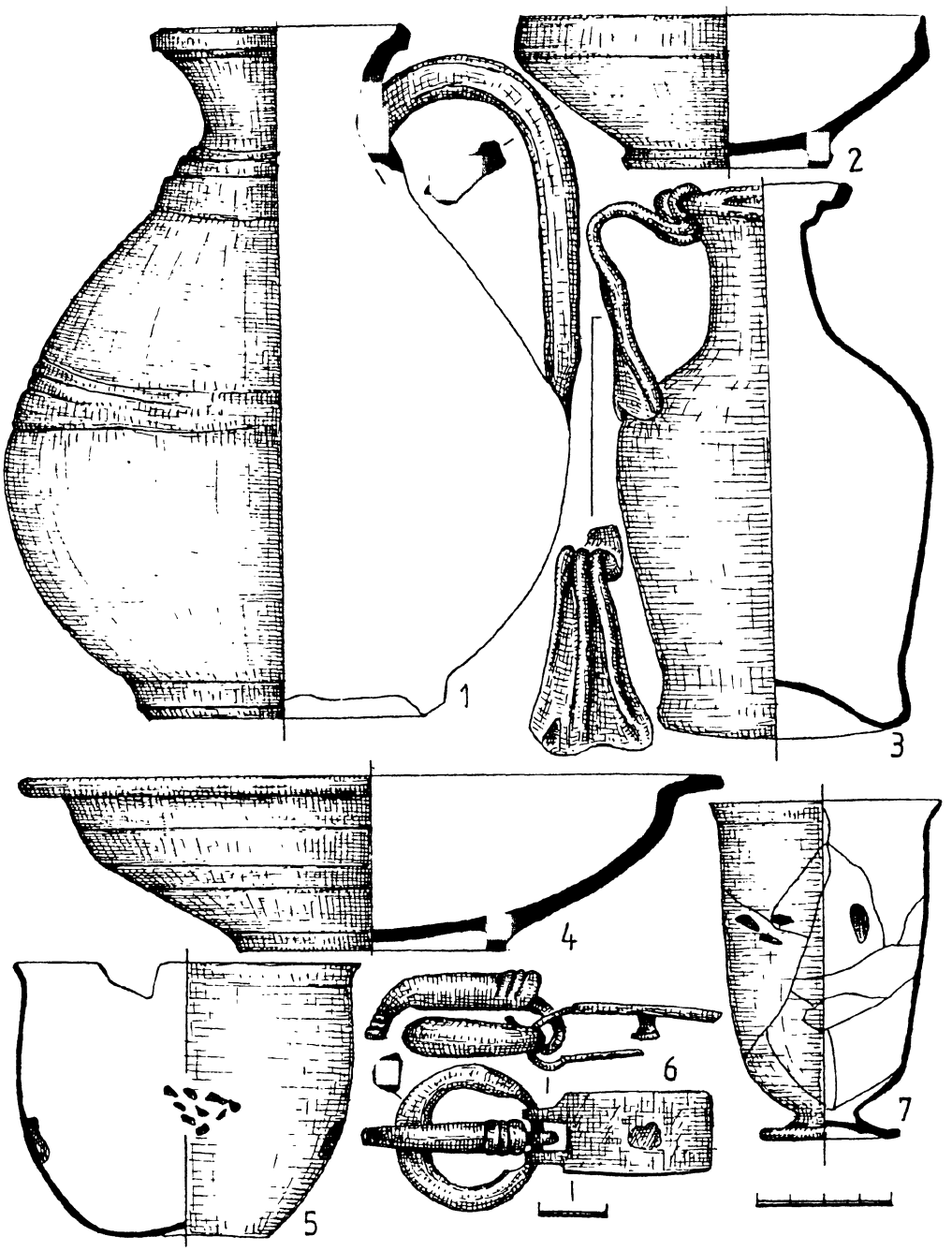


Табл. XXII. Находки из погребений четвертой группы. *1-4,6,7* - Лучистое (*1,2,4,6,7* - склеп 88; *3* - склеп 54а); 5 - Синявка.

5 - Айбабин, 1990, с. 13, рис. 3,6.

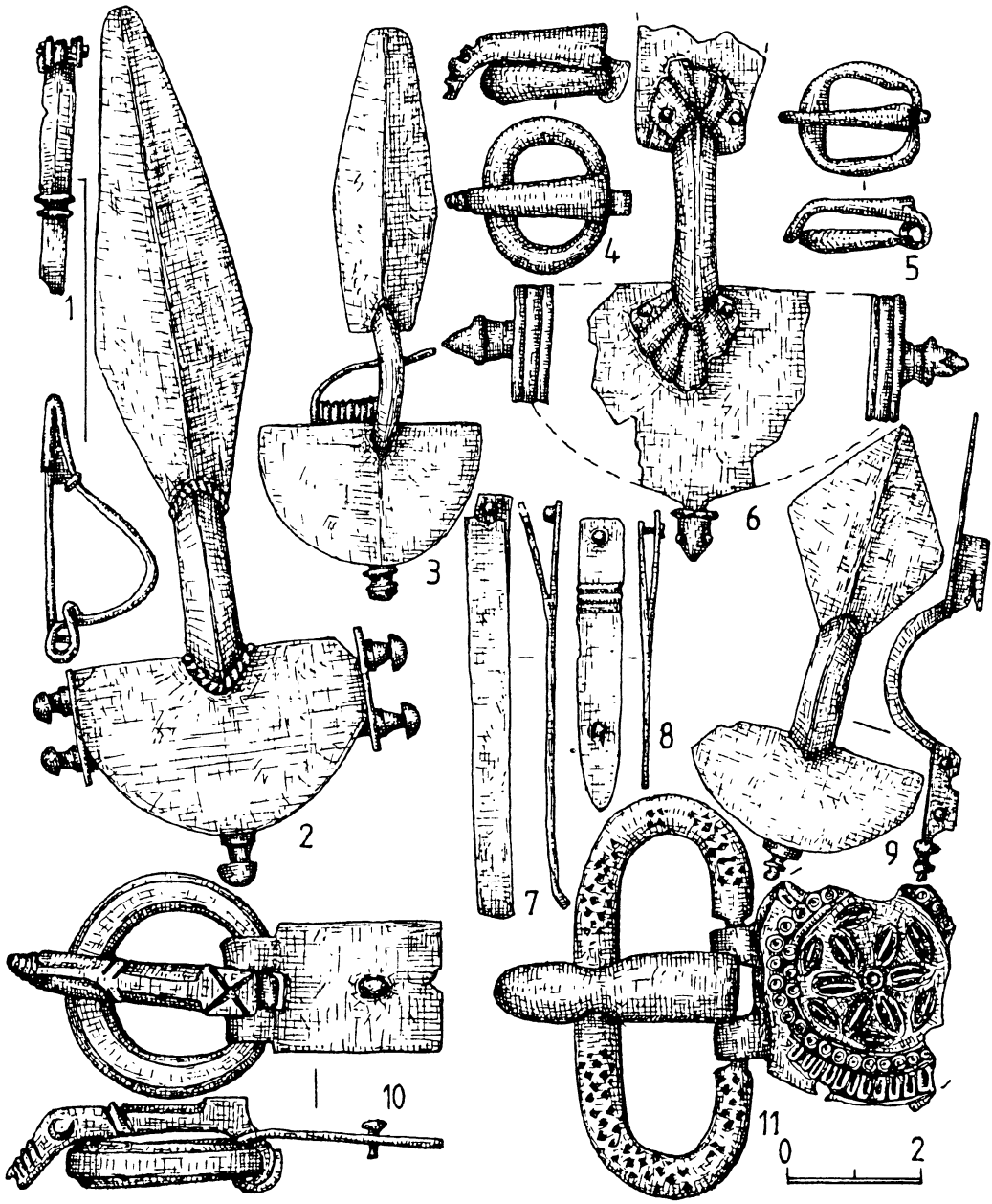


Табл. XXIII. Находки из погребений четвертой группы. *1-3,6,9-11* - Керчь (*1,3,6* - склеп 165; *9* - склеп 145; *2,10,11* - склеп 154); *4,5* - Лучистое (*4* - склеп 54а; *5* - склеп 55); *7* - Заморское, могила 11; *8* - Харакс, могила 33.

1 - Сорокина, 1971, рис. 4,4; *2* - Айбабин, 1990, с. 19, рис. 9,11; *3* - Засецкая, 1993, табл. 54, кат. 295; *6* - Айбабин, 1990, с. 19, рис. 10,6; *7,8* - Айбабин, 1990, с. 51, рис. 2,49; 47,18,19; *9* - Айбабин, 1990, с. 19, рис. 9,2; *10,11* - Айбабин, 1990, с. 28, рис. 23,3,10.

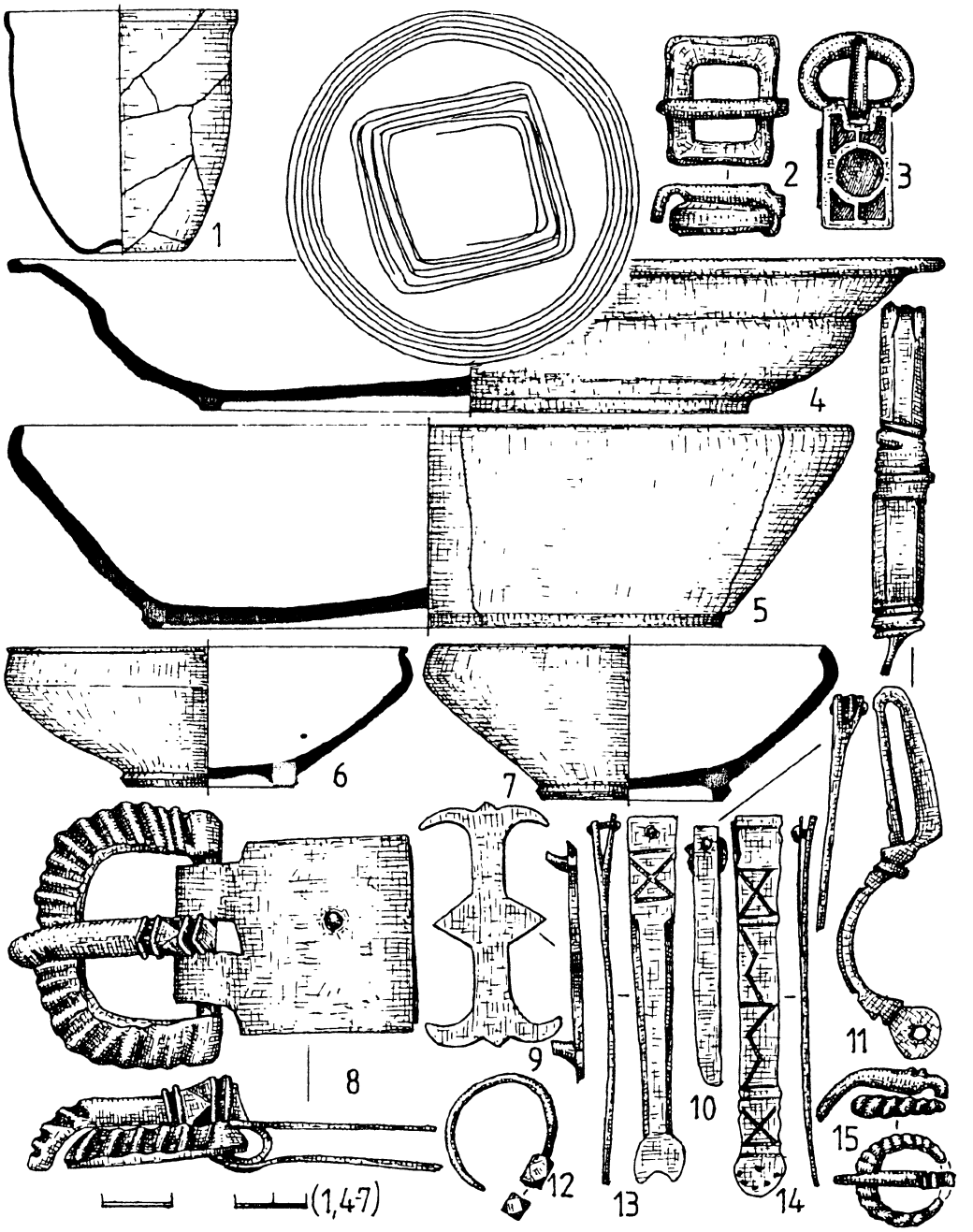


Табл. XXIV. Находки из погребений четвертой группы. *1,2,4-15* - Лучистое (*1,5* - склеп 58; *2,4,6-11,13-15* - склеп 88; *12* - склеп 41); *3* - Керчь, склеп 145 (Засецкая, 1993, с. 43, кат. 26, табл. 13,26).

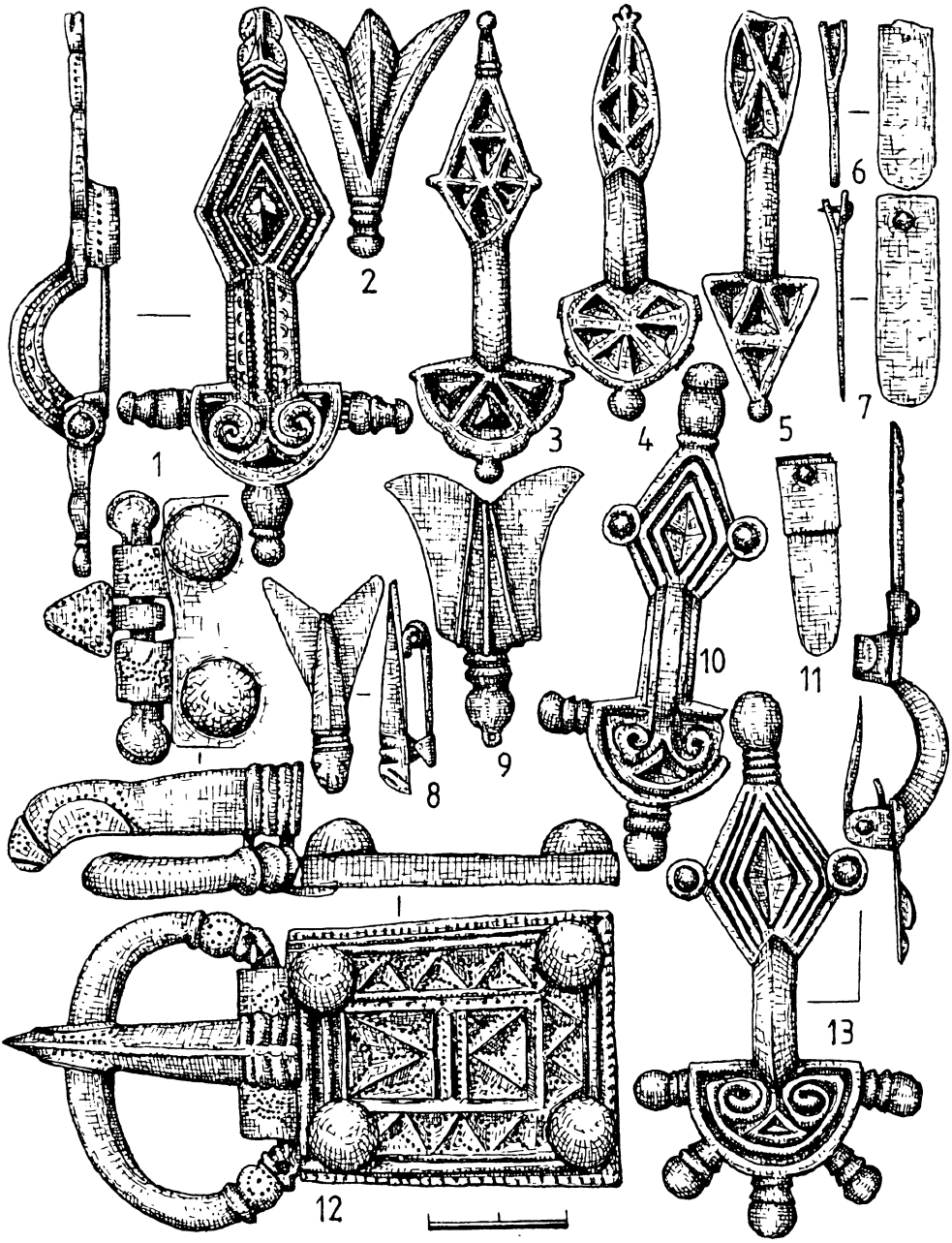


Табл. XXV. Находки из погребений пятой группы. *1,3,9,10,12* - Херсонес (*3,9* - могила 3/1891; *10,12* - склеп 14/1914); *2* - Керчь, склеп 181/1902; *4,11* - Сахарная Головка (*4* - могила 12; *11* - могила 13); *5,7* - Скалистое (*5* - склеп 190; *7* - склеп 465); *6* - Черная речка, склеп 32/1989; *8* - Красный Мак, склеп 7; *13* - Лучистое, склеп 77.

1 - Айбабин, 1990, с. 19, рис. 14,8; *2* - Айбабин, 1990, рис. 10,13; *3* - Айбабин, 1990, с. 19, рис. 14,3,4; *4* - Борисова, 1959, табл. VI,4; Айбабин, 1990, с. 19, рис. 14,6; *5* - Айбабин, 1990, с. 19, рис. 14,1; *7* - Айбабин, 1990, рис. 47,14; *8* - Лобода, 1992, рис. 4,12; *10* - Айбабин, 1990, с. 19, рис. 14,11; *11* - Борисова, 1959, табл. IV,11; *12* - Айбабин, 1990, с. 29, рис. 2,71; 24,1.

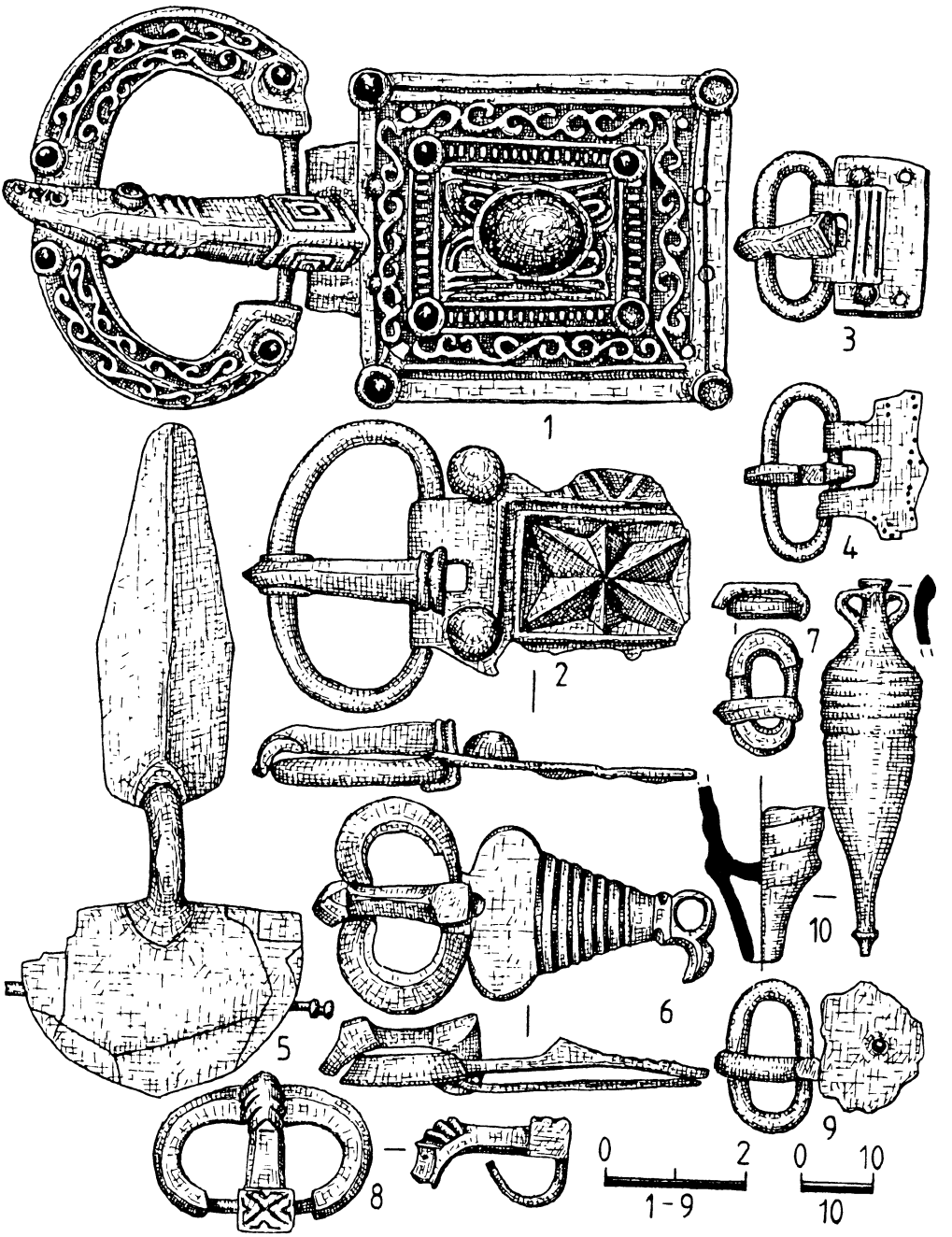


Табл. XXVI. Находки из погребений шестой группы. *1,5-7,9* - Керчь (*1* - склеп 1875; *5* - склеп 78/1907, захоронение 4; *6,9* - склеп 78/1907, захоронение 9; *7* - склеп 78/1907, захоронение 7); *2,3* - Скалистое (*2* - склеп 5, *3* - склеп 495); *4,8* - Херсон, склеп 62/1909; *10* - Черная речка, склеп 64.
1 - Айбабин, 1990, рис. 26,1; *2* - Айбабин, 1990, рис. 24,2; *3* - Айбабин, 1990, рис. 37,8; *4* - Айбабин, 1990, рис. 37,16; *5* - Айбабин, 1990, рис. 10,3; *6* - Айбабин, 1990, рис. 39,5; *7* - Айбабин, 1982, рис. 4,12; *8* - Айбабин, 1990, рис. 39,2; *9* - Kazanski, 1996, fig. 8,4; *10* -Айбабин, 1990, рис. 4,3.

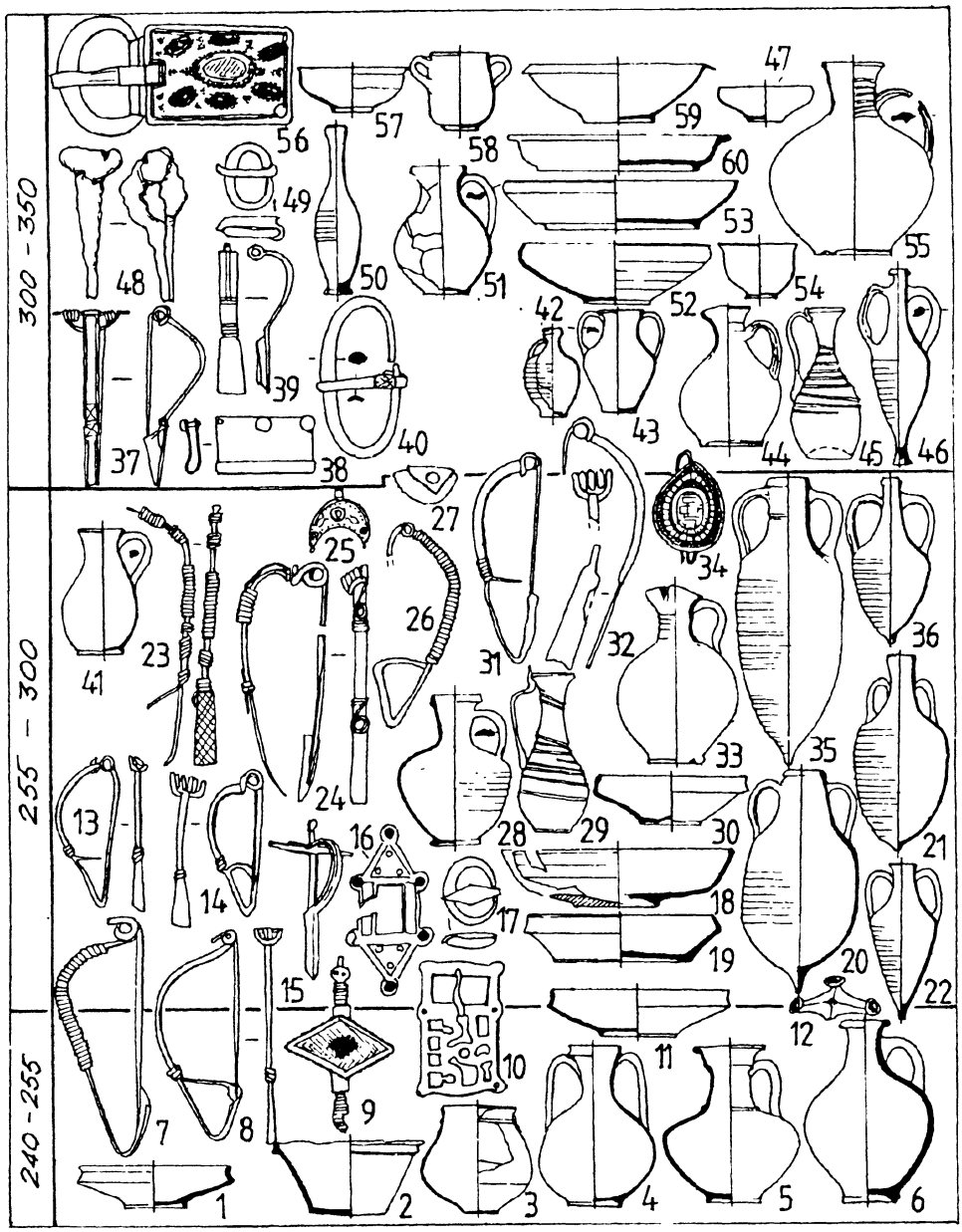


Табл. XXVII. Взаимовстречаемость датирующих вещей в комплексах 1-6 хронологических групп. Часть первая. Вещи из комплексов 1 (*1-36*) и 2 (37-60) хронологических групп.

1 - табл. V,5; *2* - табл. VI,3; *3* - табл. VII,3; *4* - табл. VII,1; *5* - табл. VIII,1; *6* - табл. VII,2; *7* - табл. I,4; *8* - табл. I,1; *9* - табл. III,4; *10* - табл. III,7; *11* - табл. V,6; *12* - табл. III,10,11; *13* - табл. I,5; *14* - табл. II,4; *15* - табл. II,5; *16* - табл. III,6; *17* - табл. III,9; *18* - табл. V,9; *19* - табл. V,7; *20* - табл. X,4; *21* - табл. X,2; *22* - табл. X,1; *23* - табл. I,9; *24* - табл. II,1; *25* - табл. III,12; *26* - табл. I,8; *27* - табл. II,7,8; *28* - табл. VIII,2; *29* - табл. IX,5; *30* - табл. V,4; *31* - табл. I,10; *32* - табл. I,6; *33* - табл. VI,4; *34* - табл. IV,2; *35* - табл. X,3; *36* - табл. X,5; *37* - табл. XIII,4; *38* - табл. XIII,10; *39* - табл. XIII,2; *40* - табл. XIII,8; *41* - табл. XIV,1; *42* - табл. XIV,2; *43* - табл. XIV,3; *44* - табл. XV,4; *45* - табл. XII,5; *46* - табл. XII,3; *47* - табл. XII,2; *48* - табл. XIII,1; *49* - табл. XIII,6; *50* - табл. XV,7; *51* - табл. XV,1; *52* - табл. XIV,6; *53* - табл. XIV,5; *54* - табл. XV,3; *55* - табл. XII,4; *56* - табл. XIII,9; *57* - табл. XIII,11; *58* - табл. XIII,12; *59* - табл. XII,6; *60* - табл. XIV,4.

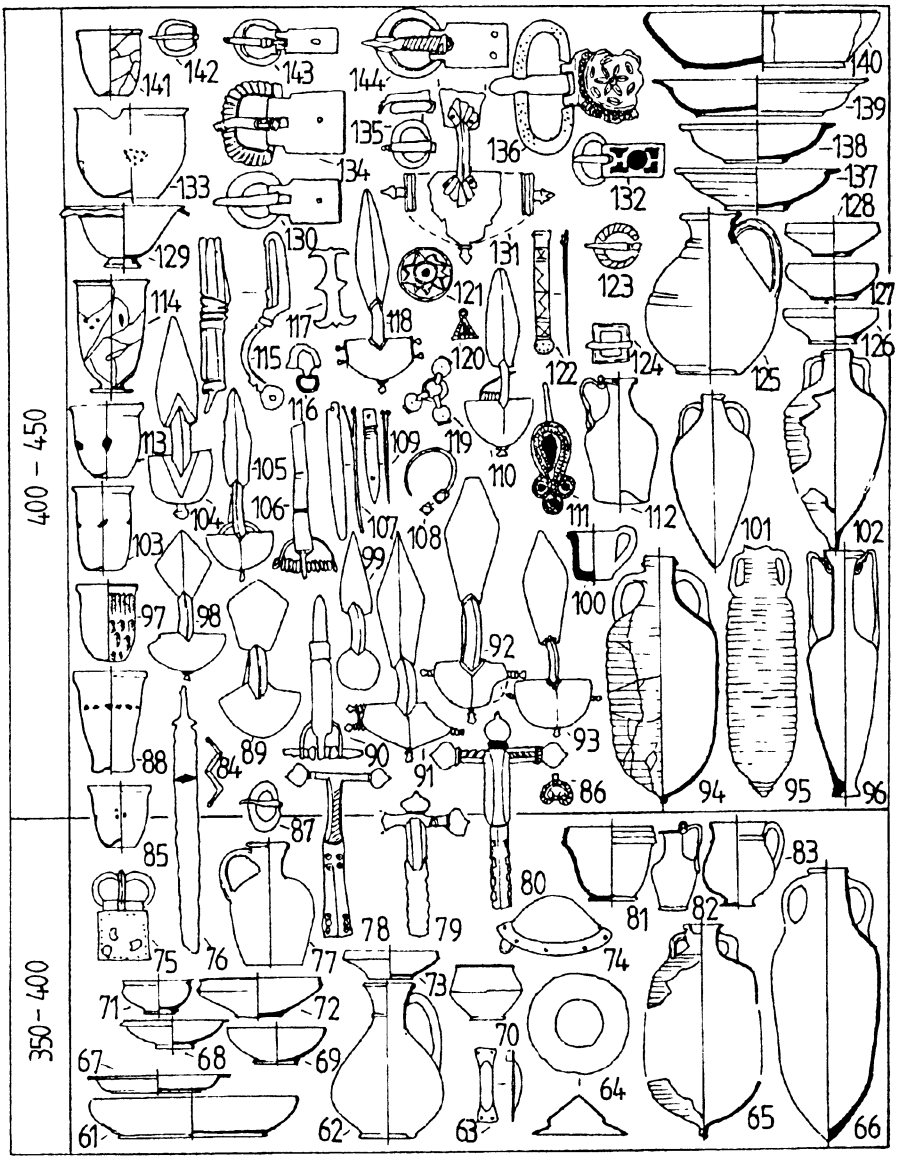


Табл. XXVII. Взаимовстречаемость датирующих вещей в комплексах 1-6 хронологических групп. Часть вторая. Вещи из комплексов 3 и 4 хронологических групп.

61 - табл. XVII,7; *62* - табл. XVIII,8; *63,64* - табл. XVI,9; *65* - табл. XIX,2; *66* - табл. XIX,1; *67* - табл. XVII,5; *68* - табл. XVII,3; *69* - табл. XVII,4; *70* - табл. XVIII,4; *71* - табл. XVII,1; *72* - табл. XVII,2; *73* - табл. XVIII,5; *74* - табл. XVI,8; *75* - табл. XVI,5; *76* - табл. XVII,6; *77* - табл. XVIII,6; *78* - табл. XVI,7; *79* - табл. XVI,4; *80* - табл. XVI,3; *81* - табл. XVIII,1; *82* - табл. XVIII,2; *83* - табл. XVIII,3; *84* - рис. 25,3; *85* - табл. XIX,6; *86* - рис. 25,8; *87* - табл. XVI,2; *88* - табл. XXI,10; *89* - табл. XX,4; *90* - табл. XX,8; *91* - табл. XX,3; *92* - табл. XX,2; *93* - табл. XX,1; *94* - табл. XXI,6; *95* - табл. XXI,4; *96* - табл. XXI,7; *97* - табл. XXI,8; *98* - табл. XXIII,9; *99* - табл. XX,9; *100* - табл. XVIII,6; *101* - табл. XXI,2; *102* - табл. XXI,3; *103* - табл. XXI,9; *104* - табл. XX,7; *105* - табл. XX,5; *106* - табл. XX,6; *107* - табл. XXIII,7; *108* - табл. XXIV,12; *109* - табл. XXIII,8; *110* - табл. XXIII,3; *111* - рис. 25,9; *112* - табл. XXII,3; *113* - табл. XX,10; *114* - табл. XXII,7; *115* - табл. XXIV,11; *116* - Лучистое, склеп 88; *117* - табл. XXIV,9; *118* - табл. XXIII,2; *119* - Лучистое, склеп 88; *120* - рис. 25,7; *121* - рис. 25,10; *122* - табл. XXIV,14; *123* - табл. XXIV,15; *124* - табл. XXIV,2; *125* - табл. XXII,1; *126* - табл. XXIV,6; *127* - табл. XXIV,7; *128* - табл. XXII,2; *129* - рис. 25,12; *130* - Лучистое, склеп 88; *131* - табл. XXIII,6; *132* - табл. XXIV,3; *133* - табл. XXII,5; *134* - табл. XXIV,8; *135* - табл. XXIII,4; *136* - табл. XXIII,11; *137* - табл. XXII,4; *138* - Лучистое, склеп 88; *139* - табл. XXIV,4; *140* - табл. XXIV,5; *141* - табл. XXIV,1; *142* - табл. XXIII,5; *143* - табл. XXII,6; *144* - рис. 22,2.

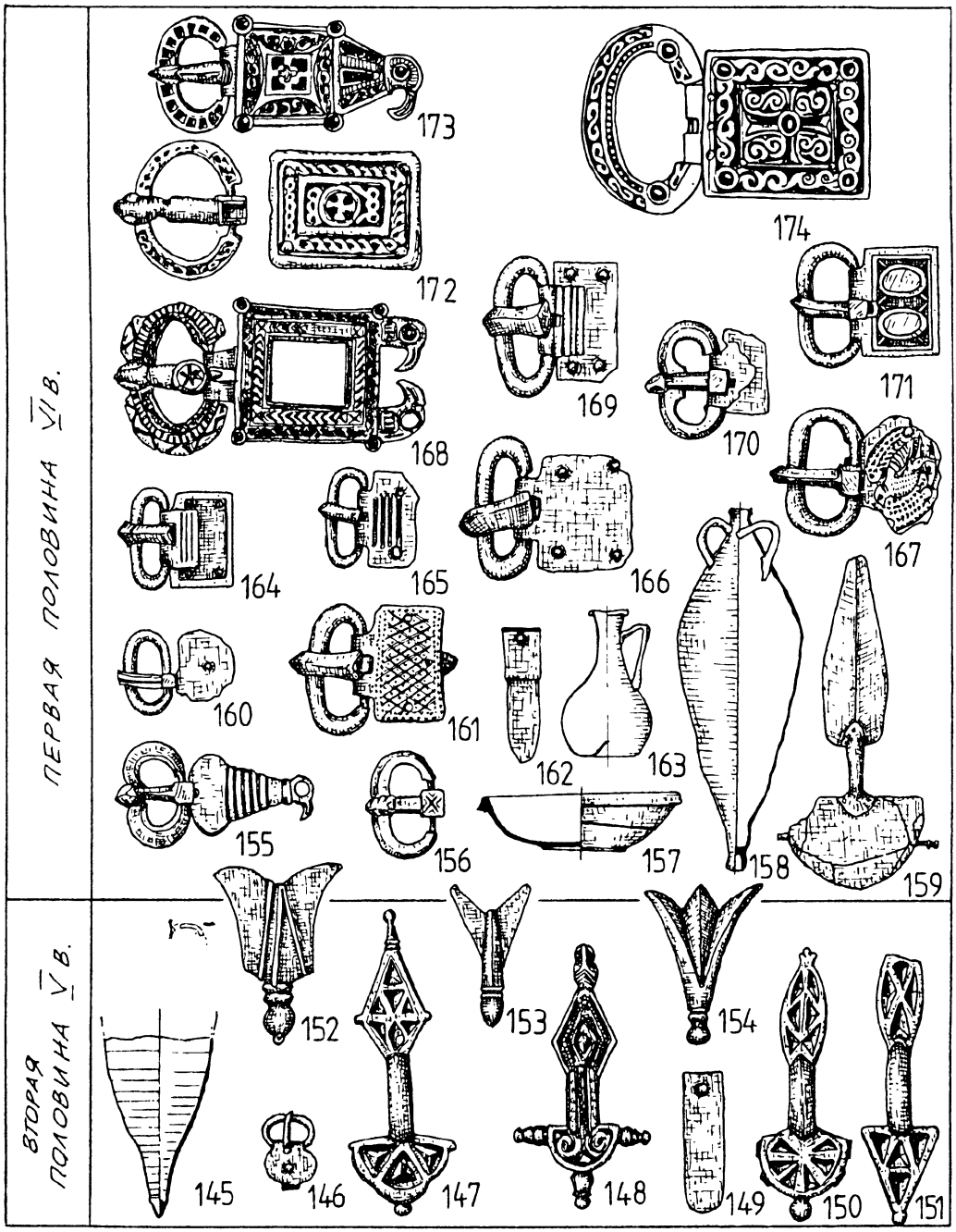


Табл. XXVII. Взаимовстречаемость датирующих вещей в комплексах 1-6 хронологических групп. Часть третья. Вещи из комплексов 5 и 6 хронологических групп.

145 - Чикаренко, рис. 29,1; *146* - Скалистое, склеп 190; *147* - табл. XXV,3; *148* - табл. XXV,1; *149* - табл. XXV,7; *150* - табл. XXV,4; *151* - табл. XXV,5; *152* - табл. XXV,9; *153* - табл. XXV,8; *154* - табл. XXV,2; *155* - табл. XXVI,6; *156* - табл. XXVI,8; *157* - рис. 21,2; *158* - рис. 21,1; *159* - табл. XXVI,5; *160* - табл. XXVI,10; *161* - Херсон, склеп 2126; *162* - табл. XXV,11; *163* - рис. 21,3; *164* - рис. 21,6; *165* - Сахарная головка, могила 3/13; *166* - Скалистое, склеп 495; *167* - Керчь, склеп 6; *168* - рис. 36,3; *169* - Скалистое, склеп 495; *170* - Скалистое, могила 447а; *171* - Херсон; *172* - рис. 36,2; *173* - рис. 36,1; *174* - рис. 22,1.

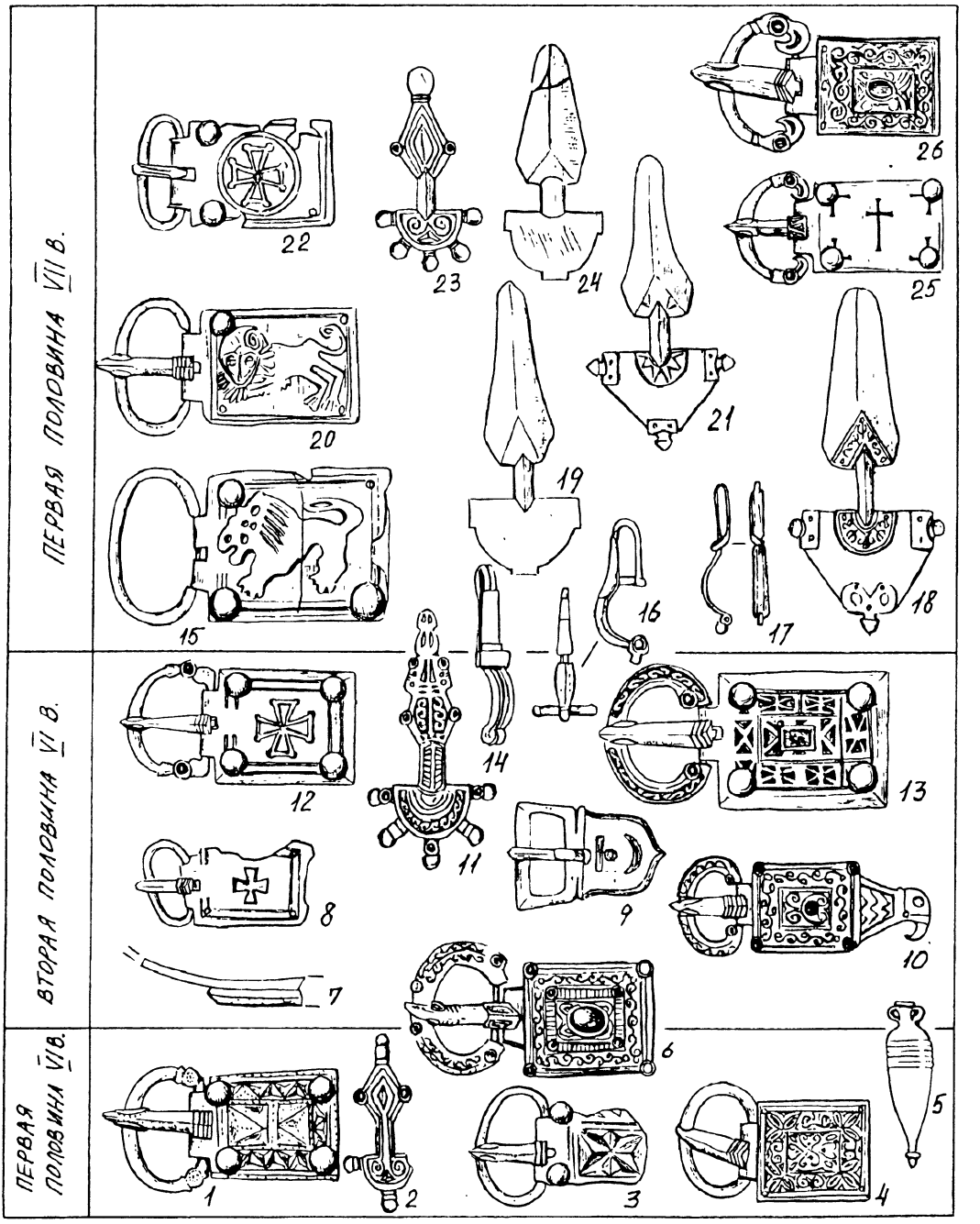


Табл. XXVIII. Взаимовстречаемость вещей в комплексах с пряжками с большими прямоугольными щитками.
1,2,8 - Херсонес (*1,2* - склеп 14/1914; *8* - склеп 62); *3,7,22* - Скалистое (*3* - склеп 5; *7* - склеп 418; *22* - могила 433); *4,5* - Черная речка, склеп 64; *6,10* - Керчь, склеп 1875; *9,11,12,13,15-17,19,23,24* - Лучистое (*9,13* - склеп 64; *11,12,23* - склеп 77; *15* - склеп 42; *16,24* - склеп 104; *17* - склеп 74; *19* - склеп 102); *14,18,20,21,25,26* - Суук-Су (*14* - могила 155; *18* - могила 67; *20* - могила 91; *21,25* - могила 90; *26* - могила 169).

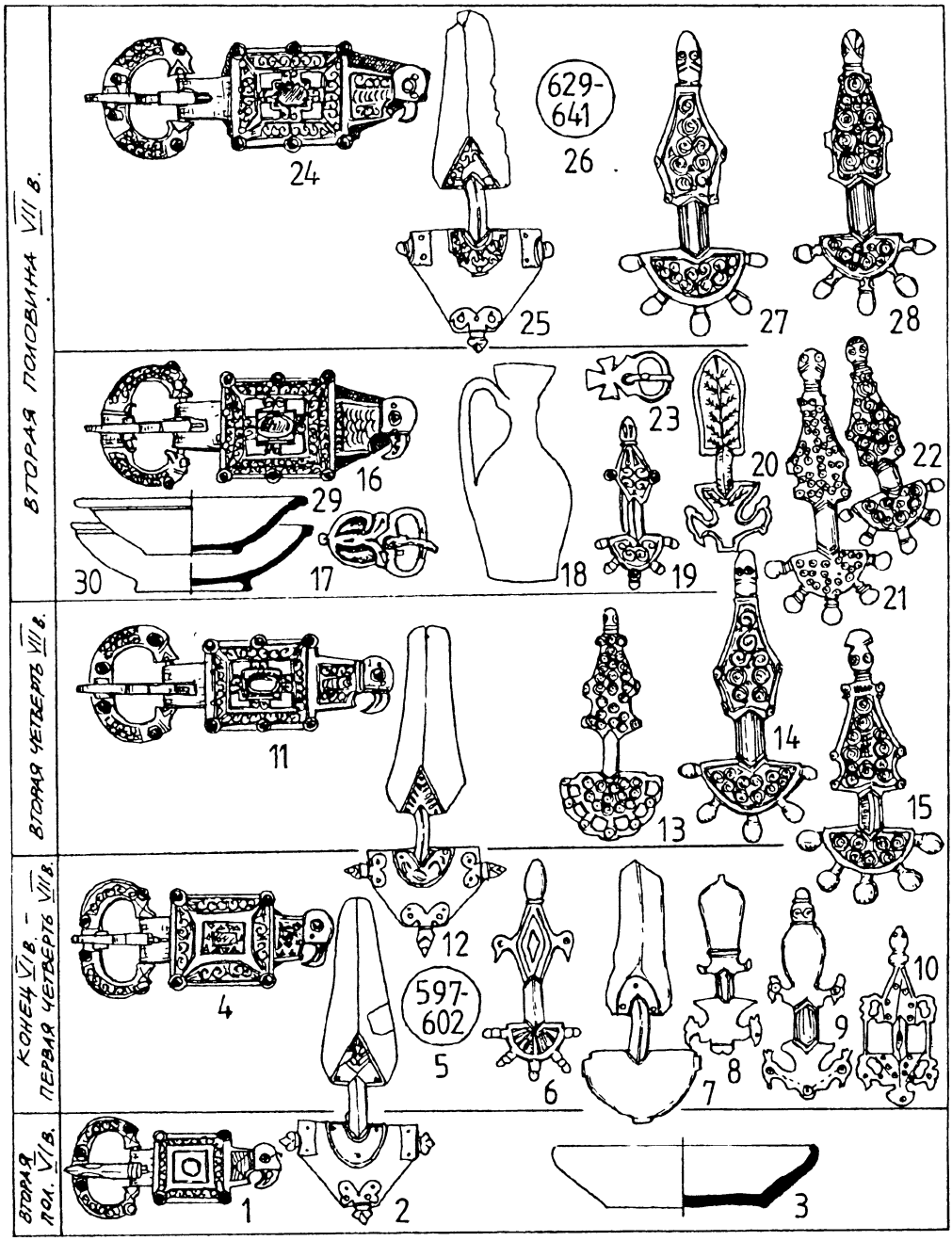


Табл. XXIX. Взаимовстречаемость вещей в комплексах с орлиноголовыми пряжками.
1-4,6,8-11,15-17,19,21-25 - Лучистое (*1* - склеп 102, погребение 9; *2* - склеп 42, погребение 1; *3* - склеп 100, слой 2; *4,6* - склеп 100, погребение 1; *8,9* - склеп 38, погребение 8; *10,15* - склеп 46а, погребение 4; *11* - склеп 10, погребение 12; *16,17* - склеп 38, погребение 3; *19* - склеп 54, погребение 12; *21,22* - склеп 43, погребение 4; *23* - склеп 95, погребение3; *24,25* - склеп 10, погребение 5), *5,7,12-14,18,20,29,30* - Суук-Су (*5* - могила 77; *7* - склеп 169, погребение 1; *12* - могила 89; *13* - могила 28; *14* - могила 86; *18,30* - могила 154; *20,29* - склеп 131, погребение 1), *26-28* - Эски-Кермен, склеп 257, погребение 6.

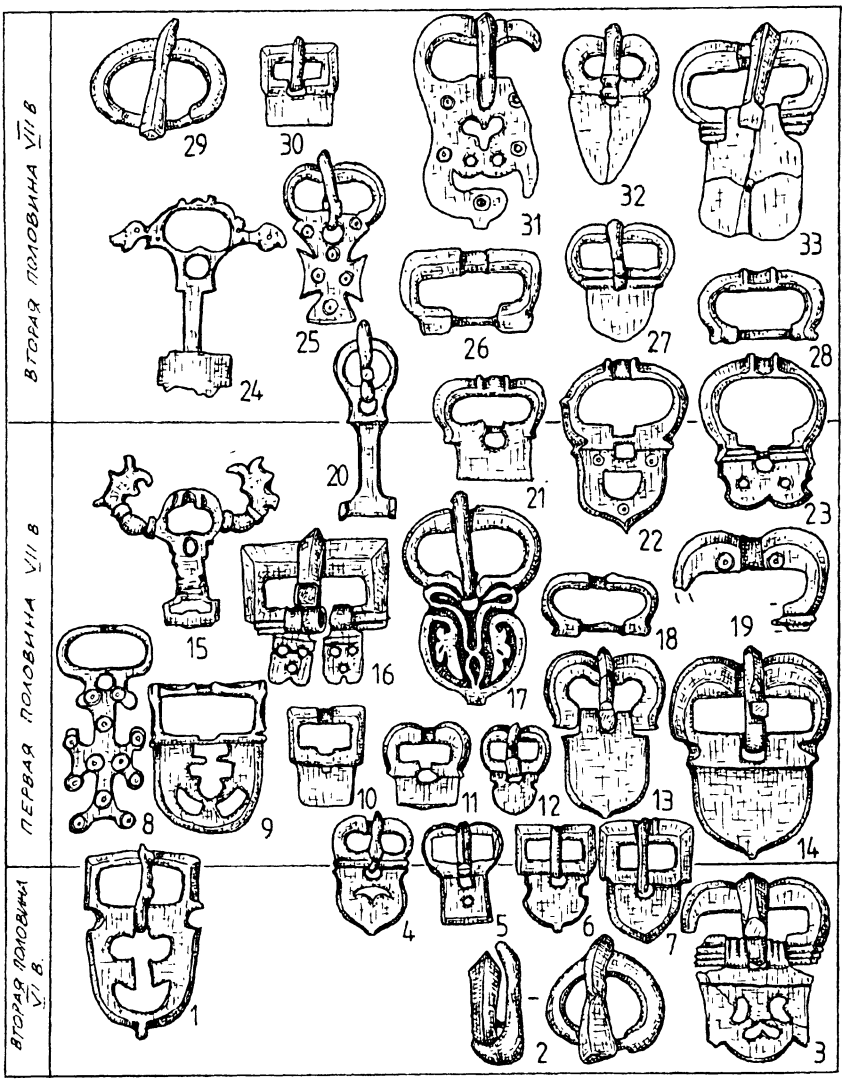


Табл. XXX. Хронология малых византийских пряжек из Крыма.

1,9 - пряжки с прямоугольными рамками варианта I-1 (типа "Суцидава") (*1* - Херсонес; *9* - Сахарная Головка, могила 2); *2* - треугольнорамчатая пряжка 1 варианта (Скалистое, склеп 418); *3,19,33* - В-образные пряжки варианта II-1 (Суук-Су: *3* - могила 199; *19* - склеп 169; *33* - могила 118); *4* - В-образная пряжка варианта II-8/1 (Суук-Су, склеп 72); *5*- В-образная пряжка варианта II-4/1 (Суук-Су, могила 199); *6*- пряжка с трапециевидной рамкой варианта I-7 (Скалистое, склеп 420); *7*- пряжка с трапециевидной рамкой варианта I-5 (Лучистое, склеп 38); *8*- цельнолитая пряжка с круглой рамкой и крестовидным щитком варианта II-7/1 (Эски-Кермен, склеп 329); *10* - пряжка с трапециевидной рамкой варианта I-9 (Скалистое, склеп 403); *11*- В-образная пряжка варианта II-4/2 (Рисовое, курган 2); *12*- В-образная пряжка варианта II-4/3 (Скалистое, склеп 422); *13* - В-образная пряжка варианта II-6 (Скалистое, склеп 449); *14* - В-образная пряжка варианта II-5 (Суук-Су, могила 90); *15* - пряжка типа "Гатер" (Лучистое, склеп 43); *16* - пряжка с трапециевидной рамкой варианта II-3 (Суук-Су, могила 147); *17*- цельнолитая пряжка с круглой рамкой варианта II-4/1 (типа "Сиракузы") (Эски-Кермен, склеп 257); *18*- В-образная пряжка варианта II-3 (Эски-Кермен, склеп 81); *20*- пряжка I типа "Салона-Истрия" (Суук-Су, могила 118); *21* - лировидная пряжка 2 варианта (Суук-Су, могила 63); *22*- лировидная пряжка 3 варианта (Эски-Кермен, склеп 81); *23* - лировидная пряжка 4 варианта (Суук-Су, могила 144); *24* - пряжка типа "Папа" (Лучистое, склеп 36); *25* - цельнолитая пряжка с круглой рамкой и крестовидным щитком варианта II-7/3 (Эски-Кермен, склеп 257); *26* - прямоугольная пряжка варианта II-3 (Суук-Су, могила 147); *27* - В-образная пряжка варианта II-4/4 (Суук-Су, могила 120); *29* - сегментарамчатая пряжка 2 варианта (Скалистое, склеп 417); *30* - пряжка с прямоугольной рамкой варианта I-8 (Портовое); *31*- В-образная пряжка варианта II-8/2 (Керчь, склеп 180); *32*- В-образная пряжка варианта I-3 (Скалистое, склеп 449).

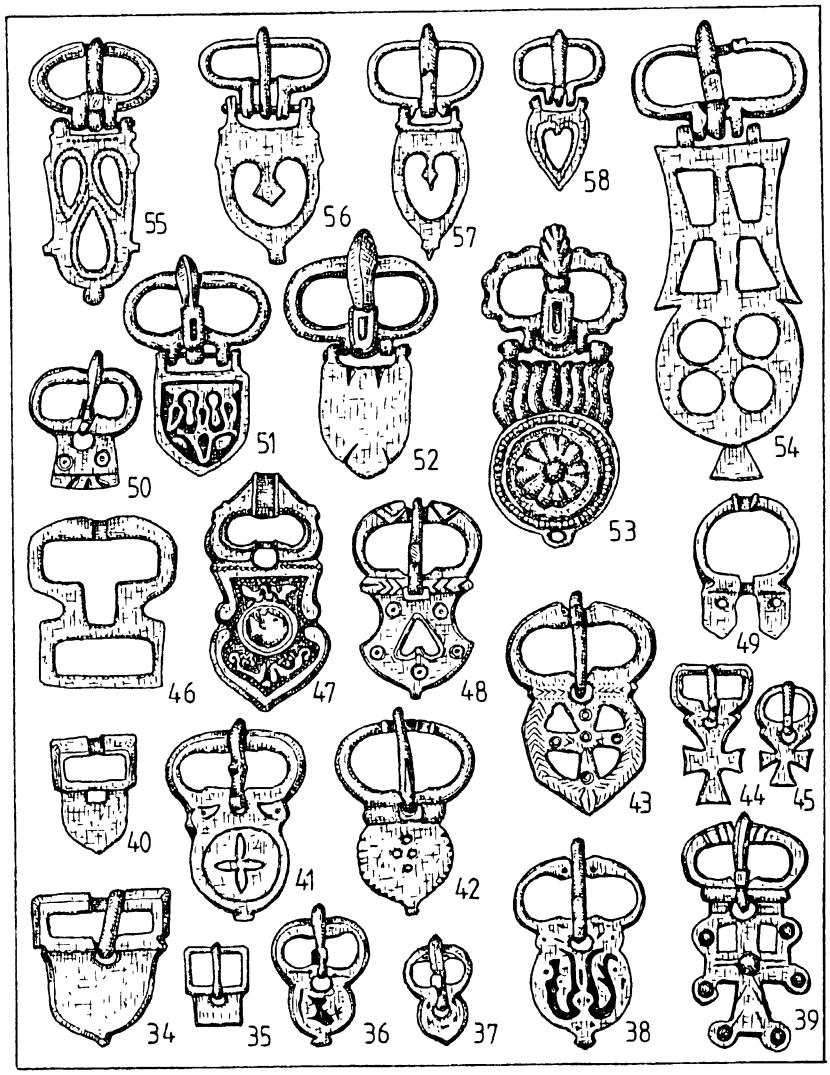


Табл. XXX. Хронология малых византийских пряжек из Крыма. Продолжение. Пряжки второй половины VII в.

34 - пряжка с трапециевидной рамкой варианта I-2 (Керчь, могила 64); *35* - пряжка с прямоугольной рамкой варианта I-10 (Скалистое, склеп 321); *36* - пряжка с овальным кольцом варианта II-3/2 (Эски-Кермен, склеп 278); *37* - пряжка с овальным кольцом варианта II-3/1 (Эски-Кермен, склеп 257); *38* - пряжка с круглой рамкой варианта II-4/1 (типа "Сиракузы") (Эски-Кермен, могила 218); *39* - цельнолитая пряжка с круглой рамкой и крестовидным щитком варианта II-7/2 (Эски-Кермен, склеп 257); *40* - пряжка с трапециевидной рамкой варианта I-6 (Керчь, склеп 78); *41* - пряжка с круглой рамкой варианта II-4/2 (Эски-Кермен, склеп 257); *42* - пряжка с круглой рамкой варианта II-4/3 (Эски-Кермен, склеп 193); *43* - пряжка с круглой рамкой варианта II-6 (Суук-Су, склеп 131); *44,45* - цельнолитые пряжки с круглой рамкой и крестовидным щитком варианта II-7/3 (*44* - Керчь, склеп 52; *45* - Суук-Су, могила 55); *46* - пряжка с круглой рамкой варианта II-1/1 (Эски-Кермен, склеп 321); *47,48* - цельнолитые пряжки с овальной рамкой и фигурным щитком (*47* - Керчь; *48* - Эски-Кермен, склеп 259); *49* - лировидная пряжка 5 варианта (Лучистое, склеп 6); *50* - пряжка с круглой рамкой варианта II-2 (Эски-Кермен, склеп 259); *51,52* - шарнирные пряжки с овальным кольцом 3 варианта (Эски-Кермен, склеп 257); *53* - шарнирная пряжка с овальным кольцом 4 варианта (Лучистое, склеп 10); *54* - шарнирная пряжка с овальным кольцом варианта 6-1 (типа "Эски-Кермен") (Скалистое, склеп 447); *55* - шарнирная пряжка с овальным кольцом 8 варианта (Эски-Кермен, склеп 249); *56* - шарнирная пряжка с овальным кольцом варианта 2-2 (типа "Бал-Гота") (Узень-Баш, склеп 3/1958); *57* - шарнирная пряжка с овальным кольцом варианта 2-1 (типа "Бал-Гота") (Скалистое, склеп 288); *58* - шарнирная пряжка с овальным кольцом варианта 1-1 (Скалистое, склеп 381).

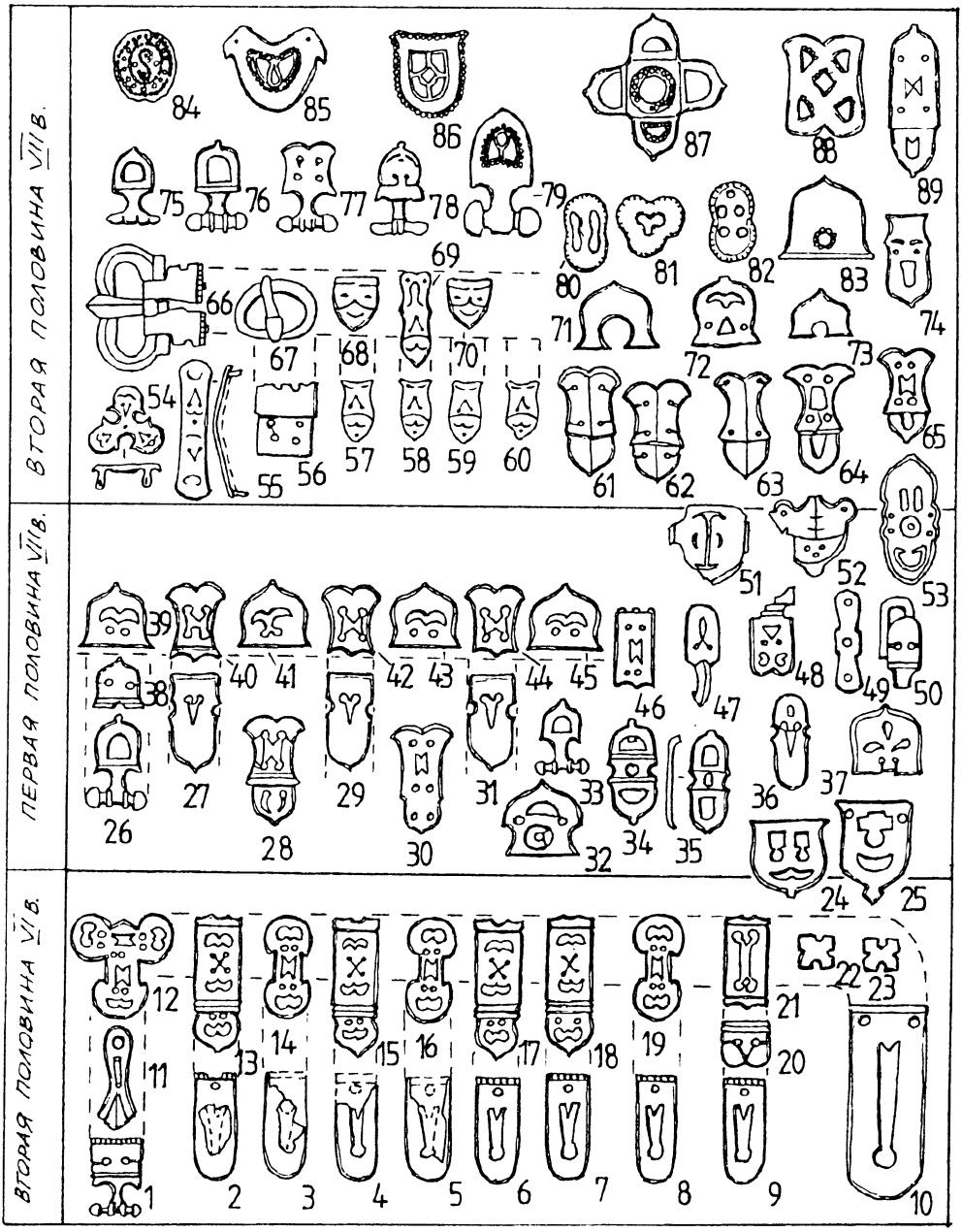


Табл. XXXI. Хронология поясных наборов византийского круга.

1-23,30,37,46-50,56-60,66-70,75,89 - Суук-Су (*1-23* - могила 54; *30,37,46-50* - могила 67; *56-60,66-70* - могила 33; *75* - могила 162; *89* - могила 118); *24,25* - Херсонес; *26,27,29,31,38-45,61,62,65,76,84* - Керчь (*26,27,29,31,38-45* - могила 1867 г.; *65* - могила 64; *61,62,76* - склеп 180); *28,34,74,77* - Чуфут-Кале (*28* - склеп 3; *34* - склеп 14; *74,77* - склеп 34); *32,33,51-53,63,71,73,78,80-82* - Скалистое (*32,33* - склеп 107; *51-53* - склеп 336; *63* - склеп 41; *71* - склеп 482; *73,80-82* - склеп 166; *78* - склеп 220); *35,36* - Рисовое; *54,55,64,72* - Эски-Кермен (*54,55* - склеп 321; *64,72* - склеп 276); *79,85,86,88* - Портовое; *83* - коллекция А.Л.Берте-Делагарда; *87* - Белозерка.

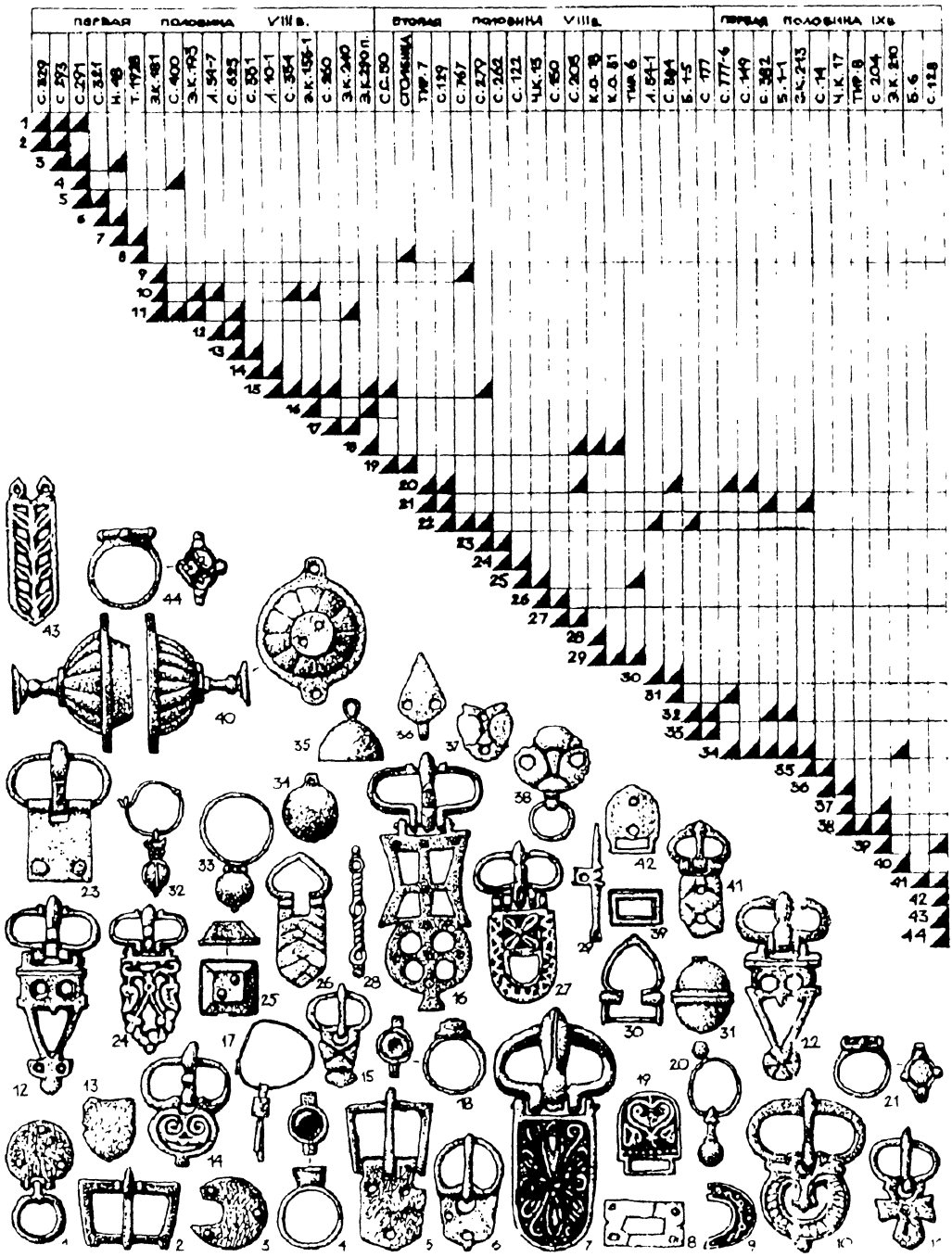


Табл. XXXII. Взаимовстречаемость вещей в крымских погребениях VIII-IX вв.
С. - Скалистое, Н. - Неволино, Т. - Тепсень, Э.К. - Эски-Кермен, Л. - Лучистое, С.С. - Суук-Су, Тир. - Тиритака, Ч.К. - Чуфут-Кале, К.О. - Кордон Оба, Б. - Бакла.

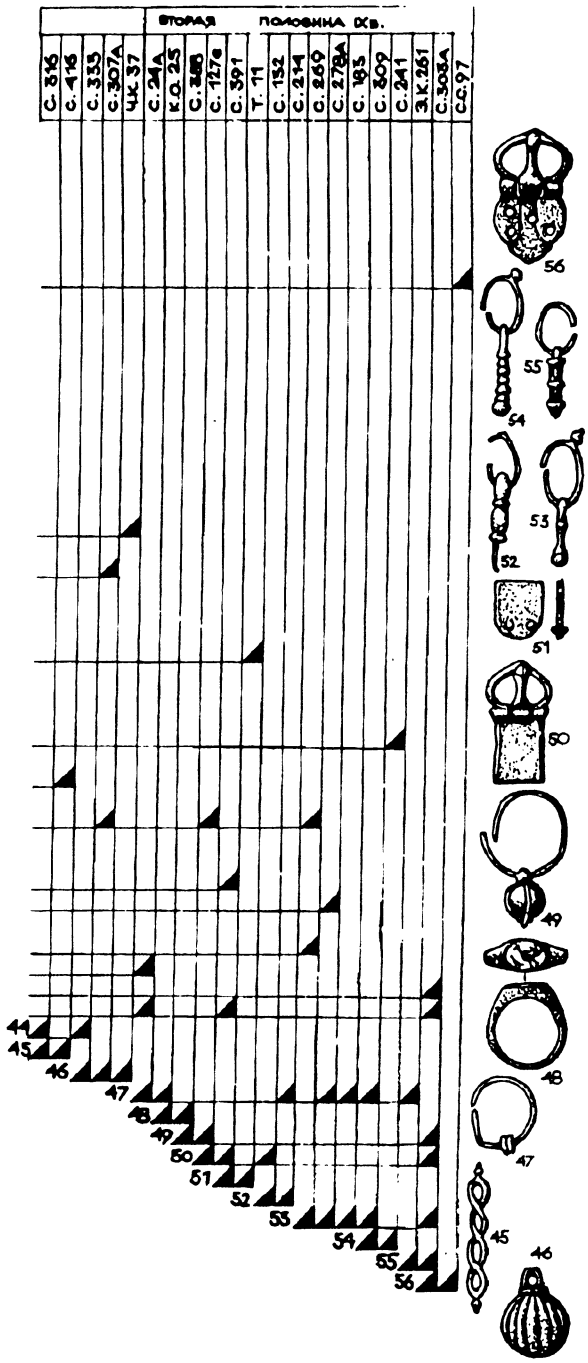


Табл. XXXII. Взаимовстречаемость вещей в крымских погребениях VIII-IX вв. Продолжение.

БИБЛИОГРАФИЯ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Барбаро и Контарини о России. Пер. и ком. Е.Ч.Скржинской. Л., 1971.

Вегеций Флавий Ренат. Краткое изложение военного дела. Пер. С.П.Кондратьева // ВДИ. 1940. №1.

Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия. Пер. и ком. Е.Э.Липшиц. М.; Л., 1960.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. Пер. и ком. Е.Ч.Скржинской. М., 1977.

Иордан. Гетика // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.I. М., 1994.

Иосиф Флавий. О войне иудейской. Пер. В.В.Латышева // ВДИ. 1947. №4.

Карпини Плано. История монголов. *В.Рубрук.* Путешествие в восточные страны. СПб., 1911.

Климент Охридски. Собрани съчинения / Ред. и ком. С.Б.Ангелов, Х.Кодов. Т.3. София, 1973.

Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Константин Багрянородный. Об управлении государством. М., 1989.

Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965.

Рубрук Гильом. Путешествие в Восточные страны. М., 1957.

Советы и рассказы Кекавмена. Пер. и ком. Г.Г.Литаврина. М., 1972.

Хвольсон Д. Известия о хазарах, буртасах... ибн-Даста. СПб., 1869.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана, "Бревиарий" Никифора. М., 1980.

Agathias. The Histories. Translated by J. D. Frendo // Corpus fontium historiae Byzantinae. Berlin, New York, 1975. Vol. II A.

Ammianus Marcellinus. Harvard university press. Cambridge-London, 1972.

Blockley R.C. The fragmentary classicising historians of the Later Roman empire. Eunapius, Olimpiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II. Liverpool, 1983.

Blockley R.C. The history of Menander the Guardsman. Liverpool, 1985.

Charles R.H. The cronicle of John (c. 690 A. D.) coptic bishop of Nikiu. London, 1916.

Chavannes E. Documents sur les T'ou-Kiue occidentaux // Сборник трудовъ Орхонской экспедиции. S.-Petersburg, 1903. VI.

Chronikon anonymum Pseudo-Dionysianum vulgo dictum. Chabot J.B. ed. and trans. // Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Scriptores Syri, ser. 3, vol. 3.1. Louvain, 1927, 1933, 1949.

Codex Theodosiani, libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes. Th.Mommsen et P.Meyer. I-II. Berlin, MCCCCV.

Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Ed. Moravcsik Gy., Jenkins R.J.H. Washington, 1967.

Corpus juris civilis. Vol. III. Novellae. Ed. R.Schoell - G.Kroll. Berolini, 1895.

Darrouzès J.A.A. Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.

De Rubruk W. Itinerarium. Recneil de Voyages et de Mém. Paris, 1835.

Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri. Ed. Bekkeri I., Niebuhrii B.G. // Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Pars I. Bonnae, MDCCCXXIX.

Fontes Trapezuntini. Ed. A.Papadopulos-Kerameus. Repr. Amsterdam, 1965. I.

Etymologicon Magnum. Ed. Gaisford Th. Oxonii 1848. Reprint. Amsterdam, 1967.

Gelzer H. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatuum // Abhandlungen der philos.-philol. Classe der k. Bayer. Akademie der Wiss., I. Cl. XXI. Bd.III. Abth. München, 1900.

Georgius Cedrinus, Ioannis Scylitzae. Compendium Historiarum. Ed. Bekkeri I., Niebuhrii B.G. // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae, 1838.

Georgius Syncellus. Chronographia // Corpus Skriptorum Historiae Byzantinae. Tomus I. Bonn, MDCCCXXIX.

Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca, London, 1982.

Gregorii Thaumaturgi. Epistola canonika. // PG. Tomus X.

Hamilton F.J., Brooks E.W. The Syriac chronicle known as that of Zachariah of Mitylene. London, 1899.
Hermiae Sozomeni. Historia ecclesiastica. Ed. J.-P. Migne // PG. Paris, 1859. Tomus LXVII. Reprint by Brepols, Turnholti, 1983.
Hewsen R.H The Geography of Ananias of Širak. The Long and the Short Recensions. Wiesbaden, 1992.
Histoire Auguste. Les empereurs romains des IIe et IIIe siècles. Ed. et. tr. par A.Chastagnol. Paris, 1994.
Ioannis Malalae. Chronographia. Ex recensione L.Dindorfd. Bonnae, MDCCCXXXI. Liber XIV.
Iordanis. Romana et Getica. Recensuit T.Mommzen // Monumenta germaniae historika. Tomi V. Berlini, MDCCCLXXXII.
Joannis Chrysostomi. Epistola XIV Olimpiadi diaconissae // PG. Tomus LII, col. 618.
John Malalas. The chronickle. Melbourne, 1986.
Jus Graecu-Romanum. Pars III. Novellae constitutiones. Edidit C.E.Zachariae von Lingenthal. Lipsae, MDCCCLVII.
La passion de S. Athénogène de Pédachthoé en Cappadoce. Ed. et tr. par P.Maraval (BHG 197b) // Subsidia hagiographica. Bruxelles, 1990. N 75.
La Vie de Nicéphore par Ignace le diacre // Nicephorus. Opuscula Historica. Ed. C. de Boor. Leipzig, 1880.
Le Quien M Oriens Cristianus. Vol. I. Paris, 1740.
Marcellini Comitis. Cronikon // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. Vol. 11. Berlini, 1894.
Michel le Syrien. Chronique. Éd. J.-B.Chabot. Paris, 1901. Tom 2.
Migne J.P Patrologie Cursus Completus. Series Graeca. T. 99. Paris, 1860.
Migne J.P. Patrologie Cursus Completus. Series Latina. CXXIX. Paris, 1864.
Nikephoros patriarch of Constantinopole short history. Text, tr. and com. by Mango C. Washington, 1990.
Ohme H. Das Concilium Quinisextum und seine Bischofsliste. Berlin-New York, 1990.
Orosius. Historiarum adversus paganos. Ed. C.Zangemejster // Bibliotheca scriptorum graecorum et Romanorum Teubneriana. 1889.
Panegyrici Latini. Ed. W.Baehrens. 1911.
Philostorgius. Historia Ecclesiastica. J.Bidez // Gr. Scbr. Vol. 21.
Photii Patriarchae Constantinopolitani. Epistulae et amphiloghia. Vol. I. // Bibliotheca scriptorum graecorum et Romanorum Teubneriana. 1983.
Prisciani Grammatici. Caezariensis Institutionum Grammaticarum. Ed. M. Hertzii. Leipzig, 1855. Libri XVIII.
Procopius. De Aedificiis. Opera Omnia. Libri VI. // Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Vol. IV. Lipsiae, MCMLXIV.
Procopius. History of the wars. With an english translation by H.B.Dewing. Vol. I. Cambridge, Massachusetts, MCMXIV.
Procopius. History of the wars. With an english translation by H.B.Dewing. Vol. V. Book VII and VIII. Cambridge, Massachusetts, MCMXXVIII.
Psevdo-Kodinos. Traté des Offices. Paris, 1966.
Ravennatis anonymi cosmographia et Gvidonis geographika. Berolini, 1860.
The History of Theophilact Simocatta. An engish translation with Introduction and Notes M. and M. Whitby. Oxford, 1986.
Theodori Studitae. Epistulae. I-II. // Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Berolini, MCMXCII.
Theophanes. Chronographia. Ed. De Boor C. Vol. II. Lipsiae, MDCCCLXXXV.
Theophanes Byzantius. Fragmenta. Historici graeci minores. Lipsiae, 1870. Vol.1.
Theophanes Continuatus. Ed. Bekker I. Bonn, 1838.
Theophylacti Simocattae. Historiarum. Ed. I.Bekkerus // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Vol. XXXXIX. Bonne, MDCCCXXIV.
Trois énigmes Kyrillo-Méthodiennes de la "Légende Italique" résolues grâce à un document inédit. Ed. Meyvaert P, Devos P. // Analecta Bollandiana. T. LXXIII. Bruxelles, 1955.
Zonaras Ioannes. Annales // Corpus Skriptorum Historiae Byzantinae. Tomus II. Bonn, MDCCCXLIV.
Zosime. Histoire nouvelle. Tome I. Texte établi et traduit par F.Paschoud. Paris, 1971.
Zosime. Histoire nouvelle. Tome II, partie 2. Texte établi et traduit par F.Paschoud. Paris, 1979.
Zosimus. New history. A translation with commentary by R.T.Ridley. Canbera, 1982.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. М., 1993. Вып.3.
Абрамова М.П. Сарматская культура II в. до н.э. - I в.н.э. // СА. 1959. №1.
Абрамова М.П. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н.э. - I в.н.э. // СА. 1961. №1.
Абрамова М.П. Раннесредневековые погребения Нижне-Джулатского могильника // Уч. зап. Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1967. XXV.
Абрамова М.П. Исследования Нижне-Джулатского могильника в 1967 г. // КСИА. 1970. Вып.124.
Абрамова М.П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972.
Абрамова М.П. Катакомбные погребения IV-V вв.н.э. из Северной Осетии // СА. 1975. №1.
Абрамова М.П. К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
Абрамова М.П. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982.
Абрамова М.П. Подкумский могильник. М., 1987.
Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в.до н.э. - IV в.н.э.). М., 1993.
Абрамова М.П. Катакомбные могильники III-IV вв.н.э. центральных районов Северного Кавказа // Аланы: история и культура. Аланика. III. Владикавказ, 1995.
Абрамова М.П., Магомедов М.Г. О происхождении культуры Андрей-Аульского городища // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
Адаксина С.Б. Крепость Алустон в ранневизантийский период (вторая половина VI - первая половина VII вв.) // Тез. докл. междунар. конф. "Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье". Симферополь, 1994.
Айбабин А.И. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // СА. 1973. №3.
Айбабин А.И. Стеклянные рюмки из раннесредневековых могильников Крыма // СГЭ. Л., 1976. XLI.
Айбабин А.И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. 1977. №1.
Айбабин А.И. Погребения второй половины V - первой половины VI в. в Крыму // КСИА. 1979. Вып.158.
Айбабин А.И. Погребения конца VII - первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов (V-VIII вв.). М., 1982.
Айбабин А.И. О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне // СА. 1982а. №3.
Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. 1984. №1.
Айбабин А.И. Погребение хазарского воина // СА. 1985. №3.
Айбабин А.И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV - первой половины VII вв. н.э. // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.
Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАГЭТ. Симферополь, 1990. Вып.I.
Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАГЭТ. Симферополь, 1991. Вып.II.
Айбабин А. Келегейское погребение военого вождя // Проблеми на прабългарската история и култура. 2. София, 1991.
Айбабин А.И. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV-VI вв. // МАГЭТ. Симферополь, 1993. Вып.III.
Айбабин А.И. Могильники VIII - начала X вв. в Крыму // МАГЭТ. Симферополь, 1993а. Вып.III.
Айбабин А.И. Комплексы с большими двухпластинчатыми фибулами из Лучистого // МАГЭТ. Симферополь, 1994/1995. Вып.IV.

Айбабин А.И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. Симферополь, 1994/1995а. Вып.IV.

Айбабин А.И. Население Крыма в середине III-IV вв. // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып.V.

Айбабин А.И., Веймарн Е.В. Склеп 406 Скалистинского могильника // СА. 1983. №4.

Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып.III.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Новый комплекс с пальчатыми фибулами с некрополя у с. Лучистое // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып.V.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Кучистое в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып.VI.

Айналов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып.1.

Алексеев В.П. Антропологические данные к происхождению осетинского народа // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып.V.

Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX-XI вв. // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып.VI.

Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР// САИ. М., 1966. Вып.Д1-30.

Амброз А.К. Рецензия на кн.: Werner J. Katalog der Sammlug Diergardt. Die Fibeln. Berlin. 1961 // СА. 1966а. №4.

Амброз А.К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI-VII вв.) // КСИА. 1968. Вып.113.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Часть I. // СА. 1971. №2.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Часть II. // СА. 1971а. №3.

Амброз А.К. Стремена и сёдла раннего средневековья как хронологический показатель // СА. 1973. №4.

Амброз А.К. Рецензия на кн.: Erdèlyi, Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1963. // СА. 1973а. №2.

Амброз А.К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V-IX вв. Дис. ... докт. ист. наук. 1974. // Научный архив ИА РАН. Р.2. №2441.

Амброз А.К. Рецензия на кн.: Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfund in Italien. Biblioteca degli "Studi Medievali". VII. Spoleto, 1975. // СА. 1980. №1.

Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V - первой половины VIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Амброз А.К. О двухпластинчатых фибулах с накладками. Аналогии к статье А.В.Дмитриева // Древности эпохи Великого переселения народов (V-VIII вв.). М., 1982.

Амброз А.К. К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы // СА. 1985. №3.

Амброз А.К. Кинжалы VI-VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. 1986. №4.

Амброз А.К. Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // Древности славян и Руси. М., 1988.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989.

Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. М., 1992. Вып.1.

Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. Симферополь, 1994/1995. Вып.IV.

Анисимов А.И. О продвижении племен готского союза в Северо-Восточное Причерноморье в середине III в.н.э. (по нумизматическим данным) // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989.

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.

Антонова И.А. Западный фланг обороны Херсонеса // СХМ. Симферополь, 1963. Вып.3.

Антонова И.А. Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. Свердловск, 1971. №7.

Антонова И.А. К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе // АДСВ. Свердловск, 1976. №13.

Антонова И.А. Рост территории Херсонеса // Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990.

Антонова И.А. Юго-Восточный участок оборонительных стен Херсонеса // ХСб. Севастополь, 1996. Вып.VII.

Антонова И.А. Административные здания Херсонесской вексилляции и фемы Херсона // ХСб. Севастополь, 1997. Вып.VIII.

Антонова И.А. и др. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1971. №7.

Антонова І.А., Рижов С.Г. Оборонний рів та могильник поблизу першої куртини стін Херсонеса // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972. Вип.4.

Анфимов Н.В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

Арсеньева Т.М. Могильник у дер. Ново-Отрадное // МИА. 1970. №155.

Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М., 1977.

Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. Л., 1935. Вып.131.

Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

Артамонов М.И. Болгарские культуры Северного Причерноморья // Доклады Географического общества. Этнография. Л., 1970. Вып.15.

Атавин А.Г. Погребения VII - начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культура Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996.

Ахмеров Р.Б. Уфимские погребения VI-VIII вв. н.э. // КСИИМК. 1951. XL.

Ачкинази И.В. Фрагмент гуннского котла из Неаполя скифского // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.

Ашик А. Боспорское царство. Ч.III. Одесса, 1849.

Бабенчиков В.П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.

Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // АП. Київ, 1963. Т.XIII.

Бабенчиков В.П. Раннесредневековая гончарная печь в Мисхоре // Записки Одесского археологического общества. Одесса, 1980. №1(34).

Баранов И.А. Раннесредневековая гончарная печь в урочище Суат близ Ялты // Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.

Баранов И.А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.

Баранов И.А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблеми на прабългарската история и култура. 2. София, 1991.

Баранов И.А. Торгово-ремесленные кварталы византийской Сугдеи // Byzantinorussika. М., 1994. №1.

Баранов И.А., Майко В.В. Пастирско-пенковската култура и проблемът за разселването на прабългарските племена от средното Поднепровие и Таврика // Българите в Северното Причерноморие изследования и материали. Т.4. Велико Търново, 1995.

Башкиров А.С. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949-1951 гг. // Уч. зап. Ярославского пединститута. Ярославль, 1957. Вып.XXII(XXXII).

Безуглов С.И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып.9.

Безуглов С.И. О погребениях V в. в Танаисе (по раскопкам В.В.Чалого 1975 года) // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1991 г. Азов, 1993. Вып.11.

Безуглов С., Захаров А. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Подонье // ИРОМК. Ростов-на-Дону, 1988. Вып.5.

Безуглов С., Захаров А. Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса // ИРОМК. Ростов-на-Дону, 1989. Вып.6.

Безуглов С.И., Копылов В.П. Катакомбные погребения III-IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. №3.

Белинский И.В., Бойко А.Л. Тайник позднесарматского времени кургана 2 могильника "Аэродром-I" // Историко-археологические исследования в г.Азове на Нижнем Дону в 1990 г. Азов, 1991. Вып.10.

Белов Г.Д. Римские приставные склепы № 1013 и 1014 // ХСб. Севастополь, 1927. Т.II.

Белов Г.Д. Раскопки Херсонеса в 1934 г. Симферополь, 1936.

Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-1936 гг. Севастополь, 1938.

Белов Г.Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА. 1941. №4.

Белов Г.Д. Западная оборонительная стена и некрополь возле неё // МИА. 1953. №34.

Белов Г.Д. Северный прибрежный район Херсонеса // МИА. 1953а. №34.

Белов Г.Д. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА. 1969. Вып.116.

Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI // МИА. 1953. №34.

Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII // МИА. 1953. №34.

Белов Г.Д., Якобсон А.Л. Квартал XVII // МИА. 1953. №34.

Белова-Кудь Л.Н. Монеты из раскопок Херсонеса в 1934 г. // В кн.: Белов Г.Д. Раскопки Херсонеса в 1934 г. Симферополь, 1936.

Белова-Кудь Л.Н. Описание монет из раскопок Херсонеса в 1935 г. // В кн.: Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-1936 гг. Севастополь, 1938.

Белова Л.Н. Монеты из раскопок кварталов XV-XVIII // МИА. 1953. №34.

Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка №2. // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.

Белый А.В., Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка №2 // Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму. Симферополь, 1992.

Белый О.Б., Неневоля И.И. Охранные работы на территории Бахчисарайского района // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.

Беляев С.А. Позднеантичные надписи на амфорах из раскопок Херсонеса // НЭ. 1968. Т.VII.

Беляев С.А. Вновь найденная раннесредневековая мозаика из Херсонеса (по материалам раскопок 1973-1977 гг.) // ВВ. 1979. Том 40.

Беляев С.А. Новые памятники ранневизантийской пластики из Херсонеса // ВВ. 1987. Том 48.

Бенешевич В. Синайский список отцов Никейского первого вселенского собора // Известия Академии Наук. СПб., 1908.

Берлизов Н.И., Каминский В.Н. Аланы, кангюй и давань // ПАВ. 1993. №7.

Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т.XIV.

Бертье-Делагард А.Л. Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. 1893. Т.XVI.

Бертье-Делагард А.Л. Раскопки Херсонеса // МАР. СПб., 1893. Вып.12.

Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе // НАК. СПб., 1907. Вып.21.

Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. Симферополь, 1918. №55.

Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоумённых вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. Симферополь, 1920. №57.

Бетрозов Р.Ж. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т.3. Нальчик, 1987.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. М., 1950.

Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Тиритаки // МИА. 1941. №4.

Блаватский В.Д. Харакс // МИА. 1951. №19.

Блаватский В.Д. Раскопки Пантикапея в 1954-1958 гг. // СА. 1960. №2.

Блаватский В.Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945-1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. 1962. №103.

Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985.

Бобринский А.А. Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1909 году // ПАК. СПб., 1911. Вып.40.

Бобринский А.А. Перещепинский клад // МАР. СПб., 1914. 34.

Бобчев С.П. Крепостните кули с издаден остър ръб и значението им за укрепяването на античне градове // ИАИ. София, 1961. XXIV.

Богданова Н.А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. Ч.2.

Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с.Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989.

Богданова Н.А., Гущина И.И. Новые могильники II-III вв. н.э. у с.Скалистое в Крыму // КСИА. 1967. Вып.112.

Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I-III вв.) // СА. 1976. №4.

Борисова В.В. Могильник у высоты "Сахарная Головка" // ХСб. Симферополь, 1959. Вып.V.

Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991.

Брун Ф.К. Черноморье. Часть II. Одесса, 1880.

Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т.II. Л., 1966.

Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // СЭ. 1966а. №3.

Васильевский В.Г. Труды. Том II. Вып.1. СПб., 1909.

Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды. Том II. Вып.2. СПб., 1912.

Васильевский В.Г. Труды. Том III. Петроград, 1915.

Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч.2. // ИРАИМК. Л., 1927. Т.V.

Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.

Веймарн Е.В. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. // НАДК. Киев, 1957.

Веймарн Е.В. "Пещерные города" Крыма в свете археологических исследований 1954-1955 гг. // СА. 1958. №1.

Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена // История и археология средневекового Крыма. М., 1958а.

Веймарн Е.В. О времени возникновения средневековой крепости Каламита // История и археология средневекового Крыма. М., 1958б.

Веймарн С.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП. Київ, 1963. Т.XIII.

Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.

Веймарн Е.В. От кого могли защищать готов в Крыму "длинные стены" // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
Веймарн Е.В., Амброз А.К. Большая пряжка из Скалистинского могильника (склеп 288) // СА. 1980. №3.
Веймарн Е.В., Репников Н.И. Сюйренское укрепление // ИГАИМК. 1935. Т.117.
Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. №1.
Вишнякова А.Ф. Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. 1939. №1.
Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
Воронин Ю.С., Даниленко В.Н. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму. Симферополь, 1992.
Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Крепость Цибилиум - один из узлов кавказского лимеса Юстиниановской эпохи // ВВ. 1987. Том 48.
Воронов Ю.Н., Юшин В.А. Новые памятники Цебельдинской культуры в Абхазии // СА. 1973. №1.
Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972.
Высотская Т.Н. Неаполь - столица государства поздних скифов. Киев, 1979.
Высотская Т.Н. Этнический состав населения Крымской Скифии // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.
Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
Высотская Т.Н., Махнёва О.А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев, 1983.
Высотская Т.Н., Черепанова Е.Н. Находки из погребений IV-V вв. в Крыму // СА. 1966. №3.
Гаврилов А.В. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып.V.
Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965.
Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
Гадло А.В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье. VIII-X вв. // Вестник ЛГУ. 1968. Т14. Вып.3.
Гадло А.В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива // КСИА. 1968а. Вып.113.
Гадло А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. // СА. 1969. №1.
Гадло А.В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII-X вв.) // Этнография народов СССР. Л., 1971.
Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979.
Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII-IX вв. // Античные традиции и средние века. Свердловск, 1980.
Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.
Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935-1938 гг. // МИА. 1952. №25.
Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. 1952а. №25.
Гайдукевич В.Ф. Раскопки Илурата, Тиритаки и Мирмекия // КСИИМК. 1952б. Вып.XLV.
Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // МИА. 1958. №85.
Гайдукевич В.Ф. Илурат // МИА. 1958а. №85.
Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. №69.
Гаркави А.Я. О происхождении некоторых географических названий местностей на Таврическом полуострове // Известия Российского географического общества. СПб., 1875. Том 2.
Гаркави А.Я. По вопросу о иудейских древностях, найденных Фирковичем в Крыму // ЖМНП. СПб., 1877. Июль. №СХСII.
Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып.158.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

Генинг В.В., Корпусова В.Н. Археологические памятники Крымского Присивашья. Курганы у с.Богачевка. Киев, 1989.

Герасимова М.М. К вопросу об этническом составе населения древнего Танаиса // СЭ. 1971. №4.

Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып.I.

Герцен А.Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму. Симферополь, 1992.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Симферополь, 1993.

Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ. Вопросы социального и политического развития. Свердловск, 1988.

Гилевич А.М. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 году // ХСб. Севастополь, 1959. Вып.V.

Гилевич А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НС. Киев, 1968. Вып.3.

Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1993.

Голдина Р.Д. Могильники VII-IX вв. на Верхней Каме // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1970. Вып.9.

Голенко К.В. Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. // ВДИ. 1970. №2.

Голофаст Л.А. Штампы V-VII вв. на посуде группы "африканской краснолаковой" из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып.V.

Голофаст Л.А. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсоне // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып.VI.

Голофаст Л.А. и др. Византийский Херсон. М., 1991.

Горюнов Е.А., Казанский М.М. К изучению раннесредневековых древностей Нижнего Подунавья // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983.

Гречанова Л. Раннесредневековое погребение из Танаиса // ПРОМК. Ростов-на-Дону, 1988. Вып.5.

Грінченко В.А. Нам'ятка VIII ст. коло Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. 1950. III.

Гудименко И.В. Погребение эпохи раннего средневековья из дельты Дона // Историко-археологические исследования в г. Азове на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып.9.

Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.

Гущина И.И. Памятник позднесарматской культуры в Поднепровье // Труды ГИМ. М., 1966. Вып.40.

Гущина И.И. О сарматах в Юго-Западном Крыму // СА. 1967. №1.

Гущина И.И. Раскопки могильника Бельбек III в Крыму // КСИА. М., 1970. Вып.124.

Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.

Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И.Веселовского в Прикубанье (I в.до н.э. - начало II в.н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989.

Гущина И.И., Засецкая И.П. "Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.

Даниленко В.Н. Монастырь Чилтер-Коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.

Данышин Д.И. Танаиты и Танаисцы во II-III вв.н.э. // КСИА. 1990. Вып.197.

Данышин Д.И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. №1.

Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // МИА. 1969. №169.

Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени на городище Беляус // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л., 1948.

Деопик Д.В., Круг О.Ю. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками // СА. 1972. №3.

Деревянко Е.И. Тюркские элементы в погребальном обряде амурских племен I тыс. н.э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.

Дерфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып.1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986.

Дзенс-Литовская Н.Н. Флористический очерк Тарханкутского полуострова в Крыму // Уч. зап. ЛГУ. Серия география. Л., 1950.

Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. О верхней дате сарматских памятников понизовья Дуная // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986.

Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. №4.

Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.

Долгоруков В.С. Исследования береговой части Фанагории в 1971-1972 гг. // КСИА. 1975. №143.

Домбровский О.И. Фрески южного нефа херсонесской базилики 1935 г. // ХСб. Севастополь, 1955. Вып.V.

Домбровский О.И. Средневековые поселения и "исары" Крымского Южнобережья // Феодальная Таврика. Киев, 1974.

Домбровский О.И. Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР. Т.3. Киев, 1986.

Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып.III.

Домбровский О.И., Паршина Е.А. О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. Симферополь, 1960. Вып.1.

Домбровский О.И., Соломоник Э.И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.

Древние тюркские языки и литературы. М., 1986.

Дьячков С.В. Римские граждане на Боспоре // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып.III.

Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы в Прикубанье // Тез. докл. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Азов, 1988.

Жеребцов Е.Н. К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса // ВВ. М., 1963. Т.XXIII.

Завадская И.А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса "Базилика 1935 г." в Херсонесе // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып.V.

Завадская И.А. Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып.1.

Завадская И.А. Раннесредневековые храмы Западной части Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь, 1997. Вып.VI.

Зайбт И., Зайбт В. Печати стратигов фемы Херсон // Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995.

Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму в 1994 г. Симферополь, 1997.

Залесская В.Н., Львова З.А. и др. Малая Перешчепина. Съкровище хан Кубрат // Култура на българи, хазари, славяни. София, 1975.

Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонякова Н.А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб., 1997.

Зарецкий И.А. Клад, найденный при селе Малая Перещепина Константиноградского уезда Полтавской губернии // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1912. Вып.9.

Засецкая И.П. О хронологии погребений эпохи переселения народов Нижнего Поволжья // СА. 1968. №2.

Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана // СА. 1978. №1.

Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.

Засецкая И.П. Материалы боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв.н.э. // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып.III.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб., 1994.

Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1961. №83.

Зенкович В.П. Берега Черного и Азовского морей. М., 1958.

Зубарь В.М. Погребальные сооружения и погребальный обряд участка некрополя у Загородного храма в Херсонесе // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. Киев, 1982.

Зубарь В.М. Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков нашей эры // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.

Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. Киев, 1991.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994.

Зубарь В.М., Ивлев С.М., Чепак В.Н. Западный некрополь Херсонеса Таврического. Киев, 1990.

Зубар В.М., Магомедов Б.В. Нові дослідження середньовічних поховань Херсонеса // Археологія. 1981. 36.

Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В. Новый погребальный комплекс западного некрополя Херсонеса // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988.

Зубарь В.М., Савеля О.Я., Сарновский Т. Новые эпиграфические памятники из окрестностей Херсонеса Таврического // Тез. докл. междунар. конф. "Херсонес в античном мире". Севастополь, 1997.

Зубар В.Н., Сон Н.О. З приводу інтерпретації латинського напису з Херсонесу // Археологія. 1997. №1.

Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Новый погребальный комплекс II-IV вв.н.э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986.

Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Некрополь Херсонеса Таврического. Киев, 1990.

Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Западный некрополь Херсонеса Таврического. 2. Киев, 1990а.

Иванов П.П. Крюковско-Кужновский могильник. Морошанск, 1952.

Иванов С.А. Понятия "союза" и "подчинения" у Прокопия Кессарийского // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.

Иессен А.А. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе // МИА. 1965. №125.

Кадеев В.И. Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов из позднеантичного Херсонеса // СХМ. Симферополь, 1963. Вып.III.

Кадєєв В.І., Рижов С.Г. Нова рибозасолювальна цистерна у Херсонесі // Археологія. 1973. Вип. 12.

Казаков Е.П., Халикова Е.А. Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника // Из истории ранних булгар. Казань, 1981.

Казанский М.М. О германских древностях позднеримского времени в Крыму и Приазовье // Тез. докл. междунар. конф. "Византия и Крым". Симферополь, 1997.

Калашник Ю.П. Свинцовые рамки стеклянных зеркал в собрании Эрмитажа // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.

Каменецкий И.С., Кропоткин В.В. Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. 1962. №4.

Каминский В.Н. Сарматские погребения из Тимашевского кургана в степном Прикубанье // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.

Каминский В.Н., Берлизов Н.Е. Катакомбы сарматского времени из Восточного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993.

Кастанаян Е.Г. Лепная керамика Боспорских городов. Л., 1981.

Кеппен П.И. О древностях Южного Берега и гор Таврических. СПб., 1837.

Кеферов Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988.

Клюкин А., Корженевский В., Щепинский А. Эчки-Даг. Симферополь, 1990.

Кляшторный С.Г. Гуннская держава на Востоке (III в. до н.э. - IV в.н.э.) // История древнего мира. Т.3. М., 1983.

Книпович Т.Н. Танаис. М.-Л., 1949.

Книпович Т.Н. Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935-1940 гг. // МИА. 1952. №25.

Книпович Т.Н., Славин Л.М. Раскопки Юго-Западной части Тиритаки // МИА. 1941. №4.

Кобылина М.М. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. // МИА. 1941. №4.

Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Ковалевская В.Б. Антропоморфные амулеты VI-IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. 1983. Вып.176.

Ковнурко Г.М. Петрографический анализ средневековых амфор из Крыма и Приазовья // КСИА. 1968. Вып.113.

Ковриг И. Погребение гуннского времени в Венгрии // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.

Колесникова Л.Г. Раннехристианская скульптура Херсонеса // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974.

Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы - начале железного века. Киев, 1996.

Кондаков Н.П. Русские клады. Том. I. СПб., 1896.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX-XIII вв. М.-Л., 1954.

Корпусова В.М. Сільске населення пізньоантичного Боспору // Археологія. 1973. №8.

Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1891 г. // Архив ИИМК. Фонд 1. Д. 20.

Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г. // ИАК. СПб., 1901. Вып.1.

Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИАК. СПб., 1902. Вып.4.

Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

Кравченко Н.М. К изучению памятников черняховского типа в степях Северо-Западного Причерноморья // МАСП. Одесса, 1971. Вып. 7.

Кравченко Н.М., Корпусова В.М. Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри // Археологія. 1975. Вип.18.

Красильников К.И. О некоторых вопросах погребального обряда праболгар Среднеречья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.

Красильников К. Могильник древних болгар у с.Желтое на Северском Донце // Проблеми на Прабългарската история и културa. 2. София, 1991.

Кропоткин В.В. Население Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1953.

Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма // СА. 1958. XXVIII.
Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. М., 1962. Вып.Е4-4.
Кропоткин В.В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. 1965. Вып.100.
Кропоткин В.В. Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. 1965. Т. XXVI.
Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. - V в.н.э.) // САИ. М., 1970. Вып. Д1-27.
Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения этнического состава населения этого города // МИА. 1954. №33.
Кругликова И.Т. Погребение IV-V вв.н.э. в деревне Айвазовское // СА. 1957. №2.
Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966.
Кругликова И.Т. Раскопки поселения у дер. Семёновка // МИА. 1970. №155.
Крупнов Е.И. Из итогов археологических работ // Известия Североосетинского научного исследовательского института. 1940. Т. IX.
Кубарев В.Д. Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы западносибирской археологии: эпоха железа. Новосибирск, 1981.
Кубланов М.М. Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы. // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1983.
Кузманов Г. Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV - началото на VII в.) // Разкопки и проучвания. Кн. XIII. София, 1985.
Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII вв. // СА. 1973. №3.
Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993.
Кулаковский Ю.А. Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. СПб., 1891. №6.
Кулаковский Ю.А. К истории Боспора Киммерийского в конце VI в. // ВВ. СПб., 1896. Том III.
Кулаковский Ю.А. К истории Готской епархии в Крыму в VIII в. // ЖМНП. СПб., 1898. 2.
Кулаковский Ю.А. Епископа Фёдора "Аланское послание" // ЗООИД. 1898. Том XXI.
Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914.
Кулаковский Ю.А. История Византии. Том I-III. СПб., 1996.
Куник А. О Записке Готского Топарха // ЗИАН. СПб., 1874. Т.XXIV.
Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. №1.
Кутайсов В.А. Городище первых веков н.э. на горе Тас-Тепе в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983.
Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин. М., 1980.
Кухаренко Ю.В. О качинской находке // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.
Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М., 1979.
Латышев В.В. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. СПб., 1894. Том 1.
Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895-1898 гг. // МАР. СПб., 1899. Вып.23.
Латышев В.В. Надпись о постройке Херсонесской стены // ИАК. СПб., 1901. Вып.1.
Латышев В.В. Жития св. епископов херсонесских // Записки Академии Наук. Серия VIII. Том VIII. СПб., 1906. №3.
Латышев В.В. Жития св. епископов херсонских. Исследования и тексты. СПб., 1906.
Латышев В.В. Ποντικά. СПб., 1909.
Латышев В.В. Житие свв. епископов Херсонских в грузинской минее // ИАК. СПб., 1913. Вып.49.

Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. Петроград, 1918. Вып.65.
Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.2. 1. Демосфен. СПб., 1993.
Лебедев В.В. К источниковедческой оценке некоторых рукописей собрания А.С.Фирковича // ПС. Л., 1987. Вып.29.
Лебединский В.И. С геологическим молотком по Крыму. М., 1974.
Левинская И.А. Эпиграфические памятники культа theos hypsistos как источник по этнокультурной истории Боспора. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
Левинская И.А. Рец. на кн.: Reynolds J., Tannenbaum R. Jews and God-fearers at Aphrodisias. Greek Inscriptions with commentary. Cambridge, 1987 (Cambridge Philological Society. Suppl.V.12) // ВДИ. 1992. №2.
Левинская И.А. Чтущие Бога Высочайшего // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992а.
Левинская И.А., Тохтасьев С.Р. Древнееврейские имена на Боспоре // Acta associationis internationalis antiqua Balcanica. Serdicae, 1991. Vol.VI.
Левкипадзе В.А. О постройках Юстиниана в Западной Грузии // ВВ. 1973. Том 34.
Левковская Г.М. Реконструкция палеографических условий городища Чайка по данным спорово-пыльцевого анализа // КСИА. 1970. Вып.124.
Лобода И.И. Раскопки могильника Озёрное III в 1963-1965 гг. // СА. 1977. №4.
Лобода И.И. Исследование могильника IV-V вв. в с. Красный Мак // Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму. Симферополь, 1992.
Львова Е.В. Равнины Крыма. Симферополь, 1982.
Львова З.А. Облицовка погребального сооружения из Перещепинского комплекса // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып.III.
Львова З.А. Варварская группа вещей из Перещепинского комплекса // МАИЭТ. Симферополь, 1994/1995. Вып.IV.
Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. 1958. №74.
Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987.
Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ.Симферополь,1996. Вып.V.
Магомедов М.Г. Образование хазарского каганата. М., 1983.
Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907-1909 гг. // ИАК. СПб., 1911. Вып.43.
Макаренко Н.Е. Перещепинский клад // ИАК. СПб., 1912. Вып.46, прибавление.
Макарова Т.И. Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи) // КСИА. 1965. №104.
Макарова Т.И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. №4.
Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991.
Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып.VI.
Максимов Е.К. Позднейшие сармато-аланские погребения V-VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Труды Саратовского областного музея краеведения. Археологический сборник. Саратов, 1956. Вып.1.
Маршак Б.И., Скалон К.М. Перещепинский клад. Л., 1972.
Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990.
Масленников А.А. Зенонов Херсонес - городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926.
Мацулевич Л.А. Византийский антик в Прикамье // МИА. 1940. №1.
Мацулевич Л.А. Войсковой знак V в. // ВВ. 1959. Том XVI.

Мещерская Е.Н. Ленинградское отделение Российского Палестинского общества в 1985-1988 гг. // ПС. Л., 1987. Вып.29.

Мещеряков В.Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1978.

Мещеряков В.Ф. Религия и культы Херсонеса Таврического в I-IV вв.н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.

Миллер А.А. Раскопки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ПАК. СПб., 1909. Вып.33.

Миллер В.Ф. Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 г. // Труды императорского Московского археологического общества. М., 1888. 12.

Минаева Т.А. Погребение с сожжением близ г.Покровска // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та. Саратов, 1927. Т.IV. Вып.3.

Мінаева Т.М. Кераміка балки Канцерки в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі // Археологія. 1961. XIII.

Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X-XI веков. М., 1963.

Михайлов Б.Д. Погребение гуннского времени в Северной Таврии // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып.III.

Міхліп Б.Ю. Гунський амулет з Ждановського музею // Археологія. 1972. № 5.

Могаричев Ю.М. Ранние пещерные сооружения Чуфут-Кале // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып.II.

Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму. Симферополь, 1992.

Могильников В.А. Тюрки // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Мосберг Г.И. К изучению могильников римского времени Юго-Западного Крыма // СА. 1948. VIII.

Мошкова В.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. М.,1963. Вып.Д1-10-54.

Мошкова В.Г., Максименко В.Г. Работы Богаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974. Вып.II.

Мульо С.А. Могильники варварского населения Крыма I-V вв. // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып.V.

Мыц В.Л. Могильник III-V вв. н.э. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.

Мыц В.Л. Алустон в VI-VII вв. // Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992.

Мыц В.Л. и др. Исследования Чатырдагского некрополя // Археологические исследования в Крыму. 1997 год. Симферополь, 1997.

Надэль Б.И. Об экономическом смысле оговорки χωρὶς εἰς τὴν προσευχὴν θωπείας τε καὶ προσχαρτέρήσεως боспорских монумисий // ВДИ. 1949. №1.

Назарова Т.Л., Потехина И.Д. Антропологические материалы из могильников Юго-Западного Крыма. Киев, 1990.

Никитина Г.Ф. Погребальный обряд культур полей погребения Средней Европы в I тыс.до н.э. - первой половине I тыс.н.э.//Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс.до н.э. - I тыс.н.э. М., 1974.

Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М., 1985.

Никитина Г.Ф. Могильник у села Оселивка Кельменецкого района Черновицкой области // Могильники черняховской культуры. М., 1988.

Никитина Г.Ф. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. М., 1995.

Николаева Э.Я. Поселение у д. Ильич // КСИА. 1981. Вып.168.

Николаева Э.Я. Боспор после гуннского нашествия. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.

Николаева Э.Я. Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры. М., 1986.

Николаева Э.Я. Стеклоделие на Боспоре // КСИА. 1991. Вып.204.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
Оверман Э., Макленнан М., Золотарев М. К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археологія. 1997. №1.
Овчаров Д. Протейхизмата в системата на ранновизантийската укрепления по нашете земли // Археология. София, 1973. №4.
Овчаров Д. Византийски и Български крепости V-X век. София, 1982.
Овчаров Д., Овчаров Н. Мраморная колонна III в. с надписью на латинском языке из Преслава // Thracia. 1988. T.8.
Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская Скифия. Симферополь, 1990.
Омелькова Л.А. Раннесредневековый могильник в Бельбекской долине // АДСВ. Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990.
О находке золотых и серебряных вещей в селе Малое Перещепино // Архив ИИМК РАН. 1912. Фонд 1. Дело 174.
Орлов К.К. Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.
Отчет Императорской археологической комиссии за 1890 г.
Панченко Б.А. Каталог моливдовулов // ИРАИК. София, 1903. Вып.13.
Паромов Я.М. Археолого-топографический план Патрея // Боспорский сборник. М., 1993. Вып.3.
Паршина Е.А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. Киев, 1991.
Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. СПб., 1883. Март.
Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990.
Плетнёва С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. 1959. №75.
Плетнёва С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
Плетнёва С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967. №142.
Плетнёва С.А. Хазары. М., 1976.
Плетнёва С.А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
Плетнёва С.А. Кочевники средневековья. М., 1982.
Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989.
Плетнёва С.А. Хазарские проблемы в археологии // СА. 1990. №2.
Плетнёва С.А. Отношение восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники // СА. 1991. №3.
Плетнёва С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 гг. // МАИЭТ. Симферополь, 1994/1995. Вып.IV.
Плетнёва С.А. Саркел и шелковый путь. Воронеж, 1996.
Приходнюк О.М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI-IX ст.н.е. Київ, 1980.
Приходнюк О.М. О единстве и различиях в пеньковской культуре // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып.VI.
Пудовин В.К. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550-650 гг.) // СА. 1961. №1.
Пуздровский А.Е. Могильник III-IV вв. н.э. у с.Перевальное в Крыму // Тез. докл. междунар. конф. "Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье". Симферополь, 1994.
Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994а.
Пуздровский А., Зайцев Ю., Неневоля Н. Новые памятники III-IV вв. в Юго-Западном Крыму // Тез. докл. междунар. конф. "Византия и Крым". Симферополь, 1997.
Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.

Рашев Р. Старобългарски укрепления на долиния Дунав (VII-XI в.). Варна, 1982.
Рашев Р. К вопросу о происхождении праболгар // МАГЭТ. Симферополь, 1993. Вып.III.
Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ПАК. СПб., 1906. Вып.19.
Репников Н.И. Раскопки в окрестностях Гурзуфа // ПТУАК. 1906а. №39.
Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ЗООИД. Одесса, 1907. XXVII.
Репников Н.И. Партенитская базилика // ПАК. СПб., 1909. Вып.32.
Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГАИМК. Л., 1932. Том XII.
Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. Л., 1932. Том XII.
Репников Н.И. Подъемная дорога Эски-Кермена // ИГАИМК. Л., 1935. Том 117.
Репников Н.И. О характере римской оккупации Южного берега Крыма // СА. 1941. VII.
Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975.
Романовская М.А. Аланское погребение из Ставрополья // КСИА. 1986. Вып.186.
Романчук А.И. К вопросу о положении Херсонеса в "тёмные века" // АДСВ. Свердловск, 1972. №8.
Романчук А.И. Слои VII-VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1975. №11.
Романчук А.И. Херсонес VI - первой половины IX в. Свердловск, 1976.
Романчук А.И. Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // АДСВ. Свердловск, 1976. №13.
Романчук А.И. План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1977. №14.
Романчук А.И. Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980.
Романчук А.И. Раннесредневековые комплексы Херсонеса // From Late Antiquity to Early Byzantium. Proceedings of the Byzantinological symposium in the 16h international EIRENE conference. Praha, 1985.
Романчук А.И., Белова О.Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987.
Романчук А.И., Омелькова Л.А. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек // Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.
Романчук А.И., Сазанов А.В. Средневековый Херсон. Свердловск, 1991.
Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
Ростовцев М.И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // ЖМНП. СПб., 1900.
Ростовцев М.И. Новые латинские надписи из Херсонеса // ПАК. СПб, 1907. Вып.23.
Ростовцев М.И. Святилище фракийских богов и надпись бенефициариев в Ай-Тодоре // ПАК. СПб., 1911. Вып.40.
Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ПАК. СПб., 1913. Вып.49.
Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914.
Ростовцев М.И. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской Империи // Сборник статей в честь графини П.С.Уваровой. М., 1916.
Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на Юге России. Петроград, 1918.
Ростовцев М.И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // ЖМНП. Петроград, 1920.
Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
Ростовцев М.И. Завоевание побережья Черного моря // ПАВ. 1993. №5.
Рубцов Н.И. Растительный мир Крыма. Симферополь, 1978.
Руоаков В.Е. Исследование Баклинского городища в 1971-1972 гг. // АДСВ. Свердловск, 1975. №11.

Рудаков В.Е. Элементы салтово-маяцкой культуры // Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.

Рудаков В.Е. Баклинский средневековый склеп с граффити // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980.

Рудаков В.Е. Бакла - малый городской центр Юго-Западного Крыма // Античный и средневековый город. Свердловск, 1981.

Рудаков В.Е. Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X-XIII вв. // Античная и средневековая идеология. Свердловск, 1984.

Рыбаков Б.А. Древние Русы // СА. 1953. XVII.

Рыжов С.Г. Керамический комплекс III-IV вв. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986.

Рыжова Л.А. Гончарная печь VIII-IX вв. вблизи Херсона (в районе Радиогорки) // Византия и ее провинции. Свердловск, 1982.

Савеля О.Я. Средневековое Загайтанское поселение в нижнем течении реки Чёрная в Крыму // Тез. докл. междунар. конф. "Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье". Симферополь, 1994.

Савеля О.Я., Савеля Д.Ю. Могильники позднеантичной - раннесредневековой поры на Гераклейском полуострове // Тез. докл. междунар. конф. "Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье". Симферополь, 1994.

Савенко С.И. Количественный состав погребенных в раннесредневековых катакомбах Центрального Предкавказья как социальный показатель // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.

Савовський І.П. Нові сарматські поховання на Запоріжжі // Археологія. 1977. Вип. 23.

Савостина Е.А. Римские имена в ономастике Северного Причерноморья // СА. 1977. №4.

Сазанов А.В. Топография Пантикапея I-IV вв.н.э. // СА. 1985. №3.

Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. №4.

Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в.н.э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып.II.

Сазанов А.В. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б.Зеест: типология и хронология // ПАВ. СПб., 1992. Вып.2.

Сазанов А.В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып.III.

Сазанов А.В. К хронологии первой оборонительной линии Баклинского городища //История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993а.

Сазанов А.В. К хронологии цитадели Баклинского городища IX-XI в. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.

Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. №4.

Седикова Л.В. Керамические печи IX в. в Херсонесе // МАИЭТ. Симферополь, 1994/1995. Вып.IV.

Седикова Л.В. Керамический комплекс первой половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. №1.

Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

Седикова Л.В. К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсонесе // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып.VI.

Сидоренко В.А. К вопросу этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV - начала V вв. с подражаниями "лучистого типа" // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.

Сидоренко В.А. "Готы" области Дори Прокопия Кесарийского и "длинные стены" в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып.II.

Сидоренко В.А. К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ. Симферополь, 1994/1995. Вып.IV.

Сидоренко В.А. Средневековая надпись с именем Τζάλ. из баклинского склепа // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып.VI.

Силантьева Л.Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 1958. №85.

Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.

Симонович Е.О. Про кераміку черняхівського типу з Криму // Археологія. 1975. Вип.18.

Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та. Саратов, 1947. Вып.XVII.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 1959. №60.

Скалон К.М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСГЭ. 1960. Вып.2.

Скржинская М.В. Перипл Понта Евксинского анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.

Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. 1977. №2.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.

Скубетов М.И. Римский фамильный склеп II-IV века по Р.Х., открытый в Херсонесе в 1907 году // ИТУАК. 1911. Вып.45.

Скубетов М. Древне-христианский фамильный склеп IV века с фресковой декоративной росписью близ Херсонеса (на земле Н.П.Тура), окончательно доследованный в ноябре 1912 г. // ИТУАК. 1916. Вып.53.

Сміленко А.Т. Гладоські скарби. Київ, 1965.

Смиленко А.Т. Находка 1928 г. у г. Новые Сенжары // Славяне и Русь. М., 1968.

Сміленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II-XIII ст.). Київ, 1975.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. №78.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.

Соколова И.В. Находки византийских монет VI-XII вв. в Крыму // ВВ. 1968. Том 29.

Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.

Соколова И.В. Византийские печати VI - первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1991. Том 52.

Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992.

Соколова И.В. Монеты Перещепинского клада // ВВ. 1993. Том 54.

Сокольский Н.И. Боспорские мечи // МИА. 1954. №33.

Сокольский Н.И. Раскопки в Кепах в 1962 г. // КСИА. 1965. Вып.103.

Сокольский Н.И. Ильичевское городище // СА. 1966. №4.

Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.

Соломонік Э.І. Про значення терміну "тавроскіфи" // АП. Київ, 1962. Том 11.

Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973.

Соломоник Э.И. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени // ВДИ. 1973а. №3.

Соломоник Э.И. К вопросу о населении Херсонеса Таврического // Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.

Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.

Соломоник Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1986. Том 47.

Соломоник Э.И. Свинцовые урны с надписями из Херсонеса // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.

Соломоник Э.И. Новые греческие лапидарные надписи средневекового Крыма // Византийская Таврика. Киев, 1991.

Соломоник Э.И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь-Иерусалим, 1997.

Соломоник Э.И., Домбровский О.И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.

Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М., 1957.

Сорокина Н.П. Три стеклянных сосуда IV в.н.э. с рельефными изображениями из Северного Причерноморья // МАПП. Одесса, 1960. №3.

Сорокина Н.П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. №4.

Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды из могильника Харакс // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Спицын А.А. Аварские древности. Рукопись // Архив ИИМК РАН. Фонд 5. Дело 31а.

Спришевский В.И. Погребение с конём середины I тысячелетия н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды музея истории народов Узбекистана. Ташкент, 1951. Вып.1.

Степанова Е.В. Судакский архив печатей // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Вып.II. (в печати)

Стржелецкий С.Ф. Позднеантичный могильник в Инкерманской долине // КСИА АН УССР. Киев, 1959. Вып.8.

Стржелецкий С.Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. Симферополь, 1969. Вып.4.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестровско-Дунайского междуречья. Ч.I-III. Киев, 1990.

Суров Е.Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961.

Талис Д.Л. Раскопки Баклинского городища в 1961-1965 гг. // КСИА. 1969. Вып.120.

Талис Д.Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.

Талис Д.Л. Городище Тепе-Кермен // КСИА. 1976. Вып.148.

Талис Д.Л. Поливная керамика Баклинского городища // СА. 1976а. №4.

Талис Д.Л. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV-IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982.

Тапић-Бурић М. Готски гроб из Оструженице // Зборник Радова народного музеа 1956/57. Београд, 1958.

Тахтай А.К. Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 г. // ХСб., Севастополь, 1948. Вып.4.

Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. №34.

Тиханова М.А. Базилика // МИА. 1953а. №34.

Труды I Археологического съезда в Москве. М., 1871.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. СПб., 1900. VIII.

Фёдоров Я.А., Фёдоров Г.С. К вопросу о южной границе Хазарии // Вестник МГУ. Серия история. М., 1970. №3.

Филиппенко А. Раннесредневековый могильник у источника Манто-фонтан // Тез. докл. междунар. конф. "Византия и Крым". Симферополь, 1997.

Фирсов Л.В. Известковый вяжущий раствор в оборонительных стенах Харакса (Крым) // СА. 1975. №1.

Фирсов Л.В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. 1979. Том 40.
Флёров В.С. Раннесредневековые обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград, 1993.
Флёров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.
Франко І. Святий Клімент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Т.Г.Шевченка. Кн.VI. Том 56. Львів, 1903.
Фролова Н.А. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рескупорида VI // СА. 1975. №4.
Фролова Н.А. История правления Рискупорида V (242-276 гг.н.э.) по нумизматическим данным // СА. 1980. №3.
Фролова Н.А. Монетное дело Фофорса (285-308 гг.) // СА. 1984. №4.
Фролова Н.А. Монетное дело Тейрана (266, 275-278 гг.н.э.) // КСИА. 1991. Вып.204.
Фронджуло М.А. Раскопки средневекового поселения на окраине с.Планерское в 1957-1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
Фронджуло М.А. О раннесредневековом ремесленном производстве в Юго-Восточном Крыму // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968а.
Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
Хайрединова Э.А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в.н.э. // МАИЭТ. Симферополь, 1994/1995. Вып.IV.
Хайрединова Э.А. Женский костюм с орлиноголовыми пряжками второй половины VI-VII в. по материалам могильника Лучистое // Тез. докл. междунар. конф. "Византия и Крым". Симферополь, 1997.
Ханенко Б.И., Ханенко В.И. Древности Приднепровья. Вып.IV. Киев, 1901.
Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. М., 1967.
Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896.
Хвольсон Д.А. Сборник еврейских надписей. СПб., 1884.
Храпунов И.Н. Об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
Храпунов И.Н. Погребение середины III в.н.э. из могильника Дружное // МАИЭТ. Симферополь, 1994/1995. Вып.IV.
Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь, 1995.
Храпунов И.Н. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып.VI.
Храпунов И.Н., Власов В.П. Подбойная могила с многократными погребениями из могильника Дружное в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып.VI.
Храпунов И.Н., Мульд С.А. Завершение исследований могильника Дружное // Археологические исследования в Крыму в 1994 году. Симферополь, 1997.
Хршановский В.А. Позднеантичные погребения на некрополе Илурата // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1988.
Худяков Ю.С. Типология погребений VI-XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск. Новосибирск, 1980.
Цветаева Г.А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. 1951. №19.
Цветаева Г.А. Грунтовый некрополь Пантикапея // МИА. 1959. №69.
Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М., 1979.
Цукерман К. Епископы и гарнизоны Херсонеса в IV в. // МАИЭТ. Симферополь, 1994/1995. Вып.IV.
Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып.I.

Цукерман К. Венгры в стране Леведия: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836-889 гг. // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып.VI.

Чунстова Л.И. Новые находки из некрополей Керченского полуострова // МИА. 1959. №69.

Шаламон А., Баркоци Л. Археологические данные периодизации познеримской Паннонии (376-476 гг.) // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.

Шангин М. Новый географический текст // ВДИ. 1938. №4.

Шапоровская В.С. Таможенная служба в Сугдее VII-X вв. // Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995.

Шелов Д.Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму // КСИИМК. 1957. Вып.68.

Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса // МИА. 1961. №98.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.

Шелов Д.Б. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II-III вв.н.э. по данным ономастики // ВДИ. 1974. №1.

Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры // КСИА. 1978. Вып.156.

Шелов Д.Б. Волго-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978а.

Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI-X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.

Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Баку, 1984.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г.Керчи и в его окрестностях в 1902 г. // ИАК. СПб., 1904. Вып.9.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. СПб., 1907. Вып.25.

Шкорпил В.В. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // ИАК. СПб., 1910. Вып.37.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // ИАК. СПб., 1910а. Вып.35.

Шрамко Б.А. Ранньосередньовічне поселення в Більську // Археологія. 1980. Вип.35.

Штерн Э.Р. К вопросу о происхождении "готского стиля" предметов ювелирного предметов ювелирного искусства // ЗООИД. 1897. Т.XX.

Щеглов А.Н. Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма // СА. 1970. №1.

Щербакова В.С. раскопки хозяйственных комплексов у поселка Заря Свободы на трассе строительства шоссе Симферополь-Севастополь. Свердловск, 1976.

Щукин М.Б. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры // КСИА. 1979. Вып.158.

Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985.

Ягич И.В. Новое свидетельство о деятельности Константина Философа // ЗИАН. СПб., 1893. Т.LXXII.

Яйленко В.П. О "Корпусе византийских надписей в СССР" // ВВ. 1987. Вып.48.

Якобсон А.Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. 1954. Вып.53.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958. №85.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. №63.

Якобсон А.Л. К вопросу о локализации средневекового города Фуллы // СА. 1959. XXIX-XXX.

Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.; Л., 1964.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. №168.

Якобсон А.Л. О раннесредневековых крепостных стенах Чуфут-Кале // КСИА. 1974. Вып.140.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

Янушевич Е.В. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976.

Яшаева Т.Ю. Средневековое поселение ближней округи Херсонеса на Гераклейском полуострове // Тез. докл. междунар. конф. "Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье". Симферополь, 1994.

Јаниковић Б. Подунавски део области Аквиса у IV и почетком VII века. Београд, 1981.
Abadie-Reynal C., Sodini J.P. La céramique paléochrétienne de Thasos // Études Thasiennes. Paris, 1992. XIII.
Åberg N. Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit. Upsala-Leipzig, 1919.
Adelson H.L. Light weight solidi and Byzantine trade during the sixth and seventh senturies // Numismatic Notes and Monographs. New York, 1957. N 138.
Adan-Bayewitz D. The pottery from the Late Byzantine building (stratum 4) and its implications. // Qedem. Jerusalem, 1986. 21.
Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle // Bulletin d'Information et de Coordination de l'Association Internationale des Études Byzantines. Athènes-Paris, 1971. 5.
Aibabin A. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmérien et dans la Gothie de Crimée aux VIe-VIIIe siècles // Outils et ateliers d'orfèvres des temps anciens. Antiquités nationales. Saint-Germain-en-Laye, 1993. Mémoire 2.
Ajbabin A. I Goti in Crimea (secoli V-VII) // I Goti. Milano: Elekta, 1994.
Ajbabin A.I. Gli Alani, i Goti e qli Unni // Dal Mille al Mille. Tezore e popoli dal Mar Nero. Milano: Electa, 1995.
Ajbabin A. Peceneghi e Polovcy in Crimea // Dal Mille al Mille. Tezore e popoli dal Mar Nero. Milano: Electa, 1995a.
Aïbabin A. Population de Crimée au milieu du IIIe et au IVe siècle // L'identité des populations archéologiques. XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Valbonne, 1996.
Alekséenko N.A. Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson // Revue des études Byzantines. Paris, 1996. T. 54.
Alfen P.G. New light on the 7th-c. Yassi Ada shipwreck: capacities and standard sizes of LRA1 amphoras // Journal of Roman archaeology. Michigan, 1996. 9.
Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung // AH. Budapest, 1932. T. IX.
Alföldi A. Рец.: Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983 // Gnomon. 1984. N 56.
Altheim F. Geschichte der Hunnen. Bd. I-II. Berlin, 1959-1960.
Altheim F., Stiehl R. Michael der Syrer über das erste Auftreten der Bulgaren und Chazaren // Byzantion. Bruxelles, 1959. T. XXVIII.
Annibaldi G., Werner J. Ostgotische Grabfund aus Acquasanta // Germania. Berlin, 1963. Band 88. Hb. 2.
Arthur P. Naples: notes on the economy of a dark age city//Papers in Italian Archaeology. London, 1985. IV.
Arthur P. Aspects of Byzantine economy: an evaluation of amphora evidence from Italy // BCH. Paris, 1989. XVIII.
Auzépy M.-F. La vie d'Etienne le Jeune et le premier iconoclasme. Paris, 1994.
Avraméa A. Le Péloponnèse du IVe au VIIIe siècle. Changements et persistances. Paris, 1997.
Bachrach B.S. A history of the Alans in the West. Minneapolis, 1973.
Ballance M., Boardman J., Corbett S., Hood S. Excavations in Chios. 1952-1955. Byzantine Emporio. Oxford, 1989.
Bank A.V. Byzantine art in the collections of Soviet muzeums. Leningrad, 1977.
Barkòczi L., Salamon A. Glasfunde von dem ende IV und Anfang des V Jhs. in Ungarn // AE. Budapest, 1968. 95.
Barkòczi L. Plastisch verzierte spätrömische Glasfunde aus Pannonien // FA. Budapest, 1971. XXII.
Barnwell P.S. Emperor, Prefects and Kings. The Roman West, 395-565. London, 1992.
Bass G. The pottery // Yassi Ada. 1982. Vol. I.
Bavant B. Note annexe sur les fragments de casques no. 257 à 260 //Ćaricin Grad. Belgrad-Rome, 1990. II.
Bayè de J. Les tombeaux des Goths en Crimée // MSNAF. Paris, 1908. LXVII.
Beck F., Kazanski M., Vallet F. La riche tombe de Kertch du Musée des Antiquités Nationales // Antiquités Nationales. Paris, 1988. N 20.
Bellinger A.R., Grierson P.H. Catalogue of the Bizantine coins in the Dumbarton Oaks collection and the Whittemore collection. Vol. 2. Washington, 1973.
Bichir G Geto-Dakci din Muntenia in epoca romana. Bucurest, 1984.
Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab-und Schatzfund in Italien // Biblioteca degli "Studi Medievali". Spolèto, 1975. VII.
Bierbrauer V. L'insediamento del periodo tardontico e altomedievale in Trentino-Alto Adige (V-VII secolo). Fondamentali caratterisiche archeologiche e noazione per una carta sulla diffusione degli insediamenti // Italia Longobarda. Venezia, 1991.

Bierbrauer V. Historische Überlieferung und archäologischer Befund. Ostgermanische Einwanderung unter Odoaker und Teoderich nach Italien // Aussagemöglichkeiten der Archäologie. Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow, 1992.
Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.-7. Jahrhundert // Frühmittelalterliche Studien. Jahrbuch des Instituts für Frühmittelalterfoschund der Universität Münster. 1994. Band 28.
Bjelajac L. Amfore gornjo mezijskog Podunavija. Beograd, 1996.
Blockley R.C. East Roman foreign policy. Leeds, 1992.
Böhme H.W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts. München, 1974.
Bohme H.W. Les Thuringiens dans le nord du Royaume Franc // Revue Archeologique de Picardie. Amiens, 1988. N 3-4.
Bóna I. The dawn of the dark ages // The Gepids and the Lombards in the Carpatian Basin. Budapest, 1976.
Bóna I. Das Hunnenreich. Budapest, 1991.
Bonifay M. Eléments d'évolution de céramiques de l'Antiquité tardive à Marseilles d'après les fouilles de la Bours // Revue Archéologique de Narbonnaise. 1983. T. 16.
Bonifay M., Villedieu F. Importations d'amphores orientales en Gaule (Ve-VIIe siècle) // BCH. Supplément. Paris, 1989. XVIII.
Böttger B. Die Gefäßkeramik aus dem Kastel Iatrus // Iatrus-Krivina. Berlin, 1982. II.
Braun K. The breast chain from early Byzantine in the Romisch Germanisches Zentralmuzeum. Mainz, 1984.
Brooks E.W. Introduction // The Syriac chronicle known as that of Zachariah of Mitylene. London, 1899.
Brukner O. Rimska keramika u Yugoslavenskom Delu provincije Donje Panonije. Beograd, 1981.
Cameron A. The Later Roman Empire. London, 1993.
Cameron A. The Mediterranean world in late antiquity (AD 395-600). London; New-York, 1996.
Cavada E. Trento in età goto // I Goti. Milano: Elekta, 1994.
Chavane M.-J. Salamine de Chypre // Les petits objets. Paris, 1975. VI.
Chrapunov I.N. Necropoli di Druznoe, distretto di Simferopol' // Dal Mille al Mille. Tezore e popoli dal Mar Nero. Milano: Electa. 1995.
Courtois C. Les Vandales et l'Afrique. Paris, 1955.
Cruikshank-Dodd E. Byzantine silver stamps. Washington, 1961.
Csallány D. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454-568 n.Z.) // AH. Budapest, 1961. XXXVIII.
Cumont F. Les religions orientales dans de paganisme romain. Paris, 1907.
Dagron G. L'Empire Roman d'orient au IVe siècle et les traditions politiques de l'hellénisme // TM. Paris, 1968. 3.
Dagron G. Naissance d'une capitale. Paris, 1974.
Dagron G., Feissel D. Inscriptions de Cilicie. Paris, 1987.
Damm I.G. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1988. 21.
Demangel R., Mambory E. Le quartier des Manganes et la première région de Constantinopole. Paris, 1939.
Delehaye H. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae: Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris. Bruxelles, 1992.
Diaconu G. Über die Fibeln mit umgeschlagenem Fuss in Dacien // Dacia. Bucarest, 1971. Tom XV.
Dunlop D.M. The history of the Jewish Khazar. Princeton, 1954.
Exner K. Die provinzialrömischen Emailfibeln der Rheinländer // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Berlin, 1941. 39.
Fagerlie J.M. The coin // Yassi Ada. 1982. Vol. I.
Feissel D. Nouvelles données sur l'institution du πατρὶ τῆς πὸλεως // Dagron G. et Feissel D. Inscriptions de Cilicie. Paris, 1987.
Ferrura A. The unknown catacomb. New Larnak, 1991.
Fettich N. Der 2. Schatz von Szilagy-Somlÿo. Budapest, 1932.
Feugère M. Les Fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.-C. Paris, 1985.
Friesinger H., Vacha B. Die vielen Däter Österreichs. Wien, 1988.
Foss C., Winfield D. Byzantine fortifications. An introduction. Pretoria, 1986.
Foy D. Le verre de la fin du IVe au VIIIe siècle en France Méditerranéenne. Premier essai de typo-chronologie // La verre de l'antiquité tardive et du haut moyen age. Guiry en-Vexin, 1995.
Fulford M.G. The red-slipped wares // Excavations at Carthage. Sheffield, 1984. Vol. I, p. 2.
Gajdukevic V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971.
Garam E. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Kisköre. Budapest, 1979.
Garam E. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Tiszafüred. Budapest, 1995.
Genalski E. Ostrogi kablukowe kuitury przeworskiej. Klassifikacija typologiczna // Przeglad Arch. 1991. 38.

Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit: Germanisches Nationalmuseum. Nürnberg, 1988.
Godlowsky K. The chronology of the Late Roman and Early Migration Period in Central Europe // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow, 1992.
Golden P. Khazar studies. Vol. 1. Budapest, 1980.
Gomolka-Fuchs G. Ostgermanische Foederaten im spatrömischen Heer. Hinweise in der materiellen Kultur auf die ethnische Zusammensetzung der Bevölkerung vom 4.-6. Jahrhundert in Nordbulgarien // L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris, 1993.
Götze A. Gotische Schnallen. Berlin, 1907.
Grant M. The climax of Rome. The finalal achievements of the Ancient World. 161-337 A. D. Boston, Toronoto, 1968.
Grégoire H. Le nom de la ville de Tmutarakan // Nouv. Clio. 1952. 4.
Grierson Ph. Coinage and money in the Byzantine empire, 498-c. 1090 // Moneta e scambi nell'alto medioevo. Spoleto, 1961.
Grierson Ph. Catalog of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. Vol. 2. Washington, 1968.
Grumel V., Darrouzès J. Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinopole. Vol. I, fasc. II-III. Paris, 1989.
Günzenin N. Recherches sur les amphores Byzantines dans les musées Turcs //BCH. Paris, 1989. Sup.XVIII.
Hahn W. Moneta imperii Byzantini. Teil 3. Wien, 1981.
Halkin F. La passion des sept évêques de Cherson (Crimée) // Analecta Bollandiana. 1984. 102.
Hahn W. The numismatic history of Cherson in early byzantine time-a survey // Sprink's Numismatic Circular. September, 1978.
Hahn W. Moneta imperii Byzantini. Teil 3. Wien, 1981.
Harper R.P. Upper Zohar an early Byzantine fort in Palaestina tertia. Final report of excavations in 1985-1986. Oxford, 1995.
Hayes J.W. Late Roman pottery. London, 1972.
Hayes J.W. The Villa Dionysos excavations Knossos: the pottery // BSA. London, 1983. N 78.
Hayes J.W. The pottery. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. Princeton, 1992.
Heather P.J. Goths and Romans. 332-489. Oxford, 1991.
Heinrich A. Ein völkerwanderungszeitliches Gräberfeld bei Mitterhof, GB Ldd an der Thaya, Niederösterreich // AA. Wien, 1990. 74.
Hendy M.F. Light weight solidi, tetrartera, and the book of the prefect // BZ. München, 1972. Band 65.
Hercen A.G. Il tezoro di Dolinnoe // Dal Mille al Mille. Tezore e popoli dal Mar Nero. Milano: Electa. 1995.
Hessen O. Byzantiniche Schnallen aus Sardinien im museo archeologico zu Turin // Studien zur Vor- und Frühgeschtlichen Archäologie. Festschrift für Joachim Werner zum 65. München, 1974. Bd. II.
Hill P.V., Carson R.A.G., Kent J.P.C. Late Roman bronze coinage. London, 1972.
Horedt K. Siebenbürgen in spätrömischer Zeit. Bucurest, 1982.
Huxley G. On the of St. John of Gotthia // Greek-Roman and Byzantine studies. Durham, 1978. V. 19, N 2.
Isaac B. The limits of empire. Oxford, 1992.
Jenkins R. Byzantium: The imperial centuries. A.D. 610-1071. Toronto, Buffalo, London, 1987.
Jisl L. Vyzkum Külteginova památniku v Mongolske Lidove Republice //Archeol. rozhl. Praga, 1960. R.XII. 1.
Johnson B.L. The pottery. Excavations at Jalame. Columbia, 1988.
Jones A.H.M. The Late Roman Empire 284-602. Vol I-II. Oxford, 1973.
Jonson B. Pottery from Karanis // Studies the University of Michigan, Kelsey museum of archaeology. Michigan, 1981. 7.
Kazanski M. Deux riches tombes de l'époque des grandes invasions au Nord de la Gaule (Airan et Pouan) // AM. Caen, 1982. 12.
Kazanski M. La tombe "princière" d'Airan // Les influences dannubiennes dans l'ouest de l'Europe au Ve s. Publicaton du Musée de Normandie. 1990. N 9.
Kazanski M. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière Pontique au bas-empire // TM. Paris, 1991. 11.
Kazanski M. Les Goths (Ier-VIIe s. après J.-C.). Paris, 1991a.
Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la region pontique: origine et diffusion // Beiträge zu römiscer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin/Marburg, 1994.
Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve-VIe siècles // AM. Caen, 1994. Tom XXIV.
Kazanski M. Les tombes des chefs alano-sarmates au IVe siècle dans les steppes pontiques // La noblesse Romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé-sur-Noireau, 1995.

Kazanski M. Les tombes "princières" de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique // L'identité des populations archéologiques. XVIe rencontres Internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Valbonne, 1996.
Kazanski M. Les germains orientaux au nord de la Mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. // МАИЭТ. Симферополь, 1996а. Вып. V.
Kazanski M., Legoux R. Contribution à l'étude des témoignages archéologiqes des Goths en Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations: La chronologie de culture de Černjahov récente // AM. Paris, 1988. 18.
Kazanski M., Périn P. Le mobilier funéraire de la tombe de Childéric Ier. Etat de la question et perspectives // Revue Archéologique de Picardie. Ruan, 1988. 3-4.
Kazanski M., Sodini J.-P. Byzance et l'art "nomade": remarques à propos de l'essai de J. Werner sur le dépôt de Malaja Perscepina (Perescepino) // Revue Archéologique. 1987. 1.
Keay S.J. Late Roman amphorae in the Western Mediterranean. Part I. // BAR. International Series (i). London, 1984.
Kelemen M.H. Roman amphorae in Pannonia IV // Acta Arch. Acad. Sien. Hungaricae. 1993. XLV.
Keller. E. Das spätrömische Grabfund in Südbayern. München, 1971.
Khrapounov I.N. Population des montagnes et piémonts de Crimée à l'époque romaine tardive (d'après le matériel de la nécropole de Droujnoe) // L'identité des populations archéologiques. XVIe rencontres Internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Valbonne, 1996.
King N.Q. The 150 Holy Fathers of the Council of Constantinopole 381 // Studia Patristica. Berlin, 1957. Vol.I.
Kiss A. Das Gräberfeld von Szekszárd-Palánk aus der zweiten Hälfte des 5. Jh. und der ostgotische Fundstoff in Pannonien // Chronologische Fragen der Völkerwanderungszeit. Archäologische Konferenz des Komitates Zala und Niederösterreichs IV. Zalai Múzeum 6. 1996.
Kiss A. Das awarenzeitlich gepidische Gräberfeld von Kölked-Feketekapu A. Innsbruck, 1996.
Klumbach H. Spätrömische Gardehelme. München, 1973.
Kokowski A. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) // L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris, 1993.
Kollautz A., Miyakawa H. Geschichte und Kultur eines völkerwanderugszeitlichen Nomadenvolkęs. Die Jou-Jan der Mongolei und die Awaren in Mitteleuropa. Klagenfurt, 1970. I. Teil. Die Geschichte.
Kovacevic J. Varvarska kolonizacija juznoslovenskih oblasti. Novi Sad, 1960.
Kubitschek W. Grabfunde in Untersiebenbrunn // Jahrbuch für Altertumskunde. Wien, 1911. Bd. 5.
Kühn H. Die germanishen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz. Bonn, 1940.
Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz. Tom I. Graz, 1965.
Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit. Teil II, Band 1. Graz, 1974.
Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit. Tom III. Graz, 1981.
Kuzmanov G. Die Lampen // Uenze S. Die Spätantiken Befestigungen von Sadovec. München, 1992.
Lassus J. Forteresse Byzantine de Thamugadi // Fouilles à Timgad 1938-1956. Paris, 1981. I.
Laszlo G. Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars // Archeologia Hungarica. Budapest, 1955. XXXIV.
Latyscev B. IOSPE. Vol. II. Petersburg, 1890.
Latyscev B. IOSPE. Vol. I. Petersburg, 1916.
Lawrence A.W. A skeletal history of Byzantine fortification // BSA. London, 1983. 78.
Lauffray J. Halabiyya-Zenobia place forte du limes oriental et la Haute-Mèsopotamie au VIe siècle. Paris, 1983.
Levine L.I., Netzer E. Excavations at Caesaria Maritima 1975, 1976, 1979 - final report // Qedem. Jerusalem, 1986. 21.
Liu-Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Bd. I-II. Wiesbaden, 1958.
Lund-Hansen U. Römisher Import im Norden // Nordiske Fortidsminder. Serie B. 1987. Bd. 10.
Luttwak E. La grande strategie de l'Empire Romain. Paris, 1987.
Mackensen M. Die spätantiken Sigillata und Lampentöpfereien von el Mahrine (Nordtunesien). München, 1993.
Maenchen-Helfen O. The world of the Huns // Studies in their history and culture. Berkeley; Los-Angeles; London, 1973.
Maioli M.G. Ravenna e la Romagna in epoca gota // I Goti. Milano, 1994.
Mango C. Historical introduction // Iconoclazm. Birmingham, 1977.
Mansi J.D. Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. 1758-1798. Vol. XII, XIII.
Marschak B. Silberschätze des Orients, Metallkunst des 3-13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. Leipzig, 1986.
Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
Marqvart J. Die altbulgarische Ausdrücke in Inschrift von Čatalar und der altbulgarischen Fürstenliste // ИРАИК. 1911. Т. XV.

Martin G. Terra sigillata Clara de Pollentia // Pollentia. Palma de Mallorka, 1983. 3.
Martin F.R. Fibulor och Söljor fran Kertsch // Konigl. Vitterhets histirie och antiquitets Akademiens Manadsblad. 1894. Stockholm, 1897.
Martin M. Zur Frühmittelalterlichen Gürteltracht der Frau in der Burgundia, Francia und Aquitania. Del'Art des invasions en Hongrie et en Wallonie // Actes du colloque tenu au Musee royal de Mariemont du 9 au 11 avril 1979. 1991.
Martin W., Steckner C. Das Gymnasium von Samos // Samos. Bonn, 1993. Band XVII.
Matthews J. The Roman Empire of Ammianus. London, 1989.
Megaw A.H.S. Supplementary excavations on a castle site at Paphos, Cyprus, 1970-1971 // DOP. Washington, 1972. N 26.
Minorsky V. Balgitzi-"Lord of the Fishes" // Wiener Zeitscrift für die Kunde des Morgenlandes. Vienna, 1960. 56.
Minorsky V. A new book on the Khazar. The Turks, Iran and the Caucasus in the Middle ages. London, 1978.
Molinero A.P. La nekrópolis visigoda de Duratón (Segovia) // Acta Arqeológica Hispanica. Madrid, 1948. IV.
Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. II. Berlin, 1958.
Moravcsik Gy. Byzantium and the Magyars. Budapest, 1970.
Morrison C. Du Solidus à l'Hyperpère: dévaluations et déclin de la monnaie d'or byzatine // Cercle d'études numismatiques. Bulletin. 1977. Vol. 14.
Mosin V. Les Khazares et les Byzantins // Byzantion. Bruxeles, 1931. Tom. VI.
Nadel B. Literary tradition and epigraphical evidens: Constantine Parphirogenetus' information on the Bosporan Kingom in the time of emperor Diocletian reconsidered // Centre de Recherches d'Histoire Ancenne. Paris, 1977. Vol. 25.
Nardini B. Introduction // Ferrura A. The unknown catacomb. New Larnak, 1991.
Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol 1. Washington, 1991.
Nock A.D. Essyas on religion and Ancient World. Vol. II. Cambridge, Massachusetts, 1972.
Nöldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leyden, 1879.
Obolensky D. The principles and methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XIIè congrès International d'Etudes byzantines. Belgrade, 1964. I.
Obolensky D. The Crimea and the North before 1204. // Archeion Pontu. 1979. 35.
Oikonomidès N. Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972.
Opait A. Einige Betrachtungen zur spätrömischen Keramik mit rotem Überzug // Dacia. Bucarest, 1985. N.S. XXIX,1-2.
Orssaud D. Le passage de la céramique byzantine à la céramique islamique // La Syrie de Byzance à l'islam. VIIe-VIIIe siècles. Damas, 1992.
Pallas D. Données nouvelles sur quelques boucles et fibules considérées comme avares et slaves sur Corinthe entre le VIe et le IXe s. // Byzantino Bulgarica. Sofia, 1981. VII.
Patek E. Verbreitung und Herkunt der römischen Fibeltypen von Pannonien. Budapest, 1942.
Peacock D.P.S. The amphorae and chronology // Excavations at Carthage. Sheffield, 1984. Vol. I, p. 2.
Peacock D.P.S., Williams D.F. Amphorae and the Roman economy. London; New York, 1986.
Petru S., Petru P. Noviodunum (Drnovo pri Krskem). Ljubljana, 1972.
Pilet C. Un centre de pouvoir: le domaine d'Airan, Calvados (IVe-IXe siècles) // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris, 1995.
Preda C. Callatis. Bucuresti, 1980.
Pritsak O. Review. Studies on the Khazar Problem, published by the Polish Academy // Der Islam. Cracow, 1949. Band 29.
Pröttel P.M. Zur Chronologie der Zwiebelknopffibeln. Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Jahrgang 35, 1988, 1. Mainz, 1991.
Rau H.G. Zur Proveniensfrage spätantiker Gläser // Archäologisches Korrespondenzblatt. Jahrgang 4. Mainz am Rhein, 1974. 4.
Reinach S. Antiquités du Bosphore Cimmérien. Paris, 1892.
Riley J.A. The coarse pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish Bengazi (Berenice). Tripoli, 1979. Vol. II.
Riley J.A. New light on relations between the Eastern Mediterranean and Carthage in the vandal and byzantine periods: the evidence from the University of Michigan excavations // Actes colloque sur la céramique antique Carthage 1980. Carthage, 1982.
Ripoll López G. Materiales funerarios de la Hispania visigoda: problemas de cronologia y tipologia // Gallo-Romains, wisigoths et francs en Aqvitaine, septimanie et Espagne. Rouen, 1991.
Robinson H.S. Pottery of the Roman period // The Athenian Agora. Princeton, 1959. Vol. V.
Ross M.C. A small Byzantine treasure found at Antioch-on the- Orontes // Archaeology. 1952. n.1.
Ross M.C. Catalogue of the Byzantine and early medieval Antiquites in the Dumbarton Oaks Collection. II. Washington, 1965.

Rostovtzeff M.I. Iraniens and greek in Sauth Russia. Oxford, 1922.
Rostovtzeff M. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch au Louvre et au musée de Saint-Germain // Monuments et Mémoires Fondation Eugène Piot. Paris, 1923. 26.
Rostowtzew M. Skythien und der Bosporus. Berlin, 1931.
Rostovzeff M.I. The Sarmatae and Parthians. Cambridge, 1936.
Rozenthal-Heginbottom R. The pottery. Excavations at Rehvot-in-the Negev. I.//Qedem. Jerusalem, 1988. 25.
Rousseau A. Esquisse d'une histoire du gotique de Crimée. Le rôle de Busbecq // Sur les traces de Busbecq et du Gotique. Lille, 1991.
Rusu M. Pontische Gürtelschnallien mit Adlerkopf // Dacia. Bucuresti, 1959. III.
Salamon A., Barkóczi L. Bestattungen von Csakvar aus dem ende 4 und dem Anfang des 5 Jahrhunderts // Alba Regia. XI-1970. Szekesfehervar, 1971.
Saldern A. Ancient Byzantine glass from Sardis // Archaeological exploration of Sardis. London, 1980. 6.
Salin B. Die altgermanische Tierornamentik. Stocholm, 1904.
Śandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // Studies in Byzantine Sigilography. Washington, 1993. 3.
Sarnovski T. Wojsko rzymskie w mezji dolnej i na pólnocnym wybrazezu morza Czarnego // Novaensia. Lodz, 1988. 3.
Śarov O.V. Ein reiches Pferdegeschirr aus Kerč // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin-Marburg, 1994.
Schürer E. Die Juden im bosporanischen Reiche und die Genossenschaften der σεβόμενοι θεὸν ὕφιστον ebendaselbst // Sitzungsberichte der Preuss. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1897. T. XII-XIII, 4.
Schwarcz A. Die gotischen Seezüge des 3. Jahrhunderts. Die Schwarzmeerküste in der Spätantantike und im frühen Mittelalter. Wien, 1992.
Scorpan C. Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins dans l'espace Istro-Pontique // Dacia. Bucarest, 1977. Tom XXI.
Ścukin M.B. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances) // L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris, 1993.
Seibt W., Zarnitz M.L. Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Wien, 1997.
Ševcenko I. The date and author of the so-colled fragments of toparcha Gothicus // DOP. Washington, 1971. 25.
Ševcenko I. Hagiography of the Iconoclast period // Iconoclazm. Birmingham, 1977.
Sodini J.-P. La contribution de l'archéologie à la connaissance du monde byzantin (IVe-VIIe siècles) // DOP. Washington, 1993. N 47.
Sodini J.-P., Villeneuve E. La passage de la céramique byzantine à la céramique omeyyade // La Syrie de Byzance à l'islam VIIe-VIIIe siècles. Damas, 1992.
Sophocles E.A. Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods. Vol. II. New-York, 1887.
Soupault V. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épees à encoches (IVe-VIIe s.) // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып.V.
Sternini M. Il vetro in Italia tra V e IX secoli // La verre de l'antiquité tardive et du haut moyen age. Guiry-en-Vexin, 1995.
Stevenson R. The Great Palace of the Byzantine Emprerors. Oxford, 1947.
Stratos A.N. Byzantium in the seventh century. II. 634-641. Amsterdam, 1972.
Tejral J. Mähren im 5. Jahrhundert. Praha, 1973.
Tejral J. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas // Die Völkerwanderungszeit im Karpatenbecken. Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums. Nürnberg, 1987.
Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // AA. Wien, 1988. 72.
Tejral J. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mtteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow, 1992.
Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum. Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno, 1997.
Teodor D.G. Fibule "Digitate" din secolele VI-VII în spatiul Carpato-Dunăreano-Pontic // Arheologia Moldovei. Iasi, 1992. XV.
Thompson E.A. A history of Attila and the Huns. Oxford, 1948.
Toll N. The necropolis. The Exavation of Dura-Europos: Preliminary report of the ninth season of work 1935-1936. Part 2. New Haven, 1946.
Tomaschek W Die Goten in Taurien. Wien, 1881.

Tomka P. Der hunnische Fürstenfund von Pannonhalma //Acta Archaologica Hungaricae. Budapest, 1986. 38.
Toth E.H. Prelimenary account of the Avar princely find an Kunbabony // Cumania. I. Archeologia. Kecskemet, 1972.
Treadgold W. The Byzantine Revival 780-842. Standford, 1988.
Uenze S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec. München, 1992.
Vàgò E.B., Bóna I. Die Gräberfelder von Intercisa I. Der spätrömische Südostfriedhof. Budapest, 1976.
Vasiliev A.A. The Goth in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936.
Vinski Z. Zikadenschmuk aus Jugoslavien // Jahrbuch des Romisch-Germanichen Zentralmuseum. Mainz, 1957. 4.
Vinski Z. Adlerschnallenfunde in Jugoslavien. Lieber Josepho Kostrzevski ostgenario ets. Warszawa, 1968.
Vinski Z. Orovasenim fibulama Ostrogota i Tirinzana povodom rijetkog tiriskog nalaza u Saloni // Vjesnik arheoloskog muzeja u Zagrebu. Zagreb, 1972-73. VI-VII.
Vinski Z. Archäologiche Spuren ostgotischer Anwesenheit im heutigen Bereich Jugoslawiens // Problemi seobe naroda u Karpatskoj kotlini. Novi Sad, 1978.
Waage F. The Roman and Byzantine pottery // Hesperia. 1933. II.
Walbaum J.C. Metalwork from Sardis: the finds through 1974 // Archaeological exploration of Sardis. London, 1983. 8.
Werner J. Slawische Bügelfibeln des VII. Jahrhunderts. Reinecke Festschrift. Mainz, 1950.
Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.
Werner J. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts aus der Slowakai und der Karpatenukraine // SLA. Bratislava, 1959. VII.
Werner J. Die frühgeschichtlichen Grabfunde vom Spielberg und von Fürst // Bayerische Vorgeschichtsb Lätter. München, 1960. Heft. 25.
Werner J. Katalog der Sammlung Diergardt. Die Fibeln. Berlin, 1961.
Werner J. Der Grabfund von Malaia Perščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. München, 1984.
Werner J. Der Shcatzfund von Vrap in Albanien. Wien, 1989.
Werner J. Neues zu Kuvrat und Malaia Pereščepina // Germania. 1992. 70. H.2.
Williams C. Anemurium. The Roman and Early Byzantine pottery. Wetteren,1989.
Wolfram H. Histoire des Goths. Paris, 1990.
Zahariade M. Legio II Herculia // Revue des études Sud-Est Europeennes. 1983. 21.
Zahariade M. Moesia Secunda, Scythia si Notitia Dignitatum. Bucuresti, 1988.
Zaseckaja I.P. To the dating of the dagger from Borovoe-Lake find in Kazakhstan // L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris, 1993.
Zieling N. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien I. Oxford, 1989.
Zuckerman C. The early byzantine strongholds in Eastern Pontus // TM. Paris, 1991. 11.
Zuckerman C. On the date of the Khazars' conversion to judaizm and the chronology of the Rus Oleg and Igor // Revue des études Byzantines. Paris, 1995. Tom 53.
Zuckerman C. Short notes. Two notes on the early history of the thema of Cherson // Byzantine and modern Greek studies. 1997. 21.
Zuckerman C. Les Hongrois au pays de Lébédia. Une nouelle puissance aux confins de Byzance et de la Khazarie ca 836-889 // Byzantium at War (9th-12th C.)/ Athens, 1997.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ - Античная древность и средние века
АП - Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВВ - Византийский временник
ВДИ - Вестник древней истории
ГИМ - Государственный Исторический Музей
ЖМНП - Журнал Министерства народного просвещения
ЗИАН - Записки Императорской Академии Наук
ЗООИД - Записки Одесского общества истории и древностей
ИАДК - История и археология древнего Крыма
ИАИ - Известия на Археологически институт, София
ИАК - Известия Императорской археологической комиссии
ИА РАН - Институт археологии Российской Академии Наук
ИГАИМК - Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИМК РАН - Институт истории материальной культуры Российской Академии Наук
ИРАИК - Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРАИМК - Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИРОМК - Известия Ростовского областного музея краеведения
ИТУАК - Известия Таврической ученой архивной комиссии
КБН - Корпус Боспорских надписей. Москва-Ленинград, 1965.
КСИА - Краткие сообщения Института археологии Академии Наук СССР
КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГУ - Ленинградский государственный университет
МАИЭТ - Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАК - Материалы по археологии Кавказа
МАР - Материалы по археологии России
МАПП - Матеріали з археології Північного Причорномор'я
МАСП - Материалы по археологии Северного Причерноморья
МГУ - Московский государственный университет
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
НС - Нумизматика и сфрагистика
НЭ - Нумизматика и эпиграфика
ПАВ - Петербургский археологический вестник
ПС - Палестинский сборник
РАИК - Русский археологический институт в Константинополе
СА - Советская археология
САИ - Свод археологических источников
СГЭ - Сообщения Государственного Эрмитажа
СХМ - Сообщения Херсонесского музея
СЭ - Советская этнография
ХСб - Херсонесский сборник
AA - Archaeologia Austrika
AE - Arhaeologiai Ertesitö
AH - Archeologica Hungaricae
AM - Archéologie Médiévale
BCH - Bulletin de correspondance hellénique
BHG - Bibliotheca Hagiographica Graeca
BSA - The Annual of the Britisch School at Athens
BZ - Byzantinische Zeitschrift
DOP - Dumbarton Oaks Papers
HA - Histoire Auguste. Les empereurs romains des IIe et IIIe siècles. Ed. et tr. par A.Chastagnol. Paris, 1994.
FA - Folia archaeölogica
IOSPE - Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Ed. B.Latyshev.
MSNAF - Memoires de la Societe nationale des Antiquaires de France
PG - J.P.Migne. Patrologiae Graecae.
SLA - Slovenska Archeologia
TM - Travaux et Mémoires

Научное издание

Айбабин Александр Ильич

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО КРЫМА

Редактор В.А Сидоренко
Художник Д.А.Прохоров
Корректор С.И.Власова
Компьютерная верстка В.А.Сидоренко, С.И.Власова

Подготовка издания осуществлена при финансовой поддержке Государственного комитета по охране и использованию памятников истории и культуры Республики Крым

Подписано в печать с готового оригинал-макета
15.04.99. Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 22.0. Усл. печ. л. 28,38. Тираж 1000.
Заказ № 274.

Издательство «Дар»
333619, г. Симферополь,
ул. Менделеева, 5.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства«Таврида»
333700, г. Симферополь, ул. Ген. Васильева, 44.